STUDIA HISTORICA

С. О. ШМИДТ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОЗНАНИЯ РОССИИ

ТОМ 1
КНИГА 1

С. О. ШМИДТ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОЗНАНИЯ РОССИИ

ТОМ 1

Допетровская Русь

КНИГА 1

STUDIA HISTORICA

Сигурд Оттович Шмидт родился в 1922 г. в Москве. Окончил исторический факультет МГУ, ученик М. Н. Тихомирова. С 1949 г. преподает в Историко-архивном институте, ставшем основой образования РГГУ (с 2006 г. заслуженный профессор). С 1956 г. сотрудник Академии наук, с 1968 г. возглавляет Археографическую комиссию, ныне советник РАН. Член РАО (с 1992 г.), иностранный член Польской академии наук. Председатель Союза краеведов России. Главный редактор Московской энциклопедии. Автор многих статей и книг: «Становление российского самодержавства» (1973), во втором дополненном издании «У истоков российского абсолютизма»; «Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного» (1983), «Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв.» (1985), «Краеведение и документальные памятники» (1992). Некоторые труды объединены в книги: «Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии» (1997), «Археография. Архивоведение. Памятниковедение» (1997), «Россия Ивана Грозного» (1999), «Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII — первая треть XIX в.» (2002), «История Москвы и проблемы москвоведения» (2004).

STUDIA HISTORICA

С. О. Шмидт

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

ТОМ 1

Допетровская Русь

КНИГА 1

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2007

ББК 63.3(2)4-3в6
Ш 73

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Шмидт С. О.

Ш 73 Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 1: Допетровская Русь. Кн. 1. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 480 с. — (Studia historica).

ISSN 1727-9968
ISBN 5-94457-124-1

В книге избранных трудов видного историка и культуролога С. О. Шмидта объединены работы, написанные в течение более чем пятидесяти лет. Это труды по истории и культуре России XII—XVII веков, о взаимодействии исследований собственно исторических и в жанре других гуманитарных наук, о приемах извлечения информации о культуре России из памятников письменности, о развитии знаний о памятниках письменной культуры и их источниковедческом потенциале. Издание объединяет в первой части книгу 1983 г. «Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного» и статьи о памятниках письменности XII—XVI столетий («Слове о полку Игореве», летописях, сочинениях публицистов XVI в. (Иване Грозном, Курбском и др.), посольских книгах, приказном делопроизводстве). Во второй части — материалы о памятниках письменности XVI—XVII вв. (документальные публикации и исследования), статьи об истории изучения таких памятников и о виднейших отечественных ученых-гуманитариях. В приложении дается подборка отзывов на современные исследования.

ББК 63.3(2)

ISBN 594457124-1

9 785944 571243

© С. О. Шмидт, 2007
© Языки славянских культур, 2007

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

От автора 7

Российское государство в середине XVI столетия:
Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного

«Хранила царские» 13
Царский архив и его изучение 13
Основной источник информации о Царском архиве 21
Сохранившаяся опись архива 21
Обычаи хранения и учета документов в архиве 28
«Книги переписи» и «росписи» Царского архива 36
Состав архива. Использование его документов 54
Царский архив и другие хранилища документов 75
Фондообразователи Царского архива 92
Постановка вопроса. Историография 92
Казна 95
Царский архив и Боярская дума 102
Царский архив и Постельная казна 139
Печатники — хранители Царского архива. Место его хранения 166
Царский архив в системе архивов
Российского государства XVI — начала XVII в. 187
Царские летописи 202
Вводные замечания 202
К истории редактирования лицевых летописей времени Ивана Грозного 206
К «прочтению» Лицевого свода 233
Лицевые летописи о казни дьяка Мишурина в 1538 г. 240
Царственная книга об опале бояр летом 1546 г. 258
Послесловие 275

О памятниках письменной культуры XII—XVI столетий

«Слово о полку Игореве» и развитие понятия о памятнике культуры 279
Предисловие к публикации «Продолжение Хронографа редакции 1512 г.» 290
Предисловие к публикации «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки» 294
Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский) 298
О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III 310
Об адресатах Первого послания Ивана Грозного князю Курбскому 328
О Послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (постановка вопроса) 347
Заметки о языке посланий Ивана Грозного 352
К истории переписки Курбского и Ивана Грозного 364
К изучению «Истории» князя Курбского (о поучении попа Сильвестра) 368
О «жестокой летописи кн. Курбского» 377
У истоков исторической литературы российской эмиграции 386
К изучению Лицевого летописного свода второй половины XVI века 389
Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги 401
Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. 419
Памятные даты начала Московского царства 441
О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI века 451
О «Выписке из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским в 1487—1572 гг. 472

От автора

Это — не первые книги избранных трудов автора. В предыдущих книгах, подготовленных в связи с 75-летием (Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии, 1997; Археография. Архивоведение. Памятниковедение, 1997; Россия Ивана Грозного, 1999; Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII — первая треть XIX века, 2002), и в книге 2004 года «История Москвы и проблемы москвоведения» проблематика напечатанного и возможные границы поля научного обозрения очевидны уже из заголовков изданий. В этом двухтомном издании избранных трудов (часть которых была напечатана и в указанных книгах) явственно заметна хронологическая грань (том первый «Допетровская Русь», том второй — «От Карамзина до "арбатства" Окуджавы»), но заглавие двухтомника «Памятники письменности в культуре познания России» может, на первый взгляд, показаться недостаточно определенным.

Однако именно такой заголовок отражает общее в направленности отобранных в книгу работ. Это труды не только или — если точнее выразиться — не столько по тематике отечественной истории и отечественной культуры, сколько о путях постижения знаний об этом — о методологии и методике исследований, об особенностях источниковедческого и историографического мышления историка. Именно историка, ибо автор и к произведениям художественной литературы и искусства, к изучению жизни и творчества писателей, к делопроизводственному языку и устной речи подходит — даже когда использует приемы научной работы литературоведов, языковедов, искусствоведов, психологов — как историк-профессионал, для которого все это источники собственно исторической информации, и видит свою задачу также в том, чтобы внушить и читателю мысль о допустимости и научной результативности подобного восприятия для формирования исторических представлений.

Постепенно растет убеждение, что культура исторического знания междисциплинарна в своей основе, и это особенно обнаруживается в работе источниковеда, призванного определять полноту, достоверность и степень объективности выявляющейся исторической информации. Серьезный историк всегда в той или иной

мере и источниковед. Именно приемы вспомогательных исторических дисциплин, относимые в совокупности к арсеналу источниковедения, на самом деле обеспечивают проверку основательности и прочности конкретно-исторических построений — потому-то М. Н. Тихомиров (еще в 1930-е гг.) и другие виднейшие ученые России, рассуждающие о «ремесле историка», и полагают более точным определение специальные дисциплины (так как слово «вспомогательный» в русском языке воспринимается обычно как «подсобный, дополнительный» к главному). Источниковедчески-архивный аспект кажется все более привлекательным и для широкого круга интересующихся историей — они желают узнать не только о том, что познано, но и как это познано.

В книгах объединены работы разных лет, разных жанровых особенностей, рассчитанные на разных адресатов. Это и труды исследовательского характера, и научно-популярные, отзывы об изданиях и рукописях, диссертациях и авторефератах диссертаций, газетные материалы. Первый том начинается монографией о Царском архиве и Лицевом летописном своде XVI в., включает и сопровождаемые статьями документальные публикации и отражает в основном более ранние десятилетия научной биографии автора, когда преимущественное внимание уделялось изучению эпохи Ивана Грозного. Второй том начинается набором постановочного типа статей теоретико-методического стиля и в большей мере состоит из написанного в последние десятилетия.

Понятно, что в книги внесено далеко не все, относящееся к данной проблематике, из названного в перечнях печатных работ автора[1]. В то же время публикуется остававшееся в рукописях — прежде всего отзывы о трудах ученых. Из многих отзывов отобраны лишь те, которые могут казаться небесполезными для дальнейших изысканий по этой тематике или показательны для историографии именно того времени: воспроизводятся они, как правило, не полностью — без замечаний частного характера и, конечно, без традиционных для официальных отзывов оценочных рекомендаций.

К некоторым сюжетам и суждениям автор возвращался по прошествии лет, писал на сходную тему в разных работах, и потому выявляются повторы, даже текстуальные совпадения. Однако это не оговаривается, не делается и сокращений. В обеих книгах в перепечатываемый текст не внесено никаких изменений, кроме необходимых для унификации научного аппарата в соответствии с новейшими рекомендациями. (Немногие уточнения, исправления, дополнения приводятся под строкой в квадратных скобках.) Не добавлены и указания на новейшие издания. Сохранены ссылки на сочинения тех, кого называли «классиками марксизма-ленинизма» (или даже просто «классиками»).

Текст выглядит таким, каким появился впервые перед читателем. Ибо все публикуемое в этих книгах можно и должно рассматривать и как историографический источник, отражающий общественное сознание, даже общественно-политическую ситуацию определенных лет и уровень научных знаний (и фактологиче-

ского материала, и методических навыков, и освоения историографического наследия) именно того времени — потому-то прилагается и хронологический перечень публикуемых работ. Естественно полагать, что ныне о многом написал бы по-иному, опираясь уже на современную источниковую базу, современные историографические данные и мировоззренческие позиции. И подчас приходится сожалеть, что нет возможности вернуться к интенсивным занятиям прежней тематики, выявить, что открылось нового, в чем заметна неправота. Утешаю себя, однако, тем, что могу не стыдиться ранее написанного и там нет клейма сиюминутных не научных, а удобных для цензуры или для карьеры установок.

Для современной мировой исторической науки характерно повышение интереса к истории повседневности, к локальной истории, к микроистории. Это находит отражение и в проблематике историографических исследований, в изменении представлений о предмете, объектах и задачах историографии — науки, изучающей накопление и развитие исторических знаний. Перестают преимущественное внимание уделять «концепциям» (и рассмотрению их в контексте с идеологией и явлениями государственно-политической истории) и только вершинным моментам в развитии научной мысли — особо выдающимся произведениям и авторам. (Соображения об этом обосновываются в статье 2005 года «Размышления об "историографии историографии"», помещенной в № 8 (126) «Исторических записок»). В издаваемых книгах отражена как раз повседневность мира отечественной исторической науки советского и постсоветского периодов.

Издание избранных сочинений всегда свидетельство отбора. А подготовка самим автором такого издания имеет черты сходства с составлением мемуаров, пространной автобиографии. Тем более, что в биографии писателя и ученого самым значительным для потомков является, как правило, его творческое наследие. Автор отбирает материал для издания, руководствуясь определенным критерием (или совокупностью критериев), даже если имеется объективно заданная предопределенность (жесткое соответствие принятой форме изданий и др.). При всех обстоятельствах это то, на чем автор хотел бы удержать внимание читателя, и обычно не только прижизненного. У историков при специфике их науки — и самого содержания ее, и задачи сохранять память — это выражается особенно явственно.

У писателя и ученого может быть, однако, разная направленность мысли при отборе сочинений для включения в книгу своих избранных трудов. В произведениях художественной литературы подразумевается одно и именно такое отображение и объяснение явлений, и это — конечный результат творческих усилий писателя. В книге же избранных трудов ученого могут быть и такие, где автор ограничивается постановкой вопроса, предупреждает о неполноте источниковой базы, использованной для его построений, о необходимости дальнейших изысканий в сфере той же именно проблематики, даже проверки основательности его суждений.

Конечно, сейчас все более узнаем о творческой лаборатории писателей, о мучительных поисках и убедительности в отображении явлений и желанной словесной

выразительности даже у самых великих мастеров художественной литературы перед тем, как они решаются представить свое сочинение на суд читателя. Известно, что писатели — художники слова совершенствуют первоначально напечатанный текст и процесс словотворчества, стилистических исканий продолжается, но в изображения ситуаций, действующих лиц, в их характеристики изменения обычно не вносятся. Ученые же, исходя из опыта своей дальнейшей работы (обнаружения новых данных, овладения новой методикой, освоения новых теоретико-методологических положений), зачастую позволяют себе вносить уточнения, дополнения, а иногда и изменения в объяснение и оценку явлений, т. е. в свои же первоначальные суждения, наблюдения и выводы. И признается общепринятым при переиздании научного труда указание на то, что это издание с изменениями, дополнениями, а то и исправлениями.

И потому о трудах ученых можно говорить, что они устарели, не соответствуют уровню сегодняшних знаний, следовательно, практически менее полезны, чем прежде. О произведениях же художественной литературы допустимо толковать, что они не отвечают современным вкусам, эстетическим нормам, духу времени, не такие значительные, какими казались прежде их первым читателям, что их ни к чему теперь читать, но никто не говорит об исправлении, дополнении, переделке их.

Историк, если он добросовестный и рассчитывает на уважение коллег, не имеет права обойти вниманием труды предшественников по той же тематике. Степень знакомства с ними, оценочная характеристика, стиль использования данных из этих трудов — показатель и степени эрудиции, и тщательности исследовательских приемов, и уровня добросовестности автора. Постановочного характера и незавершенные труды являются призывом к соучастию других в исследованиях той же или близкой проблематики. И хочется думать, что собранное в издаваемых книгах будет способствовать дальнейшему и более совершенному изучению близкой автору тематики.

Примечания

[1] Сигурд Оттович Шмидт: Биобиблиогр. указ. / Сост. А. В. Мельников. М., 2000; Список печатных трудов С. О. Шмидта за 1997—2002 гг. // Археографический ежегодник за 2002 год. М., 2004. С. 312—326.

Российское государство в середине XVI столетия

Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного

«ХРАНИЛА ЦАРСКИЕ»

Царский архив и его изучение

Царским архивом в исторической литературе называют главный государственно-политический архив России XVI в. Слово «архив» вошло в русский языковый обиход в начале XVIII в. Ранее хранилища документальных памятников — рукописных книг и актов — были известны под другими наименованиями. О главном из них — «хранилах царских»[1] известно по документам начала XVII в. Это словосочетание выбрано заголовком для серии очерков о Царском архиве XVI столетия и его описаниях.

Царский архив сформировался на основе архива московских великих князей. Там концентрировались постепенно и важнейшие документы архивов других великих княжеств и «земель», а также архивы удельных князей[1*]. В дальнейшем архив пополнялся документами династического характера, многообразными документальными материалами текущего правительственного делопроизводства.

Во второй половине XVI в. было составлено несколько описей Царского архива. Из них до нашего времени дошла опись 1570-х годов (далее: Опись). Условно описью Царского архива можно признать и недавно обнаруженную перечневую опись архивных ящиков конца 1590-х годов.

Опись Царского архива содержит уникальную информацию о событиях и документах государственно-политической истории времени становления Российского централизованного государства и отражает самый процесс складывания системы управления централизованным государством и выработки норм его делопроизводства.

Середина XVI столетия — важный этап в истории образования Российского централизованного государства. К этому периоду относятся уточнение функций и состава Боярской думы, оформление многих приказов и порядка приказного делопроизводства, становление земских соборов и системы местного управления. С об-

---

[1*] История московского великокняжеского архива детально изучена А. В. Черепниным. В его монографии «Русские феодальные архивы XIV—XV веков» применены источниковедческие приемы, особенно полезные при изучении такой разновидности исторических источников, как архивные описи.

разованием учреждений складывались постепенно и их архивы. Целиком эти архивы, однако, не сохранились; исследователям известны лишь немногие, иногда случайные, документы правительственной деятельности XVI в.[2*]

В Описи имеются упоминания о многих документах внутренней и внешней политики Российского государства, значительная часть которых пока не обнаружена и, видимо, погибла. Опись донесла до нас сведения об использовании архивных документов в государственно-политических целях. Все это позволяет рассматривать Опись как ценный фрагмент истории времени Ивана Грозного и привлекать ее данные при изучении общественно-политической истории Российского государства, истории государственных учреждений и делопроизводства, а также истории летописания, книжности, географических знаний, истории языка и т. д.

Опись не только помогает получить представление о составе Царского архива и «его значении как одного из важных государственных учреждений в системе московского высшего управления» (об этом писал еще А. Н. Ясинский — автор первого исследования об Описи[3]). Опись является вообще единственным в своем роде источником об «архивном праве»[4] и по истории организации архивного дела в правительственных учреждениях России XVI в., содержащим сведения о времени образования и о комплектовании архивов, системе хранения, учета и описания документов, о движении архивного материала и взаимоотношениях архивов, об использовании архивной документации.

Знакомясь с Описью, узнаем и об уровне развития практического источниковедения[5], практической археографии и практического архивоведения[6] в России XVI в. А это важно для изучения истоков современных специальных исторических дисциплин. Ибо превращению их в отрасли собственно научных знаний предшествовал длительный период, так сказать, донаучного развития, когда приемы, выработанные первоначально главным образом эмпирическим путем и апробированные долголетней практикой, постепенно превратились в методику описания и исследования исторических источников[7].

Опись была опубликована в 1836 г. в первом томе «Актов Археографической экспедиции» (далее: ААЭ) под № 289. В подлинной рукописи нет заголовка. Название «Опись Царского архива» дано, по-видимому, Я. И. Бередниковым, редактировавшим этот том актов.

Данные Описи по изданию 1836 г. использовались в трудах как дореволюционных[3*], так и советских ученых — по общественно-политической истории, исто-

---

[2*] Уцелели лишь остатки массивов правительственной документации XVI в. Архивы правительственных учреждений сильно пострадали во время московских пожаров 1547, 1571 гг. («в приход крымского хана»), в годы интервенции начала XVII в. Особенно пагубным оказался пожар 1626 г., когда «во многих приказех многие государевы дела и многая государева казна погорела»[2].

[3*] В числе первых, кто высказал некоторые соображения о Царском архиве, — публикаторы «Памятников дипломатических сношений древней России с державами иностранными»

рии государственных учреждений, источниковедению и документоведению истории средневековой России. Изучению Описи посвящена небольшая, но очень содержательная работа А. Н. Ясинского «Московский государственный архив в XVI веке», напечатанная в 1889 г.[4*] Опись привлекала внимание всех ученых, занимавшихся в той или иной мере историей архивного дела Московской Руси (В. С. Иконникова, Н. П. Лихачева, С. А. Белокурова, М. Н. Бережкова, И. Ф. Колесникова, И. Л. Маяковского, И. А. Голубцова[5*], М. К. Любавского[6*], А. В. Чернова, Л. В. Черепнина, Д. С. Лихачева и других). Однако рукопись Описи до послевоенных лет не была как будто предметом специального исследования[7*] (во всяком случае, результаты такого исследования не нашли отражения в опубликованных трудах)[8*], и выводы о составе Царского архива и приемах его описания, ведомственном назначении архива и его подчинении основывались, как правило, на ознакомлении с изданием Описи в ААЭ, сделанным не вполне исправно.

Издание Описи в ААЭ не могло уже удовлетворить современного исследователя — там не указаны листы рукописи, не отмечено, в каких случаях оставлено место для более подробного описания, опущены некоторые пометы, мелкие исправления и дополнения в тексте, особые знаки на полях и между строк.

(видимо, М. А. Оболенский или А. Н. Попов), рассматривавшие Опись в ряду описей архива Посольского приказа XVI—XVII вв., и изучавший историю местничества А. И. Маркевич[8].

[4*] К сведениям Описи А. Н. Ясинский обращался и в книге «Сочинения князя Курбского как исторический материал», изданной в Киеве тоже в 1889 г. Труды молодого тогда исследователя были созданы, вероятно, не без воздействия профессора Киевского университета В. С. Иконникова, готовившего в ту пору к печати свой «Опыт русской историографии». В первой части этого капитального труда, изданной в 1891 г., особое место отведено Описи[9].

[5*] И. А. Голубцов подготовил доклад «Опись архива Посольского приказа 1626 года. (К ее 300-летию)». Доклад, прочитанный 15 февраля 1927 г. на заседании Общества истории и древностей российских при Московском университете, остался неопубликованным[10]. Ознакомиться с подготовительными материалами к докладу, содержащими интересные наблюдения и о рукописи Описи и ее издании, и по истории Царского архива, представилась возможность лишь тогда, когда фонд И. А. Голубцова поступил в ОПИ ГИМ.

[6*] Курс лекций М. К. Любавского «История архивного дела в России» для слушателей архивных курсов при Центрархиве и студентов архивного цикла этнологического факультета I МГУ (в 1928/29 учебном году) не опубликован. Рукопись курса и подготовительные материалы хранятся в ОР РГБ, ротапринтный экземпляр лекционного курса — в МГИАИ[11].

[7*] Н. П. Лихачев знакомился с ней, по-видимому, бегло — неточно указана нумерация листов сборника, занятых Описью; выявлен почерк только двух писцов[12].

[8*] В 1910-х годах готовили (очевидно, при участии С. А. Белокурова) новую публикацию Описи, видимо, по типу изданного В. К. Клейном в 1913 г. фотомеханическим способом «Угличского следственного дела о смерти царевича Димитрия 15 мая 1591 г.». В Синодальной типографии, где печатали «Чтения» Общества истории и древностей российских, отпечатали восемь страниц фототипий разных листов Описи[13]. Об этом сообщил И. А. Голубцов, выступая в связи с обсуждением моего доклада «Царский архив XVI в.» на заседании сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР 10 апреля 1959 г. Некоторые из этих листов были показаны присутствующим (ныне они в фонде И. А. Голубцова в ОПИ ГИМ — ф. 504).

Опись была заново подготовлена к печати мною и напечатана в 1960 г. в издании «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года» в соответствии с современными требованиями археографии. (Ответственным редактором книги был М. Н. Тихомиров[14].) Издание предварено введением, содержащим описание рукописи, и снабжено указателями: предметно-терминологическим, личных имен и географических названий (составленными С. А. Левиной). В научной литературе с тех пор ссылки давали преимущественно на это издание.

Опыт изучения рукописной Описи и привлечения с этой целью свидетельств из других источников нашел отражение в моих статьях, опубликованных до издания Описи, в конце 1950-х годов: «К истории составления описей Царского архива XVI века»[15]; «Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений (Опыт изучения описи Царского архива»)[16]; «К истории Царского архива середины XVI в.»[17]. В этих статьях была предпринята попытка выяснить систему хранения, учета и описания документов в Царском архиве второй половины XVI в., определить, каким образом и когда составлялись дошедшая до нас Опись и другие описи Царского архива, документация делопроизводства какого правительственного учреждения (или каких учреждений) откладывалась в Царском архиве в середине XVI в., каковы были взаимоотношения Царского архива и архивов других учреждений, что собой представляли тогда архивы этих учреждений.

В 1975 г. напечатал основанную на изучении описи Царского архива статью «Государственный архив и учреждение опричнины» А. А. Зимин[18]. Преимущественное внимание в статье обращено на хранившиеся там документы, связанные с А. М. Курбским, и местнические дела 1540 — начала 1560-х годов, ставшие в канун опричнины «предметом самого пристального изучения» Иваном IV.

В том же 1975 г. была опубликована обнаруженная И. А. Балакаевой и подготовленная ею к печати перечневая опись ящиков государственного архива конца 1590-х годов. Публикацию эту предваряла моя небольшая статья, где перечневая опись рассматривалась в сопоставлении с описью Царского архива и описью архива Посольского приказа 1614 г.[19]

В 1978 г. Институтом истории СССР ротапринтным способом был издан труд А. А. Зимина «Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции»[20]. Это — новая публикация Описи с именным и географическим указателями, освобожденная от неточностей предшествовавших изданий в передаче ее текста; текст Описи сопровождается историческим и источниковедческим комментарием (включающим выводы и обобщающего характера). Задачи свои А. А. Зимин сформулировал так: «...изучение проблемы Государственного архива России XVI в. и текста его Описи нельзя считать завершенным. Не проделана еще работа по сопоставлению текста Описи со всеми дошедшими до нас документами Государственного архива. Не выяснены до конца и история формирования архива, и использование его материалов в текущей внутриполитической борьбе и при осуществлении внешнеполитических задач, вставших перед правительством Ивана Грозного

ного. Наконец, отсутствует полная ясность и в вопросе о происхождении и составе Описи Царского архива. Попыткой если не решить, то во всяком случае наметить решение этих вопросов и является настоящая работа»[21]. Издание открывает имеющее самостоятельное научно-методическое значение предисловие Л. В. Черепнина («Несколько слов о публикации А. А. Зимина»). Л. В. Черепнин подчеркивает двойственное источниковедческое значение Описи: как «целостного памятника организации архивного дела на службе правительственных интересов» времени Ивана Грозного (впрочем, Л. В. Черепнин ограничивается почему-то указанием только на 60-е годы XVI в.) и как «свода сведений о разновременных документах внутренней и внешней политики» государства (сохранившихся и несохранившихся). Л. В. Черепнин полагает возможным рассматривать Опись как памятник, порожденный современными ему общественными отношениями, и как документ прошлого, используемый для решения задач, вставших в более позднее время[22].

Особую ценность представляет попытка А. А. Зимина реконструировать отдельные пласты документальных материалов, из которых сформировался Царский архив 1570-х годов, и определить дальнейшую судьбу его документов и местонахождение их в современных хранилищах. «Постатейный» комментарий существенно расширяет возможности использования Описи для дальнейших изысканий, как собственно исторических, так и историко-архивоведческих и источниковедческих. Составление его — большая научная заслуга А. А. Зимина, хотя не все выводы и наблюдения ученого в равной мере обоснованны и терминологически корректны.

В 1982 г. вышла из печати книга «Библиотека Ивана Грозного». В нее включены опубликованная посмертно работа Н. Н. Зарубина, датированная 1938 г.[23], статьи А. А. Амосова[9*] и моя вступительная статья как ответственного редактора. Участники издания попытались реконструировать ту библиотеку, к которой обращался царь Иван. В книге рассматриваются и вопросы, имеющие непосредственное отношение к Царскому архиву, прежде всего в связи с организацией работы по составлению официальных летописей — Лицевого свода и других.

Существенно расширились и возможности сравнительного изучения описи Царского архива и других составленных в XVI—XVII вв. описей документальных памятников, и прежде всего описей архива Посольского приказа XVII в., и соответственно определились пути более углубленного исследования всей совокупности вопросов истории архивного дела в Российском государстве XVI—XVII вв.

Уже в книгу архивных описей, изданную в 1960 г., была включена подготовленная к печати С. А. Левиной опись архива Посольского приказа 1614 г., из которой ранее публиковались только выдержки[25]. С. А. Левина составила и указатели к этому изданию — предметно-терминологический, личных имен и географических названий. Как продолжение издания 1960 г. можно рассматривать книгу

[9*] А. А. Амосов опубликовал также статью «"Античная" библиотека Ивана Грозного. К вопросу о достоверности сохранившихся известий об иноязычном фонде библиотеки московских государей»[24].

«Опись архива Посольского приказа 1626 года», подготовленную к печати В. И. Гальцовым под моей редакцией в 1977 г., — первый выпуск серии «Памятники Отечественной истории» (издаваемой Центральным государственным архивом древних актов и Археографической комиссией АН СССР). Издание Описи 1626 г. также снабжено именным, географическим и предметно-терминологическим указателями. Зачинателями сравнительного исследования описей XVI и XVII вв. стали публикаторы описей архива Посольского приказа С. А. Левина и В. И. Гальцов[10*]. В. И. Гальцов и в монографическом плане изучал описи государственного архива конца XVI в. и описи архива Посольского приказа XVII в.[26]

В последние десятилетия были опубликованы серьезные труды (среди них и написанные ранее) по истории создания официальных летописей XVI в., разрядных документов и родословцев, о документации правительственных учреждений. Значительная часть документов, на основе изучения которых написаны эти труды, в середине XVI в. находилась в Царском архиве. Опись Царского архива используется во многих новых работах, посвященных вопросам внутренней и внешней политики Российского государства, истории государственных учреждений, делопроизводства и военного дела, при изучении личного состава служилой верхушки и местничества, общественного сознания и политической публицистики, исторических и географических знаний[28]. Вышли из печати исследования по истории библиотек и монастырских архивов, в которых имеются важные в методическом аспекте соображения о приемах изучения описей рукописных памятников, составленных в XV—XVII столетиях.

Издание описи Царского архива — в 1960 г. и в 1978 г. — и описей архива Посольского приказа XVII в., появление новых исследовательских трудов и документальных публикаций по истории России XVI в., по истории архивов и библиотек помогают обнаружению в Описи ранее недостаточно замеченного и более основательному рассмотрению Описи в ряду других памятников общественно-государственной жизни и культуры и в связи с событиями истории времени Ивана Грозного.

Это и побудило меня возвратиться к изучению истории Царского архива XVI в., тем более что в прежних моих работах не все в одинаковой степени выдержало испытание временем, и некоторые положения их нуждаются в уточнении или дополнительном обосновании. До нас дошли не полностью не только документация Царского архива, но и описания этой документации. При таком состоянии источниковой базы, фрагментарности сохранившихся свидетельств очевидно, что изучение истории и особенностей Царского архива в целом как явления государственно-политической и культурной жизни России XVI столетия, должно предварять изучение бытования отдельных документов архива (или групп их). Это же вынуждает к избирательности в определении тематики конкретных исследований, ограничивая их возможности, и предопределяет гипотетичность многих построе-

[10*] В. И. Гальцовым подготовлена к печати самая пространная опись архива Посольского приказа XVII в. — опись 1670—1673 гг.[27]

ний. Краткость Описи и неустойчивость ее терминологии делают необходимым рассмотрение ее в сопоставлении с данными других источников и обращение к приемам историко-сравнительного изучения — и явлений не одного времени и источников различных разновидностей.

В публикуемых очерках затронут комплекс проблем, связанных с изучением описи Царского архива как исторического источника, с историей архивного дела и делопроизводства в период становления Российского централизованного государства и с самим процессом этого становления. Автор попытался наряду с наблюдениями конкретного характера — собственно источниковедческими и историческими — сделать и некоторые обобщающие выводы, отметить неясные вопросы и выявить возможные направления дальнейших изысканий.

Примечания

[1] СГГД. Т. 1. С. 635.

[2] *Тихомиров.* Российское государство. С. 350; *Шмидт.* Становление. С. 9; ОАПП. Ч. 1. С. 6—7, 9—11 / Вступит. статья В. И. Гальцова (указана литература).

[3] *Ясинский.* Архив. С. 3.

[4] Об «архивном праве» см.: *Маяковский.* Очерки. С. 3—4.

[5] См. об этом: *Черепнин.* У истоков; *Каштанов С. М.* Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение. С. 153.

[6] *Амосов А. А.* О методике исследования описей монастырских архивов // Социально-политическая история СССР: Сб. статей аспирантов и соискателей [Института истории СССР, АН СССР]. М.; Л., 1974. Ч. 2. С. 69—70, 85, 90; *Он же.* Архивы двинских монастырей: Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1975.

[7] *Шмидт.* Источниковедение // Источниковедение. С. 11; *Он же.* Les problèmes actuels. Les études des sources historiques // Science sociales. Académie des Sciences de L'URSS. 1970. № 2. P. 77; *Он же.* Некоторые итоги и перспективы развития археографии отечественной истории // Археография и источниковедение. Сыктывкар, 1977. (Северный археографический сборник. Вып. 4) С. 8; *Он же.* Некоторые вопросы развития советской археографии // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 133.

[8] ПДС. Ч. 1. С. 1478; *Маркевич.* История местничества. С. 300—301.

[9] *Иконников.* Опыт. 1891. Т. 1. Кн. 1. С. 104—105.

[10] *Голубцов.* Опись. Л. 118—166; Об этом докладе см.: *Черепнин.* «Смута». С. 91. Примеч. 1; *Гальцов.* Малоизвестный источник. С. 56; *Шмидт С. О.* От редактора // ОАПП. Ч. 1. С. 4; *Зимин.* Архив. С. 12—13.

[11] См. об этом: *Карев Д. В.* Неопубликованное творческое наследие М. К. Любавского // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 311—312; *Он же.* Участие академика М. К. Любавского в советском архивном строительстве // СА. 1978. № 2. С. 31—34; *Он же.* История отечественного архивоведения в творческом наследии академика М. К. Любавского // Источниковедение и историография. С. 89—90.

[12] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 60—61.

[13] ОЦА. С. 9.

[14] ОЦА. С. 17—44. См. также рецензии на это издание: В. И. Корецкого (ИА. 1961. № 1. С. 161—165), Д. П. Богдана *(Bogdan Damian P.* Analele romino-sovietice, Seria istorie. 1962. № 1. P. 145—149), В. Б. Кобрина (ВИ. 1962. №4. С. 145—147).

[15] АЕ за 1958 год. М., 1959. С. 54—65.

[16] ТМГИАИ. М., 1957. Т. 8. С. 260—278.
[17] ТМГИАИ. М., 1958. Т. 11. С. 364—407.
[18] Общество и государство. С. 296—304.
[19] АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 346—348.
[20] См. также рецензии на это издание: П. Гофмана (*Hoffman P.* Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Lander Europas. Berlin, 1979. Bd. 23. Hft. 2. S. 201—203), Д. Уо (*Waugh D. C.* Russian review. Stanford, 1980. Vol. 39. № 1. P. 69—71), Г. Штёкля (*Stökl G.* Tahrbuch für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1979. Bd. 27. Hft. 2. S. 280—283).
[21] *Зимин.* Архив. С. 18.
[22] Там же. С. 5, 6.
[23] См. также рецензию А. И. Копанева на это издание (СА. 1983. № 5). О работе Зарубина см.: *Шмидт.* Исследование Зарубина.
[24] Книжное дело в России в XVI—XIX веках: Сб. научных трудов [Библиотеки Академии наук СССР]. Л., 1980. С. 6—31.
[25] Об этих публикациях см.: ОЦА. С. 14.
[26] *Гальцов.* Архив Посольского приказа; *Гальцов В. И.* Архив Посольского приказа в XVII веке: Опыт изучения описей Посольского архива: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1976.
[27] Об описи 1670-х годов см.: *Гальцов В. И.* Архив Посольского приказа в XVII веке... С. 20—24.
[28] Указания на эту литературу в статьях: *Шмидт С. О.* Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: История СССР. М., 1962; *Курмачева М. Д., Назаров В. Д.* Исследования по истории СССР периода феодализма // Развитие советской исторической науки, 1970—1974 гг. М., 1975; *Шмидт С. О.* Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины // Развитие советской исторической науки, 1970—1974 гг. (Статьи сборника 1975 г. опубликованы на нескольких языках в журнале: Общественные науки в СССР. 1975. № 2); *Черепнин Л. В., Пашуто В. Т., Назаров В. Д.* Основные проблемы изучения истории СССР периода феодализма // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978. Вып. 2; *Буганов В. И.* Развитие источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода // Изучение отечественной истории СССР между XXIV и XXV съездами КПСС; *Пашуто В. Т.* Исследования по истории СССР периода феодализма // Советская историческая наука в 1975—1979 гг. М., 1980; *Шмидт С. О.* Археография, архивоведение, источниковедение и другие специальные исторические дисциплины // Советская историческая наука в 1975—1979 гг.; *Он же.* Найновите изследвания на съветските учени в областта на археографията, архивознанието, изворознанието и другите специални дисциплини на отечествената история // Помощни исторически дисциплини. София, 1980. Т. 2; *Пашуто В. Т.* Итоги и проблемы изучения внешней политики Русского государства с древнейших времен до начала XVII века. § 3. Проблемы внешней политики Российского централизованного государства (1480—1618 гг.) // Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. М., 1981; *Пашуто В. Т., Преображенский А. А.* Исследования по социально-экономической и внутриполитической истории России периода феодализма // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982; *Пашуто В. Т., Хорошкевич А. Л., Санин Г. А., Никифоров Л. А., Орлик О. В., Хевролина В. М., Игнатьев А. В.* Исследования по истории внешней политики России X — начала XX в. // Изучение отечественной истории между XXV и XXVI съездами КПСС; *Буганов В. И.* Источниковедческие исследования по отечественной истории // Изучение отечественной истории между XXV и XXVI съездами КПСС.

Основной источник информации о Царском архиве

Сохранившаяся опись архива

Опись Царского архива находится в сборнике в четвертку, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (шифр Q.IV, № 70/1). В рукописной книге 387 нумерованных листов и 15 ненумерованных. Описание ящиков Царского архива на л. 224—357 об. (по старой нумерации — л. 232—365 об.). Описано более 230 ящиков.

В сборнике-конволюте еще четыре русские рукописи второй половины XVI — начала XVII в., ранее также бытовавшие самостоятельно: утвержденная жалованная грамота об избрании на царство Бориса Годунова в 1598 г.; досмотр 1570 г. южных и западных границ Полоцкого повета; сборник документов о сношениях правительства царя Василия Шуйского со Швецией в 1609—1610 гг.; приходные книги Болдинского Дорогобужского монастыря в 1593—1596 гг. О составе сборника подробно написано в книге А. А. Зимина. (Еще раньше, как выяснилось, об этом писал И. А. Голубцов[1].)

Рукописи эти вывезли в годы польско-шведской интервенции начала XVII в. в Польшу. Там они попали в собрание Литовской метрики (главного архива Великого княжества Литовского) и были переплетены во второй половине XVII в. вместе[1*]. (На корешке кожаного переплета сборника золотом вытиснено: «Acta Mag. Duc. Litv.»; внизу у края корешка номер.) Рукописный сборник возвратили в Россию лишь в конце XVIII в.

[1*] К моменту переплетения в тома Литовской метрики вывезенные из Москвы документы специально не пересматривали и не перераспределяли по содержанию, так как смешанного состава и другой сборник — конволют этого же собрания Российской национальной библиотеки (шифр Q, IV.70/IV), описанный в I томе издания «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством». Там в одной рукописной книге оказались объединенными отрывок польской посольской книги начала XVI в., посольские документы времени царствования Бориса Годунова и Василия Шуйского, приходо-расходные книги конца XVI в.[2]

Обнаруживаются несомненные следы того, что поляков заинтересовала Опись. Возле описания ящика 168 (л. 310) помета на польском языке «potrzebna bardzo» (т. е. «очень нужна») — в этом ящике сосредоточены были документы сношений Российского и Польско-Литовского[2*] государств времени Ивана IV и Сигизмунда II Августа, в том числе «перемирные грамоты». Возле описания ящика 176 (л. 316) помета «potrzebna» (т. е. «нужна»). В ящике находились документы сношений России с православным духовенством Ближнего Востока, в частности о миссии суздальского архимандрита Феодорита, посланного в 1557 г. испросить у восточных патриархов утверждения принятого Иваном IV царского сана[3] (польские короли, как известно, долго не признавали царский титул российских государей)[4]. В описании этого ящика отмечено, что «король через свою землю дороги не дал» представителям Ивана IV, отправленным с «милостынею» к патриархам и в монастыри на Афоне и в Синае. Обе пометы, как установил И. А. Голубцов, сделаны в одной тетради рукописи. Пометы видны и возле описаний некоторых других ящиков, где хранились документы о сношениях Российского государства и Речи Посполитой: подчеркнуты первые слова описания ящика 135; искривленная линия между строк и на поле возле описаний ящиков 21, 87, 100, 136, 139, 151, 167, 173, 176, 193[5]. Возможно, что эти пометы (и прежде всего пометы на польском языке) сделаны были в Описи еще в Москве с целью выявления или даже изъятия соответствующих документов.

На уровне верхней строки описания некоторых ящиков на поле знак «Е», сделанный более яркими чернилами, чем чернила основного текста и, главное, других помет. В ящиках, отмеченных таким знаком, находились документы русско-польских сношений (ящики 2, 5, 27, 49), русско-ливонских сношений (ящик 11), русско-волошских сношений (ящик 9), о порубежных городах (ящики 26, 28, 36ж, 68, 69), духовные, поручные целовальные записи (ящики 34, 35, 67, 165), списки «рознь» (ящики 75, 78, в ящике 75 были документы дьяка Губы Моклокова, известного деятельным участием в русско-литовских отношениях[6]). Быть может, это помета писаря польско-украинского происхождения, означающая слово «есть»[3*].

[2*] Глава этого государства был одновременно королем польским и великим князем литовским. Российское государство обычно имело официальные сношения с Великим княжеством Литовским. Польско-Литовское государство в конце XV—XVIII в. традиционно именовалось Речью Посполитой. Со времени Люблинской унии 1569 г. это стало его официальным названием.

[3*] И. А. Голубцов полагал, что отметки «Е» у некоторых ящиков на полях рукописи позволяют думать, что эти ящики в оригинале рукописи (копией с которой была изучаемая Опись) числились отсутствующими, а при проверке отсутствующих оказались налицо, почему и надо было отметить их наличность. По предположению А. А. Зимина, это русская буква «е», которую можно расшифровать как «есть», и «тогда речь идет о сверке текста Описи с наличностью ящиков с документами» в архиве[9]. Такие пометы «Е», действительно, встречаются в XVII в., например в «книге записной крепостям» боярина Б. М. Хитрово конца XVII в., которую Б. Н. Морозов условно относит к архивным описям, усматривая в пометах «Е» следы проверки наличия архива. В «переписных черных» тетрадях — рабочем списке с описи архива По-

Документы из архива (или архивов) Московского Кремля могли вывозить, как полагает В. И. Гальцов, вероятнее всего, или в конце октября 1610 г., когда гетман Жолкевский покинул Москву и отправился к королю в Смоленск (Г. Ф. Карпов считал, что документы увез Жолкевский[7]), или в марте 1612 г., когда из Москвы в Смоленск был отозван королем полковник Корвин-Гонсевский[8]. Оба они жили в Московском Кремле на старом дворе царя Бориса, близ зданий приказов[4*].

Текст Описи написан скорописью на сложенных вдвое листах бумаги. На многих листах (в том числе на первом и последнем) удается различить водяной знак, близкий к знаку, датируемому Брике 1569 г. (под № 9488 1-го издания). На нескольких листах последней части Описи водяной знак, напоминающий отмеченный Н. П. Лихачевым (под № 1876 и 1877) на бумаге рукописи, датированной 1567 г.

Опись дошла до нас не полностью. Явно заметно отсутствие листов, следующих за описанием «ларчика 231 же» (л. 355 об.). Очень вероятно, что недостает и последних листов рукописи. Быть может, исчезло и описание ящиков 76 и 77. Если описание их было достаточно пространным, то оно могло занимать сдвоенный (сложенный вдвое) лист или даже несколько сдвоенных листов. Допустимо предполагать отсутствие и некоторых других листов Описи. По мнению И. А. Голубцова, утрачен лист с заголовком Описи.

Опись написана несколькими перемежающимися почерками[11]. В ней много помет и исправлений, сделанных более темными чернилами, чем чернила основного текста, и более тонким пером. Пометы сделаны одним почерком.

Изучаемая Опись в основе своей — копия какой-то прежней архивной переписи, испещренной пометами и поправками и ставшей в таком виде неудобной для использования. Переписчики скопировали не только текст прежней переписи, но и пометы[5*] (все или частично?).

сольского приказа, сделанном в связи с подготовкой описи 1632 г., — на полях имеются пометы «есть»[10].

[4*] Следовало бы попытаться определить дальнейшую судьбу документов, вызвавших, судя по пометам на рукописи, особый интерес у поляков. Любопытно, что в описи архива Посольского приказа 1614 г. названы не все документы ящиков 168 и 176 Царского архива. Нет там и посольских документов некоторых других ящиков. Отсутствуют они и в описи архива Посольского приказа 1626 г. Известно, что лишь немногие документы, увезенные тогда из Московского Кремля, были возвращены в 1635 г.[12] Часть документов оказалась в хранилищах Петербурга и Москвы не ранее конца XVIII в. Перед историками вырисовывается задача: сличая Опись Царского архива XVI в., описи архива Посольского приказа, составленные в XVII в., и другие описания документальных материалов, установить, какие документы из захваченных в начале XVII в., уже в XVII же столетии оказались в Москве (и при каких обстоятельствах); что было возвращено в конце XVIII в.; какие документы Царского архива и поныне находятся за рубежами нашей страны (или не выявлены в архивах и библиотеках).

[5*] И. А. Голубцов полагал, что прежнюю опись, или описи, раздали разным подьячим по тетрадям для сверки и описания соответствующих номеров ящиков. Пометки на полях не веле-

В тексте приписаны — обычно либо между строк, либо по подчищенному тексту — пропущенные строки, слова, отдельные буквы; некоторые цифры и буквы заменены другими. Пропущенная при описании ящика 7 строка (л. 228 об.) вписана на полях, а в основном тексте, на месте пропуска, — знак «крыж»[6*]. Таким же знаком обозначен и пропуск пометы у ящика 31.

Многие исправления вносились в текст на основании прежней переписи. Характер этой работы прослеживается по описанию ящика 88 (л. 271 — 271 об.). Окончание описания ящика («ким князем Васильем Ивановичем всеа Русии») приписано внизу на л. 271 в продолжение строки и на следующих строках теми же почерком, пером и чернилами, что и пометы. Однако на обороте этого листа обнаруживаем такой же текст, написанный почерком основного текста этой части рукописи и перечеркнутый тонким пером — пером, которым делались пометы. Очевидно, человек, проверявший рукопись, заметив, что после начальных букв слова «великим» («вели») в начале строки нет продолжения слова, продолжил его, написав одновременно на месте, оставшемся внизу листа, и конец предложения. Однако он не посмотрел на оборотную сторону листа, а когда увидел переписанный там уже прежде текст, вынужден был зачеркнуть эти слова первоначального основного текста.

В Описи не раз встречаются пометы о документах, взятых из архива (главным образом к государю). Такие пометы писались над описанием ящика, между строк или сбоку, на внешнем поле вдоль края листа, иногда и на верхнем поле листа. Пометы между строк делались над строкою, с которой начиналось описание документа, интересующего составителя. Так, помета о Коране, взятом к государю, написана над словами «куран татарской» (ящик 218)[7*].

Несколько помет, однако, внесено в основной текст (ящик 181, последний ящик без номера; возможно, ящик 186), а описание ящика 179 начинается не с номера ящика, как в описании всех других ящиков, а с пометы («Лета 7070 апреля взяты ко государю в казну»), написанной почерком основного текста. Пометы на поле и между строк совершенно схожи с пометами о передаче документов государю, внесенными в основной текст, причем большая их часть на поле и между строк свидетельствует о получении царем документов в 1560-е годы, тогда как внесенная в основной текст помета (при описании последнего ящика без номера) относится к

но было переписывать. «Это оставлял за собой начальник архива, но некоторые заметки проскочили». Пометы сделаны, по его мнению, одной рукой и зараз. Он же обратил внимание на пометы карандашом[13].

[6*] Такие же знаки «крыж» и схожие по типу приписки на полях встречаются в приказной «Выписке ис посолских книг» Польского двора за 1487—1573 гг.[14], составленной, видимо, тоже в середине 1570-х годов. (Любопытно отметить, что и в этой рукописной книге, так же как и в описи Царского архива, имеются пометы, сделанные в годы нахождения ее в Польше. Сравнительное изучение этих помет обеих рукописей — задача специального исследования.)

[7*] Такая манера типична для практики приказного делопроизводства высших правительственных учреждений[15].

12 июля 1570 г. (л. 356). Следовательно, пометы на поле и между строк о выдаче документов до 1570 г. были перенесены в дошедшую до нас Опись из прежней описи.

Можно полагать, что переписчики скопировали первоначально основной текст прежней переписи, а пометы вносились позднее. (Любопытно отметить, что пометы, внесенные в основной текст при описании ящиков 179 и 181, находятся на листах, написанных одним почерком.)

Переносили в Опись не только пометы прежней переписи (или прежних переписей), но и пытались проверить соответствие Описи имеющимся архивным материалам. Эта работа также нашла отражение в пометах. Возле описания ящика 45 пометы: «Есть не то дело»; и далее: «Приискать его». Пометы «Сыскати», «Приискать», «Не приискана» имеются и возле описания других ящиков (ящики «Третей ж», 10, 126, 134, 4). Дважды указываются дела, переложенные в другой ящик (ящики 135, 159); отмечается, что одно из дел «вынуто» (ящик 20); возле описания ящика 80 помета: «Не писан». Последняя помета сделана менее яркими чернилами, чем чернила всех других помет. Быть может, это набросок пометы для памяти, который после обнаружения описания ящика или составления его нового описания можно было бы стереть. Тем же почерком и чернилами, что пометы, сделано и добавление о новом деле (ящик 175).

Изучаемая Опись имеет явно незавершенный вид: описание документов некоторых ящиков не закончено или вовсе отсутствует; на рукописи нет дьячих скреп; документальные материалы отдельных ящиков описаны подробно, а других — суммарно.

На л. 287 написан только номер ящика — 127 и оставлено свободное место для его описания. Вверху листа любопытная помета: «В письме не было родильные». Видимо, в описании этого ящика в прежней описи не упоминались документы (по предположению А. А. Зимина, «разряды», связанные с записями о рождении членов великокняжеского семейства), находившиеся в ящике во время составления изучаемой Описи. Составитель ее, проверяя документацию ящика 127, сохранил для памяти помету, заставляющую обратить особое внимание на необходимость описания этих документов.

Некоторые ящики, указанные в Описи, остались фактически неописанными. Имеется только заголовок описания и оставлено свободное место для более подробного описания (ящики 34, 109, 115, 116, 118, 119, 120, 123, 129, 130, 132, 161, 162 и др.); оставлено место также при описании ящиков 39, 58, 166, 198. Видимо, либо описание документов (или части документов), находившихся в этих ящиках, отсутствовало в переписи, с которой снималась копия, либо это описание, ввиду большого числа разнообразных документов в ящиках или помет об этих документах, рассчитывали сделать (возможно, на основании более подробной переписи), предварительно проверив наличие документов в архиве. Если правильно последнее предположение, то (судя по числу помет о документах, взятых к государю из ящи-

ков 26 и 217) можно думать, что отдельные документы из неописанных ящиков находились у государя, а текст переписи, с которой снималась копия, был трудноразборчив из-за помет.

Некоторые ящики не названы вовсе, но для описания их оставлено место. Примером такого позднейшего описания ящиков на заранее оставленных местах является описание ящиков 68 и 69 (в которых — и это особенно важно отметить — хранились «списки старые», документы 1510-х годов). Это описание сделано более убористым почерком, очень напоминающим почерк помет. В целом работа по составлению более подробных описаний отдельных ящиков осталась незавершенной (см. рис. 1).

В изучаемой Описи архива лишь случайно встречаются указания на внешний вид документа, типичные для описей архива Посольского приказа XVII в. Так, о грамотах, привезенных из Великого Новгорода дьяком Гр. Загряжским (Загрязским), написано: «...и те грамоты попорчены у дьяков в Новегороде» (ящик 11). (Однако это замечание могло иметь и оправдательный характер, объясняя, что грамоты были попорчены прежде, чем попали в Царский архив.)

Многие ящики описаны суммарно. Имеются, однако, примеры и более подробного перечня дел и более детальной передачи их содержания. Подробно перечисляются документы ящиков 26, 27, 191, 215, 217, 223, а в описании последнего ящика без номера, в котором находились документы новейшего времени, описание каждого документа начинается с новой строки.

Выделяется описание ящика 101 с документами русско-крымских отношений[16]. Здесь указано и на отсутствие перевода некоторых грамот[8*], написанных «бесерменским письмом»[9*], и, главное, приведены пометы государей на документах: «да грамота Мин-Гиреева с переводом, помечено на ней "оставить ее здесе"; да грамота Сада-Киреева с Овещихом, помечено "не люба великому князю, люба, что Степан привез"; ...да грамота Сада-Киреева ж... помечено на ней "не люба великому князю"». В описании этого ящика налицо уже элементы более подробного описания. Вполне возможно, что листы с описанием ящика 101 были написаны после составления Описи. Они написаны почерком, напоминающим почерк помет, только более крупными буквами. Опись могла пополняться и в дальнейшем, так как, вероятно, не сохранились последние листы рукописи.

[8*] В Описи особо отмечены документы, написанные на иностранных языках («татарским письмом» — ящик 72, «бесерменским письмом» — ящик 101, «книги латынские» — л. 289 об.). О «дефтерях старых» татарских царей замечено: «Переводу им нет, нихто перевести не умеет» (ящик 148).

[9*] Переводы грамот старались тщательно сличать. Так, узнав о «соромоте» русских послов в Крыму, велено было в марте 1546 г. «наложить опалу» на крымских послов в Москве, «да и шертная грамота у Диви мурзы взята, что с ним прислал крымский царь. И велел (Иван IV. — *С. Ш.*) грамоту перевести, да с списком справити, которой посылан с Васильем с Петровым. И грамота не по тому списку написана: иные слова прибавлены, иные убавлены»[17].

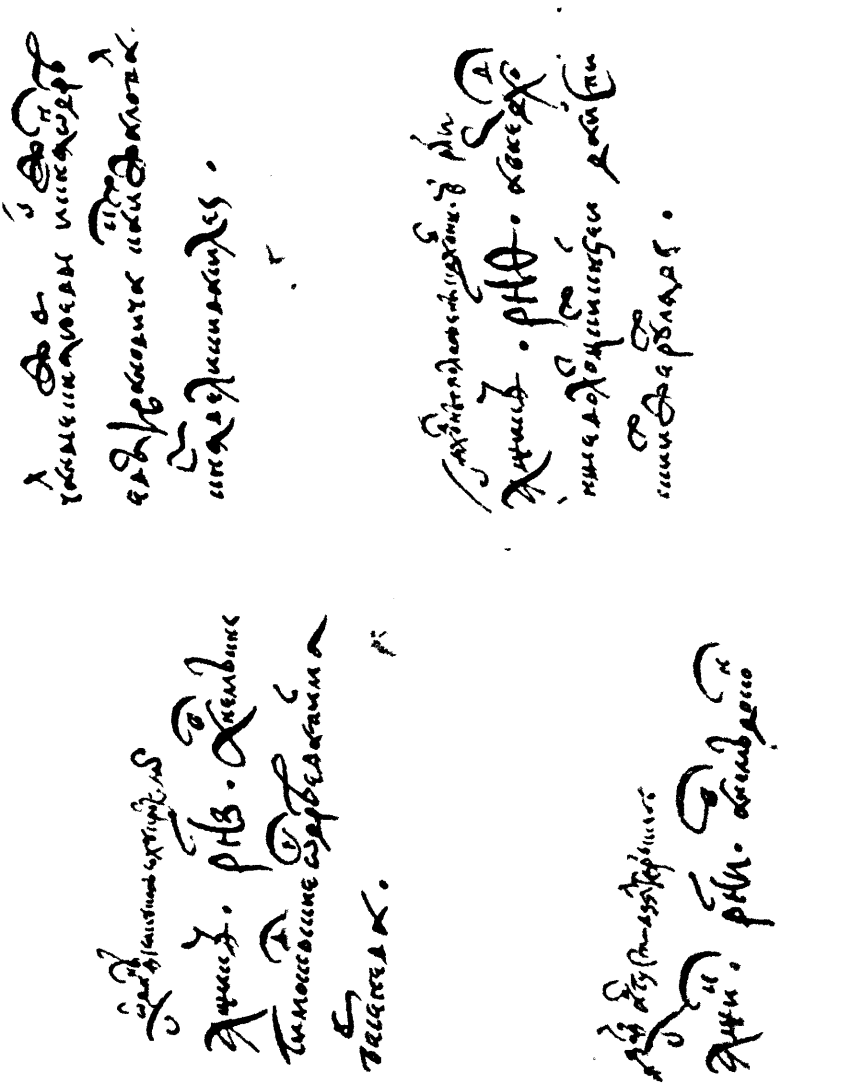


Рис. 1. Опись Царского архива, л. 303 об. — 304

В дошедшей до нас Описи имеются сведения более чем о 230 ящиках (по подсчетам А. А. Зимина — о 233 ящиках)[18] с документами-подлинниками, копиями с подлинников, черновиками. Можно полагать, что Царский архив состоял в 1570-е годы из большего числа ящиков, так как в рукописи, как отмечалось выше, недостает листов, а в уцелевшей ее части описание (и даже наименование) некоторых ящиков пропущено.

ОБЫЧАИ ХРАНЕНИЯ И УЧЕТА ДОКУМЕНТОВ В АРХИВЕ

К 1570-м годам установились уже определенные правила хранения и учета, а также приемы инвентаризации архивных документов; отступления от этого порядка (возможно, зафиксированного еще в прежних описях) оговариваются в изучаемой Описи.

Большинство документов хранилось в ящиках. Отличительные внешние особенности их отмечаются в Описи: ящики «дубов» (135), «оболочен кожею» (180), «невелик» (87). Некоторые документы находились в ларцах (122), ларчиках (20), («ларчик жолт» — 137, «ларчик дубов» — 61, «ларчик зелен окован» — 231 ж), в коробьях (206, без номера, на л. 289), коробочках (187). Четкого различия между «ящиком» и «ящичком», видимо, не проводилось. Так, о «ящике» 186 написано: «...а дал тот ящичек» царь.

Ящики были нумерованы. Отсутствие номера также особо оговаривается: «...число на нем не мечено» (ящик 87). Иногда номера повторялись («ящик третей же», «да другой ящик 22-й ж», «ящик 23-ж», «ящик 36-й ж», «ящик 37-й ж», «ящик 59-й», «ларчик зелен, окован 231 же»). Номера были поставлены, видимо, прежде составления изучаемой Описи[10*]. Не исключено, что на ящике писали и имя дьяка, документы делопроизводства которого находились в нем. Например: «Ящик 162. Бакакинъской».

В больших ящиках иногда помещались ящики или ящички меньшего размера. Так, в ящике 111 находился «ящик дубов, а в нем — списки рознь»; в ящике 164 — «малой ящик» с «дорогой от Мурома к Свияжскому городу». В ящике 67 были «собраны ящики малые» с духовными грамотами. В ларце 122 находился «ящичек липов, а на нем подписано: владыкин с кабалами» (ящичек этот был взят у казначея), — очевидно, на ящиках иногда помечали, какие в них хранятся документы. Местническое дело кн. Ив. Фед. Мстиславского с кн. Юр. Мих. Голицы-

[10*] Так, «ящик третей же», как отмечено в Описи, был «в книгах не написан», т. е. не попал в опись, составленную Висковатым. Он содержал документы о взаимоотношениях Ивана III с братьями, но в архиве оказался среди ящиков с посольскими делами. Не обнаруживаются ли в данном случае следы прежней нумерации ящиков (в Царском архиве или в том хранилище, откуда они поступили в Царский архив)?

ным, находившееся в ящике 145, было также положено в «малой ящичек»[11*]. (Дело было взято у разрядного дьяка и приложено позже к другим документам ящика.)

Отдельные особо ценные документы находились в мешочках: грамота греческого патриарха «благословенье на царство» Ивану IV хранилась в специальном «мешочке» (ящик 188), «списки государеву сиденью о всяком земском указе» от января 1568 г. — «в сафьяном меху» (ящик 191).

В Царском архиве, как и в других центральных и местных архивах Российского государства XVI в., хранились документальные материалы, различные по внешнему виду: отдельные грамоты, написанные на пергамене или бумаге (иногда их скатывали в «столпик»); дела, состоявшие из нескольких бумаг, склеенных в «столпы» (столбцы)[12*]; книги; тетради («тетрати», в том числе «тетрати не связаны», как в ящике 107); «связки»[20] (л. 239); отдельные листки бумаги. В архиве хранились и печати, и деньги (по-видимому, образцы).

Опыт составления собственно архивных описаний (употребляя современную терминологию) сопутствовал опыту книжных описаний или даже в известной мере предопределялся им, тем более что документы и «книги чтомые» зачастую хранились вместе и «библиотечное дело» и «архивное дело» развивались на одном стволу. В описании архивных материалов, как и в описании библиотек (употребим и здесь этот современный термин), наблюдается сочетание нескольких принципов, отмеченное на основании изучения описей библиотек еще Н. Н. Зарубиным[25]. Рукописи распределялись в зависимости от содержания, формата, представления об их ценности.

В описях архива Посольского приказа начала XVII в. достаточно четко прослеживается распределение документов по разделам: «грамоты», «книги», «стол-

---

[11*] Возможно, что документы из других учреждений (точнее сказать, из архивов) поступали в Царский архив в особых «малых ящичках». (Еще в Древней Руси грамоты посылались в ящиках[19].) В малых ящичках и выдавались документы Царского архива. Потому-то, видимо, в малом ящичке помещался такой документ, как «дорога от Мурома к Свияжскому городу» (его, можно полагать, брали в царский поход 1552 г. на Казань).

Вероятно, документы выдавались и в мешочках, как в начале XVII в. В описи архива Посольского приказа 1626 г. даже в оглавлении («указные главы книги сея») отмечены «докладные мешечки» думного дьяка Ивана Грамотина, а в самом описании разъяснено, что речь идет о «3-х мешечках в суконных, которые носили за Иваном Грамотиным в доклад ко государю и к отцу ево государеву к великому государю святейшему патриарху» (т. е. к царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету)[21]. Порядок «докладов» царю характерен и для XVI в. и нашел отражение во многих документах. Очень вероятно, что тогда уже в обиходе были и «докладные мешочки» для документов, необходимых при «докладе» царю или Боярской думе.

[12*] Столь типичное уже для описи архива Посольского приказа 1614 г. определение «столп» («столпик») в Описи, как заметил еще Н. П. Лихачев, не употребляется, но там постоянно встречаем слово «список». По мнению Н. П. Лихачева, слово «список» древнее слова (термина) «столбец» и образовалось из выражений «список столбцом», «список на столбцех писан»[22] (это словосочетание читаем в посольской книге 1522 г.)[23]. М. Н. Тихомиров полагал, что столбцы-«свертки» были в употреблении московских князей еще в XIV в. и характерны для восточной традиции[24].

пы», «чертежи», «рознь» (хранившаяся чаще всего в связках)[26]. А. А. Зимин выявил признаки такого распределения уже в документации, отложившейся от времени правления Василия III[27]. Одновременно в распределении документальных материалов по ящикам обнаруживается известная система, отражающая, по наблюдениям А. А. Зимина, и историю формирования архива[28].

Документы делопроизводства отдельных дьяков XVI в.[13*] были сосредоточены вместе («Ящик 75. А в нем списки Губы Моклокова рознь», «Ящик 162. Бакакинъской с приказными делы»). Вместе находились документы новейшего делопроизводства Боярской думы, «списки дорог» и «чертежи» (карты), дела церковных соборов, документы династического характера[14*], так же как и документы архивов бывших самостоятельных княжеств и архивов удельных князей.

Некоторые важные документы были положены в отдельные ящики: «списки, что писати в летописец» (ящик 224), дела Земского собора 1566 г. (ящик 225), «сыскное дело» кн. Семена Ростовского (ящик 174), «сыски родства... дворовых людей» (ящик 200), описание казны сыновей Ивана IV (ящик 210) и т. д. Бытовало наименование «свадебный ящик»[15*] — видимо, для ящика 152, где находились «книги свадебные».

Особенно старались выделить документы внешнеполитических сношений. Их распределяли либо по годам, либо, чаще всего, по государствам. Делам о сношениях с определенными государствами за отдельные годы отводились особые ящики. Пометы справочного характера о местонахождении в таких ящиках посольских документов вносились в посольские книги уже в начале XVI в. (пометы эти частично выявлены Н. П. Лихачевым[32], а также В. И. Саввой). В Крымских посольских книгах встречаем указания: «...и та грамота в Литовском ящике» (ноябрь 1502 г.)[33]; «...писана в волошском ящике» (1516 г.)[34]. Из Польской посольской книги (март 1503 г.) узнаем: «...и что с немци о перемирье говорили и что немци против того говорили не по пригожу, и те-речи все писаны в неметцком ящике»[35]; «и что которой розговор был за списки о неметцком деле, и те речи все писаны в неметцком ящике, на чем приговорили перемирные грамоты»[36]. Такие известия

[13*] В «дьячих избах» (приказах и других учреждениях) дела различались по скрепам дьяков, и ящики или связки с делами получали название по имени дьяка (а возможно, наклеивали и ярлычок с именем дьяка) — иначе трудно было отыскать документ. В 1559 г. о деле, которое рассматривали в Поместной избе, писали: «...а челобитье о том Андреева (Квашнина. — *С. Ш.*) сказал, было при боярине при Михаиле Юрьевиче, а того сказал не упомнит, у котораго дьяка то Андреево челобитье записано; и потому того челобитья сыскать нельзя...»[29].

[14*] Такой же порядок имел место и в Посольском архиве 1614 г. Так, во втором ящике (л. 184 об.), оболоченном бархатом, находились лишь две «грамоты утвержденные» об избрании на царство Михаила Романова. С. А. Левина, отметившая это, высказывает предположение: «Уж не закладывалась ли таким образом основа династического архива Романовых?»[30]

[15*] На обороте указной грамоты Ивана IV конца 1546 г. князьям и детям боярским Бежецкой пятины с распоряжением об их приезде в Новгород с дочерьми для смотра невест сверху написано: «...положити в свадебной ящик»[31].

справочно-делопроизводственного порядка[16*] в посольских книгах (и опубликованных, и доселе не изданных) не редкость. Они свидетельствуют о том, что уже в начале XVI столетия документы внешнеполитических сношений с определенными государствами старались сосредоточить в особых ящиках. Ящики эти в приказном языке получали наименование от наименований государств (ящики «волошский», «литовский», «неметцкий» и другие). В краткой перечневой описи 1590-х годов о подобных же, видимо, ящиках писали: «с крымским делом ящики», «с литовским делом ящики» и т. д.; и там же рядом — «ангилейской ящик»[37].

В Царском архиве хранились и «посольские (или «посольные») книги», и те документы, на основании которых они составлялись, и не только беловики, но и черновики. Сосредоточивались там также документы, использовавшиеся при дипломатических переговорах: «списки волостей», или «списки рубежей», «обидные списки», или «списки обид» (жалоб на нарушение мира), и другие.

По-видимому, уже в XVI в. вырабатывались основы, которыми руководствовались при распределении в хранилищах документов внешних сношений в начале XVII в., и это нашло отражение в более пространных описях архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг. С. А. Левина, исследовавшая опись архива Посольского приказа 1614 г., отметила, что в архиве посольские книги, а также столбцы были объединены в группы по сношениям с отдельными государствами, а в пределах этих групп размещены в порядке хронологии. Частично пытались систематизировать таким образом и «грамоты»[39]. Некоторые признаки подобной систематизации заметны уже и в описи Царского архива. Однако строгой системы распределения документов по ящикам еще не придерживались: Царский Судебник хранился в одном ящике (139-м) с «книгами посольными» — документами сношений с разными государствами «при дьяке Иване Михайлове». Вероятно, это современные Судебнику 1550 г. посольские книги («литовские, крымские, нагайские, казанские, неметцкие, астраханские, турские»).

Просматривая материалы архива (возможно, в связи с составлением Описи?), перераспределяли их по тематическому признаку. Так, возле описания ящика 159 с духовными волоцких князей и «списками их рухляди» помечено: «Духовные положены к духовным в 138-й». В ящике 138 действительно были сосредоточены духовные. «Книги Царегоротцкие» были из ящика 135, содержащего документы сношений со многими государствами, переложены в ящик 31 к документам сношений с султаном и православными монастырями, находившимися на территории Османской империи. А «грамота жаловальная Смоленская» была «вынята из 39-го ящика» и положена в ящик 74 «к иным грамотам Смоленским».

[16*] Схожего типа отсылки и в посольских книгах середины XVI в.: например, на поле Ногайской посольской книги после сообщения о прибытии 14 октября 1550 г. в Москву ногайских послов и астраханского посла Халкомана помета: «Халкоманов приезд писан в Астраханских книгах»[38].

Новые документы нередко клали в ящики вместе с документами такой же разновидности или близкими по содержанию. (В тех случаях, когда это имело место уже после составления описи, предшествовавшей изучаемой, составители Описи приписывали: «да туто ж» или «туто ж положено».) Так, духовная княгини Евфросиньи Андреевны Старицкой была положена к «старым» духовным грамотам великих и удельных князей и к другим документам семейного великокняжеского архива XIV — начала XVI в. (ящик 138). Вместе с «подтверженными грамотами» служилых князей первой половины XVI в. сочли удобным положить и поручные записи бояр 1560-х годов; поэтому поручная запись кн. Мих. Ив. Воротынского оказалась в одном ящике с «подтверженой» грамотой его отца, кн. Ив. Мих. Воротынского (ящик 39). Взятое у разрядного дьяка недавнее местническое дело было положено в ящик 145, ибо «тута ж» находились и другие местнические дела. Характерна в этом отношении приписка о новом поступлении в ящик 175, сделанная после написания основного текста Описи другим почерком и другими чернилами: в ящике были документы о «поставлении» митрополита, архиереев, попов, о церковной иерархии; обнаружив в архиве также и «грамоты о соединенье, которого архиепископа или епископа поставити на его престол», решили и их положить в ящик 175.

При отсутствии документа старались выяснить обстоятельства его выдачи из архива и новое местонахождение. Об одной из грамот ящика 136 написано: «...и тое грамоты нет, а послана, сказывают, на Себеж».

В Царский архив поступали документы из других учреждений (иногда, видимо, и обязательные копии или дубликаты), и из Царского архива передавались документы в другие учреждения. В пометах указывалось обычно время выдачи и возврата документа (год, месяц, а чаще всего и число). Иногда называлось лицо, взявшее документ, в частности отвозившее его к государю: «Лета 7071 майя 26 день взял Ондрей Васильев ко государю, как поехал в Слободу; в Слободе взял государь» (ящик 178); «78 мая взял куран ко государю Петр Григорьев» (ящик 218) и т. п.[17*]

В Описи отмечалось, все ли документы ящика взяты государем («Взял государь сесь ящик к себе», ящик 59) или только часть их («тетрати взял государь к себе», ящик 63; «Летописец взят к государю», ящик 114 и т. п.).

При отсутствии определенного порядка в распределении архивных материалов и их хранении нельзя было бы постоянно наводить справки о прежних думских решениях, о местнических спорах, ссылаться на посольские грамоты в переговорах с иностранными представителями, составлять выписки из дел, использовать давние публицистические памятники для сочинения новых[18*]. Однако степень системати-

[17*] Указание даты и лица, взявшего или доставившего документ, — характерная черта делопроизводства той поры, отраженная во многих актах и «книгах».

[18*] Современники были убеждены в том, что и публицистические сочинения хранятся в архиве у царя. Потому-то, видимо, Иван Пересветов осмелился просить вернуть его «книжки», которые «легли... в казне государевой»[40].

зации и учета документов в Царском архиве (и даже в архиве Посольского приказа в первой половине XVII в.), как верно отметил И. Л. Маяковский, не следует преувеличивать[41].

Лишь постепенно выработались более четкие формы подробных описаний архивных документов, известные нам по описям архива Посольского приказа XVII в. — архива, образовавшегося на основе документальных материалов прежде всего Царского архива. Описи архива Посольского приказа, особенно опись 1626 г., составлены значительно подробнее, чем изучаемая. Впрочем, возможно, что более подробные описательные статьи были уже в не дошедших до нас «переписных книгах» А. Я. Щелкалова (или даже И. М. Висковатого). Ведь именно в середине XVI в. закладывались основы тех форм бюрократического делопроизводства, которые были характерны для Российского государства вплоть до реформ Петра I[42].

В описях архива Посольского приказа 1614 г., и особенно 1626 г., указываются часто не только название документа, но и время его составления, имена составителей, раскрывается более подробно содержание документа, отмечаются степень его сохранности и внешние признаки.

В. И. Гальцов не без основания (используя наблюдения А. А. Амосова о формуляре описательной статьи некоторых монастырских архивных описей[43]) полагает возможным выделить в формуле описи 1626 г. протокольную часть, содержащую сведения номинативно-титулярного характера; текстуальную, или основную, часть, отражающую нарративную информацию (конкретное содержание документа); эсхатокольную часть (дату составления документа или поступления его в приказ); удостоверительную часть, дающую сведения о наличии печатей и приписей; описательную часть, характеризующую внешний вид и состояние документа в момент фиксирования его в описи. Правда, формуляр отнюдь не всегда представлен в полном виде; не закреплено четко и место за каждым элементом формуляра[19*]. Но тенденция к возможно более полному и унифицированному описанию ясно прослеживается[44].

Тем самым описи архива Посольского приказа XVII в. (особенно если их рассматривать в сравнении с описью Царского архива) существенно помогают и раскрытию содержания описи Царского архива, и уяснению путей развития «практической археографии», архивной практики и делопроизводства в России XVI столетия.

[19*] Нельзя не подчеркнуть, что эти наблюдения о формуляре архивных описей в значительной мере основываются на достижениях последних лет в области изучения актовых источников, и прежде всего на трудах С. М. Каштанова по дипломатике[45]. (На эти труды опираются и в современных исследованиях о формулярах массовой документации Нового времени: пример тому — вышедшая в 1979 г. монография Б. Г. Литвака «Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в.»).

Примечания

[1] *Зимин.* Архив. С. 20—22; *Голубцов.* Опись. Л. 3—5.
[2] РИО. Т. 35. С. 300—301.
[3] Об этом см.: *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 27—28.
[4] Подробнее см.: *Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 287—323; *Он же.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 59—130.
[5] ОЦА. С. 7—8.
[6] *Веселовский.* Дьяки. С. 345; *Зимин.* Дьяки. С. 254—255.
[7] РИО. Т. 35. С. II.
[8] *Гальцов.* Архив Посольского приказа. С. 138.
[9] *Голубцов.* Опись. Л. 22; *Зимин.* Архив. С. 25.
[10] *Морозов Б. Н.* К изучению описей частных архивов XVI—XVII вв. // Вопросы источниковедения. С. 91; *Гальцов.* Черновые варианты. С. 128.
[11] ОЦА. С. 7; *Зимин.* Архив. С. 24; *Голубцов.* Опись. Л. 6—9.
[12] РИО. Т. 35. С. II—III; см. также: Газетная литература. С. 209—210.
[13] *Голубцов.* Опись. Л. 12, 13, 16, 21, 31.
[14] РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Ч. 2. № 587. Отрывки из выписки опубликованы Г. Ф. Карповым в 35 сборнике РИО — № 83, 84 (с. 477, 478, 479—499). Во введении (с. V—VI) охарактеризованы и «Выписка», и копии ее, сделанные в XVIII в.
[15] См.: *Флоря Б. Н.* Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 51; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г.: Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа. М., 1979. Ч. 1. С. 10, 12, 29, 73 (Вступит. статья подготовивших это издание С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского).
[16] Об этих документах см.: *Бережков.* Крымские дела.
[17] РГАДА. Ф. 123 (Дела Крымские). Кн. 9. Л. 51 об.
[18] *Зимин.* Архив. С. 26.
[19] *Белокуров.* Посольский приказ. С. 68. Примеч. 3.
[20] О «связках» см.: *Самоквасов.* Русские архивы. С. 4; *Колесников.* Исторический обзор. С. 100—102.
[21] ОАПП. Ч. 1. С. 31, 378, 380, 382; см. также с. 12 (вступит. статья В. И. Гальцова).
[22] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 76. Примеч. 1.
[23] РИО. Т. 35. С. 646.
[24] *Тихомиров.* Российское государство. С. 357—358; *Тихомиров, Муравьев.* Палеография. С. 24—25. О столбцах см.: *Колесников И. Ф.* Столбцы // АД. № 2/50; *Черепнин.* Палеография. С. 341—344; *Автократов В. Н.* К истории замены столбцовой формы делопроизводства тетрадной в начале XVIII в. // ПИ. М., 1959. Сб. 7. С. 275—276.
[25] *Зарубин.* Очерки. С. 194 и сл.
[26] *Левина.* Попытка систематизации; ОАПП. Ч. 1. С. 11 (Вступит. статья В. И. Гальцова).
[27] *Зимин.* Архив. С. 129.
[28] Там же. С. 31—32.
[29] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 55.
[30] *Левина.* Попытка систематизации. С. 425.
[31] *Назаров.* Свадебные дела. С. 118; *Зимин.* Архив. С. 289.
[32] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 79.
[33] РИО. Т. 41. С. 449.
[34] РИО. Т. 95. С. 225.
[35] РИО. Т. 35. С. 403.

[36] Там же. С. 405.
[37] Опись Государственного архива. С. 347—348.
[38] РГАДА. Ф. 127 (Дела Ногайские). Кн. 3. Л. 146.
[39] *Левина.* Попытка систематизации. См. также: ОАПП. Ч. 1. С. 11 (вступит. статья В. И. Гальцова).
[40] «Пересветов». С. 236.
[41] *Маяковский.* Очерки. С. 79—80.
[42] *Шмидт.* Дьячество.
[43] *Амосов А. А.* Архивная опись как источник информации об утраченных актах // СА. 1975. № 1. С. 63.
[44] ОАПП. Ч. 1. С. 15.
[45] *Каштанов.* Дипломатика. С. 26 и сл.

«Книги переписи» и «росписи» Царского архива

В XVI—XVII вв. как будто еще не знали раздельных обозначений для описей документов и описей книг (рукописных и печатных)[1*], хранившихся в «книгохранительницах». В языковом обиходе при описании документов бытовали слова и словосочетания «книга перепись», «переписные книги»[1] (или «переписные тетрати»)[2*], «переписные столпы», «роспись»[3*], «розспись» (самоназвание описи архива Посольского приказа 1614 г.)[2], «тетрать росписная ящиком»[3]. В XVI в. составлялись переписи документов подробные[4*] и краткие (типа инвентарно-справочных).

Какие же переписи Царского архива были составлены в XVI в.? Когда, кем и в связи с какими обстоятельствами была составлена изучаемая Опись?

Ответить на эти вопросы с должной уверенностью нельзя, так как из описей Царского архива известна в подлиннике только изучаемая Опись и, возможно, к Царскому архиву относилась недавно обнаруженная перечневая опись ящиков архива, составленная в конце XVI в. О других описях XVI в. некоторые сведения можно извлечь путем исследования изучаемой Описи и из переписных книг архива Посольского приказа, составленных в XVII в.

[1*] Описи древнерусских библиотек изучали Н. Н. Зарубин[4], в труде которого обнаруживаем и примеры употребительной тогда терминологии, и другие исследователи (в недавнее время особенно интенсивно — М. В. Кукушкина, А. А. Амосов и другие).

[2*] Впрочем, в описи Посольского архива 1626 г. «переписными книгами» названы и писцовые книги поместий Ярославского уезда («в тетратех»), и описи имущества царевича Михаила Кайбудинна (тоже «переписные книги в тетратех»)[5].

[3*] Так озаглавили опись дел приказа Новгородской четверти, вынесенных в пожар 1626 г.: «Роспись Новгородцкие четверти всяким делам, которые остались после пожару, как во 134 году майя в 3 день в Кремле городе горели приказы, и у того пожару в остатке дел при думном дьяке при Иване Грамотине с товарыщи»[6].

[4*] К концу XVI в. практика составления относительно уже подробных описей имела место и в приказных избах городов. Так, в сохранившейся «Книге переписной Новгородского судного приказа» за 1593—1600 гг. фиксировали название дела, внешний вид («в столпе»), количество сставов, наличие приписей дьяков, «вершено» или «не вершено», пометы о выдаче дел и прочее[7].

Знакомство с текстом изучаемой Описи позволяет утверждать, что ей предшествовали по меньшей мере две описи: опись, испещренная пометами, копией (или сокращенным вариантом) которой является дошедшая до нас Опись, и «книги» Ивана Михайлова, упоминаемые в Описи.

Важные свидетельства об описании Царского архива в XVI в. содержатся в описи архива Посольского приказа 1626 г. В 17 главе, озаглавленной «Книги московские», на л. 336 — 336 об. читаем: «Тетрать в ырхе[5*] росписная ящиком, 75-го году. Книга перепись новая по ящиком посольским старым и новым делам при дьяке при Ондрее Щелкалове по старой переписной тетрати дьяка Ондрея Васильева, и которые ящики с посольскими ж и с приказными делы прибыли при дьяке // при Ондрее Щелкалове; а которые ящики с посолскими ж и с приказными делы по Ондреевской тетрати Васильева взял государь к себе, и те ящики писаны в Ондреевской тетрати Васильева с его пометою; книги в коже в красной, а которого году, того не написано»[10].

Из этого текста узнаем, что в 1626 г. в архиве Посольского приказа находились еще две переписи XVI в.: перепись архива 1566—1567 гг. и недатированная «книга перепись», составленная при дьяке А. Я. Щелкалове. Причем эта переписная книга представляла собой копию «переписной тетради» дьяка А. Васильева, где Васильевым были сделаны пометы о документах, взятых государем «к себе», с дополнениями о ящиках с посольскими и приказными делами, которые «прибыли при» А. Щелкалове.

Н. П. Лихачев еще в труде, изданном в 1894 г., в одном из примечаний сделал «вероятное предположение относительно времени и происхождения» Описи. Опись, писал он, «это черновая книга, переписанная по приказанию дьяка Андрея Щелкалова с книг Андрея Васильева, по которой Щелкалов и принял архив своего предшественника», а «пометы старой тетради» внесены в «новую копию», «вероятно, рукою самого дьяка»[11].

Более детальное изучение описи Царского архива и описей архива Посольского приказа XVII в. и сопоставление почерка помет Описи с автографами А. Я. Щелкалова позволили мне (в статье, опубликованной в 1960 г.[12], и в других работах) прийти к выводу, что во второй половине XVI в., точнее сказать, в третьей четверти века, было составлено несколько описей Царского архива учетно-справочного характера и что составителем (или редактором) изучаемой Описи был А. Я. Щелкалов.

Позднее наши представления о последовательности описаний Царского архива XVI в. и о самой системе этих описаний расширились. Были обнаружены перечневая опись ящиков архива конца XVI в., черновые описи архива Посольского

[5*] В издании ДГГ и в издании Описи 1978 г. — неправильное написание «в-ыхре»[8]. В издании описи 1626 г. неправильно написано одним словом «вырхе» (л. 335 об., 336, 337). «Ирга», «ирха», по словарю В. И. Даля, — замша, выделанная из козлиной или овечьей шкуры. «Ирховый» — замшевый[9].

приказа 1626 г., беловые и черновые описи того же архива за другие годы XVII столетия, изучена (В. И. Гальцовым) система описания архивных документов в архиве Посольского приказа XVII в. А. А. Зимин, комментируя текст Описи, проследил «движение документов» и попытался реконструировать хронологические пласты документальных материалов, отложившихся в Царском архиве: архивы княжения Василия III, периода боярского правления времени малолетства Ивана IV, времени деятельности дьяка И. М. Висковатого, кануна и времени опричнины[13].

Остается безусловным факт существования переписных книг архивных документов, составленных под руководством И. М. Висковатого — «Ивана Михайлова» — или им самим. Такие «книги» упоминаются в Описи. Важно подчеркнуть, что названа не одна «книга», а «книги», т. е. несколько «книг».

В «книгах» Висковатого делались пометы о передаче документальных материалов архива в личную казну государя и в архивы правительственных учреждений и о получении документальных материалов из других архивов. Некоторые из таких помет обнаруживаются и в основном тексте изучаемой Описи. При составлении переписи Висковатым (или кем-то по его поручению), по-видимому, сразу же вносились в нее данные о документах, еще прежде взятых к государю[6*] (ящики 1, 3, 7, 8, 10, «у государя», «у государя в казне», «взяты к государю»).

Перепись Висковатого не охватывала всего документального материала архива. Некоторые ящики, пронумерованные еще прежде, не попали в эту перепись и, возможно, находились во время ее составления вне архива. Так, об одном из ящиков в основном тексте изучаемой Описи читаем: «Да ящик третей же. А в книгах не написан» (л. 225). Так же, можно думать, следует понимать и помету «не писан» возле описания ящика 80. Некоторые ящики — и притом как раз в первой части Описи, опирающейся на перепись Висковатого, — вовсе опущены в описании (ящики 40, 66, 76, 77, 79, 95).

Перепись архивных документов могла быть составлена Висковатым не ранее 1540-х годов (в 1542 г. он упоминается как подъячий при посольском деле; в 7057 г., т. е. в сентябре 1548 — августе 1549 г., «было приказано посольское дело Ивану Висковатому, когда он был еще в подъячих»[15], с 1549 г. — дьяк) и не позднее лета 1570 г., так как 25 июля этого года он был казнен. (6 июня 1570 г. Висковатый еще участвовал в приеме шведских послов)[16].

[6*] Наблюдения А. А. Зимина относительно того, что документы ящиков 8 (с материалами русско-имперских отношений конца XV — начала XVI в.) и 10 (с материалами о русско-датских отношениях конца XV — начала XVI в.) заинтересовали царя Ивана в связи с событиями середины и второй половины 1550-х годов[14], отнюдь не исключают интереса к этим документам и в более ранний период. Так, проект договора с императором 1514 г. с признанием за Василием III царского титула приобретал особую актуальность в связи с венчанием на царство Ивана IV в 1547 г. и последующей борьбой за признание этого титула другими государями.

«Книги» Висковатого вряд ли были первой переписью Царского архива. Документы архива широко использовали в правительственной деятельности и при написании летописей и ранее. После уточнения А. А. Зиминым содержания большого пласта документов внутренней и внешней политики времени Василия III и определения порядка размещения в хранилище ящиков с этими документами (первые 80 ящиков изучаемой Описи)[17] трудно сомневаться в том, что какие-то переписные документы справочно-учетного характера о материалах архива составляли и до конца 1540-х годов. Ведь ко времени составления переписных книг Висковатым имела место нумерация некоторых ящиков с документами, отраженная и в Описи! А Н. П. Лихачев еще в конце XIX века убедительно показал, что «архивы существовали уже в XV столетии и были настолько в порядке, что давали возможность проверки актов, раз становилось известно, кем подписана грамота»[18]. Он же привел и примеры достаточно отработанной справочной системы в посольской документации начала XVI в. Последовательное изучение В. И. Саввой всех посольских книг XVI в. подтвердило эти соображения. К составлению переписных книг архивов и другой справочно-учетной документации, естественно, могли привлечь только особо доверенных лиц и к тому же, видимо, причастных к организации внешних сношений и к документам посольской службы.

Особый интерес имеет в этом плане помета на обороте подлинной договорной грамоты с Великим Новгородом 1514 г., приведенная в исследовании А. А. Зимина и указанная ему Б. Н. Флорей: «Грамота семидесяти трех городов перемирная с Великим Новым-городом. Привез Иван Телешов», — ниже: «Положить в сундук. Записано». «Выражение "записано", — замечает А. А. Зимин, — имеет в виду, очевидно, запись в Опись Государственного архива, а "сундук" — его ящик». Это очень важное наблюдение[19]. Дьяк Иван Иванович Телешев был деятельнейшим участником дипломатических сношений Российского государства с конца XV в. почти до середины 1520-х годов[20].

И в самой Описи обнаруживается как будто намек на то, что в годы малолетства Ивана IV один из составителей и хранителей посольской документации мог иметь касательство и к делу регистрации движения посольских документов (и соответственно допустимо полагать, — к их учету и систематизации). В описании ящика 136 при упоминании грамоты «великого князя бояр с королевы послы о себежских спорных землях» отмечено: «а тое грамота нет, а послана, сказывают, на Себеж к себежским судьям при Третьяке»[7*]. Третьяк (Матвей) Михайлович Ра-

[7*] А. А. Зимин, комментируя приведенный текст и акцентируя внимание на слове «сказывают», полагал, что текст этот «возможно, связан с составлением "книг" И. Висковатого, когда обнаружилось отсутствие грамоты и по устным справкам объяснена была причина этого»[25]. Предположение его кажется очень вероятным, но оно отнюдь не исключает причастности Ракова к посольской документации и права распоряжаться ею (отсылать грамоту, хранящуюся в архиве). Более того, устные справки могли дать по памяти о пометах на каком-то документе учетно-справочного типа, не находившемся тогда под рукою у Висковатого и его сотрудников.

ков — влиятельный дьяк в 1530 — начале 1540-х годов[21]. Он участвовал в переговорах с литовскими послами, и как раз о «себежских рубежах». В январе 1542 г. Раков вместе с королевским писарем «сидел у грамот», т. е. составлял грамоты (любопытно отметить, что «грамоту великого князя писал подъячей Иван Михайлов сын Висковатого»[22]), и взял «обе грамоты» (т. е. написанные русским и литовским подъячими). Затем Ракову же велено было «грамоту чести» вслух перед государем и держать грамоты на блюде во время процедуры целования креста[23]. А когда в октябре 1542 г. в Москву возвратились отправленные к королю послы, Ракову же была отдана привезенная ими грамота «за королевскими печатми» и велено было «справити с тою грамотою, что писали на Москве королевы послы и печати свои к ней приложили»[24]. Обычно подобные обязанности выполнял позднее Висковатый, когда стал посольским дьяком и имел непосредственное отношение к документам Царского архива. (Это особо отмечает В. И. Савва[26].) Думается, что из лиц, связанных с организацией посольской службы и ведением дипломатических переговоров в Москве, некоторые имели доступ не только к документам архива, но были причастны к делу их хранения, систематизации и описания. Такими лицами, в частности, могли быть влиятельнейшие дьяки 1530-х годов Меньшик Путятин[27] и Федор Мишурин[28], а позднее — предшественник Висковатого по управлению посольской службой дьяк Бакака Карачаров[29].

Составленные прежде 1549 г. справочно-учетные документы архива (переписные книги и другие) как материалы, необходимые для текущего делопроизводства, вероятнее всего, находились в одном из помещений, где обычно работали приказные люди, под руками у правительственных деятелей. И тем самым становится очень велика вероятность их гибели в пожар 1547 г. Не этим ли объясняется краткость описания (или даже отсутствие описания) некоторых ящиков с документами еще в «книгах» Висковатого (как можно понять из текста, основанной в значительной мере на этих «книгах» Описи)? Однако даже если Висковатый, составляя свои «книги» описания Царского архива, и не мог пользоваться более ранними переписями архивных документов, он, будучи ранее связанным с организацией делопроизводства, и прежде всего посольского, вне сомнения, имел опыт обращения к этим переписям, был хорошо знаком с ними, а возможно, и с методикой их составления. Этот опыт, надо полагать, был использован Висковатым при составлении упоминаемых в Описи «книг Ивана Михайлова».

Не исключено, что Висковатый составил и не одну перепись; и, помимо «книг», существовали и более краткие переписи в «тетратех» или «списках», т. е. столбцах (как это имело место в архивной практике второй половины XVI — XVII столетия).

Составление переписи (или переписей — и кратких и пространной) архивных документов могло вызываться, помимо политических обстоятельств, надобностей, предопределенных проводимыми в годы правления «Избранной рады» реформами государственного устройства, или личных намерений царя Ивана, и практической

необходимостью после ущерба, нанесенного архивам пожаром 21 июня 1547 г. («великим» или «большим пожаром», как его называли современники)[8*], подобно тому как составление описей архивов Посольского и других приказов в 1626 г. явилось следствием пожара 3 мая 1626 г.[30], когда «все книги и дела погореша»[31].

В летописях под 1547 г. читаем, что «казна великого царя погоре... и постельная палата с казною выгоре вся»[32]. Есть все основания считать, что в дни пожаров апреля и особенно июня 1547 г. погибло много документов и правительственного делопроизводства и архивов светских феодалов, духовных корпораций и иных. Это подтверждается свидетельствами разнообразных источников[33]. Так, боярину кн. Мих. Ив. Кубенскому в ноябре 1547 г. была дана взамен меновной, сгоревшей «в большей пожар», «новая грамота жалованная» на село Куликово с деревнями и пустошами Дмитровского уезда, пожалованное ему «в вотчину против его вотчины» села Бобарыкина с деревнями и починками[35]. В правой грамоте 1551 г. Ивана IV Троицкому Калязину монастырю на имя приказчика села Ольявидово, принадлежавшего И. В. Воронцову, отмечено, что «черная грамота» «згорела в большей пожар»[36]. В жалованной грамоте Троицкому Белопесоцкому монастырю от 15 февраля 1548 г. указано, что «жаловалная грамота... згорела в городе на Москве, коли торг горел»[37]. В местническом деле 1576 г. Вас. Гр. Зюзина с Фед. Фед. Нагим[9*] о галицкой жалованной грамоте, данной родственнику одного из местничавших, сказано, что она «згорела на Москве в большей пожар, а не в царев приход»[38] (т. е. не в 1571 г., когда был набег крымского хана Девлет-Гирея и в Москве также возник пожар). А. И. Маркевич справедливо полагает, что речь шла о пожаре 1547 г.[39] В Приговоре 18 января 1555 г. о разбойных делах имелся даже особый раздел о лицах, заключенных в тюрьме, документация дел которых погибла во время пожара: «Сидят в тюрмах многие люди, и дела их в пожар погорели, сыскать про них нечем». Комментаторы считают, что в этой статье имелся в виду пожар 1547 г.[40]

Многие ценные документы Царского архива — династический архив, документы внешних сношений, часть документов, отложившихся в ходе внутренней политики, — уцелели в пожар 1547 г. (вероятно, они хранились в помещении, куда не проник огонь; быть может, в подвале одного из кремлевских зданий). Но часть

[8*] О страшном пожаре, когда выгорела почти вся Москва, сообщают многие летописи и другие источники. В челобитной священников Благовещенского собора в Кремле знаменитого Сильвестра и Симеона, написанной в связи с церковным собором января 1554 г., читаем: «то... ведомо; был, по грехом, великий пожар в сем царьствующем граде Москве, и все освященныя церкви и честныя иконы, и царьский двор, и полаты, и многие стяжанья и посады все, огнем погорели»[34].

[9*] Местническое дело — это столбец, скрепленный дьяком Андреем Шерефединовым, важнейший документ для истории времени правления Симеона Бекбулатовича. Из документов «дела» явствует, что находившийся в Старице царь, как и прежде, разбирал местнические споры и отдавал распоряжения («государевы приказы») боярам и дьякам, которые старались исполнять их скорейшим образом («тот час»).

документов, прежде всего непосредственно связанных с делопроизводством правительственных учреждений, не могла не пострадать.

В XVII столетии в подобных ситуациях составлялись обычно перечневые (чаще краткие) описи уцелевших архивных материалов и памятки об утраченных документах, а затем уже черновые и беловые переписные книги архива[41]. Не утвердилась ли подобная практика уже после пожара 1547 г.? Принимал ли Висковатый участие в такой работе, утверждать невозможно, но думается, что по крайней мере с 1549 г., когда в ведение его перешло посольское дело, связанное с использованием документов Царского архива, роль Висковатого в описании архивных документов стала заметной.

А. А. Зимин полагает, что книги Висковатого начаты были составлением не позднее 1551 г., и работу над ними представляет примерно так: «Придя к руководству архивом в 1549 г., Висковатый завел для его ящиков "книги", куда включил всю имевшуюся наличность (до ящика 137[10*])». По мере поступления в архив после 1549 г. «новых материалов ящики с ними нумеровались и добавлялись к прежним, о чем в "книги" делались соответствующие записи. Так постепенно на протяжении 1549—1561 гг. и складывалась вторая половина книг (с записями о текущих поступлениях)». А. А. Зимин замечает также, что в «книгах» было оставлено много чистых листов, а также чистого места между записями о содержании ящиков; и «по мере передачи материалов в другие ведомства или к государю Висковатый делал в своих книгах об этом лапидарные записи»[43].

Можно допустить, что именно так все и происходило. Но не менее вероятно предположение, что собственно «книгами» Висковатого было описание архивных документов, находившихся уже прежде в архиве (по 138 ящик), а «ящики, которые прибыли при дьяке при Иване Михайлове» (л. 293), т. е. не ранее 1549 г., не были описаны в «книгах». Во втором из этих ящиков (ящик 139) были «книги посольные», составленные «при дьяке Иване Михайлове» (и среди них книги «казанские», позднейшие из которых могли относиться к 1551—1552 гг.), а также Судебник 1550 г. Характерно различие помет о выдаче документов Царского архива: пометы у ящиков первой части описания Висковатого — «по книгам» («По Ивановым книгам Михайлова», «По Ивановым Михайлова книгам», «По Ивановым книгам» — ящики 1, 3, 7, 8, 10); пометы у ящиков с документами, поступившими в архив позднее, «при дьяке при Иване Михайлове», — «По Иванову письму Михайлова» (ящик 153), «По Иванову письму» (ящик 172). Не было ли отличия между «книгами» и иной формой «письма» И. М. Висковатого?

Безусловно, следует признать и факт существования «переписной тетрати» дьяка Андрея Васильева, т. е. еще одной описи Царского архива. Об этом написа-

[10*] Видимо, опечатка. Следовало бы написать: «до ящика 138», так как последний имевшийся в наличности ящик — «ларчик жолт 137», и А. А. Зимин сам пишет, что «ящиком 137 кончается второй пласт первой части Описи»[42].

но в описи архива Посольского приказа 1626 г. (л. 336). Андрей Васильев[11*] в 1550-е годы — разрядный дьяк, в 1561 г. перешел в Посольский приказ, с конца 1562 г. стал думным дьяком[46].

«Переписную тетрать» А. Васильева начали составлять не позднее 1570 г., так как с этого времени[12*] в Посольском приказе А. Васильева сменяет А. Я. Щелкалов. Особым доверием царя А. Васильев пользовался в 1560-е годы. Именно ему было поручено (вместе с дьяком Путилой Михайловым) в январе 1565 г. прочесть «перед всеми людми» царскую грамоту, обращенную к гостям, к купцам и «ко всему православному крестиянству града Москвы»[53], — грамоту, возвещавшую фактически начало опричнины. Перепись А. Васильева, в отличие от переписных «книг» Висковатого (в Описи), А. Щелкалова и описи архива Посольского приказа 1614 г. (в описи 1626 г.), названа в описи архива Посольского приказа 1626 г. «тетратью» («старая переписная тетрать дьяка Ондрея Васильева», «Ондреевская тетрать Васильева» л. 336 — 336 об., 334). Видимо, это была более краткая перепись, чем упоминаемые в изучаемой Описи «книги» Висковатого[13*].

[11*] По предположению Н. П. Лихачева, его фамилия Игнатьев[44]. В местнической челобитной М. И. Татищева 1598 г. отмечено, что Андрей Васильев был «сын Попов»[45]. Челобитная эта примечательна, в частности, тем, что показывает еще живучесть в конце XVI в. презрительного отношения в среде придворной и военной бюрократии к приказным людям и позволяет установить поповское происхождение виднейших думных дьяков Андрея Васильева и братьев Андрея и Василия Щелкаловых (Щелкаловы были сыновьями дьяка, выслужившегося из подьячих, и внуками попа)[47].

[12*] В те годы было два дьяка с таким именем. Один из них упомянут в описании «сыскного изменного дела» 1570 г. в описи архива Посольского приказа 1626 г.[48] среди тех правительственных деятелей, с которыми «ссылалися к "Москве" изменники-новгородцы. Андрей Васильев назван и в синодике Ивана Грозного. С. Б. Веселовский считал, что в синодике назван А. В. Монастырев-Безносов, новгородский дьяк, погибший во время новгородского погрома[49]. Н. П. Лихачев и В. И. Савва полагали, что посольского дьяка казнили вместе с Висковатым[50]. П. А. Садиков пишет более осторожно: «В 1570 г. он был обвинен в "Новгородском изменном деле" и, по всей вероятности, погиб во время казней по этому процессу, хотя такие современники, как Шлихтинг и Штаден, безусловно знавшие его лично, не упоминают его имени в числе казненных»[51]. Однако, если даже именно посольский дьяк А. Васильев оказался замешанным в «новгородском изменном деле», он не был казнен вместе с Висковатым, так как 26 августа 1570 г., через месяц после страшных казней 25 июля, он подписал грамоту к литовским послам[52].

[13*] Возражая против этого моего предположения, А. А. Зимин замечает, что «не всегда» «тетрать» отличалась краткостью от «книги» и «данных о том, что "книги" Висковатого были по объему текста значительно шире "тетрати" Васильева, у нас нет»[55]. Конечно, терминология памятников XVI—XVII вв. и современных им описаний еще не отличалась четкостью. Возможны и исключения, например известная «Тетрадь дворовая» 1550-х годов. Но, как правило, — и это отмечают А. И. Соболевский, И. Ф. Колесников, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин[56] и другие палеографы — книга составлялась из нескольких сшитых и переплетенных вместе тетрадей. В посольских книгах XVI в. тетради иногда нумерованы через каждые восемь листов книги (например, в восьмой книге Крымских дел, хранящейся в РГАДА). Трудно согласиться и с предположением А. А. Зимина, будто разница между «книгой» и «тетратью»

(Впрочем, Н. П. Лихачев называет эту «тетрать» «книжкой» и «книгами»[54].)

Характерной чертой «тетрати» А. Васильева, согласно описи 1626 г., были пометы этого дьяка о документах («ящиках»), взятых из Царского архива государем «к себе». В изучаемой Описи из 74 помет 57 о документах, взятых государем (или к государю). Кроме того, такие пометы внесены и в основной текст. Это-то и позволяет сближать упомянутую в описи 1626 г. «старую переписную тетрать дьяка Андрея Васильева» с протографом изучаемой Описи.

Н. П. Лихачев датирует составление (точнее, начало составления) «тетрати» А. Васильева временем «около 1562—63 года»[58]. Эту дату можно еще более уточнить. Протограф сохранившейся Описи написан был, вероятнее всего, до апреля 1562 г. — времени самой ранней из датированных помет (ящик 179) о передаче документов царю («взяты ко государю в казну»). Помета ящика 186 о купчей кн. Петра Сем. Лобана-Ряполовского на село Ламну, что «дал тот ящичек царь и великий князь с Казенного двора лета 7070 февраля 15», помещенная внутри описательной статьи, свидетельствует, скорее всего, о том, что ее перенесли сюда из прежней описи. Если с этим согласиться, то время составления тетради А. Васильева устанавливается с точностью до месяцев: не ранее 15 февраля и не позднее апреля 1562 г. А. Васильев с февраля 1561 г. стал участвовать в дипломатических переговорах и должен был иметь непосредственное отношение к посольской документации, сосредоточенной в Царском архиве.

Вероятно, в «тетради» А. Васильева было оставлено мало места для записей о движении документов, и пометы об этом (и прежде всего о выдаче документов государю), испещрившие «тетрадь», сделали ее трудночитаемой, неудобной для наведения справок. (Н. П. Лихачев охарактеризовал «книжку Андрея Васильева» как «записанную, исчерканную, ставшую неразборчивой»[60].)

Опись, составленная А. Васильевым (или под его руководством), включала сведения как о документах, ранее отмеченных в описи Висковатого, так и о последующих поступлениях в архив (или «старых» делах, но выявленных после составления «книг» Висковатого). Первоначальный вариант этой краткой переписи, как можно убедиться, знакомясь с текстом Описи, изменялся и дополнялся. Внесены были данные, и довольно подробные, о новых поступлениях: о делах 1560-х и даже начала 1570-х годов. Причем, хотя большая часть ящиков с новыми поступлениями имела номера после 138 (т. е. ящика, прибывшего при Висковатом), поздние документы обнаруживаются и в ящиках первой части Описи. Например, докумен-

«могла заключаться и в том, что "книга" была переплетена, а "тетрать" нет»[57]. В описи архива Посольского приказа 1626 г. как раз упоминаются тетради в переплете и среди них — «тетрать в ырхе росписная ящиком 75-го году». И. Л. Маяковский, оспаривая мнение Д. Я. Самоквасова, писал: «Если две или несколько тетрадей подшивались одна к другой таким образом, что получалась тетрадь о двух или нескольких корешках, то такая тетрадь называлась "книгой". Таким образом, первоначальным признаком, отличавшим эту форму от формы тетради, была количественная разница в корешках, но не переплет»[59].

ты русско-шведских переговоров 1572 г. оказались в ящике 103. Следовательно, изменился и порядок расположения документального материала в архиве. Добавления в перепись, сделанные позднее, вероятно, связаны с деятельностью А. Я. Щелкалова, который еще прежде мог иметь отношение к документам Царского архива, а с 1570 г. в ведение его перешла организация внешних сношений Российского государства.

Составленную около 1562 г. «переписную тетрать» могли переписывать и учитывая новые пометы о выдаче документов Царского архива и изменения в расположении документов в хранилище. Возможно, что одной из таких новых переписей была известная составителям описи 1626 г. «тетрать в ырхе росписная ящиком 75-го году».

Любопытно отметить, что «тетрать» эта была переплетена («в ырхе»), следовательно, воспринималась (даже если переплет появился и позднее, в начале XVII в.) как нечто более или менее завершенное — целое или определенная часть целого. Впрочем, это могла быть и самостоятельная перепись, составленная в связи с тем, что Иван Грозный основательно «пересмотрил» в августе 1566 г. Царский архив (т. е. явно нарушил порядок расположения архивных дел) или даже опись дел, выделенных (или выделяемых) для архива опричного «государева» двора[14*].

А. А. Зимин признает «тетрать... росписную ящиком 75-го году» той «старой переписной тетратью дьяка Ондрея Васильева», о которой упомянуто рядом в описи 1626 г., и считает, что это — подлинник, с которого сделали беловые копии — выполненную А. Я. Щелкаловым «книгу перепись новую» (или «книги в коже»), также названную в описи 1626 г., и «сходную копию» — «дошедший до нас текст» описи Царского архива. А. А. Зимин и в другом месте той же работы пишет, что «дошедшая до нас рукопись представляет собой беловую копию» прежней описи[61]. С этими суждениями трудно согласиться.

Даже если не касаться вопроса об отличиях формата «тетрати» и «книги» (а составители Описи 1626 г. придавали этому немалое значение), нельзя не заметить того обстоятельства, что «тетрать в ыхре» датирована временем не ранее сентября 1566 г., а тетрадь, использованная в дошедшей до нас Описи, написана — как отмечалось уже — не позднее апреля 1562 г. Нет никаких оснований утверждать и то, что изучаемая Опись — это беловик.

Напротив, Опись написана достаточно небрежно (ошибки и описки, внесенные в основной текст пометы, разные почерки), осталась незавершенной, не имеет дьячьих скреп. Вероятнее всего, составление этого варианта Описи должно было предшествовать оформлению ее беловика. Подобная практика характерна для подготовки описей архива Посольского приказа XVII в. Тогда, по наблюдениям В. И. Гальцова, прежде чем оформлять беловой экземпляр архивной описи, составлялись с целью проверки наличия архивных дел и уточнения системы их опи-

[14*] И. И. Полосин обратил внимание на то, что «выдел государева архива не случаен, а связан со всей системой организации государева двора»[62].

сания «переписные черные списки» (т. е. копии) прежних архивных описей (в «столпах» или в тетрадях). Опираясь на такие «черные списки», «по пересмотру» выявляли «против прежних переписных книг несысканные дела», а также обнаруженные «сверх прежних переписных книг»[15*]. Вслед за этим уже составляли новый полный черновой вариант описи, отражавший реальное наличие документов и порядок их систематизации. Он становился основой белового варианта описи с дьячьей скрепой. В. И. Гальцов отметил упоминания черновиков описей в описаниях архивных дел последующего времени, изучил черновые описи 1626 г. и опубликовал некоторые описательные статьи одной из них[63]. В этой черновой описи, так же как в изучаемой Описи XVI в., пометы на полях делопроизводственного характера («Зри»; «Писать не так»; «Не писать, писано не так») и много исправлений — приписанных и зачеркнутых букв, слов и целых фраз.

Составители Описи переписывали вначале лишь основной текст, оставляя место для перенесения помет о движении документов, и прежде всего о документах, оказывавшихся у государя. Эти данные содержали не только справочного порядка сведения о судьбе документов, но могли служить и оправданием в случае их ненахождения.

При составлении изучаемой Описи использовали, вероятно, не только сравнительно краткую «тетрать» А. Васильева, но и «книги» Висковатого[16*]. По ним сверяли соответствие Описи (или ее протографа) наличным архивным документам. Из «книг» Висковатого, можно думать, были привнесены в изучаемую Опись (или в ту рукопись, которая послужила ее протографом) и элементы более подробного описания отдельных документов «старых лет». Например, в описании «грамоты потверженой» литовских послов, написанной ими в Москве в 7029 г., указывается: «Рука Богушева, а печать Янушева» (ящик 6). Из «книг», видимо, рассчитывали почерпнуть и сведения о документах первой половины XVI в., для описания которых оставили место на листах дошедшей до нас Описи.

Изучаемая Опись, как отметил еще А. Н. Ясинский[66], была составлена не ранее 1572 г.: в ней названа грамота шведских послов, написанная «в 80-м году» (ящик 103). Он датируется январем 1572 г.[67]; в основной текст перенесена помета о деле, взятом к государю 12 июля 1570 г. (последний ящик без номера).

В Описи имеются три пометы о документах, взятых государем в июле 1571 г. (ящики 168, 204, 205). За 1572—1573 гг. нет помет. Позднейшая из помет о

[15*] Такой порядок был принят, видимо, и в монастырских архивах. М. В. Кукушкина на основе изучения описи Соловецкого монастыря 1570 г. и других описей показала, что описи не всегда составляли полностью заново. Первоначально проверяли наличие описываемых документов и предметов, выявляли вновь поступившие, внося их в старый еще инвентарный перечень, и лишь затем готовили новую опись[64].

[16*] И. А. Голубцов тоже полагал, что в основе Описи не один источник и что пометы сводились из двух или более источников[65].

«печати большой», взятой к государю в 83-м году, т. е. в промежуток времени с сентября 1574 г. до конца августа 1575 г. (ящик 155). Этим данным соответствуют сведения и о времени изготовления бумаги изучаемой рукописи (1567, 1569 гг.), и о возможной средней «залежности» бумаги в XVI в.[68]

Вероятно, важной причиной составления Описи была смена руководства Царским архивом и как естественное следствие ее — ознакомление А. Я. Щелкалова с делами архива и системой их хранения, учета, с организацией делопроизводства в архиве. Можно думать, однако, что одним из поводов к составлению новой описи архивных дел был и на этот раз пожар — опустошительный московский пожар 1571 года, «в приход крымского царя» (хана Девлет-Гирея)[17*], когда погибли многие документальные материалы. По словам Штадена, во время пожара сгорели «все челобитные, судные списки и расписки»[18*]. После пожара был особый «государев приказ» — «всем бояром и дворяном и всяким людем, у кого государевы жаловальные грамоты и доходные списки и всякие крепости погорели, и они б являли и записывали»[19*]. Следует иметь в виду и то, что в начале 1570-х годов происходили и преобразования центрального управления, связанные с официальным упразднением опричнины. Очень важно, что в это время, как полагает В. И. Корецкий, снова попали в общегосударственный архив документы, находившиеся прежде в опричном архиве Ивана Грозного[69].

Необходимость получить при всех этих обстоятельствах хотя бы примерное представление о состоянии Царского архива — его составе и имеющейся уже систематизации — могла побудить к скорейшему осуществлению первого этапа описания архива: к составлению черновой копии прежней краткой переписи. Н. М. Бережков справедливо отметил, что Опись «в том виде, в каком она дошла до нас, носит характер спешного составления, как будто, например, по случаю ревизии или передачи архива в ведение другого лица или при переносе его в другое помещение и т. п. Так или иначе, заключал он, опись Царского архива производит впечатление именно наскоро сделанного и очень краткого реестра»[73].

Есть серьезные основания полагать, что Опись составляли при самом непосредственном участии Андрея Яковлевича Щелкалова, сменившего А. Васильева в руководстве Посольским приказом. А. Я. Щелкалов стал уже в начале 1570-х годов особо приближенным человеком царя Ивана. Именно ему вместе с Малютой

[17*] О пожаре писали не только современники. Память о нем сохранилась и в поздних памятниках, даже в провинциальных летописях, выделяющих особо лишь самые исключительные события, поразившие и потомков. Так, в Вологодской летописи по списку конца XVII — начала XVIII в. после краткой выразительной характеристики похода Ивана Грозного в Новгород («Новъград громлен бысть») столь же лапидарно написано о событиях следующего, 7079 (т. е. 1571) г.: «Мор болшей был. Того ж лета крымской Москву выжег»[70].

[18*] «Da aber die Muska vorbrante mit allen supplicationibus, registern und quitanzien...»[71].

[19*] Сведения об этом «государевом приказе» находим в упоминавшемся уже местническом деле В. Г. Зюзина с Ф. Ф. Нагим 1576 г.[72]

Скуратовым было после набега Девлет-Гирея поручено вести следствие и «расспросити» вернувшегося из Крыма русского гонца[74]. Едва ли не А. Я. Щелкалов сопровождал царя в застенок, где Грозный самолично допрашивал под пыткой вернувшихся из Крыма пленных[75]. К нему обращается из Александровой слободы царь и при разборе местнических дел, и при ведении дипломатических переговоров и подготовке к ним. Большой вес в окружении царя и в правительственном делопроизводстве уже тогда приобрел и младший брат его, Василий.

О разнообразной и неутомимой деятельности А. Я. Щелкалова сохранилось немало свидетельств в актовом материале, в посольской документации[20*]. И русские, и иностранные авторы (современники и мемуаристы) писали о его все возраставшем влиянии на государственные дела в последние десятилетия XVI в. Поражали его необычайная работоспособность[21*] и склонность к личному вмешательству в делопроизводство. А. Я. Щелкалов большое внимание уделял самой организации письмоводства, выработке формуляров официальных документов, их систематизации. По наблюдениям В. И. Саввы, изучившего все посольские книги конца XV — XVI в. (и изданные, и оставшиеся неопубликованными), особенно подробны и обстоятельны посольские книги тех лет, когда Посольским приказом управлял А. Щелкалов[77]. В них записаны распоряжения о встречах и приемах послов, отмечены места аудиенций, приезды послов к царскому двору, данные о составлении посольской документации и т. д. Имеются прямые указания на то, что он «чернил» (т. е. редактировал) документы, даже составленные его братом Василием (так, в одном из местнических дел 1580-х годов при упоминании о «черном списке» свадьбы Магнуса и дочери кн. Владимира Андреевича Старицкого, подготовленном Василием Щелкаловым, отмечено: «а черненье в том списке брата его Ондреева Щелкалова»[78]). В 1570—1580-е годы А. Я. Щелкалов слыл лучшим знатоком архивной документации.

Очень вероятно, что А. Я. Щелкалов сам «правил» Опись, переносил в нее пометы (и даже составлял описание некоторых ящиков), а быть может, и сверял соответствие написанного в «тетрати» А. Васильева с материалами архива. Почерк помет очень схож с почерком А. Я. Щелкалова, известным по другим документам[22*]. А. Я. Щелкалов писал поручные записи по боярам, поручившимся за кн. Александра Ив. Воротынского (20 апреля 1563 г.)[79], боярина Ив. Вас. Шереметева-Большого (8 марта 1564 г.)[80], кн. Мих. Ив. Воротынского (12 апреля 1566 г.)[81]: «А подписал царя и великого князя диак Ондрей Яковлев сын Щелка-

[20*] Изучению документов, связанных с деятельностью А. Я. Щелкалова, в значительной мере посвящена дипломная работа В. Н. Егорова, подготовленная в МГИАИ в 1973 г.

[21*] Голландец И. Масса писал о А. Я. Щелкалове (характеризуя время правления царя Федора Ивановича): «не имея покоя ни днем, ни ночью, работая, как безгласный мул, он еще был недоволен тем, что у него мало работы, и желал еще больше работать»[76].

[22*] Выражаю признательность за консультации при знакомстве с почерком А. Щелкалова С. Е. Князькову.

лов». В деле о приезде А. Поссевино, видимо, почерком А. Щелкалова, внесены исправления и приписаны нижние строки к отпискам[82]. Причем в деле Поссевино фигурирует иной, более небрежный, вариант почерка А. Щелкалова. Известна и подпись А. Я. Щелкалова на приговоре Земского собора 2 июля 1566 г. («К сей грамоте Ондрей Щелкалов руку приложил»)[83]. Сохранилась данная А. Я. и В. Я. Щелкаловых Троице-Сергиеву монастырю на сельца Настасьино и Селково с деревнями (Переяславского уезда) от 77-го, т. е. от 1568/69 г.[84] На обороте данной написано: «К сей данной Ондрей Яковлев сын Щелкалов руку приложил». Ниже идет рукоприкладство брата его Василия (почерки братьев схожи).

Большое сходство обнаруживается также между почерком А. Я. Щелкалова (особенно почерком рукоприкладства на приговоре Земского собора 1566 г.) и почерком, которым внесены исправления в Краткую выписку о сношениях между Российским и Литовским государствами за 1462—1565 гг. в столбце на л. 1 вместо зачеркнутых слов (о Сигизмунде I) «на королевстве не был» между строк более светлыми чернилами в две строки написано: «Был же на великом княжестве Литовском после брата своего Олександра»[85].

Почерк А. Я. Щелкалова не оставался неизменным на протяжении десятилетий. Различия заметны даже в одном и том же документе, например в поручной записи по боярам, поручившимся по князе М. И. Воротынском (последняя часть записи написана более крупными буквами и более размашисто, чем начальная).

Почерк помет на рукописи описи Царского архива явно приближается к автографам А. Я. Щелкалова: схожие написания букв «к», «р» и «л», а также, пожалуй, «е» и «и»; слитное написание букв «др»; несомненное сходство в написании имени «Ондрей» (пометы на л. 316 об. и 323 о документах, взятых Андреем Васильевым) и, особенно, фамилии «Щелкалов» (помета на л. 310 об. о выдаче документа Василию Щелкалову).

Почерк помет, в свою очередь, очень близок к почерку некоторых листов Описи (особенно л. 337 об. — 347 об. и 275—277 об.). На этих листах описаны ящики с документами 1550—1560-х годов, т. е. относительно новые поступления, а в описании ящика 101 (л. 276—276 об.), как отмечено выше, переданы даже пометы государя на документах, т. е. имеются элементы особенно подробного описания.

Изучаемая Опись никак не может быть признана составленной А. Я. Щелкаловым «книгой переписью новой по ящиком», о которой упоминается в описи 1626 г.: в 1626 г. изучаемая рукопись находилась за пределами России, в Польше.

Сложнее ответить на вопрос: могла ли «книга перепись новая» быть копией изучаемой Описи? Если считать ее такой копией, то тогда придется признать, что Опись в дошедшем до нас виде является лишь частью протографа этой «книги», и, возможно, сравнительно небольшой частью. Ведь в описании 1626 г. отмечено, что «книга перепись новая» представляла собой не только копию «старой» тетради

А. Васильева, по и описание ящиков с посольскими и с приказными делами, «которые... прибыли при дьяке при Ондрее Щелкалове». Между тем в Описи таких дел упомянуто крайне мало.

Важно отметить и то, что «перепись новая» А. Щелкалова, в отличие от «тетрати» А. Васильева, названа «книгой» или даже «книгами». Впрочем, остается неясным из описания 1626 г.: «перепись новая» составлена была в «книге» или в «книгах». Вероятно, более следует доверять другим переписным книгам Посольского архива XVII в. — черновой описи 1626 г. (где приписано: «книга в коже красной») и описи, составленной, по наблюдениям В. И. Гальцова, не ранее 1681 г., где тоже читаем о «книге переписной...»[23*].

Однако использование А. Щелкаловым именно изучаемой Описи при составлении «книги переписи новой» очень вероятно, ибо в описании 1626 г. подчеркнуто как отличительная черта «тетрати» А. Васильева наличие в ней помет Васильева о «ящиках», которые «взял государь к себе».

Можно предполагать, что «книги» А. Щелкалова должны были заменить не только «тетрать» А. Васильева, но и устаревшие к тому времени «книги» Висковатого. И фраза из описи 1626 г.: «которые ящики с посольскими ж и с приказными делы прибыли при дьяке при Ондрее Щелкалове» — вряд ли случайно почти дословно близка к словам изучаемой описи Царского архива: «А се ящики, которые прибыли при дьяке при Иване при Михайлове». Еще И. А. Голубцов предполагал, что при описании переписной книги Щелкалова составители описи 1626 г. использовали имевшийся в этой книге заголовок[86]. Обращение В. И. Гальцова к черновику описи 1626 г. подтвердило догадку вдумчивого знатока наших архивных памятников[87]. Заголовок, переданный в описи 1626 г., донес до нас изменившуюся уже ко второй четверти XVII в. терминологию заголовков документов последней четверти XVI в.

В описи 1626 г. отмечено, что переписные книги не датированы («а которого году, того не написано»), в отличие от «росписной тетрати» 7075 г. или «книги 7073-го переписной казны» царевичей Ивана и Федора Ивановичей. И. А. Голубцов объяснял отсутствие даты тем, что переписная книга А. Я. Щелкалова могла предназначаться и для дальнейшего внесения в нее сведений о других документах[88], т. е. осталась незавершенной.

[23*] Думается, что первый раз в описи 1626 г. слово «книга» характеризует форму документа (в отличие от столбцовой, и по объему — в отличие от «тетрати»), а в конце описательной статьи отмечено, что книга (или книги) «в коже в красной». Когда книги не были переплетены, это составителями описи 1626 г. оговаривалось («книги в тетратех», «переписные книги в тетратех» — л. 348, 348 об., см. также л. 749 об., 750 об.), так же как и утрата переплета («ветха и поплела и изодрана, бес кожи» — л. 341). Видимо, это была достаточно толстая книга (или книги), так как следующие за ними в описании два документа названы «книшками» (л. 336 об.). Безусловно, описанная «книга» (или «книги») была в четвертку, так как размер книг в «десть» тоже особо оговаривается в описи 1626 г. (л. 334, 338, 338 об., 339, 341, 341 об., 346, 751).

Это предположение, поддержанное и В. И. Гальцовым, кажется основательным. Однако есть данные для приблизительной датировки, во всяком случае, начала работы по составлению «книги переписи новой»: это вторая половина 1570-х — начало 1580-х годов. В описании имеется указание на пометы «государя», а не государей, т. е. одного лишь Ивана IV. Составители описи 1626 г. придерживались хронологического порядка расположения документов по главам. Предшествующие этой «книге» документы датированы 7073 (т. е. 1564—1565) и 7075 (т. е. 1566—1567) гг.; а следующая затем первая датированная книга о поставлении на царство Федора Ивановича — 1584 г. Так как в описании выделены «новые дела» при А. Я. Щелкалове, более того, «ящики» с такими посольскими и приказными делами, то можно предположить, что эта перепись была составлена не ранее того времени, когда А. Я. Щелкалов сменил Висковатого и А. Васильева.

Особенно важно отметить то, что еще в конце XVII в. эта переписная книга, как выяснил В. И. Гальцов, находилась в архиве Посольского приказа и названа в описи этого архива среди посольских документов: «Книга переписная старым делам при дьяке при Андрее Щелкалове, а которого году переписываны дела, того не написано»[89]. Тем самым появляется надежда на обнаружение этого ценнейшего памятника отечественной истории.

Примечания

[1] *Гальцов.* Малоизвестный источник. С. 56; Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. / Подгот. публикацию М. В. Кукушкина // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 351; ОАПП. Ч. 1.
[2] ОЦА. С. 47.
[3] ОАПП. Ч. 1. С. 210.
[4] *Зарубин.* Очерки.
[5] ОАПП. Ч. 1. С. 216.
[6] ЧОИДР, 1905. Кн. 1. Смесь. С. 12 / Подгот. к печати С. К. Богоявленский.
[7] АЮБ. Т. 2. № 139.
[8] ДДГ. С. 479; *Зимин.* Архив. С. 25.
[9] *Даль.* Словарь. Т. 1. Стб. 110.
[10] ОАПП. Ч. 1. С. 210. См. также: ДДГ. С. 479.
[11] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 61.
[12] *Шмидт.* Описи. С. 65.
[13] *Зимин.* Архив. С. 4—5 (Предисловие Л. В. Черепнина).
[14] Там же. С. 114, 118.
[15] *Белокуров.* Посольский приказ. С. 26. О Висковатом см.: *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1/2; *Веселовский.* Опричнина. С. 366—367; *Он же.* Дьяки. С. 93 (неточно указана дата казни Висковатого); *Леонтьев.* Приказы. С. 144—152; *Скрынников.* Опричный террор. С. 82—83, 92, 96; *Зимин.* Архив. С. 103—104.
[16] РИО. Т. 129. С. 186.
[17] *Зимин.* Архив. С. 244—249.
[18] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 56.

[19] *Зимин*. Архив. С. 122, 123.
[20] О Телешове см.: *Савва*. Посольский приказ. Вып. 2. С. 27 и сл.; *Веселовский*. Дьяки. С. 510; *Зимин*. Дьяки. С. 271—272.
[21] О Ракове см.: *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 94—95; *Савва*. Посольский приказ. Вып. 2. С. 86—99; *Веселовский*. Дьяки. С. 445—446; *Зимин*. Дьяки. С. 265—266; *Леонтьев*. Приказы. С. 96.
[22] РИО. Т. 59. С. 166.
[23] Там же. С. 166—167.
[24] Там же. С. 203.
[25] *Зимин*. Архив. С. 304.
[26] *Савва*. Посольский приказ. Вып. 2. С. 99.
[27] О Путятине см.: *Савва*. Посольский приказ. Вып. 2. С. 25—89; *Веселовский*. Дьяки. С. 441—442; *Зимин*. Дьяки. С. 263—264.
[28] О Мишурине см.: *Савва*. Посольский приказ. Вып. 2. С. 70—89; *Веселовский*. Дьяки. С. 344—345; *Зимин*. Дьяки. С. 253—254; *Шмидт С. О.* К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
[29] О Бакаке Карачарове см.: *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 95—96; *Савва*. Посольский приказ. Вып. 2. С. 90—114; *Веселовский*. Дьяки. С. 226—227.
[30] ОАПП. Ч. 1. С. 7 (вступит. ст. В. И. Гальцова. Указаны источники и специальная литература).
[31] ПСРЛ. Т. 31. С. 160.
[32] ПСРЛ. Т. 13. С. 152, 454; Т. 29. С. 52, 151; Т. 31. С. 131.
[33] *Шмидт*. Становление. С. 82; *Он же*. Оружейная палата; *Щенникова Л. А.* О происхождении древнего иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля // Сов. искусствознание—81. Вып. 2 (15). М., 1982.
[34] ААЭ. Т. 1. С. 247 (№ 238).
[35] Там же. № 215; Архив Строева. Пг., 1915. Т. 1. С. 290—291; см. также: *Жарков И. А.* К истории московских пожаров 1547 г. // ИА. 1962. №. 3. С. 244.
[36] РБЛ. Ф. 28. № 93 (см.: *Лебедев Д.* Собрание историко-юридических актов И. Беляева. М., 1881. С. 22); *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 55.
[37] РГАДА. Ф. 281. (ГКЭ по Кашире № 10/5772); *Каштанов*. Хронологический перечень. Ч. 1. № 573.
[38] РИС. М., 1842. Т. 5. С. 34.
[39] *Маркевич*. Местничество. С. 300.
[40] ПРП. Вып. 4. С. 359, 388.
[41] *Гальцов*. Черновые варианты.
[42] *Зимин*. Архив. С. 306, см. также с. 310.
[43] Там же. С. 313.
[44] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 102.
[45] *Мятлев Н. В.* Челобитная Михаила Татищева. М., 1907. С. 5—6.
[46] О А. Васильеве см.: *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 102—109; *Белокуров*. Посольский приказ. С. 29—30; *Савва*. Посольский приказ. Вып. 1—2; *Веселовский*. Дьяки. С. 80.
[47] *Шмидт*. Дьячество. С. 187.
[48] ДДГ. С. 480; ОАПП. Ч. 1. С. 257.
[49] *Веселовский*. Опричнина. С. 413.
[50] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 61, 109; *Савва*. Посольский приказ. Вып. 2. С. 147.
[51] *Садиков*. Очерки. С. 358.
[52] РИО. Т. 71. С. 751; *Зимин*. Опричнина. С. 442.
[53] ПСРЛ. Т. 13. С. 392.
[54] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 61.
[55] *Зимин*. Архив. С. 314—315.

[56] *Черепнин.* Палеография. С. 231—232; *Тихомиров, Муравьев.* Палеография. С. 22—24. См. также: *Альшиц.* Разрядная книга. С. 133.
[57] *Зимин.* Архив. С. 314. Схожее мнение Д. Я. Самоквасова см. в кн.: *Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России. Кн. 2. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России. М., 1902. С. 4; *Он же.* Русские архивы. С. 4.
[58] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 60. См. также: *Лаппо-Данилевский А.* С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С. 56. Примеч. 1.
[59] *Маяковский.* Исторический очерк. С. 67.
[60] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 61.
[61] *Зимин.* Архив. С. 25—26, 551.
[62] *Полосин.* Очерки. С. 184.
[63] *Гальцов.* Черновые варианты; ОАПП. Ч. 1. С. 18—24 (вступит. ст. В. И. Гальцова); Ч. 2. С. 3—12.
[64] *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977; *Шмидт С. О.* Монография о книжной культуре XVI—XVII веков // Книга: Исследования и материалы. Сб. 37. М., 1978. С. 208.
[65] *Голубцов.* Опись. Л. 20, 27.
[66] *Ясинский.* Архив. С. 3.
[67] РИО. Т. 129. С. 219—221.
[68] *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 202 и сл.
[69] *Корецкий В. И.* Описи древнерусских архивов. // ИА. 1961. № 1. С. 163.
[70] ПСРЛ. Т. 37. С. 173; см.: Там же. С. 103 («Архангелогородский летописец»).
[71] *Штаден.* С. 97; *Staden.* S. 49.
[72] РИС. Т. 5. С. 19.
[73] *Бережков.* Крымские дела. С. 15.
[74] *Кобрин.* Опричный двор. С. 23.
[75] «Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма», опубликован С. К. Богоявленским // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. Смесь. С. 26—33.
[76] *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 45.
[77] *Савва.* Посольский приказ. Вып. I. С. 18.
[78] Временник ОИДР. М., 1852. Кн. 14. Разд. 2. С. 13.
[79] РГАДА. Ф. 135. Отд. III. Рубр. II. Д. 27. Л. 3 об.; Древлехранилище. № 224; СГГД. Ч. 1. № 179; Воспроизведена (нечетко) в кн.: Русский исторический альбом на 1837-й год, изданный М. Погодиным. М., 1837. Л. 8. № 58.
[80] РГАДА. Ф. 135, Отд. III, рубр. II. Д. 29. Л. 2 об.; Древлехранилище. № 226; СГГД. Ч. 1. № 181.
[81] РГАДА. Ф. 135, Отд. III, рубр. II. Д. 37. Л. 3 об.; Древлехранилище. № 238; СГГД. Ч. 1. № 191.
[82] РГАДА. Ф. 79 (Сношения с Польшей). Оп. 1. 1581 г. Д. 1. Л. 167, 163, 175, 176 и др. См. также: *Лихачев Н. П.* Приезд Поссевина. С. 60. Примеч. 2.
[83] РГАДА. Ф. 135, Прилож. рубр. III. Д. 28; СГГД. Ч. 1. № 192.
[84] РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ по Переяславлю-Залесскому). Д. 8961/237. Л. 1 об.
[85] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1462 г. Д. 1. Л. 1.
[86] *Голубцов.* Опись. Л. 208.
[87] *Гальцов.* Малоизвестный источник. С. 56.
[88] *Голубцов.* Опись. Л. 208.
[89] *Гальцов.* Малоизвестный источник. С. 56; РГАДА. Ф. 138. Оп. 3. Д. 5-а. Л. 96 об.

Состав архива. Использование его документов

Основой Царского архива XVI в. был московский великокняжеский архив, в котором оказались важнейшие документальные материалы московских великих князей — предков Ивана Грозного и их родственников.

В связи с концентрацией в XV — начале XVI в. в Москве (как показал Л. В. Черепнин) архивов великих и удельных княжеств в Царском архиве отложилась и часть документальных материалов архивов великих и удельных князей, а также и феодальных республик, земли которых вошли в состав единого Российского государства.

Не вполне ясным остается вопрос о судьбе архивов Новгородской боярской республики, и прежде всего ее главного государственного архива, дошедшего до нас лишь в малой своей части. Еще в довоенные годы И. Л. Маяковский писал о постепенном, на протяжении столетия, изъятии новгородских документов, а А. В. Чернов — о том, что в 1478 г. Иван III «забрал весь новгородский архив»[1]. То, что Иван III интересовался в 1470-е годы документами, хранившимися в Великом Новгороде, вне сомнений: была вывезена находившаяся в Софийском соборе Кормчая 1282 г., в составе которой — древнейший из дошедших до нас списков «Русской Правды» («Пространной Правды»). Эту Кормчую возвратили в Новгород при Василии III: ее привез из Москвы в 1526 г. утвержденный архиепископом Макарий (позднее ставший знаменитым митрополитом, наставником Ивана IV). Л. В. Черепнин полагал, что Кормчую передали обратно в Новгород, «так как в составе этого памятника не оказалось ничего такого, что подтверждало бы политические притязания ни Новгорода, ни Москвы»[2].

Соображение это кажется справедливым, но следовало бы иметь в виду и то, что во второй четверти XVI в. заметно оживление интереса к новгородским историко-культурным традициям: в Новгороде возрождается организованная работа над летописанием, создаются Великие Макарьевские Минеи-Четьи[3], объединяющие жития местных русских святых, и многие другие литературные произведения. «Это было, — пишет Д. С. Лихачев, — идейным собиранием русской церкви, подобно тому политическому объединению Руси, которое незадолго до этого было осуществлено московскими великими князьями»[4].

Здесь использовались традиции обоснования общерусского значения Новгорода, особенно проявлявшиеся в общественно-политической жизни и в культурной деятельности еще при архиепископе середины XV в. Евфимии II[5]. Но, в отличие от противомосковской тенденции, характерной для начинаний времени Евфимия, при Макарии, подчеркивая исконные славу и величие Великого Новгорода, старались отметить и его исконную зависимость от московских великих князей[6] — наследников величия князей Древней Руси. Соответственно переделывали и ранее написанные сочинения, что особенно выразилось в придании окончательного московского оформления житию Михаила Клопского, составление которого в 1537 г. поручили «московскому чиновнику» (выражение Д. С. Лихачева) Михаилу Тучкову.

Отмечая загадочность «судьбы новгородского государственного архива», Л. В. Черепнин полагал, что этот архив «погиб, и вряд ли случайно. Возможно, что его намеренно уничтожила московская рука, не желая хранить те документы, которые не отвечали политическим позициям Москвы конца XV в.»[7] Сомнения в основательности этого предположения Л. В. Черепнина высказал И. Л. Маяковский[8]. Часть новгородской документации выявляется в Описи; небезлюбопытно, что в августе 1566 г. из ящика 59 «докончальные ноугородцкие взял государь к себе»[1*]. Некоторые документы бывшего новгородского архива могли вызвать интерес Ивана Грозного в связи с организацией страшного новгородского погрома 1570 г.[2*] и затем оказаться в его личном архиве вместе с документами «сыскного изменного дела» 1570 г., не названными в Описи, но известными по описи архива Посольского приказа 1626 г.[10]

И. П. Шаскольский в работе «Судьба государственного архива Великого Новгорода» показал недостаточную основательность мнений как о вывозе основного массива документации новгородского архива (или новгородских архивов) в Москву в 1471—1477 гг., так и об уничтожении тогда архива московскими властями. Новгородский архив в конце XV и первой половине XVI в. оставался в Новгороде. Там оставались даже основные документы внешнеполитических отношений — договоры с соседними государствами, тем более что «Новгородское государство» (упоминаемое в титуле государей всея Руси — великих князей, а затем царей) формально продолжало функционировать, а стоявшие во главе его управления наместники сохраняли и внешнеполитические функции — право непосредственных сношений с иностранными государствами. В обязанности новгородских наместников долго оставалось и внутреннее управление не только Новгородом, но и его громадными владениями, что тоже предопределяло необходимость обращения к прежней документации. Свое значение для практических нужд администрации, как

[1*] Грамоту «Великого Новагорода посадников ноугородцких и купцов, докончалную, с печатьми». По мнению Л. В. Черепнина, это не дошедший до нас приговор 1477 г. о неповиновении московскому великому князю[9].

[2*] Известно о массовой реквизиции документов монастырских архивов Новгорода в 1570 г.[12]

выяснил И. П. Шаскольский, старый новгородский государственный архив стал утрачивать после середины XVI в. Архив погиб, по его мнению, в самом же Новгороде позднее и «не в результате преднамеренного акта назначенной из Москвы администрации, а от человеческого небрежения»[11]. Следами существования архива можно признать ежегодно вымываемые в Новгороде во время весенних паводков свинцовые вислые печати (буллы) от документов времени существования Новгородской республики[13]. (Данные эти обобщены в исследовании В. Л. Янина[14].)

Можно думать, что не была вывезена и значительная часть архива Псковской боярской республики[15], так как рядом с Псковским кремлем при раскопках внутри каменной гражданской постройки обнаружены фрагменты истлевшего пергамента и много вислых свинцовых печатей (с XII в. по первые годы XVI в.)[16].

Быть может, при решении вопроса о концентрации в Москве архивов прежде самостоятельных государств особое внимание обращали в XIV—XVI вв. на архивы тех государств, во главе которых были наследственные монархи — великие и удельные князья, имевшие право претендовать на соперничество с московскими государями?

Подробности об остатках архивов некогда самостоятельных (или полусамостоятельных) государственных образований, отложившихся затем в общегосударственном российском архиве, о публикации и современном местонахождении уцелевших доныне документов приводятся в исследованиях Л. В. Черепнина и А. А. Зимина, данные эти используются при изучении и политической истории XIV—XVI вв., и истории архивного дела.

Поглощение крепнущими монархиями других феодальных владений, а вместе с тем и их архивов, концентрация этих архивов в одном месте[17] — характерное явление в истории всех стран в период образования централизованных государств с их разветвленной системой многочисленных учреждений и более громоздким аппаратом чиновников. В это время постепенно организуются главные государственно-политические архивы, где сосредоточиваются и важные документы предшественников монарха на троне (т. е. наследственный династический архив) и основные документы по внешней и внутренней политике его времени[18].

Подавляющее большинство документов Царского архива — это документы XVI столетия. В Царском архиве, несомненно, были сосредоточены документы внешней политики. В Описи указываются названия документов внешних сношений, приводятся имена русских и иностранных государей, русских и иностранных послов и гонцов[3*], даты написания документов и доставки их из-за рубежа в Мо-

[3*] В русской транскрипции того времени иностранные имена, фамилии, а также географические названия в Описи нередко искажались, иногда до неузнаваемости (С. А. Левина проследила это явление по описи архива Посольского приказа 1614 г.)[19]; ее интересные наблюдения полезны и при изучении описи Царского архива). Эти искажения — иногда устойчивые — могут представлять интерес для лингвистов, специалистов в области ономастики.

скву. Это дает возможность, особенно в случае сохранности посольских книг, установить содержание описываемых документов, проверить их датировку.

Изучение подлинника Описи позволяет уточнить данные о месте документов внешней политики государства в составе Царского архива 1570-х годов.

В ста двадцати одном ящике находились документы, безусловно относившиеся к области внешней политики и сношений русских государей со служилыми ханами и ханычами, получившими владения на Руси. В нескольких ящиках были документы, которые также можно признать имеющими определенное отношение к внешней политике: чертежи пограничных городов, описания «дорог» и наказы воеводам во время войн (ящики 57, 144, 153, 164, 220, 221), черный список соборного «приговора» 1566 г. о «Ливонской земле» (ящик 225), сыскные дела о бегстве или попытках бегства за рубеж (ящики 174, 229), «Летописец литовских князей» (ящик 114). В ящике 155 лежала «печать большая» (ее, видимо, использовали для оформления официальных внешнеполитических актов»)[4*]. В связи с внешнеполитическими задачами правительства (во время дипломатических переговоров, при подготовке соответствующей документации) могли обращаться и к летописным заготовкам (для них отвели ящик 224, материалы которого затем, в 1568 г., были посланы «ко государю в Слободу»[5*]). В двенадцати ящиках хранились вперемешку документы и внешней и внутренней политики, при явном преобладании документов внутренней политики (ящики 26, 139, 145, 150, 160, 172, 183, 187, 188, 191, 201, 217).

В восьмидесяти девяти ящиках находились документы только внутренней политики, в том числе дела прежних лет, касающиеся династии. В них хранились «тетрадь поставленья царского», дела «соборные», различные жалованные грамоты, уставные грамоты городам и волостям, разъезжие грамоты городов и уездов, чертежи[20] и списки городов и дорог, местнические дела, духовные, поручные, целовальные записи, описи имущества, купчие, меновные, кабалы, судные списки, сыски, обыски, челобитные, жалобницы, посыльные и присыльные документы разнообразного характера, всевозможные книги[6*], росписи, выписи, от-

[4*] Внешнеполитическими интересами следует, видимо, объяснить и наличие в ящике 202 печатей: «Юрьевской», т. е. епископа города Юрьева (нынешний г. Тарту), и «Вельянской», т. е. печати магистра Ливонского ордена Фюрстенберга, резиденцией которого был г. Феллин (нынешний г. Вильянди). По мнению Н. А. Соболевой, из-за отсутствия печати за образец эмблем могли принимать монетные изображения[21]; в этом же ящике находились и образцы денег, «каковыми торговали в Юрьеве немцы» («ефимки», т. е. талеры, «полуефимки» и «пенези»).

[5*] В Царском архиве находились тогда и некоторые книги, в том числе на латинском языке (в «коробье ноугородской» между 134 и 135 ящиками) и на восточных языках («куран татарской, на чом приводят татар к шерти», в ящике 218; «книги татарские» в ящике 172). Они могли, следует полагать, использоваться и для правительственной деятельности в области внешней политики.

[6*] Царский архив являлся, видимо, и хранилищем «книг чтомых» — рукописных и печатных — или был тесно связан с особой книгохранительницей. Об этом писали И. Н. Жданов в 1870-е годы, исследователи 1890-х годов. Н. Н. Зарубин включает книги, названные в Описи,

пуски, отписки, указы, памяти, «посылки», «списки», «скаски», «дела» и т. д.[7*]

В ящиках, содержащих документы внешней политики, как правило, находилось немного документов, хотя подчас и значительного объема («книги»). В ящиках, содержащих преимущественно документы внутренней политики, обычно находилось много разнообразных документов (среди которых имелись и документы большого объема). Так, в ящике 26 с документами первой половины XVI в. «рознь» состояла не менее чем из 30 «дел». Сходным был порядок хранения документов внутренней политики и в третьей четверти XVI в., т. е. в период составления изучаемой Описи и предшествовавших ей описей Висковатого и А. Васильева. (Многие из этих документов представляли собой как бы новые поступления в архив.) В этом убеждает знакомство с составом и содержанием документов ящиков 191[8*], 215[22], 217, 223 и некоторых других. Приведем в доказательство описание ящика 223: «Ящик 223. А в нем посылка руского дияка Мансура, и тетрать, и списки черные, что у него взято в коробье; отпуск на Каменное бывшего владыки полотцкого Арсения с Лукою с Карсаковым; отпуск на Двину в Онтоньев монастырь на Сею старца Ионы Чюдовского с сытником с Пятым с Ыльиным; списки черные, грамоты Ивана Юмина; обыск князя Ондрея Петровича Телятевского в Юрьеве Ливонском про Олексееву смерть Адашева, и списки черные, писал память, что писати в Летописец лет новых, которые у Олексея взяты; посылка на Двину, в Сейской монастырь, Тимохи Тетерина з Григорьем Ловчиковым; дело Ондрея Кашкарова да Тимохина человека Тетерина Поздячка, что они Тимохиным побегом промышляли[9*]; да туто ж грамоты черные воеводцкие о местех князя Петра Кашина со князем Дмитреем Немым; грамоты о местех князя Дмитрея Немова с Захарьею Петровичем Яковля; грамоты и челобитные князя Дмитрея Шастунова со князем Александром Воротынским; посылка князя Михаила да

а также книги, находившиеся, по свидетельству источников, в «царских казнах» (арабская рукописная книга, отнятая в 1549 г. у казанских послов, ехавших к крымскому хану, сочинения Ивана Пересветова, пожертвования царя в другие хранилища и др.), в состав библиотеки царя Ивана[23].

[7*] Подробнее см. по предметно-терминологическому указателю ОЦА. Некоторые разновидности документов внутренней политики, находившихся в период составления Описи в Царском архиве и упомянутых в ней, отмечены еще А. Н. Ясинским.

[8*] В 191-м ящике 19 дел. Укомплектован он, как верно отметил Р. Г. Скрынников, после учреждения опричнины (указ об ее учреждении назван первым в описании) и, видимо, не позже ноября 1569 г. Но это не дает еще достаточных оснований для утверждения, что ящик и «описан никак не позже ноября 1569 г.»[24] Вполне возможно, что перечни дел, находившихся в ящике, составляли сразу же после того, как их объединяли в одном ящике и вслед за этим вносили соответствующие дополнения в имевшуюся уже архивную опись. Но после описания ящика 219 с документами 1565—1569 гг. в ряде ящиков с последующей нумерацией описаны документы и предшествовавшего времени. Это допускает предположение, что дела ящиков могли быть описаны и в период составления общей архивной описи, т. е. и позднее 1569 г.

[9*] Хотя Тетерин бежал за рубеж, бегство этого занимавшего сравнительно невысокое служебное положение человека вряд ли может в данном аспекте рассматриваться в плане внешней политики.

князя Федора Яновых ко князю Петру Щенятеву; грамота Олексея Басманова со князем Васильем Лопатиным о местех; грамота Федора Михайлова Плещеева со князем Петром Кашиным; грамота ж Олексея Даниловича Басманова да Федора Плещеева со князем Иваном с Копырею с Кашиным; грамота князя Михаила Воротынского, что ему велено быти в Ерославли в левой руке, а из Ярославля итти к Казани, и ему в левой руке быти не пригоже, что в передовом полку князь Петр Шуйской; грамота князя Федора Куракина, что к нему Иван Шеин не ездит, и Шеину с ним быти и велено; грамоты Семена Пешкова з Долматом Карповым о местех; да грамота на Резань ко князю Ондрею Курбьскому, чтоб молвил князем, которым велено быти со князем Михаилом Воротынским, чтоб ко князю Михаилу ездили и были с ним без мест: князь Ондрей Катырев, князь Дмитрей Куракин, князь Данило Одоевской, князь Петр Телятевской и иные князи»[25].

Не менее двадцати «дел» находилось также и в последнем, без номера ящике, начало описания которого не уцелело. Это были в основном новые поступления, так как среди документов названы «посылка в опришнину», учреждение которой относится к 1565 г., и «отписки» новгородских дьяков 1569—1570 гг. Андрея Безносова и Кузьмы Румянцева (погибших в 1570 г.).

Наконец, значительная часть документов внутренней политики осталась вовсе не описанной. В рукописи вслед за суммарным описанием некоторых ящиков («А в нем списки, рознь» — ящики 115, 120, 123; «А в нем приказные дела» — ящик 161; «А в нем списки розные и судные дела» — ящик 109; «А в нем грамоты поручные» — ящик 34 и т. д.) оставлено место для более подробного описания хранившихся в ящиках документов[10*] (ящики 34, 107, 109, 115, 116, 118, 119, 120, 123, 129, 130, 132, 133, 161, 162 и др.).

Первые издатели Описи в примечании указали на характерные для рукописи пробелы[26]. Однако историки архивного дела долгое время не обращали внимания на это замечание и не изучали подлинник рукописи, что привело к неправильному представлению о составе описанного архива (см. рис. 2).

Наблюдения над Описью приводят к выводу, что в Царском архиве 1570-х годов сохранялось (или было описано) значительно больше документов внутренней политики 1550—1560-х годов, чем документов внутренней политики предшествовавшего времени. Причиной упоминания в Описи сравнительно небольшого количества документов внутренней политики первой половины XVI в. могли быть пожары 1547 и 1571 гг. Но, думается, следует искать объяснения и в том обстоятельстве, что часть документов осталась неописанной в «книгах» Висковатого, так как документы эти утратили уже ко времени составления «книг» Висковатым политическую актуальность для правительства[11*].

[10*] См. вклейку в издании ОЦА между с. 30 и 31 (фотокопии л. 287 об. и 288 рукописи изучаемой Описи), а также фотокопии листов рукописи в этой книге.

[11*] Видимо, старые дела приказные люди не позволяли себе уничтожать без государева указа, но за сохранностью их уже не следили.

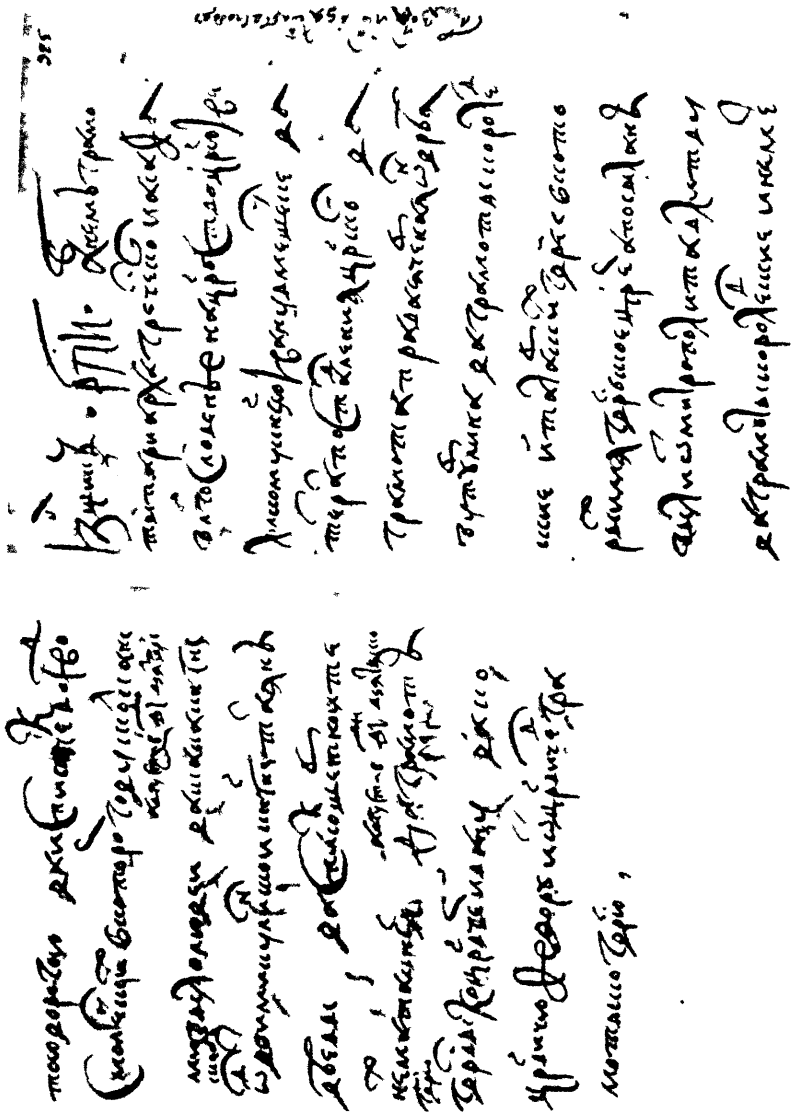


Рис. 2. Опись Царского архива, л. 322 об. — 323

Весьма вероятно, что Висковатый при разборе дел «старых лет» и подготовке книг-переписей особое внимание обращал только на наиболее важные дела, и среди них — на местнические списки — «счетные дела», использовавшиеся к тому же и при составлении разрядной книги официальной редакции и «Государева родословца»[12*].

Любопытно отметить, что неописанными оказались «списки Губы Моклокова рознь»[27] (ящик 75), «списки и грамоты черные Ивановские Малого»[28], «ящик... Бакакинъской[29] с приказными делы» (ящик 162). Может быть, при этих ящиках имелись уже описи, составленные названными дьяками или теми, кто знакомился с этими «делами» после кончины дьяков или их отхода от правительственной деятельности. (В изучаемой Описи оставлено место для более подробного описания.) В XVII в., по наблюдениям В. И. Гальцова[30], описание документов думных дьяков проводилось во время смены руководства в приказе или в случае выдачи дел из архива. Не характерен ли такой обычай уже для XVI столетия?

Самую же существенную причину различия в численности имевшихся в Царском архиве документов внутренней политики за вторую четверть XVI в. сравнительно с документами за третью четверть этого столетия следует усматривать в том, что именно с середины XVI в. в связи с реформами системы управления и дальнейшим развитием делопроизводства резко возрастает самый объем правительственной документации.

Обращает внимание и разница в количественном отношении описанных документов внутренней и внешней политики за первую половину XVI в. и за первые десятилетия второй половины века. Из документов первой половины века (когда Посольского приказа как особого учреждения, ведавшего организацией внешних сношений государства, еще не было) больше названо и описано документов внешней политики. Из документов третьей четверти века больше описано документов внутренней политики. Таким образом, можно утверждать, что в третьей четверти XVI в., в момент составления описи Царского архива, документы внутренней политики, не связанные своим происхождением с Посольским приказом, занимали в Царском архиве не меньшее, а, видимо, даже большее место, чем документы внешней политики. Мнение Н. П. Лихачева[32], повторенное затем и другими ис-

---

[12*] Впрочем, и такого рода документы не всегда можно было учесть и толково описать. Порядок их мог оказаться перепутанным, части разных столбцов перемешанными, а предварительное ознакомление с такой разрозненной документацией задержало бы (и не на малое время) описание архива. Изучение В. Д. Назаровым свадебных дел XVI в. показало, что в архиве сохранялись подлинники и черновики текстов всех вариантов (первоначальных, промежуточных и окончательных) свадебных назначений. И приказным деятелям по прошествии лет становилось уже трудно разобраться в уцелевших частях росписей. Вряд ли исключением явилось то, что в свадебном деле Василия III 1526 г. оказались некоторые документы первого бракосочетания Ивана IV в феврале 1547 г., а в свадебном деле самого Ивана IV две «памяти» из документации свадебных торжеств его отца и две грамоты из свадебного дела брата его Юрия (тоже 1547 г.)[31].

следователями, о преобладании в Царском архиве дел Посольского приказа не подтверждается при внимательном изучении подлинной рукописной Описи.

* * *

Документы Царского архива имели в годы правления Ивана Грозного большое политическое значение[33]. Это предопределяло заботу об их сохранности и систематизации, характер их использования и даже перераспределения (внутри архива и между архивами). «Документы, — отмечал И. Л. Маяковский, — как и военное оружие, требовалось всегда держать наготове и иметь при себе»[34]. В период феодальной раздробленности, как известно, важные архивные документы обычно сопровождали европейских монархов, являясь частью их багажа во время военных походов и «ездов» по стране[35]. Тогда же стали снимать копии с документов, а затем и составлять особые сборники копий, позднее названные копийными книгами. Архивы государя воспринимались долгое время и как фамильная собственность, часть его вотчинного владения. И при Иване Грозном, не всегда склонном отличать государственное от «государева», такой взгляд на Царский архив в известной мере продолжал сохраняться.

Не только новые, но и «старые» дела использовались им в целях современной политической практики. В 1566 г. царь ознакомился с духовными и договорными грамотами великих и удельных князей, с документами архивов бывших великих княжеств и Новгорода; часть архивных дел он распорядился перенести в свою Постельную казну. По мнению Р. Г. Скрынникова, некоторые из этих документов оказались необходимыми царю в связи с составлением им духовной (завещания)[36].

В поисках причин и поводов боярско-княженецких измен (реальных и мнимых) и оправдания проводимой им политики репрессий Иван IV тоже опирался на документы Царского архива. Не случайно «сыскное дело» о Семене Ростовском 1554 г. Иван IV взял к себе через девять лет «во княж Володимерове деле Ондреевича», как помечено в Описи (л. 314 об.), т. е. при разбирательстве дела князя Старицкого. Отнюдь не случаен и состав документов, отобранных им для временной передачи — а значит, и более пристального изучения — в Постельную казну[13*] в Александрову слободу (где был свой застенок и постоянно чинили суд и расправу).

К следственным материалам, отложившимся в Царском архиве, прибегали и при составлении синодика в последние годы жизни Ивана Грозного. Р. Г. Скрынников отметил упоминание в описи архива Посольского приказа 1614 г. ящика, «а в нем дела старые блаженные памяти при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии, и приказные, и доводные, и наказы по опальных людей, и розпросные речи, и росписи животом опальных людей...»[37]. Содержимое этого ящика, зафик-

[13*] См. очерк «Царский архив и Постельная казна».

сированное еще в Описи (последний ящик описания), осталось полностью нераскрытым, так как часть листов рукописи утрачена. Но в сохранившейся части описания названы следственные дела на опальных, использованные при составлении синодика[38].

Царский архив был теснейшим образом связан с текущим правительственным и придворным делопроизводством, с делами, непосредственно касающимися самого государя. Здесь сосредоточились челобитные на государево имя и решения, принятые после рассмотрения челобитных, а также и изветы, на основании которых чинили розыск (обычно под пыткой), и многочисленные судебно-следственные дела[39], в том числе «соборные дела» против еретиков[14*]. В Царском архиве подбирали документы для работы заседаний Боярской думы, думских комиссий, там и откладывались материалы этой деятельности. Постоянно обращались к документам Царского архива при местнических спорах; там хранились и сами местнические дела[40]. Документы Царского архива о служебных назначениях (при дворе, в армии, в центральных и местных учреждениях) использовали при составлении разрядных росписей и разрядных книг[15*], при подготовке свадеб государей и их родственников[16*], при праздновании рождения царских детей, организации похорон и т. д. Становится очевидным, что при традиционности форм придворного и служебного обихода[43] реликтам, запечатленным в соответствующей документации, находилось применение для современных нужд.

Документальные материалы Царского архива широко использовались во внешней политике Российского государства. Иван Грозный и его дипломаты всегда смотрели, «яко в зерцало... прародителей своих поведение»[44]. Именно в делах Царского архива найдены были казавшиеся по представлениям того времени дос-

---

[14*] В тексте так называемого Судного списка Максима Грека и Исака Собаки сочли необходимым подчеркнуть, что материалы о процессах Максима Грека были обнаружены в 1540-е годы в Царском архиве («обретен бысть в царской казне подлиной соборной список», «в царской казне ныне обрелся соборной список Данила, митрополита всея Русии, о ереси Максима Грека Святогорского»; и митрополит Макарий, «тот соборной подлиной список выслушав, и вычел»). Ссылка на обретение «в царской казне» этих документов раскрывает сам механизм составления подобных публицистических памятников и приемы, с помощью которых пытались убеждать в их подлинности[41].

[15*] Для разрядных росписей заимствовали данные и из посольских книг. Так, достаточно распространена выписка из Казанских посольских книг о назначениях воевод на восточных границах государства летом 1482 г. («...в Казанских книгах в посольствах написано...»[42]).

[16*] Готовясь к свадьбе, знакомились со «свадебными делами» прежних лет, с «чином» организации этих свадеб. В Царском архиве «свадебные книги» были объединены вместе в особом ящике (152-м). Из более подробного описания (черновика описи архива Посольского приказа) 1626 г. узнаем, что тогда вместе сосредоточили все свадебные дела, начиная со второй свадьбы Василия III и кончая свадьбой Михаила Романова. Интересно отметить, что в этом ящике («ящик невеличек, окован, без замка») хранилась и связка дел судебного процесса Максима Грека[48]. Не подтверждает ли это мысль о связи первой опалы Максима Грека с разводом Василия III и его новой свадьбой в 1526 г.?

таточно убедительными «исторические» обоснования начала Казанской войны[45] и Ливонской войны[46]. На документы Царского архива ссылались (и в России и за рубежом) в доказательство «исторических» прав Ивана IV на царский титул[47] и в подтверждение признания этого титула другими государями иногда их даже показывали послам[17*]. Их использовали во время переговоров с посольствами[18*], ссылаясь иногда на прежние «грамоты» (по формуле «во всех перемирных грамотах», как заявил И. М. Висковатый в 1553 г. во время переговоров с послами короля Сигизмунда II Августа)[50]. Русские дипломаты, по словам такого выдающегося знатока памятников всеобщей истории, как Р. Ю. Виппер, «умели настойчиво защищать права и притязания своей державы, причем орудовали историческими ссылками и свидетельствами старых летописей с таким искусством, каким, пожалуй, не располагал никто больше в Европе»[51]. В посольских книгах нередки ссылки на летописи (недавние и старые), причем не только на русские, но и на зарубежные. (Не зря в Царском архиве хранились литовские и польские летописи.) Во время переговоров с польско-литовскими послами зимой 1562/63 г. дьяки обращались и к их хроникам («и в ваших кроникох посмотря, то найдется», «и то в ваших кроникох описано» — о войнах времени Ягайла и Витовта), и к «грамотам

[17*] Любопытны записи, касающиеся спора о царском титуле во время переговоров с послами Сигизмунда II Августа 30 января 1556 г. («в набережной полате в комнате») ответной комиссии, в составе которой был И. М. Висковатый, оперировавший документами архива как доказательствами. Речи и действия ответной комиссии описаны так: «...А говорите, что государь вашь не пишет государя нашего того для, что иные никоторые государи нашего царем не пишут, а пишется тем титлом один цесарь; и толко государю вашему писати государя нашего тем титлом цесаревым, и о том будет на государя вашего гнев от цесаря и от иных християнских государей. И коли вам о том ведома нет, а нашим речам не верите, ино во се грамоты цесаревы и иных государей, и вы смотрите тех грамот, как в них писано.

Да давали бояре послом смотрити грамот Максимилиана цесаря доканчалную с великим князем Васильем, а писан в ней князь велики Василей царем, а печать у нее Максимилиянова золота; да грамоту посылную цесарева сына Филипа, ишпанского короля, к великому князю Василью, что писал царем же; да грамоты доканчалные датских королей Крестерна и Ивана; да грамоту присылную к царю и великому князю цесарева сына Карлосова Филипа английского и ишпанского короля; да грамоту доканчалную свейского короля с наместники Великого Новагорода».

Послы предложили, чтоб те грамоты послали показать их королю («и те грамоты послал показати государю нашему, и государю б нашему то ведомо было»). И бояре говорили: «...те грамоты доканчалные не посылаются ни х кому, лежат в государской казне; а не токмо их посылати не пригоже, и не кажут их никому: а мы ныне вам их показали спору для и безделново для вашего упрямства»[49].

В описании ящика 188 любопытное указание на «грамоты королевские и татарских государей, в которых имя государьское царем, а посыланы были от митрополита в Литву; да грамоты королевские, и неметцкие, и греческие, в которых писано царем же».

[18*] В частности, с Поссевино, который писал: «После продолжительных переговоров с его (Ивана IV. — *С. Ш.*) советниками мне были предоставлены документы и дела из наиболее тайных архивов. Московский князь хотел довести их до сведения папского престола для охраны своих интересов от польского короля»[53].

жаловалным руских государей», которые «в государя нашего в царьского величества казне»[52].

Во время дипломатических (и торговых) переговоров в Москве всегда старались припомнить «старину», ссылались на прецеденты (такие факты в изобилии приведены в труде В. И. Саввы о Посольском приказе XVI в.[19*]). «Ответным комиссиям» иностранным посольствам обычно приказано было «сыскати старые грамоты»; например, в 1581 г.: «сыскати старые грамоты: какова им (английским купцам. — *С. Ш.*) дана грамота, и пристанища выписати морские»[55]. В связи с приездом папского посла Поссевино в 1581 г. А. Щелкаловым сделаны были выписки из посольских книг 1525—1526 гг. («из старых книг») о переговорах с Герберштейном при участии прелата Джан Франческо ди Потенца («Ивана Френчюшко»). Подлинник этого дела не обнаружен и известен лишь по выпискам Щелкалова[56]. (Любопытно, что в 1614 г. в архиве Посольского приказа «столпик, приезд папина посланника Францышка» хранился рядом со «столпом о папине после Онтоне Посевиюнусе»[57]). Посольству Поссевино предписывалось давать продовольствие и корм лошадям «в ту версту, как литовским болшим послам»[58]. Следовательно, обращались и к документам о приездах и приемах посольств (хранившимся в Царском архиве или в подручном архиве Посольского приказа, видимо в Посольской палате, а также в архиве Ямского приказа).

На основании материалов Царского архива составлялись выписки из посольских дел о сношениях с отдельными государствами. Они были незаменимым справочным пособием для московских дипломатов. Известны выписки о сношениях Российского государства с Польско-Литовским: краткая[59] и пространная. В подробной приказной Выписке за 1487—1573 гг.[60] умело изложены основное содержание посольских документов и дипломатических переговоров, сведения о приеме послов и гонцов. Вероятно, и эта Выписка является (подобно изучаемой Описи) копией более ранней Выписки, так как в рукописи много помет (приписки, исправления слов и цифр), перенесенных из другой рукописи. Составление Выписки в середине 1570-х годов можно объяснять и политическими обстоятельствами — выдвижением кандидатуры русского государя на польский престол.

Большая часть посольских книг XVI столетия остается неизданной, хотя в целом из посольских книг этого века ученые черпали многообразную информацию[20*].

[19*] Работа В. И. Саввы — результат сплошного просмотра всех посольских книг конца XV — XVI в. — и опубликованных и хранившихся в архивах[54].

[20*] Детально отдельные группы посольских книг исследовали все ученые, изучавшие те или иные проблемы, связанные с историей внешней политики Российского государства. Привлекли внимание посольские книги XVI в. и в плане изучения истории государственных учреждений и аппарата управления государством (труды Н. П. Лихачева, С. А. Белокурова, особенно В. И. Саввы); Посольские книги (прежде всего сношений с мусульманскими государствами) как делопроизводственный источник изучали Н. А. Смирнов[61], А. А. Новосельский[62] и другие ученые. Е. И. Индова, опираясь преимущественно на посольские книги, охарактеризовала русскую посольскую службу в конце XV — первой половине XVI в. и типичные для этого времени посольские документы[63]. Л. А. Юзефович на основании сведений посольских книг и других

Наиболее полный обзор содержания памятников внешних сношений был сделан еще Н. Н. Бантыш-Каменским[64]. Н. М. Рогожин провел большую работу по проверке прежних описаний и новому описанию содержания посольских книг до 1605 г. и выявлению их публикаций. Оказалось, что из имеющихся ныне 93 книг (бывшего МГАМИД) по взаимоотношениям с 13 странами издано полностью или в значительной мере только 36[65].

Н. М. Рогожин же попытался выяснить, какое отражение нашла документация посольств 1613—1614 гг. в описи архива Посольского приказа 1614 г. Это немало дает и при изучении посольской документации и ее описания в Царском архиве XVI в. Наблюдения эти (в значительной степени опирающиеся на архивные материалы), так же как замечания, уже имевшиеся в литературе, позволяют определить, какая часть документации копировалась в документы долговременного хранения[21*], и реконструировать основные формуляры посольской документации. В состав ее входили: грамоты главам государств (подлинники и их отпуски); ответные грамоты (подлинники и переводы); наказ «черный» (черновик, остававшийся в Посольском приказе); наказ «белой» (вручавшийся послу и служивший ему руководством во время посольства); статейный список «черный» (составлявшийся во время посольства); статейный список «белой» (отредактированный черновик). Наказы и статейные списки (а иногда и другие документы) переписывались в тетради, которые затем переплетались в книги (где обычно объединялась документация нескольких посольств). При этом еще в начале XVII в. существовала смешанная форма беловой документации — и столбцовая и тетрадная (тетрадная постепенно становилась преобладающей)[74].

источников (отечественных и зарубежных) подготовил обобщающего характера труд о посольском обычае в России конца XV — начала XVII в.[66] В сравнительном плане интересны наблюдения об организации посольской службы и системе посольской документации в Польско-Литовском государстве[67], в государствах Западной Европы в XVI в.[68], о посольской терминологии[69]. Посольские книги рассматривались как памятник общественно-политической мысли, культуры, социальной психологии, как этнографический источник[70]. Ф. П. Сергеев широко использовал посольские книги в трудах о русской дипломатической терминологии до XVIII в.[71] А. М. Сабенина выяснила значение статейных списков посольских книг (прежде всего XVII в.) для истории русского языка[72]. Посольские книги, особенно описания впечатлений послов о пребывании за рубежом, заинтересовали и литературоведов; отрывки из них были изданы в известной академической серии «Литературные памятники»[73].

[21*] Уже Н. П. Лихачев, исследуя документы о приезде в Москву А. Поссевино, отметил почти полную утрату подлинных документов приказной деятельности — переписки Посольского приказа с послами, приставами и т. д. — и объяснял это не случайностью, а намеренным уничтожением дел внутреннего («домашнего») делопроизводства в Посольском приказе за ненадобностью после составления посольских книг[75]. Н. Б. Шеламанова, обратившись к переписке Посольского приказа с воеводами пограничных городов в 1579—1580 гг., установила, что большая часть сохранившихся в столбцах подлинных документов оказалась не внесенной в посольские книги[76]. Быть может, такого рода приказная документация и хранилась первоначально в самой Посольской дьячьей избе («полате»), т. е. отдельно от посольских книг, с самого начала оказывавшихся в Царском архиве?

В описи архива Посольского приказа 1614 г. охарактеризованы «книги, а в них писано начало, как пишетца к великим государем московским блаженные памяти к великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, писаны грамоты от римского цесаря; и как писаны грамоты от московских государей к римским цесарем и в иные розные государства и из государств» (л. 263 об. — 264). Этим образцам грамот или, точнее сказать, обращений к другим государям («а в них писано начало»), казалось бы, место в Царском архиве. Однако они не названы в Описи. Либо потому, что «книги» такие упомянуты были в не дошедшей до нас части Описи, либо составили их позднее — на рубеже 1570—1580-х годов. Не исключено, впрочем, что «книги» образцов обращений «в розные государства» столь необходимы были для каждодневного делопроизводства, что хранились не вместе с другими документами Царского архива, а непосредственно в дьячей избе Посольского приказа, чтоб находиться всегда под руками его дьяков и подьячих[22*].

Перед отправлением за рубеж посольства участников его знакомили с документами прежних посольств в это государство, с материалами об истории и обычаях страны. Имела место уже определенная специализация в области внешних сношений, в частности с восточными «юртами». Лица, неоднократно бывавшие в посольствах или готовившие материалы для посольств, становились знатоками и посольской документации. Если какое-либо государство играло роль посредника в сношениях между Российским и другим государством, документация посольств — «списки», видимо, дублировались и включались параллельно в разные «дела», например «цесарские» и «датские», как было со статейным списком русского гонца к императору Максимилиану II Константина Скобельцына[78].

Задачей составителей посольских отчетов было выявить (обычно «проведати тайно») и обобщить информацию о политических событиях не только в странах пребывания посла (или гонца) и о внешнеполитическом положении этих государств, но и о других государствах и их внешнеполитических планах. В наказах послам, посланникам и гонцам предусматривались выяснение, иногда детальное, многих вопросов внешнеполитического и внутриполитического порядка, так же как и ответы на возможные вопросы, касающиеся Российского государства. Потому-то отчеты (статейные списки и донесения) русских представителей в Крыму обычно богаты сведениями и о Турции, Иране, взаимоотношениях султана с европейскими государствами (особенно документация многолетнего посла 1560-х годов наблюдательного дипломата Афанасия Григорьевича Нагого[79]). Гонец к императору в 1573—1574 гг. сообщал, к примеру, любопытные данные не только о взаимоотношениях французского короля и султана, но и о том, что «у францовского (короля. — *С. Ш.*) с своими людми война великоя за веру» (т. е. о так называе-

[22*] Там же могла находиться и статья «Европейской страны короли», представляющая собой перечень европейских монархов (составленная, как выяснила Н. А. Казакова, в 1506—1523 гг.)[77].

мых религиозных войнах), приведшая к истощению казны и уходу от короля «наемных людей иных земель». Там же содержится и запоминающаяся характеристика положения шотландской королевы Марии Стюарт (ставшей уже пленницей английской королевы Елизаветы) и даже ее сына — будущего короля Якова I Английского: «А в Шкотцкой земле короля нет, ни королевы: королева Шкотцкая изымана, а у Ангилейской королевны сидит, а которого она князя взяла себе в короля место и, землею его излюбя, посадили на королевство, и того (т. е. лорда Дарнли. — *С. Ш.*) она же велела убити. А прижила с ним сына, а ныне пяти лет, и того ныне берегут приятели — ждут его, каков выростет, пригодитца ли на королевство»[80].

Вероятнее всего, именно в Царском архиве находились и присланные или тайно добытые документы из учреждений других государств. В мусульманских «юртах» в этом плане рассчитывали обычно на так называемых амиятов (в переводе буквально: *приятели*), которым постоянно посылали особые «поминки»[81]. Поступала информация (или во всяком случае полагали, что она поступала) и из канцелярии польско-литовского короля. В послании королю, составленном в 1567 г. от имени князя Мстиславского, Иван Грозный похвалялся знанием неприятных королю подробностей политической жизни: «То нам гораздо ведомо»[82]. Михаил Литвин сообщал, что один священник, «добывая тайно из королевской канцелярии (в Польско-Литовском государстве. — *С. Ш.*) копии договоров, решений и протоколов совещаний, посылал...» их Ивану IV[83]. И Генрих Штаден, передавая свое сочинение о России времени Ивана Грозного, вряд ли случайно счел необходимым особо «покорнейше» просить германского императора, чтобы это «описание не переписывалось и не стало общеизвестным. Причина: великий князь не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях. И все это делается в глубокой тайне; наверное, у него есть связи при императорском, королевском и княжеских дворах (правильнее, дворах-канцеляриях — «Höfe-canzeleien»[84]. — *С. Ш.*) через купцов, которые туда приезжают; он хорошо снабжает их деньгами для подкупа, чтобы предвидеть все [возможные] обстоятельства и предотвратить опасность»[85]. В Царском архиве могли находиться и зарубежные сочинения о России, в частности так называемые «летучие листки», печатавшиеся в годы Ливонской войны[86]. Правительство Ивана IV получало, по-видимому, достаточно обильную информацию о политической жизни за рубежом[87] и об отношении там к Российскому государству и его государю.

Документы Царского архива служили основным источником для составителей официальных летописей[23*]. (Очень интересные соображения об этом высказал еще А. Н. Ясинский[88].) В летописях находим сведения о событиях жизни государя и его семьи, о письмах царя к лицам царского семейства (их попытался выявить еще

[23*] «В ряде случаев, — пишет А. А. Зимин, — летописец прямо указывает на источник его информации ("отписка з Дону", "писал из Юрьева", "Послание Пимена", "а се грамота утверженная", "в грамоте своей писал х королю" и др.)»[91].

в XIX в. И. Н. Жданов[89]), о маршрутах государевых поездок («монастырских объездов»[90] и других), нередко с указанием дат пребывания государя в том или ином месте, а также о строительстве и освящении храмов, утверждении в архиерейских должностях, тексты посланий иерархов[24*]. В летописях читаем о строительстве городов и крепостей, о военных походах[25*] и смотрах; в них приводятся данные из разрядных книг о наградах после «Казанского взятья» (даже о стоимости подарков)[26*], сведения о печатях, о «приложении рук» на приговорных грамотах, списки городов и областей, взятых в опричнину, содержание послания, отправленного царем Иваном в Москву из Александровой слободы, и другие известия.

Рассказ Воскресенской летописи «о прениях в Боярской думе по поводу организации отпора татарам в 1541 г. представляет собой, по определению М. Н. Тихомирова, своеобразный протокол обсуждения этого вопроса в Боярской думе ("и начата бояре говорити")»[92]. Материалы ящика 174 («А в нем отъезд и пытка во княже Семенове деле Ростовского») послужили, видимо, основанием не только для изложения самого «дела», но и процесса судебного разбирательства. Содержание приписок к лицевым летописям явно свидетельствует, что многие из них сделаны по материалам Царского архива. (Это убедительно показано в работах Д. Н. Альшица[93].)

С большой точностью в летописях передается содержание посольских документов. В летописях резюмировались основные данные посольских книг[27*] и, можно думать, выписок, составлявшихся для нужд дипломатической службы (подобных выпискам о сношениях с Польско-Литовским государством). По словам Д. С. Лихачева, летопись напоминала «своеобразную подробную "опись" важнейших документов, поступающих на хранение в государственный архив»[96]. При составлении посольских документов и летописей обращались и к «летописцам» (хроникам) зарубежного происхождения, которые также находились в Царском архиве[28*]: в ящике 114 — «Летописец Литовских князей», в ящике 217 —

[24*] Впрочем, эти документы могли находиться (тогда или прежде) в митрополичьей казне, к которой, видимо, тоже имели отношение лица, причастные к официальному летописанию.

[25*] Недаром Курбский, видимо хорошо знакомый с официальной летописью (можно думать, и с другими летописями), счел нужным сделать, описывая штурм Казани в 1552 г., отступление примечательного характера: «...сие оставлю, краткости ради и истории, бо широце в летописной Руской книзе о том писано»[94].

[26*] Безусловно, из какого-то официального документа, как отметил Д. С. Лихачев, приведены сведения о том, что царь роздал за три дня «торжеств» «казны своей по смете казначеев за все денгами платья и судов, доспеху и коней и денег... 48.000 рублев»[95].

[27*] Сравнительное изучение летописных записей и сохранившихся посольских дел позволяет полагать, что основное содержание публичных дипломатических переговоров и главные условия договорных грамот переданы в летописи, как правило, более или менее точно. А это дает возможность предположительного восстановления и содержания не дошедших до нас посольских книг XVI в.

[28*] Там же могли находиться и западноевропейские иллюстрированные издания и гравюры, с которыми, как показал Ю. А. Неволин, были достаточно хорошо знакомы художники Лицевого летописного свода[97].

«перевод с Летописца польского и перевод с космографии»[29*]. Небезлюбопытно, что оба эти «летописца» были «взяты ко государю».

В Царском архиве хранили, видимо, и официальные летописи, во всяком случае черновые варианты их, а также, вероятно, и летописные заготовки. В ящике 224 находились «списки, что писати в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074-го и до 76-го»; туда же передали взятые в Феллине (Юрьеве), во время «обыска про Олексееву смерть Адашева», «списки черные, писал память, что писати в Летописец лет новых, которые у Олексея взяты» (ящик 223)[30*]. В Царском архиве, допустимо полагать, обнаружили и те летописные заготовки, которые можно было использовать при составлении летописных сказаний («повестей») и которые пригодились позднее при редактировании и внесении изменений в лицевую летопись — современные событиям (или сделанные вскоре после них) записи 1538, 1546, 1547, 1553 гг. и другие. Царский архив был, по существу, и архивом официального летописания. Сравнительное изучение летописных известий (особенно их вариантов) и документов, названных в Описи, может стать темой особого исследования.

Таким образом, Царский архив был действующим государственно-политическим архивом, сосредоточившим важные документы разнообразного происхождения и содержания, и в то же время историко-политическим арсеналом при подготовке официальных памятников государственно-исторического значения.

Пользуясь современной архивоведческой терминологией, Царский архив можно было бы признать архивом одновременно и историческим и ведомственным[100]. Ибо там хранились как документы XIV — начала XVI в. (в том числе документы ликвидированных учреждений), так сосредоточилась и значительная часть правительственного делопроизводства времени правления Ивана Грозного, и прежде всего те дела, которые требовали личного решения царя или могли заинтересовать его. Мнение А. А. Зимина, будто примерно с 1569 г. практически прекратилось пополнение Царского архива[105], не кажется достаточно основательным. В Описи названы документы и более позднего времени (в частности, посольские дела); Опись дошла не полностью (А. И. Соболевский и И. Л. Маяковский полагали даже, что «лишь в отрывке»[106]), рукопись обрывается как раз на описании поступлений дел внутриполитического характера 1570-х годов (упоминается документ, датированный 12 июля 1570 г.).

[29*] Уже И. В. Жданов допускал мысль, что это перевод «Хроники всего Света» Мартина Бельского, включавшей и «космографию»[98] (А. А. Зимин неточно передает его точку зрения[99]). «Хроника» М. Бельского, являвшаяся энциклопедией исторических и географических знаний того времени, содержала известия о России и, по словам А. И. Рогова, «относится к числу тех зарубежных сочинений, которые сразу и надолго стали достоянием русской культуры»[101].

[30*] На это обратил внимание уже А. Н. Ясинский[102]. Отмечал это, даже в учебном пособии, М. Н. Тихомиров[103]. В книге А. А. Зимина указана новейшая литература[104].

Однако определение «исторический архив» в отношении Царского архива времени Ивана Грозного применимо лишь условно, так как дела прошлых десятилетий (и даже столетий) использовались в связи с современной политической обстановкой, для нужд современной политики и недаром некоторые из них Иван IV брал в свою личную казну. Обращались к ним и при составлении официальных летописей, разрядных книг, родословцев, посольских книг, т. е. опять-таки документальных памятников, вызванных к жизни современными политическими обстоятельствами. В Царском архиве сосредоточивались документальные материалы особенно важного тогда государственно-политического значения.

Примечания

[1] *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1941. С. 74—76; *Чернов А. В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1940. С. 24.
[2] *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 352—353.
[3] *Кучкин В. А.* О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976.
[4] *Лихачев Д. С.* Новгород Великий. Л., 1945. С. 92.
[5] См.: *Вернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 15—35; *Шмидт С. О.* Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты // Историко-археологический сборник. М., 1962.
[6] *Лихачев Д. С.* Новгород Великий. С. 93.
[7] *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 353.
[8] *Маяковский.* Очерки. С. 71.
[9] *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 228—229
[10] ОАПП. Ч. 1. С. 257—258.
[11] ВИД, Л., 1972. Вып. 4. С. 213—228.
[12] *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1941. С. 75—76; *Скрынников.* Опричный террор. С. 101.
[13] *Янин В. Л.* Изучение древнерусских вислых печатей // ВИД. Л., 1968. Вып. 1. С. 33—35.
[14] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 2. Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970.
[15] О государственном архиве Пскова в XV в. см.: *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 408—410.
[16] *Белецкий В. Д.* Раскопки в Пскове // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л., 1965. Вып. 27. С. 87; *Шаскольский И. П.* Судьба государственного архива Великого Новгорода // ВИД. Вып. 4. С. 224.
[17] *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. Гл. 1—4. См. также: *Маяковский.* Исторический очерк; *Любавский М. К.* История архивного дела в России: Курс лекций (Библиотека МГИАИ); *Чернов А. В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1940. С. 24 и др.
[18] *Pistolèse.* Les archives. P. 21 и сл.; *Маяковский.* Архивы. С. 87 и сл.; *Бржостовская.* Архивы. С. 41 и сл.; *Бржостовская, Илизаров.* Архивное дело. Ч. 1. С. 186 и сл.
[19] *Левина С. А.* Имена и фамилии в описи архива Посольского приказа 1614 г // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 153—156.
[20] О «чертежах» городов и организации проектирования городов см.: *Алферова Г. В.* Организация строительства городов в Русском государстве в XVI—XVII веках // ВИ. 1977. № 7.
[21] *Соболева Н. А.* О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 183.
[22] Исторический комментарий см.: *Шмидт.* Архив. С. 368—370; *Зимин.* Архив. С. 479—487.

[23] *Зарубин Н. Н.* Библиотека Ивана Грозного и его книги // Библиотека Ивана Грозного.
[24] *Скрынников.* Переписка. С. 89—90. О содержании дел, находившихся в ящике, см.: *Зимин.* Архив. С. 422—436.
[25] ОЦА. С. 42—43 (л. 348 об. — 351). Исторический комментарий см.: *Шмидт.* Архив. С. 371; *Зимин.* Архив. С. 512—524.
[26] ААЭ. Т. 1. С. 341.
[27] О Никите Губе Семенове Моклокове см.: *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 35—39; *Веселовский.* Дьяки. С. 345; *Зимин.* Дьяки. С. 254—255.
[28] Об Иване Александрове Малом Горбатом см.: *Веселовский.* Дьяки. С. 124; *Зимин.* Дьяки. С. 222—223.
[29] Об Иване Бакаке Митрофанове Карачарове см.: *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 90—104; *Веселовский.* Дьяки. С. 226—227; *Зимин.* Дьяки. С. 239—240.
[30] *Гальцов В. И.* Архив Посольского приказа в 1673 г. // СА. 1984. №2.
[31] *Наваров.* Свадебные дела. С. 110.
[32] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 66.
[33] *Ясинский.* Архив. С. 7; *Черепнин Л. В.* Несколько слов о публикации А. А. Зимина // *Зимин.* Архив. Примеры использования документов Царского архива в политических целях приведены в комментариях А. А. Зимина к публикации Описи со ссылками на труды многочисленных исследователей.
[34] *Маяковский.* Очерки. С. 70.
[35] *Pistolèse.* Les archives. P. 16.
[36] *Скрынников.* Начало опричнины. С. 50—51.
[37] ОЦА. С. 96 (л. 186).
[38] *Скрынников.* Опричный террор. С. 261.
[39] О судебно-следственных делах XVI — начала XVII в. и их изучении см.: *Князьков С. Е.* Приемы использования и изучения судебно-следственных материалов XVI—XVII вв. в отечественной историографии // Вопросы источниковедения и историографии; *Он же.* Источники для предварительной реконструкции следственных дел конца XVI — начала XVII вв. // Источниковедение и историография.
[40] *Зимин.* Архив. Комментарий к описанию документов ящиков 145, 217, 223 и других.
[41] Судные списки Максима Грека. С. 125, 126. См. также в этом издании статьи: От редактора (с. 6), Н. Н. Покровского (с. 35 и сл.).
[42] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 298—299.
[43] Об этом см. наблюдения И. Е. Забелина в его исследованиях «Домашний быт русских царей» и «Домашний быт русских цариц».
[44] РИО. Т. 59. С. 611.
[45] РГАДА. Ф. 123. Дела Крымские. Кн. 8. Л. 480—480 об.; Ф. 127. Дела Ногайские. Кн. 4. Л. 81; *Шмидт.* Казанская война. С. 237—239; *Он же.* Восточная политика Российского государства в середине XVI века и Казанская война // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России: Труды НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1977. Вып. 71. С. 38); см. также: *Kämpfer Fr.* Die Eroberung von Kasan 1552 als Gegenstand der zeitgenössischen russischen // Historiographie. Berlin, 1969; *Pelenski Yar.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438—1552). Hague; Paris, 1974.
[46] *Шаскольский И. П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 388 и сл. *Rasmussen K.* Die livländische Krise 1554—1561. København, 1973. S. 26.
[47] *Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. Гл. 7; см. также: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 102 и сл.
[48] *Гальцов.* Малоизвестный источник. С. 52.
[47] РИО. Т. 59. С. 505, 506.
[50] РИО. Т. 59. С. 404 и др. См.: *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 108.

[51] *Виппер Р. Ю.* Иван Грозный. Ташкент, 1942. С. 13.
[52] РИО. Т. 71. С. 109.
[53] *Поссевино.* С. 32; *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. P., 1897. Vol. 2. P. 5; *Пирлинг.* Россия и папский престол, 1580—1601 // Русская старина. 1903. № 2. С. 399.
[54] См. об этом: *Шмидт С. О.* От редактора // *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 3—6.
[55] РИО. Т. 38. С. 93.
[56] ПДС. Ч. 10. С. 332—333; *Лихачев Н. П.* Приезд Поссевина. С. 149; *Годовикова Л. Н.* Предисловие // *Поссевино.* С. 7.
[57] ОЦА. С. 124.
[58] ПДС. Ч. 10. Стб. 50. См. также: *Лихачев Н. П.* Приезд Поссевина.
[59] *Белокуров С. А.* Краткая выписка о бывших между Польшей и Россией переписках, войнах и перемириях, 1462—1565 гг. // ЧОИДР, 1902. Кн. 4. Смесь. С. 9—12.
[60] РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Ч. 2. № 587.
[61] *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. 1. С. 31—38.
[62] *Новосельский А. А.* Разновидности крымских статейных списков XVII в. и приемы их составления // ПИ. М., 1961. Т. 9.
[63] *Ендова Е. И.* Русская посольская служба в конце XV — первой половине XVI в // Феодальная Россия во всемирноисторическом процессе. М., 1972.
[64] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894—1902. Ч. 1—4. См. об этом: *Ковлова Н. А.* Архивоведение и археография в творчестве Н. Н. Бантыш-Каменского // Источниковедение и историогрфия. С. 129—132; *Она же.* Труды Н. Н. Бантыш-Каменского по истории России // Россия на путях централизации. М., 1982.
[65] *Рогожин Н. М.* К вопросу о публикации посольских книг конца XV — начала XVII в. // АЕ за 1979 год. М., 1981 (в статье отмечены все публикации); *Он же.* Посольская книга по связям России с Англией 1613—1614 гг. и ее место среди материалов Посольского приказа начала XVII в // Посольская книга по связям России с Англией 1613—1614 гг. М., 1979. С. 8 (приведена литература).
[66] *Юзефович Л. А.* Русский посольский обычай XVI века // ВИ. 1977. № 8; *Он же.* Из истории посольского обычая конца XV — начала XVII в.: Столовый церемониал московского двора // ИЗ. М., 1977. Т. 98; *Он же.* Посольский обычай Российского государства конца XV — начала XVII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1981.
[67] Polska służba dyplomatyczna XVI—XVII wieku. Warszawa, 1966; *Банёнис.* Посольская служба (указаны другие работы автора).
[68] *Picard B.* Das Gesandtschaftswesen Ostmitteleuropas in der frühen Neuzeit // Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas. Graz; Wien; Köln, 1967. Bd. 6 (указана литература).
[69] *Fogaravi M.* Europäischen Lehnwörter im Spiegel einer russischen diplomatischen Urkunden Sammlung (1488—1699) // Studia Slavice. Budapest, 1958. Vol. 4. Fasc. 1/2.
[70] *Коляда В. А.* Заметки о статейных списках русских посольств в Англии XVI — начала XVII в // Конференция МГИАИ. Вып. 1; *Рябошапко Ю. В.* Из внешней критики подлинника Тявзинского мирного договора 1595 г. // Там же; *Шмидт С. О.* Русские книги посольских сношений с Польско-Литовским государством конца XV — XVI вв. как памятник по истории общественно-политической мысли и культуры // VII Migdzynarodawy Kongres slawistow w Warszawie, 1973. Streszczenia referatow i komunikatow. Warszawa, 1973. S. 1037—1038; *Волкова Н. Г.* Статейные списки русских посольств XVI—XVII вв. как этнографический источник // Труды Ин-та этнографии АН СССР. М., 1976. Т. 106.
[71] *Сергеев.* Дипломатическая терминология; *Он же.* Русская терминология международного права XI—XVII вв. Кишинев, 1972; *Он же.* Формирование.
[72] *Сабенина А. М.* Статейные списки и их значение для истории русского языка // Русский язык: Источники для его изучения. М., 1971; *Она же.* Лексика сферы дипломатических отношений в русском языке XVII в.: (По материалам статейных списков русских послов): Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 1971.

[73] Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954; *Лихачев Д.* С. Повести русских послов как памятники литературы // Там же. С. 319—346.
[74] *Рогожин Н. М.* Посольские книги начала XVII в. и архив Посольского приказа // Вопросы источниковедения; *Он же.* Посольские книги начала XVII в. как исторический источник: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983.
[75] *Лихачев Н. П.* Приезд Поссевина. С. 180—181.
[76] *Шеламанова.* Состав документов. С. 54—55.
[77] *Казакова Н. А.* «Европейской страны короли» // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964.
[78] *Лурье Я.* С. Статейный список Константина Скобельцына: 1573—1574 гг // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 308 (Введение к публикации).
[79] РГАДА. Ф. 123. Дела Крымские. Кн. 10.
[80] АЕ за 1979 год. С. 313.
[81] *Шмидт С. О.* К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
[82] ПИГ. С. 252.
[83] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. 1. С. 47.
[84] *Staden*, S. 65.
[85] *Штаден.* С. 58.
[86] См.: *Васильевский В. Г.* Польская и немецкая печать о войне Батория с Иоанном Грозным // ЖМНП. 1889. Январь, февраль; *см. Käppeler.* Ivan Groznyi.
[87] *Шмидт.* Адресат. С. 316.
[88] *Ясинский.* Архив. С. 10—13.
[89] *Жданов.* Соч. С. 110.
[90] См. об этом: *Полосин.* Очерки, статья «Монастырские "объезды" Ивана IV: Из истории военной политики России».
[91] *Зимин.* Архив. С. 527.
[92] ПСРЛ. Т. 8. С. 297; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 77. См. также: *Ключевский.* Боярская дума. С. 413—414.
[93] *Альшиц.* Источники. С. 120—125. См. также: *Амосов.* Лицевой свод и библиотека. С. 115 и др.
[94] РИБ. Т. 31. Стб. 33.
[95] ПСРЛ. Т. 13. С. 228; *Лихачев Д.* С. Летописи. С. 370.
[96] *Лихачев Д.* С. Летописи. С. 370; см. также с. 366—372.
[97] *Неволин Ю. А.* Три лицевые рукописи XVI в., оформленные кремлевским мастером — знатоком и интерпретатором западноевропейской гравюры // Конференция по истории средневековой письменности и книги: Тезисы докладов. Ереван, 1977. С. 67—68; *Он же.* Новое о кремлевских художниках-миниатюристах XVI в. и составе библиотеки Ивана Грозного // СА. 1982. № 1. С. 68—70.
[98] *Жданов.* Соч. С. 129.
[99] *Зимин.* Архив. С. 500.
[100] Об использовании архивной терминологии применительно к архивам XVI—XVII в. см.: *Бржостовская.* Архивы. С. 40—42.
[101] *Рогов А. И.* Известия по истории России в «Хронике всего Света» Мартина Бельского // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 123.
[102] *Ясинский.* Архив. С. 13.
[103] *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. С. 131; *Он же.* Источниковедение истории СССР. Вып. 1. С древнейшего времени до конца XVIII века. М., 1962. С. 260.
[104] *Зимин.* Архив. С. 525—527.
[105] Там же. С. 527.
[106] Газетная литература. С. 201; *Маяковский.* Исторический очерк. С. 54.

Царский архив и другие хранилища документов

Точное определение учреждений (или их архивов), имевших сношения с Царским архивом, затруднено ввиду недостаточной изученности истории государственных учреждений и нечеткости терминологии памятников того времени.

В ту эпоху не завершилось еще формирование системы управления, характерной для периода приказного делопроизводства[1], и терминология официальной документации и описательных (нарративных) памятников оставалась неустойчивой.

Это заметно в бытовании даже таких широкоупотребительных слов, как «приказ», «приказать»[1*], «приказные люди»[2*]. Слова эти могли быть неоднозначны даже в одной фразе[3*]. По наблюдениям языковедов, история термина «приказ» связана с однокоренным глаголом «приказати», который в деловом языке тогда употреблялся все чаще в значении «поручить кому-либо», распоряжаться, ведать (отсюда и «приказана» в смысле «подведомственна»). С середины XVI в. термином «приказ» в значении «ведомство», то, что поручено кому-либо, обозначается и учреждение, руководящее отдельной отраслью государственного управления. Так постепенно термин в значении учреждение входит в состав формирующейся административной терминологии[2].

Судебник 1550 г. и летописи содержат лишь общие указания о «приказах» бояр, окольничих, дворецких, казначеев и дьяков[4*]. Самое слово «приказ» примени-

---

[1*] В летописной повести о кончине Василия III отмечено, что великий князь обдумывал, кого допустить в думу к себе о духовной грамоте и кому «приказати свой государев приказ»[3].

[2*] Небезлюбопытно в этом плане проследить употребление слов «приказные люди» в посольских книгах XVI в. (хотя бы по многочисленным выпискам из них, приводимых в исследовании В. И. Саввы о Посольском приказе).

[3*] В Постниковском летописце (середина XVI в.) так сообщается о распоряжении Ивана IV, данном в декабре 1546 г. накануне его «радости», т. е. свадьбы: «...по великого князя приказу во все городы, во все приказы розослали х ключником, которым села дворцовые приказаны... грамоты»[7]. А в грамоте, написанной А. Я. Щелкаловым к «приказным людям» английской королевы Елизаветы в 1587 г., читаем: «по Борисову Федоровича Годунова приказу, во всех приказех на них (т. е. английских купцов. — *С. Ш.*) и управа по ся места не давывона»[8].

[4*] «Царь... Судебник уложыл: как судити бояром, и окольничим, и дворецким, и казначеем и дьаком и всяким *приказным людем*...» Ст. 7: «А кто х которому боярину, или дворецкому, или казначею, или к дьаку придет жалобник *его приказу*...»[9] (курсив мой. — *С. Ш.*).

тельно к учреждению еще не окончательно утвердилось в языке документов второй половины XVI в. и в официальной терминологии даже в 1570-е годы часто употреблялось тождественное понятие «изба»[5*]. Так, в Приговоре о губных делах от 22 августа 1556 г. употреблены в одинаковом смысле слова «приказ» и «изба»[4]. Слово «избный» было равнозначно словам «приказный», «судный»; в посольских книгах встречаем слова «дьяки избные», в Судебнике 1550 г. — «дьяки палатные» (а также «дьяки дворцовые»)[5].

Четкое разделение функций между приказами, так же как и распределение обязанностей среди руководителей приказов, в середине XVI в. только еще устанавливалось. Приказы часто назывались (на языке обиходной документации) не по функциям, которые они выполняли, а по именам лиц, руководивших их деятельностью («изба», или «приказ», боярина или дьяка такого-то). О таких людях говорили «чиноначальники», «чиновники» (выражение Ивана IV), в начале XVII в. — «начальные люди»[6]. Любопытна фразеология уложения о службе 1556 г. в официальной летописи: «...подлинные тому разряды у чиноначальников, у приказных людей»[11].

Названия учреждений, которым передавались документы Царского архива и из которых поступали документы в Царский архив, встречаются в Описи редко. Чаще вместо наименования учреждения в Описи указываются имена «думных» и «приказных» людей, связанных с этим учреждением. В деловой практике приказных людей XVI в. такой обычай, очевидно, не был помехой. Историки же поставлены в затруднительное положение.

«Государевы дьяки» не были твердо прикреплены в служебном отношении к тому или иному центральному учреждению, и личный «приказ» (т. е. распоряжение) имел большую силу и распространение в деловой практике[12]. Многие «думные» и «приказные» люди в различное время связаны были с различными учреждениями: случаи участия этих лиц на всем протяжении их приказной службы в работе только одного какого-либо учреждения крайне редки. Некоторые «приказные люди» участвовали одновременно в работе нескольких учреждений[6*] (даже преимущественно связанные с деятельностью Посольского приказа: Висковатый был в 1550-е годы одновременно и «кормленым» дьяком; А. Васильев в 1560-е годы — «четвертным кормленым» дьяком. А. Я. Щелкалов в 1570-е годы связан был с деятельностью и Посольского, и Разрядного приказа[13]). Поэтому

[5*] Например, «Челобитная изба» и «Казанская изба» в Описи Царского архива, «Поместная изба» в документах 1569, 1570, 1571/72 г.; «Разрядная изба» в документах 1575 и 1577 гг.[10]

[6*] Примечательны и в плане изучения архивной документации наблюдения А. К. Леонтьева — автора наиболее основательной работы об образовании приказной системы управления в XVI в.: «Тесная связь между приказами и в позднейшее время, обусловленная недостаточно четким разграничением и переплетением их функций, была одной из причин практики совместительства в работе дьяков, вынуждала дьяков знать в совершенстве делопроизводство не только своего, но и других приказов»[14].

при упоминании в Описи имени того или иного правительственного деятеля, присылавшего документы в Царский архив или получавшего их оттуда, нелегко бывает точно установить, о каком учреждении идет речь, без предварительного выяснения содержания документа и его датировки или пометы в Описи.

Из центральных правительственных учреждений в Описи упомянуты «Казенный двор», «Посольная палата», «Челобитная изба», «Казанская изба».

В ящике 186 хранилась «купчая княж Петрова Лобанова-Ряполовского на село на Ламну», «...а дал тот ящичек, — записано в основном тексте Описи, — царь и великий князь с Казенного двора лета 7070 февраля 15», т. е. в 1562 г. Указание на передачу купчей с Казенного двора, да еще передачу самим царем, говорит о многом. Вероятно, в годы правления Василия III, ограничивавшего княжеское землевладение, документы такого рода сосредоточивались на Казенном дворе (кн. Петр Семенович Лобан-Ряполовский умер не позднее 1523 г.), и в 1560-е годы еще продолжался процесс передачи документов прежнего правления в Царский архив. Важно отметить то, что передача эта имела место по распоряжению самого государя, властно вмешивавшегося в процесс фондообразования Царского архива. Как установил А. А. Зимин, купчая была передана в Царский архив сразу же по принятии приговора 15 января 1562 г., запрещавшего княжатам продажу и обмен земель, а в случае смерти князя бездетным постановившего «вот чины имети на государя»[15]. Не была ли передача купчей Лобана-Ряполовского в Царский архив следствием распоряжения царя о сосредоточении всей документации, имевшей отношение к ходу исполнения приговора 15 января, в Царском архиве?

С «Казенного двора»[7*] получена была и «записка о аглинце о Ондрееве человеке Ульянова о Фоме о Сквите» (ящик 209). Андреем Ульяновым, по-видимому, назван английский купец Генри Лэйн, находившийся в России в 1556—1560 гг. и сочинивший (после 1583 г.) записку с кратким изложением истории морских экспедиций англичан в Россию и на Восток начиная с 1553 г.[17] С 1557 г. Лэйн был агентом Московской компании английских купцов[18], а внешняя торговля, особенно со странами Востока, была в ведении казначеев[19]. Под «Казенным двором» следует, очевидно, подразумевать «Казенный приказ» (по другим источникам — «Казну»).

В помете, относящейся к документам ящика 18, читаем, что 12 июля 1567 г. «книги королей литовских» «в Посольную полату взял Ондрей». «Посольная полата» — это Посольский приказ. Документы, вероятнее всего, взял думный дьяк Андрей Васильев, стоявший в то время во главе Посольского приказа. В августе 1567 г. как раз составлялись ответы на письма короля Сигизмунда II Августа и гетмана Хоткевича московским боярам. В подготовке текстов ответов принимал участие Иван Грозный (тексты эти включены в издание сборника его посланий[20]).

[7*] В комментариях А. А. Зимина опечатка: вместо «Казенного двора» — «Казанского двора»[16].

По-видимому, именно Посольский приказ следует понимать и под «избой», куда направлялись документы внешних сношений.

16 марта (без года) «в ызбу» были взяты документы сношений Российского государства с православными иерархами и монастырями Ближнего Востока (ящик 176), в мае 1565 г. — документы, относящиеся к Смоленску (ящик 74)[8*]. Документы, взятые из ящика 74, вскоре были возвращены, так как уже 8 августа 1566 г. некоторые из них Иван Грозный «взял к себе».

Наименование Посольского приказа то «полатой», то «избой» объясняется не только нечеткостью терминологии тех лет, когда в одних и тех же источниках можно встретить и «Посольский приказ», и «Посольскую избу», и «Посольскую полату»[22], но и тем обстоятельством, что каменное здание Посольского приказа, т. е. собственно «полата», было выстроено в 1565 г.[23] Под этим названием Посольский приказ упоминается как раз в помете 1567 г. «Полатами» называли в то время, в отличие от «изб», чаще всего каменные здания или здания дворцового типа[9*]: например, Оружейную («Оружничую») палату в Кремле[10*].

В ящике 191 среди документов внутриполитической деятельности находилась «челобитная безъмянная, подали ее в Челобитную избу на Петрово имя Волынского, что будто Петр слышал у Федора у Новосильского про государя непригожие речи». «Челобитная изба» — это Челобитный (или Челобитенный) приказ, оформившийся в 1549—1550 гг.[33] Челобитная поступила в Царский архив из Челобитной избы прежде ноября 1569 г., когда дьяк Василий Щелкалов взял ее «к государю». Интересно отметить, что челобитная эта оказалась у царя незадолго до страшного разгрома Новгорода[11*].

[8*] По предположению А. А. Зимина, к документам этим обнаружился особый интерес в связи с принятым в сентябре 1565 г. решением возобновить переговоры с польским королем[21].

[9*] «Царскими полатами» называли дворец Ивана Грозного — там созвали «собор» 1549 г.[24], и зимой 1553—54 гг. — «собор» против еретиков[25]. При описании в летописях «великого пожара» в Москве в июне 1547 г. читаем о том, что «в погребех на царьском дворе под *полатами* выгоре вся древяная в них», «выгорели» Постельная и Оружничая «*полаты*»[26], «златая полата», «и в мале не палися каменыя *полаты* от множества жару»[27], «*полата* у Лазаря у святого» — место хранения «казны» великой княгини (в каменных подклетях церкви), «каменные *полаты*» в «Большом посаде»[28]. В конце XVI в., чтобы «делати город каменный» в Астрахани, велено было «ломати *полаты* в Золотой Арде». В той же рукописи упомянута «*полата каменная* на трех подклетех» — дворец боярина Б. Ф. Годунова в Кремле[29] и т. д. (курсив мой. — *С. Ш.*).

[10*] Датой первого упоминания Оружейной палаты обычно признавали 1547 год[30]. Е. С. Сизов, опираясь прежде всего на летописные известия[31], доказал, что здание это было построено, вероятнее всего, в 1508 г.[32]

[11*] В. Б. Кобрин сопоставляет с этим известием Описи новгородское предание, будто поводом к походу царя на Новгород был донос Петра Волынца, который, желая зла новгородцам, сочинил, якобы от их имени, ложную челобитную польскому королю с просьбой принять их в свое подданство[36]. М. Н. Тихомиров обратил внимание (в неопубликованном машинописном, написанном, видимо, в 1962—1963 г., отзыве на книгу А. А. Зимина об опричнине) на значение термина «волочащий», как называет Петра новгородское предание: «Этот термин, по Да-

В Описи отмечена также передача в Казанскую избу всех документов о «Новегороде о Свияжском», т. е. о городе Свияжске, построенном в 1551 г. (Ящик 153. «А в нем наказы все о Новегороде о Свияжском, и грамоты шертные и записи, по которым воеводам делати, и отписки от воевод, и наказы царя и великого князя к воеводам»). Ящик этот был «отдан дияку Истоме Кузьмину, как ему велел государь быти в Казанской избе с Михаилом Вороным». Казанская изба — это так называемый Казанский дворец. В Тетради дворовой 1550-х годов Михайло Иванович Волынский-Вороной как раз и назван «дворецким казанским и нижегородским»[34]. По данным А. А. Зимина, он возглавлял этот дворец примерно в 1557—1562 гг.[35] Эти документы были переданы в Казанскую избу вскоре после ее образования, вероятно, даже до февраля 1561 г., когда М. И. Волынский-Вороной, продолжая управлять Казанской избой[12*], стал уже боярином[13*], а дьяк Истома Кузьмин, которого Н. П. Лихачев отождествляет с Истомой Ноугородцевым[38], в 1561 г. был дьяком в Смоленске[39].

В Описи встречаются пометы о получении документов Царского архива отдельными лицами и о поступлении в архив документов от отдельных лиц, без указания учреждения, с которым была связана деятельность этих лиц[14*]. Сведения о правительственной деятельности этих лиц, так же как и содержание документов, помогают, однако, определить ведомственную принадлежность некоторых из таких документов.

В описании документов ящика 145 отмечено, что «список-перепись нарядом» «прислал Иван Илизаров». Словом «наряд» обозначали записи разрядного характера[43]. У Ивана же Елизарова было «взято» «дело судное о местех» князей Ив. Фед. Мстиславского и Юр. Мих. Голицына[15*] и «положено в малой ящичек» того же 145-го ящика. Иван Елизаров Цыплятев — сын думного дьяка Елизара Цыплятева и сам думный дьяк, ведавший в конце 1540-х — 1550-е годы Разрядным приказом[44].

лю, означает "кутилу". "Волочильных дел мастер" или "волочила" обозначает вора, шатуна, таскающегося кое-где волокиту»[37].

[12*] По правой грамоте от 10 июля 1561 г., «суд судил боярин и дворетцкой казанской и нижегородцкой и мещерской Михайла Иванович Волынской»[40]. В другой грамоте 7069 г. также упоминается «боярин нижегородский и мещерский и казанский дворецкий» М. И. Волынский[41].

[13*] М. И. Волынский-Вороной сделал настолько быструю и блестящую карьеру, что может быть, по словам С. Б. Веселовского, «признан человеком "в случае" царя Ивана». С. Б. Веселовский, ссылаясь на Шереметевский список думных чинов, датирует его боярство 7067 г., т. е. 1558/59 гг. А. А. Зимин более осторожен в датировке и, ссылаясь на упоминание в Польской посольской книге (февраль 1561 г.), полагает, что Волынский-Вороной стал боярином лишь в 1561 г.[42]

[14*] При этом нередко опускали фамильное прозвание, ограничиваясь именем и отчеством (например, Иван Михайлов).

[15*] Этот местнический спор разбирался, как полагает А. И. Маркевич[47], ранее 1561 г. (года смерти Ю. М. Голицына-Булгакова). В историческом комментарии к изданию Описи А. А. Зимин считает вероятной датировку местнического спора 1549 г.[48]

В обязанности разрядного дьяка в начале XVII в. входило служилых людей «дѣржати в ведомости и смотрети, чтоб все были в целости»[45]. Этот порядок был характерен и для делопроизводства середины XVI в.[16*], когда именно у разрядных дьяков хранились «служилые книги и списки» — документы, содержащие данные о службе служилых людей[46], о состоянии их здоровья[17*]. К разрядным дьякам обращались при рассмотрении местнических дел: «и бояре приказали, а велели в Розряде выписать изо всех розрядов...»[51] — обычные выражения местнического делопроизводства. Все это дает основание полагать, что отмеченные в Описи документы поступили в Царский архив из Разрядного приказа.

Дважды встречаем в Описи указания на документы, взятые у Ивана Третьякова. От него были получены ящик 82 с документами, оставшимися «после князя Ивана Немого», и находившийся в ларце 122 ящичек с надписью «владыкин с кабалами», при этом особо отмечено: «...и в том ящичке запись». Иван Иванович Третьяков долго служил при дворе, был печатником, в 1538—1549 гг. — казначеем[52]. Вероятнее всего, что ящики эти переданы из Казенного двора. Документы, оставшиеся после смерти кн. Ив. Немого Васильевича Телепнева-Оболенского (умер в 1533/34 гг.)[53], принадлежали, возможно, к тем документам, которые интересовали правительство Василия III, ограничившего княжеское землевладение[18*], и оказались сосредоточенными на Казенном дворе. Во втором ящике находились «кабалы», т. е. опять-таки бумаги, имеющие отношение к финансам, к «казне».

В описании ящика 201 читаем: «...перепись книг московских, что взято у Семена Заболотцкого, и отдано Хозяину Тютину». Писцовые книги, как известно, — это основные документы податного земельного обложения; им надлежало находиться на Казенном дворе. Хозяин Юрьевич Тютин — второй казначей, т. е. один из руководителей Казенного приказа с 1554 г.[55] Погиб он не ранее 1566 г.[56] Имя Тютина многократно встречается в документах, связанных с деятельностью Казенного двора.

«Чертежи и списки украинских городов», хранившиеся прежде в ящике 144, были «отданы Юрью Сидорову и Кожюху». Юрий Сидоров и Иван Кожюх Григорьевич Кротково (Кроткий) — известные дьяки середины XVI в., ведав-

---

[16*] Именно с разрядными избами связывалось тогда представление об организации делопроизводства государева двора. Это заметно по краткому летописцу XVII в., сообщающему о строительстве в Александровой слободе: «Такожде повеле (Иван IV. — *С. Ш.*) и в слободе ставити город и двор свой царьский, а князем своим и боярем и дворяном велел в слободе дворы ставити и избы розрядные, и почал государь в слободе жити...»[49].

[17*] Иван Елизаров, в частности, ведал медицинским осмотром служилых людей, определяя их годность к ратной службе. «И в сыску дьяков наших Ивана Елизарова с товарыщи написано: "Ромашко Перхуров на Москве ныне осмотрен, болен, ранен ис пищали напролет по левому боку да по ноге по берцу, ядро в нем; а вперед ему служити не мочно"», — читаем в царской грамоте новгородским дьякам от января 1562 г.[50]

[18*] В ящике, впрочем, могли быть и документы, представляющие интерес в связи с деятельностью (или кончиной) кн. Михаила Львовича Глинского — дяди Елены Глинской, матери царя Ивана. Дочь И. Немого стала (не ранее 1527 г.) женой М. Л. Глинского[54].

шие, главным образом, финансовыми делами[57]. В начале 1550-х годов оба дьяка были одновременно «казенными дьяками»; в 1551 г. они производили общий пересмотр жалованных грамот монастырям[58]. Имеются сведения о том, что эти дьяки ведали сбором военных податей, которые обязаны были платить «украинские города». По-видимому, этими «украинскими городами» были города у западной границы Российского государства, так как перед Юрием Сидоровым и Кожюхом Кротким «ручались» за новгородских «откупных таможников» (прежде ноября 1553 г.)[59], и Юрий Сидоров подписал грамоты 1555—1556 гг. о службе невельских и ивангородских пищальников[60]. По мнению П. А. Садикова, Юрий Сидоров перед самой земской реформой 1555 г. служил на Казенном дворе: ведал там поступлением важнейших государственных доходов и в то же время исполнял поручения «по приказу» государева дворецкого, т. е. в качестве дьяка Большого дворца[61]. В данном случае, можно думать, Юрию Сидорову и Кожюху были отосланы документы именно как дьякам Казенного двора, в компетенцию которого входил сбор военных податей с пограничных областей.

Упомянутому уже «дияку Кожюху Кроткому» были «отданы» на Казенный двор и находившиеся в ящике 157 писцовые книги — «книги московские Ондреева письма Берсенева», так как подобные документы должны были храниться именно на Казенном дворе: казна была центральным финансовым ведомством в государстве[62].

В ящике 172 вместе с «книгами татарскими» находились «две грамоты уставные: Иванегородская, по Иванову письму, отдана Путилу, да Балахонская, взяты, потому что отставлены». Очевидно, эти грамоты находились в архиве тогда, когда архивом ведал Иван Висковатый («по Иванову письму»).

Семен Путило Михайлович Нечаев (Митрофанов) названный в «Тетради дворовой» «большим дьяком»[63], управлял в 1555—1568 гг. Поместным приказом[64]. Одновременно с 1556 г. Путило был «кормленым дьяком»[65] и получил кормленый окуп с Двинской земли. Из Двинской уставной грамоты от сентября 1556 г.[66] узнаем, что «колмогорцам» (т. е. жителям Холмогор) «управу на Москве чинить» должен именно Путило[19*].

Можно предположить, что «уставные грамоты» Путило получил в качестве «кормленого дьяка», однако средоточием документов, относившихся к его деятельности, был все время Поместный приказ. П. А. Садиков подчеркивает, что нет никакой научной надобности связывать кормленых дьяков середины XVI в. с каким-либо приказом или ведомством определенно. Будучи «у кормления», и Висковатый и Путило Нечаев оставались прежде всего самостоятельными начальниками особых «изб»[67]. Следовательно, «грамоты уставные», вероятно, были отосланы в Поместный приказ.

[19*] Дьяку Путиле Михайлову платили оброк и с речки Яналуксы Никольского Сердовольского погоста Новгородской земли[68].

Имеются данные о поступлении в Царский архив документов из Дворцовых приказов. Среди разнообразных документов ящика 36 находились «татрати, (т. е. тетради. — *С. Ш.*) приказ дворетцких на дворцовых селех». Указание на происхождение из Дворцовых приказов можно обнаружить и в наименованиях некоторых документов, в момент составления Описи прочно уже осевших в основном фонде Царского архива. Так, в ящике 78 помещались «списки и грамоты черные Ивановские Малого». Иван Александрович Горбатый Малой был в 1520—1528 гг. одним из дворцовых дьяков[69].

С дворцовыми приказами могли быть связаны своим происхождением, видимо, и некоторые документы (или группы документов), названные по именам думных дьяков[20*]. В Описи упомянуты документы некоторых из этих дьяков: Третьяка (ящик 136), Бакаки (ящик 162), Ивана Михайлова (ящик 139).

Н. П. Лихачев полагает, что во всех приведенных случаях имена этих дьяков названы в связи с документами внешних сношений и известный посольский дьяк «Иван Михайлов упомянут совершенно так же, как и предшествующие дьяки»[70]. Не рассматривает ли Н. П. Лихачев эти данные изолированно от других указаний Описи?

Упомянутые дьяки принимали руководящее участие в организации внешних сношений России[21*], однако все они участвовали (иногда одновременно) и в других отраслях правительственной деятельности. В четырех случаях из шести имена думных дьяков, действительно, упомянуты в связи с документами внешних сношений (имена Майка, Луки, Третьяка, Ивана Михайлова). В двух же случаях имена думных дьяков указаны вне зависимости от документов внешних сношений: Губа Моклоков упомянут при описании ящика 75 («А в нем списки Губы Моклокова рознь»); ящик 162 описан так: «Бакакинъской с приказными делы». Посольские дела в Описи, как правило, точно обозначены, и подозревать под «рознью» и «приказными делы» документы именно внешних сношений трудно. Для предположения такого рода тем более нет оснований, что Посольский приказ оформился в качестве самостоятельного учреждения — «приказа» — в то время, когда Бакака уже не принимал участия в организации внешних сношений России.

[20*] А. А. Зимин попытался «выстроить в единый хронологический ряд все сведения о дьяках, имевших непосредственное отношение к документации» Царского архива до середины XVI в.[71]

[21*] Майко — дьяк Андрей Федорович Майко, участвовавший в переговорах с иностранными послами в 1494—1501 гг.[72] Лука — дьяк Лука Семенов, участвовал в переговорах с иностранными послами в 1507/8—1512 гг.[73] Губа Моклоков — дьяк Никита Семенович Моклоков, участвовал в переговорах с иностранными послами в 1508—1515 гг.[74] Третьяк — дьяк Матвей Третьяк Михайлович Раков, участвовал в переговорах с иностранными послами в 1537—1543 гг.[75] Бакака — дьяк Иван Бакака Митрофанович Карачаров, участвовал в переговорах с иностранными послами в 1548—1549 гг. и ранее[76]. Иван Михайлов — знаменитый Иван Михайлович Висковатый, первый дьяк, ведавший специально посольские дела, начальник Посольского приказа в 1549—1562 гг., участвовавший в переговорах с иностранными послами по 1570 г.

Сведения о многообразной правительственной деятельности обоих дьяков позволяют предполагать, что документы, помещавшиеся в ящиках 75 и 162, могли относиться не обязательно к посольским «делам», но и к «делам» дворцовых приказов[22*]. Губа Моклоков занимался теми делами, которые находились в ведомстве Рязанского дворца — правительственного учреждения, образованного после вхождения Рязанского великого княжества в состав единого Российского государства[77]. Впоследствии эти дела перешли в ведение думного дьяка Меньшого Путятина, одного из ближайших сотрудников Василия III. В судном деле рязанских дворян от 1520 г. упоминаются «губенские ларци», где «залегли» списки и грамота истцов, которые они «клали перед дворецким» Вас. Андр. Челядниным «у доклада; а диак у него был Губа Моклоков»[23*]. Следовательно, Губа Моклоков мог быть и одним из дворцовых дьяков, а органы дворцового управления[78] в первой половине XVI в. ведали и вопросами общего управления[79].

Дворцовым дьяком был одно время и Бакака — дьяк Большого Дворца в 1537 г.[80] В 1547 г. он, впрочем, выполнял обязанности дьяка другого учреждения — Разрядного приказа — и хранил, а, возможно, и составлял, разряды свадьбы Ивана IV[81]; так что документы ящика 162 могли отложиться и в связи с письмоводством этого учреждения.

С деятельностью какого-то или каких-то приказов, видимо, связаны и дела, находившиеся в ящике 161 и суммарно названные «приказными делами»[24*]. В рукописи оставлено место для более подробного описания содержания ящика, но работа осталась невыполненной.

Некоторые документы поступали в Царский архив, видимо, из Митрополичьей казны.

В Царском архиве оказались в подлинниках, копиях и черновиках одни и те же дела соборов против Матвея Башкина, игумена Троице-Сергиева монастыря Артемия и других[82]. В ящике 189 хранились «дела соборные, подлинные, в листех, за митрополичьего рукою 62-го, 63-го (годов. — *С. Ш.*), Матфея Башкина и Артема, бывшего троецкаго игумена и иных». В ящике 222 были те же «соборные дела», но только «черные списки»[25*], и, кроме того, «книжка Ортемьева — Апостол, Еуангелие, Псалтырь писана полусловицею; и грамоты о побеге, как Ортем побежал с Соловков». Артемий бежал из Соловецкого монастыря в

[22*] Впрочем, интерес поляков к этим ящикам скорее побуждает склониться к мысли, что там находились и (или даже только) документы, имевшие отношение к внешней политике.

[23*] «И те... списки и грамоты залегли у Губы у Моклокова. А нынче... губенские ларци у дьяка у Меньшаго у Путятина»[83].

[24*] А. А. Зимин полагает возможным допустить, что эти (или такого рода) документы названы среди не описанных, а лишь упомянутых дел в описях архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг.[84]

[25*] «...а в нем соборные дела, списки черные, Матфея Башкина да Ортемья, бывшего игумена троецкого, и Федоса Косова и иных старцов».

Литву в 1555 г., следовательно, документальный комплекс ящика сложился не ранее этого года.

Материалы ящика 222[85], особенно книга Артемия, писанная «полусловицей» и требовавшая для ознакомления с текстом особой церковно-учительной подготовки, вероятнее всего, были сосредоточены в «казне» у митрополита, формально (а быть может, и по существу) руководившего «соборными» разбирательствами. Возможно, что в его «казне» прежде были и подлинные дела «за митрополичьего рукою», так как в описи Царского архива документация о других церковных соборах не упомянута.

В Митрополичьей казне, вероятно, надлежало первоначально находиться и материалам ящика 190 с «соборными ж делами» «Ортемьевых учеников» и каких-то торопчан 7065—7066 (1556—1558) гг., с документами, разосланными по монастырям, делами об «опросе старцов соловетцких», «списком» чернца, присланным смоленским архиереем, «делом старца Нила Курлятева и иных». Ящики 189 и 190 могли поступить в Царский архив вскоре после кончины митрополита Макария, умершего в 1563 г. Они помещались как раз среди ящиков, где находились документы второй половины 1560-х годов: в ящике 188 — грамота 7077 (1568/69) г., в ящике 191 — «списки государеву сиденью о всяком земском указе» января 1568 г., т. е., говоря современным языком, новые поступления в архив.

По наблюдению А. А. Зимина, «материалы митрополичьего происхождения»[86] находились и в ящиках 150 (с «комплексом документов, относящихся к монастырскому и княжескому землевладению и проблеме взаимоотношения церкви и государства»)[87] и 175[26*] (с разновременными документами, определяющими положение церкви в государстве и отдельных лиц в рамках церковной иерархии). А. А. Зимин допускает, что ящик мог быть сформирован около 1564 г.[88] — следовательно, опять-таки в связи с кончиной Макария, пересмотром его архива и передачей части документов Митрополичьей казны в Царский архив.

Особый интерес правительства Ивана Грозного к этой документации, вероятно, подогревался и внешнеполитическими обстоятельствами (в Польско-Литовском государстве постепенно сосредоточилось немало русских эмигрантов, враждебно настроенных в отношении политики царя: «еретики» Артемий, Феодосий Косой и др., позднее боярин князь А. М. Курбский и другие служилые люди) и намерениями ограничить землевладельческие и политические права церковных властей (это ведь время столкновения царя с митрополитом Филиппом и лишения его сана).

[26*] «Ящик 175. А в нем грамота Симана митрополита, что от поставления не имати у попов ничего; грамота о белом клобуке, и о красном воску, и печати; и о поставлении царском и о митрополичем; и имян список архиманритов и игуменов, которые под которыми сидят; настольная грамота архиепископа Гурия казанского; и грамоты о соединенье, которого архиепискупа или епискупа поставити на его престол».

Особенно много помет о поступлении документов архива (иногда даже целых ящиков) к государю. Но «Личный архив Ивана Грозного» — тема особого очерка[27*].

* * *

В Царском архиве хранились также документы «посыльные» и «присыльные».

«Посыльными грамотами», по терминологии того времени, называли все государевы грамоты, посылавшиеся на места из Москвы или из другого места пребывания государя[28*].

Чаще всего это были «указные грамоты». «Посыльными» есть основания считать и упомянутые в Описи «грамоты в Новгород Великой владыке» (ящик 28), «грамота во Псков, коли Мисюря не стало»[29*] (ящик 28). «Посыльными» были также «наказы» воеводам «с росписью» их по полкам[30*].

«Посыльными» назывались и документы внешних сношений, в том числе отправляемые из Москвы за рубеж (ящики 62, 63, 181, 188 и т. д.). В татарские «юрты» такие документы писались иногда по-татарски. Так, в ящике 72 были «списки казанские старые и грамоты посыльные татарским письмом».

«Посыльными» на языке приказного делопроизводства XVI в. должны были называться грамоты, находившиеся в ящике 117[91], о которых в Описи читаем: «А в нем тетратки, что приказал князь велики дияком Елизару Цыплятеву да Третьяку Ракову[31*] да Обрюте Мишурину давати грамоты псковичем, к намесником и к дьяком». Этими грамотами, по-видимому, в Пскове вводились губные учреждения[32*].

[27*] См. главу «Царский архив и Постельная казна».

[28*] «Посыльными грамотами» в начале XVI в. назывались также, как убеждает Опись, грамоты, посылавшиеся удельными князьями, даже в том случае, если они были адресованы самому великому князю. Так, в ящике 184 находились «грамоты князя Дмитрея Ивановича посыльные к великому князю Василью, и великого князя к нему» (Дмитрий Иванович Жилка, брат Василия III, умер в 1521 г.).

[29*] Грамота может быть предположительно отнесена к 1528 г. — году смерти Мисюря Григорьевича Мунехина, великокняжеского дьяка во Пскове, ведавшего все «приказные дела»[89].

[30*] Об одном таком «наказе» упоминается в Описи в связи с любопытным «делом князя Ивана Дмитреевича Белского со князем Васильем Барбашиным о наказе, что посылан ко князю Ивану с наказом князь Василей Барбашин, и князь Иван у того наказу голову отклеил для того, что надписаны к нему в товарыщех князь Иван Мъстисловской да князь Михайло Глинской» (ящик 215). Это местническое дело 1559—1560 гг.[90]

[31*] Брат его Иван Колтыря Михайлов Раков был ранее дьяком в Пскове[93]. Псковский летописец выразительно охарактеризовал Ивана Ракова и его деятельность: «А диака Колтырю Ракова свел князь великий на Москву, и бысть псковичам радость, и он многие пошлины уво Пскове оуставил; а нога оу него крива»[94].

[32*] В Псковской летописи под 1540/41 г. отмечено, что Иван IV «нача жаловати, грамоты давати по всем градом большим и по пригородом и по волостем... а псковичи такову грамоту взяша...»[95].

Можно полагать, что такого типа документы имели особое наименование и назывались «жаловальные посыльные грамоты»[33*], в отличие от других «жаловальных грамот», которые выдавались адресату непосредственно в Москве. В ящиках 107 и 128 как раз и хранились грамоты жаловальные и посыльные (содержание их не раскрыто в Описи). Именно о жаловальных посыльных грамотах написано в приговоре собора 1549 г., устанавливавшем новый порядок суда над детьми боярскими: «да и грамоты свои жаловальные о том во все городы детем боярьским (Иван IV. — *С. Ш.)* послал»[92].

В Описи упоминаются также «посыльная опасная грамота». Такая грамота, отправленная князьям Семену Стародубскому и Василию Шемячичу, должна была обеспечить им свободный приезд в Москву (ящик 36). Грамота, вероятно, относится к 1517 г. Такого же рода документом была, можно полагать, и «грамота опасная, какова была послана к Полубенскому», литовскому гетману, в 1560-е годы (ящик 221).

Неоднократно в Описи упоминаются «присыльные» документы. В ящике 108 хранились «розные грамоты присыльные из Наугоротцкого приказу Новагорода Нижнево, из Смоленска, и из Новагорода из Великого, и из Пскова, и из ыных изо многих городов». Под приказом в данном случае следует понимать приказную избу города — главное правительственное учреждение в больших городах. В Великом Новгороде во второй четверти XVI в. она называлась «дьячей избой» и была средоточием делопроизводства и, видимо, архивной документации местных учреждений.

«Списки розные и грамоты из розных городов» находились и в ящике 36. По-видимому, из других городов прибыли и «списки и грамоты присыльные, розные», хранившиеся в ящиках 112 и 116, для подробного описания которых оставлено в Описи свободное место. «Присыльными» были «грамоты от Вязги» (ящик 36), «списки подьячих ноугородцких, что прислал Вязга Суков» (ящик 28), «списки вятцкие, что прислал княж Михайло Курбъской» (ящик 28), «списки из Смоленска» (ящик 26), вероятно, и «списки розные, псковские и наугоротцкие и иных городов», лежавшие в ларце 122 и др.

В отличие от этих «присыльных» дел из других городов «грамоты присыльные о местех» (ящик 145) представляли собой местнические дела, поступавшие не из дьячих изб городов, а из учреждений, подведомственных Разрядному приказу, тем более что именно в этом ящике сосредоточены были документы, полученные от разрядного дьяка Ивана Елизарова.

«Присыльными» назывались и документы внешних сношений, например «грамоты литовские, королевские присыльные с послы и посланники» (ящик 193), «грамоты и списки черные астороханские присылки» (ящик 203), «грамоты присыльные с Поля» от крымского ханыча Ислама Василию III (ящик 86) и др.

[33*] О «жаловальной посыльной грамоте», освобождавшей Кирилло-Белозерский монастырь от уплаты пошлин в Холопьем городке, читаем в документе, датированном 17 мая 1557 г.[96]

Изучение Описи позволяет отметить, что в середине XVI в. только устанавливалась определенная устойчивость терминологии в наименовании некоторых «дел» в зависимости от того, какое учреждение и куда их направляло. Но чаще всего «посыльными» назывались преимущественно документы, отправляемые из Москвы в другие города, а «присыльными» — преимущественно документы, получаемые в Москве из других мест[34*]. (Позднее такие ординарные документы, видимо, стали называться исходящими и входящими.)

В Царском архиве «посыльные» документы хранились подчас вперемешку с «присыльными» (ящики 28, 36ж, 145). Особенно бросается это в глаза при описании ящика 36ж, в котором были «книги старые, грамоты, писаны в Новгород Великой и во Псков, и из Новагорода и изо Пскова», т. е., очевидно, сборники, состоявшие из «посыльных» и «присыльных» грамот (быть может, копийная книга?). В том же ящике вместе со «списками во Псков на Ивана на Ярого на Заболотцкого»[35*], т. е., можно полагать, «посыльными» документами, хранились «списки, что писан Псковской Красной пригородок», явно составленные в Пскове.

В Описи иногда указывалось, кому поручено было отвезти «посыльный» документ: например, «список во Псков с Сотницею с Клобуковым о Савине животе подьячего» (ящик 26). Сотница Клобуков принадлежал к известному роду служилых и приказных людей Клобуковых и упоминается в документах первой половины XVI в.[100] (По данным С. Б. Веселовского, он убит в 1535 г. в Мещере[101].)

При описании документов внешних сношений в Описи часто отмечалось, кто привез их из-за рубежа. В отдельных случаях такие указания встречаем и при описании документов, присланных в Москву из русских городов: «список Иванегородцкой, привез князь Борис Щепин»[36*], «списки смоленские, привез Федор Бороздин» (ящик 28), «списки лутцкие (по-видимому, великолукские. — *С. Ш.*), что привез Вязга Суков о Васюкове ларце Пасынкова» (ящик 26), «места городу Пъскову и улицам, как город Пъсков не погорел, а привез те списки изо Пъскова князь Дмитрей Хворостинин» (ящик 213), «дело наугородцкое на подьячих на Онтона Свиязева с товарищи, прислано из Новагорода по Павлове скаске Петрова, с Васильем Степановым» (последний ящик без номера). Важные документы иногда привозили в Москву высокопоставленные лица — воеводы и дьяки центральных приказов или приказов городов.

Князь Дмитрий Иванович Хворостинин, прославленный воевода второй половины XVI в., упоминается в разрядах с 1558—1559 гг. на службе на восточных

[34*] «Присыльными грамотами» называли на местах документы, полученные от дьяков городских «дьячих изб» («присыльные дьячьи грамоты»). Так, в Новгородской писцовой книге написано о помещике Богдане Родичеве, что «грамота у него диачая Чюдина Митрофанова есть присыльная»[97]. Чюдин Митрофанов был в середине XVI в. дьяком в Великом Новгороде[98].

[35*] Иван Иванович Ярого-Заболоцкий последний раз упоминается в разрядах, по сведениям С. Б. Веселовского, в 1522 г.[99]

[36*] Очевидно, князь Борис Дмитриевич Щепин — известный по разрядам с 1520—1540 гг.

и южных границах государства. С 7070 г. (1561—1562 гг.) участвовал в Ливонской войне. Можно предполагать, что к близкому времени относится и упомянутый в Описи документ, тем более что в этом же ящике находилась отписка «об езду Можайском лета 7070-го». Известно и о сильном пожаре во Пскове в 1562 г.[102]

Вязга (Звяга) Афанасьевич Суков был дьяком в Новгороде Великом в конце 1530 — начале 1540-х годов[103]. В Царском архиве в ящике 113 находились «книги отпуск Вязги Сукова в Новгород на дьячество». Вязга Суков и «присылал» документы в Москву (ящики 28, 36), и сам «привозил» их (ящик 26).

По-видимому, привозил документы в Москву и другой новгородский дьяк Василий Степанов (последний ящик без номера). В источниках 1550—1560-х годов упоминаются два дьяка с таким именем: московский «большой дьяк», один из начальников Поместного приказа и новгородский дьяк. Не исключена возможность, что это «дело наугородцкое» привез в Москву ездивший в Новгород «большой дьяк», но более вероятно предположение, что «дело» привезено новгородским дьяком так же, как раньше привозил сюда новгородские документы его предшественник Вязга Суков.

Документы сношений с Ливонским орденом в годы правления Ивана III и Василия III (ящик 11) привез из Новгорода дьяк Григорий Загряжский «после великого князя Василья, по велению великого князя Ивана Васильевича» — следовательно, вскоре после смерти Василия III и, безусловно, до венчания Ивана IV царским венцом. В Новгородской летописи сохранилась запись о приезде Загряжского в Новгород, позволяющая уточнить возможную дату доставки документов в Царский архив. Загряжского послали в Новгород «ставить деревянный город на Софийской стороне» 3 мая 1534 г., менее чем через год после смерти Василия III[104]. Это указание на цель командировки разъясняет, что видные московские приказные люди могли получать помимо основного задания и дополнительные, в том числе предписание доставить в Москву хранившиеся в городе документы.

Таким образом, следует считать установленным, что Царский архив имел сношения с такими правительственными учреждениями, как Казенный двор, Разрядный приказ, Поместный приказ, Посольский приказ, Челобитный приказ, Казанский дворец и другие дворцовые приказы, Митрополичья казна, а также дьячьи избы городов. Дальнейшее изучение Описи и других современных ей исторических источников позволит, можно полагать, выявить и другие правительственные учреждения, из которых поступали документы в Царский архив и куда передавали документы из Царского архива. Все упоминаемые в Описи учреждения, так же как и учреждения, названия которых устанавливаются по именам их руководителей, имели свои архивы — «казны». И Царский архив, откуда передавались туда документы и где получали документы из этих учреждений, не мог быть, очевидно, архивом ни одного из таких правительственных учреждений.

Примечания

[1] *Леонтьев.* Приказы. С. 16 и сл.; *Митяев К. Г.* История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959. С. 32 и сл.
[2] *Сергеев.* Формирование. С. 134—135.
[3] ПСРЛ. Т. 6. С. 268. См. также: *Пресняков.* Завещание Василия III. С. 73.
[4] ПРП. Вып. 4. С. 364, 366. См. так же: Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909. С. 77, 78, 85, 86.
[5] *Стратонитский К. А.* «Избные» пошлины царского судебника // Сб. Любавскому. С. 53; Судебники, комментарии; *Сергеев.* Формирование. С. 132 и сл.
[6] РИО. Т. 71. С. 516; ПИГ. С. 271; *Оглоблин Н.* К истории Челобитного приказа // ЖМНП. 1892. № 6. С. 282. Примеч. 5.
[7] *Тихомиров.* Летописание. С. 180; ПСРЛ. Т. 34. С. 28.
[8] РИО. Т. 38. С. 195.
[9] Судебники. С. 141—142.
[10] *Садиков* Я. Л. Из истории опричнины XVI в // Исторический архив, 1940. Т. 3. С. 233, 249, 250, 260; *Самоквасов.* Архивный материал. Т. 1. Отдел 2. С. 117; АМГ. Т. 1. С. 34.
[11] ПСРЛ. Т. 13. С. 269.
[12] *Садиков.* Очерки. С. 245—255; *Леонтьев.* Приказы. С. 71 и сл.
[13] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 554 и др.; *Садиков.* Очерки. С. 229—233, 244—245, 355 и сл.
[14] *Леонтьев.* Приказы. С. 109.
[15] *Зимин.* Архив. С. 148, 403.
[16] Там же. С. 465.
[17] Английские путешественники. С. 285—290.
[18] *Зимин.* Архив. С. 465.
[19] *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956. С. 110.
[20] РИО. Т. 71. С. 497 и сл.; ПИГ. С. 241 и сл., 668 и сл. (комментарий Я. С. Лурье); *Шмидт.* Архивы. С. 264; *Зимин.* Архив. С. 131—132.
[21] *Зимин.* Архив. С. 241.
[22] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 394—400.
[23] *Забелин.* Заметка. С. 3; *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. М., 1916. Кн. 2. С. 198; *Бондаренко Н. Е.* Здания Посольского приказа // Сб. статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916.
[24] Хронографическая летопись. С. 295.
[25] ААЭ. Т. 1. № 239. С. 250.
[26] ПСРЛ. Т. 13. С. 454.
[27] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 620.
[28] Хронографическая летопись. С. 292.
[29] ПСРЛ. Т. 31. С. 196, 200.
[30] *Шмидт.* Оружейная палата.
[31] *Тихомиров.* Летописание. С. 227.
[32] *Шмидт С. О.* Сколько лет Оружейной палате? — Известия, 1978, 6 мая.
[33] *Шмидт.* Челобитенный приказ. С. 453.
[34] ТКТД. С. 114.
[35] Зимин. Архив. С. 360.
[36] *Кобрин В. Б.* Рецензия на издание ОЦА // ВИ. 1962. № 4. С. 146; *Он же.* Легенда и быль о новгородце Петре Волынском // ВИ. 1969. № 3. (В комментарии А. А. Зимина указана литература. — *Зимин.* Архив. С. 427.)
[37] Архив АН СССР. Ф. 693 (М. Н. Тихомирова). Оп. 1. Д. 224. Л. 3—4.

[38] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 274.
[39] *Веселовский.* Опричнина. С. 402; *Он же.* Дьяки. С. 274.
[40] АЮБ. Т. 1. С. 218.
[41] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1896. С. 326. Примеч. 3.
[42] *Веселовский.* Землевладельцы. С. 286; *Зимин.* Боярская дума. С. 70; *Зимин.* Архив. С. 360.
[43] *Зимин.* Архив. С. 344.
[44] О И. Е. Цыплятеве см.: *Лихачев Н. П.* Дьяки; *Веселовский.* Дьяки. С. 560; *Леонтьев.* Приказы. С. 111 и сл.; *Буганов.* Разрядные книги. С. 113, 115, 169; *Зимин.* Архив. С. 344.
[45] АИ. Т. 2. С. 423.
[48] *Чернов А. В.* Центральный государственный архив древних актов как источник по военной истории Русского государства до XVIII в. // ТМГИАИ. М., 1948. Т. 4. С. 117; *Буганов.* Разрядные книги.
[47] *Маркевич.* Местничество. С. 283.
[48] *Зимин.* Архив. С. 349.
[49] *Тихомиров.* Летописание. С. 226.
[50] *Самоквасов.* Архивный материал. Т. 1. Отдел 1. С. 148.
[51] *Лихачев Н. П.* Дьяки. Прил. С. 22; *Маркевич.* История местничества.
[52] О Третьякове см.: *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 275, 375; *Веселовский.* Земледельцы. С. 447; *Зимин.* Дворец. С. 187 и сл.; *Назаров.* Учреждения. С. 93.
[53] *Зимин.* Боярская дума. С. 52; *Зимин.* Архив. С. 251.
[54] *Зимин.* Боярская дума. С. 53; *Зимин.* Архив. С. 251.
[55] *Назаров.* Учреждения. С. 93.
[56] *Веселовский.* Опричнина. С. 460.
[57] Об этих дьяках см.: *Веселовский.* Дьяки. С. 474—475, 268—269; *Назаров.* Учреждения. С. 94—95; *Зимин.* Архив. С. 338.
[58] ААЭ. Т. 1. С. 220; АЮ. С. 386; *Веселовский.* Опричнина. С. 402, 444; *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 129 и сл.; *Каштанов.* Хронологический перечень. Ч. 1; *Носов.* Становление.
[59] ДАИ. Т. 1. С. 81.
[60] Там же. С. 90, 91.
[61] *Садиков.* Очерки. С. 224.
[62] *Назаров.* Учреждения. С. 92.
[63] ТКДТ. С. 115; об этом дьяке см.: *Веселовский.* Дьяки. С. 333—334.
[64] *Шумаков.* Экскурсы. С. 49.
[65] *Садиков.* Очерки. С. 233—237.
[66] ААЭ. Т. 1. С. 273.
[67] *Садиков.* Очерки. С. 244—245.
[68] *Самоквасов.* Архивный материал. Т. 2. С. 376.
[69] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 45; *Веселовский.* Дьяки. С. 124; *Зимин.* Дьяки. С. 222—223.
[70] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 75.
[71] *Зимин.* Архив. С. 241—243.
[72] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 67; *Белокуров.* Посольский приказ. С. 14, 99; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 10—21; *Веселовский.* Дьяки. С. 311; *Зимин.* Дьяки. С. 250—251.
[73] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 67; *Белокуров.* Посольский приказ. С. 15, 100—101; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 34—38, 81—82. *Веселовский.* Дьяки. С. 471; *Зимин.* Дьяки. С. 267—268.
[74] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 75; *Белокуров.* Посольский приказ. С. 104; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 35—39; *Веселовский.* Дьяки. С. 345; *Зимин.* Дьяки. С. 254—255.

[75] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 175; *Белокуров.* Посольский приказ. С. 104; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 86—99; *Веселовский.* Дьяки. С. 445—446; *Зимин.* Дьяки. С. 265—266; *Зимин.* Архив. С. 242.

[76] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 75; *Белокуров.* Посольский приказ. С. 104; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 90—104; *Веселовский.* Дьяки. С. 226—227; *Зимин.* Дьяки. С. 239—240; *Зимин.* Архив. С. 242.

[77] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 138.

[78] О дворцовых учреждениях и дворцовых дьяках см.: *Зимин.* Дворец для середины XVI в.; *Назаров.* Учреждения.

[79] *Носов.* Очерки. С. 322—325.

[80] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 35; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 94.

[81] ДРВ. Ч. 13. С. 32; *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 121.

[82] О «делах» Матвея Башкина и Артемия см.: *Зимин.* Пересветов. Ч. 1. Гл. 4. Реформационное движение середины XVI века (имеется обзор литературы); *Клибанов А. И.* Реформационное движение в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 264 и сл.; и др. исследования; *Зимин.* Архив. С. 415—417.

[83] *Пискарев А.* Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854. № 13. С. 14—23; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 390. С. 402—405.

[84] *Зимин.* Архив. С. 371.

[85] Подробнее см.: *Зимин.* Архив. С. 510—512, а также с. 415—418.

[86] *Зимин.* Архив. С. 387.

[87] Там же. С. 354.

[88] Там же. С. 390.

[89] О нем см.: *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 135.

[90] *Зимин.* Архив. С. 483—484.

[91] См.: *Зимин.* Архив. С. 282 (указана литература).

[92] Хронографическая летопись. С. 296.

[93] *Веселовский.* Дьяки. С. 445; *Зимин.* Дьяки. С. 265.

[34] Псковские летописи. С. 106.

[95] Там же. С. 110.

[96] ААЭ. Т. 1. С. 220.

[97] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 253, 449.

[98] *Веселовский.* Дьяки. С. 334.

[99] *Веселовский.* Землевладельцы. С. 352.

[100] *Лихачев Н. П.* Дьяки, с 243, 252.

[101] *Веселовский.* Дьяки. С. 240.

[102] Псковские летописи. С. 113.

[103] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 248; *Веселовский.* Дьяки. С. 501; *Зимин.* Дьяки. С. 271.

[104] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 567, 615; о Г. Загряжском см.: *Леонтьев.* Приказы. С. 93; *Зимин.* Дьяки. С. 237.

Фондообразователи Царского архива

Постановка вопроса. Историография

Вопрос о фондообразователях «исторической» части Царского архива можно признать более или менее ясным. Но когда речь заходит о фондообразователях (или фондообразователе), современных переписям Царского архива 1550—1570-х годов, сразу же выявляется несходство мнений ученых.

Вопрос о фондообразователях (или фондообразователе) Царского архива в исторической литературе, в том числе и в историко-архивоведческой, подчас подменяется другими вопросами: об организационной структуре архива и его ведомственной подчиненности (являлся Царский архив самостоятельным учреждением или находился при одном из центральных учреждений), о месте хранения упоминаемых в Описи документов, о библиотеке Ивана Грозного и др. Не всегда учитываются и изменения в положении Царского архива (в этих и иных аспектах) на протяжении XVI столетия.

Некоторые историки вслед за Н. П. Лихачевым и С. А. Белокуровым[1*] полагают, что Опись представляет собой опись архива Посольского приказа и Царский архив в период составления Описи находился при Посольском приказе[2*]. При этом Н. П. Лихачев считал, что Царский архив с самого своего возникновения, т. е. с конца XV в., находился при Посольском приказе и в заведовании дум-

---

[1*] «Описью дел Посольского приказа» названа Опись, опубликованная в ААЭ, в примечаниях к изданию «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными»[1], составленных, видимо, либо М. А. Оболенским (под его надзором, как отмечено в предисловии, копировались подлинные рукописи), либо готовившим рукопись к изданию А. Н. Поповым. Это представление показалось сомнительным В. С. Иконникову, который писал в «Опыте русской историографии», в части, опубликованной в 1891 г.: «Впрочем, этот архив нельзя считать исключительно архивом Посольского приказа, так как в нем хранились дела самого разнородного содержания»[2].

[2*] Мнения дореволюционных исследователей кратко суммированы И. Ф. Колесниковым и Л. В. Черепниным. Мнения как дореволюционных, так и советских историков о соотношении Царского архива и архива Посольского приказа, о времени поступления документов Царского архива в архив Посольского приказа кратко изложены в статье В. И. Гальцова[3].

ного посольского дьяка, а С. А. Белокуров, считая, что Посольский приказ образовался в середине XVI в., утверждал, что до этого времени документы архива были частью великокняжеской казны. Во втором издании учебного пособия И. Л. Маяковского признается, что если ранее архив находился в государственной казне, то в период составления Описи «он существовал как самостоятельное учреждение». Он был обособлен как от государственной казны, так и от начавших складываться приказов, и находился под управлением лиц из ближайшего окружения царя, уже позднее материалы его, уцелевшие в годы польской интервенции, «были включены в архив Посольского приказа»[4] (Тем самым обнаруживается определенная степень близости с положениями, сформулированными в моих статьях конца 1950-х годов.) А. А. Зимин полагает, что Царский архив «первоначально составлял делопроизводственную часть казны, как личной канцелярии великого князя. Во всяком случае так было, очевидно, до 1549 г. Позднее Архив стал самостоятельным учреждением, находившимся в заведовании посольских дьяков (Висковатого, Васильева, А. Щелкалова)»[5]. Таким образом, и здесь не дается ответ на вопрос о фондообразователе Царского архива.

Был ли Царский архив середины XVI в. действительно архивом Посольского приказа? На чем основывались утверждения сторонников такой точки зрения? Основные доводы приверженцев этого мнения сформулированы Н. П. Лихачевым: «Ввиду того, что ядро этого архива составляли несомненные дела Посольского приказа, и так как все, что уцелело из множества упоминаемых в "Описи" дел, находится теперь в Архиве Министерства иностранных дел в Москве, можно, не задумываясь, высказать мнение, что государственный архив — "казна", находился при Посольском приказе»[6]. Для большей убедительности этих положений было указано также на то, что Висковатый и Васильев — составители описей, легших в основу изучаемой Описи, были начальниками Посольского приказа, что дьяком Посольского приказа был составитель Описи А. Щелкалов и что многие документы, названные в Описи, упомянуты также в описях архива Посольского приказа, составленных в первой половине XVII в.

Соображения эти, однако, не вполне соответствуют содержанию изучаемой описи Царского архива, где преобладали, как отмечалось выше, документы внутренней политики, не имеющие отношения к сфере деятельности Посольского приказа. Отнюдь не во всем находят подтверждение эти выводы и в других известных нам источниках XVI—XVII вв.

Значительная часть упомянутых в Описи документов в первой четверти XVII в. действительно находилась в архиве Посольского приказа, что запечатлено в описях его, составленных в 1614 и 1626 гг. Но этих данных мало для утверждения, будто бы уже в середине XVI столетия Царский архив был архивом Посольского приказа. Предварительно необходимо еще доказать, что перечисленные в описях 1614 и 1626 гг. документы, в частности документы внутренней политики, были в архиве Посольского приказа в середине XVI в., а не поступили туда после составления

изучаемой Описи, на рубеже XVI и XVII вв. Это необходимо сделать и потому, что, по наблюдению того же С. А. Белокурова, в архиве Посольского приказа XVII в. не оказалось ни одной из рукописных книг на русском, латинском и восточных языках, названных в описи Царского архива[7]. Кроме того, документация Царского архива, как отметил и Л. В. Черепнин, вовсе не ограничивалась только документами бывшего Московского главного архива Министерства иностранных дел, хранящимися ныне в РГАДА[8].

Что же касается составителей описей, предшествовавших изучаемой, то Висковатый и Васильев одновременно с обязанностями посольских дьяков выполняли и другие правительственные обязанности. Следовательно, нужны дополнительные доказательства и в пользу суждения о том, что описи эти составлялись Висковатым, Васильевым и А. Щелкаловым именно в связи с их должностным положением в Посольском приказе.

Эти доказательства тем более уместны, что в Описи имеются указания о выдаче документов Царского архива в Посольский приказ, на одно из которых обратил внимание А. И. Соболевский еще в 1894 г.[3*]

Н. П. Лихачев на основании подобного же рода указаний описи о документах, переданных в Царский архив казначеем И. И. Третьяковым (ящики 82, 122), справедливо заключает: «Третьяков был казначеем, и это новое доказательство, что архив... находился не у казначеев»[9]. (Впрочем, нельзя не отметить, что наблюдение это автором сделано в примечании.) Не потеряли своего значения и другие замечания, сделанные А. И. Соболевским (поддержанным И. И. Вернером) в рецензии на книгу Н. П. Лихачева: «...до нас дошла лишь часть описи архива XVI века, большая или меньшая, неизвестно, и потому мы не имеем права говорить об "ядре" "архива", и "архив" Посольского приказа сохранился несравненно лучше, чем архивы других приказов, и потому в архиве Министерства иностранных дел теперь больше документов XVI века и ранее, чем в других местах»[10].

Таким образом, из главных доводов ученых, принимавших опись Царского архива XVI в. за опись архива Посольского приказа, наиболее важный опровергается исследованием рукописи Описи, а остальные нуждаются в серьезных дополнительных обоснованиях.

[3*] Возражая против утверждения С. А. Белокурова, будто изданная в ААЭ опись «не опись Царского архива XVI века, а опись дел Посольского приказа», А. И. Соболевский, ссылаясь на помету Описи о документах, взятых «в Посольную полату» (из ящика 18), пишет, что «она, на наш взгляд, вполне разъясняет дело. Если документы были взяты в Посольский приказ и об этом в описи было отмечено, очевидно, они были не в Посольском приказе, а в каком-то особом хранилище, которого старого названия мы не знаем и которое, конечно, не могло носить названия архив, употребляемого для него нами»[11]. И. А. Голубцов допускал мысль, что в середине 1560-х годов часть Царского архива хранилась на Казенном дворе, а часть — в Посольской избе и объединены были эти части после официальной отмены опричнины, при А. Я. Щелкалове. При ревизии архивов, предшествовавшей их объединению, Щелкалов имел, по-видимому, черновым рабочим экземпляром ту опись, которая напечатана[12].

КАЗНА

Царский архив по принятой в XVI в. терминологии называли «казной»[4*] или «государской» («царской») казной, в отличие от «государевой казны» («казны у государя»), обозначавшей чаще всего личную Постельную казну государя. (Впрочем, в употреблении этих терминов во второй половине XVI в. не было строгости: под государской иногда подразумевали и личную казну государя, а под государевой — государственную казну.)

Казной называли место хранения посольских и иных документов и в конце XV — начале XVI в.[5*], и в середине и во второй половине XVI в.[6*], и в XVII в. Польская посольская книга сохранила указание от 9 мая 1554 г. о повелении И. М. Висковатому «грамоту перемирную королево слово и другую грамоту с пословными печатми... положити в казну». В Польской посольской книге 1556 г. читаем о «докончальных грамотах», которые «лежат в государской казне»[14], в Польской посольской книге 1563 г. — о том, что «те грамоты жаловалные в государя нашего в царьского величества казне»[15]. Из Шведской посольской книги 1556 г. узнаем, что документы сношений Швеции с новгородскими наместниками — «грамоты докончалные и перемирные и книги в нашей казне тому есть»[16]. И число таких выписок из Посольских книг XVI в. нетрудно умножить.

Эти документы внешней политики были сосредоточены в середине XVI в. в Царском архиве. Казной называл Царский архив и Иван IV. В речи на Стоглавом соборе он напомнил о Судебнике 1550 г., которому надлежало «в казне быти»[17]. Судебник упомянут в числе документов, описанных в изучаемой Описи (ящик 139). В 1531—1532 гг. «выдал князь велики из казны» «список» с духовной князя Ивана Борисовича Волоцкого[18], которая, очевидно, названа в Описи (л. 241 об.). В «царских казнах» обнаружили Судные списки Максима Грека[20].

[4*] Слово «казна», известное, по крайней мере, начиная с грамоты 1389 г., заимствовано из восточных языков, где оно означало «сокровища», «сокровищница»[13].

[5*] Соответствующие цитаты из посольских книг см. в работах Н. П. Лихачева. С. А. Белокурова и, особенно, В. И. Саввы.

[6*] Любопытны в этом плане записи в Польской посольской книге 1549 г., когда происходил спор с послами короля в Москве о признании царского титула. Послы просили дьяка Висковатого дать им «выпись о царьском поставление, которым обычаем государь на царьство венчался и как предки его то царьское имя взяли». Висковатый «те речи сказал» царю, и тот «приговорил с бояры, что о том выписи не давати того для: толко им писмо дати, ино вперед о том ответы умыслят, и тогды будет в речах говорити о том тяжеле, коли о том ответы составят». Решено было, однако, «для покою христьянского», особенно в период обострения отношений с крымским и казанским ханами («ино бы не со всеми вдруг валчити»), «королево слово (т. е. грамоту от имени короля. — *С. Ш.*) писати по старине», а в царской грамоте царский титул («имя») написать полностью. И там же объясняется подобное решение: «занже которая грамота будет у короля, и в той име твое будет сполна написано, и хотя и недруг ее посмотрит, ино написано сполна, как надобе; а которая грамота королево слово писана будет по старине и та грамота будет у тебя государя в *казне*, ино ее кому смотрити»[19] (Курсив мой. — *С. Ш.*).

Наименование Царского архива казной вовсе не означает, однако, что Царский архив являлся архивом Казенного приказа, тоже называвшегося в те годы казной.

Слово «казна» имело тогда несколько значений[7*]. Так называли и всякое имеющее ценность имущество (включая и документы), и место хранения ценностей (вещей и документов), и учреждение, в ведении которого находились ценности.

В тексте Описи слово «казна» употребляется и в значении хранилища документов государя: «у государя в казне» (ящики 7, 8, 179), и в значении описанного имущества (или ценностей): «книги черные отписные казны царевича Ивана и царевича Федора» (ящик 210), «книги князя Юрья Васильевича казны старые» (и в том же ящике 212 — «книги княжого обиходу всякого, как было при князе»). «Книги казны» царевичей названы и в описи архива Посольского приказа 1614 г. с разъяснением, что это прежде всего — «образы, кресты и платье всякое»[21]. В описи 1614 г. читаем и о казне — имуществе, — которую «отказал» вместе с вотчиной и волостями Ивану III князь Михаил Андреевич Верейский[22], и о товарах, которые при Иване Грозном были «поиманы в государеву казну»[23].

Употребление слова «казна» в значении «ценности» прослеживается по многим источникам: духовным[8*], летописям[9*], памятникам публицистики[10*], посольским книгам и т. д. Казной назывались, в частности, «поминки», посылаемые крымскому хану и его приближенным[11*]: польский «король государю нашему друг,

---

[7*] Примеры многообразного употребления слова «казна» в языке документов XVI в. указаны еще в исследовании Н. П. Лихачева «Библиотека и архив московских государей»[24]. Интересные в этом плане выдержки из источников приведены при слове «казна» в «Словаре русского языка XI—XVII вв.»[25].

[8*] «Да и на Белеозере и на Вологде моя казна, где не есть моих казен, то въсе сыну моему Василью; а мои дети, Юрьи з братьею, у моего сына Василья ни во что не вступаются, опричь того, что есми дал своей казны», — читаем в завещании Ивана III[27]. Слово «казна» встречается не раз и в духовных других великих и удельных князей[28], и в духовной грамоте Ивана Грозного, где упомянуто и о «казенном списке», т. е. перечне казны («А что есьми дал сыну моему Федору казны своея, и то писано в казенном списке»[29]). О казне как о своем движимом имуществе (деньгах, золоте, серебре, одежде, оружии, оловянных и медных вещах и проч.) писал в завещании, датированном 25 апреля 1583 г., А. М. Курбский[30].

[9*] Например, в Новгородской IV летописи отмечено, что в 1503 г. новгородского архиепископа Геннадия «казны попечатали»; в 1547 г. в Москве во время «великого пожара» в Кремле «множество казны згоре»[31]. В описании «великого пожара» 21 июня 1547 г. в Царственной книге отмечено, что загорелся «Казенной двор с царьскою казною», «и казна великого князя погоре», «и постелная полата с казною выгоре вся»[32].

[10*] В первом послании Ивана Грозного Курбскому читаем: «Что уже убо о казнах родительского ми достояния?.. а казну деда и отца нашего бесчисленну себе поимаша; и тако в той нашей казне исковаша себе сосуды златые и сребрянные...»[33].

[11*] Так же обозначены поминки, посылаемые в Крым королем, и в официальной летописи (под 1562 г.); в связи с набегом войска Девлет-Гирея в июле 1562 г. пленные и перебежчики «сказывали», что хана «поднял» на окраинные земли русского государя польский король, «и казну великую для того король ко царю прислал»[34].

дает ему казну по вся годы, да ныне прислал к нему две казны», — говорили в 1563 г. московскому послу в Крыму[26].

Казна могла быть «денежной» и «иной всякой». Поэтому в источнике, характеризующем деятельность служилого человека, встречаем такое уточнение: «у казны, у денег»[35].

В памятниках XVI—XVII вв. встречаем словосочетания: монастырская казна, церковная казна, домовая казна, мелкая казна. Говорили и писали: конюшенная казна, седелная казна[36], свинечная казна, «мелкая казна»[37], «всякие мелкие суконные и портяные казны» и т. п. Григорий Котошихин (в 1660-х годах) писал о казне медной, оловянной, серебряной, золотой, мягкой, соболиной, каретной, колымажной, санной, судовой, домовой и др.[38]

Словом «казна» в XVI в. обозначались и имущественные средства государства и государя: в официальной летописи в изложении содержания послания Ивана Грозного, отправленного москвичам накануне введения опричнины («...в его государьские несвершеные лета, бояре и все приказные люди его государьства людем многие убытки делали и казны его государьские тощили, а прибытков его казне государьской никоторой не прибавливали»[39]), в посольской книге 1566 г. («ино то рати на себя прибавливати, а у себя казну убавливати»[40]), в завещании Ивана Грозного («...и вы [сыновья царя. — *С. Ш.*] ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас заодин служили, и земля бы заодин, и казна бы у вас заодин была, ино то вам прибылняе»[41]). В списке Судебника 1550 г. в рукописи XVI в. к статье 72 добавлено, что подати дают «в казну». В Судебнике 1589 г. имеются указания о штрафах, которые платили «государю в казну» (ст. 103 Пространной редакции)[42]. Отменяя кормления, Иван IV приказал окуп собирать своим государевым дьякам «к царьским казнам»[43]. Жителям новгородских пятин надлежало оброк «давать в казну» (документ, датированный 1536—1537 гг.)[44]. В грамоте от 16 октября 1555 г. написано о «прогонных деньгах», которые «в Ямскую избу диаком... с товарыщи... в нашу казну заплатили сполна»[45], а в наказе из Москвы новгородским дьякам, датированном февралем 1556 г., велено «дела свои всякие делати и казну нашу сбирати»[46]. В таком же смысле слово «казна» употребляется и в публицистике. Иван Пересветов писал об отношении Махмет-Салтана к «воинникам»: «...з году на год оброчил своим царским жалованием и алафоя из казны своей, хто чево достоин, а казне его несть конца, Богом исполнена за его великую правду, что со всего царства, и з городов, и из волостей, ис поместей, и из вотчин — все доходы в казну свою царскую велел збирати по всяк чес. А зборщиков тех ис казны оброчил своим жалованием, которыя збирают казну цареву...»[47].

Уже в XVI в. бытовало понятие делать что-либо «своею казною» (или чьей-либо казною), т. е. на свои средства (или чьи-либо средства). В Псковской летописи читаем: «И нача Мисюрь (известный дьяк М. Г. Мунехин. — *С. Ш.*) волостьми своею казною по обе стороны ручья горы копати и церковь большую созидати»[48]; а Пискаревский летописец сообщает, что царь Федор Иванович в 1594—

1595 гг. в Китайгороде «лавки велел ставити каменныя по пожару своею казною»[49]. В хронографе (по рукописи последней четверти XVII в.) в описании посылки Иваном Грозным после убийства сына Ивана купцов с милостыней на Ближний Восток отмечено, что с ними посланы деньги в Синайскую гору, «а тою казною повеле в Синайской горе поставити церковь во имя святые великомученицы Екатерины...»[50].

Этим объясняется и употребление в источниках слова «казна» применительно к центральным государственным учреждениям, связанным с финансовой деятельностью и хранившим ценности: «в государеву казну, в Большой Приход», «в нашу казну, на Казенный двор казначеем», «в нашу казну, на Большой Дворец»[51]. Приведенные примеры показывают, что слово «казна» служило для обозначения не одного какого-либо государственного учреждения, ведавшего финансами и отвечавшего за их сохранность, а всех учреждений, выполнявших эти функции. Поэтому полагать, что понятие «казна» применительно к государственному учреждению является равнозначным только понятию «Казенный двор», как это иногда встречается в исторической литературе, было бы некорректно.

Казной называли и хранилища документов, т. е. архивы в современном значении слова[12*]. В учреждениях некоторые документы хранились там же, где и денежные поступления в государственную «казну», за сбор которых отвечало это учреждение[52]. Специального наименования для архивохранилища тогда еще не применяли.

Каждое учреждение имело свою «казну», где сохранялась и вся документация учреждения, в подлинниках или в копиях («противень слово в слово»)[53]. Отсюда характерная для делового языка того времени равнозначность выражений: документы «залегли в казне» («лежат в казне») и документы «залегли в суде» («лежат в суде») у боярина или дьяка такого-то. Н. П. Лихачев проследил это по писцовой книге Тверского уезда[55], составленной в 1540-е годы[56]. Его наблюдение подтверждается и другими источниками середины XVI в.[57]

Рукописи вообще, а особенно в дорогих переплетах, признавались большой ценностью; их хранили вместе с сокровищами, ими похвалялись. Курбский писал: «Апостолская и пророческая словеса и святых преподобных великих учителей точию кожами красными и златом со драгоценным камением и бисеры украсив, и в

[12*] Из судного списка Максима Грека и Исака Собаки узнаем, что бывший митрополит Иоасаф, находившийся тогда в Троицком монастыре, вспоминая о грамоте, присланной ему ранее также лишенным затем сана митрополитом Даниилом, предложил митрополиту Макарию: «...поищи у собя грамоты». Макарий ответил (в 1548 г.): «И мы, господине, зде и до сех времен такие грамоты не видали, а ныне есмя по твоей грамоте *в казне* и по келиям искали, а такие грамоты не нашли. И ты б, господине, нам о той Данилове митрополичие грамоте, что тебе писал о Исаке, велел отписати подлинно, что в ней написано было, чтоб нам о том известно было». Иоасаф, однако, постарался уклониться от этого, ответив: «Ино, господине, за десять лет как вспамятовати подлинно, что писано в грамоте. А яз, тебе, господину своему, челом бью»[54] (курсив мой. — *С. Ш.*).

казнах за твердыми заклепы полагаху, и тщеславующеся ими и цены слагающе толики и толики сказуют приходящим»[58].

Словом «казна» обозначали и то, что позднее стали называть библиотекой, т. е. собрание и хранилище книг — рукописных и печатных. Иногда употреблялись и особые наименования: книгохранительная казна[59] (или книгохранительница), книжная казна, казна у книгохранителя[13*]. Такие книгохранительные казны были не только у царя Ивана и митрополита Макария[60], но и у образованных людей их окружения[61], в том числе у А. Ф. Адашева[14*], попа Сильвестра[62], возможно и у И. М. Висковатого. В ответах его собору, относящемуся к Матвею Башкину и его «единомысленникам», упоминаются книги религиозного содержания, взятые Висковатым у бояр В. М. Юрьева и М. Я. Морозова[66]. Очевидно, представители правящей верхушки обменивались между собой рукописными книгами, а возможно, и обсуждали содержание прочитанного.

В источниках неоднократно находим упоминания о рукописях, которые хранятся в «казнах», без уточнения, что это за казна. В качестве примера можно сослаться на послания А. М. Курбского, где читаем о переводах «священных книг», которые имеются «по монастырям... по многим, в казнах их»[67]. О поисках «в казнах своих» восточных рукописей для отсылки ногайскому владетелю писал Иван IV в 1565 г.[68] Иван Пересветов писал о своих сочинениях, которые «легли в... государевой казне»[69] (т. е., очевидно, в Постельной казне Грозного или в Царском архиве).

Таким образом, словом «казна» обозначались в то время все хранилища[15*] и все архивы[16*] (в современном понимании этого слова), в том числе и Царский архив; и употребление в памятниках тех лет слова «казна» применительно к Царскому архиву мало облегчает поиски ответа на вопросы о его ведомственной принадлежности и о его фондообразователе.

[13*] Примеры такого словоупотребления приведены в исследовании М. И. Слуховского о библиотеках Древней Руси[63].

[14*] Из ближайших родственников А. Ф. Адашева уцелела только его дочь Анна, вышедшая впоследствии замуж за Ивана Петровича Головина, умершего в чине окольничего. Брат И. П. Головина, боярин Федор Петрович Головин, унаследовал после его смерти, как сообщает Маскевич, «множество книг латинских и немецких»[64]. Есть основания предполагать, что это «множество» включало и часть библиотеки Адашева, сохранившейся у его дочери[65].

[15*] И прав был, думается, А. И. Соболевский, когда писал: «...все помещения с царским имуществом, в чем бы последнее ни заключалось, в ценных ли вещах, в книгах или в документах, в Московской Руси старого времени носили одно название казна»[70].

[16*] «В языке XV—XVI века, — отмечает Н. П. Лихачев, — казна, как помещение для книг, может обозначать библиотеку, как хранилище документов — архив»[71].

Примечания

[1] ПДС. Ч. 1. С. 1478, см. также: с. III.
[2] *Иконников.* Опыт. Т. I. Кн. 1. С. 104.
[3] *Колесников.* Исторический обзор. С. 123—124; *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 10; *Гальцов.* Архив Посольского приказа. С. 135—136.
[4] *Маяковский.* Очерки. С. 75, 82.
[5] *Зимин.* Архив. С. 309.
[6] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 66—67. См. также: Газетная литература. С. 195 (статья С. А. Белокурова).
[7] *Белокуров.* Библиотека. С. 29.
[8] *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 12.
[9] *Лихачев И. П.* Библиотека. С. 65. Примеч. 1.
[10] *Соболевский.* Рецензия. С. 431—432; *Вернер.* Приказы. С. 42, 83—84.
[11] Газетная литература. С. 211; см. также: с. 195, 207.
[12] *Голубцов.* Опись. Л. 29—31.
[13] *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910. С. 283; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 160.
[14] РИО. Т. 59. С. 444, 606.
[15] Там же. Т. 71. С. 109.
[16] Там же. Т. 129. С. 21.
[17] Стоглав. СПб., 1863. С. 39.
[18] ДДГ. С. 353; ОАПП. Ч. 1. С. 60; см. об этом: Газетная литература. С. 207 (статья С. А. Белокурова).
[19] РИО. Т. 59. С. 297—298.
[20] Судные списки Максима Грека. С. 125, 126.
[21] ОЦА. С. 49.
[22] Там же. С. 51.
[23] Там же. С. 69.
[24] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 45 и сл.
[25] РЯ XI—XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 21—23; см. также: [*Кочин Г. Е.*] Материалы для терминологического словаря Древней России. М.; Л., 1937. С. 138—139.
[26] РГАДА. Ф. 123 (Дела крымские). Кн. 10. Л. 130.
[27] ДДГ. С. 363.
[28] См.: ДДГ. С. 516 (Предметно-терминологический указатель). О казне великих и удельных князей и царей см.: *Базилевич К. В.* Имущество Московских князей в XIV—XVI вв // ТГИМ. М., 1926. Вып. 3 (особенно с. 37 и сл.); *Малицкий.* Оружейная палата. Раздел «Кремлевская великокняжеская и царская сокровищница XIV—XVI веков».
[29] ДДГ. С. 443.
[30] Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849. Т. 1. С. 240.
[31] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 611, 620.
[32] ПСРЛ. Т. 13. С. 152, 454.
[33] ПИГ. С. 33—34; ПГК. С. 28.
[34] ПСРЛ. Т. 13. С. 342.
[35] ТКДТ. С. 137.
[36] См.: *Денисова М. М.* «Конюшенная казна». Парадное конское убранство XVI—XVII веков // Оружейная палата.
[37] *Альшиц.* Новый документ. Т. 4. Л. 48, 50; *Лихачев Н. П.* Дьяки. Прил. С. 40.
[38] *Котошихин.* С. 72, 74, 82, 93, 139, 140.

[39] ПСРЛ. Т. 13. С. 392.
[40] РИО. Т. 71. С. 399.
[41] ДДГ. С. 428.
[42] Судебники. С. 117, 165, 390
[43] ПСРЛ. Т. 13. С. 268.
[44] *Самоквасов.* Архивный материал. Т. 2. С. 386.
[45] ДАИ. Т. 1. С. 79.
[46] Там же. С. 146; см. также примеры такого словоупотребления в документах: *Садиков.* Очерки. С. 430 и др.
[47] «Пересветов». С. 227.
[48] Псковские летописи. С. 101.
[49] ПСРЛ. Т. 34. С. 196.
[50] ГБЛ ОР. Ф. 344, собр. Шибанова. Д. 123. Л. 523.
[51] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 49; *Садиков.* Очерки. С. 255—258.
[52] ДАИ. Т. 1. С. 79, 146 и др.
[53] Там же. С. 86, 87, 92, 93 и др.
[54] Судные списки Максима Грека. С. 131, 132.
[55] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 43—44.
[56] *Лаппо И. И.* Тверской уезд в XVI в. М., 1894.
[57] АЮ. С. 451 (грамота 1546 г.); ДАИ. Т. 1. С. 152—153 (грамота 1556 г.).
[58] РИБ. Т. 31. Стб. 389 (Послание Васьяну); см. также: *Белокуров.* Библиотека. С. 316—317.
[59] *Лихачев Н. П.* Дипломатика. С. 124.
[60] *Попов Н. П.* О возникновении Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки // Сб. Орлову.
[61] См.: *Иконников.* Опыт. Т. 2. Кн. 2. С. 1125; *Кононов Ю. Ф.* Частные коллекции рукописных материалов в централизованном Русском государстве: конец XV—XVII в. // ТМГИАИ. 1962. Т. 15.
[62] *Орлов А.* С. К вопросу о начале книгопечатания в Москве // Иван Федоров — первопечатник. М., 1935. С. 14; *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра (XVI в.) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966; *Курукин И. В.* Новые сведения монастырских архивов о Сильвестре // Вопросы источниковедения и историографии. С. 67, 70; *Курукин.* Сильвестр. С. 16—17.
[63] *Слуховский.* Русская библиотека. С. 6, 8, 134.
[64] Сказания иностранцев о Дмитрии Самозванце / Собр. Н. Устрялов. СПб., 1832. Т. 2. С. 56.
[65] *Шмидт.* Архив. С. 376. Примеч. 4. Это мнение поддержал М. И. Слуховский (см. в кн.: Библиотечное дело в России до XVIII века. М., 1968. С. 74), в трудах которого собраны сведения о частных библиотеках в России XVI в.
[66] ААЭ. Т. 1. № 238. С. 241.
[67] РИБ. Т. 31. Стб. 404 (Послание Васьяну).
[68] Прод. ДРВ, СПб., 1801. Т. 11. С. 150; *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 59; *Седельников А. Д.* Две заметки по эпохе Ивана Грозного. I. Арабская книга в царской казне // Сб. Орлову.
[69] «Пересветов». С. 236.
[70] *Соболевский.* Рецензия. С. 433.
[71] *Лихачев Н. П.* Дипломатика. С. 124.

Царский архив и Боярская дума

В Описи, как уже отмечалось, имеются данные о взаимоотношениях Царского архива и архивов других учреждений. Это указания не только на различные места хранения документов, но, можно полагать, и на разные архивы, образовавшиеся на основе документов разных фондообразователей. Среди учреждений, в которые передавали документы Царского архива и откуда поступали документы в Царский архив, не названо, однако, учреждение, игравшее главенствующую роль в системе государственного управления — Боярская дума. Думается, что это не случайно, ибо Боярская дума и была тем учреждением, которое следует, употребляя современную архивоведческую терминологию, признать одним из основных фондообразователей Царского архива.

Для того чтобы это предположение не казалось необоснованным, надо несколько подробнее остановиться на истории деятельности Боярской думы тех лет, так как для определения учреждения-фондообразователя необходимо выяснить его задачи и функции, масштаб деятельности, подведомственность, организационную структуру, характер делопроизводства.

Сделать это, однако, не просто. И прежде всего потому, что до сих пор наиболее значительными монографическими исследованиями, специально посвященными Боярской думе, остаются книги Н. П. Загоскина и В. О. Ключевского, написанные более ста лет назад. Материал документальных публикаций и исследований более частного характера, вошедший в научный обиход в последующие десятилетия, не обобщен еще в монографических исследованиях. Книга Н. П. Загоскина была издана в 1879 г. в Казани как часть задуманного многотомного труда «История права Московского государства» — «Том второй. Центральное управление Московского государства. Выпуск I. Дума Боярская». Книга В. О. Ключевского «Боярская дума Древней Руси» впервые опубликована[1*] в 1882 г. и защищена как докторская диссертация[1]. В основе ее — статьи, печатавшиеся в журнале «Русская мысль» в 1880—1881 гг.[2]

Книга Н. П. Загоскина — труд историка права, написанный в становящейся тогда традиционной для таких сочинений форме. Книга В. О. Ключевского —

[1*] Книга еще три раза была издана при жизни ее автора: в 1883, 1902, 1909 гг. Издание 1919 г. перепечатано без всяких изменений с издания 1909 г.

труд историка-социолога (в известной мере предвосхитившего широко распространившиеся затем в западноевропейской литературе работы по исторической психологии). Это труд по «политической истории» аристократии; основная проблематика книги — «социальная история»[3] (так, как ее понимал В. О. Ключевский)[2*]. Виднейшие в то время историки русского государственного права В. И. Сергеевич, М. Ф. Владимирский-Буданов во многом не восприняли положений книги Ключевского, но М. Ф. Владимирский-Буданов верно уловил, написав в рецензии еще на журнальные публикации: «Истинным заглавием первой части его сочинения о Думе, должно бы быть: "История России с древнейших времен"»[4]. Замысел многотомного курса русской истории, как убедительно показала М. В. Нечкина, действительно «вырастал из "Боярской думы" и из непрерывного лекционного творчества»[5].

В. О. Ключевский, по словам того же М. Ф. Владимирского-Буданова, рассматривал Думу «как *явление* в связи со всем ходом государственной истории России (подч. автором)»[6]. Отвечая ему, В. О. Ключевский сам признал, что именно «социальный состав Думы... назначил главным предметом своего изучения», поставив «на втором плане изображение "технического" устройства и правительственного строя и действия», история которых смущает его «массой чисто юридических вопросов»[7]. Мотивировал он это (как выяснила М. В. Нечкина, мотивировал «явно неправдоподобно»[8]) выходом в свет книги историка государственного русского права Н. П. Загоскина, «ученого, более компетентного в таких вопросах»[9].

Масштабность мысли и блистательная форма изложения книги В. О. Ключевского, появление ее именно тогда, когда особенно ощутимой казалась невосполнимость для науки ухода из жизни С. М. Соловьева (1879 г.) и в Ключевском желали видеть не только его наследника на кафедре Московского университета, но и продолжателя славных традиций развития исторической мысли, способствовали тому, что в среде ученых, специально не занимавшихся изучением истории государственных учреждений России XVI—XVII вв., широкое распространение получили положения именно книги В. О. Ключевского, которую уже в 1889 г. Д. А. Корсаков охарактеризовал как «классическую книгу в русской историографии»[10]. Тем более что вскоре всеобщее признание заслужил его лекционный курс русской истории, неоднократно переиздававшийся. Если во время защиты диссертации в 1882 г. В. О. Ключевский был «любимейшим профессором Москвы»[11], то на рубеже веков он стал популярнейшим историком страны. Труды его, особенно «Курс русской истории», читали и в кружках революционно настроенной молодежи[12]; мысли, цитаты, термины из него были хорошо известны тогда интеллигенции,

---

[2*] Это становится особенно ясным после детального изучения М. В. Нечкиной неопубликованных фрагментов книги и выяснения того, как сам В. О. Ключевский понимал свой замысел. (Подробности об этом см. в кн.: *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и деятельности. Гл. 5. Десять лет работы над «Боярской думой»).

прочно вошли в журнальную и газетную публицистику той поры. Трактуя вопросы и далекого прошлого, и современности, нередко пытались прибегать к историческим аналогиям и противопоставлениям[13], при этом чаще всего обращались к трудам Ключевского.

Труды Загоскина и Ключевского о Боярской думе отражали уровень исторических знаний и освоения источниковой базы русской истории XVI—XVII вв. в 1870-е годы. Этим в определенной мере обусловлена и близость суждений обоих авторов при характеристике правительственной деятельности Боярской думы и системы ее делопроизводства[3*]. Общим для них является и то, что данные источников XVI и, особенно, XVII вв. в равной мере привлекаются для характеристики *всего* периода деятельности Боярской думы в «Московском государстве» в допетровский период. Тем самым недостаточно отмечаются изменения, происходившие в системе управления на протяжении XVI—XVII вв. Н. П. Загоскин, по словам М. Ф. Владимирского-Буданова, «имеет в виду Думу, как учреждение, почти в покойном неподвижном состоянии его, без исторического движения»[14].

При переизданиях своей книги В. О. Ключевский почти не вносил дополнений, почерпнутых из новейшей литературы[4*]. М. В. Нечкиной замечено и то, «что ни единой ссылки на книгу Загоскина в "Боярской думе" нет»[15]. В обеих книгах использованы многообразные исторические источники, хотя Ключевский, знакомившийся и с архивным материалом, не всегда полагал нужным оснащать свою книгу научным аппаратом и приводить «полные цитаты из малодоступных источников» (в чем упрекнул его Н. П. Лихачев[18]). В книге не охарактеризована источниковая база[5*]. Это затруднило исследования ученых последующего времени. В плане данной работы насыщенное многими подробностями, цитатами из первоисточников и ссылками на научные публикации полузабытое ныне сочинение Н. П. Загоскина (в свое время известного ученого и общественного деятеля, немало способствовавшего развитию культуры и общественного сознания в Поволжье[19]), пожалуй, больше дает, чем прославленный труд В. О. Ключевского[6*].

[3*] Хотя, быть может, это и результат обсуждения обоими учеными интересующих их вопросов. Знакомство В. О. Ключевского и Н. П. Загоскина, так же как и сложность их взаимоотношений, вне сомнений (интересные соображения об этом содержатся в книге М. В. Нечкиной о Ключевском)[16].

[4*] Это особо отмечал Н. К. Пиксанов, рецензируя третье издание книги (1902 г.)[17].

[5*] М. В. Нечкина отмечает: «Любопытно, что Ключевский, в отличие от работы о житиях святых, в «Боярской думе» нигде не останавливается на характеристике привлеченных источников. Возможно, он не желал, чтобы этот вопрос обсуждался во время защиты». На основании тщательного исследования текста книги М. В. Нечкина постаралась выявить основной корпус привлеченных ученым источников[21].

[6*] Н. К. Пиксанов в литературном обозрении «К вопросу о Боярской думе», опубликованном в 1903 г. «по поводу нового издания сочинения проф. В. О. Ключевского "Боярская дума", характеризуя книгу Ключевского как «классический труд», все же счел возможным заметить: «Первое специальное исследование о Боярской думе принадлежит проф. Загоскину. По богатству документального материала, по систематичности и детальности изложения — это до

К настоящему времени уже много сделано для уточнения личного состава Боярской думы XVI в. (работы Л. М. Сухотина, А. А. Зимина, Г. Алефа и других)[20], «двора» Ивана Грозного (работы А. А. Зимина, В. Б. Кобрина, В. И. Буганова, В. Д. Назарова, М. Е. Бычковой. С. П. Мордовиной, А. Л. Станиславского и других) и определения круга документации, относящейся к различным сферам деятельности Боярской думы. Однако препятствием к обобщению этих данных и по сей день является слабая изученность истории государственных учреждений и системы делопроизводства XVI в., обусловленная в значительной мере фрагментарностью источниковой базы.

В книге очерков политической истории России первой трети XVI в. — времени правления Василия III — «Россия на пороге нового времени» А. А. Зимин пишет: «История Боярской думы в изучаемый период может быть прослежена только в самых общих линиях, что объясняется скудостью сохранившихся источников»[23]. О деятельности Боярской думы времени правления Ивана IV известно значительно больше материалов, но основной массив источников о каждодневной работе Боярской думы (непосредственные документальные следы этой деятельности) утрачен, и уцелевшие документы — посольские книги (изученные в этом плане в начале XX в. В. И. Саввой), акты разных видов, описания современников[7*] и др. — не всегда достаточно представительны и типичны для научно обоснованных утверждений, поэтому подчас приходится довольствоваться соображениями предварительного характера, опирающимися преимущественно на описательные (нарративные) источники.

* * *

Словосочетание «Боярская дума» учено-литературного происхождения. В памятниках XVI—XVII вв. имеются выражения: дума бояр, царского величества дума, но обычно писали дума или бояре. Известны термины: царский синклит, синклития (в приговоре соборном 1580 г., в сочинениях Ивана Грозного и начала XVII в.). Курбский называл ее сенатом[24], в польских посольских книгах она именуется радой[25]. Однако Флетчер употребил выражение «boarstwa dumna». О роли

сих пор не превзойденное исследование Думы»[22]. Это суждение в определенной мере, видимо, отражает и мнение М. А. Дьяконова.

[7*] Немало сведений о Боярской думе имеется в сочинениях иностранцев. Но такие сочинения, как не раз уже указывалось, требуют особого подхода, своеобразного раскодирования. Если наблюдатель собственной культуры не фиксирует обычные ее нормы, «правильное» поведение, а замечает преимущественно отклонения от него, новации, то иностранец, признавая интересным описание самих норм обычной жизни, описывает в то же время как обычай и случайности и эксцессы. При этом иностранец, как правило, не владел в достаточной мере разговорным языком аборигенов и не постиг сложной многозначности чужой для него культуры. Это, как пишет Ю. М. Лотман, приводит к буквализму в истолковании явлений, к пониманию переносных значений как прямых[27]. Характерны и попытки калькировать привычные явления и их названия применительно к явлениям прошлого и настоящего в других странах.

Боярской думы в Российском государстве XVI в. в дореволюционной литературе существовали разные мнения[8*], но большинство исследователей считало ее постоянным учреждением[26]. Сейчас признают, что Боярская дума постепенно стала высшим государственным учреждением России. В. О. Ключевский сравнил Боярскую думу с «маховым колесом, приводившим в движение весь правительственный механизм», заметив при этом, что Боярская же дума «большею частью и создавала этот механизм, законодательствовала, регулировала все отношения, давая ответы на вопросы, обращенные к правительству»[28].

Но Боярская дума не имела самостоятельной, раздельной от государя компетенции. К русскому государственному строю второй половины XVI в. применимо, как полагает ряд советских ученых[29], определение, данное В. И. Лениным государственному строю России XVII в.[9*]: «самодержавие с боярской думой и боярской аристократией»[30]. Этим определением подчеркивается незавершенность государственной централизации и неполнота «самодержавия» в «эпоху Московского царства» (выражение В. И. Ленина)[31]. Верховная власть ограничена была, согласно традиции («обычаю»), в выборе постоянных высших советников и в какой-то мере разделялась (даже в годы безудержного самовластия Ивана Грозного) между монархом и наследственной аристократией, сословно-представительным органом которой была Боярская дума[32].

Совет государя с боярами признавался обычаем, восходящим еще к старине, к Владимиру Мономаху и византийским императорам. На «царском месте» Ивана IV в Успенском соборе Московского Кремля (так называемом Мономаховом троне), изготовленном по заказу царя в 1551 г.[34], было изображено как символ государственного управления именно заседание совета — с митрополитом и вельможами во главе с государем[10*]. Окружен «думцами» царь обычно и в миниатюрах официального Лицевого летописного свода XVI в.

Функции Боярской думы были неотделимы от функций государя. Это отразилось в формулах решений Боярской думы: «приговор царя с бояры», «по государе-

---

[8*] Разбор этих мнений произведен в исследовательского характера обзоре Н. К. Пиксанова, опубликованном в 1903 г. Знаменитый впоследствии литературовед занимался в Юрьевском (ныне Тартуском) университете под руководством М. А. Дьяконова и историей русского государственного права. Это одна из первых печатных работ ученого.

[9*] А. М. Сахаров в учебнике для вузов «История СССР», изданном в 1975 г., отмечает: «Политическим строем Российского государства стало самодержавие с Боярской думой и боярской аристократией. Так определял этот строй В. И. Ленин применительно к XVII в., когда значение боярской аристократии по сравнению с предшествующим временем стало уменьшаться — тем более эта характеристика может быть отнесена к концу XV — XVI в.»[33]

[10*] Впрочем, это могло быть подчеркнуто и потому, что соответствовало взглядам влиятельных в ту пору митрополита Макария и лиц, причастных к деятельности «Избранной рады» (М. Н. Тихомиров полагал, что Боярская дума не собиралась тогда без участия митрополита)[36]. Это — годы деклараций проектов реформ на первых «земских соборах», подъема публицистической, церковно-земской мысли, годы известной степени зависимости молодого царя от его «советников».

ву указу и боярскому приговору». Даже в годы малолетства Ивана IV типичной обязательной формулой, отраженной и в летописях и в посольских документах, была формула: «царь приговорил с бояры». Право назначать думных людей (жаловать думные чины) принадлежало государю. Законы издавались от имени государя. Государь был главой вооруженных сил страны и ведал делами ее внешней политики, потому-то Разрядный и Посольский приказы стояли выше других приказов и во главе их в XVI в. не было бояр: считалось, что царь сам через дьяков руководит их деятельностью. Но осуществляла себя верховная власть в различных явлениях государственной жизни обычно именно через Боярскую думу[35] и подчиненные ей центральные правительственные учреждения.

Боярская дума и при Иване Грозном оставалась средоточием княжеско-боярской аристократии. Однако боярский аристократизм носил тогда уже служилый характер, что ярко обнаруживается в распорядках местничества[11*]. А с расширением в годы правления Избранной рады численного состава бояр и окольничих и интенсивным развитием тесно связанной с Боярской думой и дворцовым управлением приказной администрации реальное значение феодальной аристократии в центральном аппарате уменьшилось, и Боярская дума прежде всего являлась органом, укреплявшим феодальную монархию[37]. Особенно это стало заметно с введением в ее состав думного дворянства и усилением роли думного дьячества[38]. По справедливому заключению И. И. Смирнова, поддержанного Б. А. Романовым[39], «как *учреждение* дума являлась *царской думой*, собранием советников, к выяснению мнения которых по тем или иным вопросам обращался царь, когда он считал это нужным» (подчеркнуто автором)[40].

Боярская дума заседала обычно в верхних покоях царского дворца, «в Верху». Выражения идти «к царю в Верх», «бояре в Верху приговорили», решить «в Верху», «к боярам в Верх» часто встречаются в документах XVI и особенно XVII в.[41] и задержались надолго в обиходном просторечии. Приближенных к государю и его двору лиц в XVII в. называли «верхние люди»[43].

Боярская дума («царский синклит») участвовала в рассмотрении многообразнейших вопросов государственного управления (даже в годы опричнины)[44] и считалась высшим законодательным органом[45]. По наблюдению англичанина Джильса Флетчера (побывавшего в России, правда, после смерти Ивана Грозного), подтверждаемому свидетельствами других источников, Боярской думе принадлежала и высшая исполнительная и судебная власть[12*].

Боярская дума в середине XVI в. наряду с вопросами общегосударственной важности (проекты государственных преобразований и новых законов, вопросы

[11*] Подробнее о местничестве см. в моей книге «Становление российского самодержавства»[42].

[12*] «Царь и состоящая под ним Боярская дума, — пишет Флетчер, — как верховные правители, так и самые исполнители в отношении издания и уничтожения законов, определения правительственных лиц, права объявлять войну и заключать союзы с иностранными державами, права казнить и миловать, права изменять решения по делам гражданским и уголовным»[46].

внешних сношений[13*]) рассматривала и местнические споры, дела о земельных пожалованиях и служебных назначениях, о преступлениях по должности и об уголовных преступлениях (в том числе мелкие «дела» частного характера). На рассмотрение Боярской думы вносились все дела, которые руководители центральных и местных учреждений не имели права или не осмеливались решать самостоятельно[14*].

Начальники центральных правительственных учреждений могли входить в Боярскую думу и докладывать обо всем, относящемся до их должности. В ведении Боярской думы находилось управление Москвой. Кроме дел государственных, замечает Флетчер, «здесь разбираются многие частные дела, поступающие по просьбам в большом числе. Из них некоторые рассматриваются и решаются, а другие отсылаются в судебные места, куда они принадлежат на общем основании законов». Одновременно Боярская дума являлась высшей апелляционной инстанцией[15*] для учреждений, обществ и отдельных лиц, недовольных решениями приказов или местных властей[48].

Таким образом, сферой деятельности Боярской думы были вопросы внутренней и внешней политики государства во всем их многообразии.

Однако аристократическая Боярская дума становилась не только помехой в осуществлении самодержавных замыслов государей, но зачастую тяготила их своей громоздкостью и уж явно не всегда располагала к откровенности. Поэтому, по крайней мере начиная с Василия III, закрепился порядок совещаний государя с избранной им небольшой Ближней думой. Состав и численность ее всецело зависели от усмотрения государя. Обычно в состав ее входили особенно приближенные немногие члены Боярской думы, некоторые духовные лица и дворцовые чины, например постельничий. Таких людей называли ближними думцами, ближними думными людьми[49]. Ближняя дума собиралась тоже «в Верху», но у «постели» государя, в «комнате»[16*] (кабинете)[52].

[13*] Английскому послу (1583 г.) Иван Грозный счел нужным даже сказать: «...у нас издавна того не ведетца, что нам, великим государем, самим с послы говорить»[47].

[14*] Об этом читаем в статьях Судебника 1550 г., в указных книгах приказов, в многочисленных посыльных и присыльных документах тех лет. «Государю и боярам докладывался, — отмечает В. О. Ключевский, — вообще всякий необычный случай в центральном и областном управлении»[50].

[15*] В середине XVI в. апелляции («челобитья») поступали часто сначала в Челобитный приказ[51].

[16*] Такой порядок к середине XVII в. настолько укоренился официально, что о нем писал Котошихин («И приезжаючи бояре, и думные и ближние люди, ходят к царю в верх в переднюю полату, и ожидают царского выходу ис покою, а ближние бояре, уждав время, ходят в комнату»[53]). А знаменитый Ордин-Нащокин в одном из писем царю Алексею Михайловичу заметил, что «в Московском государстве искони, как и во всех государствах, "посольские", т. е. дипломатические, дела ведают люди "тайной ближней думы"». Весьма вероятно, что это «искони» восходит еще к XVI столетию. Во всяком случае, в русском переводе письма австрийского эрцгерцога к Б. Ф. Годунову 1587 г. этот ближний боярин (на что обратил внимание В. О. Ключевский) назван «начальным тайные думы думцем»[54].

Именно «думцы» Ближней думы в первую очередь сопровождали государя в военных походах и «ездах»[17*]. «Ближние думцы» обычно вели переговоры с представителями иноземных государей «о государьских тайных делех»[18*]. Они были вместе с царем даже в пыточном застенке, где Иван Грозный самолично вел допрос пришедших из Крыма полоняников, у которых допытывался, кто «имянно» из бояр царю «изменил», «ссылаясь» с крымским ханом накануне его набега на Москву в 1571 г.; их же знакомили с протоколом допроса (царь «з бояры сее записки слушал»)[58].

Русские дипломаты при имперском дворе объясняли в 1595 г. испанскому послу: «...великие дела у великого государя нашего ведают болшие думные люди Ближние думы»[59]. За рубежом знали об особом значении «Ближней думы государской»[60], поэтому грамоты иногда адресовали «бояром к Ближней думе, которые при государе»[61]. Естественно, что и русские дипломаты за границей, исходя из привычных для них представлений, соответственными словами характеризовали лиц, наиболее приближенных к иностранным государям. В русских дипломатических документах такие «малые» советы[19*] означали терминами «Ближняя дума» и «Ближняя рада»[20*].

В Ближней думе нередко обсуждались многие дела прежде[21*], чем они поступали в Боярскую думу. Однако законодательную силу решения Ближней думы

[17*] Об этом узнаем и из разрядов, и из посольских дел. Когда, например, в 1555 г. в Москву прибыл посланец виленского епископа и панов Литовской рады, то Иван IV, находившийся в Коломне, велел остававшимся в Москве митрополиту и боярам отвечать послу, что «государь... пошел на свое дело, на поле... а бояре государьские, ближняя его дума, все с ним; а нам ныне о таком великом деле государьском мимо ближнюю думу государьскую советовати нелзе»[55].

[18*] В 1575 г. царь выслал для переговоров с имперскими («цесарскими») послами «своих людей великих, ближнюю свою думу»[56]. В 1583 г. то же повторилось во время переговоров с английским послом о предполагавшейся женитьбе Ивана IV[57]. В описании переговоров с послами польского короля в июле 1584 г. (когда стал царем уже Федор Иванович) читаем: «...дьяки наши ближние думы Ондрей да Василей Яковлевичи Щелкаловы»[62]; в посольской книге 1590 г. их назвали «ближние дьяки». Свидетельства такого рода собраны в книге В. И. Саввы о Посольском приказе[63].

[19*] Это, по наблюдению В. И. Сергеевича, было характерно и для государств Западной Европы той поры, где «состав совета постоянно колеблется. Везде различают большой совет и малый (тайный, близкий); последний, как состоящий из интимных людей, вытесняет первый. Малый совет легко переходит в совет одного только любимца. Вот почему и о королевских советах Западной Европы можно сказать, что это не столько советы в качестве учреждений с постоянным составом, сколько отдельные советники»[64].

[20*] Когда во время переговоров с датским королем в 1562 г. король не захотел слушать чтения всех грамот, русские представители (и среди них И. М. Висковатый) настаивали: «Если не велишь прочесть их, уйдем. Ведь тут рада твоя ближняя, а сторонних людей нет...»[67].

[21*] На рубеже 1540—1550-х годов Ближней думой, видимо, была так называемая Избранная рада[68] (определение Курбского, данное, вероятно, не без влияния польского языка), в которой руководящее положение занимали первоначально поп Сильвестр и А. Ф. Адашев[69]. В некоторых рукописях «Истории о великом князе московском» Курбского взамен этого выражения написано: «дума», «избранная дума ради»[70].

приобретали обычно с постановлением Боярской думы, т. е. Думы более широкого состава и признаваемой в XVI в. официальным постоянным совещательным органом при государе[65]. Для тематики данного исследования не имеют особого значения моменты государственной истории, вызывавшие серьезные научные споры на рубеже XIX—XX вв.: о соотношении реальной правительственной власти Боярской думы и Ближней думы и даже о том, была Боярская дума учреждением совещательным и подчиненным или равным по силе с авторитетом государевой власти[66]. Важно подчеркнуть то, что основная правительственная документация исходила в XVI в. от Боярской думы.

Царь обычно сам руководил работой Боярской думы[22*]. Боярская дума (во всяком случае, значительная часть думных людей, а также дьяки, ведущие делопроизводство Думы) была с государем во время походов с войском «на поле», даже в «ездах» по стране[23*]. Иван Грозный немалый интерес проявлял к разбирательству судных[24*] и, особенно, местнических дел, хотя естественно, что Боярская дума много дел решала без участия государя, так же, как и государь принимал решения без участия Боярской думы[25*].

При выборе формулы, от чьего имени (государя или Боярской думы) принято решение, учитывалось, видимо, и впечатление, которое мог произвести тот или

[22*] Любопытна в этом отношении апокрифическая грамота Ивана IV императору, составленная Шлитте. Там читаем о заседаниях Боярской думы: «ежедневно собственною особою заседаем в Думе с нашим любезным братом Георгием и 24-мя боярами» (в немецком тексте — князьями)[71].

[23*] Во время походов иногда имел место устный опрос думцев[72]. Н. В. Калачов писал, характеризуя деятельность Боярской думы второй половины XVI — XVII в.: «Царь, кроме обыкновенного личного участия в заседаниях Думы, выслушивал почти ежедневно доклады бояр и дьяков разных приказов, из коих одни разрешал сам, а другие назначал вносить в думу... слушание и решение дел не оставлялось им ни во время загородной жизни, ни в поездках на богомолье, ни даже на охотничьих утехах, ибо всюду в загородных дворцах и "походных" шатрах бывали обычные собрания думы... Даже в церкви, за обедней, и во внутренних комнатах дворца, нередко за столом, царю приходилось давать ответы на разные запросы и рассылать приказания, чтобы не задерживать течения нужных дел»[73].

[24*] Имеются прямые доказательства тому в современной документации. Например, в правой грамоте о земельных владениях 14 июля 1567 г. указано: «Сий суд судил царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии», «и царь велел перед собою правую грамоту чести, которую правую грамоту перед государем царем положил Иван Шереметев, да из тое правые грамоты царь и государь велел с тое кабалы списати противень слово в слово»[74].

[25*] В. О. Ключевский с присущей ему образностью писал: «Носители верховной власти не любили спрашивать себя о том, на что они имеют право и на что не имеют его. Они считали себя призванными действовать там, где переставали действовать другие, делать то, чего не могли сделать подчиненные им орудия управления. Но эти орудия руководились в своей деятельности заведенным порядком, должны были делать только то, на что указывали им прямой закон или признанный обычай. Где кончались этот закон и этот обычай, там начиналась деятельность высшего правительства. Этим общим правилом древнерусского управления определялась и сфера деятельности Боярской думы. Она указывала исполнительным органам управления, как надобно делать то, чего они не могли сделать без указаний сверху, т. е. на что не давали им указаний действующий закон и признанный обычай»[75].

иной приговор. В статьях Судебника 1550 г. оговорены строгие меры наказания «судей» (причем всех категорий — от подьячего до боярина) за злоупотребление или нерадение при судебных разбирательствах. Царь выступал в роли истинного «пастыря», защищавшего подданных от «волков», ревнителя «правды»[26*]. Подобные формулировки и образные метафоры характерны и для текстов «речей» и посланий Ивана Грозного, и для публицистических памятников, излагающих содержание и основную направленность проводимых царем реформ[77]. Соответственно обдумывали, какие решения должны были исходить лично от царя, а какие от Боярской думы. Этот демагогический прием затем использовал при Федоре Иоановиче Б. Ф. Годунов, желавший таким путем снискать расположение подданных государя и подчеркнуть свое влияние на него. Это отметил уже Н. М. Карамзин, приводящий в примечаниях выписку из одной повести о «смутном времени»: «Когда государю доведется кого чем пожаловати или кого от казни свободна учинити, то писаху: пожаловал государь царь по упрошению ближняго своего приятеля Бориса Федоровича; егда же прилучится кого казнити за вину законную, то писаху: приговорили бояре князь Федор Иванович Мстиславской с товарищи»[78]. Такими приемами старались способствовать закреплению царистских иллюзий в общественном сознании, бытованию представлений о «хорошем царе» и заслоняющих его от общества советниках, подчас враждебных нуждам и чаяниям народа.

Несомненно, значительна роль Ивана Грозного в законодательной деятельности его времени[27*], в правотворчестве[28*] — пересмотре прежних законов, принятии новых, а затем дополнений к ним, в деятельности земских соборов[79], созванных для рассмотрения проектов реформ, и тех заседаний, которые М. Н. Тихомиров

[26*] Любопытно отметить, что о «правде» напомнил Василий III в предсмертном разговоре с собравшимися у его постели митрополитом, братьями, Боярской думой: «...мы вам государи прироженные, а вы наша извечная бояре; и вы, братие, постойте крепко, чтобы мой сын учинился на государстве государем, была бы в земле правда и в вас бы розни никоторые не было»[76]. Тем самым борьба за «правду» и с рознью бояр могла восприниматься Иваном IV и как выполнение завета отца, долг наследовавшего ему государя. Это нашло отражение в «речах» царя Ивана (или в их летописном изложении), в современной публицистике (сочинениях Пересветова и других).

[27*] Первая, основная, стадия, через которую во второй половине XVI в. должен был проходить вновь издаваемый закон, это доклад государю, мотивирующий необходимость законодательного акта. Вторая же стадия законодательного акта могла осуществляться по-разному: приговором одного царя (впоследствии их называли «именными указами»), приговором царя с боярами, устным волеизъявлением царя («государевым словом»). «Привлечение или непривлечение Боярской думы к обсуждению закона, — по мнению И. И. Смирнова, — зависело целиком от конкретных обстоятельств момента. Надо признать, впрочем, что традиция предписывала участие бояр в обсуждении новых законов; и для большинства их отмечено участие бояр в "приговорах" об издании законов»[82]. Приближенные к царю лица старались подчас испросить «у царя указ без думы боярской» (так, в частности, поступал А. Ф. Адашев[83]).

[28*] Иван Грозный, безусловно, мыслил себя и творцом законов, и главным их истолкователем. Впрочем, такое убеждение о правах и власти монарха было свойственно и людям, воспитанным на идеях «Века просвещения».

охарактеризовал как «совещания соборной формы»[80]. Рассуждения Ивана Грозного насыщены аллегориями, в языке его библеизмы и элементы торжественного стиля соседствуют с просторечием, с выражениями, типичными для столь хорошо знакомой ему деловой письменности[81]. Решения всевластного царя были, как правило, безапелляционны; власть его казалась безмерной, подчиняющей себе всех[29*].

Хорошо известно личное участие Ивана Грозного в делах внешнеполитических. Он сам разговаривал с иностранными послами[30*], а иногда и с гонцами[31*] (правда, в присутствии думных «ближних» людей или даже всех думцев). Царь выслушивал чтение посольских документов (в 1570 г. «писарь» — секретарь посольства короля Сигизмунда II Августа — читал «тетрать», и только после того, «как тетрать дочли», царь «молвил послом»[88]). Царь и сам произносил речи (или заранее написанные тексты)[32*], сочинял послания иностранным государям и от

[29*] Любопытна характеристика власти государя в России XVI в. (едва ли не восходящая к сочинениям Герберштейна[84] и более поздних зарубежных авторов) в рукописном сборнике начала XVIII в. в статье о Московском государстве из «Космографии» Меркатора: «Того государства грады, пригородки, слободы, волости, деревни, леса, поля, реки, озера все единаго государя, котораго называют великим князем, и всякие доходы того государства единому ему идут. Все единаго послужаются и повинуются ему без всякаго прекословия. Удельных князей и графов в том государстве несть — все единаго государя. Государь един самодержествует над всеми, имеет власть от великаго и до меншаго чину, казнит и шадит, и жалует; а подданные его имеют и почитают, аки Бога, с великим страхом и с трепетом»[85].

[30*] Иван IV, видимо, понимал по-польски. Когда в 1563 г. посол Юрий Ходкевич заявил царю, что он не может ясно выражаться по-русски, царь Иван отвечал: «...говори перед нами без всякого сомнения, если что и по-польски скажешь, мы поймем»[86].

[31*] И потому русские представители за рубежом были так настойчивы в требовании встреч и бесед их с иностранными государями. Послы в Швеции в августе 1567 г. говорили: «...прислал нас государь наш... к королю, а не к советником его; будет король велит нам быти у себя и очи свои видети и похочет выслати к нам с ответом своих советников, и то на королевской воле, а к советником не езживати. А будет которое дело советником до нас, и они б к нам приехали; а хотя нас и заведете на двор, а, не бывав нам у короля, к советником не хаживати». Послы строго соблюдали правила посольского чина, казавшиеся им достойными государя всея Руси. Так, когда в том же 1567 г. во время приема у шведского короля первый его советник «учал говорити: "...король вас спрашивает, как бог милует царя и великого князя"», посол И. М. Воронцов сказал: «"...ты был у государя нашего царя и великого князя от государя своего посолством и ты то видел, что государь наш царь и великий князь, жалуючи государя вашего, сам вспрашивал про государя вашего здоровье. И князь Нилш Гульденстерн говорил, что он о государеве о Цареве и великого князя здоровье вспрашивает королевским словом". И Иван Михайлович говорил: "Яз у короли того не слышу, чтоб он о государя нашего здоровье вспрашивал". И король, слышев Иваново слово, учал про царево и великого князя здоровье сам вспрашивати...»[87]. Гонец к императору в 1573—74 гг. К. Скобельцын прямо говорил: «...и то не ведетца, что мне, великого государя, царя и великого князя, гонцу, не видев цесаревых очей, да ехать к государю своему»[89]. А в 1585 г. в грамоте царя Федора Ивановича английской королеве Елизавете выражалось возмущение тем обстоятельством, что русский гонец был на отпуске не у самой королевы, а у канцлера Ф. Уолсингэма: «И то где слышно, что гонцов ко государем отпускати и поклон к нам, к великим государям, приказывати писарем, а не государю к государю приказывати»[90].

[32*] Во время переговоров с послами Сигизмунда II Августа 12 июня 1570 г. Иваном Грозным была произнесена длинная речь. И как он «речи послом изговорил, и послы говорили:

имени бояр литовско-польским магнатам. Сам руководил дипломатическими переговорами, особенно в последние десятилетия своей жизни, диктовал тексты документов выделенной для переговоров думской ответной комиссии[33*]. Иван IV придирчиво интересовался организацией приема послов (ему присылали на утверждение даже списки детей боярских, которых «прибрати в приставы к литовским послам», 1570 г.)[92]. Распоряжения царь давал обычно через Боярскую думу и следил за точностью и быстротой их исполнения[34*].

Боярскую думу рассматривали как исполнительницу приказов царя, это мнение старались внушить и иностранцам, находившимся в Москве с дипломатическими поручениями; в 1562 г., в ответ на просьбу посланца литовской рады к митрополиту и боярам — «ближней раде» — способствовать заключению перемирия между государями, приставу (выдававшему себя за служилого человека князя И. Д. Бельского) наказано было отвечать: «... великий государь царь всея Русии о всех своих делех мыслит себе один, и коли что себе уложит, и он то своей раде и воеводам свою мысль и скажет»[94].

В. Г. Гейман (в рецензии на исследование В. И. Саввы о Посольском приказе) верно почувствовал «полную униженность положения Боярской думы» в переписке Думы и царя в 1570 г., отраженной в Польской посольской книге. «Холопи» государевы «Иванец Белской, да Иванец Мстиславской, да Михалец Воротын-

---

"...речи есмя от тебя слышели и иных есмя, государь, речей дополна не вразумели, потому что иные руские речи гораздо не узнаем", и государь бы пожаловал, на те их речи велел им дати писмо. И государь послом говорил: "...которые есмя вам речи говорили, и те речи слышел товарищ ваш писарь Ондрей Иванов, и тот вам может розказати". И Ондрей писарь говорил: "...милостивый государь, таких великих дел испаметовати невозможно: твой государской от Бога дарованный разум кроме человеческого разума". И царь и великий князь диаку Андрею Васильеву татрать, по которым речи говорил писарь, велел у них взяти, а ответной список велел послом дати»[91]. (Остается не вполне ясным, произносил ли царь Иван ответное слово послам в импровизационной манере и потом его записали дьяки, или был им же, или для него, заготовлен текст — «ответной список».)

[33*] Поссевино писал о том, что ни дьяки, ни подьячие, «ни сам канцлер, который стоит над ними, не могут ничего самостоятельно написать или ответить посланцам чужеземных государей. Сам великий князь диктует им все, повторяя очень пространно без особой надобности титулы и пересказывая обсуждающиеся факты. Затем продиктованное думные бояре докладывают по написанному нунциям или послам, читая все по порядку, разделив между собою чтение по частям, что иногда происходило при мне в течение полных четырех часов, хотя они могли бы ответить на все менее чем за один час»[93].

[34*] В. И. Савва на основании изучения царских грамот, сохранившихся в делах Польских за 1570 г., заключает, «что царь поручал Боярской думе слать приказания от его имени, что все свои распоряжения относительно приезда послов царь делал через Боярскую думу, причем в этих распоряжениях предусматривалось все относившееся к приезду послов до мелочей. Давая приказания Боярской думе, царь требовал от нее немедленных отписок об исполнении его приказаний, как неуверенный, что дума точно исполняет приказанное ей... Посольский дьяк в переписке царя с боярами по поводу приезда польских послов не существует. По грамотам бояр к царю, царские приказания относительно послов приводятся в исполнение самими боярами»[96]. (Правда, это было в канун опалы Висковатого и А. Васильева.)

ской и все бояре» в поношениях царю тщетно старались оправдаться в возводимых на них винах («а дела твои государские делаем по твоему государеву крестному целованию безо всякие хитрости»), но в переписке находим и выговоры Боярской думе, и прямые угрозы ей со стороны царя («а не учнете того беречи... и нам тех дел пытати на вас...»). Данные эти дали серьезный повод В. Г. Гейману усомниться в справедливости мнения В. О. Ключевского (повторенного и М. А. Дьяконовым), будто характерной особенностью положения Боярской думы являлось «отсутствие ее ответственности перед государем», отличавшее ее от положения боярской «консилии», а затем Сената при Петре I[95]. «Если Петр Великий грозил Сенату, что за неисправность с ним поступлено будет, "как ворам достоит", то Иван Грозный писал Думе, что за неисправность "нам тех дел пытати на вас"». В. Г. Гейман основательно заключает, что «и за полтораста лет до Петра, во времена Ивана Грозного, дума — только орудие в его руках»[97].

Все это подтверждает положение о том, что деятельность Боярской думы времени правления Ивана Грозного (т. е. того времени, когда были составлены известные нам переписи документов Царского архива) трудно отделить от деятельности царя.

Царь, понятно, мог проявлять интерес к любому вопросу: большому и малому, относящемуся к государственной деятельности или дворцовому обиходу. И такой вопрос могли рассматривать (более того, обязаны были рассматривать при желании государя) на заседании Боярской думы или думской комиссии. Однако сами думные люди, следует полагать, не без осмотрительности вносили дела на рассмотрение Боярской думы (хотя, согласно статье 7 Судебника 1550 г., надлежало «которому будет жалобнику без го́сударева ведома управы учинити не мочно, ино челобитье его сказати царю государю»[98]). Царь Иван позднее достаточно убедительно отметил тот круг дел, по которым обязана принимать решение именно Боярская дума. В летописном изложении «указа об опришнине» (хранившегося в 191-м ящике Царского архива) передано указание царя в январе 1565 г.: «...а о болших делех приходити к бояром (очевидно, к тем боярам, "которым велел быти в земских". — *С. Ш.*); а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и о тех делех приходити ко государю, и государь з бояры тем делом управу велит чинити»[99]. Видимо, тогда различали дела «великие» и только «большие».

«Думцы» могли заседать и даже принимать решения и в отсутствие государя[100]. В подлинных документах различаются формулы: «государь указал и бояре приговорили» (постановление в присутствии государя) и «по государеву указу бояре приговорили»[101]. В годы опричнины, когда реальное значение Боярской думы ослабело, появилась новая формула, определявшая взаимоотношения между царем и Боярской думой: «по государеву приказу бояре приговорили»[102]. Соответственно и грамоты за подписью государевых дьяков могли составляться «по государеву приказу» или «по боярскому приговору». Например, в местническом споре 7100 г. (1591—1592) дьяка спрашивали: «по государеву ли приказу или по бояр-

скому приговору такову грамоту он от государя писал»[103]. Правда, думцы не всегда, особенно в годы царствования Ивана Грозного, осмеливались самостоятельно принимать решения[35*] и предоставляли это воле государя («да то положити на государьскую волю», «и о том, как государь произволит»). Для такого случая существовало даже особое выражение: «бояре поговорили»[104].

На заседаниях Боярской думы, как правило, присутствовали все находившиеся в Москве «думцы», «думные люди» (кроме тех, кого постигла «опала» — «отлучение царьских очей»)[36*]. Постановления законодательного порядка надлежало, согласно статье 98 Судебника 1550 г., принимать при единогласном решении всех бояр («с государева докладу и со всех бояр приговору»). Однако вряд ли можно согласиться с В. О. Ключевским и другими учеными, полагавшими на основании этой статьи, что боярский приговор всегда был признан необходимым моментом законодательства[37*].

Исконная формула совета государя «сгадав с бояры» вовсе не означала, что советниками государя были (или могли быть) только бояре. Так назывались все те, кто принимал участие в заседаниях Боярской думы. Видимо, именно эти лица высшего круга названы в Пискаревском летописце «радными»[107].

Обычай призывать в Боярскую думу людей, не имевших чина боярина или окольничего, встречаем еще в конце XV — XVI вв. Звание «думной дворянин» появляется во второй половине XVI в., но под другими наименованиями «думные дворяне» известны были раньше[108]. Они назывались «детьми боярскими, которые живут в думе»[38*]. Н. П. Лихачев установил тождество выражений «дети боярские, которые в думе живут» и «дети боярские думные»[109]. То же можно заметить и относительно выражений: «дворяне, которые живут у государя з бояры»[113], и «дворяне у государя в думе»[114].

Думное дворянство отнюдь не было чином для «малопородных». Среди думных дворян 1564 г. встречаем князей Горенского и Телятевского: в 1570 г. —

[35*] В сношениях с иностранными представителями различались понятия «дело делати» и «поговорить разговором». Когда в 1553 г. прибыло посольство польского короля, царь на послов «опален был за свое имя» (отказ признать царский титул) и, полагая, что ему «непригоже» самому принимать послов, распорядился: «...а поговорят с ними бояре разговором, и нечто учнут делати о царьском имени, ино с ними дело делати»[105].

[36*] Поп Сильвестр в послании князю А. Б. Горбатому, возможно, именно в этом плане писал о «ближнем совете»: «великое страшное наказание было — отлучение царьских очей и всякого ближняго совету...»[106].

[37*] В составленном Б. А. Романовым историографическом комментарии к Судебнику показана несостоятельность подобных суждений[110].

[38*] В Посольских книгах за первую половину XVI в. заметно постоянное деление детей боярских на тех, «которые живут в думе», и «прибыльных, которые в думе не живут»[111]. Подобный порядок существовал и при дворах последних удельных князей, например при дворе Андрея Ивановича Старицкого. В числе приближенных его, которых после «мятежа» 1537 г. велели «пытати да казнити торговою казнию», названы: боярин, дворецкий, князья и дети боярские, «которые у него в избе были и думу его ведали»[112].

И. Ф. Воронцова[115]. О «княжатах», живших в Боярской думе, упоминает Польская посольская книга 1549 г.[116] В то же время думными дворянами были и приближенные Ивана IV (А. Ф. Адашев, И. М. Вешняков), во вторую половину царствования — известные опричники Малюта Скуратов и Василий Грязной. Малюта упомянут в числе «дворян, которые живут у государя з бояры» (в Польской посольской книге 1570 г.), «дворян, которые живут у государя в думе» (в Шведской посольской книге 1572 г.)[117]. Думные дворяне участвовали в комиссиях для разбора местнических дел. Например, в приговоре по местническому делу от 25 января 1584 г. читаем: «бояре князь Федор Михайлович Трубецкой с товарыщи и дворяне думные сево дела слушали и приговорили»[118].

Особо заметной в делопроизводственной деятельности Боярской думы была роль думных дьяков[119]. В Тетради дворовой 1550-х годов в разряд думных чинов наряду с боярами, окольничими, дворецкими, казначеями, постельничими включен только «печатник и дияк» (Н. Фуников-Курцов) и названы «дияки большие» и «дворовые»[120]. К началу 1560-х годов уже выделяются думные дьяки. Они заседали вместе с думными людьми на Земском соборе 1566 г. (другие «приказные люди» заседали отдельно). Обычно в заседаниях Боярской думы участвовали посольский дьяк, разрядные дьяки, поместный дьяк, позднее дьяк Казанского дворца, возможно, и некоторые другие[39*], т. е. руководители важнейших приказов.

Приказы первоначально рассматривались современниками не как самостоятельные учреждения, а как канцелярии при государе (который «приказал кому что приказано ведать»)[121] и Боярской думе. Они «выросли и зародились, — как пишет А. В. Чернов, — из личных поручений (приказов), которые давались государем отдельным должностным лицам»[123], хотя сама организация приказного управления и система его делопроизводства имеют несомненные корни в предшествовавшей системе управления государством и дворцовым ведомством, — здесь, быть может, особенно явственно переплелось «государево» и «государственное». Лишь постепенно утверждался обычай решения в приказах текущих дел без «доклада» государю и рассмотрения в Боярской думе. «Образование внутри Боярской думы отдельной курии думных дьяков, — отмечает Р. Г. Скрынников, — явилось результатом централизации государственного управления и развития приказного аппарата»[124]. Некоторые думные дьяки становились «ближними думцами».

Заседания Боярской думы могли происходить и при участии высшего духовенства. Эти совместные заседания бояр и высшего духовенства называли в XVI в. «соборными» или «собором», даже в том случае, если присутствовал только один митрополит. В исторической литературе их принято называть думными соборами. На таких думных соборах, по словам Флетчера, присутствовало около 40 человек; из них примерно половина — духовные лица. Учреждение это Флетчер считает высшим в государстве[125].

[39*] В царских грамотах Боярской думе 1581 г. (в связи с приездом Поссевино) Иван Грозный обращается не только к боярам, как в 1570 г., но и к дьякам[122].

Делопроизводство думного собора являлось, по существу, делопроизводством Боярской думы, так как думный собор представлял собой расширенное заседание Боярской думы. На думных соборах дела, решенные предварительно царем вместе с Боярской думой (или Ближней думой), докладывали думные дьяки. Думные же дьяки записывали то, что происходило на заседаниях. Все это свидетельствует о развитом делопроизводстве Боярской думы. Дела, решенные собором, думные дьяки излагали, по словам Флетчера, в форме прокламаций[40*], — которые рассылались в каждую область или город государства, где их обнародовали управители этих мест[127].

Наблюдения Флетчера, писавшего в конце 1580-х годов на основании личных впечатлений, подтверждаются фактами предшествующих десятилетий, особенно тех лет, когда в заседаниях Боярской думы принимали непосредственное участие духовные лица (Макарий, Сильвестр) и сами заседания являлись нередко думными соборами. Так, в конце июня 1547 г., в дни Московского восстания, вспыхнувшего после страшного пожара, Иван IV «со всеми бояры... на думу» приезжал к митрополиту Макарию в Новинский монастырь[128]. На заседании Боярской думы присутствовал благовещенский протопоп Федор Бармин. Он же назван и среди тех, кто вел в Кремле переговоры с восставшими. Миниатюра Царственной книги особо выделяет поэтому именно протопопа Ф. Бармина[129]. Священнослужители участвовали и в других заседаниях Боярской думы: 13 февраля 1549 г. Иван IV во время переговоров с литовскими послами перед целованием креста на перемирных грамотах в присутствии послов «княжатам и дворянам всем, которые в Думе не живут, и протопопу велел выти вон»[130]. (Следовательно, протопоп не был официальным членом Боярской думы — «Совета думного»[41*]).

Для рассмотрения поступивших в Боярскую думу дел по распоряжению государя создавались особые думные или думские комиссии из думных людей — «думцев»: бояр, окольничих, думных дворян, думных дьяков. Заседания думских

[40*] Имперский посланник И. Гофман в реляции 1560 г., основанной на разговорах и слухах, передавая распространенные в Москве суждения об отношении царя Ивана к иностранным государям — польскому, датскому и шведскому королям, замечает: «Что таким бранным и презрительным образом его народ должен выражаться о великих государях, это я многократно слышал от московских людей. И сами же они говорят, что Бог накажет великого князя, но они должны так говорить по приказу великого князя после того, как он велел это повсеместно разглашать»[126]. Приводимые Гофманом выражения (о том, что польского короля Иван IV «ценит не выше своего мизинца», датского короля «считает только королем воды и соли», а шведского — «купцом и мужиком»), несомненно, восходят к лексике самого Ивана Грозного. Нельзя ли в этом усмотреть свидетельство о практике «прокламаций» — публичных извещений об отдельных решениях царя и думного собора (или Боярской думы), о которой писал Флетчер?

[41*] В Царственной книге о священнике Сильвестре написано, что он был у государя «в совете в духовном и в *думном*» (курсив мой. — *С. Ш.*)[131]. Это, видимо, воспринималось как исключительное явление, что отмечено и в Пискаревском летописце: «Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Русскую землю с ним (А. Ф. Адашевым. — *С. Ш.*) заодин, и сидели вместе в избе у Благовещения»[132].

комиссий — постоянных и временных — происходили под председательством одного из думцев, обычно боярина. По имени этого думца комиссия часто и получала название. Как правило, многие дела рассматривали именно думские комиссии, и хотя это был суд не «всех бояр», по форме он считался судом самого государя и его Боярской думы. Таким образом, думская комиссия в подобных случаях заменяла «думу всех бояр» как последнюю инстанцию[133].

В числе думских комиссий был особый «суд бояр», по-видимому специальная судебная коллегия (быть может, по местническим делам). В разрядах Полоцкого похода 1563 г. Петр Вас. Зайцев назван «в суде у бояр»[134]. Местнические дела всегда разбирали особые думские комиссии[135]. Некоторые дела, вершенные Боярской думой или, точнее, думскими комиссиями, известны. Среди них встречаются дела, которые кажутся нам сейчас мелкими и незначительными. Так, «приговор боярский, что приговорили о покраденной у корельского попа дьяконом Спиридоном Павловым ржи», вынесла в 1520 г. думская комиссия, состоявшая из четырех бояр, четырех окольничих, печатника и трех думных дьяков[136]. «Суд» по тяжбе человека боярина Ив. Вас. Шереметева с кн. Ноздреватым об угодиях «судила» в 1567 г. думская комиссия из боярина и двух окольничих[137].

Принимая решения, «думцы» обращались не только к письменным материалам, т. е. к запечатленным на бумаге «казусам», но и к «обычаю» — к сохранившейся в изустной передаче традиции[42*].

Боярская дума принимала участие в решении почти всех вопросов, касавшихся внешних сношений[139]. На нее возлагались, как отмечалось выше, и организация приема иноземцев, и ведение переговоров с приезжими иноземцами, и составление соответствующей документации. Дипломатические переговоры («которые межи государей дела большие») в то время, по словам посольских книг, велись только «думными людьми» (или «добрыми людьми»[43*]). Для этого создавались особые думские комиссии («ответные комиссии»), в состав которых чаще всего входили ближние думцы.

Иван Грозный особенно любил прикрываться именем бояр в сношениях с иноземными представителями; думские комиссии на протяжении XVI в. наиболее час-

---

[42*] О порядке рассмотрения дел в Боярской думе, в частности, о способах выявления прецедентов для принятия думой решений, интересные подробности можно почерпнуть в «Выписке из великого князя книги дияка Тимофея Казакова "О ногайских лошадех"», дошедшей в рукописи XVI в. Размер пошлины, которую в Троице-Сергиеве монастыре «имели» прежде с ногайских лошадей, устанавливали в сентябре 1533 г. таким образом: «обыскали о том бояр, и боярин Михайло Васильевич Тучков сказал, что отец его был в конюшых, а имали при нем Сергева манастыря пошлины с лошади по осми денег». На этом-то основании и велено было «ныне и вперед пошлину имати по старине, по осми денег с лошади»[138].

[43*] Это очень точно обнаруживается по наказу послу к крымскому хану в 1563 г. Послу давались указания, как держаться с различными чиновниками ханского двора: «И хто ему о том учнет говорити, что его доброе дело: и будет хто вспросит его не думной человек, и Офанасью [Федоровичу Нагому] говорити: тебе то парубку молодому на что, которые межи государей дела большие и те дела делаютца добрыми людьми да послы»[140].

то участвовали в самой организации внешних сношений[44*] именно в третьей четверти этого столетия, и формула «государь приговорил с бояры» постоянно встречается в посольских документах. (Это, кстати, должно было демонстрировать и всеобщую поддержку внешнеполитических акций государя; к маневру публичного обсуждения вопроса о дальнейшем ведении Ливонской войны Иван Грозный прибегнул и созывая Земский собор 1566 г.) В. И. Савва, опираясь на такой «арифметический метод» (выражение В. Г. Геймана)[141] подсчета упоминаний думских комиссий и «приговоров» бояр, пришел даже к выводу, что: «Золотой век Государевой думы у посольского дела, по посольским книгам, при Иване IV»[145].

Переговоры с послами или гонцами думские комиссии вели нередко в «избе» И. М. Висковатого, т. е., очевидно, в Посольском приказе. Там разговаривал с послами даже глава правительства «Избранной рады» А. Ф. Адашев[146].

В XVI в. внешнеполитические сношения имели место не только между государями, но и между московскими боярами (а иногда и митрополитом), с одной стороны, и литовскими «панами радными» — с другой[45*]. С. А. Белокуров приводит многочисленные примеры таких сношений за 1503—1595 гг.[147]

Таким образом, в то время документация внешних сношений создавалась как документация деятельности Боярской думы. Организация посольской службы, требования соблюдения церемониальных правил посольского обычая («посольского чина»), ведение соответствующей документации вызывали надобность в обращении к документам внешних сношений (хранившимся в Царском архиве) и за прошлые годы.

По существу, в середине XVI в. руководство посольской службой не было еще в достаточной мере централизованным — централизована и в значительной степени унифицирована была только канцелярская переписка по внешним сноше-

---

[44*] При этом Боярской думе приходилось и в этих случаях опираться на прецеденты, становившиеся нормативами в оформлении посольского обычая. Это нашло отражение в Польских посольских книгах: 17 июня 1566 г. царя в час, назначенный им для переговоров с послами, известили, что «послы... слушают обедни... у своих попов». Возмущенный царь «поговорил з бояры», выяснил, что «у прежних послов того в обычае не было... и то делают не по пригожу, что государь послов долго ждет». И решено было в то время, когда послы приедут во дворец, царю самому идти «слушати обедни» в Благовещенском соборе, «а послам приехати на двор и итти на переходу середней лестницей, а велети им итти в полату и дожидатися того, как у государя обедню отпоют»[142]. (Христианских дипломатов обычно проводили во дворец по лестнице и паперти Благовещенского собора, по Средней лестнице проводили мусульманских послов; когда по этой лестнице проводили христианских послов, это являлось, по наблюдениям Л. А. Юзефовича, знаком нерасположения к ним со стороны государя[143].) 19 июня 1570 г. ситуация повторилась: в час, когда царь велел «послу с товарищи быть на дворе», посол «учал молитися». Вспомнили о случае четырехлетней давности и «приговорили» повторить то же, что сделали тогда в отношении провинившегося посла[144].

[45*] Э. Д. Банёнис показал, что до Люблинской унии сношения с Российским государством, так же, как с Ливонией, Крымским ханством, Молдавией, были сферой деятельности исключительно посольской службы Великого княжества Литовского, которая представляла при этом и политические интересы Польши[148].

ниям. Она была, видимо, в ведении дьяка, которому «приказано посолское дело» и который имел свою «дьячью избу», но оставался все-таки прежде всего «думным дьяком».

Некоторые из думских комиссий имели особые «избы» с определенным штатом сотрудников, где и заседали «думцы» «с товарыщи». Упоминаются «избы» боярина кн. Федора Ив. Шуйского (1555 г.), окольничего Федора Ив. Умного-Колычева (1557 г.), боярина кн. Дмитр. Ив. Немого-Оболенского (1558 г.)[149]. Возможно, особые «избы» имели и бояре, у которых «городы в приказе». К этим боярам велено было являться жителям подчиненных им городов[150]. Думские комиссии иногда постепенно превращались в приказы с особыми функциями управления. Например, из боярской комиссии, ведавшей в конце 1530-х годов «разбойными» делами («бояре, которым разбойные дела приказаны»), к середине 1550-х годов оформился особый приказ — «Разбойная изба»[151].

Большинство думских комиссий[152], напоминая внешним устройством приказы[153], по своим задачам и полномочиям стояли над приказами и должны поэтому рассматриваться как часть Боярской думы (или своеобразные отделения Думы). Это не противоречит тому общеизвестному факту, что некоторые «думцы» уже в XVI в. являлись одновременно управителями («судьями») центральных правительственных учреждений, в том числе «дворцов», и главными администраторами на местах[46*]. Важно отметить в данном случае, что делопроизводство думских комиссий составляло часть делопроизводства Боярской думы.

Как видно из состава думских комиссий и содержания дел, решенных Боярской думой в XVI в., четкого разделения функций у думных людей, даже у думных дьяков, в то время не было[155]. Так, разрядный дьяк Е. Цыплятев участвовал в приемах послов[156]. Он же подготовил жалованную грамоту псковичам 1541 г. (ящик 117). Ведавшие посольскими делами И. М. Висковатый и А. Васильев одновременно были, как уже отмечалось, «кормленными дьяками», а начальник Посольского приказа в 1570—1594 гг. А. Я. Щелкалов был в 1570-е годы и разрядным дьяком. Брат его, В. Я. Щелкалов, будучи разрядным дьяком в 1577—1594 гг., принимал в те же годы участие в организации внешних сношений[157]. Вследствие этого не было, видимо, и четкого размежевания отраслей делопроизводства Боярской думы и его документации.

Из названных в Описи документов внутренней политики подавляющее большинство безвозвратно исчезло. Восстановить по названию документа его содержание не всегда удается. Еще меньше возможностей представить по названию документа характер разбирательства и решения дел в Боярской думе. Поэтому особенно важны в данной связи отдельные документы, в составлении которых удается выявить участие Боярской думы в целом или думских комиссий.

[46*] «Все производящиеся здесь дела, как гражданские, так и уголовные, выслушиваются и решаются в известных судах, где заседают члены Думы, постоянно живущие здесь», — пишет Флетчер[154].

К числу таких документов принадлежит «Судебник за дьячьими руками», находившийся в ящике 139. Это судебник 1550 г., так как он находился в одном ящике с современными ему «посольными книгами», написанными «при дьяке Иване Михайлове». Судебник 1550 г., как явствует из его текста, царь «з бояры уложыл»[158].

Особый ящик занимало «сыскное изменное дело» о кн. Семене Ростовском: «Ящик 174. А в нем отъезд и пытка во княже Семенове деле Ростовского». Заговор князей Ростовских обнаружили в июле 1554 г., когда один из его участников был схвачен при попытке бегства за рубеж. Лобановы-Ростовские и Приимковы-Ростовские вступили в сношения с польско-литовским послом, сообщая ему секретные решения Боярской думы, и собирались бежать в Литву. Ростовские оказались связанными с видными правительственными деятелями, группировавшимися вокруг князей Старицких. Для расследования дела была создана особая думская комиссия, в составе которой был и И. М. Висковатый. Иван IV велел комиссии заговорщиков «роспросить, а доведетца, и пыткою пытати». Характер разбирательства дела отражен в самом наименовании описанных документальных материалов — «пытка». Приговор Ростовским обсуждался на заседании Боярской думы: «и царь и великий князь поговорил з боляры» (вариант: «приговорил»)[159]. Сыскное дело Ростовских было, очевидно, значительного размера, так как для него в архиве отвели особый ящик.

В Описи названо много местнических дел, выявленных еще А. И. Маркевичем (ящики 145, 178, 198, 215, 217, 223)[160]. Подлинники этих дел не сохранились. По предположению А. И. Маркевича, они сгорели во время пожара 1626 г. Судя по дошедшим до нас другим местническим делам XVI в., такие дела, как правило, рассматривались думскими комиссиями, часто при участии постельничего.

В Царском архиве находились также поручные, или «подручные», записи по видным правительственным и придворным деятелям середины XVI в. (ящики 145, 147, 215). Отмеченные в Описи поручные не уцелели. Известны, однако, другие современные им поручные записи, опубликованные в I томе «Собрания государственных грамот и договоров»[161]. Опубликованные поручные в 1626 г. хранились в архиве Посольского приказа[162]. Можно полагать, что поручные, названные в описи архива Посольского приказа 1626 г., в середине XVI в. также находились в Царском архиве (или в Постельной казне). Опубликованные «поручные» грамоты писались перед думской комиссией, состоявшей чаще всего из двух бояр и думного дьяка, запечатывались печатями этих бояр и скреплялись подписью думного дьяка. В конце документа указывалось, что боярин, по которому дается поручная запись, являл поручителей предварительно еще особой расширенной думской комиссии, состоявшей из бояр, окольничих и думных дворян.

Сохранившиеся источники середины XVI в. и описи архива посольского приказа 1614 и 1626 гг. позволяют выявить роль Боярской думы и в составлении некоторых других документов, скрытых в Описи под слишком общими наименованиями: «меновных», «купчих» и др.

Так, узнаем, например, что грамоту меновную земель кн. Владимира Андреевича Старицкого с царем Иваном IV написали 15 января 1566 г. при участии думской комиссии, в состав которой входили бояре Ив. Петр. Федоров, Никита Ром. Юрьев, казначей Никита Афанас. Фуников, дьяк Путила Михайлов[163]. Купчая боярина Ив. Вас. Большого Шереметева на вотчину Мини Вас. Лелечина 1554 г. составлена «з боярского докладу». Докладывал об этом деле государю боярин кн. Федор Андр. Булгаков, который «к сей докладной грамоте и печать приложил»[164].

Боярская дума руководила деятельностью областной администрации и контролировала эту деятельность, поэтому в Описи упомянуто много документов «посыльных» и «присыльных», например «по городам посылки к целованью приводить» (ящик 165).

В Царском архиве сосредоточены были и «отпуски» дьяков и писцов в города. Так, в ящике 124 был «отпуск в Новгород в Великой и во Псков Якова Шишкина да Фуника Курцова да Микифора Казакова». В 7042 г. (1533/34 гг.) дьяки Великого Новгорода Шишкин[165] и Фуник Курцов ставили «град всем градом, опрично волостей»[166]. Имеются данные о «дьячих грамотах» этих же дьяков от 7045—7048 гг.[167] Число подобных примеров можно было бы увеличить.

Документация внешних сношений России также оказалась сосредоточенной в Царском архиве, не составляя, однако, большинства его единиц хранения. Посольские дела, как дела особой государственной важности, вершились в XVI в., как отмечалось выше, Боярской думой. Участие Боярской думы в целом и думских (так называемых «ответных») комиссий в организации внешних сношений государства отразилось даже в наименовании некоторых описанных документов. Так, в ящике 193 лежали среди «грамот литовских» и «грамоты королевы рады ко государевым бояром». Особенно характерно описание ящика 219: «А в нем грамота литовская, что писали литовские послы Юрьи Александровичь Хоткевича с товарыщи, з боярином с Васильем Михайловичем Юрьева с товарыщи, на Москве, о перемирном сроке: войне не быти на обе стороны от Крещенья Христова 7075-го и до того сроку, на чом государевы послы с королевой радою договор учинят». В самом названии документа упоминается думская комиссия, выделенная для переговоров с послами.

Некоторые вопросы, в частности вопросы внешней политики, Боярская дума разрешала на совместных заседаниях с соборами — церковно-земскими или земскими. Документация подобных заседаний тоже хранилась в Царском архиве: в ящике 225 находился «список черный» соборного приговора 1566 г. «О ливонской земле, что государю за нее стояти, а литовскому королю не поступитись». Подлинная грамота, «на чем государю правду дали», была, как отмечает Опись, в Постельной казне Ивана Грозного[47*].

[47*] В 1626 г. подлинник «соборного приговора» находился уже в архиве Посольского приказа. Сохранился он плохо: «печати поистопилися, и грамота поизодралась»[170].

Документы внешних сношений по мере надобности поступали из Царского архива в архив Посольского приказа. Посольский приказ первоначально выполнял в основном вспомогательные, технические функции, связанные с организацией внешних сношений (прием и отпуск послов, подготовка и оформление дипломатической переписки и вообще посольской документации и т. п.).

В рассматриваемый период сколько-нибудь значительного архива при Посольском приказе еще не было. Документы Царского архива, и, быть может, Постельной казны, передавались по мере надобности в Посольский приказ на сравнительно короткий срок. Это прослеживается и по Описи. Но знакомство «приказных людей» из Посольского приказа с документами Царского архива вне сомнений. Они опирались на эту документацию в своей повседневной деятельности. Очень вероятно, что именно для справок Посольского приказа составлялись выписки из посольских книг сношений с определенными государствами и что эти справочного характера материалы постоянно находились под рукой у приказных людей именно в «Посолной полате», так же как и образцы грамот, титулования иностранных государей и т. п., не говоря уже о документах собственно приказного делопроизводства (приходо-расходные книги Приказа, материалы о лицах, служащих в Приказе, и т. д.)[168]. Не было постоянного архива и в ведомстве, занятом внешними сношениями в опричнине[169].

Посольский приказ, быть может в большей степени, чем другие приказы, был связан с делопроизводством Боярской думы и фактически являлся ее отделением по вопросам внешних сношений, а канцелярия Посольского приказа была, по существу, отделением канцелярии Боярской думы. И в этом отношении Царский архив можно считать в какой-то мере и архивом Посольского приказа.

Изучение состава Царского архива и рассмотрение деятельности Боярской думы в третьей четверти XVI в. позволяют, таким образом, полагать, что Боярская дума была тогда одним из основных фондообразователей Царского архива. Именно в Царском архиве оказались сосредоточенными документы разнообразного содержания, отражающие многостороннюю деятельность Боярской думы в целом и ее комиссий в области внутренней и внешней политики.

Многообразием вопросов, разбиравшихся в те годы Боярской думой, объясняется и многообразие «дел» Царского архива, сочетание в одном архиве документов внутренней и внешней политики, «дел» общегосударственной важности и «дел» частного характера.

В годы опричнины, оставаясь архивом Боярской думы, Царский архив являлся главным архивом «земщины». В ящике 191 хранился «указ... о опришнине». В последнем ящике без номера находилась «посылка в опришнину Юрья Незнанова с товарищи». Отдельные документы Царского архива поступали в эти годы к государю в Александрову слободу.

Признание Боярской думы основным фондообразователем Царского архива не означает, что Царский архив не мог нигде находиться, кроме как при Боярской

думе, как неточно передает мысль, сформулированную в моих ранних работах, А. А. Зимин, поддерживающий положение В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова о том, что Боярская дума не имела своего особого архива и канцелярии[171]. Можно полагать, что документация делопроизводства Боярской думы середины XVI в. помещалась не там, где происходили ее заседания, или даже была рассредоточена в нескольких местах и под началом нескольких «чиновников»[48*]. Однако это вовсе не предполагает вообще отсутствия делопроизводства Боярской думы, канцелярии (или канцелярий) и архива (или архивов), в которых откладывались (на время или надолго) документы этого делопроизводства. Но было бы неосмотрительно с научной точки зрения подходить к учреждениям, канцеляриям и архивам XVI столетия с современными нам критериями[49*] определения подобных явлений общественно-государственной жизни.

* * *

В. О. Ключевский во вступлении к книге «Боярская дума» писал: «...политическая и административная история Боярской думы темна и бедна событиями, лишена драматического движения. Закрытая от общества государем сверху и дьяком снизу, она является конституционным учреждением с обширным политическим влиянием, но без конституционной хартии, правительственным местом с обширным кругом дел, но без канцелярии, без архива. Таким образом, исследователь лишен возможности восстановить на основании подлинных документов как политическое значение думы, так и порядок ее делопроизводства. В предполагаемом опыте читатель не найдет удовлетворительного ответа на многие вопросы, касающиеся того и другого, и встретит не мало догадок, которыми автор пытался восполнить недостаток прямых исторических указаний»[174].

Первая часть этого абзаца (о конституционном учреждении без конституционной хартии) часто цитировалась историками Российского государства, государственного права и теми, кто писал о Ключевском; она особенно важна для понимания подзаголовка журнального (первого) варианта этого труда В. О. Ключевского: «Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества»[175]. Но в плане данной работы особое значение имеет вторая часть абзаца: она является самооправданием автора, объяснением того, почему в книге о Боярской думе так скупо написано о ее политическом значении и совсем уж мало о порядке ее делопроизводства. Она же представляет собой и самооценку (быть может, и не вполне искреннюю) того, что все-таки написано об этом в книге («догадки», восполняющие «недостаток прямых исторических указаний»), и показывает, что автор

[48*] Такую возможность, как уже отмечалось, допускал и И. А. Голубцов[172].

[49*] Это особенно откровенно выразилось в подходе И. И. Вернера к вопросу о «думской канцелярии», которая, по его словам, «никогда не существовала и самая мысль о коей не могла явиться в XVI в., когда и самая дума не была еще "учреждением" в нынешнем смысле»[173].

не уделял должного внимания поискам таких указаний в архивах. Хотя в письме 1872 г.[176] о замысле докторской диссертации В. О. Ключевский и писал о желании «вооружиться по возможности досугом для занятий в архивах у Оболенского и Калачова» (т. е. в Московском государственном архиве Министерства иностранных дел (МГАМИД) и в Московском архиве Министерства юстиции (МАМЮ), где директорами были названные ученые) и даже сожалел, что «там отведено очень мало времени для занятий»[50*], такой «возможности» у него, видимо в связи с чтением лекций в учебных заведениях, не оказалось.

В. О. Ключевский и далее не раз возвращается к мыслям, сформулированным во Вступлении к его книге. Он пишет, что Боярская дума XVII в., «несмотря на развитие канцелярского делопроизводства в нескольких десятках подчиненных ей приказов, одна не имела особой канцелярии», и в то же время полагает, что важнейшие приказы (Разрядный, Поместный, Посольский) «служили отделениями канцелярии государственного совета, секретари которых были непосредственными докладчиками и секретарями думы», дьяк Разряда был, по его мнению, «ближайшим делопроизводителем думы», а Посольский приказ — «очень близкое к государю учреждение, как бы его собственная канцелярия по иностранным делам»[178]. В главе XXII, где характеризуется «ежедневная практика думы», В. О. Ключевский снова пишет о важнейших приказах как об «отделениях думской канцелярии», «ближайших думских канцеляриях», о том, что думный разрядный дьяк «имел» значение государственного секретаря (иностранцы и называли Разряд государственной канцелярией[179]), и со ссылкой на указ 1677 г. отмечает, что большинство приказов «сносятся с высшим правительством через посредство Разряда, как думской канцелярии»[180].

Об отсутствии при Боярской думе «канцелярской организации» и о том, что ее «делопроизводство представляется до крайности упрощенным, свободным от всякого канцеляризма»[181], писал и Н. П. Загоскин[51*]. Отмечая, что Боярская дума не занимала определенного помещения и имела «кочевой характер», Н. П. Загос-

---

[50*] И. Л. Маяковский, напротив, характеризуя деятельность Н. В. Калачова как историка-архивиста, подчеркивает то, что он старался открыть возможно шире доступ в управляемый им архив, заботился об «облегчении исследователям пользования» его документальными богатствами[177], и приводит письмо Н. И. Костомарова 1877 г. о его работе в «сей неоцененной хранительнице памятников прошедшей жизни»: «...Вы не можете себе представить, какое это сокровище и чего здесь нет для всякого, кто бы желал освоиться с былою Русью!.. Вам... непременно... нужно... заниматься изо дня в день в архиве, управляемом нашим общим приятелем Н. В. Калачовым, таким превосходным хозяином... Я пользуюсь его архивным гостеприимством до отвалу. Здесь нет никаких стеснений: приходи хоть с солнечным восходом, и уходи тогда, когда делается темно...»[182].

[51*] При Боярской думе, по его словам, «не было никакой канцелярии: доклады дел, подлежавших рассмотрению Думы, подготовлялись соответствующими приказами; в последние же поступали из Думы и вершенные дела к исполнению. Таким образом, на долю Думы выпадало рассмотрение обстоятельств, указанных в докладе, уже вполне подготовленном; оставалось лишь оценить эти обстоятельства и постановить известное решение, "приговор"»[186].

кин объяснял это «отсутствием при ней канцелярской организации, которое... обусловливалось самым порядком думного делопроизводства»[183].

«Крайняя упрощенность думного делопроизводства» не вызывала, по его словам, «даже необходимости при Думе особой канцелярии»[184]. Для Н. П. Загоскина «ясною представляется неосновательность нередко раздающихся сетований на то, что до наших дней *не дошло никаких дел* Думы Боярской, а дошли лишь дела приказные, из которых мы лишь косвенным образом знакомимся с деятельностью Думы: подобного рода дела и *не могли* дойти до нас потому именно, что в Думе Боярской не было собственного канцелярского делопроизводства. Действительно, если бы при Думе существовала какая-либо канцелярская организация, — возможен ли был бы факт утраты всяких следов ее, возможно ли было бы допустить, что бы до нас не дошло *ни одного акта* внутреннего думного делопроизводства? А между тем ни одного такого акта не находим мы в изданных до наших дней собраниях их; ни одного такого акта не могли мы найти и в приказных делах Архива Министерства Юстиции, кроме обыкновенных помет думных дьяков на актах приказных и на челобитных, да записей боярских приговоров в сохранившихся записных книгах приказов»[18].

Выводы Н. П. Загоскина об отсутствии в Думе канцелярии и о том, что дьяки были полноправными членами Боярской думы, совпадали, как отметила М. В. Нечкина, с выводами В. О. Ключевского[187]. Отвечая М. Ф. Владимирскому-Буданову, В. О. Ключевский (о чем уже речь шла выше) мотивировал именно выходом книги Н. П. Загоскина свое недостаточное внимание к рассмотрению практической деятельности Думы и системы ее делопроизводства. И он, действительно, ограничился в этой части своей книги, по существу, повторением выводов Н. П. Загоскина. Это совпадение (или заимствование) выводов объясняется, помимо прочего, и тем обстоятельством, что оба исследователя опирались в своих построениях преимущественно на опубликованный документальный материал или же на архивный материал XVII столетия, и то чаще всего его последних десятилетий.

Однако, несмотря на достаточную категоричность приведенных выше утверждений, обнаруживаются и противоречия с ними в других частях обеих книг. Н. П. Загоскин указывает, что в случае обсуждения важного вопроса в Боярской думе «записывался не только протокол, но и самые мнения думных людей», и ссылается на свидетельство об обсуждении боярами в 1566 г. вопроса о Ливонской войне. «Это свидетельство, — констатирует ученый, — дает нам основание предполагать, что в наиболее важных случаях составлялось нечто вроде протокола думных заседаний»[188]. В. О. Ключевский, замечая, что обычной для «вершенного» дела была помета думного дьяка: «...государь, сей докладной выписки слушав, указал и бояре приговорили», все-таки счел необходимым написать и о том, что в памятниках сохранились «некоторые намеки, бессвязные отголоски, доходившие из залы заседаний до людей, доступа в ту залу не имевших»[189], что «совещания думы сопровождались прениями. Эти прения, как узнаем из других известий,

иногда достигали чрезвычайной живости. Сверх чаяния, на заседаниях думы порой нарушалась та спокойная и натянутая чинность, которая господствовала при дворе московских государей. Нередко бывали "встречи", возражения государю со стороны его советников»[190]. В. О. Ключевский обнаруживает «случайные записи некоторых совещаний думы», попавшие в летопись (1541, 1553 гг.) или в позднейший доклад дьяка, («каков, например, был отрывок протокола прений, происходивших на заседании думы в 1679 г.»), но заключает при этом: «Ход обсуждения и решения общих законодательных вопросов не записывался так подробно, как излагались частные местнические тяжбы, которые решала Боярская дума или ее комиссия. Ведение протоколов думских заседаний или "списков государеву сиденью о всяком земском указе" не было постоянным правилом... Записывались только приговоры думы»[191]. Слова о «списках государеву сиденью о всяком земском указе» января 1568 г. — это напоминание об описи Царского архива, где эти списки, хранившиеся «в сафьяном меху», названы среди «дел» ящика 191.

Таким образом, не приводя источниковедчески обоснованных аргументов в пользу мнения об отсутствии делопроизводства и канцелярии собственно Боярской думы в годы правления Ивана Грозного, В. О. Ключевский переносит на Боярскую думу XVI в. сведения, почерпнутые из источников второй половины XVII в., и признает известные ему факты делопроизводства Боярской думы времени Ивана Грозного исключением из правил. Одновременно он пользуется терминами, характеризующими государственный строй XIX в. («государственный совет», «департаменты», «министерства», «статс-секретари», «государственные секретари» и др.), еще более усложняющими представления о «ежедневной практике» Боярской думы XVI в. Особенно заметна нечеткость терминологии В. О. Ключевского при характеристике им данных описи Царского архива для первой половины XVI в.; он, видимо, допускает все-таки существование «канцелярии Думы», когда пишет: «Первоначально приказ казначея служил архивом и канцелярией Думы по иностранным делам, а потом, при осложнении дипломатических сношений, для них образовали особое отделение думской канцелярии»[192].

Суждения об отсутствии канцелярии и делопроизводства у Боярской думы сразу же встретили возражения со стороны едва ли не самого авторитетного в те годы специалиста по документации истории России XVI—XVII вв. — Н. В. Калачова[52*]. Избранный в апреле 1883 г. академиком, он, конечно, не случайно предложил такую тему речи на торжественном собрании Академии наук 29 ноября 1883 г.: «О Боярской думе Московского государства и ее до нас дошедших докладах и приговорах». В «Речи» он прямо полемизирует с В. О. Ключевским. Н. П. Загоскина Калачов не упоминает, и это легко понять, ибо Загоскин был еще сравнительно молодым профессором (он родился в 1851 г. и, следовательно, на де-

[52*] В литературе, посвященной В. О. Ключевскому, этот эпизод как будто обойден. Не упомянута «Речь» Н. В. Калачова и в фундаментальном исследовании М. В. Нечкиной.

сять лет моложе Ключевского), книга его вышла в издании Казанского университета и была явно рассчитана на узкий круг специалистов. Ключевский же стал славой Московского университета, труд его печатался в популярном в среде либеральной интеллигенции журнале «Русская мысль» и за два года был дважды издан отдельной книгой. Причем в «Речи» своей Н. В. Калачов недвусмысленно дал понять, что В. О. Ключевский мало знаком с архивными источниками о Боярской думе, что характеристика практической деятельности Боярской думы должна была бы занять большее место в его книге. Фактически Н. В. Калачов и попытался восполнить этот пробел в образующемся у широкой публики представлении о Боярской думе и показать несостоятельность отдельных положений труда В. О. Ключевского.

Кратко охарактеризовав деятельность Боярской думы, Н. В. Калачов процитировал сочинение Котошихина («А лучитца царю мысль свою о чем объявити, и, оним объявя, приказывает, чтоб они, бояре и думные люди, помысля к тому делу дали способ: и кто из тех бояр поболши и разумнее или кто из менших, и они мысль свою к способу объявляют») и пространно рассказал о порядке обсуждения вопросов в Боярской думе, объяснив, почему так немногосложны думские приговоры[53*].

И наконец, Н. В. Калачов уже впрямую вступил в полемику с В. О. Ключевским: «Если несомненно, что деятельность Боярской думы должна быть громадная, то спрашивается: была ли при ней соответствующая канцелярия, в которой бы не только находились всегда налицо постановленные приговоры, но и рассылались, куда следовало, основанные на них указы, грамоты и другие исполнительные бумаги; да и кроме того, для царских распоряжений имелись ли состоявшие при

[53*] «...Между тем в дошедших до нас протоколах Боярской думы эти мысли и ответы, повидимому, совершенно исчезают... Бывали ли в самом деле в Боярской думе речи, прения и голосования или же, напротив, все шло так гладко, покойно и чинно, как гласят протоколы: царь указал и бояре приговорили. Не было ли по крайней мере прений в тех заседаниях, на которых царь не присутствовал? Но и в подававшихся ему думских протоколах мы опять встречаемся с единогласными решениями собраний. Как, однако, получалось оно, и неужели мнения меньшинства членов пропадали навсегда бесследно, не доходя даже до царя, лишь потому, что ему не случилось быть на заседании? Нет, бывали разные суждения, бывали и прения, и притом прения не только горячие, но и крайне резкие; бывали даже между членами думы столкновения, доходившие до личных оскорблений. Любопытные образцы таких дебатов дошли, однако, до нас не в протоколах думы, а в летописях и сказаниях иностранцев; сохранились еще некоторые протоколы в так называемой "Ответной палате", где разрабатывались предварительно разные вопросы, подлежавшие ближайшему обсуждению думы. Есть, наконец, и дышащие свежестью минуты письменные отзывы, поданные в заседаниях думских чинов с духовными властями или "освященным собором". Но тем не менее протоколы самой Думы не заключают в себе ничего кроме докладов и единогласных приговоров. И это понятно, потому что царский указ или вывод из прений первоприсутствующего мотивировали решение, которое должно было получить силу закона, окончательного распоряжения или безапелляционного судебного приговора». Это не значило, что пропадали иные «разумные» мнения[193].

дворце дьяки и посыльные? Профессор Ключевский, издавший недавно замечательное во многих отношениях исследование "О Боярской думе", говорит, что канцелярии при думе не было, и объясняет это тем, что все доклады по приказам вносились в нее через представителей каждого приказа и что сам приказ рассылал в соответствующие места указы царя и приговоры думы, внося их в то же время у себя в так называемые "записные книги". Но в находящихся у меня под рукою докладах и приговорах, состоявшихся в думе, есть в некоторых пометы о том, что государь повелел оставить приговор у себя "в верху" для памяти. Отсюда видно, что по крайней мере более важные приговоры оставлялись на хранение и для справок в одной из дворцовых палат, а это и была думская дворцовая канцелярия»[54*]. Далее в «Речи» охарактеризованы и «записные книги» приказов, в которые вносились в хронологической последовательности приговоры Боярской думы и опыты сведения их воедино в соответствующие «новоуказные статьи» к Судебнику, а затем и к Соборному Уложению[194].

В конце «Речи» Н. В. Калачов снова акцентировал внимание на обилии думских докладов и приговоров: «...если мое собрание думских приговоров не превышает 2.000 нумеров, то приблизительное количество всех состоявшихся докладов и приговоров, с половины XVI по начало XVIII столетия должно простираться по меньшей мере до 100.000»[195]. Тем самым было показано, что автору недавно вышедшей книги о Боярской думе остались неизвестны эти две тысячи документов (или многие из них). Пока остается только гадать: не пожелал В. О. Ключевский знакомиться с этими документами в МАМЮ или ему отказал в этом директор МАМЮ Н. В. Калачов. Но ясно то, что вывод В. О. Ключевского об отсутствии при Боярской думе канцелярии показался Н. В. Калачову неосновательным и он полагал себя обязанным публично опровергнуть это мнение в высоком ученом собрании.

«Речь» Н. В. Калачова, произнесенная в Петербурге, была напечатана в № 9—10 «Правительственного вестника» за 1884 г., издания малопопулярного в среде ученых, и в виде оттиска небольшого формата (30 страниц). А вскоре после этого, в октябре 1885 г., Н. В. Калачов скончался. И хотя это сочинение Н. В. Калачова названо в составленном Н. П. Загоскиным библиографическом указателе «История русского права», изданном в Казани в 1891 г.[197], в основных трудах по истории государственного права и учреждений оно обычно не фигурирует.

[54*] Ответил Н. В. Калачов и на второй из поставленных им вопросов: «Что же касается до личных распоряжений царя, то известно, что в царском дворце был не только "дворцовый дьяк", но и были и простые "дьяки" и "подьячие", и действительно письмоводство велось при царе обширное, как видно из "росписей", "выходов" и других "записных" дворцовых книг. О том, наконец, что в дворце бывало всегда много разного народа посыльных, т. е. "приказных людей всякого чина", было бы, конечно, излишне доказывать»[196]. Это высказывание допускает мысль, что Н. В. Калачов не во всем согласился и с тезисом В. О. Ключевского, будто Боярская дума «становилась дворцовым советом по недворцовым делам» (заголовок главы VII). Перечисленные им документы относились к сфере дворцового (дворового) обихода царя.

Мнения Н. П. Загоскина и В. О. Ключевского об отсутствии канцелярии у Боярской думы XVI в. были восприняты (прежде всего благодаря все возрастающему научному и общественному авторитету В. О. Ключевского) учеными последующих поколений, и среди них М. А. Дьяконовым[55*] и С. Ф. Платоновым[198]. Правда, М. А. Дьяконов счел необходимым, характеризуя деятельность Боярской думы, даже при всей краткости изложения особо выделить факты обсуждения вопросов в Боярской думе XVI в. (о том, оставаться ли мальчику вел. кн. Ивану в Москве в 1541 г. при угрозе нашествия крымских татар, когда после прений бояре «сошли все на одну речь»[199], и во время переговоров о вечном мире или перемирии с Польско-Литовским государством в 1553 г.)[200]. Даже Н. П. Лихачев, основательно знакомый с документацией Боярской думы, издавший протоколы конца 1680-х годов с подписями присутствовавших думных людей, приведший в своих исследованиях о Разрядных дьяках XVI в.[56*], о приезде Поссевино и в других немало примеров записей в Боярской думе приговоров и царя и думных людей, продолжал поддерживать мысль В. О. Ключевского, утверждая, что протоколы в Боярской думе велись в виде исключения[203].

К настоящему времени существенно обогатились наши представления и о разновидностях документов XVI в., и обо всем корпусе этой документации, и о системе делопроизводства в правительственных учреждениях той эпохи.

Уже ученым XIX в. было ясно, что, хотя и не было строго установлено место для заседаний Боярской думы, думцы заседали обычно в дворцовых помещениях Московского Кремля — «палатах», потому думных людей в XVII в. называли иногда палатными[204]. Особые помещения — здания или шатры — были отведены для заседаний Боярской думы и когда царь находился не в Кремле, когда думцы сопровождали государя в походах и «еэдах». Отсутствие постоянного места заседания Боярской думы отнюдь не обусловливало отсутствия и места постоянного письменного делопроизводства ее и места хранения документации. Такое помещение (или помещения) для письменного делопроизводства называли на языке XVI в. «избой с бояры». О думных дворянах А. Ф. Адашеве и И. М. Вешнякове в разрядах царского похода в Коломну в 1553 г. написано, что они были «стряпчими у царя и великого князя в избе с бояры»[205]. Советников, назначавшихся для переговоров с послами иностранных государей, представляли послам как людей, которые у государя «в избе живут». Этот же смысл имели и выражения «живут у государя с бояры», «живут в думе»[206]. А помещение называлось иногда дьячей избой, так как там постоянно работали дьяки и подьячие. Гонец польского короля в декабре

[55*] М. А. Дьяконов писал: «...точная формулировка (письменная) царской мысли была выше средств думы, при которой не было никакой канцелярии, и происходила в приказах на основании кратких помет на докладах»[201].

[56*] Особенно интересен указ о разрядстве воевод (направленный против местничества во время военных действий) 1550 г., в котором скрепы печатника и думных дьяков внесены в текст[202].

1559 г. «просился... быти в дьячьей избе у Алексея (Адашева. — *С. Ш.*) с товарищи»[207]. Естественно, что там должна была находиться и нужная «чиновникам», работавшим в «избе», документация.

Стало ясно и то, что в XVI в. в России, как и в других государствах такой стадии государственной централизации, была уже достаточно развита «канцелярская служба» и вошла в практику сложная система письменного делопроизводства.

Судебником 1550 г. обязывали ведение протокола — «записки» — при разбирательстве различных дел[208]. Протоколировались заседания ответных комиссий, выделенных для переговоров с иностранными представителями[57*]. Детально записывалось то, что говорили при разбирательстве местнических споров. Обнаружены еще в начале XX в. С. К. Богоявленским обрывки дел о брани между воеводами в 1520-х годах и допроса под пыткой возвратившихся из крымского плена в 1571 г.[209], свидетельствующие о детальной записи слов говорящих, передающей индивидуальные особенности их речи[58*]. Очень интересно в плане изучения уровня развития письменного делопроизводства следственное дело о смерти царевича Димитрия в Угличе в 1591 г., привлекавшее уже не раз внимание исследователей. Послания Ивана Грозного к Курбскому и иностранным государям убеждают в том, что слова царя записывали с достаточной точностью. Эти и многие другие примеры показывают, что, вопреки мнению некоторых ученых, «точная письменная формулировка царской мысли», так же как и мысли тех, кого царь Иван называл в 1573 г. «своими думными людьми нашего порога величества»[210], была во второй половине XVI в. отнюдь не «выше средств» Боярской думы и ее дьяческого аппарата (дьяков и подьячих). В Боярской думе в процессе ее деятельности едва ли не ежедневно могла создаваться и создавалась значительная документация.

Основной массив этой документации, однако, не дошел до нас. И дело, видимо, не только в том, что многие бумаги погибли в дни пожаров и от времени (особенно при несоблюдении правил их хранения). В XVI — начале XVII в. распространен был обычай уничтожения или использования для черновиков других «дел» документов, интерес к которым был уже утрачен. Так, в конце XVI в. намеренно уничтожались за ненадобностью многие дела внутреннего («домашнего») делопроизводства в Посольском приказе после оформления посольских книг[59*],

---

[57*] В некоторых посольских книгах (польских, шведских, крымских, ногайских), причем именно времени, когда посольским дьяком был Андрей Васильев, имеются приговоры Боярской думы с перечнями лиц, бывших у приговора. Это приговоры и важного значения, и обычного порядка. В. И. Савва полагает, что были и другие приговоры, т. е. протоколы сведения о которых не внесены в посольские книги[211].

[58*] От XVII в. дошло уже много подобных документов. Можно отослать хотя бы к изложению, с пространными цитатами из источников, жалоб о бесчестье, возникавших по поводу ссор на Постельном крыльце в Кремле, в книге И. Е. Забелина о домашнем быте русских царей[212].

[59*] Н. П. Лихачев, сравнивая документы, находящиеся в деле о приезде Поссевино, с текстом посольской книги, пришел к выводу, «что большая часть документов, непосредственно послуживших для составления древнейших посольских книг, утрачены, как кажется, не случай-

«Боярские списки» использовались в середине XVI в. в делопроизводственных нуждах обычно не более года[213]. Недолго берегли документы и в воеводских избах городов[60*]. Судьба документов по истории внутренней политики и социально-экономических отношений во многом зависела и от реорганизации управления, даже смены руководства той или иной отраслью правительственной деятельности.

Поэтому малое число дошедших до нас документов XVI в., непосредственно отражающих правительственную деятельность Боярской думы, ее, по выражению В. О. Ключевского, «ежедневную практику», не может служить основанием для утверждения об отсутствии в XVI в. канцелярии Боярской думы и о непосредственной передаче всей документации многосторонней деятельности Боярской думы уже тогда сразу в приказы.

Для последующего времени основное значение сохранял сам «приговор» Боярской думы, его формулировка, а документация, вызывавшая к жизни это решение, видимо, обычно вскоре же уничтожалась. Дольше сохраняли судебно-следственные, местнические дела, описи имущества, не говоря уже о царских жалованных грамотах и документах внешней политики. Такого рода документы и преобладают в описи Царского архива.

Все это поддерживает мысль о том, что Боярская дума была одним из главных фондообразователей Царского архива XVI в.

Примечания

[1] См. об этом: *Нечкина.* Ключевский. С. 229 и сл.
[2] См.: Список трудов В. О. Ключевского // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. VII. № 18.
[3] См.: *Нечкина.* Ключевский. С. 229, 238.
[4] *Владимирский-Буданов.* Новые исследования. С. 108.
[5] *Нечкина.* Ключевский. С. 248.
[6] *Владимирский-Буданов.* Новые исследования. С. 104.
[7] *Ключевский В. О.* Объяснение по поводу одной рецензии // Отзывы и ответы: Третий сб. статей. Пг., 1918. С. 352, 353.
[8] *Нечкина.* Ключевский. С. 191.
[9] *Ключевский В. О.* Третий сборник статей. С. 352.
[10] *Корсаков Д.* Московский Разрядный приказ и книга Н. П. Лихачева о разрядных дьяках XVI века // ЖМНП. 1889. Окт. С. 318.
[11] *Нечкина.* Ключевский. С. 246.

но. По-видимому, составление книги влекло за собою признание бесполезности дальнейшего хранения многих из актов, явившихся первоисточниками»[214].

[60*] Это можно проследить, например, на судьбе документов Арзамасской приказной избы, где уже в 1615 г. чиновники воеводского управления употребляли для черновиков текущего делопроизводства чистые оборотные стороны листов ненужных им документов 1606 г. (сохранивших данные о восстании И. И. Болотникова)[215].

[12] *Шмидт С. О.* В. И. Ленин — читатель В. О. Ключевского // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 361 и сл.
[13] *Шмидт.* В. И. Ленин о государственном строе России. С. 341—342; То же в кн.: Lenin und die Geschichtswissenschalt. Berlin, 1970, S. 207—208.
[14] *Владимирский-Буданов.* Новые исследования. С. 104.
[15] *Нечкина.* Ключевский. С. 191.
[16] Там же. С. 188—189.
[17] *Пиксанов.* Боярская дума. С. 334—335.
[18] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 22—23.
[19] О Н. П. Загоскине см.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период: Библиография. М., 1965. С. 271—272; *Корбут М. К.* Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет: 1804/05—1929/30. Казань, 1930. Т. 1, 2.
[20] *Сухотин Л. М.* Несколько наблюдений о составе боярской думы XVI в. // Сборник Русского археологического общества в Югославии. Белград, 1940. Т. 3. С. 88—100; *Зимин.* Боярская дума; *Alef H.* Aristocratie politics und rojal policy in Muscovy in the late fifteenth and early sixteenth centuries // Forschungen zür osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1980. Bd. 27.
[21] *Нечкина.* Ключевский. С. 184—187.
[22] *Пиксанов.* Боярская дума. С. 356.
[23] *Зимин.* Россия. С. 409.
[24] *Загоскин.* Дума Боярская. С. 40—41; *Ключевский.* Боярская дума. С. 403; *Он же.* Терминология русской истории // *Ключевский В. О.* Соч. М., 1959. Т. 6. С. 184; *Дьяконов.* Очерки. С. 461.
[25] РИО. Т. 35. С. 118—122; Т. 71. С. 89 и др.
[26] См. об этом: *Дьяконов.* Очерки. С. 461 и сл.
[27] *Лотман Ю. М.* К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 125—126.
[28] *Ключевский.* Боярская дума. С. 1.
[29] См.: *Дружинин Н. М.* О периодизации истории капиталистических отношений в России // ВИ. 1951. № 1. С. 68—69; *Шмидт С. О.* Соборы середины XVI в. // ИСССР. 1960. № 4. С. 85; *Скрынников Р. Г.* Самодержавие и опричнина // Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.). Л., 1967. С. 90; *Аврех А. Я.* Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // ИСССР, 1968. № 2. С. 89; *Павлова-Сильванская М. П.* К вопросу об особенностях абсолютизма в России // ИСССР. 1968. № 4. С. 75. См. также: *Черепнин Л. В.* К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.) // Документы советско-итальянской конференции историков, 8—10 апреля 1968 года. М., 1970. С. 17 и др. работы.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 346.
[31] Там же. Т. 1. С. 153.
[32] *Гальперин Г. Б.* Форма правления Русского централизованного государства XV—XVI вв. Л., 1964. С. 54; Очерки культуры. Ч. 2. С. 6 (автор очерка «Государственный строй, право и суд» — А. К. Леонтьев); *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 24.
[33] История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1975. С. 191.
[34] *Толстая Т. В.* Успенский собор Московского Кремля. М., 1979. С. 34 (указана литература).
[35] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1909. С. 158.
[36] *Тихомиров.* Летописание. С. 172.
[37] ПРП. Вып. 4. С. 12 (Предисл. Л. В. Черепнина).
[38] *Шмидт.* Адашев. С. 52—53; *Он же.* Дьячество; *Он же.* Становление. С. 247—248.
[39] Судебники. С. 337.

[40] *Смирнов И. И.* Судебник 1550 г. // ИЗ. М., 1947. Т. 24. С. 352; *Он же.* Очерки. С. 398.
[41] *Загоскин.* Дума Боярская. С. 99.
[42] *Шмидт С. О.* Местничество и абсолютизм (постановка вопроса) // Абсолютизм; *Он же.* Становление. С. 262—307.
[43] РЯ XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 101, 102.
[44] *Зимин.* Опричнина. С. 364 и сл.
[45] Очерки истории СССР, конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 117 (автор очерка, помещенного на указ. стр., — А. В. Чернов); *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 34 и сл.
[46] *Флетчер.* С. 25—26; *Середонин.* Флетчер. С. 215.
[47] РИО. Т. 38. С. 112.
[48] *Флетчер.* С. 26, 37, 39, 43; *Середонин.* Флетчер. С. 271, 276.
[49] РИО. Т. 129. С. 32; Т. 38. С. 81.
[50] *Ключевский.* Боярская дума. С. 498.
[51] *Шмидт.* Челобитенный приказ.
[52] *Загоскин.* Дума Боярская. С. 75—76; *Ключевский.* Боярская дума. Гл. 16. С. 252—253, 311 и сл.; *Дьяконов.* Очерки. С. 288; *Полосин.* Очерки. С. 141—142; Очерки культуры. Ч. 2. С. 9.
[53] *Котошихин.* С. 31; О сочинении Котошихина см.: *Тихомиров.* Российское государство. С. 351.
[54] *Ключевский.* Боярская дума. С. 324, 319.
[55] РИО. Т. 59. С. 468—469.
[56] ПДС. Ч. 1. Стб. 483, 501.
[57] РИО. Т. 38. С. 85; *Середонин.* Флетчер. С. 220.
[58] Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // ЧОИДР. 1912. Кн. 2, смесь. С. 26—33 / Под. к печати С. К. Богоявленский.
[59] ПДС. Ч. 2. Стб. 351.
[60] РИО. Т. 59. С. 468—469.
[61] РИО. Т. 35. С. 262.
[62] РГАДА. Ф. 79. Кн. 15. Л. 332 об. — 333.
[63] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 212—216; см. также: *Белокуров.* Посольский приказ. С. 13—14.
[64] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. СПб., 1908. Т. 2. С. 515; *Малинин Ю. П.* Мораль и политика во Франции во второй половине XV в. (Филипп де Коммин) // Политические деятели античности, Средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 58.
[65] *Ключевский.* Боярская дума. Гл. 16; *Платонов С. Ф.* Боярская дума — предшественница Сената // *Платонов.* Статьи. С. 456 и сл.
[66] *Середонин.* Флетчер. С. 222—224; *Пиксанов.* Боярская дума; *Дьяконов.* Очерки. С. 461; *Гальперин Г. Б.* Сословная монархия феодальной России в буржуазной историографии периода империализма // Вестн. ЛГУ. 1966. № 11. Серия экономики, философии и права. Вып. 2; *Он же.* Формы правления Русского централизованного государства XV—XVI вв. Л., 1964.
[67] *Щербачев Ю.* Два посольства при Иване IV в Данию // Русский вестник. 1887, июль. С. 116.
[68] *Бахрушин С. В.* «Избранная рада» Ивана Грозного // *Бахрушин.* Труды. Т. 2; см. также: *Grobovsky A. N.* The «Chosen Council» of Ivan IV: A Reinterpretation. N. Y., 1969.
[69] О Сильвестре см.: *Курукин.* Сильвестр; об Адашеве см.: *Шмидт.* Адашев; *Он же.* Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения: Политика. Дипломатия XVI—XX вв. М., 1964.
[70] Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 10. Примеч. 9; РИБ. Т. 31. Стб. 11—12. Примеч. 4; *Загоскин.* Дума Боярская. С. 31.

[71] *Щербачев.* Копенгагенские акты. Вып. 1. Кн. 4. С. 297, 310 («К делу Ганса Шлитте»). О миссии Шлитте см.: *Winter E.* Rußland und Papstum. Berlin, 1960. Teil 1. S. 208—210; *Греков И. Б.* Очерки по истории между народных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963. С. 299 и сл.
[72] РНБ ОР. Эрмитаж, собр. № 390. Л. 576—576 об., 578, 580 об.; ДРК. С. 181 (1556 г.).
[73] *Калачов.* О Боярской думе. С. 6—7.
[74] АЮБ. Т. 1. С. 232—233.
[75] *Ключевский.* Боярская дума. С. 449.
[76] ПСРЛ. Т. 6. С. 271. О летописных известиях о кончине Василия III см.: *Морозов С. А.* Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика.
[77] *Шмидт.* Земская реформа; *Он же.* Становление. С. 258—259 и *др.*
[78] *Карамзин.* История. Т. 10. Примеч. 273; *Смирнов И. И.* Очерки. С. 398.
[79] См. об этом: *Шмидт.* Становление (очерк «Становление "земских соборов"»); *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978 (очерки второй и третий); *Donnert.* Iwan Grosny, S. 96 и сл.
[80] *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века // ВИ. 1958. № 5. С. 9. Переиздано в кн.: *Тихомиров.* Российское государство. С. 51.
[81] *Шмидт.* Заметки. С. 257—259.
[82] *Смирнов И. И.* Судебник 1550 г. // ИЗ. Т. 24. С. 350; *Он же.* Очерки. С. 397.
[83] АИ. Т. 1. № 154; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1907. С. 167; Судебники. С. 336—337; *Шмидт.* Челобитенный приказ. С. 457—458.
[84] См. о характеристике Российского государства Герберштейном: *Пресняков.* Московское царство. С. 44.
[85] ГБЛ ОР. Муз. 620. Л. 110 об. — 111.
[86] РИО. Т. 71. С. 289; *Лурье Я. С.* О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 277.
[87] РИО. Т. 129. С. 132, 130.
[88] РИО. Т. 71. С. 677.
[89] Статейный список Константина Скобельцына (1573—1574 гг.) // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 313.
[90] РИО. Т. 38. С. 168.
[91] РИО. Т. 71. С. 688.
[92] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 103.
[93] *Поссевино.* С. 25.
[94] РИО. Т. 71. С. 89.
[95] *Ключевский.* Боярская дума. С. 464—465.
[96] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 108.
[97] *Гейман В. Г.* Новая попытка исследования вопроса о Боярской думе // РИЖ. Пг., 1921. Кн. 7. С. 173—174; см. также: *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 100—101.
[98] Судебники. С. 142.
[99] ПСРЛ. Т. 13. С. 395; см. соображения в кн.: *Дьяконов.* Очерки. С. 477—478.
[100] *Середонин.* Флетчер. С. 226.
[101] *Веселовский С. В.* Две заметки о Боярской думе // Сб. Платонову. С. 299.
[102] Очерки истории СССР, конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 322. (Автор очерка, помещенного на указ. стр., — А. В. Чернов.)
[103] РИС. М., 1838. Т. 2. С. 96.
[104] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 191—200; *Он же.* Заметки о Боярской думе в XVI в. // Сб. Любавскому.
[105] РИО. Т. 59. С. 397—398.
[106] ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 100.

[107] ПСРЛ. Т. 34. С. 191; Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР: Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955. Вып. 2. С. 162. Примеч. 77. Примеч. публикатора текста О. А. Яковлевой; см. также: *Шмидт.* Адашев. С. 41.

[108] *Соловьев.* История России. Кн. 3. С. 453—454; *Ключевский.* Боярская дума. С. 259; *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1. С. 432; *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 168.

[109] *Лихачев Н. П.* Думное дворянство в Боярской думе XVI в. СПб., 1896; *Дьяконов.* Очерки. С. 290.

[110] Судебники. С. 334—337.

[111] РИО. Т. 53. С. 40 (1519 г.); АЗР. Т. 2. С. 252 (1534 г.); РИО. Т. 59. С. 301 (1549 г.) и т. д.

[112] ПСРЛ. Т. 13. С. 431.

[113] РИО. Т. 71. С. 666.

[114] ПСРЛ. Т. 13. С. 523.

[115] *Лихачев Н. П.* Думное дворянство в Боярской думе XVI в.

[116] РИО. Т. 59. С. 301.

[117] РИО. Т. 71. С. 666; Т. 129. С. 216.

[118] РИС. Т. 2. С. 38, 65.

[119] *Загоскин.* Дума Боярская. С. 36, 40, 44 и сл.; *Ключевский.* Боярская дума. С. 263 и сл.

[120] ТКТД. С. 111—117.

[121] *Ключевский.* Боярская дума. С. 409; *Забелин.* Заметка. С. 247.

[122] *Лихачев Н. П.* Приезд Поссевина. С. 107; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 103. Примеч. 1.

[123] *Чернов А. В.* О зарождении приказного управления в процессе образования Русского централизованного государства // ТМГИАИ. М., 1965. Т. 19. С. 281.

[124] *Скрынников.* Опричный террор. С. 245.

[125] *Флетчер.* С. 40, 27; *Середонин.* Флетчер. С. 230—233.

[126] Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559—1560 гг. / Подг. к печати Ю. К. Мадиссон // ИА. 1957. № 6. С. 138.

[127] *Флетчер.* С. 26—29.

[128] ПСРЛ. Т. 34. С. 30.

[129] *Шмидт* С. О. Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. // ПИ. М., 1956. Вып. 5. С. 278—279; *Он же.* Становление. С. 62.

[130] РИО. Т. 59. С. 301.

[131] ПСРЛ. Т. 13. С. 524; См. также: ПИГ. С. 15, 16 и др.; ПГК. С. 16, 17 и др.

[132] ПСРЛ. Т. 34. С. 181—182.

[133] *Ключевский.* Боярская дума. С. 461—462; Очерки культуры. Ч. 2. С. 7.

[134] ДРК. С. 234; РК. С. 199; *Платонов.* Статьи. С. 461.

[135] *Мельников Ю. Н.* Местничество и политическая борьба в России в 80-х годах XVI в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979.

[136] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 176—178.

[137] ЛЮБ. Т. 1. № 52; *Ключевский.* Боярская дума. С. 461.

[138] РНБ ОР. Погодин. собр. № 1564. Л. 41—41 об.; *Каштанов.* Дипломатика. С. 437—438.

[139] *Fleischhacker H.* Die staats- und völkerrechtlichen Grundlagen der Moskauischen Außenpolitik (14—17. Jahrhundert). Darmstadt, 1959. S. 46—86.

[140] РГАДА. Ф. 123 (Дела Крымские). Кн. 10. Л. 95 об.

[141] *Гейман В. Г.* Новая попытка исследования вопроса о Боярской думе // РИЖ. Кн. 7. С. 167, 168.

[142] РИО. Т. 71. С. 377.

[143] *Юзефович Л. А.* Русский посольский обычай XVI века // ВИ. 1977. № 8. С. 119.

[144] РИО. Т. 71. С. 713.
[145] *Савва*. Посольский приказ. Вып. 1. С. 267.
[146] ПСРЛ. Т. 13. С. 322.
[147] *Белокуров*. Посольский приказ. С. 12.
[148] *Ванёнис*. Посольская служба. С. 8—9.
[149] АИ. Т. 1. № 154.
[150] Там же. № 157 (грамота 1551 г.).
[151] *Зимин А. А.* О сложении приказной системы на Руси // ДИСИИ. Вып. 3. С. 168; *Он же*. Реформы. С. 330.
[152] *Загоскин*. Дума Боярская. С. 76 и сл.
[153] *Платонов*. Статьи. С. 493—494.
[154] *Флетчер*. С. 39.
[155] *Ключевский*. Боярская дума. Гл. 21.
[156] *Веселовский*. Дьяки. С. 560.
[157] *Белокуров*. Посольский приказ. С. 31—32.
[158] Судебники. С. 141.
[159] ПСРЛ. Т. 13. С. 237—238.
[160] *Маркевич*. Местничество. С. 230—239; *Зимин А. А.* Государственный архив и учреждение опричнины // Общество и государство. С. 299—304.
[161] СГГД. Т. 1. № 166, 176, 179, 181, 191.
[162] ДДГ. Прил. 2. Л. 49 об. и след; ОАПП. Ч. 1. С. 59 и сл.
[163] ДДГ. № 102; Прил. 2. Л. 59—60; ОАПП. Ч. 1. С. 65.
[164] СГГД. Т. 1. № 170, 171; ДДГ, Прил. 2. Л. 52—52 об.; ОАПП. Ч. 1. С. 61.
[165] О Я. Шишкине см.: *Клибанов А. И., Корецкий В. И.* Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17.
[166] ПСРЛ. Т. 5. С. 293.
[167] *Самоквасов*. Архивный материал. Т. 2. С. 376, 384, 386, 387.
[168] *Гальцов*. Архив Посольского приказа. С. 35.
[169] *Садиков*. Очерки. С. 85.
[170] ОАПП. Ч. 1. С. 65.
[171] *Зимин*. Архив. С. 309.
[172] *Голубцов*. Опись. Л. 27.
[173] *Вернер*. Приказы. С. 64.
[174] *Ключевский*. Боярская дума. С. 3.
[175] См.: *Нечкина*. Ключевский. С. 234.
[176] Там же. С. 174.
[177] *Маяковский И. Л.* Н. В. Калачов как историк-архивист (Из истории русского архивоведения, 1860-е — 1880-е гг.) // ТМГИАИ. М., 1948. Т. 4. С. 175.
[178] *Ключевский*. Боярская дума. С. 160.
[179] Там же. С. 409, 411.
[180] Там же. С. 421.
[181] *Загоскин*. Дума Боярская. С. 116.
[182] Русская старина. 1885. Дек. С. 647.
[183] *Загоскин*. Дума Боярская. С. 89.
[184] Там же. С. 113—114.
[185] Там же. С. 116—117.
[186] Там же. С. 106.
[187] *Нечкина*. Ключевский. С. 190.
[188] *Загоскин*. Дума Боярская. С. 108.
[189] *Ключевский*. Боярская дума. С. 412.
[190] Там же. С. 414.

[191] Там же. С. 413, 417, 420.
[192] Там же. С. 161.
[193] *Калачов.* О Боярской думе. С. 8, 9—11.
[194] Там же. С. 24—26.
[195] Там же. С. 29.
[196] Там же. С. 12—13.
[197] *Загоскин Н. П.* Наука истории русского права. Ее вспомогательные знания, источники и литература. Казань, 1891. С. 316 (№ 2876).
[198] *Платонов.* Статьи. С. 489 («Боярская дума — предшественница Сената»).
[199] ПСРЛ. Т. 13. С. 435.
[200] *Дьяконов.* Очерки. С. 470, 473.
[201] Там же. С. 464.
[202] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 235—236.
[203] *Лихачев Н.* К вопросу о подписях думных людей на постановлениях Боярской думы // ЛЗАК. СПб., 1907. Вып. 17. С. 50.
[204] *Загоскин.* Дума Боярская. С. 86 и сл.; *Ключевский.* С. 403.
[205] ДРК. С. 161; РК. С. 141.
[206] *Шмидт.* Адашев. С. 40.
[207] ПСРЛ. Т. 13. С. 322.
[208] Судебники. С. 201.
[209] Брань князя Василия Микулинского с Иваном Рудным с Колычевым // ЧОИДР. 1910. Кн. 4. Смесь. С. 18—20; Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. Смесь. С. 26—33.
[210] ПИГ. С. 145 (Послание Ивана IV королю шведскому Иоанну).
[211] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 207.
[212] *Забелин.* Домашний быт. Ч. 1. С. 325 и сл.
[213] *Лихачев Н. П.* Приезд Поссевина. С. 48—50; *Шеламанова.* Состав документов. С. 54—55.
[214] *Корецкий В. И.* К истории восстания И. И. Болотникова. // ИА. 1956. № 2. С. 126; *Шмидт С. О.* Неизвестные документы XVI в. // ИА. 1961. № 4. С. 149.
[215] *Станиславский А. Л.* Источники для изучения состава и структуры Государева двора последней четверти XVI — начала XVII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 4—6; *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Боярские списки конца XVI — начала XVII века как исторический источник // СА. 1973. № 2. С. 91, 93; см. также: *Станиславский А. Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 130—131; *Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в // Общество и государство. С. 44.

Царский архив и Постельная казна

Больше всего в Описи помет о поступлении документов Царского архива к государю (в «государеву» казну). К Ивану Грозному поступали документы различного характера: и современные, и давних лет. Многие из таких документов названы были уже А. Н. Ясинским. Эти данные используются при изучении вопросов истории внутренней политики (особенно взаимоотношений царя Ивана с князьями Старицкими, с княжеско-боярской знатью), внешней политики (прежде всего истории отношений с государствами, соседствующими с Российским), истории официального летописания (в частности, редактирования лицевой летописи). Попытку выяснить поводы особого внимания Ивана Грозного к тем или иным документам и именно в определенное время предпринял, комментируя текст описи Царского архива, А. А. Зимин[1*]. Однако остается еще немало неясного.

Тема «Личный архив Ивана Грозного» неотделима ни от изучения общественно-государственной деятельности и литературного творчества царя, ни от изучения многообразнейших явлений государственно-политической жизни и общественного сознания той эпохи, но это — тема специального исследования, выходящего за рамки данной книги. Пока же можно ограничиться наблюдениями, относящимися преимущественно к истории Царского архива и составления его описей.

В Описи зафиксированы даты поступления к Ивану Грозному документов Царского архива (ящиков с документами, групп документов, отдельных документов) на протяжении не менее десяти лет: в 1562 г. в апреле (ящик 179); в 1563 г.

[1*] А. А. Зимин составил хронологический ряд датированных помет[1] о передаче документов Царского архива государю, а также в «Посольную полату», «в Ызбу», «в Слободу» (ящики 18, 73, 188). Но там некоторые пометы о передаче документов государю оказались опущенными (к описанию ящиков 158, 191, 231/П); неправильно передана дата пометы ящика 31 (7078 г. вместо 7077). Дата пометы при описании ящика 36 (2 ноября 7077, т. е. 1568 г.) относится не ко времени передачи документов государю, а ко времени их обнаружения у государя после пожара.

Неудобством этого хронологического ряда является то, что годы приведены по хронологии от так называемого Сотворения мира и по сентябрьскому стилю (согласно которому новый год начинался с первого сентября) — тем самым события первых восьми месяцев последующего года указаны ранее событий последних четырех месяцев предыдущего года, что нарушает привычные для нас представления о хронологической последовательности событий.

26 мая (ящик 178) и 20 июля (ящик 174); в 1564 г. 3 сентября (ящик 154) и 17 октября (ящик 181); особенно много документов в августе 1566 г.: 3 августа (ящик 187), 4 августа (ящик 17), 6 августа (ящик 39), 7 августа (ящики 26, 27, 35, 43, 44, 47, 59), 8 августа (ящики 54, 73, 74), 13 августа (ящики 163, 171, 181, 183, 184, 187), 14 августа (ящик 150), без указания числа этого месяца (ящики 42, 59/II, 63, 85, 138, 152, 158, 208, 214); в 1568 г. в августе (ящик 224); в 1569 г. 27 января (ящик 31) и в ноябре (ящик 191); в 1570 г. в мае (ящик 218 — «куран»), в июне (ящик 221), 12 июля (ящик 231/II), 24 июля (ящики 19, 204, 205), без указания числа этого месяца (ящик 168), в августе (ящик 26). Последнее поступление к государю — ящик 155 («А в нем печать большая»). Оно датировано пометой 1574/75 г.: «Взят ко государю в 83-м году». Так воспроизведена дата в изданиях Описи в ААЭ и в ОЦА. А. А. Зимин полагает, что это — описка писца и следует читать: «в 80-м году»[2] (т. е. в 1571/72 г.).

Кроме того, имеются указания о выдаче документов к государю без точной даты. Документы из ящиков 1, 3, 7, 8, 10 выданы были, по-видимому, прежде 1562 г., так как эти пометы перенесены из старой описи, составленной И. М. Висковатым («по Ивановым книгам»). При описании ящика 187 имеется одно указание на выдачу документа 13 августа и два указания на выдачу документов 14 августа. Эти документы, вероятно, поступили к государю вместе со многими другими в 1566 г. Крымские посольские книги из ящика 36 поступили к Ивану IV раньше 2 ноября 1568 г., так как этого числа «сказал государь, что те книги сыскал у себя». О времени выдачи документов из ящиков 114, 156 и 217 (из этого ящика — три документа) помет не имеется.

Пометы Описи сохранили сведения о том, что Иван Грозный несколько раз пересматривал документы Царского архива: 17 октября 1564 г. (ящик 181) и, особенно внимательно, семь дней в первой половине августа 1566 г. — 3, 4, 6, 7, 8, 13, 14 числа, когда, «пересмотрив» ящики (ящик 43), часть документов, в том числе некоторые ящики целиком, «выбрал» (ящик 17) для себя. В таких случаях в Описи делали помету: «взял государь к себе» (ящики 17, 27, 35, 39, 42, 43, 44, 47, 54, 59, 63, 73, 74, 85, 138, 150, 152, 156, 158, 163, 171, 181, 183, 184, 187, 208, 214, без номера). В тех же случаях, когда документы для государя подбирали другие лица, в Описи, видимо, делали пометы: «взяты (или «взято», «взята») ко государю» (ящики 10, 26, 31, 36[2*], 114, 155, 174, 179, 217, 221), «отдан к государю» (ящик 217), «у государя» (ящики 1, 3, 7, 8, 191, 204, 208, 225).

Наконец, о трех документах указано, что их «дал государь». 15 февраля 1562 г. Иван IV, как упоминалось выше, «дал» с Казенного двора купчую (ящик 186). «Дал» Иван IV в Царский архив и «грамоту к Вишневетцкому из

[2*] И. А. Голубцов полагал, что переписанная помета у ящика 36 объединяет две пометы разновременного происхождения: о том, что к государю были взяты документы и что эти документы обнаружены в ноябре 1568 г.[7]

Литвы от его человека» (ящик 188). Эта грамота могла быть послана в 1557—1562 гг., когда знаменитый кондотьер князь Дмитрий Иванович Вишневецкий[3] находился на службе у русского царя. Возможно, что грамоту отправили в связи с попыткой этого магната снова перейти на службу польскому королю. Тогда грамоту следует относить примерно к 1561 или к 1562 г. По официальной летописи, Вишневецкий царю «изменил, отъехал... к польскому королю» летом 1562 г.[4] Иван Грозный был глубоко задет этим. В наказе-«памяти» гонцу к польскому королю (июль 1563 г.) вменялось на вопрос об отъезде Вишневецкого «молвити: притек Вишневецкой ко государю нашему, как собака, и потек от государя нашего, как собака же, и государю нашему и земле убытка никакова не учинил». Сходная формулировка в наказе посланнику к королю (сентябрь 1565 г.) об отъезде Курбского — на вопрос о Курбском велено было отвечать: «...Курбской государю изменил, собакою потек, собатцки и пропадет»[5]. Слово «собака» прочно связывается в сознании и языке Ивана Грозного с понятием об измене[3*].

«Прислал» Иван Грозный и «грамоту» князя Дмитрия Ивановича Курлятева — одного из руководителей «Избранной рады»[6]: «а писал князь Дмитрей, что поехал не тою дорогою» (коробочка 187). Грамота была написана до 7071 г. (1562—1563 гг.) — времени насильственного пострижения Курлятева в монахи. В архив грамота прислана до августа 1566 г., так как в августе она снова была «взята ко государю».

Р. Г. Скрынников отметил, что эта оправдательная грамота смоленского воеводы имела в глазах царя, помимо видимого содержания, еще какой-то особый смысл и что рядом с ней в ящике находился «списочек воевод смоленских, в котором году сколько с ними было людей». По мнению исследователя, опальный боярин «предпринял попытку уйти за рубеж в Литву, но был задержан и оправдался тем, что заблудился. То обстоятельство, что он "заблудился" со своим двором и вооруженной свитой, вызвало особое подозрение у правительства и служило уликой против опального. Недаром царь приложил к "делу" Курлятева список смоленских воевод, "в котором году сколько с ними было людей", и велел хранить его вместе с отпиской боярина»[10]. Правда, в Описи нет прямых указаний на то, что и «списочек воевод» был дан в архив царем, но предположение Р. Г. Скрынникова кажется вполне вероятным[4*].

Пострижение Курлятева, ссылаясь на официальную летопись, обычно датируют октябрем 1562 г. и связывают с опалой виднейших удельных князей

[3*] Слово «собака» в значении «изменник» перешло в литературу из устного эпоса[8], дожило до наших дней («собаке — собачья смерть») и отмечено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля[9]. В то же время в словаре древнерусского языка И. И. Срезневского слово «собака» в таком переносном смысле не встречается. Возможно, что распространение его в подобном значении в литературе и в делопроизводстве связано с Иваном Грозным, воздействие языка которого на язык посольских книг несомненно.

[4*] А. А. Зимин не соглашается с этим мнением и считает, что «какая-то служебная провинность Курлятева была только предлогом его опалы»[12].

Ив. Дм. Бельского, братьев Воротынских, а также боярина Мих. Як. Морозова и родственников А. Ф. Адашева[11].

Р. Г. Скрынников полагает, что летописное известие о времени пострижения Курлятева неточно и «видимо, судьба Курлятева была окончательно решена после совещания царя с Макарием в Троице весной—летом 1563 года»; при этом исследователь ссылается на опись архива Посольского приказа 1626 г.: там упомянут «столпик, а в нем государева грамота от Троицы из Сергиева монастыря к Москве, к дияку Ондрею Васильеву; да другая — ко князю Дмитрею Хворостинину да к дияку к Ивану Дубенскому, писана о князе Дмитрее Курлятеве, как велено ево вести в монастырь к Спасу на Волок[5*] ...лета 7071-го году»[13]. Р. Г. Скрынников установил, что, по летописным данным, царь в 7071 г., (а он начался в сентябре 1562 г.) был в Троице-Сергиеве монастыре не ранее 26 мая 1563 г.[14] Однако он оставил без внимания то обстоятельство, что в летописи и в архивной описи 1626 г. названы разные монастыри и опись 1626 г. свидетельствует скорее не о дате пострижения Курлятева, а о переводе его в другой монастырь (это отмечает и А. А. Зимин) для более строгого заточения[6*]. Первоначально же «за великие изменные дела» Курлятева и его сына Ивана велено было постричь в черницы «и отослать на Коневец в монастырь под начало»[16].

Коневский (или Коневецкий) Рождественский монастырь находился на острове Коневец на Ладожском озере. Отдаленность монастыря от столицы и соответственно известная независимость ссыльных и монастырских властей от правительства допускали возможность — реальную или только кажущуюся царю — облегчения участи осужденных[7*]. Кроме того, местонахождение монастыря недалеко от западной границы государства могло вызвать опасения, что Курлятев снова предпримет попытку бегства, тем более что насильственное пострижение целой семьи казалось «неслыханным беззаконием». Употребивший это выражение Курбский писал, что Курлятевых постригали «плачющих, вопиющих»[17]. Жену и доче-

[5*] Возможно, что в грамоте говорится о местности близ Иосифо-Волоколамского Успенского монастыря, известного как место заточения особенно опасных для правительства государственных деятелей и «еретиков» (в XVI в. там были узниками Вассиан Патрикеев-Косой, Максим Грек и его сотрудники Михаил Медоварцев и старец Сильван, митрополит Даниил, сведенный с престола в 1539 г., Матвей Башкин, в начале XVII в. низложенный царь Василий IV Иванович Шуйский). Это мог быть и Спасо-Каменный монастырь близ Кубенского озера, куда в 1563 г. заточили полоцкого архиепископа Арсения Шишку, плененного при взятии Полоцка русскими войсками[15].

[6*] Это важный показатель и того, что преследование Иваном IV деятелей «Избранной рады» имело несколько этапов: А. Ф. Адашева сначала оставили в ссылке воеводой в Феллине, М. Я. Морозову и А. М. Курбскому вначале тоже дали не соответствовавшие их недавнему положению служебные назначения.

[7*] Вспомним примеры из Послания Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г. или о поблажках уже в начале XVII в. Федору Никитичу Романову, постриженному под именем Филарета, со стороны настоятеля Антониева-Сийского монастыря Ионы.

рей Курлятева тоже постригли[8*] в Оболенске (там были вотчины Курлятева)[18], «а постригши», их велено было вести в Каргополь в Челмский монастырь (Челмогорскую пустынь)[19].

Любопытно, что в Царском архиве находились и духовная Д. И. Курлятева (ящик 215), и «отписки» о ссылке Д. И. Курлятева и его семьи в монастыри (ящик 214). Среди отписок (ящик 214) «о князе Дмитрее Курлятеве» мог быть как раз и «столпик... как велено ево (Курлятева. — *С. Ш.*) вести в монастырь» (в 1626 г. хранившийся уже в архиве Посольского приказа). Там же были отписки «и о княгине и о дочерех его в Каргополе, в Челмъской монастырь», о которых в описи 1626 г. написано глухо: «...да тут ж ссылка трех стариц в Каргополь, и что им давати корму: роспался весь»[21].

Пометы о поступлении документов Царского архива к государю (так же как и в Царский архив от государя) подразумевают личную казну государя, часто обозначаемую как государева казна. Это разъяснено в помете при описании ящика 179: «взяты ко государю в казну». Впрочем, терминология во второй половине XVI в. была еще неустойчивой и нечеткой. Государевой казной, как уже отмечалось, называли иногда и государственную казну (т. е. Царскую казну), которой ведали казначеи.

Личная казна государя иначе называлась Постельной казной. Постельная казна находилась под началом постельничего и помещалась в Постельной полате, в верхнем этаже царского дворца. Постельничие — ближние слуги государя[22]. Они ведали не только Постельной казной, но и изготовлением платья и белья государя, его гардеробом, предметами обихода царской семьи[9*], обслуживанием дворца, даже, видимо, обеспечением церковных служб в царских покоях[10*]. Они спали и дежурили в комнатах царя, с помощью спальников и стряпчих «убирали» (т. е. одевали и раздевали) государя.

[8*] С. Б. Веселовский замечает, что «в деле Курлятевых обращает на себя внимание то, что мы можем нередко наблюдать в опалах царя Ивана, это — тесное переплетение политических мотивов опалы с личными счетами царя», и приводит соответствующие цитаты из Первого послания Ивана IV Курбскому[20].

[9*] Об этой стороне деятельности Адашева (бывшего постельничим) и Избранной рады с раздражением вспоминал царь Иван в Первом послании Курбскому: «И тако убо ниже во внешних, ниже во внутренних, ниже в малейших и художейших, *до обуща и спания*, вся не по своей воле бяху, но по их хотению творяхуся; нам же аки младенцам пребывающим». В другой редакции: «...ниже в малейших и худейших, глаголю же *до пища и до спания*...»[24] (курсив мой. — *С. Ш.*).

[10*] В составе Постельного приказа в 1573 г. было (по подсчетам Д. Н. Альшица) 188 слуг. Это: «истобники» («комнатные», «мовные», «постелные», «столовые»), сторожа («комнатные», «постелные», «царевичевы», «у водок» «столовые»), плотники, чемоданник, кузнец, «столечники», портные, колпачники, чеботники, строчники, скорняки, стригальник, пугвичник, гвоздочник, рожечники, епанечник, «крестовые дияки», «дияки певчие» (пять «станиц» и «безстаничные»)[25].

Официальная летопись, описывая пожар 1547 г., различает «царский двор с царской казной» и «постельную полату» с «казною»[23]. Там царь совещался с Ближней думой, там же разбирали местнические дела и домашним судом царя, т. е. с участием постельничего, — многочисленные дела о «бесчестьи» («матерной лае» и прочем) в покоях государя и на Постельном крыльце[26]. В Постельной полате царь иногда принимал иноземных гонцов, например крымских в ноябре 1568 г.[27]

Различие «царской казны» и «Постельной казны» было в основном количественным, а не качественным. Это можно проследить по духовной грамоте Ивана III: «А опричь того, что ни есть *моей казны* у моего казначея у Дмитреа у Володимерова, и у моих дьяков, и у моего дьяка у Семена у Башенина, лалов, и яхонтов, и иного каменья, и жемчюгу, и саженья всякого, и поясов, и чепеи золотых, и судов золотых, и серебряных, и каменых, и золота, и серебра, и соболей, и шолковые рухляди, и иные всякие рухляди, что ни есть, так ж и в *моей казне в постелнои*, что ни есть, икон и крестов золотых, и золота, и серебра, и платья и иные рухляди...»[28] (курсив мой. — *С. Ш.*).

Подробное представление о Постельной казне дает «Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов» (т. е. 1581—1583 гг.)[29]. Состав казны[11*] достаточно четко отражен в заголовке, данном описанию казны царевича Ивана, отобранной на государя: «Казна царевича Ивана Ивановича, из крестов, из икон, из образов и из книг, из платья, сосудов золотых и серебряных, что отобрал государь на себя».

Особенно важно указание на то, что в Постельной казне хранились рукописные и печатные книги. В описи 1581—1583 гг. упомянуты: «Травник», «Треодь постная», «Треодь цветная» и «Потребник». Имеется даже особый раздел, названный «Книги Государевой постельной казны». Там перечислены: «Книга стихараль на бумаге», «Книга летописец, писан скорописью», «Книга немецкая на бумаге, знамение травник»[12*] и шесть «Евангелиев». Это описание кончается пометкой, сделанной рукой дьяка: «Других книг нет, не выписаны, потому что старые книги у Государя...». После этих слов следует текст, не имеющий никакого отношения к предыдущему. Н. П. Лихачев полагает[13*], что листы рукописи были перебиты и далее следовало окончание фразы «...згорели, как постельных хором верх горел»[30].

Именно такую помету находим в описи Царского архива после описания ящика 36 с крымскими посольскими книгами: «Книги Менли-Гиреевы взяты ко госу-

---

[11*] Среди этого имущества много подношений от монастырей, светских и духовных лиц. (Изучение их имен, времени и обстоятельств подобных подношений могло бы стать темой специального исследования.)

[12*] «Врачебники»[31] тогда вызывали немалый интерес в окружении Ивана IV. Штаден вспоминает, как он «постоянно бывал у первого боярина» Ив. Петр. Федорова (Челяднина) и для него помогал одному поляку переводить на русский язык немецкий Травник («Herbarium»): «к этому у него была большая охота и любовь» («denn darzu hatte er grossen lust und libete sie sehre»)[32].

[13*] С. А. Белокуров оспаривает это мнение, предлагая иное прочтение[33].

дарю и сгибли, как Постельных хором верх горел». А далее добавлено уточнение, особенно важное для датировки пожара: «77-го ноября 2 сказал государь, что те книги сыскал у себя». В XVI в. известны два «великих» пожара, когда пострадал царский дворец: в июне 1547 г. и в 1571 г. В момент составления «книг» Висковатым документы эти находились в Царском архиве, следовательно, они не пострадали от пожара 1547 г., а в 1568 г. Иван IV уже обнаружил их в Постельной казне. Значит, в Описи упоминается еще какой-то пожар. Это, вероятно, пожар 25 апреля 1562 г., когда, по летописному известию, «загореся чердак на цареве и великого князя постелных хоромех от каменныя трубы, и... плотники многие и огнь угасили»[34]. «Постелных хором верх» Описи, видимо, и означает «чердак» Постельных хором летописи. В начале 1560-х годов произошло обострение русско-крымских отношений, и в наказе Афанасию Нагому, посланному в 1563 г. в Крым с миссией умиротворения хана, как раз ссылались на традиции дружбы, восходящие ко времени хана Менгли-Гирея. Посольские книги тех лет могли в 1562 г. особенно заинтересовать царя.

Постельная казна, как отметил Н. П. Лихачев, содержала «в себе между прочим, и личную библиотеку царя»[35]. Определить состав книжного собрания Ивана Грозного не просто[14*]. Еще труднее вычленить состав его личной библиотеки. Вероятно, допустимо говорить о двух библиотеках, или о двух (точнее сказать, даже трех) разделах царского книжного фонда. Это античные рукописи[15*] (малодоступные или вовсе не доступные тогда) и современный фонд, к которому обращался царь и который был доступен, видимо, и его приближенным[44].

В этом книжном собрании («книгохранительнице») царь (или кто-то по его заданию) находил рукописи при составлении своих отличающихся обилием цитат сочинений[45] — посланий[16*] и речей. Там могли быть и «Великие Минеи Четьи» митрополита Макария, в частности книга за октябрь, из которой царем были почерпнуты сведения о житии Уара[46]. Эпизоды этого нетрадиционного для фресковых росписей жития изображены на стенописи Архангельского собора в Кремле,

---

[14*] Попытку реконструировать личную библиотеку Ивана Грозного предпринял еще в 1870-е годы И. Н. Жданов, постаравшийся собрать указания на те книги, «которые ему принадлежали или которые ему представлялись»[36]. Н. Н. Зарубин попытался составить «Алфавитный перечень книг Грозного». Труд Н. Н. Зарубина, завершенный еще в 1938 г.[37], издан в 1982 г. с существенными дополнениями А. А. Амосова в книге «Библиотека Ивана Грозного».

[15*] Обзор мнений по этому поводу имеется в работах Н. Н. Зарубина[38], М. И. Слуховского[39], А. А. Амосова[40]. Теперь уже изданы серьезные труды М. Н. Тихомирова[41], А. А. Амосова[42], существенно поколебавшие доверие к скептическим выводам С. А. Белокурова, казавшимся едва ли не общепринятыми в первой половине нашего века[43]. Соображения о путях розыска этого бесценного культурного наследия находят поддержку видных ученых и в нашей стране и за рубежом.

[16*] Иван Грозный отступал от принятых тогда приемов цитирования «строками» или «стихами». И Курбский с известным чувством превосходства отмечает, что в Первом послании царя к нему «ото многих священных словес хватано... зело паче меры преизлишно и звягливо, целыми книгами и паремьями и посланьями»[50].

непосредственно над гробницей Ивана Грозного. Детально исследовавший и датировавший росписи 1564—1565 гг. Е. С. Сизов[47] справедливо полагал, что «появление этого сюжета в росписи придела-усыпальницы, видимо, не в последнюю очередь связано с волей самого царя Ивана»[48]. В октябрьской же книге «Великих Миней Четиих» Иван Грозный выделил текст «Послания к Димофилу» Дионисия Ареопагита, в переводе с греческого. Он ссылается на притчу о видении критянина Карпа и приводит большую выдержку из начальной части этого сочинения в Первом послании Курбскому[49]. Такое совпадение во времени позволяет с достаточной долей вероятности определить одно из сочинений (или одну из рукописей) круга чтения царя Ивана именно в 1564 г.

К «библиотеке» могли обращаться при подготовке к диспутам на религиозные темы, в поисках исторических аналогий, (в частности, редактируя летописи, составляя «ответные речи» иностранным дипломатам и т. д.), при составлении различных подборок выписок (а это — явление обычное в древнерусской письменности)[51]. В этой библиотеке, видимо, были книги, рукописные и печатные, которые царь Иван давал для прочтения отдельным лицам или дарил[17*], жертвовал в виде вкладов в монастыри[52]. Это — дворцовая, домовая библиотека. Она состояла преимущественно из сравнительно новых рукописей и печатных книг (хотя могла включать и отдельные старинные рукописи, в их числе античные — на греческом и латинском языках).

Можно полагать, по аналогии с патриаршей библиотекой, где наряду с патриаршей домовой казной существовала еще и патриаршая келейная казна[53], что у царя имелась и личная, как бы подручная библиотека. И. Е. Забелин писал о таких особых книгохранительницах каждого члена царской семьи, «с запасом избранных, или наиболее необходимых, так сказать, настольных книг для душевного спасения»[54]. Состав и численность книг в них определялись личными вкусами и степенью образованности государя, его литературно-историческими интересами и склонностью к литературному творчеству. Постоянно в такой книгохранительнице находилось сравнительно немного книг для «душеполезного чтения»[18*]: памятники

[17*] Об этом «царском книгохранилище», вероятно, и напоминает запись, сделанная рукою Горсея на заглавном листе полученной им в Москве Острожской Библии (хранится ныне в Британском музее). Приводить данные об этой книге, изданной в 1581 г., в доказательство существования у Ивана Грозного библиотеки именно античных рукописей (как об этом писал В. Н. Осокин)[55], естественно, нет оснований.

[18*] В личной библиотеке Ивана IV, в «царских чертогах», должна была бы временно находиться и книга, содержащая погребальную церковную службу, о чем узнаем из легендарного, по мнению М. Н. Тихомирова, известия Пискаревского летописца: «Того же году (в 1563 г. — *С. Ш.*) не в кое время послал царь и великий князь Иван Васильевич к отцу своему и богомольцу к Макарию митрополиту книги *просити* душеполезные. И Макарей прислаша ему погребален. И князь велики гневашеся на него тайно и рече ему: "Прислал еси ко мне погребален, а в наши царьские чертоги такие книги не вносятца". И рече ему Макарей: "Аз, богомолец твой, посла спроста по твоему приказу, что еси велел прислати книгу душеполезную; и та всех полезнее: аще хто ея со вниманием почитает, и тот в веки не согрешит"»[56].

ветхозаветной и новозаветной письменности, церковно-служебные книги святоотеческие (патристические) и историко-церковные сочинения[57] (в их числе подаренные с «благословением» особо почитаемыми лицами), да еще, быть может, травник-лечебник.

Иван Грозный был знатоком «чтомой» тогда литературы и писателем. «Муж чюдного разсуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело»[58], — так характеризовал его писатель начала XVII в. И можно думать, что в личной книгохранительнице Ивана Грозного было немало книг, притом разнообразных по тематике[19*]. Известно, что у Ивана Грозного были и «книгочий», и «книжной писец»[20*]. В обязанности «книгочия», очевидно, входило не столько чтение вслух царю, сколько подборка для него соответствующих текстов в личной царской, дворцовой и других книгохранительницах и формирование царской библиотеки (а также, возможно, и дворцовой). Поскольку рукописи поступали и в виде подношений, пополнение личной библиотеки царя не было результатом избирательной деятельности лишь самого Ивана IV. Царь мог и не знать в подробностях содержания находившихся у него под рукою книг, особенно сборников разнообразного содержания. Это выявляется, в частности, по посланию Ивана Грозного 1573 г. в Кирилло-Белозерский монастырь: собираясь сослаться на сочинение одного из отцов церкви, Иван Грозный, «разгнув книгу, обретох» неожиданно для себя неизвестное ему ранее сочинение другого церковного писателя — Илариона Великого[21*].

Наличие в подручной библиотеке царя Ивана церковно-учительной литературы несомненно. Курбский особо отмечает познания Ивана Грозного в «Священных Писаниях»: «...прочие же, последующие стихи умолчю... ведуще тя Священного Писания искуснаго», «ведаю тя во Священных Писаниях искусна»[59]. То же еще прежде заметил, обращаясь к царю, Артемий («...сам измлада Священная Писания умееши...»)[64]. Знаком был царь Иван и с апокрифической литературой[22*].

[19*] Там же могли первоначально находиться и приветствия Ивану Грозному[60], обращенные к нему публицистические сочинения.

[20*] Сохранились упоминания о «Российского царствия Цареве книгочие кир Софронии»[61]. «Кънигъчий», как установили А. А. Турилов и А. В. Чернецов, выступал в роли заказчика, по указанию которого в 1579 г. в Пскове составлялись сочинения, предназначенные для царя[62]. И. В. Курукин обнаружил в ОР РГБ купчую 7088 г. (т. е. 1579/80 гг.), где отмечено, что писал ее «царя и великого князя Ивана Васильевича книжной писец Рудак Прокопьев сын Лопаков». (Любопытно, что сделка была между людьми, видимо, Постельного приказа — стремянным конюхом и крестовым дьяком.)

[21*] «...сего великаго Илариона доселе послания ниже паки читах, ниже видах, ниже паки слышах о нем: но яко восхотех к вам писати и хотех писати от послания Василия Амасийскаго, разгнув книгу, обретох сие послание Великого Илариона, и приникнув, и видев, яко зело к нынешнему времяни ключаемо, и помыслих, яко Божие некое повеление сицево обретеся к полезному, и сего ради дерзнух писати»[63].

[22*] А. М. Панченко и Б. А. Успенский верно заметили: «...Древнерусский человек получал и ортодоксальное, каноническое, и апокрифическое воспитание. В этом отношении Грозный

Любопытно то, что в описи Постельной казны царя названа и «книга летописец». Иван Грозный, по словам Курбского, «добре веси от летописцов руских». В грамоте Ивана IV королю Сигизмунду II Августу (апрель 1560 г.) утверждалось: «...начен от великого князя Рюрика и по се время держим Русское государство, и, яко в зерцало смотря прародителей своих поведенья...»[66] Иван Грозный полагал важным обосновывать «историей» свои «права» и поступки, опираться на «историческую» традицию в проводимой им внутренней и внешней политике и соответственно в удобном для себя свете истолковывал факты и недавнего и далекого прошлого. У царя не ослабевал интерес к составлению сочинений исторической тематики, и прежде всего к описанию времени своего правления; в официальной «исторической» интерпретации этих событий очевидна его направляющая рука[23*]. Судя по пометам Описи, к Ивану Грозному послали из Царского архива в августе 1568 г. не только материалы современного русского летописания («летописец и тетрати», «списки, что писати в летописец, лета новые...») (ящик 224), но и, без указания даты, «Тетрать, летописец литовских князей»[24*] (ящик 114) и «перевод с летописца польского» (ящик 217). В Постельной казне должны были первоначально находиться и сочинения, написанные самим Иваном Грозным (и черновики их).

Во второй половине XVII в. в комнате, где государь обыкновенно принимал доклады, на столе лежала и Книга Уложенная (т. е. Уложение 1649 г.), в которую, как полагает И. Е. Забелин, «при докладах приходилось, может быть, не раз заглядывать»[68]. На столе же Ивана IV, постоянно участвовавшего в каждодневной правительственной деятельности, по аналогии, должен был, вероятно, находиться Судебник 1550 г. (или даже тексты законодательных решений, принятых в дополнение к Судебнику).

В Постельной казне могли быть и документы, относящиеся к государственному делопроизводству. Здесь особенно заметно смешение собственно личного архива и личной канцелярии государя. Большинство документов находилось во временном пользовании государя. Состав такого архива зависел во многом от самого государя: от степени его непосредственного участия в государственных делах и в придворном обиходе.

Такой предприимчивый, беспокойный и подозрительный государь, как Иван Грозный, имел, конечно, касательство ко всем сферам правительственной деятель-

---

был сыном своего века»[65]. (В статье этой приводятся примеры освоения Иваном Грозным апокрифических идей.)

[23*] См. главу «К истории редактирования лицевых летописей времени Ивана Грозного».

[24*] А. А. Зимин считает, что «тетрать, летописец литовских князей» — это родословие литовских князей, известное и по другим источникам. А. А. Зимин напомнил и о том, что в описи архива Посольского приказа 1614 г. названа «Книга в десть, летаписец Полских и Литовских королевств» (л. 185 об.). Быть может, этот летописец или какая-то другая хроника находилась уже в XVI в. в Царском архиве. (О созданной в 1520-е годы «Хронике Великого княжества Литовского» и литературе по этому вопросу можно найти указания в том же труде А. А. Зимина[67].)

ности в области не только внешней, но и внутренней политики, участвовал в самом процессе делопроизводства[25*], он властно вмешивался в обычный порядок государственного[26*] и государева (дворцового, придворного) обихода, определяя самый ритм (а иногда и аритмию) его. Иван Грозный не только поименно знал, к удивлению иностранных гостей, всех дворян своего многолюдного двора[27*], но и желал все знать об этих дворянах и отличался генеалогической осведомленностью[71].

Все это побуждало царя обращаться к документам Царского архива[72] (которые он использовал также в целях политической борьбы) и отразилось в подборе и составе документации его личного архива, являвшегося частью его Постельной казны. В Постельной казне оказалась сосредоточенной (на время или даже вплоть до кончины царя) значительная часть правительственной документации.

В Постельной казне, видимо, находились послания, челобитья, изветы, адресованные царю и переданные ему; документация дел, решение по которым не могло быть принято без непосредственного участия государя[28*]; а также документы разнообразного характера, по тем или иным причинам привлекшие внимание Ивана Грозного. Можно полагать, что именно в личном архиве царя откладывались первоначально документальные материалы, относящиеся к деятельности Ближней думы. Таким образом, Постельную казну допустимо рассматривать и как архив Ближней думы.

Детальное знание Иваном Грозным особенностей деловой письменности сказалось на форме и языке его посланий, причем не только грамот-распоряжений[29*], которые можно отнести к документам делопроизводственного типа[75], но и тех по-

---

[25*] И царь Алексей Михайлович в XVII в.[69] в этом отношении, как и в личном воздействии на ход культурных начинаний, шел уже по стопам Ивана Грозного.

[26*] Иностранным наблюдателям казалось даже, что Иван Грозный «постановляет решения по всем вопросам права... берет на себя труд отправления правосудия» (слова англичанина Ченслора), «что свой народ он держит в большом подчинении; все дела, как бы незначительны они ни были, восходят к нему» (слова англичанина Дженкинсона)[70].

[27*] Ченслор писал об Иване Грозном: «Его цель, как я слышал, состоит в том, чтоб каждый хорошо знал своих слуг. По окончании обеда (в кремлевском дворце в Москве. — *С. Ш.*) он призывает своих дворян одного за другим, называя их по имени, так что удивительно слушать, как может называть их, когда их у него так много»[73].

[28*] Можно полагать, что не Боярской думой, а самим царем (точнее, от его имени) был «список дан казначеем, как им покупати рухлядь на Казенной двор и как им росход держати, и бархаты, и камки, и отласы, и иная рухлядь держати по разным сундуком» (ящик 215), так же как и «список милостинной черной, каков список дан казначеем, а велено роздати милостыня по церквам по царице и великой княгине Анастасее» (ящик 217). (Подлинник этого «милостинного списка», видимо 1560 г., мог оставаться в Постельной казне.) В местнических делах встречаются ссылки на то, что родословцы отдельных родов — «у государя» (1579, 1589 гг.); видимо, они находились в Постельной казне[74].

[29*] Многие такие грамоты-распоряжения опубликованы еще в дореволюционных изданиях. Выявление среди них текстов, лично составленных, т. е. продиктованных, Иваном Грозным, — заманчивая задача для ученых разного профиля: историков, языковедов, литературоведов.

сланий, которые заслуженно признаются замечательными памятниками древнерусской литературы. По отзывам современников, царь Иван обладал редкой памятью[30*]. Он был памятлив не только на имена и факты, но и на письменные тексты: языковые нормы деловой письменности, ее типические обороты творчески воспринимались и повторялись Грозным.

Иностранцы полагали нужным особо отметить принятый в России порядок подачи челобитий царю. Челобитья чаще всего поступали в канцелярию государя, с середины XVI в. — в Челобитный (или Челобитенный) приказ[31*]. Руководителем Челобитного приказа был человек, пользующийся особым доверием государя (в конце 1540—1550-х гг. фактический руководитель правительства, «временник» царя — Алексей Федорович Адашев). Некоторые челобитные, в частности «изветы», указывающие на преступление против особы государя, отнюдь не должны были становиться достоянием гласности. Такие челобитные оставались в Постельной казне (тем более что Адашев являлся и постельничим государя). Вероятно, именно о такой челобитной, поступившей затем в Царский архив, упоминается при описании ящика 191; архив Челобитного приказа в определенной части своей был и архивом Постельной казны (во всяком случае, в годы правительственной деятельности Адашева), а тогда сам Челобитный приказ — канцелярией государя, местом апелляции на решения других правительственных учреждений и, как следствие этого, — учреждением, которое контролировало деятельность других учреждений[78].

Челобитные подавали самому царю во время его выходов из дворца (иногда в церкви)[32*], и он сам выслушивал челобитные-«жалобницы». По словам Одерборна, Иван Грозный сам принимал челобитные и их «перечитывал, разбирал и читал» («tiberlass; inspiciebat lectitabatque»[82]). Челобитные составлялись по определенной форме, с использованием определенных лексико-фразеологических средств[83]. Именно знание приказного делопроизводства, лексики деловой письменности позволяли Ивану Грозному с таким совершенством воспроизводить, а иногда и вышучивать

[30*] Одерборн отмечал, что Иван IV имел «исключительную память на все события» («memoriam rerum omnium singularem habebat»)[76].

[31*] Во время походов при войсках был особый «дьяк у челобитных» (по мнению Д. Н. Альшица, это вызвано преимущественно необходимостью разбирать местнические дела)[77].

[32*] Хотя доступиться до царя в то время было делом крайне трудным даже для служилого человека. В этом отношении важным источником являются челобитные Ивана Пересветова. (В данном случае не имеет значения, подлинные это челобитные или сочинения, искусно облеченные в форму челобитной, так как фальсификатор, конечно, постарался бы соблюсти все характерные особенности челобитных.) В «Большой челобитной» читаем: «А, яз холоп твой, Ивашко Пересветов, 11 лет минуло, не могу доступити тобя, государя благовернаго царя и великого князя. Кому ни подам память, и они до тебя, государя, не донесут, велможи твои»[79]. Эта же мысль повторяется в «Малой челобитной»: «А аз тобя, государя, благовернаго царя, доступити не могу», «а тобя, государя, благовернаго великаго царя, доступити не мощно»[80]. Пересветов подал челобитную в церкви («И доступил есми тобя, государя, у праздника в церкви Рожества Пречистый Богородицы, и подал есмь тобе, государю, две книжки...»[81]).

форму и язык различных деловых документов. В этом отношении особенно интересна челобитная Симеону Бекбулатовичу со стандартными выражениями вроде «памятьми ссылатися», «полные имати», «к тебе, ко государю, имяна их списки принесем», «и ты б, государь, милость показал», «государь, смилуйся, пожалуй»[84]. Любопытно отметить, что и форма обращения («Государю великому князу Семиону Бекбулатовичю всея Русии») характерна именно для челобитных XVI в. («государю царю»); в XVII в. обычно обращались к «царю, государю».

Из деловой переписки и постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, Иван Грозный усвоил, видимо, и распространенную тогда манеру ответов на письма. В начале обычно излагалось содержание документа или части документа, на который составлялся ответ или по которому принималось решение. Изложение должно было быть по возможности близким к тексту, иногда дословно близким. Порядок расположения материала в документе (в том числе замечаний или обвинений) определял и последовательность ответов. Именно так составлены ответные послания Ивана Грозного. Особенно четко прослеживаются характерная последовательность изложения и почти дословные повторения, цитирование текста в пространном Первом послании Курбскому[85].

Встречаются в сочинениях Ивана Грозного слова и словосочетания, характерные для лексики судебно-следственных материалов, местнической документации[33*] и других памятников деловой письменности[86]; обнаруживается близость к формулировкам посольских книг[34*].

Таким образом, в состав Постельной казны, помимо одежды, украшений, икон и прочих «рухлядей», входили также личный архив государя[35*] и часть документации его личной канцелярии.

Постельная казна (вернее, отдельные части ее) была подвижной, она находилась вместе с государем во время его передвижений по стране, военных походов. Такой обычай был унаследован еще от князей прежних столетий. Он характерен и для государей других стран средневековой Европы[90]. Постельничие сопровождали

[33*] Д. Н. Альшиц, характеризуя разрядную книгу, отмечает: «То и дело раздаются грозные крики царя Ивана Васильевича против заместничавшихся военачальников: "местничаешься бездельем!", "...то князь Захарей плутает!", "...чтобы впредь не врал!", "...бить батоги перед разрядного избою!", "Бить батоги и списки отдать!", "...Будет поруха государеву делу и ему от государя быть казнену смертью..."»[87].

[34*] Царь самолично знакомился и с посольской документацией. Царь и лица его ближайшего окружения настолько придирчиво читали текст посольских документов, что обращали внимание даже на описки. Характерен в этом отношении выговор Ивана Грозного, сделанный в 1570 г.: «А, что написано в вашей грамоте: пришли послы к Москве февраля в 3 день, а мы здесе ведаем, что послы пришли к Москве марта в 3 день, и то ся описано, и вы б вперед к нам грамоты и всякие дела посылали, высмотривая грамот гораздо, чтоб в грамотах и во всяких делех прописи не было никоторые. Писан у Троицы в селцех лета 7078-го марта в 15 день»[88].

[35*] Видимо, совмещение того, что мы теперь называем архивом и библиотекой, было обычным в Средние века и в других странах. В Дании в первые десятилетия XVI в. акты внутренней и внешней политики также хранились вместе с рукописями античных авторов[89].

царя и во время «ездов» по монастырям, городам и для «потех», находились вблизи его во время военных походов, ведали его личным обозом и походной канцелярией — «Походной палатой», выполняли различные важные поручения. Обычно в «Походной палате» сосредоточивались и некоторые книги для «душеполезного чтения» и часть правительственной документации[36*]. С собой брали царскую печать[37*]. Ее называли путной печатью[38*]. Вероятно, печать возил с собой именно постельничий. О постельничем Василия III И. Д. Боброве в 1509 г. пишут (в одном из родословцев начала XVII в.) и как о «постельничем», и как о «печатнике»[91]. По словам Котошихина[39*], постельничий хранил печать «для скорых и тайных царских» дел[95].

В условиях «государева езда» или похода явственно обнаруживается то, что еще не были изжиты характерные для рубежа XV и XVI столетий смещение и смешение собственно «государева» и «государственного» и в системе управления, и в каждодневном обиходе «двора» государя; и документация дел Боярской думы (немногие члены которой всегда сопровождали царя и решение которых воспринималось как решение «со всех бояр приговору») оказывалась объединенной в «Походной палате» с другой документацией и всякой иной «казной».

В то же время участившиеся в годы правления Ивана IV «езды» по стране[40*] (отмеченные, как правило, и в официальных летописях) приучали постепенно самого государя и лиц его окружения к тому, что многие дела рассматривались и по ним принимались решения не полным составом Боярской думы и не в Москве. Эта практика как бы готовила общественное сознание к возможности разделения управления страной на земское и иное — «опришное» (которое под разными наименованиями фактически существовало почти двадцать последних лет жизни грозного царя).

В Описи подле описания ящика 154, содержащего перемирные грамоты новгородских и псковских наместников с ливонским магистром, рижским архиепископом, юрьевским епископом и «со всею Ливонской землею», отмечено, что 3 сентября 1564 г. «сесь ящик, а в нем 12 грамот, взяты в походную полату». Иван IV в

[36*] Такой порядок существовал и при дворе литовского великого князя (и польского короля) — при его переездах с ним перевозились и посольские книги[92].

[37*] «Путная печать» (меньшего размера, чем так называемая Большая печать) сопровождала в поездках и других европейских государей.

[38*] В жалованной грамоте архимандриту Борисоглебского монастыря на вотчины, выданной во Владимире 18 февраля 1548 г., читаем: «А су грамоту велел (государь. — *С. Ш.*) запечатать свою печатью путною»[93]. В это время Иван IV, после неудачного «похода царского на Казань», находился в Нижнем Новгороде (откуда возвратился в Москву 7 марта)[94].

[39*] Свидетельство Котошихина в данном случае можно использовать и для характеристики времени Ивана Грозного, так как в придворном обиходе в XVI—XVII вв., как выясняется из трудов И. Е. Забелина и других исследователей, происходило сравнительно мало изменений.

[40*] Значение этих ездов в плане военной политики выяснено и охарактеризовано И. И. Полосиным в работе «Монастырские "объезды" Ивана IV (Из истории военной политики России)»[96].

это время, видимо, находился в обычном «езде» по стране, так как 25 сентября он выехал из Троице-Сергиева монастыря[97].

По-видимому, из «Походной полаты» поступили в Царский архив документы ящика 213 — «грамоты и отписки об езду Можайского, лета 7079-го и иные грамоты». (Примерное содержание их попытался определить И. И. Полосин[98].) После утверждения польско-литовской унии 28 ноября 1561 г., когда стало ясно, что наступают последние дни перемирия, царь, готовясь к войне с Польско-Литовским государством, 21 мая 1562 г. «пошел на свое дело Литовское» в Можайск. На другой день в Москву прибыл датский гонец, о чем известил царя остававшийся в столице «печатник и дьяк» И. М. Висковатый. Гонца велели привезти в Можайск, где он был у посольского дьяка А. Васильева, которому отвели особую «избу» для посольского делопроизводства[99]. В Можайске царь принял в июле датских послов и подписал договор с Данией. Возможно, что именно оттуда он «отпустил посольство» в Данию, в состав которого включили И. М. Висковатого. Все это позволяет думать, что в «Можайский езд» взяли (или присылали) соответствующую посольскую документацию из Царского архива.

В Можайске царь принимал и возвращавшихся из Швеции русских послов, которые передали статейный список посольства и перемирную грамоту в его походную канцелярию[100]. В Можайск писали воеводы из Дорогобужа об удачном походе к Мстиславлю, а из Свияжска — об открытии месторождения «серы горячей». Туда же приехали с Днепра черкасские казаки сообщить об отъезде в Литву Дмитрия Вишневецкого «со всеми своими людми, которые с ними были на поле»[101]. Следовательно, в Можайске вели распрос этих людей (содержание их речей нашло отражение в летописи), и именно там могла первоначально оказаться упоминавшаяся уже «грамота к Вишневецкому из Литвы от его человека», которую затем «дал государь» в Царский архив (ящик 188).

Видимо, в «Походную полату» привезли царю и правую грамоту Петра Мих. Плещеева на Петра Лобана Григ. Заболоцкого (ящик 178) — одно из ранних местнических дел, примерно 1504 г.[102] Грамоту 26 мая 1563 г. «взял Ондрей Васильев ко государю, как поехал в Слободу; в Слободе взял государь». Иван Грозный действительно после объезда владений кн. Владимира Андреевича Старицкого выехал из Москвы на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда — в Александрову слободу, где оставался до 17 июля 1563 г.[103] Возможно, что в июне 1563 г.[41*] «взял Ондрей в Слободу» (т. е. в «Походную полату»

[41*] Дата эта не может быть признана абсолютно точной. Последняя буква в буквенном обозначении года неразборчива, напоминает и «а» — 1 (так ее воспринял А. А. Зимин[104]), и «д» — 4, и «~~ѳ~~» — 9 (так ее прочитал я, оговорив возможность и иного прочтения[105]). Поэтому приходится больше опираться не на палеографические наблюдения, а на собственно исторические соображения. Грамоту отвез «Ондрей» — им мог быть и Андрей Васильев, и Андрей Як. Щелкалов, думный дьяк и начальник Посольского приказа с конца 1570 г. Если «Ондрей» — это Васильев, то следует датировать помету 1563 г., тем более что Иван IV на-

царя в Александровой слободе) и «тетрать[42*] поставления царского», т. е. коронации 1547 г. (ящик 188).

«Государева казна» была частью «большого царского поезда», сопровождавшего Ивана Грозного в конце 1564 г. из Москвы в Александрову слободу. И «государева казна» (а, следовательно, и личный архив царя) в годы опричнины находилась в Слободе. В Описи сохранились пометы о документах, «взятых в Слободу», как раз в опричные годы (ящики 19, 187, 204, 205, возможно, 188).

Называются в Описи и имена людей, доставлявших Ивану Грозному документы Царского архива. Упоминавшееся уже местническое дело Плещеева и Заболоцкого (ящик 178) доставил в 1563 г. Андрей Васильев — думный дьяк, имевший непосредственное отношение к Царскому архиву и по роду своей деятельности постоянно общавшийся с царем. «Тетрать поставленья царского» доставили или тот же А. Васильев (в 1563 г.) или А. Я. Щелкалов (в 1571 г.), приближенный человек Ивана IV и тоже имевший непосредственное отношение к Царскому архиву.

В Описи помечено, что в июне 1571 г. из коробочки 187 переписку царя Ивана с сыновьями Иваном и Федором «взял Ондрей в Слободу». Вероятнее всего, это упоминание об Андрее Яковлевиче Щелкалове, в ведение которого после опалы Висковатого и А. Васильева в 1570 г. перешел Царский архив[43*].

Два документа привез царю Василий Яковлевич Щелкалов — брат Андрея Щелкалова и тоже думный дьяк. В ноябре 1569 г. он передал царю челобитную, поданную в Челобитную избу «о непригожих речах про государя», т. е. извет Петра Волынца (ящик 191). Извет этот (едва ли не инспирированный) сыграл зловещую роль накануне трагического для Новгорода и новгородцев похода Ивана Грозного[107]. По предположению В. Б. Кобрина, В. Щелкалов был, видимо, причастен к следствию по новгородскому делу[108]. В день страшных казней в Москве 25 августа 1570 г. он публично читал обвинительный приговор и, как пишет Шлихтинг, бичевал Висковатого[109]. В июле 1571 г., отмечает Опись, «взял Василей Щелкалов королеву грамоту и за пословыми печатьми грамоту к государю» — документы сношений с Польско-Литовским государством в 1550-е годы и в

ходился в это время в Слободе[106]. Если документ «взял» Щелкалов, то датировать помету следует 1571 г. Документы Ивану Грозному передавали из Царского архива в Слободу и в мае 1563 г. (ящик 178), и в июле 1571 г. (ящики 19, 204, 205), причем в 1571 г. отвезли посольские книги германских императоров, в которых великих князей величали уже царским титулом. (Возможно, что запись чина венчания Ивана IV на царство понадобилась для сопоставления с этими посольскими документами.)

[42*] Любопытна форма документа: «тетрать», а не «книга». Быть может, это — не официальный текст, а черновой экземпляр или копия?

[43*] Очень вероятно, что именно в Постельной казне сосредоточили документы личных сношений государей с близкими родственниками, в частности переписку. Еще в августе 1566 г. «взял государь... к себе» «грамоты» своей матери Елены Васильевны, которые она посылала Василию III, «коли князь велики ездил с Москвы» (ящик 85).

1570 г. находились в ящике 168. 22 июля 1571 г. В. Я. Щелкалов был в Александровой слободе на аудиенции, данной Иваном IV датскому посланнику, от которого царь велел именно ему принять королевскую грамоту; ему же велено было дать ответ посланнику[110]. Быть может, в связи с поездкой в Слободу для участия в этих переговорах В. Щелкалову и выдали упомянутые документы Царского архива (с которым уже тогда был тесно связан его брат Андрей Щелкалов).

В мае 1570 г. «куран татарской, на чом приводят татар к шерти», взял «ко государю» Петр Григорьев (ящик 218). Петр Григорьев[44*] — опричный дьяк, видимо дворцовый, в 1571 г. подписывавший иммунитетные грамоты монастырям[111]. Он сопровождал царя в его походах[114]. В 1573 г. он получал «жалованье по окладу» 300 рублей — огромную по тому времени сумму (только пять человек получали большую[115]).

«Книги новые датцкие, как государь учинился в докончанье з датцким королем о Ливонской земле» и «свейские книги новые», т. е. датские и шведские посольские книги, взял «ко государю в Слободу» 24 июля 1571 г. Василий Пивов (ящики 204, 205), тоже приближенный к Ивану IV опричник, из семьи, где в опричнине было семь человек[116]. Видимо, эти документы дослали к тем, которые прежде взял В. Я Щелкалов. На приеме у царя 23 июля датский посланник говорил «о прежних докончаниях между царями русскими и датскими королями»[117]; 24 июля к царю были отправлены соответствующие дипломатические документы. Во время переговоров датский посланник сказал и о том, что император Максимилиан II склонен к возобновлению сношений с русским царем[118]. В этой связи были «взяты ко государю в Слободу в 79-м году июля в 24 день» и «цесарские книги», т. е. книги посольств императоров к Ивану III и Василию III (ящик 19). Кто их передал государю, не помечено в Описи, но можно думать, что и это поручение выполнил Василий Михайлович Пивов, а помета была сделана на самих документах (подобно тому, как это писали на оборотах грамот, отправленных к царю в 1570 г.[45*]).

[44*] С. Б. Веселовский полагает, что так писали имя Петра Григорьевича Большого Совина, из семьи опричников Совиных[112]. П. Г. Совин известен был и как дипломат-посол в Ногайскую орду в 1560 г. (возможно, потому именно он доставил царю Коран, что знал обычаи приведения к шерти мусульман), третий в посольстве в Данию в 1562 г. (вместе с Висковатым). Сестра П. Г. Совина была женой влиятельного опричника Ром. Вас. Алферьева-Нащекина, назначенного после казни Висковатого дворовым печатником[113] (а печатник имел прямое отношение к опричному архиву). А. А. Зимин придерживается точки зрения С. Б. Веселовского, замечая, что «в биографии дьяка П. Г. Совина лакуны относятся как раз к тем годам, когда нам известен дьяк Петр Григорьев»[119]. Р. Г. Скрынников считает, что «гипотеза названных авторов противоречит фактам», так как дьяк Петр Григорьев сопровождал царя в Полоцкий поход в те самые месяцы, когда П. Г. Совин находился с русским посольством в Дании[120]. В. Б. Кобрин в списке опричников раздельно пишет о П. Григорьеве и П. Г. Совине[121].

[45*] На обороте грамот, отправляемых царю, писали адрес («Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русии») и помету с указанием, когда и кем доставлен документ («78 г. февраля в 6 день с Ываном Кайсаровым»[125]). На грамотах, отправляемых царем Бояр-

Документ, хранившийся в последнем ящике без номера, 12 июля 1570 г., возможно, взял Григорий Ловчиков. Григ. Дм. Ловчиков пользовался особым доверием Ивана IV еще в 1503 г., когда его послали на Северную Двину отвезти для пострижения в Антониево-Сийском монастыре Тимофея Тетерина (дело об этом хранилось в 223-м ящике Царского архива). С учреждением опричнины его пожаловали в ловчие. Молва приписывала Ловчикову донос на выдвинувшего его кн. Аф. Ив. Вяземского, обвиненного им перед царем в том, что тот будто выдал «вверенные ему тайны и открыл принятое решение о разрушении Новгорода»[122]. Ловчиков, однако, тоже погиб в том же 1570 г., ибо уже в августе по его душе был дан вклад в монастыри (имя его внесено в синодик Ивана Грозного)[123]. Из текста Описи остается неясным, какой документ передал царю Ловчиков, ибо помета («78 июля 12 день, взято ко государю с Григорьем Ловчиковым») внесена в основной текст Описи между сведениями о деле, содержание которого установить едва ли возможно (сохранились только последние слова его описания: «...ского царя ссылку Устакасима золотаря»), и «делом» Прокофия Цвилинева, «что сказывал на него наугородцкой подьячей Богданко Прокофьев государское дело, и про ссылку боярина Василья Михайловича Юрьева». В. Б. Кобрин полагает, что помета о Ловчикове относится «ко второй записи, сообщающей о каком-то серьезном политическом деле»[124]. Это кажется более вероятным. Впрочем, помета могла означать и то, что документ отправили к Ивану Грозному вместе с арестованным к тому времени Ловчиковым. В. Б. Кобрин предусматривает возможность такого толкования и осторожно замечает: «Но что значит "взято с Григорьем Ловчиковым"? То ли Ловчиков передавал царю это дело, то ли он был арестован и отправлен для следствия к царю в связи с этим делом? Ответить на этот вопрос довольно трудно»[127]. Небезлюбопытно, однако, то, что родственники Ловчикова остались живы и служебное положение их, во всяком случае в начале XVII в., не ухудшилось[128].

Некоторые данные о передаче документов из Александровой слободы в Царский архив обнаруживаем в описи архива Посольского приказа 1626 г. В главе 29, описывающей «столпы московские о всяких розных делех и сыскные приказные дела, старые и новые», отмечен «мешечик холщевый» с сыскным делом 7072 г. (т. е. 1563/64 г.) и распросными речами келаря Кириллова монастыря о деньгах, оставленных ему кн. Ефросиньей Старицкой «на строенья Горитцкого монастыря» (в этот монастырь сослали насильно постриженную в 1563 г. в монахини Ефросинью). Там же находились документы о «росходе деньгам княгини старицы Еуфросиньи». «Да тут ж, — отмечено в описи, — в мешечик положена наказная память Офонасья Федоровича Нагово, как он посылал к Москве из Слободы, а с ним список, какова написать на Москве проклятая целовальная запись, а велено ему, приехав к Москве, говорить дияку Ондрею Щелкалову, чтоб он с того списка ве-

ской думе, тоже оставляли помету об имени отправителя («С Ываном с Калитиным» — отмечено, например, на обороте грамоты, написанной «у Троицы в селцех лета 7078-го марта в 15 день», в связи с приездом в Москву послов польского короля)[126].

лел написати проклятую запись на болшом листу по прежнему обычаю, да на той проклятой записи привести ко кресту у чюдотворцовой у Петровой раки князя Федора княж Михайлова сына, да князь Микиту княж Романова сына, да князь Ондрея княж Васильева сына Трубетцких, а году в наказе не написано»[129].

Документ этот очень любопытен и показывает самую технику составления крестоцеловальных («проклятых») записей. Они писались «по прежнему обычаю» «на болшом листу» — так, чтобы поместились подписи поручителей, а записи времени царя Ивана отличались, как заметил С. Б. Веселовский, исключительно большим числом поручителей. Подкреплением поручной записи со стороны поручителей была угроза отлучения от церкви и проклятия «в сем веке и в будущем», если прощенный (благодаря их поручительству) вновь провинится[130], потому-то запись и названа в архивной описи «проклятой». В Слободе не только предопределен был текст записи, но и место крестоцелования: «у раки митрополита Петра», — по мнению людей XVI в., особенно много сделавшего для возвышения Москвы и объединения других князей под властью московского великого князя. Оформить запись было поручено доверенному думному дьяку А. Щелкалову.

Казалось бы, эта «проклятая запись» должна была относиться ко времени опалы князей Старицких в 1563 г., так же как и другие документы «мешечка», но упоминаемые в архивном описании имена заставляют отнести время составления «проклятой записи» скорее к 1570-м годам. А. Ф. Нагой был уже 29 апреля 1563 г. послан «с сеунчем Полотцким» (т. е. с сообщением о взятии царем Полоцка) к крымскому хану[131] и оставался в Крыму около одиннадцати лет. Упоминаемые в описании князья Трубецкие известны по службе не ранее середины 1560-х годов. А. Ф. Нагой, будучи русским послом в Крыму, за особые заслуги был зачислен в опричники в 1571 г.[132] По возвращении из Крыма он пользовался значительным влиянием при дворе; племянница его стала седьмой (последней) женой Ивана Грозного.

Таким образом, документы Царского архива доставляли в Постельную казну (если опираться только на пометы Описи) либо думные дьяки (Андрей Васильев, Андрей Щелкалов, Василий Щелкалов)[46*], связанные в своей деятельности с документацией Царского архива, либо особо приближенные опричники (Петр Григорьев, Василий Пивов, возможно, Григорий Ловчиков). Очевидно, что из Постельной казны, из Слободы, документы привозили тоже особо доверенные лица.

Документы Царского архива, как правило, брали в Постельную казну лишь во временное пользование. Некоторые из них брали в Постельную казну не один раз. Думается, что именно так можно понимать помету о грамоте Дмитрия Курлятева, присланной в Царский архив государем и затем через несколько лет переданной снова в Постельную казну (коробочка 187).

[46*] По мнению Н. Е. Андреева, неупоминание во многих случаях имен лиц, передававших документы государю, обусловлено тем, что передача эта производилась самим Висковатым[133].

Интересно отметить, что в изучаемой Описи нет данных о затребовании царем документов Царского архива летом 1564 г., когда он писал ответное послание Курбскому. Иван IV ездил по монастырям[134] и, видимо, диктовал по памяти[47*]. Этим, быть может, в какой-то мере объясняется не только несколько «разбросанный» стиль изложения (не было близко эпистолярных образцов), но и фактические ошибки и неточности (не было под руками соответствующих документов; нельзя было проверить фактическую достоверность и просто точность сообщаемых фактов).

В Постельной казне хранились, видимо, и копии[48*], и подлинники «дел». Для некоторых документов государственной важности и семейного архива государя Постельная казна была основным местом хранения.

Иногда там находилась часть единого архивного комплекса документов, определенная (обычно большая) доля которого оставалась в Царском архиве. Так, в ящике 204 Царского архива хранились «книги новые датцкие, как государь учинился в докончанье з датцким королем о Ливонской земле», а «грамота докончальная», отмечено рядом в Описи, находилась «у государя». Видимо, этот документ помещен был в Постельной казне сразу же после его составления, так как в Описи не имеется помет о выдаче его государю. Документация внешних сношений с Данией оказалась рассредоточенной в двух архивах. Занявшись вплотную русско-датскими отношениями, Иван IV, как отмечалось выше, приказал привезти ему в Постельную казну находившиеся в Царском архиве «новые» датские книги, и датские «дела» объединили в одном месте — в Постельной казне.

В тех случаях, когда Постельная казна была местом хранения документов — подлинных (или «чистых») — государственной важности, в Царском архиве иногда хранились «черные списки» или противни этих документов.

В Постельной казне («у государя») находилась документация княгини Ульяны Дмитриевны, «во иноцех Александры», вдовы брата Ивана IV Юрия Василь-

---

[47*] В описи архива Посольского приказа 1614 г. упоминается «свяска грамот великого князя Василья Ивановича всеа Русии к ево великой княгине Елене» (л. 48). В описи Царского архива названы лишь «грамоты великие княгини Елены к великому князю, коли князь ездил с Москвы» (ящик 85). Эти грамоты Иван IV в августе 1566 г. «взял... все к себе». Пять писем Василия III к жене сохранились и опубликованы. Все письма продиктованы, но в одном указание: «да послал есми к тебе в сей грамоте запись свою руку: и ты б ту запись прочла да держала ее у себя». «Значит, — делает заключение Н. П. Лихачев, — в сложенное пакетом письмо было вложено нечто, написанное великим князем собственноручно. Легенда о том, что цари не писали ничего сами, так как это было бы для них унизительно вообще, не имеет прочной основы... Но, — замечает далее исследователь, — даже для такого великого книгочия, как царь Иван IV, мы не можем указать (с уверенностью) ни одной строки. А по-видимому, не только грозный царь, но и сын его Иван писали и сочиняли»[135].

[48*] Возможно, что именно в Постельной казне находились при жизни Ивана IV документы «изменного дела» новгородцев и о казнях в Москве в 1570 г. Там могли быть и документы «за дьячьею пометою» и копии. В описи архива Посольского приказа, где оказались в 1626 г. эти дела, указано: «а подлинного дела, ис чево тот статейный список выписан, не сыскано»[136]. Подлинник мог находиться первоначально в Царском архиве и погибнуть во время пожара 1571 г. (или был назван в не дошедшей до нас части Описи).

евича: «книги чистые, что княгине дано в наделок» (л. 336). (Княгиню постригли в монастырь 30 апреля 1564 г.) «Черные» же книги, «что дано княгине в наделок», сначала оставались в Царском архиве (ящик 208). Вместе с этими «черными книгами» помещены были в том же ящике «книги ее обиходу годового, как ей обиход свой в Новом монастыре держати». Все эти документы («сесь ящик») Иван IV в августе 1566 г. также «взял к себе».

В Постельной казне, по-видимому, была подлинная «роспись» казны царевичей Ивана и Федора, «которая была с царевичи в слободцком походе» 7073 г. Так, назван в описи архива Посольского приказа 1626 г. отъезд царя Ивана Грозного в Александрову слободу в декабре 1564 г., накануне опричнины. (В официальной летописи он обозначен как «Поезд болшой государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии»[137].) А копия его — «книги черные казны царевича Ивана и царевича Федора» — находилась в ящике 210 Царского архива и указана в описи архива Посольского приказа 1614 г.[138]

В Постельной казне («у государя») находилась и «грамота» Курбского, о чем упоминается в описании ящика 191 («отпуск в Озерища Григорья Плещеева о Курбъского грамоте, а грамота у государя»). Вероятно, здесь написано о Первом послании Курбского царю[49*]. Другие документы, имеющие отношение к измене Курбского («речи» его духовника[50*], сказка литовского гонца Улана Букрябы[51*] «про государева изменника, про князя Ондрея Курбского» и названный выше «отпуск» Плещеева), Иван IV оставил в Царском архиве, и они оказались сосредоточенными в ящике 191 вместе с другими документами времени «опришнины», в частности о «непригожих речах про государя». Любопытно отметить, что в этом же ящике находилась часть документации, касающейся княгини — инокини Александры: «отписка о наделке», «список милостинной черной и память старицы Александры княж Юрьевы Васильевича». («Чистый» «список милостинной» мог находиться в Постельной казне.)

В Постельной казне находился и такой важности документ, как подлинный соборный «приговор» 1566 г. «о Ливонской войне», — «грамота на чем государю дали правду». «Черный список» «приговора» помещался в особом, 225-м, ящике Царского архива.

В августе 1566 г. Иван Грозный пристрастно знакомился с документальными материалами Царского архива и многие разнообразные документы (иногда даже целиком ящики с документами) взял к себе. Особое внимание царя привлекли документы, относящиеся к истории его рода, о взаимоотношениях его предков и его

[49*] Плещеев мог быть послан для выяснения обстоятельств передачи послания и связей Курбского, опасных для государя. Возможно, впрочем, что Плещееву поручено было достать какую-то другую грамоту Курбского. Тут все гадательно, и допустимы различные предположения (специально об этом писали, в частности, Р. Г. Скрынников и А. А. Зимин)[139].

[50*] «Речи старца от Спаса из Ярославля, попа черного, отца духовного Курбьского». А. Н. Ясинский полагает, что здесь упоминается Феодорит[140].

[51*] Улан Букряба был в России в конце 1568 г.[141] В Польских посольских делах сказки его о Курбском нет.

самого с удельными князьями, княжатами и боярством, а также материалы о взаимоотношениях Российского и Польско-Литовского государств.

Перед этим 28 июня 1566 г. на Земском соборе обсуждался вопрос, продолжать ли Ливонскую войну. В июле 1566 г. Иван Грозный, отпуская литовских послов, сказал, что отправит к королю «своих великих послов». Однако такой посол был отпущен только 2 февраля следующего, 1567 г.[142] Царю даже пришлось объяснять в грамоте, отправленной с литовским посланником, что посольство задержалось из-за «поветрия» в Смоленске[143]. Можно полагать, что документы, связанные с борьбой за Смоленск и с его присоединением к Российскому государству (в ящиках 27, 63, 74), об отношениях с волошскими господарями (ящик 43), о князьях пограничных с польско-литовским государством земель и попытках отъезда некоторых из них за рубеж (документы ящиков 26, 27, 39, 42, 54, 73, 150, 187 и др.), вызывали в ту пору особый интерес Ивана Грозного.

Уже А. Н. Ясинский отметил, «что это было время, непосредственно следующее за учреждением опричнины, эпоха так называемых первых казней. Поэтому в это время царя должны были особенно живо интересовать фамильные и семейные отношения его рода и отношения боярства к царствующим лицам»[144]. В. И. Корецкий напомнил в этой связи, что часть служилых людей земщины, воспользовавшись Земским собором, осмелилась выступить летом 1566 г. против опричнины. Это делает понятным, по его мнению, особый интерес Ивана Грозного к отобранным им материалам Царского архива.

В. И. Корецкий предполагает, что «отобранные в августе 1566 г. из Царского архива документы не были тогда же возвращены назад, а вошли в состав опричного архива, попав снова в общегосударственный архив лишь после отмены опричнины»[145]. Действительно, в годы опричнины однотипные документы общегосударственного значения оказывались и в Царском архиве в Москве и в Александровой слободе[52*]. Царский архив считался главным архивом земщины. Главным же архивом опричнины, видимо, была в те годы Постельная казна царя[53*].

[52*] В архиве «застенка-слободы» (как охарактеризовали Александрову слободу Таубе и Крузе)[146], вероятнее всего, должны были первоначально оставаться и «письменные приказания», в которых Иван Грозный указывал род казни обреченных[147], и «сказки»-отчеты об исполнении казни. Они, так же как и судебно-следственные дела, использовались позднее, как выяснили С. Б. Веселовский[148] и Р. Г. Скрынников[149], при составлении синодиков опальных. Причем Р. Г. Скрынников полагает, что документальные материалы, относящиеся к первым опричным казням (1565 г.), делу Старицкого (1567—1570 гг.), а также и ко второму «изданию» опричнины (1575 г.), «хранились в опричном архиве в необходимом порядке». Некоторые же документы о казнях до- и послеопричного периодов (1563, 1573 гг.), видимо, затерялись и не были использованы при составлении синодика, чем и объясняется то, что в синодик не попали имена казненных в эти годы. «Приказные люди, — пишет Р. Г. Скрынников, — прилежно "законспектировавшие" опричные судные дела — и не подозревали, что после гибели опричных архивов их конспекты сослужат историкам неоценимую службу»[150].

[53*] Поскольку опричные порядки с выделением особого управления «двора» государя сохранялись в той или иной форме, очевидно, до кончины грозного царя[151], в Постельной казне

Нахождение документов общегосударственного значения в личном архиве государя признавали тогда естественным[54*]. Однако нахождение таких документов в Постельной казне (или в каком-либо учреждении экстраординарного порядка[55*]) считалось временным явлением: после кончины государя документы, как правило, поступали в Царский архив. Это дает основание считать Постельную казну одним из фондообразователей Царского архива.

Примечания

[1] *Зимин.* Архив. С. 549—550.
[2] Там же. С. 550.
[3] О Д. И. Вишневецком см.: *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 71—87; *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. — князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской сечи по данным оттоманских архивов // Франко-русские экономические связи. М.; Париж, 1970 (имеется обзор литературы); *Зимин.* Архив. С. 412—413.
[4] ПСРЛ. Т. 13. С. 343.
[5] РИО. Т. 71. С. 146, 321.
[6] О Курлятеве см.: *Бахрушин.* Труды. Т. 2. С. 336 и сл.; *Смирнов И. И.* Очерки. С. 159, 192.
[7] *Голубцов.* Опись. Л. 12.
[8] *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 93; *Шмидт.* Заметки. С. 263.
[9] *Даль.* Словарь. Т. 4. Стб. 251—252.
[10] *Скрынников.* Начало опричнины. С. 169—170; *Он же.* Иван Грозный. С. 77—78.
[11] ПСРЛ. Т. 13. С. 344; *Веселовский.* Опричнина. С. 112—114; *Зимин.* Реформы. С. 99—103.
[12] *Зимин.* Архив. С. 406.
[13] *Скрынников.* Начало опричнины. С. 170—171; ДДГ. С. 480; ОАПП. Ч. 1. С. 255—256.
[14] ПСРЛ. Т. 13. С. 367.
[15] Православные монастыри Российской империи / Сост. Л. И. Денисов. М., 1908. С. 125, 439.

долго хранили и часть важной общегосударственной документации. Это нашло отражение и в дошедшей до нас Описи.

[54*] Любопытно представление самого царя Ивана о типическом государственном устройстве, нашедшее отражение и в посольской книге. В послании, отправленном от имени боярина кн. М. И. Воротынского литовскому гетману Г. Ходкевичу в 1567 г., Грозный замечает: «...А ведь же и в вашей земле есть земское, и дворное, и кралевское, гетманы и подскарбии и иные чиновники»[152].

[55*] Быть может, и в Челобитной избе, когда она была в ведении А. Ф. Адашева, и «в ту же пору, — как отмечает Пискаревский летописец, — был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним заодин, и сидели вместе в избе у Благовещения»[153]. В царствование Алексея Михайловича в XVII в. некоторые важные дела разнообразного характера оказались в архиве Приказа Тайных дел, так же как Челобитный приказ времени Адашева, контролировавшего деятельность других правительственных учреждений. С ликвидацией Приказа Тайных дел, после смерти царя, документы, там находившиеся, передали в архивы других учреждений.

[16] ПСРЛ. Т. 13. С. 344.
[17] РИБ. Т. 31. Стб. 280.
[18] *Шумаков С. А.* Сотницы. М., 1904. Вып. 3. С. 29—30; *Зимин.* Опричнина. С. 100. Примеч. 1.
[19] ПСРЛ. Т. 13. С. 344.
[20] *Веселовский.* Опричнина. С. 113—114; см. также с. 403—404.
[21] ОАПП. Ч. 1. С. 256.
[22] О постельничих см.: *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1. С. 461 и сл.
[23] ПСРЛ. Т. 13. С. 152, 454. Об изображении пожара Постельной казны в лицевой летописи см.: *Шмидт.* Оружейная палата. С. 11—13.
[24] ПИГ. С. 38, 99; ПГК. С. 31, 80.
[25] *Альшиц.* Новый документ. С. 12—13, 30—39.
[26] *Забелин.* Домашний быт. Ч. 1. С. 326 и сл.
[27] РГАДА. Ф. 123 (Дела Крымские). Кн. 10. Л. 8 об.
[28] ДДГ. С. 363.
[29] Временник МОИДР. М., 1850. Кн. 7. Роспись одежд царя, составленная на основании этой рукописи, приложена к кн.: *Забелин.* Домашний быт. Ч. 2. С. 845 и сл.
[30] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 26.
[31] Литература об этом приведена в кн.: Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 1. Введение Л. Н. Пушкарева к изданию «Древнерусский лечебник».
[32] *Штаден.* С. 137; *Staden,* S. 185; Литература указана в примеч. 4.
[33] *Белокуров.* Библиотека. С. 320. Примеч. 1.
[34] ПСРЛ. Т. 13. С. 341.
[35] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 63.
[36] *Жданов И. Н.* Сочинения царя Ивана Васильевича // *Жданов.* Соч. С. 128—142.
[37] См. об этом: *Шмидт.* Исследование Зарубина; *Он же.* От редактора // Библиотека Ивана Грозного.
[38] Библиотека Ивана Грозного. С. 15—30.
[39] *Слуховский.* Русская библиотека. С. 135—137.
[40] Библиотека Ивана Грозного. С. 62—66.
[41] *Тихомиров М. Н.* О библиотеке московских царей: (Легенды и действительность) // Новый мир. 1960. № 1. С. 196—202; см. переиздание: *Тихомиров.* Русская культура. С. 281—291.
[42] *Амосов А. А.* «Античная» библиотека Ивана Грозного: К вопросу о достоверности известий об иноязычном фонде библиотеки московских государей // Книжное дело в России в XVI—XIX веках: Сб. научных трудов Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1980. С. 6—31.
[43] *Белокуров.* Библиотека; см.: *Богословский М. М.* О трудах С. А. Белокурова по русской истории // РИЖ. Пг., 1922. Кн. 8. С. 238—239.
[44] *Слуховский.* Русская библиотека. С. 137.
[45] Об Иване Грозном, знатоке литературы и писателе, см.: *Жданов И. Н.* Сочинения царя Ивана Васильевича // *Жданов.* Соч.; *Лихачев Д. С.* Иван Грозный — писатель // ПИГ; *Он же.* Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного // *Лихачев Д. С.* Великое наследие. М., 1975; *Он же.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // ПГК; *Он же.* Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972; *Он же.* Смех как «мировоззрение» // *Лихачев Д. С., Панченко А. М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976; *Дуйчев И. С.* Византия и византийская литература в Посланиях Ивана Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15; *Шмидт.* Заметки; *Он же.* О Послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (постановка вопроса) // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24.

[46] *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание Великих Четьих Миней Макария, митрополита всероссийского // ЧОИДР. 1884. Кн. 1. Отд. 2. С. 37; *Кучкин В. А.* О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976.

[47] О трудах Е. С. Сизова см.: *Каштанов С. М.* Историк и источниковед Евгений Степанович Сизов // Источниковедение и историография. С. 188—189; Памяти Е. С. Сизова // Произведения русского и зарубежного искусства XVI — начала XVIII в.: Материалы и исследования. М., 1984. С. 247—248.

[48] *Сизов.* Датировка. С. 170—172.

[49] ПИГ. С. 531 (Археогр. обзор, сост. Я. С. Лурье); *Скрынников.* Переписка. С. 74; ПГК. С. 402 (примеч. 113), 404 (примеч. 127).

[50] РИБ. Т. 31. Стб. 113.

[51] См. об этом: *Буланин Д. М.* О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 3—4.

[52] См. об этом в кн.: Библиотека Ивана Грозного; см. также: *Кукушкина М. В.* Рукописные книги, подаренные Иваном Грозным в Антониево-Сийский и Соловецкий монастыри // Культурное наследие.

[53] *Белокуров.* Библиотека. С. 116; *Луппов С. П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 170—171.

[54] *Забелин.* Домашний быт. Ч. 1. С. 249.

[55] *Горсей.* С. 13 (перевод предисловия английского издателя Э. Бонда, написанного в 1856 г.); см. также: *Севастьянова А. А.* Записки Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII веков. (Разновременные слои источника и их хронология) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина). М., 1974. С. 79; *Осокин В. Н.* Пермские чудеса: Поиски и находки. М., 1979. С. 28.

[56] ПСРЛ. Т. 34. С. 190; *Тихомиров.* Летописание. С. 237.

[57] О такого типа рукописях см. в кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1; Методические рекомендации... 1976. Вып. 2. Ч. 1/2.

[58] РИБ. Л., 1925. Т. 13. С. 620.

[59] РИБ. Т. 31. Стб. 129, 148; *Скрынников.* Иван Грозный. С. 63.

[60] *Азболинская И. Д.* Неизвестный текст приветствия Ивану Грозному // ПКНО, 1974. М., 1975.

[61] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 127.

[62] *Турилов А. А., Чернецов А. В.* Софроний, книгочий Ивана Грозного, и адресованное ему сочинение // АЕ за 1982 год. М., 1983.

[63] ПИГ. С. 166.

[64] РИБ. СПб., 1878. Т. 4. С. 1386.

[65] *Панченко, Успенский.* Иван Грозный и Петр Великий. С. 75, 76.

[66] РИО. Т. 59. С. 611.

[67] *Зимин.* Архив. С. 280—281.

[68] *Забелин.* Домашний быт. Ч. 1. С. 249.

[69] См. об этом: *Душечкина Е. В.* Царь Алексей Михайлович как писатель (Постановка проблемы) // Культурное наследие. С. 186; см. также: *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.

[70] Английские путешественники. С. 62, 78—79.

[71] *Панченко, Успенский.* Иван Грозный и Петр Великий. С. 59; *Панченко А. М.* «Дудино племя» в послании Ивана Грозного князю Полубенскому // Культурное наследие.

[72] *Скрынников.* Опричный террор. С. 50 и сл.

[73] Английские путешественники. С. 59.

[74] *Лихачев Н. П.* Государев родословец и Бархатная книга // Известия Русского Генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. С. 51—52.
[75] См.: *Альшиц Д. Н.* Неизвестные послания Ивана Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12; *Он же.* Разрядная книга. С. 135; *Кобрин В. В.* Новая: царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой // ТОДРЛ, М.; Л., 1958. Т. 14; *Буганов В. И.* Послание Ивана Грозного 1573 г. // ИА. 1962. № 3.
[76] *Полосин.* Очерки. С. 211.
[77] *Альшиц.* Разрядная книга. С. 136.
[78] *Шмидт.* Челобитенный приказ; *Он же.* Адашев. С. 42.
[79] «Пересветов». С. 172.
[80] Там же. С. 163, 164, 197—198.
[81] Там же. С. 172.
[82] *Полосин.* Очерки. С. 211.
[83] См.: *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. Л., 1974 (указана литература о языке русской деловой письменности XVI—XVII вв.).
[84] ПИГ. С. 195—196.
[85] *Лурье Я.* С. Археографический обзор посланий Ивана Грозного // ПИГ. С: 530; *Шмидт.* Заметки. С. 258—259.
[86] См.: *Соколова М. А.* Очерки по языку деловых документов XVI века. Л., 1957; *Назаревский А. И.* О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961; *Ларин Б. А.* Очерки истории древнерусского языка. М., 1977.
[87] *Альшиц.* Разрядная книга. С. 136, 137.
[88] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 106 (Документ из Польской книги).
[89] *Linvald A.* Das Archivwesen in Danemark // AZ. 1932. Bd. 41. S. 240.
[90] *Pistolèse.* Les archives. P. 15—16.
[91] *Лихачев Н. П.* «Государев Родословец» и род Адашевых. СПб., 1897. С. 37.
[92] Polska sluzba: *Банёнис.* Посольская служба. С. 20.
[93] РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ по Мурому), № 9/7741.
[94] ПСРЛ. Т. 13. С. 155, 156.
[95] *Котошихин.* О России. С. 29.
[96] *Полосин.* Очерки. С. 64—123.
[97] ПСРЛ. Т. 13. С. 386.
[98] *Полосин.* Очерки. С. 88.
[99] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 124 (по Датской посольской книге № 1. Л. 74 и сл.).
[100] РИО. Т. 129. С. 112.
[101] ПСРЛ. Т. 13. С. 343.
[102] *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 112; *Зимин.* Архив. С. 393.
[103] ПСРЛ. Т. 13. С. 367.
[104] *Зимин.* Архив. С. 549.
[105] ОЦА. С. 36. Примеч. 3.
[106] ПСРЛ. Т. 13. С. 367.
[107] Литература указ. в кн.: *Зимин.* Архив. С. 427.
[108] ВИ. 1962. № 4. С. 146 (рец. В. Б. Кобрина на кн. ОЦА).
[109] *Шлихтинг.* С. 46—47.
[110] *Щербачев.* Копенгагенские акты. Вып. 2. № 208; см. также: ЧОИДР, 1893. Кн. 1. С. 268; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2.
[111] *Садиков.* Очерки. С. 81; *Кобрин.* Опричный двор. С. 36; *Каштанов.* Хронологический перечень. Ч. 1. С. 175.
[112] *Веселовский.* Опричнина. С. 234.
[113] *Кобрин.* Опричный двор. С. 51, 73—74; *Скрынников.* Россия. С. 66, 105.

[114] РК 1475—1598; РК 1559—1605 (см. именной указатель).
[115] *Альшиц.* Новый документ. С. 20.
[116] *Веселовский.* Опричнина. С. 224; *Кобрин.* Опричный двор. С. 55—57.
[117] *Щербачев.* Копенгагенские акты. Вып. 2. С. 70.
[118] Там же; *Зимин.* Архив. С. 456.
[119] *Зимин А. А.* Преобразование центрального государственного аппарата в годы опричнины // Научные доклады высшей школы. Ист. науки, 1961. № 4. С. 127; *Зимин.* Опричнина. С. 373; см. также: *Зимин.* Архив. С. 506.
[120] Скрынников. Начало опричнины. С. 268. Примеч. 1.
[121] *Кобрин.* Опричный двор. С. 36, 73—74.
[122] *Шлихтинг.* С. 36.
[123] *Веселовский.* Опричнина. С. 218—219, 407—408.
[124] *Кобрин.* Опричный двор. С. 46; *Зимин.* Опричнина. С. 443; *Он же.* Архив. С. 538—539.
[125] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 101. Примеч. 2; С. 102. Примеч. 1.
[126] Там же. С. 106. Примеч. 3.
[127] *Кобрин.* Опричный двор. С. 46.
[128] *Веселовский.* Опричнина. С. 219.
[129] ОАПП. Ч. 1. С. 256.
[130] *Веселовский.* Опричнина. С. 123—124.
[131] ПСРЛ. Т. 13. С. 366; РГАДА. Ф. 123 (Дела Крымские). Кн. 10.
[132] *Кобрин.* Опричный двор. С. 49.
[133] *Андреев.* Автор приписок. С. 142.
[134] *Шмидт.* Становление. С. 241—244.
[135] *Лихачев Н. П.* Письмо смутного времени // РИЖ. Пг., 1921. Кн. 7. С. 126—127.
[136] ОАПП. Ч. 1. С. 257—258.
[137] Там же. С. 256—257; ПСРЛ. Т. 13. С. 391.
[138] ОЦА. С. 49.
[139] Скрынников. Переписка. С. 91; *Зимин А. А.* Государственный архив и учреждение опричнины // Общество и государство. С. 297—299; *Зимин.* Архив. С. 429—434.
[140] *Ясинский.* Сочинения Курбского. С. 68.
[141] РИО. Т. 59. С. 571—582.
[142] *Ясинский.* Архив. С. 8; ПСРЛ. Т. 13. С. 402, 403, 407.
[143] ПСРЛ. Т. 13. С. 406.
[144] *Ясинский.* Архив. С. 9.
[145] *Корецкий В. И.* Описи древнерусских архивов // ИА. 1961. № 1. С. 163.
[146] Таубе и Крузе. С. 54.
[147] Там же. С. 40.
[148] *Веселовский.* Опричнина. С. 343—344.
[149] *Скрынников.* Опричный террор. С. 259.
[150] *Скрынников.* Иван Грозный. С. 136, 137.
[151] *Альшиц Д. Н.* Опричнина и формирование аппарата власти самодержавия (Разыскания и исследование новых исторических источников): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1982.
[152] РИО. Т. 71. С. 516; ПИГ. С. 271.
[153] ПСРЛ. Т. 34. С. 181—182.

Печатники — хранители Царского архива. Место его хранения

Царский архив можно рассматривать и как одно из сокровищ короны (хранение государственных сокровищ было в ведении лиц, причастных к деятельности казначеев, Казны), и как составную часть государственной канцелярии, непосредственно связанной уже в середине XVI в. с деятельностью Боярской думы и думных дьяков.

Царский архив, очевидно, первоначально находился в ведении печатника. На рубеже XV и XVI столетий печатник был помощником казначея, ведавшим государственной печатью и прикладывавшим ее к грамотам (согласно статьям Судебника 1497 г.). Первые конкретные сведения о печатниках государя всея Руси, как отмечает А. А. Зимин, относятся к началу XVI в.[1] Сфера деятельности печатников в XVI в. и изменение круга их обязанностей еще недостаточно уточнены, но можно все-таки считать, что в годы царствования Ивана Грозного на печатника была возложена ответственность за изготовление государственных, преимущественно дипломатических, актов и что именно он был хранителем государственной печати (или государственных печатей) и начальником государственной канцелярии. В других европейских странах таких высоких должностных лиц называли канцлерами («cancellarius»)[1*]. Слово «канцлер» применялось уже в русских памятниках XVI в. для обозначения должностных лиц иностранных ведомств (причем одно и то же лицо называли то канцлером — «канселарем», то писарем, то печатником) и в переводах иностранных грамот по отношению к печатнику. (Соответствующие примеры приведены в исследовании Ф. П. Сергеева о русской дипломатической терминологии[2].)

На связь печатника с хранением государственно-политического архива указывали уже давно; в историографическом плане этот вопрос, со ссылками на труды

[1*] В русском языке слово «канцелярия» утвердилось ко второй половине XVII в. и казалось заимствованным из Польско-Литовского государства[5]. Однако еще в начале XVI в. оно встречается в переводе грамоты посланника прусского магистра 1517 г. («канцелярия», «канселярия»[6]). Но в тех же посольских книгах вместо этого иноязычного слова употреблены соответствия: «писарня», «дьячия»[7].

В. О. Ключевского, Н. П. Лихачева. С. А. Белокурова, И. И. Вернера. С. А. Шумакова, рассмотрен В. И. Саввой[3]. Однако некоторые исследователи полагали, что печатники были хранителями Царского архива лишь до времени образования Посольского приказа. И. Е. Забелин, как и А. Н. Ясинский, признавал, что И. М. Висковатому именно как печатнику «было приказано ведать» документы Царского архива[4]. Думается, что мнение И. Е. Забелина, поддержанное и И. А. Голубцовым, ближе к истине.

Схожее явление наблюдалось в XV—XVII вв. и в других европейских странах[2*]. В Польско-Литовском государстве при Господарской раде также имелась канцелярия во главе с канцлером, хранившим государственную печать и отвечавшим за государственный архив[8]. В Англии наблюдение за государственным архивом было поручено канцлеру — государственному секретарю. Во Франции Сокровищница хартий была при королевской канцелярии. При канцелярии находились государственные архивы Испании, германских императоров[9].

В духовной Ивана III, написанной в начале XVI в., перечисляются ларцы с «казною», завещанные четырем его сыновьям, и четыре раза отмечено, что «те ларци стоят в моей казне, у моего казначея у Дмитреа у Володимерова, да у моего печатника у Юрья у Дмитреева сына у Грека, да у моих дьяков, у Данилки у Мамырева да у Тишка у Моклокова»[10]. Духовную запись июня 1523 г. о строительстве Девичьего монастыря в Москве Василий III «велел написати... диаку своему Труфану Ильину своею рукою да дати печатнику своему Ивану Третьякову»[11]. Указание на хранение у печатников документов встречаем и в посольских книгах начала XVI в.: так, в греческой посольской книге 1509 г. читаем, что привезенные афонскими монахами «грамоты были у Юриа у Малого, и Юрьи их у себя не доискался»[12]. Юрия Дмитриевича Малого Траханиота (Юрия Грека) называли тогда в документах печатником[13], затем он, как и упомянутый выше Иван Иванович Третьяков (Ховрин), был и казначеем[14]. Герберштейн пишет о Траханиоте как о «казнохранителе, канцлере ("thesaurarius, cancellarius") и главном советнике великого князя» [16]. В середине же XVI столетия, несмотря на остающуюся значительную связь печатника с казной (а следовательно, и с казначеями), печатника уже воспринимали прежде всего как «думного» человека, участвовавшего в государственно-правительственной деятельности Боярской думы.

Н. А. Фуников-Курцев, которого С. А. Белокуров, следуя показаниям источников, включил в составленный им перечень печатников[17], в те же годы назван «дьяк с казначеями» (1549 г.)[18], «печатник и дьяк» (1550, 1553 гг.)[19]. Ф. П. Сергеев полагает, что термин «печатник» является сокращенным видом составного термина «печатник и дьяк»[20]. В документах, в том числе разрядных, печатника называют отдельно от думных дьяков и перед ними (обычно вслед за казначеями).

[2*] Даже в «Словаре иностранных слов» было дано такое краткое определение слова «канцлер»: в Средние века — начальник королевской канцелярии и архива[15].

В настоящее время, пишет в методико-историографической статье Н. А. Соболева, «есть довольно смутное представление о том, какие печати существовали для утверждения документов различных категорий, издававшихся от царского имени, в отдельные периоды» истории Российского государства[21]. Не определены еще с должной точностью и названия печатей, время их возникновения и действия[22]. Ясно только, что в России времени Ивана Грозного было несколько государственных печатей[3*], что разными печати были даже у грамот, предназначенных для иностранных государей[4*]. Печати привешивали или прикладывали к жалованным грамотам и к другим правительственным документам. По Судебникам 1497 и 1550 гг. за приложение печати к документу взимали определенную пошлину. В этой связи в Судебнике 1550 г. не раз упоминается печатник. Время оформления в XVI в. собственно Печатного приказа, который в середине XVII в. находился в подчинении посольского думного дьяка, точно не установлено, потому неясно и время появления печати, которую называют воротной, так как она, по свидетельству Котошихина, «у думного дьяка беспрестанно повешена на вороту»[26].

Все или не все государственные печати были в середине XVI в. в ведении печатника? Ограничивался он оформлением документов, к которым привешивали печать, или и тех, к которым ее прикладывали? Имел печатник отношение только к документам внешней политики и к жалованным грамотам или и к иным документам? Представления обо всем этом еще предстоит уточнить. В начале же XVII в., как известно из Записки о порядках управления в России[5*], «малую» царскую печать хранят казначеи на Казенном дворе, а «большую» царскую печать «держит тот, кому государь пожалует»[27]. Возможно, что подобный порядок утвердился уже к середине XVI столетия.

Хранитель главной государственной печати во всех государствах в те века был особо приближен к государю. В 1550—1560-е годы таким приближенным Ивана Грозного стал И. М. Висковатый. Его, как и А. Ф. Адашева, царь назвал (в ответном слове шведским послам, 1557 г.) «своим ближним и верным думцем[29].

Висковатый официально был утвержден печатником в начале февраля 1561 г.[30] — с этого времени так обозначают его должностное положение в посоль-

---

[3*] Несколько государственных печатей в XVI в. было во Франции[23], Англии[24] и других государствах.

[4*] Хотя Иван Грозный придавал особое значение печатям на официальных документах, во всяком случае на грамотах, адресованных иностранным государям. Английской королеве Елизавете он укоризненно писал в 1570 г.: «А сколько грамот и приходило по ся места, — а ни у одной грамоты чтобы печат была одна! У всех грамот печати розные. И то не государским обычаем, а таким грамотам во всех государьствах не верят. У государей в государстве живет печат одна»[25].

[5*] Записка была составлена, по мнению публикаторов «Актов исторических», в 1610—1613 гг. Предназначена Записка была, видимо, для иностранцев. На заглавной ее странице современным почерком по-польски написано: «Porzadek Senatu Cara Moskiewkiego przy Dworze iego»[28]. Позднее Записка оказалась в Швеции, где приобрел ее С. В. Соловьев, известный археограф второй четверти XIX в., первооткрыватель и сочинения Котошихина.

ских и разрядных книгах; так подписался он в приговорной грамоте земского собора 1566 г. Интересно, что и Висковатый, подобно Фуникову, первоначально в посольских документах 1561—1562 гг. (в польской, шведской и датской посольских книгах) назван «печатник и дьяк»[31].

В 1549—1553 г. печатником был Фуников, в 1554 г. он упоминается как тверской дворецкий[32], с августа 1560 г. Фуников стал казначеем. В Дворовой тетради подле его имени пометы: «63-го» и «В опале»[33]. Об опале Фуникова писал и Иван Грозный в Первом послании Курбскому, обвиняя в этом «Избранную раду»[6*]; и действительно, новое возвышение Фуникова совпало как раз с временем падения Адашева и Сильвестра. Вероятнее всего, обязанности печатника исполнял в годы опалы Фуникова, т. е. с конца 1554 г., Висковатый.

Официальное назначение Висковатого печатником именно в феврале 1561 г. можно связывать с тем, что П. А. Садиков охарактеризовал как некую «реформу», достойную мемориальной записи в официальной летописи[36]. 3 февраля 1561 г. царь Иван «переменил» печать «старую меншую», «что была» при отце его, «а учинил печать новую»[37]. Произошло, по предположению П. А. Садикова, расширение ведомства печатника[38]: к одной из печатей, «большой», был назначен Висковатый[7*], к другой, «меньшей», — Угрим Львович Пивов[8*].

В Дании Висковатого, куда он прибыл с посольством в 1562 г., называли «Kanzler». Так же писали о нем датские дипломаты в 1554 г.[39] и называл, по мнению Ю. В. Готье, англичанин[9*] Ченслор, представленный Ивану IV в январе 1554 г.[41] Другие иностранцы, знавшие Висковатого в конце 1560-х годов, тоже писали о нем как о канцлере, «высшем канцлере»[42] и казначее («Schätzer»)[10*], секре-

---

[6*] «Что ж о казначее нашем Никите Офонасевиче? Почто живот напрасно раздробисте, самого же в заточении много лет, в дальных странах, во алчбе и наготе держасте?»[34] В. Д. Назаров приводит примеры земельных сделок Фуникова в годы отдаления от власти и полагает, что эта оценка опалы Иваном IV заведомо фальсифицирована[35]. Возвращенный затем в ряд приближенных царя, Фуников был позднее, в 1570 г., казнен вместе с И. М. Висковатым.

[7*] П. А. Садиков полагает, что Висковатого назначили вместо ушедшего в казначеи Фуникова. Однако Фуников, как отмечалось выше, казначеем стал еще в августе 1560 г., а до своей опалы в 1554 г. недолго был одним из дворецких, перестав, видимо, занимать должность печатника еще в 1553 г.

[8*] Это напоминает порядок в системе управления у литовских господарей и польских королей. Там были государственный, или великий канцлер («Kanzlerz wielki, cancellarius regni»), и его помощник — подканцлер («podkanclerz, vicecancellarius или Subcancellarius»). В их ведении была канцелярия господаря, контроль за ее делопроизводством; они принимали участие во всех заседаниях господарской рады, были главными докладчиками по всем делам. Канцлер хранил большую государственную печать, подканцлер — малую. (Обе печати имели одинаковую силу[40].)

[9*] В Англии канцлером — государственным секретарем — был в то время обычно главный хранитель государственных документов («State Papers»).

[10*] Впрочем, Штаден называет, видимо, все приказы «canzeleien», а их начальников — «canzeler»[48].

таре царя и заместителе казначея[43]. В заграничных летучих листках[11*] того времени тоже находим упоминания о «высшем канцлере, который носил на шее великокняжескую печать» («Der öberst Cantzler[12*], welche dess Grossfürsten Sigel am Halss getragen»)[44].

Отмечают не только деятельнейшее участие Висковатого во внешних сношениях государства[45], его непосредственные сношения с пребывающими в России дипломатами[46] и обязательную причастность к оформлению посольской документации, но и то, что в годы опричнины[13*] «Иван Висковатый держал в земщине печать». В другом месте своего сочинения Штаден пишет: «Кто получал свою подписную грамоту ("unterschriebenen Briff"), должен итти к Ивану Висковатому, который хранил печать. Человек он гордый, и счастлив мог почитать себя тот, кто получал от него грамоту в течение месяца»[47]. Следовательно, и в середине 1550-х, и в конце 1560-х годов Висковатый в представлении современников, и русских и иностранцев, занимал одну и ту же должность.

Поскольку за сохранность государственных ценностей отвечали казначеи, то печатник, ведавший частью «казны» (печатью, архивом и, возможно, библиотекой — «книгохранительницей»), мог рассматриваться как один из казначеев (или заместитель казначея)[14*]. Любопытен в этом отношении ответ русского посла к турецкому султану в 1570 г. на вопрос санчака в Кафе о Висковатом: «У нашего, господине, государя... Иван — человек приказной, печатник, да ему ж приказана государева казна ведати с казначеем с Никитою Фуниковым»[52].

Непосредственное отношение Висковатого к Царскому архиву подтверждается Описью и другими документами — посольскими и иными[15*]. Важно отметить, что, судя по упоминаниям посольских книг, Висковатый имел касательство к «казне», где хранились документы внешних сношений, и в середине 1550-х, и в конце 1560-х годов: в мае 1554 г. Иван IV «грамоту перемирную, королево (короля Сигизмунда II Августа. — *С. Ш.*) слово, и другую грамоту с пословыми печатми дал диаку Ивану Михайлову, а велел положити в казну»[53]; в июне 1569 г. список посольства в Швецию Иван IV «прислал... в посолную избу к дияку к Ондрею Васильеву с казначеем Никитою Фуниковым да с печатником с Иваном Михайловым»[56].

[11*] Современники подчеркивали особое доверие, привязанность царя к Висковатому: Иван Грозный будто бы его любил как самого себя («den er doch als seine eigene Seele geliebet»)[49].

[12*] Канцлером называют Висковатого и современные советские и зарубежные ученые (например Кн. Расмуссен[50]).

[13*] В опричнине обязанности печатника, видимо, исполнял приближенный к царю казначей Угрим Пивов. (О деятельности У. Пивова см. в исследованиях П. А. Садикова[51].)

[14*] Вероятно, потому в разрядах 1550 г. казначеем назвали и А. Ф. Адашева: он, как постельничий, был хранителем Постельной казны[54].

[15*] Указание на постоянную причастность Висковатого именно к письменным материалам можно усмотреть в таившем угрозу замечании ему митрополита Макария во время заседания собора «на еретиков» 1553 г.: «...знал бы ты свои дела, которые на тебе положены, не разроняй списков»[55].

Имел Висковатый касательство и к какой-то «книгохранительнице»[16*]. В 1560 г. литовский правительственный и культурный деятель Остафий Волович обратился через посланника в Москве к Висковатому с просьбой переслать ему книги[17*] — «Евангельские беседы» Иоанна Златоуста, незадолго перед тем переведенные с греческого языка на русский под руководством Максима Грека[57]. Висковатый просил передать Воловичу: «А что есь говорил мне о книгах, ино книги у меня те есть, и яз с них велю списати, да те списки к нему пошлю, а Остафей бы о том не подивил, что вскоре не поспеют, книги велики добре, ино списывати их долго»[58]. В известном рассказе из хроники Ниенштедта о библиотеке рукописей на греческом, латинском и древнееврейском языках, показанной в 1565/66 г. пастору Веттерману и знавшим «московитский язык» немцам приближенными Ивана Грозного[59], назван и Висковатый[18*].

[16*] Висковатый был человеком «книжным», и, как явствует из его покаянного свидетельства на церковном соборе 1553/54 г. о книгах, которые он брал у своих знакомцев (бояр М. Я. Морозова и В. М. Юрьева), для него было характерно, по выражению М. И. Слуховского, «книгопользование путем заимствования литературы у соседа»[60].

[17*] В связи с событиями политической и культурной истории, и прежде всего, истории русско-литовско-польских отношений, вопрос этот детально рассмотрен в статье Л. А. Юзефовича «Миссия Исайи (1561 г.) и Остафий Волович»[61].

[18*] Ниенштедт, скончавшийся в глубокой старости в 1622 г., рассказ этот записал (как он сам отмечает) со слов Веттермана и одного из сопровождавших его немцев. Русские фамилии переданы неточно (что, впрочем, заметно в сочинениях даже живших в России Шлихтинга и Штадена). Древние рукописи, по словам хрониста, показывали Andreas Solkan, Nikita Wysrowata и Funica (Unico), причем «Solkan» назван «высшим канцлером и дьяком» («öbersten canzler und Dyak»)[62]. Это — хорошо известные историкам России XVI в. дьяк Андрей Щелкалов, печатник Иван Висковатый и казначей Никита Фуников. Странно, однако, что именно о Щелкалове несколько раз упоминается как о главном действующем лице этого рассказа. М. Н. Тихомиров неточен, когда пишет: «При этом дьяк Щелкалов назван высшим канцлером. Этот титул иностранные писатели присваивают думному дьяку Посольского приказа, каким и был в действительности Андрей Щелкалов в то время»[63]. А. Щелкалов не был еще в 1565/66 г. главным дьяком Посольского приказа, а канцлерами иностранцы чаще называли печатников (которые, правда, иногда совмещали эти обязанности и с руководством Посольским приказом). Более обоснованно, думается, предположение Н. П. Лихачева: «Только Щелкалов неправильно поставлен на первое место. Может быть, он был в данный момент старшим дьяком Казенного приказа и потому казался иноземцу главным, но может быть, и просто выдавался тем, что сравнительно с двумя товарищами принимал более горячее участие в предполагавшемся обогащении русской литературы. Вернее же всего, что известие о посещении библиотеки было записано post factum через несколько лет, во время наибольшего могущества Щелкаловых»[64].

Последнее объяснение кажется действительно наиболее вероятным. А. Я. Щелкалов как будто не был, подобно Висковатому, «книжным человеком». На служебной лестнице Щелкалов стоял тогда ниже Фуникова и Висковатого, но зато в последние десятилетия XVI в. сумел достигнуть такого могущества, которого они никогда не знали. Возможно даже, что и фамилия Щелкалова оказалась вставленной в рассказ позднее, по ассоциации с другим носителем имени Андрей — думным дьяком Васильевым, в середине 1560-х годов имевшим непосредственное отношение к документальным богатствам русского царя, близко связанным по роду деятельности с Висковатым и, очевидно, попавшим в опалу вместе с ним и Фуниковым в 1570 г. Ведь

Царский архив и печать были поручены царем Висковатому как особо доверенному лицу. Исключительное влияние Висковатого на правительственную деятельность начиная с 1550-х годов засвидетельствовано разнообразными источниками. Видимо, он сумел показать особую приверженность Ивану IV, его малолетнему наследнику и родственникам его жены (Захарьиным) в дни тяжелой болезни царя[19*] в марте 1553 г., и это способствовало еще большему выдвижению Висковатого, придало ему смелость в отношении других видных тогда правительственных деятелей. В июне 1553 г. Висковатый решился выступить на «Московском соборе на еретиков» против влиятельнейшего из «временников», священника Сильвестра. Висковатый был признан неправым[20*], но положение его как правительственного дельца не пошатнулось[21*]. В 1554 г. он, единственный из думных дьяков, вошел в состав думской комиссии, назначенной для «сыскного изменного дела» князей Ростовских («дело» Ростовских хранилось как раз в Царском архиве, в ящике 174).

Печатником и главным хранителем архива, сосредоточившего все важнейшие документы внутренней и внешней политики государства, в том числе касающиеся династии и лично государя (например, «изветы»), Висковатый стал, видимо, после того, как в дни боярского «мятежа» в марте 1553 г. обнаружилось «шатание» казначея и печатника Фуникова. Не случайно среди ящиков «прибывших» в Царский архив при Висковатом, был особый ящик с «печатью большой»[22*] (ящик 155). Это предположение отнюдь не в противоречии с выясненным уже фактом непосредственного отношения Висковатого к документам Царского архива и прежде, по крайней мере со времени, когда ему доверили руководство деятельностью Посольского приказа.

спутали же в этом рассказе имена Висковатого и Фуникова, назвав Висковатого Никитой?! И не к Ивану ли Висковатому относится такое же определение, что и в летучих листках тех лет, — «öbersten canzler und dyak»?

[19*] Висковатый как ближний дьяк государев, согласно обычаю того времени, делал во время болезни царя записи, которые следовало затем использовать в качестве заготовок для официальной летописи (см. об этом в главе «К истории редактирования лицевых летописей времени Ивана Грозного»).

[20*] По предположению Н. Е. Андреева, официальное «дело» Висковатого находилось в ящике 189 Царского архива. «А в нем дела соборные подлинные, в листех, за митрополичьего рукою, 62-го, 63-го, Матфея Башкина и Артема, бывшего троецкаго игумена, и иных». «Между этими "иными", — пишет исследователь, — должно было лежать подлинное "дело" 1554 г.: "Список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон дияка Ивана Михайлова сына Висковатого в лето 7062". Висковатый, ведавший Царским архивом, хорошо помнил это "дело", но в "опись" свое имя не включил»[65].

[21*] По основательному предположению И. В. Курукина, за спиной Висковатого в его противостоянии и митрополиту Макарию, и Сильвестру стоял, вероятно, сам царь Иван[66].

[22*] Упоминание о «печати большой» отнюдь не означает, что ящики эти передали в Царский архив только после оформления той печати, о которой читаем в летописи под 1561 г.[67] «Большой печатью» и в первой половине XVI в. называли печать, которой оформляли великокняжеские грамоты. Н. П. Лихачев приводит примеры таких указаний в посольских книгах[68].

Иван IV решился передать в подведомственный Висковатому архив и важные документы династического характера, в частности «духовные грамоты старые великих князей», «великих княгинь» и удельных князей (ящик 138), возможно, хранившиеся прежде в Постельной казне. Ящик с этими документальными материалами помечен первым среди «прибывших» в Царский архив «при дьяке при Иване при Михайлове». Среди новых поступлений в архив был и ящик 152, где находились «свадебные книги». Висковатому, как выяснил В. И. Буганов, велено было «свадебный разряд ведать» свадьбы кн. Владимира Андреевича весной 1555 г. В одной из редакций разрядов свадьбы больше подробностей. Этот разряд, считает В. И. Буганов, несомненно, составлен Висковатым[69].

С 1550-х годов Висковатый — постоянный участник думских «ответных» комиссий, назначавшихся для переговоров с представителями иностранных государей[23*]. По выражению А. К. Леонтьева, Висковатый фактически стал посредником между царем и Боярской думой в вопросах внешней политики[70], он вел и неофициальные переговоры с послами[24*].

А. К. Леонтьев полагает, что именно Висковатым была составлена в 1565—1566 гг. выписка о событиях 1462—1565 гг., содержащая основные сведения о сношениях между Российским и Польско-Литовским государствами[71]. В этой выписке (опубликованной С. А. Белокуровым)[72] среди лаконичных напоминаний о датах восшествия на престол и кончины государей вклинилась запись о поручении Висковатому посольского дела[25*]: «В 57-м году приказано посольское дело Ивану Висковатому, а был еще в подьячих»[26*]. «Это действительно уникальная для XVI в. запись... — замечает А. К. Леонтьев, — скорее всего может быть объяснена не в связи с реформой "посольского дела", а с точки зрения интересов самого» Висковатого, который, как глава Посольского приказа и печатник (в ведении которого находился Царский архив), составлял настоящую выписку или же руководил работой дьяков по ее составлению. Вставив в выписку фразы о "приказании" ему, еще подьячему[27*] (что особо подчеркивается выпиской), "посольского

[23*] По подсчетам А. К. Леонтьева, с 1549 г., времени назначения Висковатого дьяком Посольского приказа, по 1559 г. в Москву приезжали 32 посольства из разных стран, в переговорах с которыми непременно участвовал Висковатый, тогда как глава «Избранной рады» А. Ф. Адашев принимал в них участие 15 раз, казначей Ф. И. Сукин — 6 раз; другие 1—3 раза[73].

[24*] В 1549 — начале 1550-х годов[74] и позднее Висковатый участвовал и в делах внутреннего управления.

[25*] Высказывалось предположение, не является ли Выписка автографом Висковатого. Если это подтвердится, то перед исследователями возникнет заманчивая перспектива сравнительного изучения дьячьих помет на посольских книгах и других современных документах.

[26*] Этот текст воспроизведен на титульном листе книги С. А. Белокурова «О Посольском приказе»[75].

[27*] В январе 1549 г. была создана комиссия Боярской думы для переговоров с польско-литовскими послами в составе бояр В. М. Юрьева, П. В. Морозова, дьяков И. Е. Цыплятева, Бакаки Митрофанова и подьячего Висковатого[76]. По наблюдениям В. И. Саввы, «в лице Висковатого в боярскую комиссию подьячего назначили впервые»[77].

дела" и последующего пожалования ему дьяческого чина, И. М. Висковатый, возможно, стремился подчеркнуть свои особые заслуги в вопросах руководства внешней политикой государства в рассматриваемое время»[28*]. А. К. Леонтьев указывает при этом, что к середине 1560-х годов между Висковатым и царем «наметились расхождения в оценке дальнейших внешнеполитических (а возможно, и внутриполитических) задач», свидетельством чего явилось «особое» мнение Висковатого на Земском соборе 1566 г. по вопросу о Ливонской войне[79].

Н. П. Лихачев первоначально полагал, что Висковатый по возвращении из Дании и с получением звания печатника продолжал оставаться главой Посольского приказа[80]. Позднее он высказал мнение, что Висковатый участвовал в эти годы в приемах послов не как думный посольский дьяк, а как печатник[81]; С. А. Белокуров считал, что с назначением печатником Висковатый перестал быть начальником Посольского приказа и им сделался А. Васильев[82]. В. И. Савва склонен согласиться с мнением С. А. Белокурова[83]. Думным посольским дьяком с 1562 г. действительно стал Андрей Васильев, сосредоточивший в своих руках непосредственное делопроизводство Посольского приказа (т. е. начавший выполнять ту работу, которую прежде выполнял Висковатый), сопровождавший царя во время его «ездов», тем более что Висковатый в сентябре 1562 — ноябре 1563 г. был в посольстве в Данию. Но самая поездка в Данию руководителя внешней политики и знатока истории внешнеполитических отношений России и ее документации — явление знаменательное. Обычно непосредственные руководители внешней политики государства в XVI в. не выезжали за его пределы. Естественно, что участие в посольстве существенно обогатило опыт дипломатической практики Висковатого, расширило его конкретные представления о международных отношениях тех лет. И основные направления внешней политики России продолжали определяться (конечно, в той форме, в какой это было допустимо при личном вмешательстве царя во все области государственной деятельности) по-прежнему Висковатым.

Висковатый работал, видимо, в согласии с А. Васильевым. Не раз они совместно вели переговоры с иностранными послами и посланниками. В посольских книгах не редки упоминания о таких переговорах в «Посолной полате» (Н. П. Лихачев отметил некоторые из этих фактов[85]; еще больше примеров в книге В. И. Саввы о Посольском приказе). И в самые последние месяцы своей жизни Висковатый продолжал деятельно участвовать в организации внешних сношений: в июне 1570 г. для встречи со шведскими послами царь велел идти «в Посолную по-

[28*] Вероятно, Висковатый желал противопоставить себя (напомнив о своих заслугах) другим выдвигавшимся приказным деятелям, в частности враждебно к нему относившимся братьям Щелкаловым[78]. «Печатник» Висковатый присужден был «за бесчестье» дать «дьяку введенному» Василию Щелкалову двести рублей, но просил «пожаловати» его и разрешить вместо денег передать Щелкалову вотчину свою в Переяславском уезде. Вотчинная грамота, выданная В. Я. Щелкалову, писана 15 марта 1571 г.[84] Это позволяет предполагать, что решение в пользу Щелкалова было принято незадолго до гибели Висковатого.

лату» печатнику Висковатому и дьяку А. Васильеву, где они вели переговоры в течение нескольких дней[86]. В июне же 1570 г. Висковатый участвовал в переговорах с послами, приехавшими из Польско-Литовского государства[87].

Поскольку печатник (канцлер) отвечал за общегосударственный архив, на нем лежала забота о сохранности документальных материалов архива, их систематизации и описании. Именно под руководством канцлера составлялись описания документальных материалов общегосударственных архивов в XV — начале XVII в. в Дании[88], Швеции[89], Баварии[90], в Речи Посполитой (где архив приводил в порядок Ян Замойский) и других европейских государствах.

Большая царская печать (а иногда, видимо, и Малая печать) являлась необходимой принадлежностью важнейших документов внешних сношений; и обязанности печатника и начальника Посольского приказа могло совмещать одно и то же лицо. Но это не означает, что заведование Царским архивом сразу же стало обязанностью начальника Посольского приказа. Архивом этим первоначально ведал печатник, связанный в заметной степени с Казной. В Царском архиве находилось много документов, не имевших никакого отношения к организации внешних сношений государства. Еще больше актов внутригосударственной деятельности государя, Боярской думы, приказов надлежало оформлять государственной печатью.

В то же время Висковатый, будучи печатником, продолжал деятельность по дипломатической части. Ставший думским посольским дьяком А. Васильев сделался фактически помощником Висковатого и по ведению дел в Царском архиве. Следует, однако, особо отметить, что если Висковатый составлял «книги» описания документов Царского архива, то А. Васильев — только «тетратъ» краткого описания архивных ящиков.

Соединение функций руководителя дипломатического ведомства и хранителя Царского архива произошло уже после падения Висковатого и А. Васильева, в годы возрастающей роли в правительственной деятельности братьев Щелкаловых, т. е. не ранее 1570-х годов.

В последние годы жизни Ивана Грозного и после его смерти влияние Щелкаловых (особенно Андрея, который был старше Василия примерно на десять лет) на государственные дела и даже взаимоотношения лиц правящего круга было очень велико и отмечено во многих актах и в записках современников (русских[29*] и иностранцев). Исключительное положение братьев Щелкаловых зафиксировано даже в дипломатическом документе 1576 г.: «дьяки государские ближние думы — Андрей да Василей Яковличи Щелкаловы»[92].

Братья Андрей и Василий Яковлевичи Щелкаловы были тесно взаимосвязаны в своей правительственной деятельности[93]. Андрей упомянут уже в Тысячной

[29*] Дьяк Иван Тимофеев, характеризуя в начале XVII в. братьев «самописчих» Щелкаловых, писал, что А. Щелкалов «в царских ступающих тайнах... без него ж никая же державных тайна и о землеправлениох законоуставленая положения не совершашеся»[91].

книге 1550 г., а в грамоте приговорной Земского собора 1566 г. он указан в числе пяти думных дьяков, Василий — среди дьяков и приказных людей. Главой Посольского приказа Андрей Щелкалов стал на исходе 1570 г., но имел отношение к деятельности и других приказов, в частности Разрядного, и к разбирательству местнических дел. Василий же Щелкалов, управляя другими приказами, участвовал, хотя и не регулярно, в организации внешних сношений. Уже в феврале 1571 г. турецкий посол был «в Посолской полате у дьяков у Ондрея да у Василья Щелкаловых»[94]. В исследовании В. И. Саввы приведено немало свидетельств совместного участия братьев Щелкаловых в дипломатических переговорах[95]. После отставки Андрея в 1594 г. Василий сменил его на посту в Посольском приказе, оставив Разрядный приказ, деятельностью которого руководил с 1577 г. как думный разрядный дьяк.

А. Я. Щелкалова иностранные дипломаты 1570—1580-х годов называли, как и Висковатого, канцлером[30*]: датский дипломат Я. Ульфельдт[98], посетивший Россию в 1578 г.[31*]; папский уполномоченный Антонио Поссевино, бывший в России в 1581 г.[99] («cancellarius»); английский посол Баус — в жалобе, поданной в 1584 г. («chauncellor», «chanceller»)[100]. Так назван А. Щелкалов и в известном сочинении Дж. Флетчера «О государстве Русском» («Chancellor»)[101], причем комментатор этого сочинения С. М. Середонин считал, что слово «канцлер» означало в то время — «печатник»[102]. Важно отметить, что и Ченслор Висковатого[103], и Флетчер А. Щелкалова называют также «главный секретарь» («chief secretary»)[104], а им был в Англии хранитель королевской печати. Цесарский посол Варкоч (1593 г.) именует А. Щелкалова: «великий хранитель печати»[105]. Как о «великом государственном логофете»[106] пишет о нем и иерарх греческого происхождения Арсений, архиепископ Елассонский, служивший в патриаршем храме константинопольского патриарха, а затем долго живший в Москве[107]. Логофет в средневековой Византии — хранитель патриаршей печати, ведавший патриаршей канцелярией и архивом. «Великий логофет» — что-то вроде канцлера «великой», т. е. константинопольской, патриархии[108]. В. О. Ключевский, не указывая источников, писал, что А. Щелкалов, управляя Посольским приказом, занимал должность казначея; казначеем он был и по мнению Н. П. Лихачева, хотя ученый не уточняет времени, когда А. Щелкалов состоял казначеем[109].

Видимо, следовало бы признать А. Щелкалова не обычным казначеем, а печатником, хранившим часть (документальную) Казны. Более того, допустимо и еще одно уточнение: А. Щелкалов, как ранее и Висковатый[32*], стал печатником

[30*] Так же называли его и в зарубежных хрониках и летучих листках[96]. Советский историк Р. Г. Скрынников пишет о «канцлере» А. Щелкалове[97].

[31*] Ульфельдт, следует заметить, называет канцлерами и других думных дьяков — Василия Щелкалова, А. Шерефединова[110].

[32*] После Висковатого в 1570 г. недолго печатником был Б. И. Сукин[111], связанный с деятельностью Разбойного приказа.

земщины. Дворовым же печатником был в 1570-е годы Роман Васильевич Алферьев-Нащекин[112], именуемый печатником в документации тех лет, в том числе в разрядах, в местническом деле написано о деятельности Алферьева: «те государевы грамоты (имеются в виду «судные дела». — *С. Ш.*) печатал своими руками»[113]. Однако в отличие от изощренного знатока приказного делопроизводства, владевшего, видимо, и иностранными языками (польским, немецким, возможно даже английским)[114], А. Щелкалова, Р. В. Алферьев, по собственному его признанию, был малограмотен. В только что цитированном местническом деле 1583 г. приводятся его слова: «а аз грамот не прочитаю, потому что яз грамоте не умею...»[115].

В. Я. Щелкалов с марта 1596 г., по словам С. А. Белокурова, начал именоваться «печатником и посольским дьяком»[33*]. Цесарский посол в 1597 г. называл его «канцлером»[116].

В плане данного исследования можно подчеркнуть то, что в годы, когда А. Я. Щелкалов ведал Царским архивом, была составлена книга (или книги) «перепись новая» документам архива (для чего и распорядились, видимо, сделать копию с «переписной тетрати» А. Васильева, и копия эта дошла до нас в виде изучаемой Описи). А в годы, когда стал печатником В. Я. Щелкалов, составили еще одну книгу архивной переписи, оглавление которой (или части ее) недавно обнаружено[34*].

Таким образом, все три печатника — и Висковатый, и А. и В. Щелкаловы, сравнительно долго оставшиеся в этой должности, полагали необходимым составление переписи документов вверенного им архива.

* * *

Видимо, уже со времени, когда печатником стал Висковатый, вероятнее всего с 1561 г., Печатный приказ, а следовательно, и находившийся в ведении печатника Царский архив воспринимались как особое ведомство того, кому Большая печать «была приказана».

Печатный приказ был одновременно взаимосвязан с другими правительственными учреждениями — с Казной и с Боярской думой. Печатник был и первым среди думных дьяков и одним из казначеев. В 1570-е годы связь хранителя Царского архива с Казной, вероятно, уменьшилась, но более тесной стала связь с приобретавшим заметную самостоятельность и даже известную независимость от Боярской думы Посольским приказом. Возможно, это было обусловлено и тем временным обстоятельством, что в официальной документации печатником тогда называли не А. Щелкалова, а дворового печатника Альферьева (который, видимо, ведал прило-

---

[33*] Царским указом от 28 декабря 1598 г. велено было сведения о «татарском» переводчике при семействе сибирского хана сообщить «печатнику нашему и посольскому дьяку» В. Я. Щелкалову[117].

[34*] См. главу «Книги-переписи» и «"Росписи" Царского архива».

жением печати к актам внутренней политики). И если при Висковатом деятельность думного посольского дьяка, отвечавшего за делопроизводство Посольского приказа, находилась как бы в некоторой зависимости от печатника, фактически продолжавшего руководить внешней политикой государства, то при Андрее Щелкалове деятельность Печатного приказа (во всяком случае, в сфере организации внешних сношений государства) оказалась подчиненной деятельности Посольского приказа и его начальника. Это же повторилось и при Василии Щелкалове. Не тогда ли зародились представления, нашедшие отражение в сочинении Котошихина, писавшего о Печатном приказе: «а ведает тот Приказ посолской думной дьяк, да дьяк»[118]? Это не могло не отразиться и на судьбе Царского архива — его ведомственной подчиненности, составе, источниках формирования новых архивных дел.

Помимо Висковатого, А. Васильева, братьев Щелкаловых, в третьей четверти XVI в. к Царскому архиву имели отношение и другие правительственные деятели — казначеи и думные люди, особенно те, служба которых была связана с организацией внешних сношений государства. Казначей Фуников вместе с Висковатым, как уже отмечалось, присылал шведские посольские дела в Посольскую избу. Фуников же вместе с Висковатым и А. Щелкаловым (или А. Васильевым?) показывал пастору Веттерману древние рукописи «библиотеки» Ивана Грозного.

Очень вероятно обращение к документам Царского архива разрядных дьяков, составлявших книги «свадебных чинов»[35*], «служебные книги» разного рода, участвовавших в рассмотрении думскими комиссиями местнических споров.

Несомненна прикосновенность к «делам» Царского архива тех, кто подбирал материал для официальных летописей и составлял их. Уже с конца XV в., пишет Д. С. Лихачев, летопись «проникается стилем и содержанием деловых бумаг московских приказов. Она отражает в первую очередь внешние сношения» государства, деятельность Посольского приказа[120]. Хотя было бы и неосторожно утверждать, вслед за А. Н. Ясинским, что заведование Царским архивом было соединено с обязанностью составлять «списки, что писати в летописец», т. е. вести московскую официальную летопись[121].

К делам «прежних лет» и «новых лет» обращались и наши «легисты» (употребим это выражение В. Э. Грабаря)[122] при рассмотрении международно-правовых вопросов[123], и публицисты, обычно склонные опираться на те или иные исторические традиции. В Царском архиве, так же как и в Постельной казне — «книгохранительнице» царя (или дворца), подбирали по заданию царя Ивана и материал, нужный ему при подготовке его «речей» и «посланий»[36*], а также «духовной»[124].

[35*] Книгу «свадебных чинов» свадьбы Магнуса в 1573 г. составлял разрядный дьяк Василий Щелкалов, «а черненье в том списке брата его Ондреево Щелкалова», — читаем в местническом деле конца 1580-х годов[119]. Андрей Щелкалов ведал в 1570-е годы Царским архивом и был посольским дьяком.

[36*] В послании шведскому королю (1573 г.) царь Иван прямо ссылается на «прежние хроники и летописцы», откуда он почерпнул сведения о Ярославе Мудром и его взаимоотношениях с варягами[127].

Бесспорно использование документов Царского архива А. Ф. Адашевым. Руководя дипломатическими переговорами, подыскивая «исторические» обоснования внешнеполитических акций Российского государства (в частности, в канун походов на Казань в 1550-е годы и Ливонской войны), Адашев не мог не знакомиться с документацией внешних сношений; знание им этих документов нашло отражение в посольских книгах и в летописях. Велика роль Адашева в составлении «Государева Родословца»[125], Дворовой тетради[126] и официальной Разрядной книги, а источники, к которым обращались при их подготовке, в значительной своей части находились в Царском архиве. Там же подбирались и материалы для официальной летописи[37*], «что писати в Летописец лет новых». Черновые списки этого летописца (а возможно, и документы, использовавшиеся для их написания) были взяты Адашевым даже в Ливонский поход 1560 г., где он «писал память, что писати в летописец» (об этом узнаем из описания ящика 223). Можно полагать, что Адашев принимал деятельное участие и в составлении летописца, предшествовавшего этому[38*] (его обычно называют «Летописец начала царства»).

Последовательное сравнительное изучение различных правительственных актов, разрядных и посольских книг, летописных списков и других повествовательных памятников позволит, можно полагать, в будущем более точно определить круг лиц, причастных в той или иной мере к использованию документов Царского архива[39*], выяснить, кто именно имел право непосредственного входа в хранилище (или хранилища), где находились эти документы. В Царский архив, как и в важнейшие архивы других государств Европы XVI в., доступ был крайне ограничен. Однако вряд ли правы те, кто полагают, что Иван Грозный «был в основном единственным человеком, пользовавшимся архивом»[129].

* * *

В памятниках XVI в. при упоминании о документах, которые находились (или которым надлежало находиться) в Царском архиве, не раз встречаем указания не на «казну», а на «казны» («царские казны»).

Вполне возможно, что документы Царского архива были рассредоточены в разных хранилищах — «казнах».

Отмечалось уже, что часть документов оказалась в Постельной казне государя. Некоторые документы, безусловно, находились в Посольской палате, где их

[37*] Учет и разбор архивных материалов был обязательным условием последующей их историографической обработки (подобно тому как это имело место, по предположению Л. В. Черепнина, в годы царствования Михаила Романова)[128].

[38*] Об этом писали М. Н. Тихомиров и С. В. Бахрушин. Основательные доводы в пользу такого мнения со ссылками на литературу приведены А. А. Зиминым еще в работах, изданных в 1950-е годы. Интересны в этой связи текстологические наблюдения Р. Г. Скрынникова[130]. (Новейшая литература названа А. А. Зиминым в комментариях к его изданию Описи[131].)

[39*] Маркевич еще в 1888 г. высказал предположение, что в правительственном архиве могло быть несколько «заведующих известным числом ящиков с специальными делами»[132].

использовали в связи с текущим делопроизводством в области внешних сношений: при подготовке посольских наказов и оформлении новейшей посольской документации, иногда их показывали иностранным послам и т. д. Вряд ли заказывали копии с документов, подбирая материал для официальной летописи, разрядных книг, родословных книг, при рассмотрении местнических претензий (в таком случае документы Царского архива могли оказаться и в Разрядном приказе). Несомненно обращение к документам Царского архива при необходимости подготовки обсуждения вопросов на заседаниях Боярской думы или в ходе этих заседаний. Но это все примеры (за исключением, быть может, передачи документов в Постельную казну государя) временной выдачи документов из хранилища, где находились дела Царского архива. Не исключено, однако, что таких хранилищ было не одно, а два или более (с определенным количеством ящиков с делами в каждом) и что совокупность имевшихся там архивных дел и составляла вместе Царский архив. Нет уверенности в том, существовали ли тогда вообще особые архивохранилища, т. е. хранилища, предназначенные только для документов (или документов и книг).

Документальные материалы Царского архива хранились, очевидно, вместе с материальными ценностями в помещениях, лучше других защищенных от пожара и грабежа. Уцелевшие описи личной казны царей и царевичей убеждают в том, что рукописи вместе с материальными ценностями и одеждой составляли одну «государеву казну». Вероятно, это наблюдение можно распространить и на государственную Казну. Такой же порядок имел место и в других европейских государствах. В Польско-Литовском государстве в XVI в. «скарб» был хранилищем и разных материальных ценностей, использовавшихся для удовлетворения «потреб его милости господарских и земских», и архивом, где хранились документы и книги канцелярии. То же характерно и для Венгрии[133]. В Англии в XVI в. важные документы хранились вместе с деньгами, слитками драгоценных металлов, регалиями и реликвиями, т. е. были отнесены к разряду высших государственных ценностей. Королева Елизавета характеризовала их как «одну из важнейших составных частей казны, принадлежавшей нам, нашей короне и нашему государству»[134]. Поэтому к архивам имел непосредственное отношение и казначей, отвечавший за сохранность ценностей государственного значения.

Сосредоточивались династические и служебные документы, как и другие ценности, вероятнее всего, в каменных подклетях одного или нескольких зданий (церковных или дворцовых) Московского Кремля[135] (именно это уберегло документы Царского архива во время пожаров 1547 и 1571 гг.). Полагать, подобно Н. П. Лихачеву, что после построения каменной Посольской палаты в 1565 г. Царский архив был переведен в это помещение[136], нет оснований, так как и после 1565 г. Висковатый и Фуников присылали документы Царского архива в Посольский приказ[137].

Так как Царский архив продолжал оставаться частью царской казны, некоторые документы могли по-прежнему храниться и на Казенном дворе вместе с дру-

гими сокровищами. Там, видимо, хранились карты: сами карты («чертежи») и описания их упоминаются в описи Царского архива[40*]. Эти данные использованы в исследованиях Б. А. Рыбакова «Русские карты Московии XV — начала XVI века» и других, показавших, что первые отечественные карты, охватывающие всю территорию государства, возникли еще на рубеже XV и XVI столетий[138]. К середине XVI в. в России был накоплен немалый опыт составления порубежных карт — карт государственных границ. (Опыт составления порубежных карт на западных границах Российского государства изучен Н. Б. Шеламановой[139].) В посольских книгах указывают на «порубежных знахарей»[41*], которые, возможно, были не только знатоками, но и исполнителями географических карт.

Знакомились царь и думцы с картами — «чертежами» — 27 мая 1570 г. на Казенном дворе («царь и великий князь з бояры рубежа слушал и чертежа смотрил на Казенном дворе»). «У сего дела» были земские и опричные думцы, в их числе из земщины, помимо бояр, казначей Фуников, печатник Висковатый, дьяки Андрей и Василий Щелкаловы[141]. Можно думать, что Казенный двор — это не место заседаний Боярской думы (или даже двух дум — земской и опричной), а место нахождения карт, где их «смотрели», определяя пограничные рубежи. Эти «чертежи», как и «списки дорог», названы в описании ящика 220 (а возможно, и 227) Царского архива[142].

Известно, что и в XVII столетии, когда безусловно зафиксировано существование большого архива Посольского приказа и составление нескольких достаточно подробных описей этого архива, некоторые документы — и внешнеполитического и внутриполитического характера — хранились на Казенном дворе и передавались туда на хранение. Это казнохранилище пополнялось документацией Посольского приказа, как показал В. И. Гальцов, еще в начале XVIII в.[143] В казнохранилище этом сосредоточили и важнейшие акты общегосударственного значения: в описи Казенного приказа 1689 г. был выделен в особую главу «столп, а в нем государев указ и Уложение» 1649 г. с подписями участников Земского собора[144]. Вероятно, подобный порядок хранения документов имел место и во второй половине XVI в.

Примечания

[1] *Зимин.* Россия. С. 248.
[2] *Сергеев.* Дипломатическая терминология. С. 177—182.
[3] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 383—385.

[40*] Тем самым Опись становится, по выражению К. Г. Митяева, и источником «о развитии изобразительного документирования»[140].

[41*] «...приказал государь бояром Михаилу Яковличю (Морозову. — *С. Ш.*) и Миките Романовичю) (Юрьеву-Захарьину. — *С. Ш.*) про те рубежи, которые рубежи в послове памяти писаны, порубежных знахарей выпросити и по чертежу рубежи росписати и себе сказати»[145].

[4] *Ясинский.* Архив. С. 2; *Забелин.* Заметка. С. 247; *Вернер.* Приказы. С. 84; *Голубцов.* Опись. Л. 27.
[5] *Сергеев.* Формирование. С. 140 (указана литература).
[6] РИО. Т. 53. С. 33; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 295. Примеч. 5; РЯ XI—XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 60.
[7] РИО. Т. 53. С. 74, 48, 91; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 295. Примеч. 5; *Сергеев.* Формирование. С. 137, 141.
[8] *Любавский М. К.* Литовско-Русский сейм. М., 1900. С. 384 и сл.; *Бережков Н. Г.* Литовская метрика как исторический источник. М.; Л., 1946. Ч. 1. С. 3, 5.
[9] *Любименко И. И.* Архивы Великобритании в их прошлом и настоящем // Архивные курсы. С. 237; *Добиаш-Рождественская О. А.* История архивов романской Европы при старом порядке // Там же. С. 114; *Лаппо-Старженецкая Е. А.* Французские архивы в их прошлом и настоящем // Исторический архив. Пг., 1919. Кн. 1. С. 144—155; *Pistolèse.* Les archives. P. 17, 23; *Doucet R.* Les institutions de la France au XVIe siècle. P., 1948. T. 1. P. 104—111 (о канцлере и канцелярии французских королей); *Brenneke A.* Archivkunde. Leipzig, 1953, S. 45, 119; *Goldinger W.* Geschichte des osterreichischen Archivwesen. Wien, 1957; *Эмбер Д.* Венгерский национальный архив // ИА. 1959. № 1. С. 182—183.
[10] ДДГ. С. 362—363.
[11] Там же. С. 415.
[12] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 80.
[13] ДРК. С. 9; РК. С. 16; *Белокуров.* Посольский приказ. С. 47.
[14] О деятельности их как казначеев см.: *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. Гл. 2.
[15] Словарь иностранных слов. 6-е изд. М., 1964. С. 278; см. также: Словарь иностранных слов. М., 1933. Стб. 503.
[16] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 65; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 374.
[17] *Белокуров.* Посольский приказ. С. 47.
[18] *Веселовский.* Дьяки. С. 282.
[19] РК. С. 122; 127, 141; ТКТД. С. 115; *Назаров.* Учреждения. С. 92.
[20] *Сергеев.* Дипломатическая терминология. С. 103.
[21] *Соболева Н. А.* О методике изучения сфрагистического материала XV—XVIII вв.: (Историографические заметки) // ВИД. Т. 8. Л., 1976. С. 147 (указана литература).
[22] См. указания на литературу и источники в книгах: *Лихачев Н. П.* Приезд Поссевина. С. 112 и сл.; *Stokl G.* Testament und Siegel Ivans IV // Abhandlungen der Rheinisch-Westfalischen Akademie der Wissenschaften. Orladen, 1972. Bd. 48. S. 41 и сл.; *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 120 и сл.; *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981. С. 154 и сл.; *Она же.* О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. М., 1982.
[23] *Michaud H.* La Grande Chancellerie et les ecritures royales au XVIe siècle. P., 1967. P. 312 и сл. (глава «Le Sceau»).
[24] *Johnson Ch.* The Public Record Office. L., 1932. P. 35—36.
[25] Россия и Англия. С. 107; ПИГ. С. 140.
[26] *Котошихин.* С. 114.
[27] АИ. Т. 2. С. 423.
[28] Там же. С. 426.
[29] РИО. Т. 129. С. 32. О Висковатом: см.: *Yio Yukio.* Ivan Mikhailovich Viskovatyi and the «Posol'skaya Yzba» // Jamanashi University. Japan // Memoirs of the Faculty of Liberal Arts and Education. № 25. 1975.
[30] РИО. Т. 71. С. 25—26; *Белокуров.* Посольский приказ. С. 106.

[31] РИО. Т. 71. С. 25—26, 53; Т. 129. С. 85; *Савва*. Посольский приказ. Вып. 2. С. 123—124 (выписка из Датской книги, 1562 г.).
[32] *Зимин*. Дворцы. С. 195; *Назаров*. Учреждения. С. 87, 92.
[33] *Зимин*. Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. и формирование состава Боярской думы и дворцовых учреждений // ВИД. Т. 12. Л., 1981. С. 40.
[34] ПИГ. С. 52; ПГК. С. 91.
[35] *Назаров В. Д.* К источниковедению Дворовой тетради // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 170.
[36] *Садиков*. Очерки. С. 311.
[37] ПСРЛ. Т. 13. С. 331.
[38] *Садиков*. Очерки. С. 311; см. так же: с. 283—285; *Зимин*. Дворцы. С. 195. Примеч. 142.
[39] *Форстен Г. В.* Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889. Т. 1. С. 38; *Щербачев*. Копенгагенские акты. Вып. 1. С. 25.
[40] *Леонтович Ф. И.* Литовские господари и центральные органы управления до и после Люблинской унии // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем, 1908. Вып. 1. С. 34—36; История государства и права Польши. М., 1980. С. 114—216.
[41] Английские путешественники. С. 57, примеч.
[42] Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559—1560 гг. // ИА. 1957. № 6. С. 135, 141. Примеч. 12; Таубе и Крузе. С. 51; Два письма Иоганна Таубе / Подгот. И. Винтер // ИА. 1962. № 3. С. 144.
[43] *Штаден*. С. 92, 137; *Staden*. S. 18, 40, 185; *Шлихтинг*. С. 46, 62.
[44] *Kappeler*. Ivan Groznyi. S. 176.
[45] *Савва*. Посольский приказ. Вып. 2; *Леонтьев*. Приказы. С. 147—150; см. об этом также соображения датского исследователя Кн. Расмуссена в рецензии на издание английского перевода сочинения Штадена в кн.: Historisk Tiddsskrift 12 vikki. Bd. 4. København. 1969. S. 332—334.
[46] См. об этом в хронике Рюссова (Руссова) в кн.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 3. С. 186; *Kappeler*. Ivan Groznyi. S. 177.
[47] *Штаден*. С. 92, 84; *Staden*. S. 40, 18.
[48] *Staden*. S. 8 и сл.
[49] *Таубе и Крузе*. С. 51; *Kappeler A.* Die letzten Opričninajahre (1569—1571) im Lichte dreier zeitgenössischer deutscher Broschüren // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, 1971. Bd. 19. Heft 1. S. 22; *Kappeler*. Ivan Groznyi. S. 177.
[50] *Скрынников*. Иван Грозный. С. 74; *Rasmussen Kn.* Die livländische Krise 1554—1561. København, 1973. S. 96, 132.
[51] *Садиков*. Очерки.
[52] Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 72.
[53] РИО. Т. 59. С. 444.
[54] *Шмидт*. Адашев. С. 38—39.
[55] *Бодянский О.* Московские соборы на еретиков XVI в. в царствование Ивана Васильевича Грозного. // ЧОИДР. 1847. № 3. Ч. 2. С. 19—20.
[56] РИО. Т. 129. С. 128.
[57] Об этой переводческой деятельности Максима Грека в России см.: *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 65 и сл.
[58] РИО. Т. 59. С. 622—623.
[59] *Белокуров*. Библиотека. С. 247—249. См. об этом: Библиотека Ивана Грозного. С. 16. Примеч. 7 (указана литература) и др.
[60] *Слуховский*. Русская библиотека. С. 97.
[61] Советское славяноведение. 1975. № 2. С. 73—81.
[62] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 28—31; см. также: *Donnert E.* Das Moskauer Rußland. Leipzig, 1976. S. 57—58.

[63] *Тихомиров.* Русская культура. С. 286.
[64] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 34.
[65] *Андреев.* Автор приписок. С. 136. См. также: *Андреев Н.* О «деле дьяка Висковатаго» // Seminarium Kondakovianum, V. Praha, 1932. С. 194—199 (Перепечатано в: *Andrejev N.* Studies in Muscovy. Western Influence and Byzantine Inheritance. London, 1970).
[66] *Курукин.* Сильвестр. С. 16.
[67] ПСРЛ. Т. 13. С. 331.
[68] *Лихачев Н. П.* Приезд Поссевина. С. 114.
[69] *Буганов В. И.* Редакция «Государева разряда» 1585 г. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма. М., 1961. С. 244; *Он же.* Разрядные книги. С. 195.
[70] *Леонтьев.* Приказы. С. 149.
[71] Там же. С. 144.
[72] ЧОИДР, 1902. Кн. 4. Смесь. С. 9—12.
[73] *Леонтьев.* Приказы. С. 148, примеч. 27.
[74] *Наваров.* Учреждения. С. 79, 80, 82.
[75] *Белокуров.* Посольский приказ (титульный лист).
[76] РИО. Т. 59. С. 269.
[77] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 101—102.
[78] О враждовавших группировках в среде московского дьячества см.: *Зимин.* Опричнина. С. 448; *Скрынников.* Опричный террор. С. 85—86.
[79] *Леонтьев.* Приказы. С. 144—145.
[80] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 17, 259. Примеч. 17.
[81] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 102.
[82] *Белокуров.* Посольский приказ. С. 29. Примеч. 1.
[83] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2.
[84] АИ. Т. 1. № 180; см. также: *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 192—193. Примеч. 6.
[85] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 102.
[86] РИО. Т. 129. С. 183—190.
[87] РИО. Т. 71. С. 720—724.
[88] *Linvald A.* Das Archivwesen in Danemark // AZ. Bd. 41 (1932). S. 240.
[89] *Brulln H.* Das schwedische Archivwesen // AZ. Bd. 38 (1929). S. 154.
[90] *Lowe V.* Das deutsche Archivwe sen. Seine Geschichte und Organisation. Breslau, 1921. S. 36, 78—79.
[91] РИБ. Л., 1925. Т. 13. Вып. 1. С. 352—353.
[92] Цит. по кн.: *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 167.
[93] Биографические сведения о Шелкаловых см.: Русский биографический словарь. Шапов—Юшневский. СПб., 1912. С. 38—46; 46—50 (статьи Н. Сербова); *Кобеко Д. Ф.* Дьяки Щелкаловы. СПб., 1908; *Лихачев П. П.* Дьяки.
[94] *Белокуров.* Посольский приказ. С. 31; *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 112.
[95] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2; см. также: *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 112 и сл.; *Белокуров.* Посольский приказ. С. 31—32. Примеч. 1.
[96] См.: *Kappeler.* Ivan Groznyi, S. 177.
[97] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1980. С. 115.
[98] Ulfeldts Rejse. S. 100, 142, 146.
[99] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 168; *Поссевино.* С. 25, 49, 50, 197, 198, 253.
[100] Россия и Англия. № 53. С. 231, 232.
[101] Rude and Barbarous Kingdom Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers / Ed. by L. E. Berry and R. O. Crummey. Wisconsin; London, 1968. P. 147.
[102] *Середонин.* Флетчер. С. 247; см. также: *Флетчер.* С. 36.
[103] Rude and Barbarous Kingdom. P. 24.

[104] Там же. С. 146.

[105] Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча // ЧОИДР. 1874. Кн. 4. С. 24. О миссии Варкоча см.: *Прохазка И.* Посольства Николая Варкоча в Россию и проблема образования в конце XVI в. антитурецкой коалиции в Восточной Европе: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981.

[106] *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский и мемуары его из русской истории по рукописи Трапезунтского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 83.

[107] Об Арсении см.: *Греков И. Б.* Об идейно-политических тенденциях некоторых литературных памятников начала XVII в. (об авторе Пискаревского летописца) // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 340 и сл.

[108] *Брокгауз, Ефрон.* Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. 34. С. 902—903 (статья «Логофет»).

[109] *Ключевский.* Боярская дума. С. 392; *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 193; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2. С. 157—158.

[110] Ulfeldts Rejse. S. 100, 120.

[111] *Белокуров.* Посольский приказ. С. 47.

[112] РК. С. 242, 243, 248, 260, 358, 365; *Кобрин.* Опричный двор. С. 51; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне смутного времени. С. 40—41.

[113] *Лихачев Н. П.* Местнические дела, 1563—1605. СПб., 1894. С. 22.

[114] *Поссевино.* С. 49; *Ключевский.* Боярская дума. С. 350; *Сербов Н.* Щелкалов А. Я. // Русский биографический словарь. Т. Щапов—Юшневский. С. 43.

[115] См. об этом: *Мельников Ю. Н.* Местнические дела в разрядном судопроизводстве 80-х годов XVI в. // ВИД. Л., 1978. Т. 9. С. 233.

[116] *Белокуров.* Посольский приказ. С. 32.

[117] АИ. Т. 2. С. 9; о В. Щелкалове см.: *Савва.* Посольский приказ. Вып. 2.

[118] *Котошихин.* С. 113; См.: *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М., 1946. С. 113—117 (Печатный приказ).

[119] *Маркевич.* Местничество. С. 346.

[120] *Лихачев Д. С.* Летописи. Гл. 19. Архивы и летопись. С. 355.

[121] *Ясинский.* Архив. С. 14.

[122] *Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917). М., 1958. С. 17.

[123] Об этом см.: *Rasmussen Kn.* On the Information level of the Muscovite Posolskiy Prikaz in the 16th century (оттиск доклада на «Muscovite History Conference». Oxford, 1—4 September 1975); *Юзефович.* Посольский обычай. С. 12.

[124] См. об этом:. *Скрынников.* Начало опричнины. С. 47 и сл.

[125] *Лихачев Н. П.* «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897; *Шмидт.* Адашев. С. 49—51; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI— XVII вв. М., 1975; *Буганов.* Разрядные книги.

[126] *Шмидт.* Адашев. С. 50.

[127] ПИГ. С. 157.

[128] *Черепнин.* «Смута». С. 92; *Он же.* Историография (лекции 4, 5); Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1971. Гл. 2. С. 41 и сл. (автор главы — С. О. Шмидт).

[129] *Альшиц.* Приписки. С. 280; *Пересветов Р. Т.* Судьба старейшего архива // Наука и жизнь. 1963. № 5. С. 45.

[130] *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Т. 1. С. 131; *Бахрушин.* Труды. Т. 2. С. 332. *Зимин А. А.* «Летописец начала царства» — памятник официальной политической идеологии середины XVI в. // ДИСИИ.

М., 1956. Вып. 10; *Он же.* «Пересветов», гл. 1, § 1; *Скрынников.* Начало опричнины. С. 21—23.

[131] *Зимин.* Архив. С. 525—527.

[132] *Маркевич.* История местничества. С. 300.

[133] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 394; *Эмбер Д.* Венгерский национальный архив // ИА. 1959. № 1. С. 182—183.

[134] *Любименко И. И.* Архивы Великобритании в их прошлом и настоящем // Архивные курсы. С. 233, 234.

[135] *Забелин.* Заметка. С. 248; *Бартенев С. П.* Московский кремль. М., 1916. Ч. 2; Памятники архитектуры Москвы: Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982.

[136] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 85.

[137] РИО. Т. 129. С. 130.

[138] *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974; Очерки культуры. Ч. 2. С. 213 и сл. (гл. «Географические знания», написана Б. А. Рыбаковым); см. также: *Donnert E.* Das Moskauer Rufiland. Leipzig, 1976, S. 209 и сл.).

[139] *Шеламанова.* Состав документов; *Она же.* О характере и времени составления «Тетради рубежей» Полоцкого повета // ВА. 1965. № 4; *Она же.* Себежская земля в XVI в.: Историко-географический обзор // АЕ за 1967 г. М., 1969; *Она же.* Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971.

[140] *Митяев К. Г.* История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959. С. 36.

[141] РИО. Т. 71. С. 665—666; *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 311.

[142] *Зимин.* Архив. С. 507—509, 531—532.

[143] *Гальцов В. И.* Опись посольских дел, переданных в 1708 г. из Казенного приказа в Посольский // АЕ за 1974 г. М., 1975.

[144] *Викторов А.* Государственное древлехранилище в теремах Московского Кремлевского дворца. СПб., 1882; *Малицкий.* Оружейная палата. С. 552—553; см. также: *Лихачев Н. П.* Дипломатика. С. 136.

[145] РИО. Т. 71. С. 660.

Царский архив в системе архивов Российского государства XVI — начала XVII в.

Задача очерка — суммировать некоторые наблюдения по истории Царского архива и его описания и рассмотреть эти факты в связи с историей архивов Российского государства XVI — начала XVII в.

Во второй половине XVI в. заметно расширилась территория Российского государства, увеличилась численность его населения. Все более ощущались результаты осуществления «централизации, этого, — по определению Ф. Энгельса, — могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны»[1]. Процесс становления централизованного государства характеризуется усложнением государственного аппарата, усилением элементов стандартизации в системе управления и законодательства, в организации делопроизводства. В третьей четверти XVI в. — в период составления описей Царского архива (дошедшей и недошедших до нас) — оформляются функции столичных и местных учреждений, характерные для централизованных государств. К началу XVII в. приказы приобрели уже полностью «специфическую форму и содержание», отличающие их как правительственные учреждения[2]. Их ведению стало подлежать большинство дел, ранее находившихся в ведении Боярской думы. Соответственно и Боярская дума становится в большей мере преимущественно законодательным учреждением[3].

Утверждается практика делопроизводственного письмоводства (обязательность которого была закреплена статьями Судебников)[1*]. Заметно возросло количество «дел», образовавшихся в процессе деятельности государственных учреждений (а также духовных корпораций и частных лиц). Все это предопределяло создание архивов при учреждениях и потребность в определенной систематизации этих архивных материалов (и современных документов, и памятников прошлого).

Однако, как уже отмечалось, документов правительственной деятельности от XVI столетия сохранилось крайне мало. Описи архивов XVI — начала XVII в.

[1*] В Судебнике 1550 г. появились, сравнительно с прежним Судебником 1497 г., новые статьи, специально посвященные порядку составления и хранения документов в Москве и в других городах (особенно много подробностей в статьях 28 и 62).

можно рассматривать и как мартирологи погибших для нас исторических источников. Большая часть упоминаемых в описях документов известна нам только по названиям. Особенно пагубным для историков оказался пожар в Кремле в 1626 г. Еще в середине XVII в. он служил вехой в деятельности приказов: в Соборном уложении 1649 г. разделяли дела, которые «вершены до Московского большого пожару...» и «после пожару вершены»[4]. «Громадное количество актов в московских архивах, существовавших до пожара 1626 г., переживших занятие Кремля поляками, сгорело в 1626 г. Этот год сделался своего рода памятной датой. Акты, датированные временем до 1626 г., — сравнительная редкость»[2*], — писал выдающийся знаток архивных материалов и исследователь отечественной истории М. Н. Тихомиров[5]. И в результате мы имеем больше документов делопроизводства местных учреждений XVI в., чем центральных, а документы, выданные в Москве (и, бесспорно, находившиеся в XVI в. там в государственных хранилищах), известны нам обычно по экземплярам из архивов адресатов (дьячих изб городов, монастырских канцелярий и др.)[7].

В конце XIX в. обычным (прежде всего для историков государственного права России) было выделение в русской истории так называемого «московского периода», т. е. XVI—XVII вв. Исследуя историю государственных учреждений, рассматривали их подчас в статике, привлекая для характеристики их деятельности, так сказать «иллюстративно», в равной мере свидетельства и XVI в., и XVII в. Это прослеживается не только в историографии о Боярской думе. К такому приему, пытаясь дать общую характеристику приказного строя управления, обратился и С. Б. Веселовский в статье, опубликованной в 1912 г.[8] К началу XX в. стало понятным (особенно ученым петербургской школы[9]) несоответствие этой схемы выявленным уже к тому времени историческим фактам. А. Е. Пресняков писал в 1909 г. (в рецензии на «Учебник истории русского права» А. Н. Филиппова): «Соединение в одном периоде явлений XIV—XVII вв. едва ли создает точку зрения, удобную в научном отношении... для истории нашей государственности более существенны черты отличия, чем сходства, между царствованиями Алексея Михайловича и Ивана Грозного». А. Е. Пресняков был убежден в том, что новые исследования по истории начала XVII в. «не должны проходить бесследно для истории права. А ими до яркой наглядности выясняется искусственность соединения в один исторический период XVII и XVI вв. (не говоря уже о предыдущих): смута вырыла более глубокую пропасть между ними, чем петровские реформы между Петербургской и Московской Русью»[10].

[2*] С. В. Веселовский констатировал: «...можно сказать, не претендуя на точность, что количество дел до Смутного времени прямо ничтожно в сравнении с тем, что сохранилось за XVII в., и что количество документов за первую четверть этого века, т. е. до пожара 1626 г., не составляет сотой части документов последующего времени XVII в.»[6] (В этой, подготовленной посмертно к печати, «Вступительной лекции к практическим занятиям по истории русского права, прочитанной в Московском университете», дважды неверно указана дата пожара — 1624 г. вместо 1626 г.)

Однако и сейчас, когда немало сделано для понимания хода развития государственного аппарата и его делопроизводственных функций на протяжении времени с конца XV в. до начала XVIII в. и определены в известной мере особенности разных периодов этого развития, исследователь остается лишенным возможности составить опирающиеся на достаточно прочную источниковую базу представления о каждодневном функционировании центральных учреждений и системе их делопроизводства в XVI в. И, рассматривая период становления центральных учреждений XVI—XVII вв., приходится иногда довольствоваться гипотетическими построениями или даже по-прежнему излишествовать приемами исторической аналогии, привлекая для описания и объяснения явлений XVI в. факты и из истории XVII в. «В настоящее время, — пишет автор монографии о приказной системе управления в России XVI в. А. К. Леонтьев, — мы пока не имеем возможности судить полностью о структуре и организации работы складывавшихся в первой половине XVI в. приказов. Скудость материалов приказного делопроизводства XVI в. затрудняет решение этого вопроса, и историки пока вынуждены переносить структуру и организацию работы приказов XVII в. и на приказы XVI в.»[11]

Конец XV — XVI в. — время оформления приказной бюрократии, важнейшими звеньями которой были дьяки и подьячие. Эти привилегированные дельцы-специалисты в области делопроизводства подчинялись верховной власти, от которой зависело их служебное положение и материальное обеспечение[12]. Применительно к таким деятелям Ф. Бродель использует определение «функционер» (le fonctionnaire)[13]. В условиях режима «средневековой регламентации» (определение К. Маркса)[14] дьякам принадлежала основная роль в выработке форм составления деловых документов, формуляров их[3*] и норм практической дипломатики (актового источниковедения) того времени[16]. Дьяки же выработали основы систематизации и описания архивных документов и установили обычаи дипломатии, основанные на прецеденте и опыте[4*].

Царский архив не был тогда (как отмечалось выше) единственным государственным архивом Российского государства. Наряду с ним существовали уже другие государственные архивы, в которых также сосредоточились многие документы общегосударственного значения и с которыми обнаруживается взаимосвязь Царского архива.

Это прежде всего архивы «изб» (и «палат») — приказов и «дворцов» (о некоторых из них упоминается в Описи). Деловая документация хранилась обычно в

[3*] С. Н. Валк писал, что в канцеляриях «при постоянном изготовлении однородных документов вырабатываются устойчивые формы и формуляры их составления, частично закрепляемые законом»[15].

[4*] Историк дипломатии Г. Никольсон замечает: «Мы не всегда отдаем себе отчет в значении, которое в средние века придавали архивам. Можно без преувеличения утверждать, что впервые в папских и прочих канцеляриях под началом и руководством "мастеров свитков" или хранителей судебных архивов были установлены обычаи дипломатии как науки, основанной на прецеденте и опыте»[17].

помещении этих «изб». Часть документов, и, возможно, значительная, отложилась также в Постельной казне, куда Иван Грозный неоднократно требовал присылки разнообразных документальных материалов.

В большинстве случаев документы Царского архива, по-видимому, выдавали во временное пользование (например, документы ящика 74, переданные в Посольский приказ). Отдельные документы передавались, однако, другим учреждениям на постоянное хранение. В таких случаях иногда делали копию документов, хранившуюся в Царском архиве.

В Описи имеются указания на хранение в Царском архиве «черных списков» и противней[5*] документов, «чистые» (или «подлинные») списки которых находились в других архивах. «Черный список», или «черновик», в большинстве случаев являлся вместе с тем и отпуском для исходящих документов[18].

В отдельных случаях можно предположительно установить местонахождение «чистых» документов, «черные списки» которых упомянуты в Описи.

«Грамоты черные воеводцкие о местех князя Петра Кашина со князем Дмитреем Немым» (ящик 223)[6*] представляли собой черновик или незаверенную копию документов, «подлинники» которых, вероятнее всего, должны были находиться в Разрядном приказе[19] (или в Постельной казне).

В Описи отмечены документы, чистовой экземпляр которых находился на Казенном дворе. В ящике 217 был «список милостинной черной, каков список дан казначеем, а велено роздати милостыня по церквам по царице и великой княгине Анастасее». Этот «список» составлен не ранее июля 1560 г. — времени смерти жены Ивана Грозного. В финансовых приказах следовало искать и «справленные» экземпляры «записей целовальных», черновики или незаверенные вторые экземпляры которых («черные списки») лежали в ящике 145. Противнями или черновиками могли быть и многочисленные «посыльные», царские грамоты, подлинники которых оставались там, куда их посылали (в дьячих избах городов и т. д.)[7*].

В Царском архиве находились копии или черновики документов, «подлинные», «чистые» экземпляры которых были в Постельной казне (ящики 191, 208, 210, 225). При поступлении документов Царского архива в Постельную казну

[5*] Противнем называли второй экземпляр документа или копию, дословно верную подлиннику («противень слово в слово») и скрепленную дьяком. При решении «судных дел» подлинники и противни имели равную силу (Судебник 1550 г., статьи 62 и 69), хотя в документах и оговаривались случаи обращения к противням[20]. И. Пересветов тоже писал о противне своих «речей»: «противень тех речей перед тобою, перед государем»[21].

[6*] Местническое дело не позднее 1564 г.[22] Быть может, спор возник в связи с назначением в апреле 1549 г. П. И. Кашина вторым воеводой Передового полка, а Д. И. Немого-Оболенского — вторым воеводой Полка правой руки[22].

[7*] М. Н. Тихомиров считал необходимым «обратить внимание на то, что в центральных архивах черновиками будут царские грамоты, а отписки подлинными, и наоборот, в провинциальных царские грамоты будут подлинными, а отписки черновыми»[23]. (Отписка — донесение подведомственного учреждения в вышестоящее на имя царя.)

имел место, как уже отмечалось, порядок снятия копий с передаваемых документов. Копии эти (как и черновики) оставались в Царском архиве. Поэтому после возвращения документальных материалов из Постельной казны в Царский архив в архиве оказывались наряду с «подлинными» и «черные» экземпляры одного и того же документа.

Это прослеживается по составленной в 1626 г. описи архива Посольского приказа, унаследовавшего большую часть документальных материалов Царского архива XVI в. Здесь дважды указана роспись «казны»[8*] царевичей Ивана и Федора Ивановичей, взятой в «Слободцкой поход» 7073 г., т. е. во время отъезда Ивана Грозного в Александрову слободу в январе 1565 г. Можно полагать, что это подлинник и копия (или черновик) одной и той же росписи, о которой известно из описания архива предшествовавших лет. «Книги черные отписныя казны» царевичей, составленные дьяком Вас. Колзаковым, названы в описи Царского архива (ящик 210). Подлинник росписи должен был в это время находиться в Постельной казне, очевидно в Александровой слободе. В описи архива Посольского приказа 1614 г. также упомянута «книга» описания казны царевичей, составленная Вас. Колзаковым. Причем в данном указании находим больше подробностей, чем в описи Царского архива: отмечается год составления росписи (7073 г.) и имя ее второго составителя — постельничего Вас. Федор. Наумова[24].

В описи 1626 г. наряду с «книгой 7073-го переписной» казны царевичей упомянут и «столпик, ветх и роспался, а в нем писана роспись царевича Ивана и царевича Федора Ивановичей казне лета 7073-го году, которая была с царевичи в Слободском походе»[25]. Подлинник, пришедший к 1626 г. в ветхое состояние, был составлен в виде столбца («столпик»), копия написана была в виде «книги». Копия, находившаяся все время в одном архиве, сохранилась лучше.

Подобное же явление наблюдалось и во взаимоотношениях Царского архива и Митрополичьей казны. В Митрополичьей казне хранился первоначально ящик с «подлинными» («за митрополичьей рукой») соборными делами против еретиков середины 1550-х годов, переданный впоследствии в Царский архив (ящик 189). Этот ящик находился в Митрополичьей казне потому, что соборы были церковными, собирались по инициативе и под руководством митрополита Макария. В Царском же архиве оставались «черные списки» этих же «соборных дел» (ящик 222). Характерно, что в ящике 222 оказались отсутствовавшие в ящике 189 «грамоты» о побеге Артемия из Соловецкого монастыря, ибо «дела» о «побегах» были сосредоточены именно в Царском архиве.

В нескольких экземплярах составлялись документы даже тогда, когда и скрепленные, и «черные» списки хранились в одном архиве[9*]. По описи Царского ар-

---

[8*] Росписи «казны» в XVI в. назывались «казенными списками»[26].

[9*] Копии духовных великих князей изготовлялись, по крайней мере, со времени Дмитрия Донского. Видимо, делали это для большей сохранности подлинников, и копии в нынешнем состоянии, как отметил еще А. Е. Пресняков, более ветхи, чем оригиналы[27].

хива это прослеживается на примере посольских дел (ящики 20, 21, 33, 37, 80, 104, 188).

Данные Описи подтверждают наблюдения о составлении одновременно нескольких экземпляров служебных документов и хранении подлинников, копий, а также черновиков одних и тех же документов в нескольких архивах, а иногда и в одном архиве.

Передача документов Царского архива на постоянное хранение в другие архивы была, по-видимому, обычным явлением при образовании нового правительственного учреждения и комплектовании его архива. В Описи это заметно на примере Казанской избы, куда были переданы документы прежних лет, относившиеся к кругу дел образующегося учреждения (ящик 153). Пример принятия Царским архивом документов на постоянное хранение — поступление документов из Митрополичьей казны.

Поступлению документов из других архивов в Царский архив и передаче его документов в другие учреждения сопутствовало зачастую изменение порядка расположения документов внутри Царского архива, перераспределение их (прослеженное в исследовании А. А. Зимина). Это вызывалось как политическими обстоятельствами, так и собственно делопроизводственными: необходимостью распределить документы по определенным признакам (тематическим, хронологическим, в зависимости от формы документа и др.), объединить однотипные документы, выделить какие-то группы документов, вызывавшие особый интерес (в частности, у царя Ивана). Порядок распределения документов и ящиков с документами изменялся на протяжении времени, когда обращались к протографу изучаемой Описи.

Система хранения документов в Царском архиве — достаточно подвижная система. Этим-то, видимо, и объясняется то, что некоторые документы явно позднего происхождения оказывались среди ящиков с документами начала XVI в., описанными еще в книгах Висковатого, и, напротив, ранние документы попадали среди недавних поступлений в архив. Вероятно, известную сумятицу, вызывавшую нарушение привычного порядка хранения документов, вносил и царь Иван Грозный, не раз обращавшийся к документам Царского архива.

Важно определить, какие из известных нам документов, точнее сказать, разновидностей правительственной документации[10*], отсутствуют в описании Царского архива.

В Описи, как правило, не названы документы финансового характера, о земельных владениях и сделках. Упомянуто сравнительно мало судебных дел, разрядных документов и родословцев. Не указаны некоторые служебные документы, уцелевшие до наших дней или известные по другим источникам.

[10*] В это время было уже немало разновидностей делопроизводственных («приказных») документов с характерными для них наименованиями[28] и все более стандартизирующимися формулярами.

В Царском архиве, и это особенно важно подчеркнуть, находились и должны были находиться документы уникальные. Так называемым же массовым историческим источникам, т. е. документам ординарного происхождения, содержания и однотипной формы[11*], положено было уже тогда находиться, как правило, в других государственных архивах.

Вряд ли есть серьезные основания объяснять отсутствие писцовых книг в Описи и других широко распространенных тогда разновидностей документации только дефектностью Описи, неполнотой ее, суммарностью описания некоторых ящиков и исчезновением части листов рукописи.

Большинство документов, не попавших в Опись, находилось в момент составления Описи не в Царском архиве, а в других государственных архивах. Документы о земельных владениях сосредоточены были в архиве Поместного приказа. Документальные материалы финансового характера находились в архиве Казенного приказа.

Городские власти обязаны были, по ст. 72 Судебника 1550 г., «розметные книги» «ежегод присылати на Москву к тем боаром, и к дворецким, и х казначеем, и к дьяком, у кого будут которые городы в приказе»[29]. В местническом деле 1576 г. (в отписке А. Я. Щелкалова, и это важно отметить, ибо он имел непосредственное касательство к Царскому архиву) написано, что четвертные дьяки сыскивают понадобившуюся Ивану IV грамоту «во всех Четвертях»[30]. Это позволяет думать, что были и архивы Четей.

Безусловно, существовал архив Ямского приказа, ведавшего организацией ямского дела. В ноябре 1581 г. в связи с приездом папского посла Поссевино велено было «доискиваться в старых книгах, каковы наказы давались прежде приставом, которые бывали у папиных посланников в приставех», и выяснили, что «кормовых книг... старых, что давано корму папиным послом и гонцом, в Ямском приказе нет, погорели...»[32]

Часть документов внешнеполитического характера, особенно связанных с организацией делопроизводства, соблюдением норм «посольского» обычая, хранилась в Посольской избе, непосредственно там, где работали дьяки и подьячие Посольского приказа.

Часть «разрядных книг», «служебных книг и списков», «воеводцких списков», родословных книг хранилась в 1555 г. в Разрядном приказе у дьяка Ивана Елизарова[12*] «с товарыщи»[33]. Поэтому именно в Разрядный приказ («Разрядную избу») поступали распоряжения выдать «детей боярских имен списки», чтобы определить, «которым быти у послов на встрече и на береженье» (май 1566 г.[34]). К

[11*] Об определении понятия «массовый источник» см. в книге Б. Г. Литвака об источниковедении массовой документации нового времени[31].

[12*] О непосредственной связи И. Елизарова с работой по составлению «Государева родословца» свидетельствовали сами местничавшие, называвшие родословец «Елизаровскою книгою»[36].

архиву Разрядного приказа обращались в первую очередь при разборе местнических дел[13*]. Так, при разборе местнического дела Фомы Андр. Бутурлина и Вас. Андр. Квашнина в 1589 г. «бояре приказали, а велели в Розряде выписать изо всех розрядов с Юрьевского взятья с кем бывали в розрядех Квашнины». Это были так называемые «государские розряды»[35].

Раннее выделение подобных ведомств из общегосударственной канцелярии и создание при них самостоятельных архивов — типичное явление и для государств Западной Европы[38].

Рост числа ведомственных архивов и закрепление ведомственного принципа в организации их является, по мнению Н. В. Бржостовской, самой характерной чертой архивного дела в абсолютистских монархиях[39]. Но так как во второй половине XVI в. Россия стояла только у истоков абсолютизма, то это сказывалось и на организации архивного дела в стране.

С созданием в процессе преобразования государственного управления новых учреждений часть «дел», имевших отношение к ведомству этих учреждений, поступала из Царского архива туда, составив основу их образующихся архивов (например, Казанской избы). Некоторые приказы, такие, как Казенный, Поместный, Ямской, дворцовые и другие, ко времени составления Описи (или ее протографа), очевидно, уже имели сложившиеся фонды, так как создание этих фондов не нашло отражения в Описи.

Царский архив находился в стадии размежевания с возникавшими ведомственными архивами[40]. Размежевание это происходило медленно и не гладко, и некоторые документы, относившиеся к ведомству определенного приказа, оказывались первоначально рассредоточенными между этим приказом и Царским архивом. Так обстояло дело, в частности, с документацией служебных назначений, которую использовали при подготовке текста разрядных книг.

Эти источники В. И. Буганов подразделяет на четыре группы: источники военно-оперативного характера, источники разрядно-местнического характера, записи свадебных разрядов, записи о придворных церемониях (приемы и отпуски послов, «столы» и т. д.)[41]. Значительная, вероятно даже большая, часть такой документации находилась в архиве Разрядного приказа. Но немало однотипных документов оставалось еще в Царском архиве, и В. И. Буганов со ссылками на Опись убедительно это показывает[42].

Обративший на это внимание еще прежде А. И. Маркевич полагал даже, что Разрядный приказ «мог, как и другие приказы, сперва не иметь своего специального архива и свое делопроизводство, по крайней мере то, которое считалось важным, сдавать в общий архив». А. И. Маркевич замечает далее, что «расширение делопроизводства в приказах вызвало появление специальных архивов, каким был

[13*] Местнические дела составлялись в одном экземпляре и в конце XVI в. хранились в Разрядном приказе. Впоследствии с них делались копии[37].

и разрядный, где хранились дела по местничеству по крайней мере с 7083 г. (т. е. с 1574/75 гг. — *С. Ш.*), ибо таковые были спасены в пожар Разряда в 1626 г.[14*], почему некоторые из них сохранились и поныне». Дела с 7083 г., по наблюдению А. И. Маркевича, уже не показаны в Описи, а в 7084 г. производились в Разрядном приказе справки для местнического дела. А. И. Маркевич считает вероятным передачу к тому времени в Разрядный приказ разрядных и родословных книг из Царского архива[15*], который он характеризует как «общий архив», «правительственный архив»[43]. Более вероятно, что архив Разрядного приказа образовался с началом деятельности его как особого учреждения. Но тем не менее еще и через десятилетия многие дела, относящиеся к сфере деятельности приказа и к его компетенции, вызывали по-прежнему особый интерес царя и Боярской думы и потому первоначально оказывались в Царском архиве.

Таким образом, в период составления Описи (или ее протографа) не было еще достаточно четкого размежевания функций и сферы делопроизводства центральных правительственных учреждений и их подразделений и не завершилось еще оформление системы делопроизводства этих учреждений, характерной для XVII в. Это не могло не отразиться на организации хранения и использования правительственной документации. Тем самым Опись становится важным источником, свидетельствующим об уровне развития государственных учреждений и делопроизводства формирующегося централизованного государства.

Архив, Опись которого дошла до нас, был тогда главным государственно-политическим архивом государства, хранившим материалы особо важного политического значения. В XVI—XVII вв. подобного рода документальные материалы откладывались в европейских государствах «в деятельности учреждений, непосредственно связанных с верховной властью и осуществлением политического руководства в стране: королевских (императорских, царских) канцелярий и кабинетов, ведомства канцлеров и государственных секретарей, различных совещательных органов при особе монарха, некоторых учреждений в области тайного политического розыска и суда и т. п.»[46]. Эти наблюдения историка зарубежных архивов, обобщающие выводы многих трудов, посвященных истории архивов в отдельных странах, помогают определить место Царского архива в системе других государственных архивов России и яснее понять его происхождение. В России, как и в других государствах в эпоху феодализма[47], центральные архивы создавались при дво-

[14*] Переписные книги делам, вынесенным из Разряда в пожар 1626 г., опубликовал Н. П. Лихачев[44].

[15*] Действительно, во время местнического спора 1588 г. между кн. А. И. Голицыным и кн. Т. Р. Трубецким разрядный дьяк Василий Щелкалов говорил думской комиссии: «...свадебных чинов книга есть великая у Ондрея у брата». Андрей же Щелкалов ответил: «...есть у меня книги старыя свадебных чинов, а королевой свадьбы книг яз у себя не упомню...»; «Черный список» свадьбы Магнуса 1573 г. был найден в «Васильеве ящике Щелкалова», т. е. в Разрядном приказе[45]. В Царском архиве, которым ведал тогда А. Щелкалов, оставались, видимо, только «книги старыя свадебных чинов».

рах государей как семейные (т. е. династические придворные) и одновременно как архивы государственного управления.

Первые публикаторы Описи в 1836 г. имели основания назвать описанный архив Царским. В Царском архиве действительно сосредоточены были «дела», исходящие от царя и тесно с ним взаимосвязанной Боярской думы или восходящие непосредственно к царю. А. Н. Ясинский правильно охарактеризовал Опись как «перечень государственных и государевых документов и бумаг»[48].

Основными современными Царскому архиву фондообразователями его были «царский синклит» — Боярская дума, царская личная канцелярия (документы которой откладывались преимущественно в Постельной казне) и Посольский приказ, ведавший организацией и делопроизводством внешних сношений, которые направляли и которыми руководили Боярская дума и непосредственно сам царь Иван. (Высказанное в моих ранних работах положение только о Боярской думе как об основном фондообразователе Царского архива кажется теперь слишком ограничительным.)

Царский архив в третьей четверти XVI в. формировался документальными материалами текущего управления, распределенными по известной системе, допускающей в случае надобности сравнительно скорое нахождение этих документов, т. е. был таким отделением государственной канцелярии, которое по западноевропейской терминологии стали называть регистратурой[49].

Одновременно Царский архив оставался и историческим архивом — в нем сосредоточились давние документы династического характера и другие «дела прежних лет» (примерно за период около двух столетий). Историки архивного дела определяют такие архивы как «ведомственные исторические архивы»[50]. Четкого разграничения между документальными материалами текущего управления и документальными материалами прошлых лет тогда еще не установилось, и все эти документы — «дела» — часто находились в одном хранилище (или нескольких однотипных), под началом одного лица.

К середине XVI в. обнаруживаются уже отличия Царского архива от прежнего великокняжеского — отличия и в источниках поступления туда документов, и в функциях архива. Царский архив приобретает черты в определенной мере самостоятельного учреждения с характерным сочетанием черт и казны — хранилища, и канцелярии как средоточия делопроизводства. Подобное явление наблюдается и в западноевропейских государствах во второй половине XVI в.

В дальнейшем Царский архив комплектовался в основном за счет документации делопроизводства Боярской думы, и прежде всего ее посольских думских комиссий. При этом наблюдались одновременно и центробежные, и центростремительные тенденции (особенно в годы опричнины).

Впоследствии, с дальнейшим оформлением сложившихся приказов и образованием новых, документация архива относительно ограничилась; в ней, по-видимому, основное место заняла документация внешних сношений, которыми ведал, осуществляя задания царя и Боярской думы, Посольский приказ.

Посольский приказ приобретал постепенно все более заметную роль во внешней политике государства и в то же время расширял сферу своих функций[16*]. Он постепенно стал канцелярией по подготовке династических документов, «строению» официальных рукописей исторического содержания, в том числе иллюминованных, которые украшали «золотописцы»[51].

Ведению Посольского приказа стали подлежать и торговые сношения Российского государства с другими государствами, дела, касавшиеся приезжих иноземцев, и другие дела. С образованием четей (четвертных приказов с определенными финансовыми и административно-судебными функциями по отношению к определенным территориям страны) одна из них — Новгородская — приписана была к Посольскому приказу[53]. Царский архив в это время частично поглощался архивом Посольского приказа. Причем этот архив включал, видимо, документы, не только имевшие прямое отношение к организации внешних сношений, но и откладывавшиеся в результате всей другой многосторонней деятельности Посольского приказа в те годы.

Архив Посольского приказа как главный государственно-политический архив государства сформировался на основе Царского архива, унаследовав его положение в системе других государственных архивов. Передача важнейших документов общегосударственного значения (в их числе и документов давнего времени) в архив учреждения, ведавшего внешними сношениями государства, имела место и в западноевропейских государствах, где также деятельность канцлера постепенно все более сосредоточивалась на вопросах внешней политики.

В том, что важнейшие документы Царского архива XVI в. перешли в архив Посольского приказа XVII в., нетрудно убедиться, ознакомившись с описями архива Посольского приказа 1614[54] и 1626 гг. Однако произошло это, очевидно, не ранее 1570-х годов, т. е. после составления изучаемой Описи[17*] или, точнее сказать, ее протографа. Можно допустить, что это имело место даже после так называемого «смутного времени», когда обнаружили утрату многих служебных документов и стали приводить в порядок уцелевшие архивные материалы. Но датировка такой реорганизации главного государственно-политического архива Российского государства концом XVI столетия кажется более предпочтительной.

При дьяке Андрее Щелкалове, ведавшем посольскими делами в 1570—1594 гг., среди документов подведомственного ему архива еще различали дела «посольские» и «приказные», и в архив прибывали новые «ящики с посольскими и приказными делы», что зафиксировано в описании «книги переписи» архива, со-

---

[16*] В деятельности Посольского приказа, отмечает А. Н. Сахаров, характеризуя Российское государство XVII в., «более ярко, чем в других сферах государственной жизни, проявилась бюрократизация аппарата власти, создание послушной армии чиновников, свойственные абсолютистскому государству»[52]. Тенденции к этому обнаруживаются уже в конце XVI в.

[17*] В изданном в 1979 г. труде «Архивное дело с древнейших времен до 1917 года» неверно указана дата составления Описи (1585 год!) и утверждается, правда без приведения обоснований, что Опись «была составлена тогда, когда архив хранился в Посольском приказе»[55].

ставленной при Андрее Щелкалове. Эти «приказные дела» могли быть уже и тогда документами текущей деятельности Посольского приказа как учреждения с достаточно широкой сферой деятельности (помимо собственно дипломатической). Но под таким наименованием, возможно, фигурировали в архивном описании и «дела» Боярской думы, других приказов и иные.

Во всяком случае по сохранившейся перечневой описи архива конца 1590-х годов заметно уже выделение части архива с династическими документами и делами «старых лет» и сосредоточение вместе и более удобное перераспределение собственно внешнеполитической документации. Сравнивая описи XVI и XVII вв., это проследил В. И. Гальцов[56]. Не позднее 1605 г., т. е. кончины царя Бориса Годунова, обнаруживается выделение в особые хранилища документов собственно «исторических» (династический архив) и имевших отношение к внутренней политике (они хранились в 1614 г. «в большой окованой коробье»)[57], и документов, относившихся к внешней политике (для них был предназначен «сундук окован, а в нем дела розных государств»[58]), при явном преобладании документации внешнеполитической. Такой порядок хранения и разделения документов не был, видимо, нарушен даже в 1606—1613 гг.[18*] (хотя часть «дел» интервенты вывезли из Москвы).

В архиве Посольского приказа, согласно описи 1614 г., более или менее детально обязаны были описывать только дела «государственные и посольские»[59]. «Посольские дела» — документальные материалы внешних сношений Российского государства. «Государственные дела» — дела особого государственного значения. Это прежде всего документы о венчании и избрании государей. Так, Земский собор 1613 г. определил утвержденную грамоту об избрании Михаила Романова царем «положить в хранила царския к докончальным и утвержденным грамотам»[60]. Для грамоты этой, как указано в описях архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг., был отведен особый «бархатный» ящик[61]. К важным «государственным делам» отнесены были грамоты земских соборов, жаловальные, крестоцеловальные грамоты, личная переписка государей. Такие дела надлежало описывать в архиве Посольского приказа в первую очередь[19*].

В тех случаях, когда в архиве Посольского приказа встречались документы, не относившиеся к категории «государственных», эти дела описывались крайне суммарно[20*]. Особо отмечалось отсутствие среди таких документов посольских дел

[18*] Так как польскому королевичу предложили царскую корону, то у занявших Кремль иноземцев не было первоначально побуждений разрушать делопроизводственные архивы московских государственных учреждений[62].

[19*] Затем они стали основой «Государственного древлехранилища хартий и рукописей» и были позже объединены опять с посольскими делами, которые составили ядро будущего МГАМИД (Московского главного архива Министерства иностранных дел), ставшего ныне частью РГАДА[63].

[20*] Например: «Свяска, в ней писаны грамотки ссылачные, и доводные, и записи отъездные»; или: «Да свяска, а в пен судные дела, и роспросные речи, и грамоты, и наказы, и иные розные дела, и ссылочные грамотки, и памяти при великом князе Иване Васильевиче всеа Ру-

(«2 ясщик, а в нем дела старые блаженные памяти при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии, и приказные и доводные, и наказы по опальных людей, и розпросные речи, и росписи животом опальных людей, а посольских дел нет»[64]). Разделение дел на «государственные и посольские» и «иные» ясно обнаруживается при перечне дел Верхней палаты, где были «собраны на земле столпы старые». Отписки и дела четей, книги записные, таможенные и кабацкие, книги прихода и расхода деньгам, дела поместные, судные, приказные и доводные, расспросные речи, росписи имущества опальных людей, грамоты воеводам порубежных городов и грамоты от этих воевод, документы об отпуске хлебных запасов в армию и об испомещении русских помещиков на завоеванной территории — эти документальные материалы не относились к разряду «государственных» («а государственных и посолских дел в той полате нет»[65]). Описанию, а возможно даже и хранению, в архиве Посольского приказа такие дела уже не подлежали. Так постепенно формировались и состав архива Посольского приказа, и правила его описания.

Во второй половине XVI в. постепенно вырабатываются и входят в практику некоторые формы делопроизводства и организации архивов правительственных учреждений, характерные для российского абсолютизма последующего времени.

Таким образом, в «хранилах царских» в годы царствования Ивана Грозного сосредоточены были важнейшие дела государственно-политического значения, или, употребляя терминологию ученых, важнейшие источники по политической истории Российского государства того времени и предшествовавших двух веков.

Обращение к тексту описи Царского архива немало дает для более углубленного представления и об истории России времени Ивана Грозного, и о состоянии архивного дела в XVI в., и о методике изучения такого рода источников.

Примечания

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 338.
[2] *Леонтьев.* Приказы. С. 16, 29.
[3] *Загоскин.* Дума Боярская. С. 151; *Ключевский.* Боярская дума. Гл. 24.
[4] *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное Уложение 1649 года. М., 1961. С. 383.
[5] *Тихомиров.* Российское государство. С. 350 («Приказное делопроизводство в XVII веке»).
[6] *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 301.
[7] *Шмидт.* Становление. С. 8—9.
[8] *Веселовский С. В.* Приказный строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довпар-Запольского. Киев, 1912. Т. 3.

сии» (л. 48—48 об.). На основании такого краткого описания нельзя даже понять, о времени правления какого государя идет речь — Ивана III или Ивана IV (до года его венчания на царство).

[9] Об этой школе см.: *Валк С. И.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии. Ленинград. гос. университет. Секция исторических наук. 1948. С. 47 и сл.
[10] ЖМЮ. 1909. № 2. С. 294—295.
[11] *Леонтьев.* Приказы. С. 113. Примеч. 136.
[12] *Демидова Н. Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в России в XVII—XVIII в // Абсолютизм; *Шмидт.* Становление. С. 310—311.
[13] *Braudel F.* La Méditerranée et le Monde Méditerranéen a l'époque de Philippe II. Paris, 1966. Vol. 2. P. 29 и сл.
[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 403.
[15] Архив ФИРИ РАН. Ф. 297 (С. Н. Валка). Оп. 1. Д. 124. Л. 11 (отзыв на рукопись книги Д. С. Лихачева «Текстология»).
[16] См.: *Лаппо-Данилевский А.* С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920; *Черепнин.* У истоков; *Каштанов.* Дипломатика.
[17] *Никольсон Г.* Дипломатия. М., 1941. С. 25.
[18] *Колесников И. Ф.* Столбцы // АД. № 2(50), 1939. С. 29; *Тихомиров.* Российское государство. С. 361—362.
[19] О документах архива Разрядного приказа см.: *Альшиц.* Разрядная книга. С. 109 и сл.
[20] *Садиков П. А.* Из истории опричнины // ИА. Т. 3. С. 245.
[21] «Пересветов». С. 236.
[22] *Маркевич.* Местничество. С. 237; *Зимин.* Архив. С. 516.
[23] *Тихомиров.* Российское государство. С. 365.
[24] ДДГ. Прил. 1. Л. 5 об.; ОЦА. С. 49.
[25] ДДГ. Прил. 2. Л. 336, 422 об.; ОАПП. Ч. 1. С. 210, 256—257.
[26] ДДГ. С. 443 (Духовная Ивана Грозного).
[27] *Пресняков.* Завещание Василия III. С. 71—72 ; *Черепнин.* Архивы. Т. 1.
[28] См.: Материалы для словаря видов и разновидностей документов. М., 1967. Вып. 2; Краткий словарь видов и разновидностей документов / Под ред. А. С. Малитикова. М., 1974; см. также: Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973. Гл. 6. Материалы делопроизводства государственных учреждений (написано С. О. Шмидтом); М., 1981. Гл. 7. Делопроизводственные материалы XVI—XVII вв. (написана Л. В. Миловым).
[29] См. об этом: Судебник. С. 275.
[30] РИС. Т. 5. С. 24.
[31] *Литвак В. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX вв. М., 1979. С. 5, 7.
[32] *Лихачев Н. П.* Библиотека. С. 56—57; Прил. С. 14.
[33] ДАИ. Т. 1. С. 91.
[34] РИО. Т. 71. С. 345.
[35] *Лихачев Н. П.* Дьяки. Прил. С. 21—22.
[36] *Леонтьев.* Приказы. С. 102. Примеч. 100.
[37] *Мельников Ю. Н.* Описание местнических дел 80-х годов XVI в. // АЕ за 1977 г. М., 1978. С. 285.
[38] *Маяковский.* Архивы. С. 89—90; *Самошенко В. Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1981. С. 17.
[39] *Бржостовская.* Архивы. С. 40.
[40] *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1941. С. 87; *Kennedy Grimsted P.* Archives and Manuscript Repositories in the USSR. Princeton; New Jersey, 1972. P. 6—7.
[41] *Буганов В. И.* Источники разрядных книг последней четверти XV — начала XVII в. // ИЗ. М., 1965. Т. 76. С. 217.

[42] ИЗ. Т. 76. С. 223—227; *Буганов.* Разрядные книги. С. 112 и сл.; см. также: *Альшиц.* Разрядная книга. С. 139 и сл.
[43] *Маркевич.* История местничества. С. 301.
[44] *Лихачев Н. П.* Дьяки. Прил. С. 30—72; *Он же.* Библиотека. Прил. С. 53—81.
[45] *Маркевич.* Местничество. С. 345—346.
[46] *Бржостовская.* Архивы. С. 42; *Favier J.* Les archives. Paris, 1975. P. 20.
[47] *Эмбер Д.* Венгерский национальный архив // ИА. 1959. № 1. С. 182—183.
[48] *Ясинский.* Архив. С. 1.
[49] *Baulier R.-H.* Les archives // L'Histoire et ses méthodes (Encyclopédie de la Pléiade). Paris, 1961. P. 130.
[50] *Бржостовская.* Архивы. С. 41.
[51] *Черепнин.* «Смута»; *Кудрявцев И. М.* Издательская деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8.
[52] *Сахаров А. Н.* Исторические факторы образования русского абсолютизма // ИС СССР. 1971. № 1. С. 125.
[53] *Белокуров.* Посольский приказ. С. 36, 41, 168.
[54] *Белокуров С. А.* О библиотеке и архиве царя Ивана IV // Газетная литература. С. 196—199; *Левина.* Попытка систематизации.
[55] *Бржостовская, Илизаров.* Архивное дело. Ч. 1. С. 194.
[56] *Гальцов.* Архив Посольского приказа. С. 139—143.
[57] ОЦА. С. 47.
[58] Там же. С. 62.
[59] Там же. С. 137.
[60] СГГД. Т. 1. С. 635.
[61] ОЦА. С. 96; ОАПП. Ч. 1. С. 70.
[62] *Любавский М. К.* Лекции по истории архивного дела.
[63] См.: *Дремина Г. А., Чернов А. Б.* Из истории Центрального государственного архива древних актов СССР (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М., 1959; Древлехранилище. С. 3 и сл.
[64] ОЦА. С. 96.
[65] Там же. С. 137.

ЦАРСКИЕ ЛЕТОПИСИ

Вводные замечания

В средневековой Руси широкое распространение получили летописи. В летописях историческое повествование велось по годам («летам»). Немало было и летописных сводов, включавших не только записи об отдельных событиях, но и целые повести. При составлении летописей официального происхождения опирались на документы государственных архивов, в XVI в. — Царского архива.

Среди летописных сводов XVI в. выделяется грандиозный Лицевой свод, включающий рисунки, соответствующие тексту. В нем излагаются события всемирной истории (от так называемого Сотворения мира до X в., менее подробно — до 1204 г., до взятия Константинополя латинами, и даже спорадически за последующие два века) и отечественной истории — летописание «лет старых» (за 1114—1533 гг.) и летописание «лет новых» (за 1533—1567 гг.). А. Е. Пресняков, первым (в конце XIX в.) определивший отдельные части Лицевого свода и рассмотревший их в совокупности, назвал его «Московской исторической энциклопедией XVI века»[1].

Уцелевшие части («тома») Лицевого свода — около 10 тысяч листов, с оборотами — находятся ныне в хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. Огромные листы украшают около 16 тысяч миниатюр. Видимо, не ранее XVII в. они были переплетены в книги[1*]. А прежде, очевидно, бытовали в виде отдельных «тетрадей» и листов.

Ныне существующие реальные кодексы описывались и изучались как самостоятельные рукописи, что способствовало утверждению представлений, будто с самого начала были созданы именно такие книги. Постепенно становится все яснее, что те, кто распорядились переплести отдельные листы Лицевого свода в книги, не сумели полностью разобраться в его составе. Теперь в достаточной степени обоснованы данные о первоначальном порядке листов Свода, местонахожде-

---

[1*] Краткие сведения о всех томах Лицевого свода и о рукописях, примыкающих к нему по содержанию и исполненных мастерами, иллюстрировавшими Свод, приведены в работе А. А. Амосова «Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного»[2].

нии его первоначальных частей, и даже отдельных листов, и о необнаруженных листах Свода (в их числе комплекса листов, посвященных истории Древней Руси до 1114 г.).

В последних двух томах Свода, хранящихся в Государственном Историческом музее в Москве, — Синодальном списке (далее: С) и Царственной книге (далее: Ц), — описываются события времени правления Ивана Грозного. Синодальный список (иногда рукопись называли «Никоновская с рисунками») получил название от бывшей Синодальной библиотеки, где находилась рукопись. Это — летописный текст за июль 1535 — август 1567 г., с пропусками изложения за март 1542 — июль 1553 г., середину 1560 — начало октября 1563 г. и частично за 1565 г.[2*] Царственная книга (название от помет по листам — «Царственная 1-я часть») — летопись за сентябрь 1533 — март 1553 г.[3*]

Листы, составляющие ныне С, были переплетены в книгу в XVII в.; тогда же были раскрашены и рисунки С. Листы, составляющие ныне Ц, были переплетены в книгу во второй половине XVIII в., по указанию М. М. Щербатова, признававшего первоначально Ц памятником конца XVI в.[5] Рисунки Ц остались нераскрашенными. В С и Ц сделаны скорописью многочисленные поправки и дополнения, относящиеся и к тексту рукописей, и к рисункам. Некоторые листы были оформлены заново.

В настоящее время имеется уже большая литература, в той или иной мере относящаяся к Лицевому своду: специальные труды о Своде в целом и отдельных его частях, о миниатюрах Свода (прежде всего монографии А. В. Арциховского и О. И. Подобедовой), замечания обобщающего и частного характера в работах историков, искусствоведов, литературоведов, книговедов[6]. Однако остаются еще слабо исследованные проблемы и спорные вопросы: о времени создания Свода и его инициаторе, руководителе и исполнителях работы, об особенностях последних частей Свода с летописанием «лет новых», о редактировании их и др. Продолжаются поиски наиболее научно перспективных приемов «прочтения» словесного текста и миниатюр Свода и методов сравнительного изучения Свода и других памятников письменности и изобразительного искусства[4*].

Предлагаемые вниманию читателей очерки преимущественно касаются частей Лицевого свода с летописанием о времени правления Ивана Грозного. Работа — на стыке источниковедения и историографии. Это объясняется тем, что Лицевой

[2*] Синодальное собрание, № 962. Рукопись опубликована в т. 13 ПСРЛ (первая и вторая половина). Издание фототипически воспроизведено в 1965 г. Опубликовано описание рукописи, сделанное Т. Н. Протасьевой[3].

[3*] Синодальное собрание, № 149. Рукопись опубликована в т. 13 ПСРЛ (вторая половина). Издание фототипически воспроизведено в 1965 г. Опубликовано описание рукописи, сделанное Т. Н. Протасьевой[4].

[4*] Некоторые соображения об итогах и перспективах изучения Лицевого свода см. в моей статье «К изучению Лицевого летописного свода»[7].

свод — и важный источник собственно исторических сведений (для середины XVI в. иногда уникальных), и источник по истории исторической мысли. Применительно к средневековой Руси провести грань между источниковедением и историографией трудно. Особо отметивший это Б. А. Рыбаков писал: «Анализ летописи — одновременно и анализ произведения исторической мысли и анализ источника»[8]. В очерках много места уделено проблемам, в последние десятилетия вызывавшим научные дискуссии. Это также обусловило рассмотрение некоторых из них в историографическом плане.

В первом очерке, историографически-постановочного характера, формулируются задачи исследования и возможные — пока гипотетические на данном уровне знаний — ответы на отдельные вопросы по истории летописания «лет новых» и составления приписок к этим летописям; в спорных вопросах изучения летописания, заметил М. Н. Тихомиров[9], «невозможно обойтись без гипотез»[5*].

Два источниковедческих этюда[6*] представляют собой попытку конкретного изучения работы по составлению и редактированию небольших «повестей» последней части Свода, посвященных особенно значительным, с точки зрения «летописателя» (выражение А. Е. Преснякова[10]), или особо памятным ему событиям. Это казни 1538 и 1546 гг. К этим очеркам по характеру исследования и манере изложения примыкает и этюд о вставках и миниатюрах в «повести» Ц о Московском восстании июня 1547 г., опубликованный как часть моей книги «Становление российского самодержавства»[7*]. В известной мере — это, применяя выражение Д. С. Лихачева, «узкие исследования частных вопросов»[14]. Но они — и основа для возможных выводов более широкого, обобщающего характера[8*].

Для понимания приемов, использованных автором при написании этих этюдов, целесообразным казалось включить в книгу небольшой полуисториографического характера очерк «К "прочтению" лицевых летописей».

[5*] Полезно напомнить и о верном наблюдении Б. А. Романова: «Историк Древней Руси никак не может обойтись без догадок и предположений... памятуя, что "доказательство" в его обиходе — термин слишком претенциозный, если держаться прямого его математического смысла»[11].

[6*] В основе их ранее опубликованные статьи[12].

[7*] В основе ее также ранее опубликованная статья[13].

[8*] Как известно, значительную литературу вызвала редакционная правка в Ц о событиях времени болезни царя Ивана в марте 1553 г. Некоторые листы с этой правкой воспроизведены в издании Ц в 13-м томе ПСРЛ. Однако изучение «Повести о болезни Ивана Грозного» стало темой одной из глав защищенной в 1979 г. диссертации С. А. Морозова «Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI века», написанной под моим научным руководством. До опубликования источниковедческого и текстологического исследования С. А. Морозова вряд ли стоит предпринимать работу, специально посвященную изучению миниатюр, иллюстрирующих эту «Повесть».

Примечания

[1] *Пресняков А. Е.* Московская историческая энциклопедия XVI века. СПб., 1900 // ИОРЯС. Т. 5. Кн. 3.
[2] В кн.: Библиотека Ивана Грозного.
[3] Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970. Ч. 1. С. 127—128 (№ 749 — Син. 962).
[4] Там же. С. 128—130 (№ 750 — Син. 149).
[5] Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 году до 7061, напечатаны с письменного, которой сыскан в Патриаршей библиотеке. СПб., 1769.
[6] Литература указана в кн.: Библиотека Ивана Грозного. С. 128—139; см. также: *Амосов.* Из истории; *Шмидт.* К изучению.
[7] *Шмидт.* К изучению.
[8] *Рыбаков Б. А.* Михаил Николаевич Тихомиров // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 4; *Он же.* Древняя Русь,. С. 346.
[9] *Тихомиров.* Летописание. С. 10 («Русские летописи, вопросы их издания и изучения»).
[10] *Пресняков.* Завещание Василия III. С. 75.
[11] *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 16.
[12] К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 265—281; К истории редактирования Царственной книги. Лицевые летописи об опале бояр летом 1546 г. // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 221—239.
[13] Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. // ПИ. М., 1956. Вып. 5. С. 265—284 (статья перепечатана на японском языке: Журнал научного общества университета Сенсю. Серия гуманитарных наук. Токио, 1979. № 23) и раздел очерка «Начало Московского царства» // *Шмидт.* Становление. С. 42—66.
[14] *Лихачев Д. С.* От редактора // Источниковедение литературы Древней Руси. М., 1980. С. 4—5.

К истории редактирования лицевых летописей времени Ивана Грозного

Летописи «лет новых» Лицевого свода подверглись основательному редактированию. Поправки, и особенно вставки (интерполяции), С и Ц насыщены важными подробностями политической истории Российского государства 1537—1557 гг. и много дают для понимания общественно-политических взглядов «летописателей». О времени и причинах такой редакционной работы у исследователей нет единого мнения. Суждения об этом обусловлены и представлениями о характере и времени составления Лицевого свода (в целом и отдельных частей его), и представлениями о событиях и биографиях государственно-политических деятелей времени Ивана Грозного.

Наиболее значительной работой о С и Ц, где обращалось особое внимание и на приписки, явилось опубликованное в 1893 г. исследование А. Е. Преснякова «Царственная книга, ее состав и происхождение», сразу же определившее выдающееся место в исторической науке еще молодого в ту пору историка. А. Е. Пресняков внимательно изучил рукописи С и Ц, высказал предположение, что сведения приписок заимствованы из письменных источников XVI в. (в частности, данные о деле кн. С. Ростовского в приписке к С черпали из следственного дела, находившегося в Царском архиве), и усомнился в том, «чтобы такие точные, подробные и выделяющиеся своей жизненностью известия» о событиях середины XVI в. «были впервые записаны в конце XVII в. или даже в середине его — по памяти и преданию»[1]. Соображения эти шли вразрез с преобладавшим в среде ученых мнением о создании грандиозных лицевых летописей во второй половине XVII в. Придерживавшиеся такого мнения видные археографы и палеографы (П. М. Строев, А. Ф. Бычков, И. Е. Забелин, А. И. Соболевский и др.) опирались на бытовавшие тогда представления о палеографических данных рукописей и на сведения об использовании «книг царственных в лицах» для обучения царевичей в последней четверти XVII в.[2] И А. Е. Пресняков вынужден был прийти к неутешительным выводам, что его исследование «мало разъясняет вопрос» об авторе и источниках приписок к лицевым летописям. «Все это гадательно, темно и неопределенно.

Приходится положить перо, не получив ответа на самый важный и интересный из вопросов, касающихся Царственной книги»[3]. Ответы на вопросы о времени и причинах составления приписок в С и Ц во многом зависели от определения времени создания этих и других частей Лицевого свода.

Важнейшей вехой в изучении истории создания Лицевого свода стал фундаментальный труд Н. П. Лихачева о бумажных водяных знаках (филигранях), опубликованный в конце XIX в. Было установлено, что для томов Свода использовали французскую бумагу большого формата, высшего качества (на подобной бумаге писали французские короли). Некоторые ранние разновидности этой бумаги появились в середине XVI в., но чаще всего такая бумага встречалась в 1566—1585 гг. и исчезла около 1600 г. Отдельные филиграни известны только по документам 1580-х годов. Н. П. Лихачев же выяснил, что сходную бумагу в России использовали составители польских посольских книг за 1570—1571 гг. и 1575—1579 гг. (посольские книги обычно составлялись вскоре после первичного оформления включавшихся в них материалов) и для лицевых Псалтырей времени Бориса Годунова. Это позволило Н. П. Лихачеву предположить, что закупка бумаги была сделана около 1575 г., а работа над последними томами Свода происходила около 1580 г.[4] Таким образом, датировка Я. И. Бередниковым рукописей и Ф. И. Буслаевым летописных миниатюр, а также предположения А. Е. Преснякова, основанные на источниковедческих и текстологических наблюдениях, позволявших датировать приписки к рукописям, вероятнее всего, второй половиной XVI в., нашли полное подтверждение.

Датировка Н. П. Лихачева была сразу же поддержана А. А. Шахматовым и А. Е. Пресняковым[5], обнаружившими уже тогда много сходных мыслей при изучении летописей XVI в.[6], а затем и С. Ф. Платоновым[7], готовившим к печати 13-й том Полного собрания русских летописей и предложившим позднее своему ученику Б. А. Романову[8] изучать приписки именно как памятник времени Ивана Грозного[1*]. Выводы эти, можно полагать, поддержал и И. Е. Забелин[2*]. Впоследствии процедура установления Н. П. Лихачевым даты Лицевого свода вошла как образцовый пример в учебные пособия по источниковедению отечественной истории (М. Н. Тихомирова) и русской палеографии (Л. В. Черепнина)[9]. С. Н. Валк говорил (в 1962 г.), что датировка Н. П. Лихачевым Ц, «точно приуроченная к

[1*] С. Ф. Платонов предполагал возможным связать приписки с деятельностью Ивана Грозного, Б. А. Романов — с деятельностью И. М. Висковатого.

[2*] В издании своего труда «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.» отдельной книгой он отмечает, что в 1897 г. Историческим музеем был приобретен «громадный лицевой сборник по формату в лист, очень сходный с упомянутыми (в документах XVII в. — *С. Ш.*) царственными книгами», и что «рукопись эту по бумажным знакам и письму с полной вероятностью должно отнести к половине XVI ст. Видимо также, что она могла быть изготовлена только для царских палат царскими же художниками»[11]. Речь идет о так называемом первом томе Лицевого свода («Музейском сборнике»), подробно описанном В. Н. Щепкиным в 1899 г.[12]

концу царствования Ивана Грозного», открыла путь к изучению приписок к летописному тексту[10]. Датировку Н. П. Лихачева, А. Е. Преснякова, А. А. Шахматова признает твердо доказанной А. В. Арциховский (в исследовании о миниатюрах лицевых рукописей)[13], ее придерживается Д. С. Лихачев (в монографии о летописях)[14]. 1570-ми годами датировал интерполяции в С и Ц и С. Б. Веселовский (правда, не по внешним, палеографическим, признакам, а по содержанию приписок)[3*].

Однако далее произошла любопытная метаморфоза: исходя из различных фактов политической и культурной истории времени Ивана Грозного, Лицевой свод, и особенно летописи «лет новых», некоторые исследователи стали датировать только в зависимости от этих фактов (и соответствующих построений, на них основанных), по существу не считаясь с данными филигранологии, т. е. единственными данными, имеющими для неточно датированных рукописей наибольшую степень точности.

Авторы этих трудов — Д. Н. Альшиц, Н. Е. Андреев, А. А. Зимин, О. И. Подобедова[4*] и др., — не сходясь между собой в датировке приписок, тем не менее считали, что интерполяции и поправки могли появиться в лицевых летописях только при жизни И. М. Висковатого (изображенного в приписке о событиях марта 1553 г. — когда некоторые лица из окружения тяжело заболевшего Ивана IV отказались присягать его малолетнему сыну, — наиболее деятельным исполнителем воли царя), следовательно, не позднее лета 1570 г.

Был поставлен вопрос об авторе и тенденциях приписок. Д. Н. Альшиц, С. В. Бахрушин[17], С. Б. Веселовский и некоторые другие исследователи полагали, что вставки были сделаны при непосредственном близком участии Ивана Грозного. По мнению Н. Е. Андреева, составителем приписок был дьяк И. М. Висковатый, действовавший, впрочем, по указанию царя[18].

Специально припискам посвятил несколько работ Д. Н. Альшиц[19]. Выводы его темпераментно написанных исследований популяризировались и в литературе, рассчитанной на широкого читателя[20]. Д. Н. Альшиц признает приписки автографом Ивана Грозного и полагает, что С редактировали в 1563 г. и во всяком случае не позднее 1564 г., а Ц редактировалась не ранее 1564 г. и, видимо, не позднее 1568 г. (вероятнее всего, в 1567—1568 гг.). Вторичная переделка текста была вызвана изменениями, связанными с опричниной, а также с полемикой между царем

[3*] С. Б. Веселовский, не останавливаясь специально на датировке лицевых рукописей, полагал, что приписки «сделаны лет восемнадцать-двадцать спустя после болезни царя в 1553 г. ...с определенной тенденцией — оправдать царя в казни старицких князей в 1569 г.»[15]

[4*] О. И. Подобедова в монографии о миниатюрах русских исторических рукописей (изданной в 1965 г.) замечает, что «после 1570 г. интерес к созданию Свода ослабел, а затем и вовсе прекратилась работа над ним»[16]. В статье «Лицевой летописный свод», опубликованной в том же 1965 г. в т. 8 Советской исторической энциклопедии, О. И. Подобедова относит «варианты листов» Ц, т. е. листы, оформленные заново на основании редакционной правки, ко времени после 1570 г.

Иваном и Курбским. С. Б. Веселовский, поддерживая основные выводы Д. Н. Альшица, не принял, однако, предложенной им датировки приписок и считал, что интерполяции в Ц сделаны не ранее 1570 г.[21]

А. А. Зимин первоначально, в книге 1960 г., писал, что приписка к Лицевому своду сделаны, «очевидно, самим Иваном Грозным в годы кануна и первого периода опричнины»[22]. Позднее, в книге 1964 г., А. А. Зимин, вслед за С. Б. Веселовским и Н. Е. Андреевым, связывая интерполяции с опалой князя Старицкого, писал, что работа над С производилась, вероятно, после августа 1568 г., а исправления в текст Ц «внесены между первым кварталом 1569 г. и июлем 1570 г., т. е. уже после казни Владимира Старицкого и до расправы с Иваном Висковатым и другими лицами, изображенными в приписках сторонниками царя». (Датировка эта кажется особенно странной потому, что Владимир Андреевич Старицкий был казнен не в первом, а в третьем квартале 1569 г. — 9 октября, о чем написано в том же исследовании А. А. Зимина[23].)

Предположения о датировке приписок 1560-ми годами, зачастую остроумные и, казалось бы, опирающиеся на данные многообразных источников, можно признать основательными только в том случае, если они не противоречат точным (более или менее) палеографическим данным. Между тем палеографические наблюдения Н. П. Лихачева остались неопровергнутыми[5*]; большинство исследователей, относящих приписки к 1560-м годам, специально палеографическим изучением лицевых летописей не занимались, более того, делали свои построения прежде всего на основе издания ПСРЛ, а не исследования подлинных рукописей. Между тем, как давно уже установлено[6*], «непосредственное знакомство с рукописным текстом есть непременное условие правильности и плодотворности всякого вывода о памятнике»[24].

Уточнение датировки приписок в С и Ц и времени создания самих С и Ц казалось тем более нужным, что в трудах ученых, датирующих приписки 1560-ми годами, обнаруживалось немало противоречий, недоговоренностей или, напротив, неосновательных утверждений, не согласующихся при сопоставлении приписок с другими источниками той поры. В частности, трудно объяснить, если датировать приписки 1560-ми годами, внесение в них сведений о поддержке царя А. Ф. Адашевым в 1553 г. (после казни в начале 1560-х годов за связь с ним его родственников), о верности боярина И. П. Федорова, с которым Иван Грозный жестоко расправился в 1568 г. (особенно при датировке приписок 1569—1570 го-

---

[5*] Мнение Д. Н. Альшица (датирующего приписки 1560-ми годами), что Польские посольские книги были написаны на остатках бумаги после завершения работы над Лицевым сводом[25], может изменить представление о последовательности использования этого запаса французской бумаги (сначала для лицевых рукописей, а уже потом для посольских книг, а не наоборот, как полагал Н. П. Лихачев), но не о времени производства бумаги и, соответственно, привоза ее в Россию.

[6*] Именно эту цитату из статьи С. Ф. Платонова Л. В. Черепнин счел полезным привести в своем учебном пособии по русской палеографии[26].

дами), и в то же время отнесение к «мятежным» советникам приближенного опричника А. Д. Басманова, родственников других опричников и т. д. Причины появления в лицевых летописях комплекса именно таких исправлений и вставок, включая и многочисленные фактографические и грамматические исправления, во многом оставались невыясненными.

Это побудило и меня в середине 1960-х годов заняться изучением вопроса о времени создания С и Ц и внесения в них редакторских изменений и дополнений, тем более что еще в 1956 г. была напечатана моя статья «Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г.», основанная на сравнительном исследовании рукописи Ц и других источников (рукописных и опубликованных). Продолжение визуального ознакомления с рукописями С и Ц мыслилось как обязательное предварительное условие работы. Такое ознакомление — даже выборочное, только с отдельными листами рукописей — убеждало в правильности основных филигранологических наблюдений Н. П. Лихачева. А это приводило и к признанию неопровержимости его вывода о создании рукописей и уж подавно о времени их редактирования не ранее середины 1570-х годов.

Предварительные результаты исследования были обобщены в статье «Когда и почему редактировались лицевые рукописи времени Ивана Грозного», опубликованной в № 1 и 2 журнала «Советские архивы» за 1966 г.[7*] В статье была предпринята попытка обосновать положения, которые кратко можно сформулировать так: С редактировали не ранее середины 1570-х годов, а Ц — в последние годы жизни Ивана Грозного; редактирование лицевых летописей рассматривалось в плане продолжавшейся полемики царя с Курбским; приписки отражали взгляды Ивана IV; он может быть признан наиболее вероятным автором их, однако это не автограф царя. В статье специальное внимание уделялось вопросам о времени обращения Ивана Грозного к летописным материалам (о которых упоминается в описи Царского архива) и характере их использования, об использовании при редактировании лицевых летописей, помимо делопроизводственной документации и текстов посланий царя, видимо, еще и летописных заготовок («памятей») прежних лет, в том числе «памятей» Висковатого 1550-х годов.

Положения статьи вызвали возражения А. А. Зимина, не приведшего, впрочем, новых аргументов в пользу своей точки зрения о времени составления приписок к С и Ц, но верно подметившего в моих построениях отсутствие точно документированных доказательств знакомства царя Ивана с «Историей» Курбского[27].

В конце 1966 г. впервые свои суждения о времени и поводах работы Ивана Грозного над Лицевым сводом сделал достоянием печати Р. Г. Скрынников. Выводы Р. Г. Скрынникова, сформулированные в разных его работах[28], не во всем согласуются между собой, даже в статьях 1976 и 1977 гг., специально посвящен-

[7*] Еще ранее, 3 декабря 1964 г., был сделан доклад «О времени составления приписок к Лицевому своду» на заседании Археографической комиссии[29].

ных этой проблематике. Но неизменным оставалось положение: интерполяции «публицистического характера» в С и Ц сделаны в предопричный период и текст Первого послания Ивана IV Курбскому — «вторичного происхождения» по отношению к текстам этих летописных вставок[30]. Р. Г. Скрынников полагает, что Иван IV «пытался непосредственно вмешаться в летописную работу»[31], по-видимому, вскоре после знакомства в июле 1563 г. с судным делом кн. С. Ростовского, хранившимся в Царском архиве, но «нет нужды считать редакторскую правку» автографами царя[32]. Менее четка позиция ученого в отношении участия И. М. Висковатого в редакционной работе. В статье 1976 г. допускается такое предположение и даже указывается время, когда Висковатый «мог исполнить царское поручение» и подготовить вставку о «мятеже» 1553 г. (между ноябрем 1563 г. и маем 1564 г.)[33]. Из текста же статьи 1977 г. явствует, что «похвала в адрес шефа могла исходить от подчиненных» Висковатого по канцелярии Посольского приказа[34]. В статье 1976 г. без какого-либо комментария помещены фотокопии приписок на полях Ц и автографа Висковатого; в статье 1977 г. (со ссылкой на эту страницу прежней статьи) указано, что записи на полях Ц не могут принадлежать Висковатому, так как почерк его отличается от почерка лица, исправлявшего летопись, и «помощников Ивана IV по исправлению летописей» следует искать скорее всего не среди «знаменитых "бюрократов" того времени»[35].

В статье 1976 г. Р. Г. Скрынников пишет, что «с наступлением опричнины летописание утратило прежний размах» и «после внесения в текст некоторых незначительных исправлений Иван Грозный окончательно утратил интерес к летописному труду»[36]. В статье же 1977 г. отмечается, что «последние незначительные исправления были внесены в текст приписок несколько лет спустя» и «интерполяция имени Басманова позволяет... обнаружить в приписках следы самой поздней правки, относящейся к последним годам опричнины», после 1570 г.[37] (Впрочем, в книге 1966 г. автор уже писал о «нескольких других, более поздних, слоях и напластованиях» в интерполяциях Ц[8*] и приводил примеры приписок, сделанных после 1570 г.[38]) Основную (или первичную?) правку, сделанную, по его мнению, в 1563—1564 гг., ученый связывает с политическими событиями того времени.

В последней по времени статье «Загадка древнего автографа» Р. Г. Скрынников пишет: «С точки зрения критики источника первостепенное значение имеет его точная датировка. Пока памятник не датирован, его истинная ценность не ясна. Выяснение взаимосвязи источника с породившей его обстановкой остается тем единственным путем, который позволяет раскрыть заключенные в нем тенденции»[39]. И с первым, и со вторым положениями этого абзаца нельзя не согласиться.

[8*] Наблюдения о «едва уловимых отличиях почерка» в приписках, приводимые в подтверждение мысли о «признаках разновременной работы»[40], к сожалению, в трудах Р. Г. Скрынникова никак не конкретизированы. Соображения о «поздних слоях и напластованиях» в интерполяциях рукописей могут основываться только на тщательном визуальном исследовании рукописей (а также сравнительном изучении всех имеющихся в них интерполяций).

Но между ними нет той прямой логической связи, которая, казалось бы, подразумевается из смысла статьи. Ибо во втором положении говорится не о путях определения даты памятника, а о путях выявления его тенденциозности, т. е. о задаче внутренней критики источника. При определении же даты создания (или редактирования) недатированных рукописей обычно обращаются к палеографическим признакам, т. е. к арсеналу приемов внешней критики источника. Таким образом, налицо подмена понятий и даже задач исследования. Нельзя согласиться и с утверждением, будто при определении даты приписок «наблюдения за сортом бумаги в данном случае[9*] не помогают решению вопроса: классификация бумаги не отличается большой точностью и позволяет определить разве что десятилетие, но никак не год составления рукописи»[41]. Классификация бумаги, действительно, редко позволяет определить год составления рукописи, но дает достаточно оснований для определения времени, *ранее* которого рукопись не могла быть составлена.

В работах Р. Г. Скрынникова о лицевых летописях немало ценных соображений исторического и источниковедческого характера и верных замечаний о выводах и наблюдениях других ученых, но его предположения о времени редактирования С и Ц не имеют под собой основательной источниковой базы и методически не во всем корректны. Между тем они стали основой для ответственных утверждений о событиях времени Ивана Грозного в специальных исследованиях ученого и в его трудах, рассчитанных на широкого читателя.

В последние десятилетия продолжалось интенсивное исследование и Лицевого свода в целом, и С и Ц, причем с применением палеографических, источниковедческих и литературоведческих приемов. С и Ц изучались методами текстологии и искусствознания в сопоставлении с остальными частями Лицевого свода и другими летописными памятниками (труды Т. Н. Протасьевой, Б. М. Клосса, В. Д. Черного, А. А. Амосова, В. В. Морозова, С. А. Морозова и других исследователей). Большое значение в этом плане имело осуществленное под общим руководством М. И. Тихомирова еще в 1965 г. издание в 29-м томе ПСРЛ Александро-Невской и Лебедевской летописей, являющихся копиями частей Лицевого свода. В листах этих летописей киноварью выделены фразы, слова, буквы, которым обычно предшествуют миниатюры. Тем самым становится возможным определить места миниатюр не только в дошедших частях С и Ц, то и в утраченных их фрагментах.

Еще А. Е. Пресняков ставил перед собой задачу определить источники, которыми пользовался составитель (или составители) С и Ц. Ныне наши знания об этом существенно расширились. Установлено, что Лицевой свод — не просто список нескольких летописных сочинений, а памятник более сложного состава. Многое сделано (А. А. Амосовым, Б. М. Клоссом[43], В. В. Морозовым[44], С. А. Моро-

[9*] В статье 1976 г. приводятся данные о филиграни нескольких листов Ц. Однако эти наблюдения над отдельными листами не сопоставлены с выводами общего порядка о бумаге Лицевого свода в целом (или хотя бы Ц)[42].

зовым[45] и другими исследователями) и для изучения источников лицевой летописи «лет новых». Выяснилось, что это — новая редакция летописи. Составитель (или составители) заимствовал данные из разных памятников, определенным образом комбинировал и препарировал их.

Одновременно обнаружилась несостоятельность одного из опорных положений предшествовавших представлений о времени составления С и Ц и этапах редактирования этих рукописей. С и Ц рассматривались обычно как две разные рукописи, и считалось, что С отражает первый этап работы над лицевой летописью о времени Ивана Грозного, а Ц должна была заменить С. При этом мыслилось, что время составления и редактирования С отделено от времени составления и редактирования Ц заметным промежутком — от месяцев до нескольких лет. Такое представление было характерно и для моих работ о лицевых летописях. Теперь, в результате исследований Т. Н. Протасьевой, А. А. Амосова, Б. М. Клосса, В. В. Морозова[46], от этих казавшихся едва ли не аксиоматическими положений надо отказаться.

Ныне установлено, что С и Ц — это переплетенные позднее в разные тома части одной лицевой летописи о времени правления Ивана Грозного. Но работу над отдельными группами листов этих частей лицевой летописи вели разные «дружины» писцов и художников, что привело к стилистическим различиям, заметным подчас при ознакомлении с отдельными миниатюрами обеих рукописных книг (С и Ц). Определенную часть листов, ныне входящих в С, отредактировали прежде некоторых листов, ныне входящих в Ц, так как в беловиках этих листов Ц учтена правка некоторых сохранившихся листов С. Переделывали и листы Ц. Одна из характерных черт переделанных листов Ц (как выяснил В. В. Морозов) — изображение Ивана IV в царской короне и на листах рукописи, посвященных описанию событий до его венчания на царство; в первичных листах летописи «лет новых» (и в С, и в Ц) Иван IV изображен в великокняжеской шапке. Таким образом, имеются основания полагать, что существовали варианты (возможно, незавершенные) официальной лицевой летописи о времени правления Ивана IV. Причем последовательность составления такой лицевой летописи (и объединения ее вариантов) и редактирования ее частей, видимо, не всегда находилась в соответствии с хронологической последовательностью описываемых в летописи событий.

До сих пор еще по-разному датируют работу над С и Ц и Лицевым сводом в целом и время внесения в Свод редакционной правки. Для уточнения датировки важно знать датирующие признаки письменных памятников, которые использовались составителями и редакторами Лицевого свода: время написания и факты их бытования в тех или иных хранилищах. Так, особо интересным оказывается известие о том, что царь Иван дал вкладом в Соловецкий монастырь «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия при игумене Иакове, который был игуменом в 1581—1597 гг., т. е. не ранее 1581 г. Рукопись, как доказала В. Ф. Покровская, использовали при подготовке так называемого второго тома Лицевого свода[47].

Следовательно, в рукописи уже не нуждались при жизни царя, и работа над этой частью Свода была тогда уже завершена.

Немалое значение имеют и мелкие датирующие признаки, в совокупности своей позволяющие определить время, ранее которого не могла быть составлена (или переписана) та или иная часть Лицевого свода: упоминание о точно датируемых событиях (например, о захоронении князя Владимира Андреевича Старицкого и его сына Василия в Архангельском соборе; это могли написать, как установил Е. С. Сизов, не ранее 1574 г.[10*]); изображение зданий (так, Благовещенский собор Московского Кремля на миниатюре л. 297 об. Ц — девятиглавый, каким он стал в 1566 г.[49], следовательно, рисунок был сделан не ранее этого времени).

Но наибольшее значение по-прежнему имеют филигранологические наблюдения. «Топология и хронология водяного знака, — писал Л. В. Черепнин, — это ключ к выяснению условий возникновения исторического источника. А топология и хронология источника помогают правильному пониманию исторических явлений, им освещаемых»[50]. Особенно важно это учитывать при изучении недатированных и неавторизованных рукописей. И А. А. Амосов правильно отмечает, что в определении времени написания недатированных лицевых рукописей единственными объективными показателями пока остаются водяные знаки бумаги, поскольку в хронологическом определении полууставных почерков (равно как и индивидуальных стилей миниатюристов) преобладает еще доля субъективного восприятия[51].

Тщательно выполненные исследования А. А. Амосова показали, что главная работа по завершению Хронографической части и написанию «Летописания лет старых» происходила в середине — второй половине 1570-х годов[52], подтвердив тем самым выводы Н. П. Лихачева. Считается, что окончательное оформление летописания «лет новых» происходило после завершения основной работы над предшествовавшими частями Лицевого свода. И это тоже подтвердилось при специальном изучении листов, оформленных после редакционной правки Ц и приплетенных в конце имеющегося ныне фолианта Ц[53], и при полистном исследовании В. В. Морозовым и С. А. Морозовым всех листов С и Ц[11*]. Таким образом, выводы Н. П. Лихачева о датировке Лицевого свода остались в основе своей непоколебленными.

Процесс оформления сохранившегося Лицевого свода — сложный и длительный. А. А. Амосов полагает, что по самым осторожным подсчетам на переписку и

[10*] Мнение Б. М. Клосса, полагающего, что листы с этими известиями являются позднейшей вставкой[48], не подтверждается при последовательном сравнении всех внешних признаков рукописи — не только бумаги, чернил, почерка, но и манеры («рук») миниатюристов. Если это и вставка, то сделанная непосредственно в период работы над рукописным кодексом.

[11*] В. В. Морозовым и С. А. Морозовым подготовлено к печати благодаря любезности сотрудников Отдела рукописей и старопечатных книг ГИМ полистное описание всех листов С и Ц с указанием их палеографических и текстологических особенностей — водяных знаков, помет чернилами и карандашом и др., места миниатюры на листе и т. д.

иллюстрирование С (даже если миниатюры этой рукописи первоначально оставались нераскрашенными) требовалось не менее года[54]. А в С всего 626 листов и 1116 миниатюр (в Ц — 687 листов и 1281 миниатюра[12*]), в остальных «томах» Свода и листов и миниатюр больше. Ясно, что это труд не одного писца и одного художника, а групп («дружин») писцов и художников. (Интересные наблюдения в этом направлении сделаны на основании изучения миниатюр О. И. Подобедовой и филиграней — А. А. Амосовым.)

Когда же начали подготовительную работу к этому монументальному памятнику книжной культуры? Предшествовали ли известным нам лицевым летописям другие, подобные им? Уверенно и достаточно обоснованно ответить на эти вопросы пока нельзя. Можно допустить, что между замыслом создания Лицевого свода и даже временем первоначальных заготовок к этой работе (определение списков используемых летописей и других памятников письменности, изобразительных образцов; написание черновиков) и временем оформления беловика Свода мог пройти и немалый срок, что мысль о создании истории «в лицах» возникла в связи с необходимостью обучать царевичей, что какие-то варианты или части лицевых летописей погибли в пожар Москвы 1571 г., а потом велено было создать новые рукописи взамен утраченных или испорченных. Но это все — не более чем предположения.

В дошедшем до нас виде части Лицевого свода были созданы не ранее последнего десятилетия правления Ивана Грозного. Понятно, что не прежде этого времени могли появиться на листах Свода скорописные исправления и дополнения редактора. Такой вывод прочно обосновывается и филигранологическими свидетельствами, и некоторыми другими показаниями источников. И это убеждает в том, что, если даже замысел (или первоначальный вариант) Лицевого свода возник и раньше, работа по составлению Лицевого свода представлялась важной и вызывала особый интерес царя Ивана в последние годы его жизни[13*].

Первый издатель Ц М. М. Щербатов писал, что среди листов выявленной им рукописи были листы, где «обретается коронация» Федора Ивановича. Однако он не счел нужным переплести эти листы вместе с остальными. Текст их восстанавливается по Александро-Невской летописи, на одном из листов которой имеется миниатюра с изображением венчания Федора на царство[55]. Очевидно, лицевая летопись, описывающая время царствования Федора Ивановича, мыслилась как не-

[12*] Данные о количестве миниатюр С и Ц установлены В. В. Морозовым и С. А. Морозовым.

[13*] Исследователи, писавшие о лицевых летописях, обращали, как правило, внимание на указание описи Царского архива о посылке летописных материалов (хранившихся в ящике 224) в августе 1568 г. к царю в Слободу. Р. Г. Скрынников, думается, верно отметил, что «земская летопись перестала пополняться потому, что летописные материалы были изъяты из ведения земщины и увезены в опричную Александровскую слободу». Арест «летописей был следствием наступивших политических потрясений»[56]. Но важно отметить и то, что летописные материалы не были еще возвращены в Царский архив в момент составления его Описи. Следовательно, царь продолжал ими интересоваться и в середине 1570-х годов.

посредственное продолжение лицевых летописей времени Ивана Грозного. Это дает основания предполагать, что редакционная работа над Царственной книгой велась в самые последние годы правления Ивана Грозного[14*].

Части летописи «лет новых», как уже отмечалось, редактировали не одновременно и, поновляя листы, обычно учитывали прежнюю правку. Однако для правки листов С и Ц характерен единый стиль, сходство почерка и чернил (отмеченное еще А. Е. Пресняковым), что позволяет сближать даты редакторской работы над листами С и Ц.

Какая-то правка вносилась, вероятно, уже в черновики рукописи Лицевого свода. Редактировали и беловые листы его — и словесный текст, и изобразительный материал: придавалось значение не только тому, что написано, но и как изображено[15*].

Можно установить несколько моментов (или аспектов) редактирования Лицевого свода: грамматические исправления (отмечались пропуски и неверные написания слов, букв); формально-фактологическая правка (уточнение имен, дат, терминов и т. п.); стилистическая правка и, наконец, правка откровенно тенденциозно-политической направленности (зачеркивания, изменения текста, в том числе большие приписки в летописи «лет новых»).

При формально-фактологической правке обращались к разнообразным источникам, очевидно находившимся в распоряжении редактора. (Ряд таких источников правки в летописи «лет новых» указан Д. Н. Альшицем[57].) Письменный текст лежал и в основе приписок тенденциозно-политической направленности; этим, очевидно, объясняются зачеркивания и обрывы отдельных фраз в такого рода приписках[60].

Правили и уже заново отредактированный текст беловых листов Лицевого свода, причем правка была не только стилистической, но и опять-таки тенденциозно-политической. (Это прослеживается на листах, посвященных событиям лета 1546, 1553 гг.) Процесс обновления текста и рисунков иногда можно отчетливо наблюдать, так как сохранились и первоначальные листы рукописи с замечаниями редактора, и часть новых листов, текст и миниатюры которых изменены соответственно его указаниям[16*].

* * *

Приписки насквозь полемичны и проникнуты воинствующей идеологией «самодержавства». В них действительно, как отмечали С. В. Бахрушин и Д. Н. Аль-

---

[14*] Трудно согласиться с недавно высказанным утверждением, будто Иван Грозный уничтожил официальное летописание[58].

[15*] Указания об этом в Ц приведены А. Е. Пресняковым. Например, на л. 470 по поводу рисунка к известию о гонце из Тулы замечено: «Тут написать у государя стол без доспехов, да стол велик»; на л. 652 о рисунке, изображающем внесение мощей, написано: «То не надобе, что царь сам носит» и т. д.[59]

[16*] Подробнее об этом см. в следующих очерках.

шиц, обнаруживаются совпадение с содержанием царских посланий Курбскому, а иногда и текстуальная близость. Справедливо и утверждение Д. Н. Альшица, что в отборе материала для приписок «сыграл свою роль» ответ Курбского на Первое послание царя. Однако имеется прямое указание Курбского в «Отвещании» на Второе послание Ивана Грозного (написанное царем в 1577 г.), что ответ на Первое послание царя Курбский отправил ему лишь вместе с этим «Отвещанием»[17*]. (Об этом писали, полемизируя с Д. Н. Альшицем, и А. А. Зимин и Р. Г. Скрынников[61].) Поэтому, пожалуй, больше оснований для гипотетического предположения о том, что ответные послания Ивана Грозного Курбскому и Первое послание Курбского царю, так же как другие его послания и «История о великом князе Московском», использовались при редактировании официальной летописи уже после 1577 г.

Приписки, думается, можно рассматривать и в плане продолжавшейся полемики Ивана Грозного с Курбским, имевшей большое международное значение[62], хотя было бы натяжкой видеть в приписках «непременную полемику с Курбским»[63]. Полемика могла быть одним из побудительных поводов к составлению приписок, могла придать им определенную эмоциональную окраску[18*], но на появление приписок влияли, конечно, и другие обстоятельства, государственно-политического характера и субъективные.

«История» Курбского (написанная, видимо, не ранее 1573 г.)[64], так же как и пространная редакция Первого послания к нему Ивана Грозного (1564 г.), адресовалась прежде всего читателям Речи Посполитой[65] и в какой-то мере рассматривалась как ответ на это послание. Курбский преследовал цель не только противопоставить трактовке Грозным основных событий истории России середины XVI в. иное их толкование, но и опровергнуть конкретные замечания, имевшиеся в послании царя. Эти же задачи стояли перед Курбским и при написании ответных посланий царю, особенно Второго послания (1577 г.), во многом близкого «Истории».

Рассчитывал Курбский, видимо, и на то, что сочинения его станут известны в России. Курбский был заинтересован в том, чтобы царь прочитал его сочинение (подобно тому как он прежде просил отослать «к государю» свое послание в Псково-Печерский монастырь)[66]. Прямых данных о том, что Курбский сумел ознакомить с «Историей» царя и тем явно уязвить его, у нас пока не имеется. Но есть основания полагать, что «История» стала известна в среде польско-литовских панов, в частности православных магнатов. И царь, имевший там информаторов и лазутчиков, мог получить экземпляр рукописи (или ее частей)[19*].

[17*] Не исключено, конечно, что Иван Грозный сумел и ранее ознакомиться с текстом первого ответного послания Курбского — правительство его получало тайную информацию о политической жизни за рубежом. Но все-таки это не более чем предположение; следовательно, за аксиому принималось то, что надо еще обосновать.

[18*] Это обнаруживается и в росписях Архангельского собора Московского Кремля, в частности в изображении князя Федора Ярославского[67].

[19*] О проникновении из-за рубежа в Россию враждебных Ивану IV сочинений заботились и противники царя. Известно, что во время похода в Россию в 1581 г. Стефан Баторий отпра-

Мимо такого сочинения, как «История» Курбского, трудно было пройти при редактировании текста официальной летописи. Более того, подобным взглядам следовало противопоставить иное, выгодное царю освещение и объяснение событий, причем тоже в плане характерного для XVI в., по выражению Д. С. Лихачева, «идеализирующего биографизма»[68] (опираясь и на давние личные впечатления, и на документальные материалы архива).

В приписках настойчиво подчеркиваются отрицательные для государства последствия боярских «смут и мятежей», прекословия и политического соперничества лиц, которых Курбский старался изобразить опорой государства, а также последовательная борьба Ивана IV за свое самовластие (начиная еще с юных лет!) и необходимость единовластия для государства. Оправдываются соответственно и меры, предпринимавшиеся для укрепления единовластия.

При этом, как и в послании Курбскому, ясно проводится мысль о том, что именно бояре «наустиша черни», «наустиша художайших умов народ» на государя[69]. Московское восстание июня 1547 г. рассматривается как продолжение боярских «смут и мятежей», «межусобных браней»[70]. Так обнаруживается определенная политико-философская концепция, согласно которой возмущение да и вообще все политические акты «черных людей» являлись «результатом» воздействия на них враждебных государю представителей правящей верхушки[71].

Еще больше напоминают ответ на «Историю» Курбского и его «Отвещание» царю приписки о Казанской войне. В «Истории» Курбского подчеркиваются трусость и бездеятельность Ивана IV в Казанской войне; о трусливом бегстве царя «со кромешники» из Москвы при приближении войск крымского хана в 1571 г. напомнил Курбский и в «Отвещании»[72]. В то же время в «Истории» он всячески выпячивает заслуги бояр при взятии Казани, особо выделяя подвиги свои и своего брата.

Приписки о Казанской войне приведены в исследовании С. Б. Веселовского, верно уловившего их тенденцию: «выставить царя в наиболее выгодном для него освещении»[73]. В приписках отмечаются факты медлительности бояр и их сопротивления царю и везде на первый план выдвигаются заслуги Ивана Грозного[20*]. Приписки, очевидно, должны были в какой-то мере сгладить невыгодное для Ивана IV впечатление от жалоб в первом послании Курбскому (высказанных явно в пылу полемики), будто его «аки пленника» везли к Казани[76].

С целью устранить возможное неблагоприятное впечатление о деятельности царя были, видимо, вычеркнуты в Приговоре об отмене кормлений упоминания о поведении Ивана IV, не соответствовавшем «обычаем царьским»[77]. Именно о таком поведении Ивана IV и писал Курбский в своей «Истории».

вил ему перевод сочинения Гваньини, в котором описывались его жестокости. Характерно, что отрывки из этого сочинения встречаются в рукописных сборниках сочинений Курбского[74]. Такого рода сочинения тоже становились одним из поводов для внесения редакционной правки в официальную летопись о времени правления Ивана Грозного.

[20*] Это сближает содержание приписок о Казанской войне с «Казанской историей»[75].

Для редакционной правки лицевых летописей характерна и противоновгородская тенденция. По наблюдению Д. Н. Альшица, новгородцы «фигурируют как сила, поддерживавшая все мятежи и измены, почти во всех приписках, посвященных боярскому непокорству». В редакционных исправлениях и приписках акцентируется внимание на «изменах» новгородцев и на связи их с враждебными Ивану IV московскими боярами. В С «дети боярские городовые», поддержавшие мятеж Шуйских в 1542 г., превращены в «ноугородцев Великого Новагорода» и отмечено, что «в том совете быша... ноугородцы великого Новагорода *всем городом*»[78] (курсив мой. — *С. Ш.*). Еще яснее эта тенденция прослеживается в приписке под 1546 г. Подобная противоновгородская направленность редакционных исправлений и старание выявить связи мятежных новгородцев (причем Новгорода в целом!) с московскими боярами были особенно уместны после страшного новгородского погрома 1570 г. и в какой-то мере должны были стать историческим оправданием этого злодеяния Ивана Грозного, а также опровержением высказанного в «Истории» Курбского мнения, что Иван IV лишь из-за корыстолюбия, «великих ради богатств губил» новгородцев[79].

Исследователи (Н. Е. Андреев, А. А. Зимин) справедливо отмечали, что приписки, фактически обвинявшие Владимира Андреевича Старицкого в измене, вряд ли могли быть написаны до его смерти[80]. Однако это вовсе не обязывает относить приписки именно к 1569—1570 гг. Характеристика деятельности Старицких в приписках вполне соответствует мыслям Ивана Грозного и второй половины 1570-х годов. Вопрос о Старицких долго продолжал волновать царя. Он возвращался к этой теме во Втором послании Курбскому, упрекая его: «А князя Володимера на царство чего для естя хотели посадити, а меня и з детьми извести?»[81]. В кратком послании царя тема о преимущественных правах Ивана IV и его потомков на престол сравнительно с правами Владимира Андреевича оказывается развитой наиболее пространно. И Курбский счел необходимым в «Отвещании» отречься от этих обвинений[21*]. Правда, сделал он это как бы скороговоркой и в оскорбительной для царя форме, помянув о его «издавна кровопивственном роде». Известно, что в 1574 г. казнили сына Владимира Андреевича Старицкого Василия. Во второй половине 1570-х годов Ивану Грозному изменил насильственно женатый им на дочери Владимира Андреевича Магнус (король Ливонии).

Таким образом, и в конце 1570 — начале 1580-х годов можно обнаружить основания для появления вставок о боярской попытке передать Владимиру Андреевичу царский престол в 1553 г. Обобщение конца приписки: «и оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Ондреевичем, а в боярех смута и мятеж, а царству почала быти в всем скудость»[82], — свидетельствует о том, что она была сделана уже с позиций историка, пытавшегося в известной перспективе

[21*] «А о Володимере, брате своем, воспоминаешь, аки бы есмо его хотели на государство; воистинну, о сем не мысли, понеже и не достоин был того»[83].

рассмотреть и оценить последующие события. С. Б. Веселовский, анализируя рассказ о болезни царя в 1553 г., пришел к выводу: «В общем приписки производят впечатление воспоминаний, сделанных автором много лет спустя по памяти... позднейшие события деформировали воспоминания автора»[84].

В связи с воспоминаниями о деятельности Старицких[22*], а также с обострением русско-польских отношений уместна была приписка о Семене Ростовском (это оправдывало и первые опричные казни).

«Отвещание» Курбского позволяет объяснить и отбор персоналий, которые особо очернены во вставках в Ц. Курбский выделил князей Курлятевых, упомянув об их незаслуженной опале. «Поучению» Сильвестра в 1547 г. и роли Сильвестра отведено особо выдающееся место в «Истории» Курбского[85]. Курбский не единожды в «Отвещании» характеризует Сильвестра как истинного учителя и «льстеца», увещевавшего царя, противопоставляя его новым «ласкателям» Ивана IV. Замечания о всевластии Сильвестра[86] могут рассматриваться и как ответ на слова Курбского.

В приписках обнаруживается различие в характеристике политической линии А. Ф. Адашева и Сильвестра: Сильвестр показан как противник царя, Адашев же, напротив, выступает как проводник политической линии Ивана Грозного. В первом же послании царя Курбскому и Адашев, и Сильвестр неизменно изображаются как соратники-руководители враждебного царю «собацкого собрания» — «Избранной рады». (Вместе они упомянуты и во втором послании Курбскому 1577 г.) После «Отвещания» Курбского, где Курбский, умолчав об Адашеве, особенно много места уделил прославлению Сильвестра, допустимо было уже раздельно писать об этих влиятельных «временниках» царя. Вообще любопытно, что в рассказе о болезни царя 1553 г., как выяснил Н. Е. Андреев[89], не заметно единого мнения и общих действий участников «Избранной рады», тогда как еще во Втором послании Курбскому (1577 г.) царь писал: «Тако и вы хотесте с попом Селиверстом, с Олексеем Адашевым и со всеми своими семьями под ногами своими всю Рускую землю видети»[90].

Состав лиц, упоминаемых во вставках и в небольших приписках в летописный текст, отличается пестротой — указаны действовавшими сообща лица, известные по другим источникам взаимной враждой. Во вставках среди «врагов» Ивана IV и лиц, прекословивших ему, упомянуты и деятели, погибшие в годы опричнины, и опричник А. Д. Басманов, и родственники опричников, и лица, умершие уже после

[22*] Со Старицкими был связан, оказывается, и дьяк Василий Захаров-Гнильевский. Ему в летописи приписывалась зловещая роль клеветника, по доносу которого Иван IV казнил в 1546 г. приближенных бояр. В пространной приписке о казнях 1546 г. сохранилась, по существу, прежняя характеристика В. Захарова[87]. Дьяка этого впоследствии казнили (и имя его включили в синодик), а брат его, Яков, был ближним дьяком удельного князя Старицкого и погиб вместе с Владимиром Андреевичем Старицким — имена их рядом записаны в синодике[88].

переименования опричнины в «двор». Но обычно это лица, успешной деятельности которых царь был обязан в какой-то мере своим возвеличением.

Такое отношение к людям типично для тех психически нездоровых людей, которых медики характеризуют как «преследуемых преследователей»[91]. О психическом заболевании Ивана Грозного, так же как и об его садистской жестокости, немало писали и медики-психиатры, и историки[23*]. И это следует иметь в виду при изучении и оценке явлений, непосредственно связанных с его личной деятельностью. К. Маркс в «Хронологических выписках» характеризует время с 1560-х годов как «период сумасбродств»[94]. В статье о земских соборах большевистской газеты «Вперед» (1905 г.), отредактированной В. И. Лениным[95], Иван Грозный назван «гениальным извергом»[96]. Естественно, что психическое состояние царя, столь деятельно участвовавшего в работе над своей царской летописью, не могло не отразиться и на ее редактировании. По наблюдениям психиатров, у лиц с расстроенной психикой особенно заметно несовпадение воспоминаний с оценками, современными или близкими по времени к описываемым явлениям. Более того, такие оценки иногда становятся даже противоположными.

Соображения эти, вероятно, нельзя не учитывать и подходя к оценкам в лицевых летописях деятельности А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого. Необходимо иметь в виду, что эти государственные деятели были знамениты и за рубежом как руководители внешней политики Российского государства и влиятельнейшие первосоветники государя[24*]. Сам царь в посольских документах 1550-х годов называл их «ближние верные думцы»[97], а впоследствии в посольских сношениях не раз вынужден был повторять суждения, сформулированные именно этими дипломатами.

Можно думать, что в последние годы жизни оценка деятельности Адашева и Висковатого постепенно пересматривалась Грозным. Не исключено даже, что царь склонен был отказаться от некоторых своих прежних обвинений, в частности от обвинений, предъявленных Висковатому, тем более что этот ненавидимый и Курбским и Сильвестром «писарь» публично отрицал все свои «вины», и о его словах, произнесенных подле места казни, многие знали[99]. Казнь брата И. М. Висковатого Третьяка летом 1570 г. была, видимо, лицемерным признанием Владимира

[23*] Н. П. Павлов-Сильванский заметил: «...при Иване Грозном самодержавие было чистой тиранией царя, несомненно страдавшего помешательством, хотя форма этого помешательства не выяснена вполне историками»[92]. Наблюдение это, однако, отнюдь не допускает рассмотрения поведения Ивана IV только как аномального, как «проявления индивидуальной психологии либо психопатологии». «По существу, такой подход, — как верно отмечают А. М. Панченко и Б. А. Успенский, — означает отказ от научной интерпретации: Грозный предстает как необъяснимый эксцесс на фоне правильно развивающегося исторического процесса»[93]. Но не учитывать личных особенностей лиц, стоявших у власти, и проявления этих особенностей в литературном творчестве тоже нельзя.

[24*] В Речи Посполитой Адашева в 1585 г. сравнивали с Борисом Годуновым: «...а преж сего был у прежнего государя (Ивана Грозного. — *С. Ш.*) Алексей Адашев, и он государство Московское таково же правил», — заявляли послу царя Федора Ивановича[98].

Андреевича Старицкого невинно пострадавшим[100]. В конце 1570-х годов неприязнь царя к казненным (в 1569 г.) Старицким и их окружению вновь усилилась, и деятельность Висковатого — откровенного противника политических претензий Старицких князей — предстала в ином свете. Характерно, что царь Иван, учреждая в 1583 г. поминовение во всех монастырях опальных, прислал в Троице-Сергиев монастырь очень большой вклад по Висковатому — 223 рубля и вещей на 23 рубля[101], а для поминовения Сильвестра счел нужным дать в Кирилло-Белозерский монастырь только 25 рублей и 25 алтын[102], т. е. в десять раз меньше. Выдвижение на первое место в событиях 1550-х годов И. М. Висковатого помогало лишний раз оттенить и отрицательную деятельность Сильвестра, о публичной вражде которого с Висковатым также многим было известно[25*]. Подчеркивание во вставках в Ц полезных дел дьяка Висковатого и его верности царю могло способствовать и опровержению мнения Курбского о том, что одной из причин «зла» в Российском государстве было приближение царем «писарей».

В интерполяции Ц о событиях марта 1553 г. Висковатый представлен деятельным и особенно преданным сторонником Ивана IV. Его выдающаяся роль в этих событиях отражена и в рисунках поновленных листов Ц. На двух из рисунков в соответствии с текстом Висковатый особо выделен. На л. 666 (см. рис. 3) — миниатюра, иллюстрирующая текст о том, что Висковатый напомнил царю о духовной[106]. Здесь Висковатый изображен дважды: рядом с царской постелью, впереди группы людей в первом ряду, с характерным жестом обращения к государю, и отдельно, в левом верхнем углу. Дьяк сидит и пишет пером на бумаге столбцовой формы (как и положено было писать завещания). Перед ним на столике раскрытая книга, возможно, Евангелие, — книга, особенно уместная в такой ситуации.

На миниатюре л. 678 (см. рис. 4) изображена сцена крестоцелования. Наверху, слева — лежащий в постели царь Иван. Государей изображали с царским венцом даже в постели. В нижней основной части миниатюры кн. В. И. Воротынский в шапке и Висковатый с обнаженной головой (как и на миниатюре л. 666) с крестом в руке. Это — прямая иллюстрация к словам интерполяции, уже переписанным полууставом на поновленном листе Ц: «царь... со крестом выслал диака своего Ивана Михайлова... и как пошли бояре целовати, а у креста стоял боярин князь Володимер Иванович Воротынской да дьак Иван Михайлов крест держал»[107].

Подобные тексты и иллюстрации не могли появиться вскоре после опалы Висковатого (его казнили 25 июля 1570 г.), тем более что еще в 1573 г. царь с не-

---

[25*] Возможно, что в протесте Висковатого против новшеств в иконописании играло роль и то, что Висковатый опасался возвышения Благовещенского собора (т. е. домашней, дворцовой церкви) в ущерб государственной святыне — Успенскому собору: «зрим око православия, соборную церковь Богородичную Московскую», «и о том велми ужасаюся, яко меншая з болшим уровняют»[103]. Вспомним во вставке в Ц выражение: «некий священник зовомый Селивестр»... «у Благовещения»[104]. Сильвестр и Адашев именно близ Благовещенья[105] принимали челобитные в момент особого правительственного влияния «Избранной рады».

Рис. 3. Царственная книга, л. 666

Рис. 4. Царственная книга, л. 678

приязнью вспоминал о нем в послании в Кирилло-Белозерский монастырь[108]. Вставка — верный знак реабилитации Висковатого. И могло это произойти лишь в последние годы царствования Ивана Грозного.

В самом серьезном исследовании о России в последние годы жизни царя Ивана — в книге Р. Г. Скрынникова «Россия после опричнины» — отмечается, что «политика "двора" претерпела в конце правления Грозного разительные перемены. Казни в Москве прекратились. Произошло смягчение репрессивного режима»[109].

Царь Иван, по свидетельствам разных источников (отечественного и зарубежного происхождения), был глубоко удручен гибелью сына в конце 1581 г., свершенным им преступлением, крушением своих внешнеполитических планов на Западе[110]. Физические и душевные силы его были надломлены. В то время Иван IV пришел к мысли о «прощении» опальных: был составлен по приказу царя синодик — список опальных, который был разослан по монастырям; для поминовения казненных послали в монастыри и «опальную рухлядь»[26*]. Царь жил в страхе, он ожидал смерти[27*], мучительно боялся Божьего суда, того самого суда, которым ему грозил Курбский. Все эти факты есть основания рассматривать во взаимосвязи.

Но даже и в таком случае остается не вполне понятным особое выпячивание положительной роли именно Висковатого. Думается, что это объясняется, в частности, тем, что при составлении вставок обращались не только к делопроизводственным документам, но и к каким-то летописным заготовкам тех лет, когда официальное летописание было делом Адашева и Висковатого. (В этом отношении очень много дают наблюдения Н. Е. Андреева и С. А. Морозова[113].)

Еще А. А. Шахматов поддержал мнение А. Е. Преснякова и Н. П. Лихачева о том, что источники приписок надо искать «в воспоминаниях очевидцев»[114]. В последние годы (особенно трудами М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова и других исследователей) выявлены своеобразные мемуары XVI в., составленные в летописной форме. Автором таких мемуарных записей был и царский дьяк середины XVI в. Постник Губин[115]. Любопытно отметить, что среди приписок Ц имеются приписки о Постнике Губине[116]. Постниковский летописец был использован при редактировании и С и Ц[28*]. Летописи составлял и хранил «в тайне» боярин Иван Федорович Мстиславский, ознакомивший с ними англичанина Горсея[117]. Подобного типа записи, по мнению М. Н. Тихомирова, видимо, составлялись и в окружении А. Ф. Адашева и впоследствии использовались в позднейших летописях[118]. Воспоминания москвичей, записанные, правда, не по личным наблюдениям, а по

[26*] Об этом подробно написано в исследованиях С. Б. Веселовского и Р. Г. Скрынникова[111].

[27*] Посевино отметил, что еще 21 февраля 1581 г. (т. е. до гибели сына) царь говорил ему в присутствии знати: «Ты видишь, что я уже вступил в пятидесятилетний возраст, и жить мне осталось немного»[112]. В то время (судя по сочинениям Максима Грека, Курбского) о пятидесятилетних боярах писали как о «в старости сущих».

[28*] Именно из этого источника, видимо, почерпнуты обнаруженные пока только в Ц сведения «о совете» Ивана IV с митрополитом 13 декабря 1546 г. о венчании на царство «напред» женитьбы.

рассказам, выявлены М. Н. Тихомировым в Пискаревском летописце начала XVII в.[119] Все это позволяет предполагать, что при написании вставки о болезни царя в 1553 г. были использованы и какие-то записи прежних лет[29*] («памяти»), откровенно благожелательные по отношению к Висковатому (и едва ли не им самим составленные). Очень примечательна помета Ц, касающаяся приписки о боярском «мятеже». На л. 650 об. особый знак и помета: («То место написат тут, где таков же крест). О болезни цръской»[120]. Взятые в скобки места зачеркнуты. Быть может, оставленные слова — это заглавие особой летописной повести, составленной еще Висковатым?

Тома Лицевого свода — это не первичные летописи, а копии заранее подготовленного текста[30*]. И в текст этот могли вносить добавления не только из других летописей (или даже летописных сводов), официального и частного происхождения, но и из летописных заготовок — «памятей».

* * *

Приписки к лицевым летописям возникли, видимо, по инициативе царя и, безусловно, отражали политические взгляды Ивана Грозного, его личное отношение к современным ему государственным деятелям. Более того, Иван Грозный — наиболее вероятный автор или соавтор вставок в летописный текст и даже многих мелких редакционных замечаний, и это убедительно показано в исследованиях Д. Н. Альшица. Но принимать летописную правку за собственноручную правку царя, за его автограф, нет серьезных оснований.

До сих пор еще не выявлены достоверные автографы Ивана Грозного, с почерком которых можно было бы сравнивать почерк редактора лицевых летописей. Д. Н. Альшиц опубликовал предсмертное послание Ивана Грозного, отправленное в марте 1584 г. в Кирилло-Белозерский монастырь. Исследователь принимает его за автограф царя[31*]. Однако сличение почерка грамоты с почерком приписок обнаруживает при элементах сходства и заметные различия в написании отдельных букв (например, р). Кроме того, почерк грамоты, ровность рядов букв мало напоминают почерк крайне нервного, несдержанного, рано состарившегося и тяжко

[29*] Записи разряда венчания на царство 16 января 1547 г., современные этому событию, послужили основанием для включения в Ц дополнительных данных о процедуре венчания (собрании митрополита и придворных в Брусяной палате, именах лиц, которым было доверено нести знаки царского достоинства).

[30*] Поэтому, в частности, нет основания принимать отмеченные в описи Царского архива летописи «лет новых» (ящик 224) именно за лицевые летописи.

[31*] В статье «Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года» Д. Н. Альшиц в подтверждение принадлежности приписок Ивану Грозному ссылался на Послание царя в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г. в списке XVII в., где воспроизведены якобы собственноручные пометы царя в тексте чернового варианта Послания[122]. При подготовке к печати рукописи Послания Д. С. Лихачев, придерживавшийся первоначально таких же взглядов, признал несостоятельность этой гипотезы[123].

больного уже человека. А ведь послание было составлено в день кончины Ивана Грозного[32*]. С конца 1570-х годов Ивану Грозному, как установлено, физически было трудно делать пометы на рукописях столь большого формата[33*], как лицевые летописи.

Характер правки, что правильно отмечено Н. Е. Андреевым, свидетельствует о «профессиональных» навыках редактора, которые вряд ли приобрел царь Иван. Этот редактор производил систематический просмотр написанного, а не только преследовал задачу внесения политической тенденции[121]. Особенно очевидным это становится после опубликования статьи Д. Н. Альшица «Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования». В статье приведено не только множество примеров по существу корректорской вычитки, вплоть до исправления грамматических ошибок и пропусков отдельных букв, но и показано, какую большую работу проделал редактор, сличая лицевую летопись с другими источниками, в том числе с делопроизводственной документацией Царского архива.

Нет уверенности даже в том, что абсолютно все поправки были сделаны под диктовку царя и по его непосредственным указаниям: например такие, как исправление ошибок в написании имен, в датах, грамматических ошибок. Да и в больших вставках не всегда обнаруживается должная стилистическая близость[34*] с известными нам сочинениями Ивана Грозного.

Допустимо говорить лишь о редактировании Иваном Грозным лицевых летописей, а формы этого редактирования могли быть различными: от участия в составлении приписок (сделанных, возможно, под его диктовку) до просмотра (и, так сказать, визирования) исправленного летописного текста.

Участие царя Ивана IV в составлении лицевых летописей[35*] о времени его правления (а возможно, и других частей Лицевого свода) было настолько значи-

---

[32*] В рукописи, опубликованной Д. Н. Альшицем, день месяца трудно разобрать (ясна только цифра 8), но в списке XVII в., по которому грамоту эту опубликовали еще в 1841 г., дата «18 марта»[124].

[33*] Необычайно сильное отложение солей не позволяло ему в те годы сгибать стан, двигать шеей[125].

[34*] Это было отмечено еще в моей статье 1966 г.[126] Сравнительно недавно и Б. М. Клосс выявил отдельные отличия в словоупотреблении в приписках и в известных сочинениях Ивана Грозного[127].

[35*] О «большей или меньшей доле авторского участия» Ивана IV в официальном летописании писал еще в 1870-е годы И. Н. Жданов. Он, ссылаясь на сведения описи Царского архива (в ящике 224), полагал, что царь «просматривал или даже поправлял летописец еще в виде черновых тетрадей», и заключал: «Да и без этого указания, находящегося в описи архива, нельзя было бы предположить, что царь не принимал никакого участия в составлении летописи, которая велась на основании официальных документов и притом лицами, так близкими к нему, как, например, Адашев»[128] (о руководстве Адашевым составлением летописи писал и В. О. Ключевский)[129]. Начало «авторского участия» Ивана Грозного в летописании можно, видимо, относить еще к 1550-м годам, а к концу жизни, следует полагать, у него уже имелся определенный опыт такого рода деятельности.

тельным и так заметно отразилось в них, что летописи эти есть основания назвать Царскими летописями.

Непосредственно руководить работой по написанию и иллюстрированию Царских летописей должны были лица (или лицо), близкие к государю. Однако с должным основанием назвать их имена пока еще нельзя. Это — тема особого исследования, опирающегося, безусловно, и на палеографические и текстологические наблюдения.

Нет ясности и в определении места, где велась эта работа: Москва или Александрова слобода? Государева мастерская палата, Посольский приказ, Постельная казна или даже «своего рода кооперация» этих учреждений?[130] Это также тема дальнейших изысканий.

Работа над последней частью Царской летописи осталась незавершенной — и работа иллюстраторов, и работа редактора. Встречаются повторы одного и того же текста; в значительной части текста вовсе незаметны следы редакторского просмотра. В Ц имеются предварительные наброски рисунков некоторых миниатюр и даже оставленные для миниатюр пустые места. Что было причиной прекращения этой работы — утрата царем Иваном интереса к ней или смерть его? И это тема дальнейших изысканий.

Можно полагать, однако, что вскоре после прекращения над ними работы летописи оказались в митрополичьей (позже патриаршей) библиотеке, где с некоторыми их частями знакомились в XVII и XVIII вв.[131] Вероятно, митрополит Гермоген (будущий патриарх) уже в письме к патриарху Иову (до 3 февраля 1592 г.) упоминал, как и предполагал Н. П. Лихачев, именно о Царских летописях: «да мне... в Чудове монастыре случилося повесть видеть, в книге Степенной и в Царственной киевских, владимирских и московских царей и государей...»[132].

Автор сам сознает неравнопрочность отдельных частей его конструкций. Многие положения данной работы в той или иной степени гипотетичны. Предстоит еще проверить срок службы этих построений. Ощущается потребность в дальнейших исследованиях той же тематики, в проверке степени состоятельности и этих гипотез. Исследование такого рода, особенно если оно опирается на достаточную и — главное — точно определенную источниковую базу, — всегда оказывается полезным для дальнейшего развития научных знаний. Ибо даже неподтверждение гипотезы означает, что сузилась область поиска, а следовательно, и уменьшилась неопределенность[133].

Пока утверждать допустимо только то, что лицевые Царские летописи созданы не ранее 1570-х годов, что эти «памятные книги времени»[134] (во всяком случае, о событиях времени Ивана Грозного) отражают взгляды царя Ивана, идеологию «самодержавства» и являются памятником, употребляя определение Б. А. Рыбакова, «полемического летописания»[135].

Примечания

[1] *Пресняков.* Царственная книга. С. 17.
[2] Историография вопроса: *Лихачев Н. П.* Дипломатика. С. 242 и сл.
[3] *Пресняков.* Царственная книга. С. 36.
[4] *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. CLXXI—CLXXXI, 302—303, 308—312.
[5] *Шахматов А. А.* Критический отзыв на работу Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» // ИОРЯС. 1899. Т. 4. Кн. 4: *Пресняков А. Е.* Московская историческая энциклопедия XVI в. // ИОРЯС. 1900. Т. 5. Кн. 3.
[6] *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 58—59; *Чирков С. В.* А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков // ИЗ. М., 1971. Т. 88; *Он же.* А. Е. Пресняков как источниковед и археограф: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 9—11.
[7] *Платонов.* Статьи. С. 236 (К вопросу о Никоновском своде); *Он же:* Иван Грозный. Пг., 1923. С. 7—8.
[8] Исследования по социально-политической истории России // ТЛОИИ. Л., 1971. Т. 12. С. 12 (статья С. Н. Валка), С. 396—397 (изложение доклада Н. Е. Носова).
[9] *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Т. 1. С. 130—131; *Он же.* Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. С. 258—259; *Черепнин.* Палеография. С. 320—323, 335.
[10] *Валк С. Н.* Николай Петрович Лихачев // ВИД. Л., 1978. Т. 9. С. 338.
[11] *Забелин.* Домашний быт. Ч. 2. С. 170—171.
[12] *Щепкин В. П.* Лицевой сборник Имп. Российского Исторического музея // ИОРЯС. СПб., 1899. Т. 4. Кн. 4. С. 1345—1385.
[13] *Арциховский.* Миниатюры. С. 42.
[14] *Лихачев Д.* С. Летописи. С. 478.
[15] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // ИЗ. М., 1947. Т. 22. С. 106.
[16] *Подобедова.* Миниатюры. С. 140.
[17] *Бахрушин.* Труды. Т. 2. С. 332—333 (статья «"Избранная рада" Ивана Грозного»).
[18] *Andrejev N.* Interpolations in the Sixteenth-Century Muscovite Chronicles // The Slavonic and East European Review. T. XXXV. № 84. London, 1956; *Андреев.* Автор приписок. Обе статьи воспроизведены в издании: *Andrejev N.* Studies in Muscovy. Western Influence and Byzantine Inheritance. L., 1970.
[19] *Альшиц.* Иван Грозный и приписки; *Альшиц.* О мятеже; *Альшиц.* Источники; *Альшиц.* Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый? // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16.
[20] *Пересветов Р. Т.* Тайны выцветших строк. М., 1961. Гл. 2; *Он же.* По следам находок и утрат. М., 1963. Ч. 2. Загадочные приписки.
[21] *Веселовский.* Опричнина. С. 286—288.
[22] *Зимин.* Реформы. С. 61.
[23] *Зимин.* Опричнина. С. 70, 72, 290.
[24] *Платонов.* Статьи. С. 216 («К вопросу о Никоновском своде»).
[25] *Альшиц.* Иван Грозный и приписки. С. 287—288; *Подобедова.* Миниатюры. С. 139. Примеч. 20.
[26] *Черепнин.* Палеография. С. 320.
[27] *Зимин А. А.* Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. С. 440—441; *Он же.* О методике изучения повествовательных источников XVI в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 187—196; см. также: *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 119.

[28] *Скрынников.* Начало опричнины. С. 25—33; *Скрынников.* Переписка. С. 81—88; *Скрынников.* Иван Грозный. С. 80—83; *Скрынников.* О работе Грозного; *Скрынников.* Загадка.
[29] См. об этом: АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 387.
[30] *Скрынников.* Загадка. С. 101.
[31] *Скрынников.* О работе Грозного. С. 161.
[32] *Скрынников.* Загадка. С. 111.
[33] *Скрынников.* О работе Грозного. С. 160.
[34] *Скрынников.* Загадка. С. 111.
[35] *Скрынников.* О работе Грозного. С. 159; *Скрынников.* Загадка. С. 111.
[36] *Скрынников.* О работе Грозного. С. 161.
[37] *Скрынников.* Загадка. С. 110, 112.
[38] *Скрынников.* Начало опричнины. С. 33.
[39] *Скрынников.* Загадка. С. 101.
[40] Там же. С. 110.
[41] *Скрынников.* Напало опричнины. С. 26. Примеч. 1.
[42] *Скрынников.* О работе Грозного. С. 161; см. об этом: *Амосов.* Датировка. С. 158 и сл.
[43] *Клосс.* Никоновский свод. Гл. 6, 7.
[44] *Морозов В. В.* Царственная книга. С. 13—25; *Он же.* О составе так называемой Царственной книги (Син. 149) // Вопросы источниковедения и историографии; *Он же.* Царственная книга и Постниковский летописец // Теория и практика; *Он же.* Об одной забытой летописи Свод 1560 года // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982; *Он же.* Иван Грозный. С. 235 и сл.
[45] *Морозов С. А.* Летописные повести.
[46] *Протасьева.* Миниатюры. С. 271—285. *Амосов.* Датировка. С. 181 и сл.; *Морозов В. В.* О составе так называемой Царственной книги (Син. 149).
[47] *Покровская.* Из истории.
[48] *Сизов.* Шумиловский том; *Клосс.* Никоновский свод. С. 221—222.
[49] *Маркина Н. Д.* Из истории возникновения приделов Благовещенского собора в 60-х годах XVI века // Государственные музеи Московского Кремля. М., 1973. Вып. 1. С. 74, 80—81.
[60] *Черепнин.* Палеография. С. 338—341.
[51] *Амосов.* Происхождение Лицевого свода. С. 25.
[52] Там же. С. 36; *Амосов.* Из истории.
[53] *Шмидт С. О.* О датировке приписок в Лицевом летописном своде // Общество и государство. С. 305—310.
[54] *Амосов.* Датировка. С. 182. Примеч. 59.
[55] ПСРЛ. Т. 29. С. 219.
[66] *Скрынников.* О работе Грозного. С. 156.
[57] *Альшиц.* Источники.
[58] *Панченко, Успенский.* Иван Грозный и Петр Великий. С. 78.
[59] *Пресняков.* Царственная книга. С. 33, 8.
[60] *Клосс.* Никоновский свод. С. 255; *Морозов С. А.* О некоторых спорных вопросах текстологии средневековых памятников // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 115.
[61] *Зимин.* Опричнина. С. 72. Примеч. 5; *Скрынников.* Начало опричнины. С. 29.
[62] *Donnert E.* Das Moskauer Rusland. Leipzig, 1976. S. 76.
[63] *Скрынников.* Начало опричнины. С. 29.
[64] *Зимин А. А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18; Introduction. P. VII // Prince A. M. Kurbsky's History of Ivan IV / Edited with a translation and Notes by J. G. I. Fennel. Cambridge, 1965; *Рыков Ю. Д.* «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972; *Уваров К. А.* Князь А. А. Курбский —

писатель («История о великом князе Московском»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1973; *Freydank D.* A. M. Kurbskiy und die Epistolographie seiner Zeit // Zeitschrift für Slawistik. 1976. B. 31. Heft 3 (Указаны другие труды автора о сочинениях Курбского).

[65] *Шмидт.* Адресаты; Он же. К истории переписки Курбского и Ивана Грозного // Культурное наследие.

[66] РИБ. Т. 31. Стб. 360.

[67] *Сизов Е. С.* Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. // ТОДРЛ, М.; Л., 1964. Т. 20. С. 274—275.

[68] *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. Гл. 6.

[69] ПИГ. С. 35, 95; ПГК. С. 78.

[70] ПИГ. С. 36; ПГК. С. 78.

[71] *Шмидт.* Становление. С. 54—56.

[72] РИБ. Т. 31. Стб. 130.

[73] *Веселовский.* Опричнина. С. 264—268; см. также: *Альшиц.* Иван Грозный и приписки. С. 276—277; *Альшиц.* Источники. С. 127—128, 130.

[74] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 78; ПИГ. С. 547—549. [(Археографич. обзор Я. С. Лурье.)]

[75] *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец // ЛЗАК. СПб., 1905. Вып. 16. С. 545—546; Казанская история. М.; Л., 1954. С. 13 (вступит. ст. Г. Н. Моисеевой); *Волкова Т. Ф.* «Казанская история» и историко-публицистическое повествование Московской Руси второй половины XVI в.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1982.

[76] ПИГ. С. 39, 99; ПГК. С. 32, 80; *Веселовский.* Опричнина. С. 272—273.

[77] ПСРЛ. Т. 13. С. 267; *Шмидт.* Земская реформа. С. 130—132; *Шмидт.* Становление. С. 205.

[78] ПСРЛ. Т. 13. С. 141.

[79] РИБ. Т. 31. Стб. 320.

[80] *Андреев.* Автор приписок. С. 148; *Зимин.* Опричнина. С. 72.

[81] ПИГ. С. 210; ПГК. С. 104.

[82] ПСРЛ. Т. 13. С. 526.

[83] ПГК. С. 109; см. также: РИБ. Т. 31. Стб. 133.

[84] *Веселовский.* Опричнина. С. 278—279.

[85] Об этом см.: *Шмидт С. О.* К изучению «Истории» Курбского (О поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь. М., 1968.

[86] ПСРЛ. Т. 13. С. 524, 531.

[87] Там же. С. 449.

[88] *Скрынников Р. Г.* Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 г. // УЗ ЛГПИ, 1965. Т. 278. С. 33, 38—39; Он же. Опричный террор. С. 275.

[89] *Андреев.* Автор приписок. С. 125—126.

[90] ПИГ. С. 209; ПГК. С. 104.

[91] *Личко А.* Глазами психиатра // Наука и религия. 1965. № 11. С. 42.

[92] *Муравьев В. А.* Две лекции Н. П. Павлова-Сильванского («История и современность», «Революция в русская историография») // История и историки: Историографический ежегодник, 1972. М.; 1973. С. 350.

[93] *Панченко, Успенский.* Иван Грозный и Петр Великий. С. 54.

[94] Архив Маркса и Энгельса. 2-е изд. М., 1946. Т. 8. С. 165.

[95] *Шмидт.* В. И. Ленин в государственном строе России. С. 340—344.

[96] «Вперед» и «Пролетарий» — первые большевистские газеты 1905» года. М., 1924. Вып. 2. С. 6.

[97] РИО. Т. 129. С. 32.

[98] ПДС. Ч. 1. С. 933—934.

[99] *Шлихтинг.* С. 47.
[100] *Зимин.* Опричнина. С. 446.
[101] *Веселовский.* Опричнина. С. 367.
[102] *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до II четверти XVII века. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 166.
[103] Розыск или список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон диака Ивана Михайлова сына Висковатого // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. Отд. 3. С. 8.
[104] ПСРЛ. Т. 13. С. 351.
[105] ПСРЛ. Т. 34. С. 181—182.
[106] ПСРЛ. Т. 13. С. 529.
[107] Там же. С. 531.
[108] ПИГ. С. 176.
[109] *Скрынников.* Россия. С. 87, 96, 107.
[110] См.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.
[111] *Веселовский.* Опричнина. С. 323 и след.; *Скрынников.* Опричный террор. С. 247 и сл.
[112] *Поссевино.* С. 77.
[113] *Морозов С. А.* Летописные повести. С. 16—18.
[114] ИОРЯС. СПб., 1899. Т. 4. С. 1484.
[115] *Тихомиров.* Летописание. С. 169—171.
[116] ПСРЛ. Т. 13. С. 441, 449.
[117] *Горсей.* С. 20.
[118] *Тихомиров М. Н.* Российское государство. С. 46—47 («Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века»).
[119] *Тихомиров.* Летописание. С. 235—236 (Статья «Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в.»).
[120] ПСРЛ. Т. 13. С. 522.
[121] *Андреев.* Автор приписок. С. 144.
[122] *Альшиц.* О мятеже. С. 292.
[123] ПИГ. С. 564.
[124] АИ. Т. 1. № 214.
[125] См.: *Герасимов М. М.* Портреты исторических лиц // Наука и человечество. М., 1965. С. 97—120; *Он же.* Документальный портрет Ивана Грозного // КСИЛ. 1965. Вып. 100. С. 139—142.
[126] СА, 1966. № 2. С. 51.
[127] *Клосс.* Никоновский свод. С. 257.
[128] *Жданов.* Соч. С. 123, 124.
[129] *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 189.
[130] Мнения ученых об этом приведены в статье А. А. Амосова: *Амосов А. А.* Лицевой свод и библиотека. С. 98; см. также: *Клосс.* Никоновский свод. С. 232—252.
[131] *Амосов.* Из истории. С. 214—215; *Лаврентьев А. В.* Царственная книга в русских библиотеках XVII—XVIII вв. // Исследования по источниковедению истории СССР до октябрьского периода. М., 1983; *Пентковский А. М., Богданов А. П.* Сведения о бытовании книги Царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Там же.
[132] *Лихачев Н. П.* Дипломатика. С. 241.
[133] *Урсул А. Д.* Информация. М., 1971. С. 226.
[134] ПСРЛ. Т. 13. С. 154.
[135] *Рыбаков.* Древняя Русь. С. 248.

К «прочтению» Лицевого свода

В Лицевом своде не только взаимосвязаны все части словесного текста, но и взаимозависимы словесный текст и миниатюры. Словесный и изобразительный компоненты Лицевого свода нерасторжимы, хотя каждый имеет самостоятельное значение и ценность.

Лицевой свод и отдельные части его нельзя изучать в отрыве от других явлений культуры и общественно-политической жизни России того времени и без учета опыта освоения отечественных культурно-исторических традиций, и особенно традиций составления лицевых летописей. Художественное оформление рукописной книги — органическая часть системы средневековой культуры, отражающая миросозерцание людей той поры.

Беловые листы Свода написаны каллиграфическим полууставом и украшены миниатюрами. Учитывая парадный характер Свода и сложность работы по оформлению его листов, можно полагать, что предварительно составлялись черновики этой рукописи (до нас, видимо, не дошедшие). Но в качестве черновиков (и одновременно непосредственных оригиналов для составителя) могли служить и отдельные ранее написанные рукописи. В. Ф. Покровская выявила рукопись «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия с восковыми пометами, указывавшими места миниатюр для Лицевого свода[1], а следовательно, и их тематику. Открытие В. Ф. Покровской дает ключ к познанию представлений составителей и редакторов Свода о соотношении в нем текстового и изобразительного материалов. Это предопределялось в значительной мере самим назначением памятника, целевыми установками инициаторов его создания и исполнителей, лимитировалось видовыми свойствами источников[2], было обусловлено традициями информационного насыщения (и внешнего оформления) той или иной разновидности источников и их восприятия современниками.

Тенденция иллюстратора в лицевых летописях, по наблюдениям Б. А. Рыбакова, обнаруживается не только в отборе событий, подлежащих изображению, или в умолчании о том, что не нравится ему; отношение к событиям и людям художник может выразить и количеством рисунков и манерой изображения. «Лицевая летопись, — замечает Б. А. Рыбаков, — напоминает текст, подчеркнутый редактор-

ской рукой, — одно в нем выпукло и выделено и навязано читателю, а другое упрятано в тень»[3].

Еще далеко не во всех случаях ясно, чем руководствовались редакторы и миниатюристы — художники Свода при определении числа миниатюр, относящихся к тому или иному «отрезку» текста (летописным повестям и «статьям»), и «повествовательных единиц» (выражение Д. С. Лихачева[4]) в пределах одной миниатюры. Не всегда выяснены и причины отсутствия миниатюр, связанных с некоторыми текстами: как правило, не сопровождались рисунками тексты дидактического характера — слова Священного Писания, речи и послания исторических лиц. Е. С. Сизов, тщательно изучивший Шумиловский том Свода, отметил, что неиллюстрированные листы в основном относятся к текстам, которые в целом не лишены миниатюр, но некоторые летописные статьи вовсе не имеют иллюстраций[5].

Средневековые книжные миниатюры — это не буквальные (натурные) зарисовки, а условные схемы, авторы которых придерживались определенных представлений об изображении явлений в пространстве[6], определенной знаковой системы (код которой пока еще не во всем доступен современным исследователям). Условность миниатюр не уменьшает, однако, их исторического интереса.

«Летописные миниатюры, — пишет А. В. Арциховский, — при первом впечатлении кажутся своеобразными окнами, сквозь которые можно смотреть на исчезнувший мир Древней Руси, стоит только усвоить тогдашнее восприятие формы и пространства»[7]. В миниатюрах Свода, как отметил уже Ф. И. Буслаев, отсутствуют единство времени и, особенно, единство места. На одной миниатюре нередко изображались последовательные эпизоды, в совокупности составляющие событие. Причем в этих эпизодах одно и то же лицо может появляться «в различных позах, окруженное различными обстоятельствами»[8]. Мастер пользуется приемами превращения «пространства изображения во время рассказа» (слова Д. С. Лихачева)[9]. Одновременно замкнутость обрамления во многих рисунках действия миниатюры «палатным письмом» показывает единство этого действия.

Для миниатюр лицевых рукописей характерны медлительность действия, повторения, постоянные условные изображения, заставляющие вспомнить постоянные эпитеты в древнерусской письменности и фольклоре[10]. В миниатюрах летописей отражаются символика и политическая эмблематика того времени, не допускающие отступлений от общепринятых представлений.

Д. С. Лихачев, изучая многообразные памятники средневековой письменности, обосновал положения о «литературном этикете». Писатель (летописец) следовал «обряду», литературному этикету — представлениям о том, как должен совершаться тот или иной ход событий (этикет миропорядка), как должно себя вести действующее лицо сообразно своему положению (этикет поведения), какими словами должно описывать совершающееся (этикет словесный)[11]. Можно полагать, что эти наблюдения допустимо распространить и на «зрительный ряд» Лицевого свода и говорить об «этикете изобразительном» («живописном»). Более того, если

писатель Средневековья, по определению Д. С. Лихачева, «не столько изображает жизнь, сколько преображает и "наряжает" ее»[12], то в рисунках рукописей это церемониальное «действо», «чин» становятся еще приметнее, особенно в такой парадной, необычной по размеру и оформлению рукописи, как Лицевой свод.

Необходимо учитывать и откровенно учительно-назидательную направленность миниатюр Лицевого свода. Это — «история в лицах», где заведомо предусмотрена необходимая для лучшего усвоения повторяемость изображений сходных, однотипных явлений (ситуаций, людей, предметов). Недаром в XVII в. Лицевой свод, по мнению И. Е. Забелина[13], использовали как пособие для обучения царевичей истории.

Ф. И. Буслаев, по существу, первым подошедший к проблеме «миниатюра как исторический источник», обратил внимание на то, как много дают миниатюры Свода при изучении «подробностей, любопытных для истории внутреннего быта» XVI в.[14] Дальнейшие исследования и публикации миниатюр Свода (М. А. Богдановского, А. В. Арциховского, О. И. Подобедовой, А. Д. Горского, М. Г. Рабиновича, А. А. Амосова и др.), сравнение изображений на миниатюрах с сохранившимися подлинными памятниками старины подтвердили правильность этого суждения. Этапным явилось исследование А. В. Арциховского, посвященное миниатюрам лицевых летописей и житий XVI в. А. В. Арциховский, по словам М. Н. Тихомирова, создал «своего рода комментарий к нашим лицевым сводам, комментарий научный и, прямо скажем, одинаково полезный для историка, археолога, этнографа и даже историка литературы»[15]. Однако остается мало «комментированной» в плане сравнения с историческими реалиями именно Ц, значение миниатюр которой А. В. Арциховский недооценил и обращался к ним только в отдельных случаях для сличения с миниатюрами С. Наблюдения же недавних лет (В. В. Морозова[1*], а также В. Д. Черного и других) остаются пока не обобщенными.

Миниатюры Свода, как выяснил А. В. Арциховский, следуют тексту настолько точно, что даже мелкие детали соответствуют словам летописца. С заметной долей реальности (и узнаваемости) изображаются и памятники архитектуры, прежде всего наиболее известные тогда[16].

Однако летописный текст оказывается иногда своеобразно истолкованным или дополненным миниатюристом. И потому миниатюры в отдельных случаях представляют собой более исчерпывающий источник исторической информации, чем летописный текст. Так в Ц в связи с упоминанием Оружейной палаты (под 1547 г.) нарисованы, и очень детально, оружие и доспехи[17], что подтверждает мысль о первоначальном ее назначении «именно как хранилища оружия»[18]. При упоминании Московского Кремля, и особенно его храмов, изображаются знамени-

[1*] В неопубликованной диссертации В. В. Морозова «Царственная книга как памятник летописания XVI века» особая глава (с. 146—184) посвящена миниатюрам Ц.

тые иконы, там находившиеся, и др. Иногда именно миниатюра (см. рис. 5) помогает правильному прочтению нечетко написанных слов («кол, идеже казнят», а не «торг», как воспроизвел текст летописной приписки в Ц С. Ф. Платонов: на миниатюре, изображающей казнь Ю. Глинского, ясно виден кол)[19]. Обнаруживается подчас знакомство художника не только с иллюстрируемым им летописным текстом, но и с другими рукописями[20] (летописями, публицистическими сочинениями, делопроизводственной официальной документацией).

Художник иногда оказывался менее, чем писатель-летописец, ограниченным рамками официального замысла, официальной идеологии. (А. В. Арциховский даже писал о переплетении в миниатюрах двух идеологий — заказчиков и мастеров[21].) Художник, в отличие от летописателя, не имел обычно и протографа[2*] (или черновика), которому надлежало следовать, а традиционно-обязательные для миниатюры условности мог дополнять тем, что почерпнуто из жизненных наблюдений. Так, изображая события конца июня 1547 г., художник нашел способ показать массовость народного восстания (множество народа, шапок), относительную самостоятельность восставших. Сопоставление подробностей рисунков к официальной летописи с содержанием Четвертой Новгородской летописи и других памятников, сохранивших дополнительные сведения о восстании, свидетельствует о большой осведомленности художника об этих событиях[22].

Информационная насыщенность и выразительность изображения, достигаемые миниатюристом при иллюстрировании текста, были возможны (как показал В. В. Морозов) при условии его знакомства не с отрывком, написанным на данном листе, а с текстом большего объема. Художник представлял не только событие и его героев, но и место их среди других изображаемых им событий[23].

Миниатюры Лицевого свода уже рассматривались (начиная с трудов Ф. И. Буслаева) в связи с изучением других памятников изобразительного искусства, прежде всего второй половины XVI в.: икон, фресок[24], в меньшей степени шитья — «живописи иглою». Выявлены черты их близости и различия — и в манере самого изображения явлений, и в характере отражения общественно-политического сознания и эстетических норм своей эпохи. Указывалось, в частности, на то, что монументальная живопись была рассчитана на одновременное восприятие многих людей, а рукописная миниатюра — на индивидуальное восприятие. Вероятно, следует учитывать и разную степень образованности, подготовленности сравнительно широкой аудитории, которой предназначались иконы и уж подавно фресковые росписи, и тех «книжных людей», которые могли рассматривать и комментировать миниатюры Свода, воспринимая их в тесной взаимосвязи со словесным текстом, а Лицевой свод — как целостный памятник.

[2*] Впрочем, сейчас приводится (в трудах Б. А. Рыбакова и других исследователей) все больше доказательств того, что при оформлении лицевых летописей, изображая события давних лет, следовали, иногда даже в деталях, миниатюрам прежде созданных лицевых летописей.

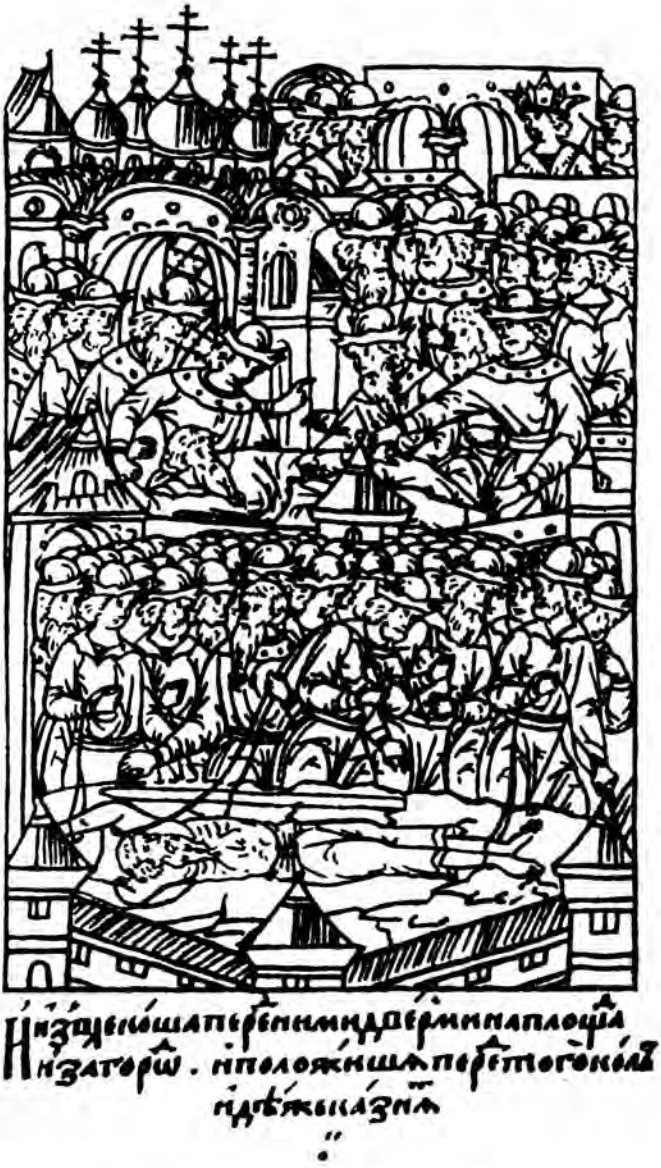


Рис. 5. Царственная книга, л. 683

* * *

Приписки к летописям, и прежде всего пространные интерполяции (о Московском восстании июня 1547 г., о «мятеже» у постели больного царя в 1553 г.), любопытны и для истории литературы и языка. М. Н. Тихомиров справедливо заметил: «Живой, не книжный язык господствует на страницах летописей, в особенности там, где передаются разговоры...»[25]

Явственно обнаруживается взаимопроникновение жанров и стилей, нарушение, казалось бы, канонических представлений о стилистическом единстве. В торжественный, несколько замедленный ритм летописного повествования врывается разговорная речь, в назидательное описание событий знаменательных — подробности боярских свар. Это напоминает чем-то летописные миниатюры, где условным изображениям (согласно этикету, предопределенные заранее позы, жесты) сопутствуют бытовые детали, реалии, столь ценные для историков материальной культуры, — изобразительное искусство в данном случае опережало словесное. Элементы просторечия, обиходности содержания отмечались и в древнейших летописях, и в местных летописях более позднего времени (новгородских, псковских), но в официальной московской летописи в такой мере они, как кажется, проявляются впервые.

Наблюдается как бы смешение государственного и государева. Личное, т. е., по существу, интимное, тоже становится объектом описания и изображения (и соответственно осуждения и осмеяния). Не свидетельствует ли это об отражении «смеховой культуры»[26] и проникновении, быть может и невольном, определенных элементов этой в основе своей народной культуры в официозно-назидательную литературу аристократического круга? В отличие от условно-безликих изображений Степенной книги и даже основного текста официальной летописи личность приобретает под пером редактора Лицевого свода индивидуальные черты. Характеризуются не только поступки и взгляды, приводятся не только изречения и нормативные речи, соответствующие по традиции занимаемому положению или определенной ситуации (так сказать, речи-клише), но и выражения, непосредственно выхваченные из жизни.

Все это стилистически напоминает послания Ивана Грозного, и прежде всего первое послание Курбскому и послание в Кирилло-Белозерский монастырь. Это как бы противостоит в известной степени сочинениям Курбского, сознательного продолжавшего и совершенствовавшего даже традиции «учительной» публицистики предшествовавшего времени. Редакционная правка лицевых летописей близка тем же новшествам, которыми отмечена литература последующего, XVII столетия. Приписки к лицевым летописям XVI в. заслуживают специального изучения и как памятник языковой культуры[27].

Эти соображения общего порядка[28] следует иметь в виду при ознакомлении с редакционной работой над «повестями» лицевой летописи о событиях 1533, 1546, 1547, 1553 гг.

Примечания

[1] *Покровская.* Из истории; см. так же: *Покровская В. Ф.* Как читал древнерусский книжник миниатюры Лицевых исторических рукописей // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 167—169; *Розов П. П.* Русская рукописная книга. Л., 1971. С. 63—65.

[2] *Медушевская О. М.* Теоретические проблемы источниковедения. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1975. С. 26.

[3] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 14.

[4] *Лихачев Д. С.* Поэтика. С. 40.

[5] *Сизов.* Шумиловский том. С. 138—139.

[6] См.: *Раушенбах Б. В.* Пространственные представления в древнерусской живописи. М., 1975.

[7] *Арциховский.* Миниатюры. С. 4.

[8] *Буслаев.* Очерки. Т. 2. С. 301—303 (статья «Для истории русской живописи XVI века»).

[9] *Лихачев Д. С.* Поэтика. С. 37.

[10] *Щепкин В. П.* Два иллюстрированных сборника Исторического музея // АИЗ. 1897. № 4. С. 112.

[11] *Лихачев Д. С.* Литературный этикет древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17; *Он же.* Текстология. С. 313—314; *Он же.* Поэтика. С. 95 и сл.

[12] *Лихачев Д. С.* Поэтика. С. 93.

[13] *Забелин.* Домашний быт. Ч. 2. С. 169.

[14] *Буслаев.* Очерки. Т. 2. С. 309.

[15] *Тихомиров.* Русская культура. С. 278 (рецензия 1946 г. на книгу А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник»).

[16] Подробнее см.: *Черный В. Д.* Историко-географическая среда в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века (Опыт культурно-исторического исследования). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982 (указаны другие труды автора).

[17] *Шмидт.* Оружейная палата.

[18] *Малицкий.* Оружейная палата. С. 514.

[19] *Шмидт.* Становление. С. 60.

[20] *Амосов А. А.* Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного. (Заметки к проблеме прочтения миниатюр Свода) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34; *Он же.* Миниатюры Лицевого свода // Знание — сила. 1980. № 9. С. 43—45.

[21] *Арциховский.* Миниатюры. С. 4—5.

[22] *Шмидт.* Становление. С. 64—66.

[23] *Морозов В. В.* Царственная книга. С. 27.

[24] *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972; см. также: Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972, 1974, 1983. Вып. 1/3.

[25] *Тихомиров.* Летописание. С. 9.

[26] См.: *Лихачев Д. С.* Древнерусский смех // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973; *Он же.* Стиль как поведение. (К вопросу о стиле произведений Ивана Грозного) // Современные проблемы литературоведения и языкознания. М., 1974; *Лихачев Д. С., Панченко А. М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 32—44.

[27] Подробнее см.: *Шмидт С. О.* О приписках к лицевым летописям времени Ивана Грозного // Средневековая Русь. М., 1976.

[28] См. также: *Шмидт.* К изучению.

Лицевые летописи о казни дьяка Мишурина в 1538 г.

Листы рукописей с сообщением об «убийстве Федора Мишурина» особенно интересны тем, что это первый лист С со значительной редакторской правкой, существенно дополняющей первоначальный текст, а также тем, что в Ц — и в тексте, и в миниатюре — частично учтены эти изменения.

Дьяк Федор Михайлович Мишурин — один из влиятельнейших правительственных деятелей 1530-х годов[1]. Как особо приближенный дьяк Василия III, в 1533 г. он был в его предсмертной думе, которой тот приказал «о своем сыну великом князе Иване Васильевиче и о устроении земском, како бы правити после его государьство»[2]. Именно дьякам Меньшому Путятину и Ф. Мишурину «повеле князь великий писати духовную свою грамоту и завет о управлении царствиа»; Мишурину велено было «быти в товарыщех» у Путятина[3].

После кончины Василия III Мишурин проверял и подтверждал иммунитетные грамоты. Он подтверждал грамоты уже и прежде — в 1526/27, 1529, 1532 гг., но право массовой проверки и подтверждения их получил в 1534 г. Большинство грамот (около шестидесяти) подтверждено Мишуриным в январе — марте 1534 г., но некоторые — и позднее: в апреле, мае, июле, октябре 1534 г.; январе, феврале, мае, июле, октябре 1535 г.; июле, ноябре 1536 г.; июне 1538 г. Мишурин и подписывал иммунитетные грамоты: в сентябре 1531, январе 1534, ноябре 1535, мае 1537, в 1537/38 г.[4]

В 1534 г. беглецы из Пскова — дьяк «с товарыщи» — в показаниях литовским властям в числе лиц, которые в Москве «всякие дела справуют», указали шесть дьяков и среди них Ф. Мишурина[5]. Таких дьяков обычно называли «дьяки великие»[6]. Мишурин принимал деятельное участие в переговорах с литовскими послами, встречал (опять вместе с Путятиным) казанского хана Шигалея (Шах-Али)[7]. К Мишурину прислали известие о мятеже князя Андрея Ивановича Старицкого[8]. Иван Грозный в первом послании Курбскому (1564 г.) характеризовал Мишурина как «отца нашего да и нашего дьяка ближняго»[9]. Мишурин принадлежал к той дьяческой верхушке, которая, отодвинув вельмож, не только фактически руководила всем делопроизводством правительственного аппарата, но и оказывала

заметное воздействие на выработку самого направления правительственной деятельности[1*].

После смерти Елены Глинской (едва ли не насильственной) наступил период «безгосударства». Бежавший за рубеж в конце сентября 1538 г. инженер Петр Фрязин рассказывал: «Промеж бояр великая рознь... в земле русской мятеж и безгосударство»[10]. (Характерно, что «безгосударским временем» называли впоследствии последние годы польско-шведской интервенции начала XVII в.[11]). В столкновениях боярских группировок, пытавшихся властвовать именем малолетнего государя[12], Мишурин, видимо, занял сторону князей Бельских и других Гедиминовичей (поддержанных потомственными московскими боярами) против знатнейших «принцов крови» Рюриковичей — князей Шуйских (поддержанных новгородцами).

Казнь Мишурина — первая публичная смертная казнь за политическую деятельность в период правления Ивана IV — произвела, по-видимому, сильное впечатление на современников. О ней сообщают разные летописи.

Особенно выразительна запись Хронографической летописи: «бояре казнили дьяка Федора Мишурина, без великого князя ведома, не любя того, что он стоял за великого князя дела»[13].

Об убийстве Мишурина сообщается на л. 44 С. Текст написан почерком и в манере соседних листов рукописи. Сравнивая текст С с другими летописными текстами, нетрудно убедиться, что он отличается от еще более лаконичных текстов близких к нему списков Никоновской летописи[15] (далее: Н) и совпадающего с ним в данном случае текста Воскресенской летописи[16] (далее: В). Воскресенская летопись, как установила С. А. Левина, была составлена в первой половине 1540-х годов сторонником Шуйских[17], не склонным, естественно, особенно распространяться об их «самовольстве»[18] (слова Летописца начала царства. Далее: ЛНЦ). С отличается, однако, и от ЛНЦ[19], включенного также в Львовскую летопись (далее: Л) и в некоторые списки Никоновской летописи[20], тексты которых, напротив, пространнее, чем С. Соотношение и редакций и списков летописей середины XVI в. изучено еще недостаточно детально[21], а реставрация первоначального текста летописей «путем сравнительного изучения всех списков позднейших редакций представляет, — как заметил А. Е. Пресняков, — значительные трудности, потому что их отличия носят следы тенденциозных переделок, то пропусков, то вставок, на которых отразилась позднейшая партийная борьба, и разобраться в них с полной уверенностью довольно трудно»[22].

В основе С был, видимо, Н по списку Оболенского, но летописатель внес в текст изменения. В С имеются подробности, неизвестные по другим спискам официальных летописей: Мишурина «повелеша... ободрати на своем дворе и нага по-

[1*] Важно отметить, что, видимо, сын его, Семен Мишурин, был позднее опричным дьяком царя Ивана[14].

ложити на плаху». Однако это дополнение напоминает текст Постниковского летописца, составленного, по мнению М. Н. Тихомирова, дьяком Постником Губиным[23].

Никоновская летопись[24]	Постниковский летописец[25]	Синодальная летопись
В лето 7047. Бысть вражда меж бояр князя Василья да князя Ивана Васильевичев Шуйских со князем с Ываном с Федоровичем Белским. И в той их брани повелеша Шуйские и иные бояре убити великого князя диака Федора Мишурина. — Того же месяца преставися князь Василей Васильевичь Шуйской.	Лета 7047-го октября 21 день бояре поймали диака Федора Мишурина на княж Андреевъском дворе. Платье с него ободрали донага, а его вели до тюрьмы нага, а у тюрем ему того же часу головы ссекли.	В лето 7047. Бысть вражда меж бояр князя Василия и князя Ивана Васильевичев Шуйских с князем с Ываном с Федоровичем Бельским. И в той их брани повелеша Шуйские и иные бояре великаго князя диака Федора Мишурина ободрати на своем дворе и нага положили на плаху и повелеша его убити. Того же месяца преставися князь Василей Васильевич Шуйской.

М. Н. Тихомиров, сопоставив известия П с первым посланием царя Курбскому, пришел к выводу, что Иван IV приводит факты, подтверждаемые именно этим летописцем (слухи о том, что в 1547 г. «чародейством Москву попалили», потому что «сердца человеческая выимали»)[26]. Вероятнее всего, в П почерпнул Иван Грозный и сведения о казни Мишурина, когда вспоминал, что на дворе его погибшего дяди князя Андрея Ивановича стал жить князь В. В. Шуйский: и «на том дворе, сонмищем июдейским, отца нашего да и нашего дьяка ближняго Федора Мишурина, изогнав, позоровав, убили»[27]. Все это дает основание предполагать, что составитель С пользовался также и П, а возможно, и посланием Ивана Грозного в полной редакции. Более того — он удовлетворился данными именно этого источника (или этих источников), не привлекая дополнительных сведений из ЛНЦ.

Над текстом л. 44 С, как и на других листах рукописи, — большая миниатюра. В XVII в. миниатюры С были раскрашены, и раскраска, возможно, искажает первоначальный замысел художника, во всяком случае огрубляет рисунок (см. рис. 6).

На рисунке л. 44 С трижды изображены городские стены. Это не просто имеющее эстетическое назначение художественное оформление миниатюры и «самостоятельных» эпизодов. Стены с крепостными зубцами, и особенно башни-стрельни-

цы, в лицевых летописях обозначают город[28]. Здесь типичное для С изображение Московского Кремля, что подчеркивается еще изображением церкви справа в углу. Художник хотел показать, что действие происходит в пространстве, ограниченном кремлевскими стенами. Любопытно отметить, что Кремль не упомянут в иллюстрируемом тексте, — так художник истолковал слова «на своем дворе».

В миниатюре воспроизведено несколько последовательных действий. Наверху справа — две группы бородатых людей. Четко видны не только лица, но и головы — знак того, что участников событий было много. Быть может, разделение на группы, впереди которых жестикулирующие люди, обозначает сторонников Шуйских и Бельских, сцены «вражды меж бояр»? Скорее, однако, можно предположить, что это — момент отдачи распоряжения о расправе с Мишуриным («и в той их брани повелеша Шуйские и иные бояре»), так как у стоящих впереди групп (а только их фигуры нарисованы достаточно ясно) различаются одежды — слева и чуть выше человек в боярской одежде. У всех, как и обычно на миниатюрах, — русские шапки с косыми отворотами[29].

Слева — непосредственное продолжение действия. Мишурина раздевают («повелеша... ободрати»). У одного из участников расправы в руках его кафтан. Много людей с достаточно хорошо прорисованными фигурами и лицами. Наиболее активны люди в корзно (в том числе и безбородый): один держит одежду дьяка, другой (слева) схватил его за руку. В расправе участвуют не только бояре, но и те, кто исполнял повеление Шуйских, т. е. люди молодые или стоявшие на более низкой социальной ступени, которых можно и даже должно было изображать безбородыми[30]. Сам дьяк, уже обнаженный, — с бородой. Он был человеком не только высокого служебного ранга, но и по тем временам явно немолодым.

Стена с тремя башнями (одна — воротная) отделяет эту сцену от другой. Опять показано, что действие продолжается внутри Кремля. Это сцена казни. Обезглавленный Мишурин лежит, руки вытянуты вдоль тела. На нем только пояс или веревка. Видна деревянная плаха. Показано, что его положили на плаху нагим, — в других миниатюрах С и Ц казнимые обычно в нижней или даже в верхней одежде (ср. сцены торговой казни бояр князя Андрея Ивановича в С или умерщвления князя Юрия Васильевича Глинского в Ц).

Исполнитель казни бородат, одет в корзно. Секиру он держит обеими руками. Так же держат ее и палачи в сцене казни сторонников Василия Ивановича (будущего Василия III) в 1498 г., изображенной на л. 552 Шумиловского тома Лицевого свода[31]. Впереди и сзади трупа — две группы людей: слева — в корзно, один из троих ясно нарисованных людей — без бороды; справа — в иной, простонародной одежде. Возможно, что так противопоставлялись бояре — инициаторы и исполнители казни — другим ее участникам и зрителям. Определить значение жестов человека, стоящего впереди каждой группы, нелегко: для этого понадобилось бы сравнить миниатюру со многими другими, установить характерные черты манеры именно данного художника, привычные для него условные жесты. А пока

Рис. 6. Синодальный список, л. 44

такая работа не проделана, можно лишь предположительно признать эти жесты знаками участия в совершаемом событии. Во всяком случае, ни у кого на миниатюре нет жеста печали (рука, прижатая к щеке)[32], как при изображении казни на л. 552 Шумиловского тома (там подобный жест у Василия и у великой княгини Софьи).

Л. 44 С особенно интересен добавлениями к тексту. Это один из самых насыщенных приписками листов С. Приписки сделаны у верхнего края листа, между верхней строкой текста и миниатюрой, между строками текста и на правом поле листа, под текстом — слева от слова «оубити» и на нижнем поле.

В издании летописи[33] не отмечена приписка под миниатюрой — три буквы «ноя». Можно предположить, что это первая половина слова «ноябрь», так как оставлено место для написания еще примерно трех букв. В С обычно после года указывается месяц (часто месяц, число и день недели). Более того, перед упоминанием о следующем по времени событии — кончине князя В. В. Шуйского — написано «Того же месяца» (л. 44 об.). Слово на л. 44 осталось, однако, недописанным: возможно, летописатель узнал, что временем расправы с Мишуриным был октябрь. Выяснить он это мог и по П, и по ЛНЦ[34]. При этом в П, в отличие от ЛНЦ, дата смерти Шуйского — ноябрь[35] (не подтверждаемая другими источниками)[36]. Не оттуда ли дата «ноя[брь]»?

Приписка у верхнего края листа сохранилась не полностью, частично лист был обрезан при переплетении рукописи; текст этот восстанавливается по Александро-Невской летописи (далее: АН): «Того же месяца апреля [Шуйские и иные бояре поимаша боярина и ко]нюшего князя Ивана Овчину и посадиша за сторож [и, идеже си]дел князь Михайло Глинской, и умориша его гладом на 6-й день»[37] (восстановленные места в скобках). Приписка относится фактически к предыдущему листу, к событиям предшествовавшего года по сентябрьскому стилю — 7046 г. В В и в тех списках Н, к которым близок список С, известие о «поимании» Овчины отсутствует. В ЛНЦ[38], напротив, встречаем достаточно подробное сообщение об этом и виновниками расправы названы Шуйские. (Неблаговидное поведение Шуйских было, очевидно, причиной невключения этого известия в летописи, основанные на текстах, написанных сторонником Шуйских.) Но только в П указывается на то, что «посадиша» Овчину в ту тюрьму, где сидел ранее М. Л. Глинский, и уморили его, и именно на шестой день. И приведены эти слова в П непосредственно перед сообщением о казни Мишурина[39] (в отличие от ЛНЦ, где сведения о казни Овчины и казни Мишурина разделены достаточно подробными сообщениями о других событиях апреля-сентября 1538 г.).

Таким образом, находится еще одно подтверждение знакомства летописателя С с П. Это обнаруживается и при изучении приписки на л. 43 С о «преставлении» князя Андрея Ивановича Старицкого. Текст л. 43 С завершает рассказ о «замятие» — «мятеже» и «поимании» дяди Ивана IV. Внизу на л. 43 С приписано: «тут надобе написати о княже Ондрееве преставлении так: а князь Ондре[й в той

нуже седел] полгоду и преставися и положен бысть в Архангиле на левой стороне в го[ловах у брата своего] у князя у Юрья у Ивановича». Заключенные в скобки места были обрезаны при переплетении рукописи и восстанавливаются по тексту Ц[40]. В издании С (ПСРЛ. Т. 13) места эти восстановлены не полностью, так как для сличения пользовались только АН, где эта приписка отсутствует. Можно полагать, что в списке, с которого копировали АН (или в самой летописи), не уцелел лист; не случайно слова «да велели их казнити смертною казнью вешати по Новогородцкой дороге, не вместе, и до Новагорода» (т. е. как раз те слова, которые читаем в основном тексте л. 43 С) приписаны, как отмечает публикатор летописи, более мелко, сходным почерком и чернилами[41]. В ЛНЦ о захоронении Старицкого читаем: «а положен во Арханеле на Москве, идеже лежат великии князи»[42]. Только в П сообщается о том, что «положиша его в Архангиле, и где кладут опальные же князи, по конець брата его князя Юрья»[43].

Третья приписка на л. 44 С тоже уцелела не полностью. Часть ее, утраченная при переплетении рукописи, восстанавливается по АН: «великого князя княжатом [и боярским де]тем и дворяном»[44]. Так конкретизируется мысль: кому «повелеша Шуйские и иные бояре» позорно казнить дьяка Мишурина. Это тоже, очевидно, должно было показать, что Шуйские имели возможность (вернее сказать, присвоили себе право) действовать без повеления великого князя.

Приписка в нижней части листа как бы возвращает читателя к первой фразе летописного текста о «вражде меж бояр» Шуйских и Бельских: «а князя Ивана Федоровича Белскаго поимаша и посадиша его за сторожи на его дворе, а боярина Михайло Васильевича Тучкова сослаша с Москвы в его село»[45] (в слове «Москвы» зачеркнуты лишние буквы).

Приписка под миниатюрой — «ноя» сделана более аккуратно, чем другие на том же листе, хотя и схожим почерком (особенно напоминавшим почерк приписки «боярин» на л. 44 об. над словами «преставися» и «князь» — о В. В. Шуйском). Так выявляются два этапа (или, точнее сказать, момента) редакционной работы. Сначала исправлялись ошибки в написании слов (особенно собственных имен) и осуществлялась формально-фактологическая правка, а затем уже вносились дополнения (и изменения) тенденциозно-политической направленности (причем первоначально в виде черновых записей).

Правка текста С была учтена составителем Ц и в тексте (на л. 170 и 170 об.), и на миниатюре (л. 170 об.). На л. 170 и 170 об. помещена летописная статья с киноварным заголовком «О вражде между бояр великого князя и о убийстве диака Федора Мишюрина».

Сравнивая тексты С и Ц, убеждаемся в том, что текст С, несомненно, оказал воздействие и на летописателя, и на художника Ц, но был использован ими не полностью. Несомненно и то, что при составлении Ц обращались не только к С. В данном случае явно обнаруживается влияние ЛНЦ. На то, что при составлении Ц обращались к другим летописным памятникам — ЛНЦ, Степенной книге (или

общим с ней источникам), указал А. Е. Пресняков в 1893 г.[46] После научной публикации летописей середины XVI в. в Полном собрании русских летописей эта зависимость Ц от других летописных памятников стала еще более очевидной[47]. (Сравнительное рассмотрение Ц, С и других летописных текстов времени Ивана Грозного важно не только для изучения Ц как памятника официальной публицистики, но и для создания достаточно полного представления о характере и приемах редакторской работы летописателей середины XVI в.)

Полностью текст л. 44 С, включая правку, переписан только в АН[48]. В Ц же имеет место соединение текстов (точнее сказать, части текстов) — основного (первоначального) текста С и части его правки и текста ЛНЦ. Следовательно, отредактированный уже текст С не признавался окончательным вариантом при составлении Ц. Убеждает это и в том, что и при редактировании С, и при редактировании Ц имелись для сравнения какие-то другие летописные тексты (или другой летописный текст). Система редактирования лицевых летописей была сложной и многоступенчатой.

Выясняется (что отметил еще А. Е. Пресняков[49]), что в Ц внесена не вся правка л. 44 С. Не попали в нее вставки о «поимании» Овчины и об опале Бельского и Тучкова. Предстоит еще попытаться установить основания для невключения именно данных текстов в Ц. Возможно, что это связано в первом случае с разговорами об особой близости матери царя с Овчиной, сына и племянника которого казнил Иван Грозный[50]. Могло неприятно подействовать и напоминание о жестокой расправе самого Овчины с родственником царя (дядей его матери) князем М. Л. Глинским (женатым к тому же на двоюродной племяннице Овчины[51]). Глинский, судя по Постниковскому летописцу, был отомщен: Овчину упрятали в ту самую тюрьму, куда он ранее заключил Глинского, и наложили на него «ту же» железную «тягость», которая, по его распоряжению, была прежде на Глинском. Во втором случае невключение вставки легко было бы объяснить особой личной неприязнью к М. В. Тучкову как к родственнику (деду) Курбского и как к человеку, пытавшемуся распоряжаться делами именем малолетнего государя[52]. Но текст Ц не дошел целиком (см. об этом далее), на утраченном листе могла идти речь и о Тучкове — тем самым подчеркивалось бы, кстати (вопреки Курбскому и в научение ему), что и его, Курбского, родственники оказывались жертвами вражды бояр друг с другом (ими же самими вызванной) и невнимания их к нуждам государя и государства.

В то же время в Ц достаточно широко использован (но также не полностью) текст ЛНЦ, причем не в ранней редакции, а по списку Академическому XIV (или близкому к нему)[53]. В списке ЛНЦ ранней редакции[54] отсутствуют имеющиеся в более поздней редакции рассуждения морализующего характера: «И многые промежь их бяше вражды о корыстех и племянех их, всяк своим печется, а не государьским, не земским», и о «мятежах» и «нестроении» «грех ради наших».

Судить о степени полноты использования в Ц текста ЛНЦ не просто, так как в Ц очевиден пропуск слов из-за утраты листа или листов — сохранился конец

фразы со словами: «...князе Юрье о Голицыне о боярстве и о иных боярех...» (л. 172) (это отмечено издателями в т. 13 ПСРЛ)[55]. В сохранившемся тексте Ц, описывающем убийство Мишурина и боярскую вражду осенью 1538 г., обнаруживаются явные различия с ЛНЦ, текст которого был, видимо, положен в основу этого описания в Ц.

Летописец начала царства[56]

Об убийстве Феодора Мишурина. Тоя же осени по диаволю действу бысть нелюбие межю великаго князя бояр: начата враждовати князь Василий да киязь Иван Шюскыи на князя на Ивана Феодоровича на Бельского, да на князя Юрья на Голицина на Булгакова, да на Ивана на Хабарова, да на великаго князя дияка на Феодора на Мишурина за то, что князь Иван Бельской съветовал великому князю, чтобы князь великий пожаловал боярьством князя Юрья Голицина, а Ивана Хабарова околничим. И многые промежь их бяше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим печется, а не государьскым, ни земьсскым. А князя Василиа да князя Ивана Шуйских не бяше их ту в съвете том, и они же о том начата вражду велику държати и гнев на Данила митрополита и на князя Ивана на Бельского и на Феодора на Мишурина. И за тую вражду поимаша князя Ивана Бельского и посадиша его на княже Феодоровьском дворе Мстиславьскаго за сторожи, а съветников его розослаша по селом, а диака Феодора Мишурина казниша смертною казнию, отсекоша главу ему у тюрем, без государьскаго велениа; и многу мятежу и нестроению в те времяна быша в христианьской земле, грех ради наших, государю

Царственная книга[57]

О вражде между бояр великого князя и о убийстве диака Федора Мишюрина. л. 170

Тоя же осени по диаволю действу бысть вражда между великого князя бояр: начата враждовати князь Василей да князь Иван Василиевичи Шуйские на князя на Ивана на Федоровича на Белского да на Михаила Василиевичя Тучкова за то, что князь Иван Белской да Михайло Тучков советовали великому князю, чтобы князь великий пожаловал боярьством князя Юриа Михайловичя Голицына, а Ивана Ивановича Хабарова околничимъ; а князь Василей да князь Иван Шуйские того не восхотеша. И многие промеж их бяше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим печется, а не государьским, ни земским. И о сем начата вражду велику държати и гнев на Данила митрополита и на князя Ивана на Белского и на Михаила Тучкова да на диака на Федора на Мишюрина. // И в той их брани повелеша Шуйские и иные бояре великого князя диака Федора Мишюрина ободрати на своем дворе великого князя княжатом л. 170 об.

младу сущу, а бояре на мзду уклонишася без возбраненииа, и много кровопролитиа промежь собою въздвигоша, и в неправду суд держаще, и вся не о Бозе строяше, Богу сиа попущающе, а врагу действующе, Октомвриа 21, в понеделник.

и боярским детем и дворяном и нага положили на плаху и повелеша его казнити смертною казнию; и отсекоша главу его у тюрем без государьского веленииа октября в 21 день, в неделю.

В первой же фразе относительно нейтральное слово «нелюбие» заменено словом «вражда». В следующей фразе среди имен тех, против кого «начата враждовати» Шуйские, оставлено только имя И. Ф. Бельского; имена Ю. Голицына-Булгакова, И. Хабарова и Ф. Мишурина опущены, зато добавлено имя М. В. Тучкова, причем он назван трижды (и как советовавший вместе с Бельским царю, и снова как лицо, против которого «держали гнев» Шуйские). Можно полагать, что имя это взято из приписки в С.

Заметна здесь и редакционная правка: Ю. М. Голицын и И. И. Хабаров в этом списке ЛНЦ написаны без отчеств, в Ц — с отчествами. Изменен и порядок предложений, в ЛНЦ — сначала обличительная сентенция о взаимной вражде бояр и преобладании личных корыстолюбивых интересов над интересами государя и земли, а затем уже о том, что Шуйские не были в «совете»; в Ц — обратный порядок предложений и смысл фразы о Шуйских существенно изменен: «того не восхотеша». В Ц опущены подробности опалы Бельского и его советников, впрочем, вероятно, они-то и оказались перенесенными на следующий лист, где логичнее было писать после казни Мишурина о гибели Бельского и о предшествовавших ей аресте Бельского и ссылке его советников. В описании казни дьяка Мишурина объединены сведения из С, приписки в С и из ЛНЦ (о казни «у тюрем без государьского веления»). Возможно, что на следующем листе или его обороте была переписана из ЛНЦ и заключительная сентенция о мятежах и нестроениях, кровопролитиях и др. «грех ради наших», так напоминающая сентенции в речах царя Ивана на соборах конца 1540—1560-х годов[58].

Обращает на себя внимание дата Ц — «октября в 21 день в неделю». В ЛНЦ указано, что 21 октября был понедельник, так это действительно и было в 1538 г., т. е. в 7047 г. по сентябрьскому стилю. В 7046 же году (т. е. в 1537 г.) 21 октября было воскресеньем — «неделею». В Ц не указана начальная дата года (по сентябрьскому стилю), а перед этим, видимо, составитель увидел описание смерти Елены Глинской в апреле 1538 г., где стояла дата «В лето 7046», и, вероятно, просто справился в соответствующих пособиях (пасхалиях?), каким днем недели было 21 октября 7046 г. Тогда это показывает, что у летописателя под руками, кроме нескольких (не менее двух) списков летописи, было еще справочное пособие по хронологии, столь необходимое для летописной работы (не исключено, впрочем, что ошибка имелась уже в одной из летописей, которые держал перед собой летописатель).

Особо важно отметить, что отнюдь не весь текст Ц, посвященный описанию вражды бояр и преследования Мишурина и других противников Шуйских и выделенный особым киноварным заголовком, сопровождается иллюстрациями в миниатюрах. На л. 170 — сплошной текст, тема миниатюры л. 170 об. — только расправа с дьяком Мишуриным.

Это сравнительно редкое явление для Ц. Там, как правило, текст остается без иллюстраций тогда, когда излагается содержание речей, особенно речей, насыщенных цитатами, например, предсмертная речь-обращение Василия III (л. 45, 46, ср. также л. 87 об., 118, 120 об., 124 об., 189 об. — 190, 192 об., 202 и др.). Не оставили ли этот текст без иллюстрации до дополнительного редакторского просмотра или торопились завершить работу по оформлению летописи?

На л. 170 об. не первое изображение дьяка Мишурина в Ц. Он, по крайней мере дважды, был изображен в Ц и ранее, на л. 29 и 29 об., в миниатюрах, иллюстрирующих пространный рассказ о кончине Василия III, причем оба раза вместе с дьяком Путятиным, «в товарыщех» которого был при составлении духовной великого князя. На миниатюре л. 29 (см. рис. 7) близ постели умирающего Василия III за столом (точнее даже — у стола) — двое писцов. Василий III — длиннобородый, в великокняжеской одежде и в великокняжеской шапке с меховой опушкой; бояре ближние — бородатые, в русских шапках. На заднем плане: слева — придворные, справа, в верхнем углу — Елена Глинская в венце, на коленях ее — грудной младенец Юрий (в княжеской шапке), старший сын — трехлетний Иван — рядом, он в великокняжеской шапке. Близ них мамка, придворные — мужчина и женщины. Обе эти группы изображены потому, что речь идет в духовной о «завете управления царствиа сынови своему и наследнику». Действие происходит в Кремле, традиционно показаны кремлевские стены: и снизу, и сверху. Основная сцена — «постельные хоромы» великого князя. Он окружен боярами слева и справа, но особо выделены дьяки, так как именно о них идет речь в тексте под миниатюрой. Дьяки — бородатые, в русских шапках, но одежда их заметно отличается от боярской. На них кафтаны со шнурами на груди и драгоценной оторочкой по низу. Любопытно, что в миниатюре л. 29 об., изображающей также дьяков (одного — пишущего, а другого — протягивающего духовную грамоту Василию III), но иллюстрирующей текст, где имена дьяков особо не выделены, дьяки — в корзно. Свитки-столбцы дьяки держат на коленях. Так обычно писали и переписывали набело грамоты в приказах[59]. В руках у обоих — перья, на столе — чернильницы, возможно, что рядом с чернильницами — печать (это напоминает традиционные изображения пишущих евангелистов на иконах и в миниатюрах).

Вероятно, оба дьяка одновременно писали под диктовку (а быть может, и корректировали содержание составляемой грамоты). Государи вообще имели обычай диктовать сразу двум (или более) писцам-дьякам, один из них был «в товарищех». Так, можно полагать, диктовал и царь Иван свое знаменитое первое послание Курбскому, чем и объясняются заметные разночтения в протографах дошедших до нас полных редакций послания[60] (см. рис. 8).

Рис. 7. Царственная книга, л. 29

Рис. 8. Царственная книга. л. 29 об.

По основательному предположению А. Е. Преснякова, повесть «о преставлении» Василия III была написана «под свежим впечатлением только что пережитого» и пространный рассказ этот составлен, «очевидно, дьяками-очевидцами и участниками описанных в нем событий»[61]. Вообще, вероятно, уже тогда утвердился обычай обязательного подробного письменного фиксирования таких событий, как «преставление» государей (и соответственно вокняжение новых государей); авторами описаний были дьяки, связанные с оформлением духовной грамоты. По свежим следам создавалась повесть (или, вернее, «черный список» — черновик ее), которая затем использовалась (сразу или по истечении какого-то времени) при составлении или редактировании официальной летописи (такие «черные списки» могли находиться сначала у автора или редактора, а затем оказывались в архиве). Возможно, и знаменитый рассказ-приписка к Ц о болезни Ивана IV в марте 1553 г., показавшейся его приближенным смертельной, тоже основан на подобного типа повести, составленной, вероятно, дьяком И. М. Висковатым, который первым «воспомяну государю о духовной»[62]. Как повесть о преставлении Василия III включили в официальную летопись значительно позднее ее написания, так и повесть 1553 г. использовали только при редактировании Ц, когда велено было «написать тут: ...о болезни царской»[63], уже в последние годы жизни грозного царя.

Миниатюра л. 170 об. Ц, так же как и миниатюра л. 40 С, показывает, что действие происходит в Кремле. Сверху рисунок ограничен стеной с кровлей. Стены, точнее условное изображение крыш зданий, теремные верха, ворота, отделяют части миниатюр, посвященные отдельным эпизодам расправы с Мишуриным. Наверху, в центре, — Иван IV, безбородый (ему восемь лет), в короне и великокняжеской одежде, с жезлом в руке. По бокам его, справа — бородатые люди (видимо, бояре), слева — безбородые (не рынды ли?). Быть может, изображение юного государя должно было показать, что уже началось его правление (непосредственно перед этим на л. 169 об. текст, сопровождаемый миниатюрой, о кончине матери Ивана IV), но характерно, что Иван IV показан пассивным, без типичного для государя указующего жеста (так изображались государи тогда, когда они не были непосредственными участниками или инициаторами изображаемых событий, например в сценах пожара). В то же время изображение государя могло служить и напоминанием о том, что он лично был свидетелем и «вражды бояр», и «убийства» дьяка Мишурина (см. рис. 9).

Ниже эпизоды, отраженные уже прежде в миниатюрах л. 40 С. Слева — бояре отдают повеление расправиться с Мишуриным. Много голов, ясно вычерчено несколько лиц, один боярин поднял палец правой руки — характерный для миниатюр знак распоряжения. Тем самым подчеркивается, что расправа над дьяком была без «государьского веления». Справа — «княжата и боярские дети и дворяне» «обдирают» Мишурина «на дворе» близ жилого здания. Мишурин, как и в С, — с бородой, все остальные — без бород и не в корзно (семь ясно видных фигур и лиц, много голов).

Рис. 9. Царственная книга, л. 170 об.

Эти сцены отделены от сцены казни — нижнего яруса миниатюры — стеной, где четко нарисован частокол с замком на воротах справа. Это тюрьма («в тыну», в заключении, были и жена Андрея, Старицкая, с сыном, по описанию П[64]). О том, что казнь Мишурина произошла «у тюрем», записано даже в Пермско-Вологодской летописи, однако составитель ее, быть может недостаточно осведомленный о силе возвысившихся боярских группировок, писал по стандарту, что «князь великий Иван Васильевич всеа Русии» велел (в восемь лет! — *С. Ш.*) «поимати» и «посадити в крепости» Овчину, а затем и «казнити смертною казнию дьяка своего Федора Мишурина, у тюрем головы съсечи»[65]. Сам дьяк лежит полностью обнаженный, руки его согнуты, одна на плахе (плаха шире и короче, чем в миниатюре л. 40 С). Рядом, слева над ним, — несколько человек. Все безбороды и одеты не в корзно, как и в сцене раздевания Мишурина. Впереди палач, тоже безбородый, держит в обеих руках секиру (как и на рисунке в С) и готовится нанести удар. Это — мгновенье перед казнью. В миниатюре соответственно с текстом Ц, и особенно с вошедшей в него припиской С о том, что совершали казнь не бояре, более четко показано общественное положение исполнителей боярского «повеления».

Так, на примере сравнительного изучения описания одного события (или группы взаимосвязанных событий) октября 1538 г. в лицевых летописях можно наблюдать, как складывалась (в полемике летописателей) определенная концепция политической истории России XVI столетия.

Примечания

[1] О Ф. М. Мишурине см.: *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 163; *Веселовский.* Дьяки. С. 344—345; *Он же.* Опричнина. С. 220; *Зимин.* Дьяки. С. 253—254; *Он же.* Россия. С. 413, 414, 420; *Носов.* Очерки; и др.

[2] ПСРЛ. Т. 13. С. 414.

[3] Там же. С. 412; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 557. Об оформлении завещания Василия III см.: *Пресняков.* Завещание Василия III; *Морозов С. А.* Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика; *Он же.* Опыт литературоведческого анализа «Повести о болезни и смерти Василия III» // Вопросы источниковедения и историографии.

[4] См.: *Каштанов.* Хронологический перечень. М., 1958. Ч. 1. *Каштанов С. М., Наваров В. Д., Флоря Б. Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // АЕ за 1966 г. М., 1968.

[5] АЗР. Т. 2. № 179.

[6] См.: *Леонтьев.* Приказы. С. 92, 143, 155.

[7] ПСРЛ. Т. 13. С. 102; Т. 20. С. 434; Т. 29. С. 22, 24.

[8] *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. // ИЗ. М., 1941. Т. 10. С. 86 (То же в кн.: *Тихомиров.* Летописание. С. 222).

[9] ПИР. С. 33, 93; ПГК. С. 28, 76.

[10] АИ. Т. 1. № 140 (с. 203); *Смирнов И. И.* Очерки. С. 80. Примеч. 9.

[11] *Шмидт.* Казанская война. С. 227.

[12] Об этом см.: *Соловьев.* История России. Т. 3. С. 423 и сл.; *Бахрушин.* Труды. Т. 2.

С. 264; *Тихомиров*. Летописание. С. 169—173; *Смирнов И. И.* Очерки. С. 80 и сл.; *Зимин*. Реформы. С. 249 и сл.

[13] Хронографическая летопись. С. 288.

[14] *Веселовский*. Дьяки. С. 344; *Победимова Г. А.* Обыскная книга 1573 г. Деревской пятины // ВИД. Л., 1981. Т. 12. С. 50.

[15] ПСРЛ. Т. 13. С. 98.

[16] ИСРЛ. Т. 8. С. 295.

[17] *Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11.

[18] ПСРЛ. Т. 13. С. 126; Т. 29. С. 32.

[19] О летописце начала царства см.: *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК. Л., 1927. Т. 34; *Зимин*. Пересветов. Гл. 1. § 1; ПСРЛ. Т. 29. Предисл.

[20] ПСРЛ. Т. 13. С. 126; Т. 20. С. 448—449; Т. 29. С. 34.

[21] Литература указана в составленной Р. П. Дмитриевой книге: Библиография русского летописания. М.; Л., 1962; см. также: *Лихачев Д. С.* Русские летописи. С. 472 и сл.; *Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания. М., 1975. С. 282 и сл.; *Клосс*. Никоновский свод. Гл. 6.

[22] *Пресняков*. Завещание Василия III. С. 74.

[23] *Тихомиров*. Летописание. С. 173.

[24] ПСРЛ. Т. 13. С. 98.

[25] ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

[26] *Тихомиров*. Летописание. С. 171.

[27] ПИР. С. 33, 93; ПГК. С. 28, 76.

[28] *Арциховский*. Миниатюры. С. 74.

[29] Там же. С. 101.

[30] Там же. С. 131—132.

[31] Воспроизведена в кн.: *Подобедова*. Миниатюры. С. 309.

[32] О жестах в миниатюрах см.: *Арциховский*. Миниатюры. С. 132; *Подобедова*. Миниатюры. С. 310—312.

[33] ПСРЛ. Т. 13. С. 98.

[34] Там же. С. 126; см. также: ПСРЛ. Т. 20. С. 449; Т. 29. С. 34.

[35] ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

[36] См.: *Зимин*. Боярская дума. С. 50 (примеч. 105).

[37] ПСРЛ. Т. 29. С. 135.

[38] Там же. С. 32, см. также: ПСРЛ. Т. 13. С. 123; Т. 20. С. 447.

[39] ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

[40] ПСРЛ. Т. 13. С. 431.

[41] ПСРЛ. Т. 29. С. 134.

[42] Там же. С. 31; см. также: Т. 13. С. 121; Т. 20. С. 445.

[43] ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

[44] ПСРЛ. Т. 29. С. 135.

[45] Об опале М. В. Тучкова см.: *Леонтьев*. Приказы. С. 94; *Носов*. Становление. С. 220—221; *Шмидт*. Тучковы.

[46] *Пресняков*. Царственная книга. С. 12 и сл.

[47] О работе древнерусского книжника см.: *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 88 и сл.

[48] ПСРЛ. Т. 29. С. 135.

[49] *Пресняков*. Царственная книга. С. 17—18.

[50] См.: *Шмидт*. Выпись. С. 117—118.

[51] *Веселовский*. Опричнина. С. 128.

[52] ПИР. С. 29, 33, 90, 93; ПГК. С. 25, 27, 74, 76; *Шмидт*. Тучковы. С. 141.

[53] ПСРЛ. Т. 13. С. 126; Т. 20. С. 448—449.

[54] См.: ПСРЛ. Т. 29. С. 34.
[55] ПСРЛ. Т. 13. С. 432. Примеч. 4.
[56] Там же. С. 126; Т. 20. С. 448—449; ср.: ПСРЛ. Т. 29. С. 34.
[57] См. также: ПСРЛ. Т. 13. С. 431—432.
[58] *Шмидт.* Становление. Гл. 3. Становление земских соборов.
[59] *Штаден.* С. 84; *Staden.* S. 17.
[60] См.: *Шмидт.* Об адресатах. С. 320.
[61] *Пресняков.* Завещание Василия III. С. 74.
[62] ПСРЛ. Т. 13. С. 523.
[63] Там же. С. 522.
[64] ПСРЛ. Т. 34. С. 26; О тюрьмах см.: *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 97 и сл.
[65] ПСРЛ. Т. 26. С. 318.

Царственная книга об опале бояр летом 1546 г.

Обстоятельства опалы и казни Кубенского и Воронцовых в 1546 г. и укрепления власти новой придворной группировки во главе с родственниками Ивана IV по матери князьями Глинскими уже рассмотрены в литературе[1*]. Важнейшим источником для исследователей был текст приписок Ц[1].

Сравнительное изучение первоначальных и перебеленных листов — и словесного текста, и рисунков — помогает составить представление о целях и системе редактирования Ц.

Эпизод расправы Ивана IV с боярами Кубенскими, Воронцовыми и Федоровым летом 1546 г. не выделен в тексте Ц особым заголовком — сообщение об этом событии начинается с обычных для летописи слов: «И того же лета». Это часть летописного «сказания», озаглавленного первоначально «О поезде великого князя на Коломну». Так же оно озаглавлено и в других летописях (даже в Александро-Невской, где воспроизведен текст приписки Ц)[2].

В Ц же, однако, в заголовок было внесено изменение: вместо «поезде» написали «походе» (л. 271 об.). Под походом, в отличие от обычных государевых «ездов» («поездов») по городам и монастырям, понималось мероприятие государственного значения, поход войска. И действительно, о «походе великого князя на свое дело» на Коломну приводятся сведения в разрядных книгах, где И. И. Кубенский, Ф. С. и В. М. Воронцовы упомянуты среди воевод. Там же написано об «опале» их и о назначении на их места других воевод[3].

Описание казни и опалы бояр занимает в Ц л. 273, 273 об. и 274. Первоначальный текст был таким: «И того ж лета на Ко(ло)мне по диаволю действу оклеветав ложными словесны великого князя бояр Василей Григориев сын Захарова Гнилиев великому князю. И князь великий с великиа ярости положил на них гнев свой и опалу по его словесем, что он бяше тогда у великого государя в приближении Василей, и по прежне//му их неудобьству, что многые мзды в государьстве

[1*] Нуждается еще в объяснении то обстоятельство, что попавшие в опалу вельможи ведали управлением дворцами: И. И. Кубенский — Большим дворцом, В. М. Воронцов — Дмитровским; И. С. Воронцов был тверским дворецким[4].

его взимаху во многых государьскых и земьскых делех. И велел казнити князь великий[2*] князя Ивана Кубеньского, Федора Воронцова, Василиа Михайлова сына Воронцова же: отсекоша им глав месяца июля 21, в суботу. // А Ивана Петрова сына Федоровича велел поимати и сослати на Белоезеро и велел его посадити за сторожи, а Ивана Михайлова сына Воронцова велел поимати же».

Миниатюры этих листов рассказывают о том же, но уже изобразительными средствами. Все три миниатюры выполнены в манере, типичной для ближайших к этим листам миниатюр рукописи.

Поле миниатюры л. 273 (см. рис. 10) ограничено снизу стеной. Это кремлевская стена Коломны, построенная в 1520-е годы. Справа сверху — ступенчатое полукруглое сооружение, мало напоминающее сохранившиеся памятники старинной архитектуры Коломны. Возможно, однако, что перед нами изображение части прославленного в ту пору архитектурного ансамбля Коломны[5], в значительной мере разрушенного в последующие века. (Царский дворец Ивана Грозного в Коломне, признававшийся предтечей знаменитого дворца Алексея Михайловича в Коломенском, был построен прежде составления Ц.) При всей условности «палатного письма» (что отмечал особо А. В. Арциховский[6]) характерный внешний облик построек, хорошо известных и заказчику миниатюр, и их исполнителям, передавался с большой степенью достоверности.

Слева Иван IV сидит на троне перед зданием. Согласно условностям изображений в древнерусской миниатюре, это означает, что государь восседает на троне внутри этого здания[8]. Иван IV — в парадном облачении и княжеской шапке (виден даже узор ее). За его спиной — воины в доспехах и шишаках. Государя вообще редко изображали в одиночку — обычно со свитой, боярами, дворянами. Перед государем стоит дьяк без головного убора, в одежде, более скромной, чем у великого князя. Дьяк — с бородой, свидетельствующей, очевидно, о его возрасте (во всяком случае, о том, что он старше Ивана IV, которому тогда было неполных шестнадцать лет) и общественном положении. Дьяк в чем-то убеждает великого князя и обращает его внимание (указывает рукою) на группу бояр. Справа выше не только бояре (бородатые), но и другая группа людей. Они как бы противостоят друг другу. Отличие подчеркнуто и шапками разного фасона в каждой группе, хотя и там типично русские шапки с косыми отворотами. Быть может, жест Ивана IV означает распоряжение о расправе с боярами («с великиа ярости положил на них гнев свой и опалу»), которое было отдано группе, изображенной отдельно наверху в средней части рисунка. Эти же люди показаны противостоящими боярам в групповом изображении справа. По Пискаревскому летописцу (по дополнительной записи: «В сем летописце прописано в летех 54»), казнь бояр «учинилась» по вине не одного только дьяка Захарова (как отмечено в Никоновской летописи, Львовской летописи, Летописце начала царства, Александро-Невской летописи, в основном

[2*] В издании Ц в ПСРЛ неправильно передан порядок слов[7].

Рис. 10. Царственная книга, л. 273

Рис. 11. Царственная книга, л. 273 об.

тексте Пискаревского летописца[9]), а «по наносу злых людей»[10]. Не эти ли «злые люди» представлены на миниатюре?

Миниатюра л. 273 об. (см. рис. 11) иллюстрирует текст под рисунком. Это сцены расправы с боярами. Миниатюра включает несколько «повествовательных единиц», отделенных одна от другой архитектурным стаффажем, обозначающим, что действие происходит в городе (Коломне), внутри городской стены (снизу слева видна часть этой стены). Иван IV и лица, его окружающие, — в левом верхнем углу. В этих миниатюрах действие развертывается (как обычно наблюдается в Лицевом своде) слева направо, с переходом от верхнего яруса к нижнему. Это сцена великокняжеского суда. Иван IV — в княжеской шапке (слабее прорисованной, чем на предыдущей миниатюре), в позе судии — распорядителя, чинящего суд и расправу. В руке его костыль-жезл, с которым в таких ситуациях и положено было изображать государей[11]. Костыль приподнят, что означает созыв народа[12], в данном случае, очевидно, думцев. Перед Иваном IV — обращающийся к нему дьяк Захаров, приведший с собой на суд бояр. У того, что на первом плане, руки связаны за спиной. Возможно, эта сцена иллюстрирует слова текста, помещенные выше миниатюры, и бояре обвиняются и в прежних преступлениях («многие мзды в государьстве его взимаху во многых государьскых и земьскых делех»). Ведь «животы их и вотчины их» по свидетельству автора Постниковского летописца, конфисковали[13].

Внизу сцена казни бояр, выполнение веления государя. Двое уже обезглавлены (их головы отлетели и нарисованы внизу справа), третий — более отдаленный от зрителя — еще ожидает казни. Изображение казни достаточно реалистично: художник в то кровавое время, можно полагать, не раз наблюдал эти ужасные сцены. Видим кол, на котором в момент казни должна была находиться шея обреченного: в приписке к Ц о восстании 1547 г. упомянут «кол, идеже казнят»; кол мы видим и на миниатюре перебеленного листа Ц (л. 683 об.), на котором изображена казнь Ю. В. Глинского в Москве 26 июня 1547 г., и на миниатюрах, передающих казнь дьяка Мишурина в 1533 г. Руки казнимых связаны, связаны руки и у Мишурина на миниатюре С. Палач, как и на миниатюрах со сценами казни Мишурина в С и Ц, держит секиру обеими руками. Таким образом, выработался уже определенный трафарет изображения такого рода казни. Слева от палача — группа безбородых людей (не «дворяне» ли государя?). Стоящий впереди, в дорогой одежде, как бы подталкивает палача, приказывает ему довершить казнь. Справа — группа бородатых людей. Это, вероятно, бояре (а с ними, возможно, и дьяк Захаров), наблюдающие за исполнением веления государя и обсуждающие то, что происходит на их глазах (казнь ведь была публичной!).

Тема миниатюры л. 274 (см. рис. 12) — опала боярина Федорова (а возможно, и И. М. Воронцова). Наверху слева — Иван IV и бояре внутри огороженного стеной и зданиями пространства, т. е., очевидно, в городе Коломне. Государь на троне, в парадной одежде; особенно четко прорисована его шапка — видно даже на-

Рис. 12. Царственная книга, л. 274

вершие ее. Он дает указание (характерный указующий жест, с устремленным вперед мизинцем). Перед ним бояре (а возможно, и дьяк Захаров) держат Федорова. Показано (выше, справа), как его уводят. (Впрочем это может быть и сцена поимки другого опального боярина — И. М. Воронцова, которого Иван IV «велел поимати ж».)

Эта сцена отделена условной пейзажной полосой от сцены справа внизу. Такие «лещадные горки» означали нередко перенос другого действия миниатюры[14] за стены города, на расстояние. Действие сцены справа развертывается на небольшом пространстве, огороженном крепостной стеной. Это стены Кирилло-Белозерского монастыря, строительство которых начали в 1523 г. Внешний вид монастыря очень хорошо знал не только царь Иван (который не раз там бывал, адресовал туда послание и хотел там постричься), но, видимо, и миниатюрист. Стены с башнями напоминают сохранившиеся и поныне, но воздвигнутые уже в XVII в. Можно полагать, что при строительстве этих стен в какой-то мере использовали и традиции архитектуры «Старого города» (так называли стены XVI столетия в XVII в.). Видно здание условного типа, в дверь которого заталкивают Федорова. Люди, привезшие его в тюрьму, в парадных одеждах. Вероятно, это «дворяне» государя, которым было поручено «посадити за сторожи» Федорова. Возможно, что эту миниатюру рисовал не тот мастер, который был автором миниатюр на л. 273—273 об. Рисунок л. 274 кажется более искусным, изящным. Несколько по-иному нарисованы шапки (и государя, и других лиц), более четко и реалистично прорисованы архитектурные строения.

В текст л. 273—273 об. уже после оформления их вместе с миниатюрами были внесены изменения. Можно выделить два момента редактирования. Первоначально сделали грамматические исправления (более светлыми чернилами и более тонким пером, чем остальную правку): исправили неверное написание слова «Коломне», вставив над строчкой пропущенные буквы *л, о*; поставили две точки над *и* десятиричным в словах «диаволю» и «Гнилиев». Так как слово «Гнилиев» написано во фразе, позднее перечеркнутой, допустимо полагать, что формально грамматическая правка имела место прежде тенденциозно-политической.

Текст существенно перередактирован. Часть прежнего текста зачеркнута и сделаны приписки: между двумя верхними строчками, на поле справа на уровне первоначального текста и внизу во всю ширину листа. Приписка сделана и на л. 273 об.: в тексте над миниатюрой продолжена последняя строчка и добавлена строчка («да и за многие их сопротивства»), буквы которой пришлись на верхнюю часть рисунка. Приписки небрежной скорописью, одним почерком, темными чернилами. Лист перевернули, не дожидаясь, пока высохнут чернила: на л. 272 об. слабые отпечатки чернил в середине листа и возле нижнего обреза его; на л. 273 смазаны слова и отдельные буквы, особенно по низу листа.

Приписка сделана была очень быстро. Отдельные слова и даже фразы вставлены позднее и написаны более мелким почерком, но явно той же рукою. Таким

почерком написано между строчек характерное и для других приписок к Ц (о событиях 1547, 1553 гг.) выражение: «понеже он у государя быть в приближении» (о дьяке Захарове) — и сбоку внизу листа слева непоместившаяся концовка приписки этого листа: «учял о том досадовати и князь». Отдельные слова (или части слов) приписки тут же зачеркивались или заменялись другими. Это позволяет предположить руку человека, приученного к скорому письму, к записи мыслей с ходу. Очень вероятно, что текст написан под диктовку властного лица, не склонного приспосабляться к темпу пишущего, но в то же время требовавшего воспроизведения продиктованного и, возможно, даже сразу проверявшего соответствие написанного своим словам.

Получился новый связный рассказ, разъясняющий причины казни бояр (текст воспроизведен на с. 448—449 т. 13 ПСРЛ). Согласно приписке, когда государь выехал «на прохлад поездити потешитися», за городским посадом Коломны к нему обратились с челобитьем новгородские пищальники, человек около пятидесяти. Государь «велел их отослати», но они стали «сопротивлятися», и произошло вооруженное столкновение их с государевой свитой («дворянами»). С обеих сторон было по пяти-шести убитых, и государя «не пропустили тем же местом к своему стану (по Пискаревскому летописцу, он был у Голутвина монастыря. — *С. Ш.*[15]) проехати, но объеха государь иным местом». И государь «по сем быть в сумнении» и повелел дьяку Захарову «о сем проведати», выяснить, «по чьему науку быть сие сопротивство». Тогда-то дьяк и представил виновниками столкновения бояр Кубенского и Воронцовых, тем более что Федор Воронцов, став приближенным государя, досадовал если «кого государь пожалует» без его «ведома». Князь великий, поверив дьяку и вспомнив прежние мздоимания этих бояр и «многие их сопротивства», в гневе положил на них опалу.

Здесь неуместно определять степень исторической основательности новой летописной версии (об этом можно прочитать в трудах Д. Н. Альшица[16], А. А. Зимина, И. И. Смирнова и других исследователей). Важно отметить, что именно в этой летописной вставке сформулировано особенно четко положение, характерное для историко-политического мышления редактора лицевой летописи: всякое более или менее массовое «сопротивство» является обязательно следствием подстрекательства, наущения высокопоставленных лиц — «а без науку сему быти не мощно». Так же объясняются и оцениваются события и во вставке в Ц о народном восстании в Москве в 1547 г. Подобный подход к явлениям общественно-политической истории — отличительная черта мышления Ивана Грозного, нашедшая отражение в его сочинениях (прежде всего в посланиях Курбскому) и в его практических действиях.

Пространный рассказ о событиях лета 1546 г. обусловил увеличение числа листов летописи, посвященных этим событиям. Очевидно, что таких заново оформленных листов было (или должно было бы быть) около десяти; но пока выявлено только два листа (с оборотами) с четырьмя миниатюрами: один из средних

и предпоследний. Между текстами этих листов при беглом чтении их подряд заметна кажущаяся логическая связь. М. М. Щербатов, возможно, потому и соединил их.

При перебелении листов Ц правленный уже текст снова редактировали. В этом легко убедиться, сравнивая текст л. 273 (первоначальный текст и текст правки) с текстом л. 680—680 об.

л. 273

«И повеле о сем проведати, по чьему науку бысть сие съпротивство, а без науку сему быти не мощно; и повеле о сем проведати дияку своему Василию Захарову, понеже он у государя бысть в приближении. Он же, неведомо каким обычаем, извести государю сие дело на бояр его на князя Ивана Кубенскаго и на Федора и на Василия Воронцовых...»[17]

л. 680—680 об.

«И повеле о сем проведати по чьему науку бысть сие сопротивъство, а без науку сему быти не мощно; а велел о сем проведати диаку своему Василию Григорьеву сыну Захарова Гнилиеву, понеже он у государя бысть в приближении. // И дияк Василей, неведомо каким обычаем, известил государю сие дело на бояр его на князя Ивана Кубеньского, да на Федора да на Василья Вороньцовых»[18].

Первоначальные листы Ц с большой правкой (о событиях 1546, 1547, 1553 гг.), т. е. листы «второй редакции», рассматривались как черновики новых листов. Однако приплетенные к первоначальной рукописи Ц перебеленные листы не были буквальной копией исправленных, «копией скорописного текста» приписок этих листов, как полагал готовивший издание Ц в ПСРЛ С. Ф. Платонов[19]. При создании новых листов текст снова подвергся редактированию. Очевидны по крайней мере три фазы редактирования текста после оформления первоначальных листов лицевой летописи. Сравнение текста перебеленных листов, на которых излагаются события лета 1546 г., с текстом приписки на л. 273 показывает, что текст снова редактировали[3*]. Правда, новая правка касалась только стиля изложения: заключалась в замене слов, изменении порядка слов. Но ведь до нас дошли лишь фрагменты перебеленного отрывка летописи о событиях лета 1546 г.; в частности, нет листов, излагающих эпизод столкновения с новгородскими пищальниками, а также взаимоотношения молодого государя и Федора Воронцова.

Миниатюры перебеленных листов Ц рисовал другой художник, обладавший, пожалуй, большим мастерством, чем автор миниатюр на л. 273—273 об. Художник этот склонен был к композициям многофигурным (и чем-то напоминал исполнителя рисунка на л. 274). Миниатюра л. 680 (см. рис. 13) отличается по композиции

[3*] Составитель Александро-Невской летописи не учел правки «третьей редакции»[20]. Быть может, не был знаком с ней?

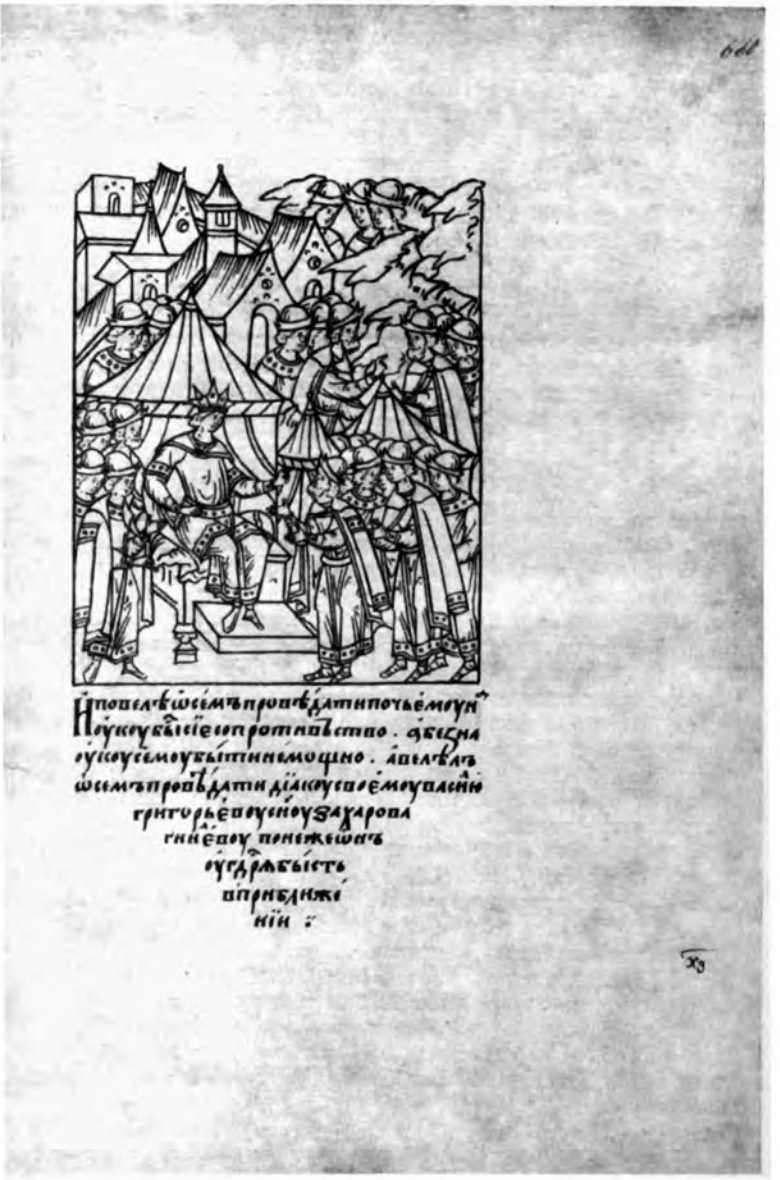


Рис. 13. Царственная книга, л. 680

Рис. 14. Царственная книга, л. 680 об.

Рис. 15. Царственная книга, л. 681

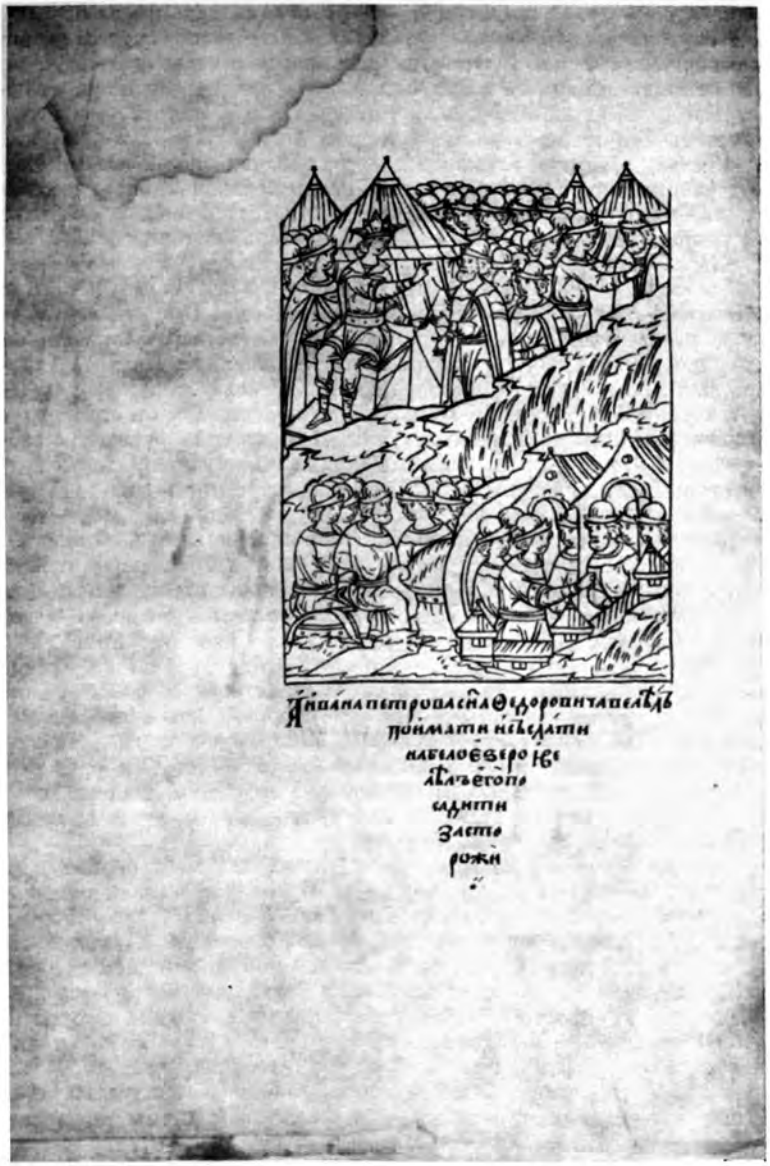


Рис. 16. Царственная книга, л. 681 об.

от миниатюры л. 273. Правда, не следует забывать, что это лишь одна из миниатюр, посвященных этому сюжету. Царь сидит на троне у походного шатра. Возможно, что трон и на самом деле был вынесен перед шатром, где государь и говорил со своими «думцами». Во всех четырех миниатюрах перебеленных листов, изображающих события лета 1546 г., именно походные шатры[21] (на л. 680 и 680 об. — на фоне зданий городского типа). Не означает ли это, что миниатюрист учел замечание на л. 271 Ц, где слово «поезде» было заменено словом «походе»? Возможно и воздействие Постниковского летописца, с текстом которого был знаком редактор Лицевого свода. Там читаем о том, что «велел князь великий на Коломне у своего стану перед своими шатры казнити бояр своих...». В Пискаревском летописце тоже отмечено, что полки стояли «по обе стороны реки» и «туто же учинилася казнь»[22].

Иван IV в короне — пятизубчатом венце (именно в такой короне его и изображали на миниатюрах). В короне он и на остальных перебеленных листах Ц — л. 664—683 об. Царским венцом Иван IV был венчан позднее — в январе 1547 г.[4*], но на миниатюрах Ц он часто нарисован в короне и на тех листах, где описываются события предыдущих лет, например на л. 168—170 об. и др. (Данные об этом приведены в статье В. В. Морозова[23].)

Слева и справа от государя — слуги и советники. Перед ним стоит дьяк Захаров-Гнильев в шапке и в парадной одежде. Иван IV отдает ему приказание («и повеле о сем проведати») характерным (известным по многим миниатюрам) повелевающим жестом. Справа, с обеих сторон еще одного шатра (меньшего, чем у великого князя), — две группы обсуждающих что-то людей. Во главе каждой из групп жестикулирующий бородатый человек. Быть может, это сцена выяснения дьяком Захаровым (тогда дьяком следует признать бородатого мужчину, повернутого слева направо), «по чьему науку бысть сие сопротивство». О «науке»[5*] («а без науку сему быти не мощно»), о сговоре бояр, наустивших якобы новгородцев к «сопротивъству», побуждает думать и изображение меж так называемых «лещадных площадок» трех (именно трех!) фигур наверху справа. Вероятно, это Кубенский и Ф. и В. Воронцовы.

На л. 680 об. (см. рис. 14) дьяк «извещает» государю «сие дело на бояр его». Это как бы продолжение (а частично и повторение) предыдущего рисунка. Иван IV также на троне, перед шатром. Он в короне и парадной одежде, хотя несколько и отличающейся от государевой одежды на миниатюре л. 680. Немного иначе изо-

---

[4*] Миниатюры сцены венчания в Ц Ивана IV царским венцом воспроизведены в книге Фр. Кемпфера[24].

[5*] Слово-термин «наука» («наук») употреблялось в Польских посольских книгах. Во время переговоров с польскими послами в 1566 г. царь говорил ответной боярской комиссии, чтоб они шли к послам «и о том им говорити, чтоб они науку государя своего изъявили»[25]. Отправляя послов на съезд с послами Стефана Батория в 1581 г., Иван IV дал «им полную науку о всех... делех»[26].

бражен и трон: видны ножки его (незаметные на предыдущем рисунке). Вокруг государева шатра люди. Перед Иваном IV — дьяк, уже без шапки и в плаще без парадных оплечий. Видно до пяти шатров. Справа вверху отделенные «лещадной площадкой» перед шатрами опять трое людей: на этот раз двое бородатых и один безбородый (на рисунке л. 680 все трое безбородые). Еще выше справа опять человеческие фигуры. Ограничивает рисунок снизу, видимо, лента реки — князь великий пошел на Коломну в судах, т. е. водой, и все происходило близ реки.

На л. 681 (см. рис. 15) изображены сцены расправы с Кубенским и Воронцовыми: несколько эпизодов — «повествовательных единиц» — разделенных и в то же время организованных воедино, — «лещадными площадками». В верхнем поле рисунка — шатры и множество людей: подчеркивается публичность действия. Перед левым шатром сидит Иван IV в царском венце и в парадной одежде. Он указующим жестом повелевает («и велел... казнити»). В группе людей перед ним — бородатый человек (возможно, дьяк Захаров). Справа у края миниатюры показано, как ведут троих людей с завязанными сзади руками. Впереди — бородатый, видимо, князь Иван Иванович Кубенский, знатнейший из них[27]. В отличие от миниатюры л. 273 об., осужденные повернуты в сторону государя. Быть может, это показывает, что он сам наблюдал за происходящим (или это должно рассматривать как знак «обратного движения», поражения бояр?[28]). Так же как на л. 273 об., изображены кол, две отрубленные головы; третий человек лежит в ожидании казни. Однако — и это тоже отличает данную миниатюру от того, что нарисовано на л. 273 об., — все осужденные обнажены до пояса (так же как на миниатюрах, изображающих казнь Мишурина в С и Ц казнь Глинского в Ц). Палач держит секиру обеими руками; за ним, как и в первоначальной миниатюре л. 273 об., — люди, соучаствующие в совершении казни (группа их склонилась в сторону палача, как бы повторяя ритм его движения). Среди них выделяется, возвышается даже, один бородатый — не дьяк ли Захаров? Любопытно отметить отсутствие (на миниатюрах л. и 273 об., и 681) священников, обычно отпускающих грехи осужденным. Современников действительно поразила такая казнь без покаяния: «И казнили их — всем трем головы посекли, а отцов духовных у них перед их концом не было», — отмечает Постниковский летописец[29].

На л. 681 об. (см. рис. 16) — текст, являющийся первой частью текста л. 274 — об опале И. П. Федорова. Текст л. 681 и 681 об. абсолютно совпадает с первоначальным текстом Ц, даже повторены своеобразное написание одного из слов («Белоезеро») и фамилия-отчество «Федорович». В верхней части рисунка — Иван IV, окруженный людьми, отдает распоряжение («велел»). Он в короне, сидит перед шатром в позе, несколько отличающейся от его позы на других рисунках этой сюиты. Четко прорисована одежда, особенно сапоги. Вокруг много людей. Великий князь обращается к группе стоящих (направо). Вперед стоящий (вероятно, опять-таки дьяк Захаров) что-то объясняет ему. В верхнем правом углу — сцена поимания (велено было «поимати») боярина Федорова, возможно в

его шатре (бородатый боярин на фоне шатра). Условная пейзажная полоса отделяет эту часть поля миниатюры от остальной. Здесь изображены две сцены. Слева — сцена ссылки (Федорова велено было «сослати»); Федорова со связанными сзади руками везут на лошади (видны часть гривы коня, богатая сбруя). И наконец, сцена заключения в тюрьму (велено было «посадити за сторожи»). Справа внизу — пространство, условно огороженное крепостной стеной, напоминающей стену на рисунке л. 274. Федорова вталкивают в дверь. Вталкивают, видимо, молодые люди в богатых одеждах — «дворяне» великого князя (о «дворянах» шла речь в приписке на л. 273). Сцена эта передана, пожалуй, менее выразительно, чем на рисунке л. 274.

Трудно объяснить, почему осужденные на смерть бояре нарисованы в большинстве случаев (и в первоначальных миниатюрах, и на перебеленных листах) безбородыми, а дьяк Захаров-Гнильевский[30], безусловно менее знатный, — везде с бородой. Свидетельство ли это исключительно высокого положения дьяка при дворе[6*], или, быть может, это знак наказания государем бояр, показатель «падения» их престижа? Ведь демоны, как и падшие ангелы, по наблюдениям Ф. И. Буслаева, часто изображались безбородыми[31]. А возможно, художники не столь строго придерживались определенного этикета в изображении различных лиц и обстоятельств. Известные отступления от определенной знаковой системы, непоследовательность в выборе «знака» для изображения уже отмечались исследователями. Лицевая летопись требует буквально полистного сравнительного изучения всех миниатюр. Только это позволит выявить разные пласты летописи, разных художников, отличающихся не только уровнем мастерства, но и степенью внимательности и последовательности в «обозначении» тех или иных явлений; поможет овладеть в деталях «кодом» миниатюриста Лицевого свода.

Примечания

[1] *Сухотин Л. М.* Иван Грозный до начала опричнины // Сб. Русского Археологического общества в Югославии. Белград, 1940. Т. 3. С. 70—71; *Веселовский.* Опричнина. С. 261—263; *Альшиц.* Источники. С. 132—133; *Смирнов И. И.* Очерки. С. 108—112; *Зимин.* Реформы. С. 268—271; *Шмидт.* Выпись. С. 117—118.

[2] ПСРЛ. Т. 29. С. 147.

[3] ДРК. С. 121—122; РК. С. 109—110; Разрядная книга 1475—1605. Т. 1. Ч. 2. С. 317, 319.

[4] *Зимин.* Дворцы. С. 190—199; *Назаров.* Учреждения. С. 86, 87.

[5] *Сергеева-Козина Т. Н.* Коломенский Кремль // Архитектурное наследство. М., 1952. Сб. 2; *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XII — начала XVI веков. М., 1962. С. 207 и сл.

[6] *Арциховский.* Миниатюры. С. 104.

[6*] Особенно заметное положение в конце 1546 г. занимал при дворе и его брат. По словам Постниковского летописца, среди тех, кого пригласили на смотр невест накануне свадьбы Ивана IV, были казначей Ф. И. Сукин «да диак Яков Григорьев сын Захаров»[32].

[7] ПСРЛ. Т. 13. С. 449.
[8] *Лихачев Д.* С. Поэтика. С. 40.
[9] ПСРЛ. Т. 13. С. 149; Т. 20. С. 467; Т. 29. С. 48, 147; Т. 34. С. 180.
[10] ПСРЛ. Т. 34. С. 189.
[11] *Арциховский.* Миниатюры. С. 118; *Kämpfer F.* Dikanikion — Posox: some considerations on the Royal Staff in Muscovy // Forschungen zür Osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1978. Bd. 24.
[12] *Лихачев.* Поэтика. С. 41.
[13] ПСРЛ. Т. 34. С. 27.
[14] См.: *Подобедова.* Миниатюры. С. 200.
[15] ПСРЛ. Т. 34. С. 189.
[16] *Альшиц.* Источники. С. 132—133.
[17] ПСРЛ. Т. 13. С. 449.
[18] Там же. С. 532.
[19] Там же. С. 529. Примеч. 3; С. 532. Примеч. 2.
[20] ПСРЛ. Т. 29. С. 147.
[21] Об изображении шатров см.: *Арциховский.* Миниатюры. С. 69.
[22] ПСРЛ. Т. 34. С. 27, 189.
[23] *Морозов В. В.* Иван Грозный.
[24] *Kämpfer Fr.* Das russische Herrscherbild. Recklinghausen, 1978 (рисунки 106—118).
[25] РИО. Т. 71. С. 370.
[26] *Савва.* Посольский приказ. Вып. 1. С. 121.
[27] О происхождении, служебной карьере и земельных владениях этих бояр см.: *Зимин.* Боярская дума. С. 54—58.
[28] См.: *Лихачев Д.* С. Поэтика. С. 43.
[29] ПСРЛ. Т. 34. С. 27.
[30] О дьяке В. Г. Гнильевском см.: *Веселовский.* Дьяки. С. 118—119.
[31] *Буслаев.* Очерки. Т. 2. С. 227 («Древнерусская борода»).
[32] *Тихомиров.* Летописание. С. 180; ПСРЛ. Т. 34. С. 28.

Послесловие

Изучение во взаимосвязи текста (и первоначального, и редакционных изменений) и миниатюр Лицевого свода, к тому же в сопоставлении с данными других источников, убеждает в справедливости положения современной теории источниковедения о том, что информация, намеренно включенная в исторический источник, является лишь частью информации, которую доносит до нас источник о своем времени[1].

Помимо «намеренной» информации, для передачи и закрепления которой был создан источник, в источнике содержится и «ненамеренная» информация, обусловленная принадлежностью его к той или иной социальной, культурной среде, приверженностью его создателя определенным традициям документообразования, словесного и художественного изображения.

Характерная черта информации — ее нестатичность. Изменяются и потребности в ней, и возможности ее получения и усвоения. С одной стороны, существует временной интервал — иногда очень длительный — между прямым функционированием рукописи и периодом, когда она начинает осознаваться как исторический источник, как памятник культуры, к которому исследователь предъявляет определенные требования как к источнику исторической (или историко-культурной, эстетической и т. д.) информации; с другой стороны, все более заметен разрыв между современной цивилизацией, современными формами мышления и поведения и культурой, представлениями о шкале ценностей далекого прошлого. И это мешает восприятию элементов прежних коммуникативных связей. В книге предпринята попытка приблизиться к пониманию современной источникам XVI в. системы передачи информации и восприятия ее людьми той поры — и создателями источников, и их «читателями».

Подтверждается и основательность мысли о том, что совсем не так велика пропасть между методами науки и искусства (о чем Ю. Н. Тынянов писал еще в 1929 г.)[2]. И путь создания аппарата, необходимого для исследования, — междисциплинарный подход к изучению проблемы, объединение методов, разработанных в разных областях познания.

Лицевой летописный свод действительно есть основания, вслед за А. Е. Пресняковым, назвать «Московской исторической энциклопедией XVI века»: и из-за

информации, которую тогда давали лицевые летописи об исторических (или признававшихся историческими) явлениях, и потому, что они могут дать ученым нашего времени для создания представлений об общественно-историческом мышлении, исторических знаниях людей XVI в., о способах, — «обычае», как выражались в ту пору, — передавать и извлекать историческую информацию.

Задача этих источниковедческих этюдов — не только пополнить наши конкретные знания о государственно-политической истории, истории общественного сознания России XVI в., истории древнерусской литературы и искусства, но и проверить методику научных поисков, определить направления и возможные перспективы дальнейших исследований, подтолкнуть к новым архивным изысканиям и размышлениям. Путь науки — это путь исканий!

Примечания

[1] *Медушевская О. М.* Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977. С. 69—70; *Она же.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983. С. 20; *Курносов А. А.* К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории, 1976. М., 1977. С. 24—25; *Ковальченко И. Д.* Исторический источник в свете учения об информации. К постановке вопроса // История СССР. 1983. № 5. С. 133 и сл.

[2] ПКНО: Ежегодник, 1974. М., 1975. С. 141.

О ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ XII—XVI СТОЛЕТИЙ

«Слово о полку Игореве» и развитие понятия о памятнике культуры*

«Слово» стало известно широкому читателю лишь через 600 лет после создания, но к нему сразу же пришла слава. Едва ли найдется другое художественное произведение столь небольшого объема (около $^1/_4$ печатного листа), которое бы вызвало такую обильную научную литературу. Круг вопросов, затронутых в работах, посвященных произведению, необычайно широк. Только за последние годы советские ученые выступили с многочисленными научными и популярными работами о «Слове». Эта статья ограничивается преимущественно одним аспектом многогранной проблематики изучения «Слова о полку Игореве» — его роли в становлении и развитии общечеловеческих понятий о памятнике культуры.

Всем нам в той или иной степени свойственны историзм и ассоциативность мышления. Характеризуя, оценивая что-либо, человек всегда сравнивает новое с уже известным. И чем он образованнее, тем обширнее и разнообразнее круг ассоциаций. Они не ограничиваются просто явлениями прошлого, но включают исторический опыт, а нередко и научно обоснованные исторические знания, определяющие общественные воззрения, практическую деятельность людей.

В. И. Ленин часто обращался к историческому опыту и любил выражение «уроки истории». Но при этом подчеркивал, что «невозможно вспоминать о прошлом, не думая о настоящем и будущем».

В нашей стране, с ее долгой историей, наполненной значительными деяниями, в век радио и телевидения, все чаще обращаются к давним истокам современной жизни. Интерес к познанию прошлого — отнюдь не удел специалистов, а одна из главных опор самообразования. Это и сознательный отбор того, что следует помнить самим и передать по наследству. Причем отбор разный: для семьи или друзей, сверстников или людей другого поколения, селения или города, страны или всего человечества. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что подавляющее большинство из безмерного числа исторических источников возникло вследствие обычных обстоятельств и потребностей: в написании письма, оформлении до-

---

* Впервые опубл. в журнале: Наука в СССР. 1986. № 6. С. 94—103 (на рус. и иностр. языках).

говора, составлении документа, нужного для организации учета, выполнении учебного задания и т. п. Сравнительно немногие созданы с целью сохранения памяти о чем-то или ком-то. Но и среди них очень малое число выдерживает испытание временем и надолго переживает современников.

Это — памятники исключительного историко-культурного значения. Самые замечательные из них оказываются созданными для вечности и с распространением культуры становятся достоянием все большего числа людей. К таким редким памятникам принадлежит и «Слово о полку Игореве», пленившее не одно поколение и в нашей стране, и за рубежом. Знакомство с ним доставляет огромное эстетическое наслаждение и укрепляет нас в основополагающих этических представлениях — о долге, о любви к Отчизне, о важности содружества и мира на Земле, о мужестве и преданности любимому, о неразделенности жизни человека и природы.

Для литературоведов и языковедов «Слово» — высочайший образец древнерусской литературы и признанный шедевр литературы всемирной, ценнейший источник изучения древнерусского языка. Для историков — незаменимый источник познания Древней Руси, ее государственно-политической истории, общественного сознания, кругозора наших предков, еще в большей мере утверждающий нас в представлении о Древней Руси как об одном из значительных культурных регионов средневековья.

«ТЕМНЫЙ ПОХОД НЕИЗВЕСТНОГО КНЯЗЯ»

«Слово о полку Игореве» — не просто памятный рассказ о знаменательном событии, оно само сделалось событием. Поражение войска князя Игоря Святославича, даже его пленение, ни по впечатлению на современников, ни по последствиям не могут сравниться, скажем, с поражением русских войск на реке Калке или с победоносным сражением на льду Чудского озера. Да и государственно-политическая деятельность князя Игоря не идет ни в какое сравнение с деятельностью Владимира Мономаха, Андрея Боголюбского (с чьим именем связано возвышение Владимиро-Суздальской Руси как раз в те годы, когда впервые упомянута в летописи Москва). А. С. Пушкин дал великолепное по точности определение повода к созданию «Слова»: «темный поход неизвестного князя». Если бы не «Слово», князь Игорь так бы и затерялся в череде других удельных правителей, воевавших и друг с другом, и с кочевниками; князей, деятельность которых детально охарактеризована в монографии академика Б. А. Рыбакова «"Слово о полку Игореве" и его современники».

Безусловно, песни, «трудные повести» славы и печали создавались в XI—XII веках и после других военных походов. Но «Слово о полку Игореве» выделилось особой силой таланта его творца (или творцов) и тем поразило современников. Оно явилось, видимо, и новаторским произведением, отличающимся от традиционных, восходящих еще к творчеству «песнетворца» Бояна, и воспринималось

как победа нового литературного стиля, как его высочайший образец и пример для подражания.

Главное же то, что это «повесть» не только о недавнем событии, а об исторических связях настоящего с прошлым и даже с будущим, что герой ее не князь и даже не «полк Игорев», а «земля Руская», ее историческая судьба. Тема «Слова» — не столько описание событий 1185 года и размышления по этому поводу (хотя они конкретны и политически четки), сколько образное обобщение представлений о человеке и природе, об общественно-государственной жизни. Основной интерес был у слушателей «Слова» не к тому, что происходило с людьми, о которых шла речь, а к самому художественному творению; завораживающее впечатление возникало не от того, о чем рассказано, а от того, как это осмыслено и мастерски сделано.

«Слово о полку Игореве» стало символом великого поэтического произведения героико-исторического жанра (как подвиги Ильи Муромца — символом могущества и великодушия богатырей, а правление Владимира Мономаха — мудрости государя и величия государства) и, значит, способствовало становлению взгляда на создание настоящих культурных ценностей как на историческое деяние, достойное увековечения.

Его распространение на Руси, закрепление в памяти и изучение — интереснейшие страницы истории нашей культуры. Маловероятно, чтобы оно сразу же было создано таким, каким известно ныне. Скорее всего, «Слово» предназначалось для восприятия на слух и, видимо, для исполнения перед многими слушателями (об этом писали ученые еще в XIX в.). Но тогда оно, подобно былинам и историческим песням, постоянно обрастало устными преданиями и теряло какие-то первоначальные элементы. Однако основа произведения казалась нашим далеким предкам столь совершенной, что, делая какие-либо изменения и дополнения, они всегда стремились достичь такого же совершенства.

Итак, создавалось «Слово» (вероятнее всего) как устное произведение. Тем не менее записано оно был очень рано и вошло в древнерусскую письменность, хотя по жанру и, главное, по насыщенности языческой образностью не могло быть включенным в ряд так называемых «четьих книг», отличающихся религиозно-назидательной направленностью.

Сложившееся в период, когда уже существовала богатая литература, проникнутая господствующим христианским мировоззрением, «Слово о полку Игореве» не могло бы возникнуть без освоения идейных и лексических особенностей этой литературы, без знания летописей, «Поучения» Владимира Мономаха, посланий — памятников торжественной ораторской прозы. Но оно вобрало в себя и былинный дух «вещаний», восходящий к «песнетворцам» по крайней мере X столетия. К. Маркс, подчеркивая «героически-христианский характер» «Слова», верно указал, что там «языческие элементы выступают еще весьма заметно». И именно это, быть может, особенно притягивало к памятнику. Текст, в котором явственно

обнаруживаются фольклорные представления, по своему происхождению и бытованию еще дохристианских литературных памятников, продолжали воспроизводить, переписывать, т. е. считали нужным знать самим и передать потомству. Судьба «Слова о полку Игореве» — показатель глубочайшего уважения к книжности в Древней Руси, воспетой и в «Повести временных лет» (где написано, что книги «суть реки напояще вселенную, се суть исходища мудрости»), и в других памятниках древней письменности. Уже тогда знали, что самое ценное в словесности должно быть запечатлено в рукописи. Понимали, что только зафиксированное письменно сохранится для будущего. Судьба «Слова», записанного в XII веке (во всяком случае не позднее XV — начала XVI в.), — это торжество книжной памяти, подарившей нам великое творение XII века, а с конца XVIII века помогающей приобщать к нему миллионы читателей.

Воздействие «Слова о полку Игореве» на развитие древнерусской литературы очевидно. Следы знакомства с ним обнаруживаются во многих литературных памятниках более позднего происхождения: выявлены и образные выражения (цитаты), характерные для него, и стилистические особенности. Несомненно и воздействие «Слова» на исторические сочинения — летописи (хотя в то время еще не было деления на собственно литературно-художественные и исторические сочинения, потому правильнее говорить о воздействии на памятники исторической мысли). Описание похода 1185 года в киевской летописи конца XII века сделано едва ли не под впечатлением знакомства с памятником литературы (в летописи упоминается даже река Каяла) и, быть может, именно потому столь подробно, что во всех деталях оно было «на слуху» у современников.

Замечательное творение русской культуры, по мнению исследователей, создавалось на юге Руси (впрочем, единства мнений — в каком из русских княжеств — нет: упомянуты князья южной, юго-западной и северо-восточной части страны). А дошло оно до нас в рукописи Северо-Западной Руси. Там же в рукописях XIV века обнаружены цитаты из «Слова». Его влияние заметно в знаменитом «Слове о погибели Русской земли», созданном, очевидно, в 40-е годы XIII века во Владимиро-Суздальской земле, в «Задонщине», написанной в подражание «Слову» в конце XIV века после великой победы над ордами Мамая на поле Куликовом (автором «Задонщины» считают жителя Рязанского княжества, скорее всего, выходца из среды брянских бояр). Следовательно, в XIII—XVI веках со «Словом» — в устном и письменном виде — были знакомы в землях, достаточно отдаленных от места его создания.

«...И ДО НЕГО БЫЛИ В РОССИИ ВЕЛИКИЕ ПОЭТЫ...»

Данные о гибели памятников письменности в Древней Руси обобщены в исследовании «Книга в России в XI—XIII вв.» В. В. Сапунова. Они погибали от пожаров, неумелого хранения (хотя рукописные книги почитались особой ценностью, их берегли вместе с сокровищами в каменных помещениях) и особенно от

войн. С середины XI века по 1238 год известно около восьмидесяти междуусобных княжеских войн и множество нападений кочевников.

Во второй четверти XIII века Восточная и Южная Русь подверглись страшному опустошению полчищ монголо-татар. Этот смерч унес великое множество людей, уничтожил почти все памятники культуры. Уцелели лишь немногие каменные здания — преимущественно храмы. Погибли буквально все рукописи[1*]. Значит, «Слово о полку Игореве» успели признать достойным распространения еще в 30-х годах XIII века. Более того, в страшную годину бедствий и пленения Русской земли память чаще прежнего могла обращаться к произведению, суть которого, по определению К. Маркса, «призыв русских князей к единению».

Распространение «Слова о полку Игореве», знакомство с ним во всех русских землях — еще одно свидетельство того, что взаимодействие восточнославянских земель, культура и язык которых восходят к единой основе, сохранялось и в период тяжелого иноземного ига. Самые значительные из памятников культуры становились достоянием жителей «всея Руси», и, вероятно, эта традиция в особой степени способствовала развитию в XIV—XVII веках представлений о задаче воссоединения всех земель — «отчин и дедин» — под властью государя единого Российского государства.

И в начале XVIII века, когда, казалось бы, начал изменяться привычный быт, в систему обучения и в словарь вошло много иноземного, интерес к древнему периоду отечественной истории утрачен не был. Данное обстоятельство отразилось в известных указах Петра I о собирании и сохранении памятников древности, в том числе письменности. «Птенцом Петровым» был В. Н. Татищев — автор первой научной истории России, для составления которой он собрал и изучил множество памятников старинной письменности. Его великий младший современник, крупнейший ученый-энциклопедист и организатор науки XVIII столетия М. В. Ломоносов[2*] написал «Древнюю Российскую историю», доведенную до 1054 года, т. е. до кончины князя Ярослава Мудрого. Во «Вступлении» к ней М. В. Ломоносов писал: «По сему всяк, кто увидит в российских преданиях равныя дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности» и призывал будущих историков сделать известными потомству заслуги их предков. Во второй половине XVIII века развернулась деятельность по выявлению и описа-

[1*] В первом выпуске сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (1984 г.), подготовленной Археографической комиссией Академии Наук СССР при участии многих библиотек, музеев, архивов, учтено около 510 рукописных книг XI—XIII веков и их фрагментов. Полагают, что среди них нет ни одной из находившихся на занятой завоевателями территории.

[2*] См.: *Карпеев Э. П.* Михаил Васильевич Ломоносов // Наука в СССР. 1981. № 6. — *Прим. ред.*

нию архивных материалов. Большой читательский успех получили тома «Древней Российской вивлиофики» — первого крупного издания письменных источников по русской истории, предпринятого знаменитым просветителем Н. И. Новиковым. И потому, когда в конце столетия в Ярославле образованнейшим Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным была обнаружена рукопись с текстом «Слова о полку Игореве», общественность сразу же оценила ее значение и как литературного памятника, и как источника познания истории Руси. Текст переписали для императрицы Екатерины II (1796 г.). Его сразу же использовали при составлении трудов по отечественной истории и языкознанию. Спустя несколько лет стараниями молодого Н. М. Карамзина открытие стало достоянием зарубежных читателей. Отметим, что при упоминании о Бояне будущий выдающийся русский историк со свойственной ему научной проникновенностью писал: «Следовательно, и до него (создателя «Слова о полку Игореве». — *Прим. авт.*) были в России великие поэты, которых творения поглощены веками». К подготовке издания «Слова» привлекли виднейших археографов и знатоков архивных документов.

Конечно же, все они при переписке, комментировании и печатании текста могли опираться лишь на опыт, накопленный учеными к концу XVIII века, — на знания (если воспользоваться терминами современной науки) палеографов, текстологов, археологов, историков, литературоведов, языковедов, географов той поры. А ведь «Слово» буквально соткано из ассоциативных сравнений и напоминаний — их смысл и значение полностью доступны были лишь современникам. В тексте, написанном слитно, без разделения на фразы и слова, с сокращениями, могли не сразу все разобрать и объяснить, не заметить перестановки или утраты листов. Могли ошибаться переписчики конца XVIII века и наборщики в типографии. (В печатном тексте и копии, переписанной для императрицы, обнаруживаются некоторые разночтения.) А если учесть, что в Средние века было в обычае (даже иногда и в церковно-канонических сочинениях) «обновлять» текст, произвольно заменять малопонятные места, то немудрено, что в «Слове» обнаруживается немало так называемых «темных мест», толкование которых вызывало и будет вызывать споры. Но издание «Слова о полку Игореве» в 1800 году сохранило памятник для будущего. И мы должны быть глубоко признательны тем, кто взял на себя подготовку такого труда. Не будь этой работы, человечество могло бы утратить память о великом шедевре мировой литературы, единственный пока древний список рукописи которого погиб во время пожара войны 1812 года, еще раз подтвердив справедливость мысли автора «Слова» о гибельности войн для человечества, для культуры.

Велика роль памятника в развитии изучения Древней Руси, древнерусской культуры. Открытие его для ученого и литературного мира произошло в то время, когда совершался переворот в отношении оценки истории средневековья и стали понимать, что истоки некоторых достижений культуры нового времени следует искать не только в античности и в Ренессансе (т. е. в «возрождении» античности), но

и в культуре Средних веков. К тому же, именно в начале XIX века благодаря «Истории государства Российского» Карамзина познания о средневековой Руси у так называемой широкой публики существенно обогатились. «Древняя Русь, — восклицал Пушкин, — казалась найдена Карамзиным, как Америка Колумбом». «Слово о полку Игореве» явилось дополнительным толчком к познанию этого времени, к выявлению и изучению других памятников культуры, повлияло на развитие исторической образованности, не говоря уже о его неослабевающем воздействии на художественную литературу, особенно поэзию — прежде всего ее язык и образность.

А. С. Пушкин не только использовал образы «Слова» (вспомним Бояна уже в ранней его поэме «Руслан и Людмила»), но и специально изучал текст, первые переводы, труды, посвященные ему, и сам готовил такой труд — научно-литературоведческий и текстологический. Именно «Слово о полку Игореве» в значительной мере побудило великого русского поэта, занятого в последние годы жизни историческими исследованиями (Пушкин казался современникам наиболее выдающимся историком послекарамзинского периода), к серьезным занятиям и в области истории литературы.

Сохранилось несколько высказываний Пушкина о «Слове», о месте его в древнерусской литературе: и в заметках 1830—1834 годов, не предназначенных для печати (и, следовательно, не отредактированных автором), и в набросках — заготовках работы исследовательского характера, специально посвященной «Слову», датируемых пушкинистами 1836 годом. Известно также о его публичном споре в Московском университете со скептиками, сомневавшимися в подлинности «Слова» (об этом, в частности, позднее вспоминал писатель И. А. Гончаров, бывший тогда студентом), и — по воспоминаниям — о его занятиях «Словом о полку Игореве» в последние месяцы жизни.

Знаток языка и истории Древней Руси, литературы и истории России XVIII века, Пушкин считал, что подлинность «Слова» доказывается «духом древности, под который невозможно подделаться». Сразу же поняв: «Слово» — высочайшая вершина древнерусской литературы, исключительный по совершенству памятник, Пушкин первоначально полагал, что оно возвышалось «единственным памятником в темной степи старинной словесности». Однако постепенно взгляды поэта, по мере все большего включения в сферу его интересов русской истории и древнерусской литературы, овладения приемами исследования в области исторических и филологических наук, претерпевали изменения.

Если в 1830 году Пушкин говорил, что «к сожалению, старинной словесности у нас не существует» и «словесность наша явилась вдруг в XVIII столетии», то четыре года спустя, продолжая придерживаться мысли «о ничтожестве литературы» допетровской Руси, он уже пишет: «"Слово о полку Игореве" возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности». То есть речь идет не о «единственном» (как ранее), а об «уединенном» памятнике, не о «степи», а о

«пустыне» (под этим словом можно подразумевать не только пустую, лишенную обитателей, но и опустошенную местность).

Видимо, не без влияния знакомства с III томом «Истории» Карамзина Пушкин употребил в 1830 году запомнившееся ему определение «единственный» к «Слову о полку Игореве». Но лишь позднее приблизился к пониманию Карамзиным места и значения «Слова» в истории культуры Древней Руси, своеобразия его «единственности». Когда Карамзин впервые сообщил о «Слове» в журнальной заметке 1797 года, он писал об «отрывке поэмы», т. е., очевидно, подразумевал не только неполноту знаний своих современников о поэзии Древней Руси, но и о первоначальном тексте самого «Слова о полку Игореве». В III томе «Истории государства Российского» Карамзин развил некоторые положения, кратко сформулированные ранее: «...К несчастью, песни Бояновы и, конечно, многих иных стихотворцев исчезли в пространстве семи или осьми веков, большей частью памятных бедствиями России: меч истреблял людей, огонь — здания и хартии. Тем достойнее внимания "Слово о полку Игореве", будучи в своем роде единственным для нас творением» (*выделено авт.*), и потому предложил пересказ содержания «Слова» и привел переводы некоторых его мест, так как они «дают понятие о вкусе и пиитическом языке наших предков».

Знаменательно и то, что в вводной части готовящегося Пушкиным к печати сочинения «Песнь о полку Игореве» мысли о «Слове» как о единственном памятнике древнерусской литературы и вообще об отсутствии литературы в России до XVIII века места уже не нашлось. Завораживающая поэта сила произведения была такова, что побудила его к сравнительно-филологическим изысканиям. В это время Пушкин не просто замыслил создать труд о «Слове», приближающийся по типу к почитаемому тогда в ученых кругах и России, и Запада труду А.-Л. Шлецера о древнерусских летописях, а, основательно подготовившись, приступил к этой работе.

ВОЗРОЖДЕНИЕ «СЛОВА»

Даже великий Пушкин не мог 150 лет назад предвидеть, насколько расширятся и углубятся знания о культуре Древней Руси. Ведь не были известны многие памятники древнерусской литературы, достойно заполнившие «Изборник», — том в недавно изданной «Библиотеке всемирной литературы», — прославленные ныне произведения древнерусской живописи и прикладного искусства. Ведь и «Очерк России» В. В. Пассека, и прибавления к губернским ведомостям, описывавшие наиболее значимые в художественном отношении местные достопримечательности, и труды Ф. И. Буслаева о русской иконописи и миниатюрах, о взаимосвязи и взаимовлиянии литературы, языка и изобразительного искусства появились после смерти поэта. А как углубились и интенсивно расширились в последние пять десятилетий наши представления о Древней Руси, о всемирно-историческом значении ее культуры — колыбели культуры русского, украинского и белорусского народов!

Прежде всего стало очевидным, что имелся определенный социально-экономический базис для создания и развития столь высокой культуры. Благодаря трудам академика Б. Д. Грекова и его последователей, историков и археологов, утвердилось представление, что Древняя Русь была страной достаточно высокоразвитого по тем временам земледелия и там господствовали феодальные отношения. Исследования академика М. Н. Тихомирова, а также более поздние убедительно показали, что Древняя Русь была страной высокоразвитых по тому времени городов, становившихся зачастую и очагами народных движений. (Кстати сказать, тема последней работы, задуманной этим большим знатоком культуры Древней Руси, «Историко-географический кругозор автора "Слова о полку Игореве" как произведения XII века» — название доклада, заявленного Михаилом Николаевичем в 1965 году для Международного конгресса славистов.) Академик Б. А. Рыбаков, широко известный и как автор исследований о «Слове», обосновал положение о том, что Древняя Русь была страной высокоразвитого для того времени ремесла. Новгородская археологическая экспедиция, руководимая членами-корреспондентами АН СССР А. В. Арциховским, а затем В. Л. Яниным, впервые столь детально изучает крупный средневековый город[3*]. Именно там сделано поистине открытие века — обнаружены берестяные грамоты (ныне найденные и в других древних городах); тем самым выявлена и достаточно высокая степень грамотности жителей Древней Руси. Труды литературоведов, историков искусства убедительно показали, что в Древней Руси высокого уровня для средневековья достигли литература и искусство. Достаточно назвать храмы XI века в Киеве, Чернигове, Новгороде, храмы второй половины XII века — дивную церковь Покрова на Нерли, Успенский и Дмитриевский соборы во Владимире, фрески церкви Спас-Нередицы в Новгороде, напомнить о раскрытии символики и расшифровке ребуса настенной скульптуры храма в Юрьеве-Польском, воздвигнутом в канун монголо-татарского нашествия. (Вообще, сравнительное рассмотрение образности «Слова о полку Игореве» и древнерусской скульптуры кажется особенно перспективным.)

Только в недавнее время закрепилось представление об определенной степени зависимости памятника (его происхождения, содержания, формы) и его судьбы от возможностей его восприятия и оценки (сначала современниками, а затем и потомками). Следовательно, в Древней Руси имелась такая общественная среда, где ощущалась потребность в подобных памятниках культуры и где способны были оценить их, выделить достойные хвалы и подражания образцы. Значит, академик Д. С. Лихачев имел все основания озаглавить свою книгу: «"Слово о полку Игореве" и культура его времени».

Несомненно, «Слово» — не историческая случайность, а плод развития на Руси письменной литературы, фольклора, языка, результат взаимосвязи словесности и искусства (изобразительного, музыкального), а также, вероятно, постижения

[3*] См.: *Янин В. Л.* Новгород: загадки и открытия // Наука в СССР. 1984. № 4. — *Прим. ред.*

образцов иноземной культуры (Византии, народов Востока и др.). Нива древнерусской словесности и искусства, теперь это можно с уверенностью утверждать, была не бедной, но опустошенной — до нас дошла ничтожно малая часть памятников «светло светлой и украсно украшенной Русской земли».

И потому, когда думаешь о «Слове», ощущаешь не только гордость от того, что на нашей земле было создано и сохранено такое чудо, радость, что это богатство стало нашим достоянием, но испытываешь и... печаль, горькое сожаление. Сколько же чудесного из того, что видели, читали, слушали современники «Слова о полку Игореве», погибло безвозвратно! Скольких драгоценностей мы не досчитались! С этим невозможно примириться так же, как с ранней гибелью Пушкина, Лермонтова, Грибоедова...

Наконец, следует особо подчеркнуть: и сегодня «Слово о полку Игореве», более чем какой-либо другой памятник древнерусской культуры, воздействует на формирование наших первичных представлений о Древней Руси, ее культуре. Оно, действительно, влияет на становление в юные годы и художественного вкуса, и общеэстетических понятий, и памятникоохранительных представлений, помогает осознать необходимость в обращении к давнему культурному наследию. Таким образом, «Слово» формирует основы нашей исторической образованности, интереса к истории, «уважение к древности», обязательное для подлинной культуры, о котором говорил Пушкин.

Образные выражения из «Слова о полку Игореве» прочно вошли в язык художественной литературы, в наш обиходный язык, воспринимаются как афоризмы, концентрирующие в себе народную мудрость. Особенно важно (и это отмечено учеными) то, что в нем нет места ненависти и презрению к другим народам (что характерно для многих других произведений средневековья); оно воспитывает не только патриотизм, но и, говоря современным языком, — интернационализм. В этом отношении глубоко гуманистическое «Слово», а также всемирно известное музыкальное воплощение его в опере Бородина «Князь Игорь» созвучны нашему современному мировоззрению.

Поразительно то, что уже в «Слове о полку Игореве» мы обнаруживаем черты, типичные для великой русской классической литературы, и элементы мышления, как бы предвосхищающие наш современный ход мысли (историзм с редкостной широтой хронологического, а также и пространственно-географического диапазона, богатейшая, одновременно и очень конкретная, и символически-утонченная ассоциативность, представление о «знаке» — исторически конкретном образе, являющемся в то же время и образом-символом). В гениальном памятнике литературы XII века видим уже и синтетическое восприятие, и отображение во взаимосвязи человека и природы, лирического и эпического, т. е. начало той линии развития великой литературы, которая восходит к «Войне и миру» Л. Толстого. С обогащением наших знаний о классической отечественной литературе нового времени мы все

заметнее ощущаем воздействие на нее образности ритмики «Слова», причем и в поэзии, и в прозе — начиная по крайней мере с сочинений Гоголя.

В биографии «Слова о полку Игореве» слились как бы две жизни: до возрождения на рубеже XVIII и XIX веков и после него. И такое возрождение «Слова» к новой, уже вечной жизни способствовало укреплению веры в важность труда ученых, обогащающих нас сокровищами мировой культуры, ибо именно наука — археография, источниковедение, филология — вернула людям это литературное чудо, помогла увидеть истоки будущей великой литературы.

Связь времен — основа развития культуры. Верстовыми столбами на ее пути стоят вехи — великие памятники. Увидеть и понять эти вехи во многом помогает раннее знакомство со «Словом о полку Игореве», ставшим символом прошлого, вошедшего в современность.

Предисловие к публикации «Продолжение Хронографа редакции 1512 года»*

«Продолжение Хронографа редакции 1512 года» содержит в себе русские летописные известия с 1451 по 1551 г., непосредственно примыкающие к основному тексту Хронографа (к гл. 207). Летопись эта, названная С. П. Розановым «Хронографической летописью», сообщает новые и ценные сведения по истории Русского государства XV—XVI вв., особенно за первые годы правления Ивана Грозного. В частности, в ней приведено единственное пока в наших источниках известие о «соборе» весны 1549 г.

«Хронографическая летопись» опубликована в Приложении II к т. XXII Полного собрания русских летописей. За годы 1486—1551 летопись напечатана по единственному известному тогда издателям дефектному списку рубежа XVII—XVIII вв., причем издана, как указывает С. Ф. Платонов, «не вполне исправно»[1*]. Поэтому, несмотря на ценность содержащихся в летописце сведений, исследователи вынуждены были пользоваться ими с особой осторожностью, и известия «Хронографической летописи» до сих пор еще недостаточно вошли в научный обиход. Мы публикуем рукопись за указанные годы по списку середины XVI в. Она находится в собрании рукописного отдела Государственного исторического музея, куда поступила вместе с другими рукописями Е. Барсова (шифр Б. 1799)[2*]. Таким образом, публикация рукописи впервые дает возможность познакомиться с подлинным текстом «Продолжения Хронографа редакции 1512 года», написанным современником многих рассказываемых событий.

Исследователям, подготовлявшим к изданию т. XXII Полного собрания русских летописей, «Хронографическая летопись» была известна в двух списках: спи-

---

* Впервые опубл. в кн.: Исторический архив. Т. VII. М.; Л., 1951. С. 254—258.

[1*] *Платонов С. Ф.* Иван Грозный. Пгр., 1923. С. 61. Примеч. 1.

[2*] На эту рукопись обратил мое внимание М. Н. Тихомиров, впервые в исторической литературе отметивший ее научное значение. В своем курсе «Источниковедение истории СССР» М. Н. Тихомиров кратко охарактеризовал рукопись, определил время составления летописи (середина XVI в.), этим же временем датировал список и привел из него выдержку о московском восстании 1547 г. (*Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. Т. I. М., 1940. С. 134, 162).

ске XVI в. из рукописного собрания Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (собрание М. П. Погодина, шифр П. 1443) и в списке рубежа XVII—XVIII вв. из рукописного собрания Государственной библиотеки им. Ленина (Музейное собрание, шифр М. 607), причем список XVI в. механически обрывался после известий 1485 г. В т. XXII Полного собрания русских летописей «Хронографическая летопись» издана за 1452—1485 гг. по рукописи П. 1443 с учетом некоторых из многочисленных разночтений рукописи М. 607, а за годы 1486—1551 — только по рукописи М. 607. Описание этих рукописей дано во введении к т. XXII Полного собрания русских летописей и в изложении доклада С. П. Розанова «О приложениях к изданию Хронографа редакции 1512 г.»[3*]

Сличение рукописей П. 1443 и нижепубликуемой Б. 1799 показывает, что последняя, несомненно, является непосредственным продолжением рукописи П. 1443, ее утраченной частью. Рукопись Б. 1799 начинается как раз с середины той фразы, которой обрывается рукопись П. 1443. Рукопись П. 1443 заканчивается следующими словами: «Того же лета августа в 31 день священна бысть церковь на митрополиче дворе Пречистыя ризположение. В лето...» (л. 827 об.). Последние слова последней строки в рукописи П. 1443 («В лето») написаны киноварью; теперь они слабо различимы, так как были затерты (быть может, владельцем или продавцом рукописи, желавшим придать ей законченный вид). Рукопись Б. 1799 начинается тоже со слов, написанных киноварью: «6995-е месяца сентября в 21 день в 7 час нощи». Дата 6995 помещена у самого края верхней строки. Слева на полях, на уровне верхней строки другим почерком, и не киноварью, а чернилами, приписано слово «Лета». Других подобных приписок на полях рукописи Б. 1799 не встречается. Это доказывает, что первоначально на этом листе рукописи слова «Лета» не было — оно приписано уже после того, как рукопись была разделена на две части.

Дальнейшее палеографическое исследование обеих рукописей полностью подтверждает тот вывод, что перед нами части одной и той же рукописи. Обе они написаны одним и тем же почерком — полууставом; количество строк на странице (20 строк) совпадает; междустрочные расстояния одинаковы; листы совпадают по размеру. В обеих рукописях применен тот же прием выделения киноварью некоторых начальных букв, дат, отдельных слов и целых фраз, причем в обеих рукописях четкий принцип в использовании киновари отсутствует: иногда на одной странице встречаем несколько киноварных букв или слов, и в то же время нередко на нескольких страницах подряд вовсе нет киновари. Бумага обеих рукописей совершенно схожа: водяные знаки последних листов рукописи П. 1443 (л. 824—826) и листов рукописи Б. 1799 (л. 1, 2а, 2, 7, 8, 9, 13, 14, 18, 19, 20, 22, 24, 26, 28, 32, 34, 35, 36, 38, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 50, 54, 55а, 56, 56а, 57, 60) совпадают — рука с отчетливо очерченными пальцами, над пальцами — корона.

[3*] ЛЗАК. Вып. XXII. С. 22—24.

В то время как рукопись П. 1443 отлично сохранилась, рукопись Б. 1799 — в плохом состоянии: края большинства листов оборваны, некоторые листы в середине рукописи отсутствуют, последние листы утрачены. Владелец рукописи варварским способом подклеивал листы грубой серой бумагой, под которой скрыты теперь окончания многих строк.

Палеографические наблюдения позволяют с достаточной точностью определить время написания этой рукописи. Водяные знаки, схожие с упомянутым («рука»), датируются Н. П. Лихачевым и Брикэ 1550—1560 годами; этими же годами датируется и водяной знак («ваза») листов рукописи П. 1443, предшествующих листам со знаком «рука» и написанных тем же почерком. Таким образом, вывод М. Н. Тихомирова, определившего время написания списка Б. 1799 серединой XVI в., подтверждается: рукопись написана в начале третьей четверти XVI в.

Пометка на последнем листе рукописи П. 1443, сделанная рукой описывавшего ее И. А. Бычкова — «В сей рукописи восемьсот двадцать семь (827) листов. Библиотекарь И. Бычков», — позволяет утверждать, что рукопись была разрознена прежде, чем попала в рукописный отдел Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. В библиотеку поступила только первая часть рукописи, известная под шифром П. 1443.

Сличение рукописей Б. 1799 и М. 607 показывает, что последняя во многих местах существенно разнится от первой. Разночтения встречаются почти в каждой строке, искажены многие собственные имена. Например, вместо «Сидоров» написано «Суворов» (л. 10), фамилия Сабурова переделана в «Соборов» (л. 27), князь «Волотский» превращен в князя «Вологотского» (л. 26, 29 об.), город «Мезенеск» — в «Мещеск» (л. 12), «Мстиславль» — в «Милославль» (л. 44), «Солдога» — в «Суходол» (л. 45 об.), «Чешское королевство» — в «Отеческое королевство» (л. 10); вместо похода в «Угорьскую землю» читаем о походе в «Новгородскую землю» (л. 22) и т. д.

Неправильно переданы и даты, в частности, первая же дата (вместо 6995 года написан 6993 год). А при изложении событий начала 7002 г. в шести строках дважды искажены даты: вместо «10 ноября» написано «5 декабря» и вместо «16 ноября» — «6 ноября» (л. 16).

Переписчик рукописи М. 607 часто пропускал слова и отдельные фразы, например, при перечислении имен воевод или иерархов (так, например, пропущен участник «собора» 1549 г. кн. Булгаков). В рукопись М. 607 не попали известия о смерти Василия Шемячича (л. 39), воспоминания о нашествии на Москву Тохтамыша (л. 39 об.).

Многие слова или предложения заменялись другими, что иногда приводило к полной бессмыслице или придавало фразе даже противоположный смысл. Например, при описании гибели крымского хана Магмед-Гирея вместо «мести крестьянской», направленной против крымских татар, читаем о «милости христианской».

Подобного рода пропуски слов и предложений и замены их другими особенно часто встречаются в той части рукописи, где описываются события первых лет правления Ивана Грозного. Так, например, очень неточно переданы такие важные известия, как сообщения о восстании в Гороховце в 1545 г., где, оказывается, был побит камнями не только воевода Воронцов, но и «его товарищи», о «соборе» весны 1549 г., о «покаянии» о местах (в ноябре 1549 г.).

Особенно важно отметить неправильную передачу известия о московском восстании в июне 1547 г. В рукописи М. 607 написано, что москвичи черные люди собрались «вечером» и убили главу правительства кн. Юрия Глинского (л. 398), тогда как в рукописи Б. 1799 читаем, что москвичи черные люди собрались «вечьем» (л. 52). Это указание на вече, столь редкое в летописях XVI в., существенным образом меняет наши представления о ходе и характере восстания, которое теперь, при сопоставлении этого указания с другими известиями, предстает перед нами как массовое народное возмущение, вспыхнувшее по инициативе самого народа, а не бояр, и антифеодальное по своей классовой направленности.

Сличение текстов рукописей Б. 1799 и М. 607 убеждает в том, что рукопись М. 607 крайне неисправно передает текст рукописи XVI в. (рукописи Б. 1799 или схожей с ней) и не может служить достоверным источником для требовательного исследователя. Поэтому опубликование текста подлинной рукописи XVI в., принадлежащей перу современника описываемых событий, представляет большой интерес. Публикация эта дает нашим исследователям доброкачественный исторический материал и вводит в научный оборот новые исторические сведения по истории Русского государства XV—XVI вв.

При печатании рукописи не подчеркиваются слова и отдельные буквы, переданные киноварью, поскольку последние написаны совершенно произвольно. В прямые скобки заключены слова или части слов, отсутствующие в рукописи (или заклеенные) и восстановленные по смыслу или по рукописи М. 607.

Предисловие к публикации «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки»*

С обнаружением Сибирской археографической экспедицией «Судных списков Максима Грека и Исака Собаки» в научный оборот вводится ценнейший источник по общественно-политической истории России первой половины XVI в. До этого судный список Максима Грека, содержащий сведения о судебных разбирательствах 1525 и 1531 гг., был известен только по неполным и соответственно во многом непонятным поздним спискам. Сибирский список является и самым ранним (рукопись датируется 1590-ми гг.) и самым полным.

Публикуемый памятник дает исследователям много нового для биографии выдающегося писателя XVI века Максима Грека, к жизни и творчеству которого в последнее время усиливается интерес и в нашей стране, и за рубежом. Важные сведения узнаем из судных списков и о событиях политической истории второй четверти XVI в. — о времени правления Василия III и о начальном периоде правления Ивана Грозного.

Сибирская рукопись впервые дает полное представление о тексте так называемого «Судного дела Максима Грека», включая формулу приговора и новые для науки источники, в частности, переписку о суде над Максимом Греком виднейших деятелей того времени. Теперь стали известны письма о деле Максима Грека великого князя Василия III, митрополитов Даниила, Иоасафа, Макария, новые данные об отношении к этому делу Вассиана Патрикеева, М. Ю. Захарьина, М. В. и В. М. Тучковых; документально удостоверена несостоятельность версии о тайных сношениях Максима Грека с правительством султанской Турции...

Значительный самостоятельный интерес представляют материалы церковного суда в феврале 1549 г. над сотрудником Максима Грека Исаком Собакой, ставшим к тому времени архимандритом придворного Чудова монастыря в Кремле. Об этом судебном разбирательстве историки раньше ничего не знали — тем самым выявляются данные о серьезном конфликте в церковно-придворной среде в канун преобразований, проводимых «Избранной радой». Попутно определяется, наконец, точная дата церковного собора февраля 1549 г. (заседания его начались 24 февраля), дея-

---

* Впервые опубл. в кн.: Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971. С. 5—9.

тельность которого была тесно связана с так называемым «собором примирения» конца февраля 1549 г. А этим собранием (с участием широкого круга светских лиц) датируют обычно начало реформ рубежа 1540-х и 1550-х гг.

Публикация сибирской рукописи сопровождается публикацией и ранее известных «Судных списков Максима Грека» и сравнительным текстологическим исследованием всех этих рукописей.

В обстоятельной статье Н. Н. Покровского охарактеризовано научное значение этого открытия[1*], приведены выявленные в рукописи ранее неизвестные факты, содержится детальный источниковедческий анализ памятника.

Н. Н. Покровский убедительно показал, что публикуемый судный список Максима Грека был составлен в 1540-е гг., вероятно, в связи с подготовкой процесса Исака Собаки, и мыслился прежде всего как публицистическое сочинение. Составитель его смешивает сведения о судебных процессах 1525 и 1531 гг. Очевидно, у него уже не было под рукой судного списка 1525 г. Возможно, что этот документ сгорел в митрополичьей казне во время «великого пожара» в Москве в июне 1547 г.

Ссылка на обретение «в царской казне», т. е. в Царском архиве, «подлинного соборного списка Данила митрополита всеа Руси» как бы раскрывает сам механизм составления подобных публицистических памятников и приемы, с помощью которых пытались убеждать в их подлинности. Одной из целей составления этого памятника было удовлетворить возрастающий общественный интерес к судьбе и сочинениям Максима Грека. Однако имя Максима в записи заседаний собора 1548 г. обойдено — это уже пора милостей, приближения Максима к царю и митрополиту. Публикуемый памятник (даже в первой своей части, основанной на материалах процессов 1525 и 1531 гг.) становится, таким образом, ценным источником общественно-политической истории не только 1520-х — начала 1530-х гг., но и второй половины 1540-х гг. Небезлюбопытен — прежде всего в плане истории общественной мысли — и сам факт переписки рукописи в 1590-е гг., свидетельствующий о возрождении интереса к Максиму Греку и его творениям в канун «бунташного» XVII столетия.

Научное значение сведений, заключенных в публикуемом памятнике, отнюдь не ограничивается данными о судебных процессах Максима Грека и Исака Собаки и о деятельности прикосновенных к этому лиц — облегчается понимание и неясных до сих пор важных обстоятельств политической истории и темных мест давно уже изучавшихся памятников публицистики. Так казалась непонятной путаница сведений о

[1*] Уже первые сообщения об этом открытии — статья Н. Н. Покровского «Сибирская находка (Новое о Максиме Греке)» (ВИ. 1969. № 11), доклад в Археографической комиссии (АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 328) и др. — вызвали живой интерес ученых. Материалы эти с разрешения Н. Н. Покровского были использованы в новейших исследованиях — в книге Н. А. Казаковой (Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970), в статье С. О. Шмидта (Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский) // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971).

судебных процессах 1525 и 1531 гг. в так называемой «Выписи» о втором браке Василия III — остротенденциозном сочинении, направленном против Ивана IV. Это использовалось даже для доказательства позднего происхождения «Выписи», вторичности ее по отношению к «Истории о великом князе Московском» Курбского (составленной в 1570-е гг.). Теперь имеются документальные свидетельства того, что уже в памятнике 1540-х гг. обнаруживается путаница едва ли не такого рода. Тем самым не только появляется дополнительный аргумент в пользу датировки «Выписи» примерно 1546—1547 гг. (о чем писал еще в 1928 г. М. Н. Тихомиров), но и возникает заманчивая перспектива рассмотрения возможных точек соприкосновения судных списков Максима Грека и Исака Собаки и «Выписи» и изучения их в ряду публицистических сочинений второй половины 1540-х — начала 1550-х гг., а ведь это время интенсивной публицистической деятельности Максима Грека и Макария, Сильвестра и Ермолая Еразма, Ивана Пересветова и Ивана Грозного. Открывается путь и к истолкованию одного из самых темных мест переписки Ивана Грозного и Курбского и «Истории» Курбского. Давно уже обратили внимание на то, что Курбский оставил без ответа обвинительные выпады в первом послании царя против своего деда по матери боярина М. В. Тучкова, более того — умолчал о Тучковых в пространной «Истории о великом князе Московском». Теперь выясняется, что Тучковы были доносителями на Максима Грека, которого Курбский называл своим «возлюбленным учителем», и особенно возвысились именно тогда, когда близкий родственник Курбского по отцу (также прославляемый им в «Истории») кн. С. Ф. Курбский попал, как и Максим Грек, в опалу.

Пока можно говорить лишь о первых соображениях, возникающих при чтении сибирской рукописи. Это — первичные толчки исследовательской мысли, но нет сомнений в том, что дальнейшее углубленное исследование сибирского сборника в целом[2*] и особенно сравнительное изучение его с другими материалами по истории России XVI в. приведут к новым интересным открытиям.

* * *

Сибирская находка знаменательна и как большой успех полевой археографии. Рукописный сборник, часть которого публикуется в настоящем издании, украсил

[2*] Так, в грамоте митрополита Макария, тоже включенной в сибирский сборник, находится подтверждение казавшейся странной датировки В. Н. Татищевым начала реформы по централизации культа местных русских святых 1543 годом. (Эти данные привел в своей статье в «Вопросах истории» Н. Н. Покровский.) В известных ранее списках грамоты она датируется 1547 г., и фактическая основательность датировки сибирского сборника нуждается в серьезной проверке (в рукописной копии конца XVI в. могла быть указана и ошибочная дата, отличающаяся от даты первоначальной рукописи), но сами эти данные удостоверяют то, что Татищев, обрабатывая материал для своей «Истории Российской с древнейших времен», опирался на какие-то первоисточники, и задача исследователя выявить эти источники, определить их научную ценность, прежде чем пытаться опровергать как заведомо недостоверные так называемые «сомнительные известия» Татищева.

собрание рукописей и старопечатных книг в академическом городке под Новосибирском. Основой его стала уникальная коллекция, переданная академиком М. Н. Тихомировым безвозмездно Сибирскому отделению Академии наук СССР в 1965 г. (т. н. «Тихомировское собрание»). М. Н. Тихомиров верил в то, что Сибирь может и должна стать средоточием особенно перспективной работы в области выявления и изучения памятников древнерусской письменности и культуры. Он разработал и первоначальные планы организации экспедиционной археографической деятельности в Сибири. По его инициативе началось обследование с этой целью старообрядческих поселений Сибири и Дальнего Востока в 1959—1962 гг.

После первой археографической разведки в Западной Сибири Е. И. Дергачевой-Скоп и Е. К. Ромодановской в 1965 г. экспедиционная деятельность археографов (В. Н. Алексеева, З. В. Бородиной, Е. И. Дергачевой-Скоп, Н. Н. Покровского, Е. К. Ромодановской, а с недавнего времени также Г. П. Енина, Е. З. Журавлевой, А. Н. Кручининой, Н. В. Понырко, Л. С. Соболевой и др.) в Сибири стала регулярной[3*]. В экспедиционной работе принимают участие сотрудники Сибирского отделения Академии наук СССР, преподаватели и студенты Новосибирского государственного университета. Рукописный сборник, содержащий судные списки Максима Грека и Исака Собаки, обнаружен был летом 1968 г. в отдаленном алтайском селе комплексной археографической экспедицией под руководством ученика академика М. Н. Тихомирова Н. Н. Покровского (являющегося в настоящее время заместителем председателя Сибирского отделения Археографической комиссии).

Участники организованной в Москве Археографической комиссией научной конференции, посвященной опыту археографических экспедиций в РСФСР («Тихомировских чтений 1970 года»), единодушно отмечали большое научное значение и результативность методики полевых археографических работ в Сибири. Новый центр археографической деятельности смог возникнуть лишь благодаря содействию руководителей Сибирского отделения Академии наук СССР. Председатель Сибирского отделения АН СССР академик М. А. Лаврентьев с самого начала энергично поддерживал это перспективное направление научного поиска. Широта и размах, свойственные археологическим изысканиям академика А. П. Окладникова, оказались в немалой мере присущи и деятельности возглавляемого им Сибирского отделения Археографической комиссии. Сибирское отделение Археографической комиссии стало одним из ведущих методических центров полевых археографических исследований в нашей стране. Деятельность сибирских археографических экспедиций — выдающееся достижение отечественной археографии.

[3*] Подробнее см.: *Алексеев В. Н., Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.* Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965—1967 гг. //АЕ за 1968 год. М., 1970. См. также: Тихомировские чтения 1970 года. Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР (М., 1970) — тезисы доклада Н. Н. Покровского, выступление Е. И. Дергачевой-Скоп, Н. В. Понырко и др.

Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский)[1*]

Недавно Археографической экспедицией Сибирского отделения АН СССР под руководством Н. Н. Покровского была обнаружена рукопись конца XVI в., 39-я глава которой представляет собой «судный список» Максима Грека[1]. Это самый полный и самый ранний из известных ученым списков знаменитого судебного процесса времени Василия III, вернее, даже двух процессов — 1525 и 1531 гг.

Среди многих ценных сведений списка значительный интерес представляют данные о роли Тучковых в осуждении Максима Грека: «А Михайло Тучков бил челом великому князю ⟨...⟩ сын его Василей ходил к Максиму ⟨...⟩ его спроси. И Михайлов сын Василей ве[ликому] князю сказал: Яз, государь, к Максиму был прихож и ⟨...⟩ // мне грамоту греческую. И просился, государь, Максим у тобя наперед сего прочь, и ты его не отпустил, и молвил ему: Поживи еще здесь. И Максим говорил: Яз чаял, что благочестивый государь, а он таков, как прежних государей, которые гонители на християнство. И, став Михайлов сын Тучкова Василей с Максимом с очей на очи, говорил, что те речи про великого князя Максим говорил, что государь гонитель на християнство, как и прежние гонители. И Максим сказывает: Того не говаривал. И Василей говорил, что те речи у Максима слышал» (Л. 340 об. — 341)[2].

Отец и сын Тучковы — Михаил Васильевич и Василий Михайлович — были заметными фигурами в общественно-политической жизни России первой половины, особенно второй четверти XVI в. О деятельности их многое знали и публицисты второй половины века[3], однако о Тучковых дошли сведения явно неполные, подчас странные или откровенно тенденциозные.

Михаил Васильевич Тучков — представитель старомосковской знати[2*] (из рода Морозовых)[4], сын конюшего[3*] и боярина, выдвинувшийся на служебном по-

---

[1*] Впервые опубл. в кн.: Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б. А. Романова // ТЛОИИ. Л., 1971. Вып. 12. С. 129—141.

[2*] Тучковы были в XVI в. богатыми землевладельцами.

[3*] Об этом узнаем из «Выписи из великого князя книги дияка Тимофея Казакова» сентября 1534 г. «о ногайских лошадех», дошедшей в рукописи XVI в. Выпись содержит, в частности,

прище еще в самом начале столетия[4*], к 1511 г.[5*] окольничий[9], выполнявший обязанности воеводы[10] и ответственные дипломатические поручения: в 1511—1515 гг. посол в Крыму, в 1516 г. — в Казани[11], названный при этом оба раза в летописи (очевидно, «посольства для») боярином[12], на самом деле боярством был пожалован позднее — в 7039 (т. е. 1530/31) г.[13] Тучкову в ту пору, можно полагать, было более 50 лет, а этот возраст признавался тогда уже «старыми летами»[14]. В этом же году, видимо, М. В. Тучкова пожаловали и дворецким, и он стал одним из приближенных Василия III. В январе 1533 г. М. В. Тучков упоминается в разряде свадьбы Андрея Ивановича Старицкого, происходившей «у великого князя... в его хоромах»[15]. Хотя с М. В. Тучковым Василий III обычно не совещался «сам третей у постели», он был приглашен умирающим великим князем для обсуждения текста духовной и вопросов «устроения земского» при малолетнем наследнике престола: по летописи, «князь велики прибави к собе в думу к духовной грамоте бояр своих» князя И. В. Шуйского, М. В. Тучкова да князя М. Л. Глинского[16]. А. Е. Пресняков полагает, что бояр, присутствовавших при составлении духовной должны были поименовать в конце документа[17]. Духовная Василия III до нас не дошла, рассказ официальной летописи о завещании Василия III и составе назначаемого им регентского совета при мальчике Иване IV подвергался перередактированию[6*], причем имя М. В. Тучкова оказалось выпущенным и в Царственной книге, и в некоторых других списках летописей[7*], однако есть основания считать, что Тучков был среди «бояр немногих», которым Василий III приказал сына «беречи до 15 лет»[20]. Все восемь месяцев, пока регентский совет был у власти (до августа 1534 г.), М. В. Тучков занимал высокое место в государстве: бежавший в июле 1534 г. из Москвы польский жолнер дважды в своих показаниях называет Тучкова сразу вслед за Шуйскими, перечисляя те, кто «на Москве... всякие дела справуют», «на Москве старшими воеводами, который з Москвы не мают николи зъехати»[21], т. е. фактически ведают делами Боярской думы.

В 7043 г., т. е. в 1534/35 г., Тучков лишается должности дворецкого (им становится князь И. И. Кубенский)[22], но продолжает принимать деятельное участие в межбоярских распрях. И потерпев в борьбе Шуйских с Бельскими, как сторонник Бельских, в октябре 1538 г. был сослан «с Москвы» в свое село[23]. И в Синодаль-

---

интересные подробности о способах выявления прецедентов для решений Боярской думы. Выясняя размеры пошлины, взимавшейся прежде при продаже ногайских лошадей, «князь великий и великая княгини (т. е. Елена Глинская именем малолетнего Ивана IV. — *С. Ш.*) обыскали о том бояр, и боярин Михайло Васильевич Тучков сказал, что отец его был в конюшых, а имали при нем Сергеева монастыря пошлины с лошадьми по осми денег»[3].

[4*] Наместник в Галиче в 7009 г.[6]

[5*] С. Б. Веселовский[7] ошибается, датируя пожалование окольничества Тучкову 1516/17 г.: окольничим его называют в 1511 г. и в летописи (под 7020 г.), и (под 7019 г.) в Описи архива Посольского приказа 1614 г.[8]

[6*] Уже, вероятно, в годы господства Шуйских, оказывавших несомненное воздействие на редактирование летописей в 1542—1544 гг. Это убедительно доказано С. А. Левиной[18].

[7*] Это отметил уже А. Е. Пресняков[19].

ном списке Никоновской летописи, и в Царственной книге из бояр — сторонников И. Ф. Бельского и митрополита Даниила — назван один лишь М. В. Тучков. Во вставке в Царственную книгу отмечено: «и многие промеж них (бояр. — *С. Ш.*) бяше вражды о корыстех и племянех их, всяк своим печется, а не государьским, ни земским». Поводом «вражды меж бояр», завершившейся казнью дьяка Федора Мишурина, послужила попытка И. Ф. Бельского и М. В. Тучкова («что князь Иван Белской да Михайло Тучков советовали») добиться пожалования боярства князю Ю. М. Голицыну и окольничества И. И. Хабарову, «а князь Василий да князь Иван Шуйские того не восхотеша»[24]. По предположению С. Б. Веселовского, М. В. Тучков вскоре после этого «умер и нигде больше не упоминается»[25].

Между тем М. В. Тучков жил еще, по-видимому, более десяти лет: 7058 г. (1549/50 г.) датируется его дача[8*] Троицкому монастырю[9*]; во вкладной книге 1673 г. того же Троице-Сергиева монастыря[28] упоминается его вклад 15 июля 1545 г.[10*], а также вклад В. В. и М. В. Тучковых 19 июня 1550 г.[11*]

А. А. Зимин на основании данных о вкладах 7058 г. называет М. В. Тучкова среди бояр 1540-х годов[12*], хотя следы его участия в думских делах за это время не выявлены, и считает, что Тучков выбыл из состава бояр к концу 1550 г.[40] Оста-

---

[8*] На село Деболы («Дебала»)[26].

[9*] Н. Е. Носов датирует это завещание 1538—1539 гг.[27]

[10*] По Иване Ивановиче Брюхове[29].

[11*] «Василий да Михайло Васильевы дети Тучковы по отце своем Василье — 50 рублев»[30]. Сведения эти, использованные и А. А. Зиминым[31], нуждаются в дополнительном комментировании. М. В. Тучков как будто не имел брата Василия и, судя по духовной его отца (не позднее 1479 г.)[32], был единственным наследником В. Б. Тучка. С. Б. Веселовский[33] пишет о М. В. Тучкове как о единственном сыне Василия Борисовича Тучка. Да и странно было бы полагать, что старший сын знаменитого боярина Ивана III так и прожил в безвестности до более чем 70-летнего возраста. Можно было бы думать, что переписчик вкладной книги ошибся и следует читать: «Василий и Михайло Михайловы дети Тучковы», так как М. В. Тучков действительно имел сыновей Василия и Михаила, умершего окольничим в 7075 г. Еще один сын Иван скончался не позднее начала 1537 г.: по душе его вклады М. В. Тучкова в той же книге 2 марта и 4 апреля 1537 г.[34] Но тогда приходится усомниться и в дате кончины В. М. Тучкова, приведенной С. Б. Веселовским по синодику Горицкого Переяславского монастыря. Между тем в рукописи синодика рубежа XVI—XVII вв. (сведениями этими обязан любезности Л. М. Костюхиной) после слов «Лета 7056 февраля 13 преставися Василий Михайлович Тучков» идет перечень имен этой семьи для поминания: «Василия, Михаила, Марию, Иоанна, Василия»[35]. Марией звали жену М. В. Тучкова, Иваном — сына его, упомянутых во вкладной книге Троицкого монастыря 1673 г. (на Л. 193 запись о вкладе 18 сентября 7059 г.: «по Васильеве Тучкова жене Марии да сыне их Иване дано вкладу денег 100 рублев»). Возможно, что Михаилом и Василием звали других сыновей М. В. Тучкова (скончавшихся, очевидно, без потомства). В Горицком синодике вторым мог быть назван и интересующий нас М. В. Тучков, переживший своего сына, а также и сын его Михаил. Во всяком случае, ясно, что привлекать данные о вкладе 19 июня 1550 г. в качестве сведений именно о М. В. Тучкове было бы неосторожно. Быть может, потому их и поостерегся приводить С. Б. Веселовский.

[12*] Тучков назван среди бояр, поддерживавших Бельских после июля 1540 г.[36], назван среди бояр, оставшихся в думе к концу 1543 г.[37], назван среди бояр, заседавших в думе накануне июньского восстания 1547 г.[38], назван среди бояр конца 1549 г.[39]

вался ли М. В. Тучков, действительно, боярином в 1540-е годы, был ли в опале или оказался не способен к дальнейшей государственной службе по нездоровью, неясно. По-видимому, он не постригся в монахи перед смертью, так как во вкладной книге о вкладе по его душе (без даты) написано без упоминания монашеского имени[13*] (как, впрочем, и без упоминания боярского звания)[14*].

Судьба М. В. Тучкова удивительно схожа с судьбой его отца Василия Борисовича: тот после опалы (1484) прожил еще некоторое время (возможно, даже около 15 лет)[15*]; но карьера его была окончена и он нигде не упоминался[47].

Старший сын М. В. Тучкова Василий известен был как один из образованнейших людей своего времени, выделялся начитанностью и литературными наклонностями. В 1520-е годы М. В. Тучков принадлежал к кружку московских аристократов, близких к Максиму Греку, затем прославился как писатель — автор особой редакции «Жития Михаила Клопского» (написанной им в 1537 г. в Новгороде по предложению архиепископа Макария)[48] и, возможно, других агиографических произведений, связанных с Макарьевскими Четьими-минеями. Выявлено и влияние М. В. Тучкова на летописание: в новгородском владычном своде 1539 г. имеются вставки о Тучковых. Вставки эти, по мнению А. Н. Насонова, «служат примером того, как в тексте владычной летописи могли получить отражение интересы феодала или его рода»[49]. Отметим, что вставки эти были сделаны тогда, когда И. Ф. Бельский находился в опале и временно восторжествовали Шуйские. В свод 1539 г. включены приведенные выше известия о том, что Василий III советовался с М. В. Тучковым о духовной и сделал его членом регентского совета, и «необычные для летописного текста эпитеты», характеризующие (под 1537 г.) М. В. Тучкова («храбрый воин Василей светлое око...», «елико разума от Господа сподобися»)[50]. По той же летописи, М. В. Тучков «всегда в царских хоромех живыи», однако, он не заслужил даже чина окольничего; в «росписи от поля» июня 1543 г., как и в грамотах, выданных «по слову» Ивана IV в 1541—1545 гг.[51], назван рязанским дворецким[52], а в разрядах царской свадьбы февраля 1547 г., в которых как родственник Анастасии Романовны[16*] написан с женой в дружках невесты[53], упомянут вовсе без чина[17*]. В

[13*] Ср. отметку о вкладе Семена Борисовича Брюхо (с указанием его монашеского имени — «в иноцех Серапион»)[41].

[14*] «По Михаиле Васильевиче Тучкове написано в старом селнике: дано вкладу в Ростовском уезде село Деболы; и духовная на то село Михайлова отца Василья Борисовича, писана в вотчинной книге в Ростове»[42]. Духовная эта опубликована[43]. Очевидно, об этой же даче упоминание в Писцовой книге[44].

[15*] С. Б. Веселовский, относя дату смерти В. Б. Тучка к началу 1480-х годов[45], не учитывает известия Ермолинской летописи об опале 6993 г. В другом варианте его труда это известие уже приводится[46].

[16*] Бабка Анастасии Романовны, жена Юрия Захарьича Кошкина — родоначальника Захарьиных — Ирина Ивановна Тучкова была двоюродной сестрой М. В. Тучкова — дочерью его дяди Ивана Борисовича Тучка.

[17*] М. В. Тучков не мог присутствовать на свадьбе («Василей не был за тем: убился с лошади: а была жена его, а в Васильево место был друшка Михайло Яковлевич Морозов»).

официальной служебной документации имя М. В. Тучкова как будто после этого не встречается. Есть данные, что М. В. Тучков скончался 13 февраля 1548 г., брат же его младший, Михаил, был в 1550 г. тысячником второй статьи по Ростову (в Ростовском уезде находились родовые имения Тучковых).

Возникает немало недоуменных вопросов. Почему имя М. В. Тучкова, почерненное в некоторых ранних летописных списках (едва ли не в годы влияния Шуйских), не было восстановлено в более поздних списках, прежде всего в официальных, и упоминается в тенденциозных вставках в лицевые летописи, а имя его сына Василия возвышено в неофициальных списках, восходящих к новгородскому своду, составлявшемуся под началом Макария? Царь Иван при воспоминании о распрях Шуйских и Бельских явно принимал сторону И. Ф. Бельского, царица приходилась близкой родственницей Тучковым, почему же Грозный поносил М. В. Тучкова в первом послании Курбскому?[18*] Объясняется ли это только ненавистью к Курбскому, желанием очернить его родственников?[57] Почему князь А. М. Курбский — внук М. В. Тучкова, сын его дочери (Марии?), высоко отзываясь об И. Ф. Бельском[58] (в период возвышения которого отец его Михаил Михайлович Курбский — в 1540 г. — получил боярское звание), не пишет в «Истории о великом князе Московском» о своих родственниках по материнской линии[19*], более того, оставляет без ответа эти обвинения царя?[20*] Что знали оба полемиста — царь Иван и Курбский — и что утаивали? Текст Сибирского судного списка Максима Грека указывает одно из возможных направлений для изысканий.

В следственном деле Ивана Берсеня и Федора Жареного февраля 1525 г. келейник Максима Грека Афанасий назвал М. В. Тучкова среди тех аристократов[21*], которые «прихожи были к Максиму», «говаривали с Максимом книгами и спира-

---

[18*] Иван Грозный дважды поминает М. В. Тучкова и оба раза в сугубо негативном плане: «Такожде и матери твоей деды Василей и Иван Тучки многая поносная и укоризненная словеса деду нашему, великому государю Ивану износили[54]; такожде и дед твой Михайло Тучков на преставление матери нашей, великия царицы Елены, про нее дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече, — и понеже еси порождение изчядья ехиднова, посему такой яд отрыгаеши»[55]. После смерти Елены в апреле 1538 г. «и тако подвластным нашим хотение свое улучившие, еже царьство безо владетеля обретоша, нас убо, государей своих, никоего промышления доброхотнаго не сподобиша, сами же ринушася богатству и славе, и тако наскочиша друг на друга. И елико тогда сотвориша! Колико и боляр и доброхотных отца нашего и воевод избиша! И дворы, и села, и имения дядь наших восхитиша и водворишася в них! И казну матери нашей перенесли в Большую казну и неистова ногами пихающе и осны колюще; а иное же и собе разделиша. А дед твой Михайло Тучков то и творил»[56].

[19*] Курбский лишь в ответе на Второе послание царя, опровергая обвинение в «счаровании» царицы, отмечает: «А тая твоя царица мне, убогому, ближняя сродница» (в доказательство в некоторых рукописях приводится родословная роспись)[59]. Возможно, что это и самостоятельное творчество позднейших переписчиков, склонных к подчеркиванию родства Курбских и Романовых.

[20*] На это обратил внимание еще А. Н. Ясинский[60].

[21*] Иван Берсень, князь Иван Токмак, М. В. Тучков, Иван Данилович Сабуров, князь Андрей Холмский, Юшко Тютин.

лися меж собою о книжном». Правда, келейник специально оговаривается, что во время подобных бесед Максим келейников «вон не высылает», тогда как с Берсенем «сидят долго один наодин»[61]. По-видимому, Максим объяснял Тучкову некоторые неясные места священных текстов, переводил и комментировал по его просьбе отрывки из трудов византийских авторов. Адресовал Максим ему и послания[62]. Так, М. В. Тучкова признают адресатом послания об управлении и милостивом суде, заканчивающегося словами: «Малыми писах к тебе, добрейший Василие, благородного корени благородно прозябание; вем бо, яко многими учен еси и разумен зело и немногих требуеши к воспоминанию словес, могущих привести на свершение всякие правды рачителя ея и теплаго ревнителя, яков еси ты»[63].

Принадлежность М. В. Тучкова к кружку Максима Грека, «культурная близость» с Максимом[64] несомненны. На этом основании, учитывая последующую литературную деятельность М. В. Тучкова, переписку позднее (в 1545 г.) по его заданию рукописи (или даже рукописей) переводов, выполненных Максимом Греком, и откровенно апологетичное отношение к Максиму племянника В. М. Тучкова Курбского, Василия Михайловича Тучкова называли обычно в числе «последователей, учеников и почитателей»[65] «Максима Философа».

Новый судный список Максима Грека заставляет признать такую характеристику односторонней: оказывается, В. М. Тучков был одним из доносителей на Максима.

Пока еще трудно с уверенностью сказать, к какому процессу — 1525 или 1531 гг. — относится этот донос, так как материалы процессов (и следственные материалы, и пункты обвинительных речей) сознательно перепутаны[66]. Судный список представляет собой тенденциозное публицистическое сочинение, и предстоит еще серьезная работа по выявлению частей текстов, восходящих к каждому из процессов (в том числе материалов 1525 г., повторно использованных в 1531 г.). Сопоставление текста о Тучковых в судном списке Максима Грека с отрывком судного списка Берсеня и Жареного с разрядными записями позволяет предполагать, что донос Тучковых можно отнести к первому процессу.

В кружке Максима беседовали не только на религиозные темы, но и на общественно-политические: Максима «въспрашивали», «как устроити государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту жити»[67], затрагивались и волновавшие посетителей кельи острые вопросы внутренней и внешней политики, придворной жизни. Действительные причины расправы с Максимом остаются полностью не выясненными, но какая-то связь процесса 1525 г. с разводом и вторым браком Василия III признается исследователями, хотя в следственных материалах, естественно, события эти (компрометирующие лично государя) и не нашли отражения. (Допустимо предположить связь с этими событиями и процесса 1531 г., который мог произойти не раньше, чем родился наследник престола.) События эти имели большой общественный резонанс, запечатленный в различных памятниках публицистики, изобразительного искусства и фольклора[68].

В разговоре с Берсенем Максим сетовал на то, что Василий III не отпускает его на Афон («прошуся деи у великого князя много, и он меня не отпустит»), об этом же говорил Максим и с Тучковым[22*]. Возможно, степень откровенности в их отношениях была такова, что Максим не сдерживал себя в суждениях в присутствии Тучкова. Рассуждали в келье Максима и о том, что государь «пришел жесток, а к людем немилостив» (эти слова Федора Жареного сообщил на допросе сам Максим, немало наговоривший тогда на своих собеседников)[70].

Из следственного же дела Берсеня и Жареного узнаем, что после ареста Максима («а Максима уже изымали») старались найти улики против него, провоцируя нужные следствию показания. Берсень передавал слова Жареного «велят мне Максима клепати» и его рассказ, как великий князь посылал к нему троицкого игумена («толко мне солжи на Максима, и аз тебя пожалую»)[71].

Донос Тучковых, несомненно, был использован обвинителями. Один из главнейших пунктов обвинения Максима[23*] — то, что он «великого князя Василья назвал гонителем и мучителем нечестивым, как прежние гонители и мучители были нечестивыи»[73]. Эта формулировка в дошедшем судном списке Максима Грека близка именно к словам Максима, переданным В. Тучковым («Яз чаял, что благочестивый государь, и он таков, как прежних государей, которые гонители на християнство»). Сходство здесь почти текстуальное: сомнение в том, «благочестивый» ли государь, и выражение «нечестивый»; сравнение с прежними государями, «которые гонители...», и выражение «прежние гонители». Быть может, близость формулировок доноса и обвинения объясняется тем, что Тучковым подсказали формулировки доноса[24*] (митрополит Даниил или даже Василий III — ведь «присылал» же он с этой целью к Жареному троицкого игумена!)?

Судный список Максима Грека дает основание думать, что большую роль в доносительстве играл не Василий Тучков, а его отец, более искушенный в политических обстоятельствах: именно М. В. Тучков бил челом государю по этому поводу, что и позволяет говорить о «доносе Тучковых», а не одного В. Тучкова. Знаменательно при этом, что расспрашивал молодого Тучкова о подробностях его бесед с Максимом сам Василий III.

Личная ненависть к Максиму и Василия III, и Даниила, их заинтересованность в обличении его поступков и слов заставляли страшиться за свою судьбу тех,

---

[22*] И, видимо, с другим аристократом князем Петром Ивановичем Шуйским. Намек на это обнаруживается в послании ему Максима Грека, датированном примерно 1542 г.[69] Возможно, что Максим показывал Тучкову какую-то «грамоту греческую» (Сибирский список, л. 340 об.), касающуюся его возвращения на Афон. Впрочем, эту фразу судного списка (дошедшую не полностью) допустимо понимать и как свидетельство того, что Максим обучал Тучкова греческому языку.

[23*] Е. Е. Голубинский полагал, что это обвинение «должно быть считаемо истинной и единственной причиной того, что великий князь воспылал страшным гневом против Максима и почувствовал к нему непримиримую ненависть»[72].

[24*] См. наблюдения Н. А. Казаковой о «заранее подготовленных ложных показаниях свидетелей, нашедших свое отражение в судных списках[74].

кто в какой-то степени был близок к Максиму[25*]. И некоторые старались, выгораживая себя, отмежеваться от Максима, «клепати» его, соблазненные, очевидно, обещанием великого князя: «только мне солжи на Максима, и аз тебя пожалую». Так себя повел и Михаил Юрьевич Захарьин, сообщивший[26*] как достоверный факт нелепый рассказ о сожжении еретического училища в Италии[76], так поступили и Тучковы[27*].

И подобное поведение, действительно, было вознаграждено приближением к великому князю. Особенно на виду были эти лица[28*] во время свадьбы Василия III и Елены Глинской 21 января 1526 г.: М. Ю. Захарьин был вторым дружкой государя, жена его сидела за столом[79]; «за великою княгинею ходити, у саней детей боярских збирати» велели окольничьему М. В. Тучкову[80] («да с ним дьяку Елизару Цыплятеву»)[29*]. Среди носивших каравай в первой четверке вторым был его сын Иван, во второй четверке первым — другой сын Василий; двоюродная сестра его Ирина — жена Юрия Захарьича — сидела третьей (в числе пяти боярынь) за столом[81]. Если даже признать, что донос Тучковых имел место в 1531 г. и целью его было не оправдаться и тем самым спасти себя, а закрепить свое положение при дворе, то и в этом случае цель можно считать достигнутой: М. В. Тучков стал приближенным боярином великого князя, а сын его — доверенным лицом новгородского архиепископа Макария[82], донос которому о неканоничности некоторых переводов Максима послужил формальным поводом процесса 1531 г.[83]

Выступление Василия Тучкова против Максима Грека, вероятнее всего, было не вполне искренним: он действовал (как отмечалось выше) под давлением отца и вышестоящих властей. «Максим Философ» оставался для него духовным авторитетом и позднее[30*]. В 7053 (1544/45) г. «повелением» М. В. Тучкова «паробок» его («Богданец Якимов сын ростовец») переписал рукопись перевода Максима Грека толкований Иоанна Златоуста на Евангелие Иоанна[84]. Тем же почерком (хотя, вероятно, и несколько позднее), по наблюдению Н. В. Синицыной, написана и находящаяся в том же собрании другая рукопись — переведенная Максимом Беседа Иоанна Златоуста о Евангелии Матфея[31*], однако записей на рукописи

[25*] Одним из оснований для опасений могло быть и то, что среди тех немногих, что особенно «прихожи были к Максиму», называли И. Д. Сабурова (по-видимому, родственника Соломониды)[75].

[26*] Правда, донос этот может быть отнесен и к собору 1531 г.

[27*] Максим Грек писал позднее такому хорошо осведомленному человеку, как князь П. И. Шуйский, о «клевете злыя блудницы»[77].

[28*] Любопытно, что в синодике Горицкого Переяславского монастыря семьи М. В. Тучкова и М. Ю. Захарьина написаны одна за другой[78].

[29*] Интересно отметить, что Иван IV вспоминал о том, что М. В. Тучков о Елене Глинской (уже в момент ее кончины) «многая надменная словеса изрече» как раз Е. Цыплятеву.

[30*] Можно подозревать, что жизнь М. В. Тучкова в какой-то мере омрачалась горечью воспоминаний о своем отступничестве, о зле, которым он ответил на доверие Максима.

[31*] Рукопись любезно указана Н. В. Синицыной, отметившей также, что одна из филиграней сборника указана у Брике под 1549 г.

нет[85]. Характерно, что перевод толкований Евангелия Матфея был сделан в 1523 г.[86], а толкований Евангелия Иоанна — в 1524/25 г.[87], т. е. как раз в ту пору, когда В. М. Тучков «прихож был к Максиму»; и очень вероятно, что об этих книгах они «говаривали с Максимом». Небезлюбопытно, что одна из главных тем этих сочинений, как известно, — взаимоотношение учителя и учеников. Впрочем, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что «повеление» переписать рукописи было сделано В. Тучковым тогда, когда уже начиналось сближение Максима и Макария[32*], ставшего к тому времени митрополитом всея Руси.

Отношение Андрея Михайловича Курбского к Тучковым в значительной степени предопределялось уже позицией Тучковых в деле Максима Грека. О «Максиме Философе» Курбский писал в начальной части «Истории о великом князе Московском» и связывал его деятельность с деятельностью «великих и нарочитых мужей», которые вместе с князем С. Ф. Курбским (братом его деда) пострадали за то, что «возбраняли» Василию III вступить в незаконный брак[88]. Продолжателем дела этих мудрых и смелых «синклитов» мыслил или хотел представить себя А. М. Курбский[89].

Курбский не мог не осуждать Тучковых, угождавших Василию III и предавших Максима Грека, апологетом которого он оставался до конца дней своих и близостью с которым он неизменно гордился. Подчеркивая благородство происхождения и поступков, «святое жительство»[90] родственника по отцовской линии С. Ф. Курбского, публицист постарался умолчать о своих родственниках по материнской линии и в «Истории», и в посланиях к Ивану Грозному. Видимо, Курбский не считал возможным и не хотел в своих сочинениях оправдывать Тучковых[33*], осуждать же Тучковых, напоминая тем самым об этом родстве, ему было явно нежелательно. Имело значение и то, что Тучковы были намного ниже по происхождению, чем князья Курбские, «влекомые» от первых киевских князей; Курбскому, как и Ивану Грозному, свойственно было представление (соответствующее местнической идеологии и психологии людей XVI в.) об особых достоинствах лиц «повышенной княжачой крови»[34*].

Можно предположить, что между родственниками А. М. Курбского по отцовской и по материнской линиям в середине 1520-х годов произошла размолвка[35*]. Слишком по-разному сложились в эти годы их судьбы: если С. Ф. Курбско-

---

[32*] В записи на рукописи толкования Евангелия Иоанна указано при датировке не только время «державы» Ивана IV, но и «великия архиерейства Руския земли» Макария (л. 505).

[33*] Не исключено, что Курбский, возвеличивая Максима Грека в своих сочинениях и даже составляя (как предполагает Э. Денисов) его житие, в какой-то мере пытался замолить грех своих родственников. Одновременно, напоминая о своих встречах с Максимом Греком, Курбский давал понять, что он воспринимался Максимом как наследник не Тучковых, а С. Курбского.

[34*] Слова царя Ивана[91].

[35*] Свадьба родителей Курбского вряд ли была ранее середины 1520-х годов, так как старший из сыновей от этого брака, доживших до 1550 г., князь Андрей, родился в 1528 г. Следовательно, если размолвка имела место, то сравнительно скоро после свадьбы. Это не означает,

го Василий III «ото очей своих отогнал, даже до смерти его»[92], то М. В. Тучкова он, напротив, возвысил. Позднее именно князю Кубенскому, близкому к Курбским[36*], была передана отнятая у М. В. Тучкова должность дворецкого, и Кубенские поддерживали Шуйских, противником которых выступил Тучков.

Наконец, явно не соответствовала взглядам эмигранта Курбского направленность жития Михаила Клопского против «междуусобных браней» русских князей с великим князем, еще более усиленная в редакции В. Тучкова[94].

Думается, что Иван Грозный не мог не знать об отношении Курбского к Тучковым и тем больнее уязвлял его, напоминая об этом родстве. Однако страстная озлобленность выражений царя показывает, что у него были и какие-то особые причины для личной неприязни к М. В. Тучкову[37*], но эти подробности в значительной части остаются еще вне поля зрения исследователя.

Изучение новых данных о Тучковых в Сибирском судном списке Максима Грека в сопоставлении с известиями других источников позволяет выяснить новое не только о Тучковых, но и о более выдающихся деятелях — Максиме Греке и Курбском. Приоткрываются неизвестные ранее (употребляя выражение Б. А. Романова[96]) «куски и закоулки русской жизни», неясные стороны политической жизни и политической публицистики XVI в., но только приоткрываются, потому и в статье больше предположений, чем утверждений[38*]. Более того, новое о Тучковых — это и появление новых загадок.

Примечания

[1] *Покровский Н. Н.* Сибирская находка // ВИ. 1969. № 11. (Далее: *Покровский.* Сибирская находка.) В момент публикации статьи рукопись находилась в печати.
[2] [Судные списки Максима Грека. С. 116. См. также: С. 7. (От редактора.)]
[3] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 223.
[4] О роде Морозовых см.: *Веселовский.* Землевладельцы. С. 196 и сл. (специально о Тучковых: С. 205—207). (Далее: *Веселовский.* Землевладельцы.)
[5] РГП НИОР. Погодин, собр. № 1564. Л. 41—42 об. См. также: *Каштанов.* Очерки.
[6] АСЭИ. Т. III. № 250; РИС. М., 1842. Т. 5. С. 18, 20, 21, 23.
[7] *Веселовский.* Землевладельцы. С. 206.
[8] ОЦА. С. 100.
[9] *Зимин.* Боярская дума. С. 51. Примеч. 116.
[10] РК. С. 61, 64, 67.

впрочем, что Курбский не мог общаться в юные годы со своим дядей Василием Тучковым (и беседовать с ним о Максиме Греке и событиях, с ним связанных).

[36*] О высоких достоинствах И. И. Кубенского Курбский писал в «Истории»[93].

[37*] Быть может, преувеличение власти, распоряжение делами именем государя (сравнить с характеристикой деятельности Ф. С. Воронцова в приписке в Царственной книге[95])?

[38*] В этой связи нельзя не вспомнить наблюдение Б. А. Романова: «Историк Древней Руси никак не может обойтись без догадок и предположений... памятуя, что "доказательство" в его обиходе — термин слишком претенциозный, если держаться прямого его математического смысла»[97]. Это наблюдение вполне можно распространить и на изучение явлений русской истории XVI в.

[11] ПСРЛ. Т. 13. С. 16, 385; Т. 20. С. 391; Сб. РИО. Т. 95.
[12] ПСРЛ. Т. 20. С. 385, 391.
[13] *Веселовский.* Землевладельцы. С. 206; *Зимин.* Боярская дума. С. 51. Примеч. 116.
[14] О представлении людей XVI в. о возрасте мужчины см.: *Максим Грек.* Соч. Казань, 1862. Ч. III. С. 281.
[15] РК. С. 16.
[16] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 557. См. также: ПСРЛ. Т. 6. С. 272.
[17] *Пресняков А. Е.* Завещание Василия III // Сб. Платонову. 1922. С. 78. (Далее: *Пресняков.* Завещание).
[18] *Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. XI.
[19] *Пресняков.* Завещание. С. 77. Примеч. 4; С. 78. Примеч. 2. См. также: ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 121, 123; Т. 20. С. 449.
[20] *Пресняков.* Завещание. С. 78.
[21] АЗР. СПб., 1848. Т. II, III; *Смирнов И. И.* Очерки. С. 34, 44.
[22] *Веселовский.* Землевладельцы. С. 207.
[23] ПСРЛ. Т. 13. С. 98.
[24] Там же. С. 432. [См. также: *Шмидт.* Российское государство. С. 223—239.]
[25] *Веселовский.* Землевладельцы. С. 207.
[26] Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. 1. Отд. II. С. 14—15.
[27] *Носов.* Становление. С. 220—222.
[28] Вкладная книга в копии С. Б. Веселовского: ААН СССР. Ф. 620. Оп. 1. № 18 (подлинник в Загорском музее). Сведениями по вкладной книге обязан любезности А. Л. Станиславского.
[29] ААН СССР. Ф. 620. Оп. 1. № 18. Л. 130.
[30] Там же. Л. 193.
[31] *Зимин.* Боярская дума. С. 51. Примеч. 116.
[32] См.: АСЭИ. М, 1952. Т. 1. № 612.
[33] *Веселовский.* Землевладельцы. С. 206.
[34] ААН СССР. Ф. 620. Оп. 1. № 18. Л. 193.
[35] ГИМ ОР. Собр. Уварова. № 777. Л. 31.
[36] *Зимин.* Боярская дума. С. 56.
[37] Там же. С. 57. Примеч. 195.
[38] Там же. С. 59. Примеч. 219.
[39] Там же. С. 63. Примеч. 255.
[40] Там же. С. 63.
[41] ААН СССР. Ф. 620. Оп. 1. № 18. Л. 129 об.
[42] Там же. Л. 193—193 об.
[43] АСЭИ. Т. 1. № 612.
[44] Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. II. С. 14.
[45] *Веселовский.* Землевладельцы. С. 157, 205.
[46] Там же. С. 206. Примеч. 32.
[47] АСЭИ. Т. 1. С. 633 (примеч., сост. И. А. Голубцовым).
[48] Повести о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958. Статья Л. А. Дмитриева (особенно глава «Тучковская редакция жития Михаила Клопского»; там же указана основная литература).
[49] *Насонов А. И.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 353.
[50] Там же. С. 357—358; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 576.
[51] *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века (№ 432, 446, 479, видимо, 490) // АЕ за 1957 год. М., 1958.
[52] РК. С. 104.
[53] Там же. С. 10.
[54] См.: *Веселовский.* Землевладельцы. С. 206.

[55] ПИГ. С. 29.
[56] Там же. С. 33.
[57] *Альшиц.* Иван Грозный и приписки. С. 263—265.
[58] РИБ. Т. XXXI. Стб. 167.
[59] Там же. Стб. 133.
[60] *Ясинский.* Сочинение Курбского. С. 23.
[61] ААЭ. Т. 1. № 172. (С. 141).
[62] *Иконников.* Максим Грек. С. 576—577; *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 69, 141, 149, 178. (Далее: *Иванов.* Максим Грек).
[63] *Максим Грек.* Соч. Казань, 1860. Ч. II. С. 347 — Слово XXVII (у В. С. Иконникова — Максим Грек. С. 577 — неверно указано Слово XXVI).
[64] *Ржига.* Максим Грек. С. 37, 81.
[65] *Иконников.* Максим Грек. С. IV и др.
[66] *Покровский.* Сибирская находка. См. также: *Голубинский.* История церкви. Т. II (первая половина). С. 712.
[67] ААЭ. Т. 1. № 172. С. 141.
[68] *Шмидт.* Выпись. С. 115—116.
[69] *Максим Грек.* Соч. Т. II. С. 418.
[70] ААЭ. Т. 1. № 172. С. 143.
[71] Там же. С. 144.
[72] *Голубинский.* История церкви. Т. II (первая половина). С. 717.
[73] Сибирский список. Л. 329; ЧОИДР. 1847. № 7. С. 5.
[74] *Казакова Н. А.* О «судном списке» Максима Грека // АЕ за 1966 год. М., 1967. С. 36.
[75] *Покровский.* Сибирская находка. С. 133, 134.
[76] *Максим Грек.* Соч. Т. II. С. 237.
[77] ГИМ ОР. Собр. Уварова. № 777. Л. 31.
[78] РК. С. 9.
[79] *Лихачев Н. П.* Дьяки. С. 85. Примеч. 5.
[80] РК. С. 9—10.
[81] См.: Повесть о житии Михаила Клопского. С. 73.
[82] См.: *Покровский.* Сибирская находка. С. 137.
[83] ГИМ ОР. Воскресенское собр. № 82. Текст опубликован (в вольной транскрипции) Амфилохием. (Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1875. С. 130—131).
[84] ГИМ ОР. Воскресенское собр. № 80.
[85] *Иконников.* Максим Грек. С. 175.
[86] Это отмечено и на л. 1 рукописи (*Белокуров.* Библиотека. С. CCLXXI; *Иванов.* Максим Грек. С. 48).
[87] РИБ. Т. XXXI. Стб. 163—165.
[88] *Шмидт С. О.* К изучению «Истории» князя Курбского: О поучении попа Сильвестра // Славяне и Русь. С. 372—373; [Перепеч. в наст. изд.]
[89] Там же.
[90] РИБ. Т. XXXI. Стб. 164.
[91] ПИГ. С. 263; См.: *Шмидт.* Местничество и абсолютизм. (Постановка вопроса) // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 188—189. (Далее: Абсолютизм.)
[92] РИБ. Т. XXXI. Стб. 165.
[93] Там же. Стб. 167.
[94] Повести о житии Михаила Клопского. С. 77.
[95] ПСРЛ. Т. 13. С. 449.
[96] *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С. 16.
[97] Там же.

О ВРЕМЕНИ СОСТАВЛЕНИЯ «ВЫПИСИ» О ВТОРОМ БРАКЕ ВАСИЛИЯ III[1*]

Развод Василия III и женитьба его (в нарушение канонических церковных правил) на Елене Глинской — значительные события политической истории 20-х годов XVI в. Среди памятников публицистики, посвященных этим событиям, едва ли не самым выдающимся является памфлет, известный под названием «Выпись» о втором браке Василия III.

В «Выписи» о втором браке Василия III, дошедшей до нас в рукописях XVII и XVIII вв., несколько частей. В первой написано о намерении Василия III развестись с Соломонией «заради безчадия», о совете великого князя с Вассианом Патрикеевым, убеждавшим его в незаконности развода и второго брака, и об осуждении церковным судом Вассиана, Максима Грека и других старцев. Во второй части излагаются отрицательные ответы вселенских патриархов на послание Василия III и решение митрополита Даниила позволить развод. В третьей, неоконченной, части рассказывается о соборе афонских монахов, составлявших ответ на послание Василия III.

«Выпись» в рукописи XVII в. была известна Н. М. Карамзину, который считал ее «любопытной, но едва ли достоверной». Н. М. Карамзин, отметив «много странных выражений и слов вымышленных, каких не бывало в языке нашем», ссылался, однако, на «Выпись» в примечаниях к своему труду[1]. В 1847 г. «Выпись» опубликовал О. М. Бодянский, знавший уже два списка XVII в.[2] О. М. Бодянский полагал[2*], что фактическое содержание «Выписи» подтверждается данными других источников (о соборе, осудившем Максима Грека[3], сочинениями Максима Грека и Курбского), а «странные выражения», вызывавшие недоумение Карамзина, очевидно, восточного происхождения, так как Паисий, которого он считал автором «Выписи», был связан с Востоком.

В 1889 г. М. Н. Сперанский напечатал «Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым». В числе подробно описанных рукописей была рукопись

[1*] Впервые опубл. в кн.: Новое о прошлом нашей страны: Сб. памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 110—122.

[2*] О. М. Бодянский опубликовал «Выпись» по спискам Синодальному (ныне: ГИМ. ОР. Синод, собр. № 466. Л. 354—364), которым пользовался Н. М. Карамзин, и Погодинскому (ныне: РНБ. НИОР. Собр. Погодина. № 1597).

XVII в.[3*], включавшая и «Выпись»[4]. В описании приведены разночтения с публикацией О. М. Бодянского[5]. В 1899 г. С. А. Белокуровым[6] было опубликовано составленное в 20-х годах XVIII в. житие Максима Грека, часть которого дословно совпадает с «Выписью»[4*].

Фактические данные «Выписи» использовались историками, в частности, историками церкви. Е. Е. Голубинский, признавая «Выпись» позднейшим сказанием («есть в нем несомненно ложное, нелепо легендарное»), предполагал «источником позднейшего автора что-то современное». Е. Е. Голубинский указал на то, что в «Выписи» смешаны соборы 1525 и 1531 гг., но верно названы имена султанов и иерусалимского патриарха того времени — Марка. Так как в пророчестве патриарха Марка говорится о том, что сын Василия III от второго брака будет тираном и мучителем подданных, Голубинский считал, что «Выпись» составлена не ранее второй половины правления Ивана Грозного[8].

В 1922 г. была напечатана работа С. Н. Чернова, посвященная материалам о суде над Максимом Греком и, в частности, Погодинскому сборнику. С. Н. Чернов, ссылаясь на некоторые подробности «Выписи», полагал, что у составителя политического памфлета были в распоряжении какие-то архивные документы (выкраденные или тайком переписанные). Отметив, что состав Погодинского сборника объединен интересом к Максиму Греку и тем церковным и политическим делам, в которых он участвовал или предполагался участвующим. С. Н. Чернов по палеографическим данным относит время написания сборника ко второй половине XVII в., а время сложения его протографа к XVI в.[9]

Очень интересные соображения о «Выписи» (составе и заголовке памятника, составителе, времени составления) выдвинул в 1928 г. М. Н. Тихомиров, изучавший Чудовский список и выявивший наиболее полный список «Выписи» в так называемом Летописце князя И. А. Хворостинина[10]. М. Н. Тихомиров обратил внимание на то, что заглавие памятника испорчено, утрачены начало и конец «Выписи», памятник мозаичен по составу и распадается на три части, основанные на различных источниках и соединенные только общей темой[11]. М. Н. Тихомиров установил связь памятника с Афоном и предположил, что Паисий «серапонский» — это старец афонского Ксиропотамского монастыря[5*] Паисий — известный по афонским актам 1544 г.

[3*] В напечатанном описании ошибка — рукопись не в 8°, а в 4°.

[4*] В 1976 г. «Выпись» опубликовал по нескольким спискам А. А. Зимин, которому было известно уже 14 списков «Выписи». Древнейший из них датируется началом XVII в. и имеет не известный ранее исследователям вариант названия «Выпись из Святогорьские грамоты...», более соответствующий дальнейшему тексту памятника[7]. Заголовок древнейшего списка: «Выпись из Святогорьские грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичю о сочтении втораго брака и о разлучении перваго брака чадородия ради. Творения Паисеино старца Серапонского монастыря» (с. 140).

[5*] Название Ксиропотамского монастыря искажено и в новгородской рукописи 1558 г., где читаем: «от монастыря Сиропотамия». В рукописи этой приведены любопытные сказания о чудесах афонских монастырей[12].

Благодаря наблюдениям М. Н. Тихомирова и его предшественников, удалось определить, что упоминаемые в «Выписи» исторические лица (участники суда над Вассианом, афонские монахи, патриарх, султаны) действовали именно в то время, к которому отнесены в «Выписи» описываемые события. Хронологическую путаницу (перепутаны соборы 1525 и 1531 гг.) М. Н. Тихомиров объяснял тем обстоятельством, что «Выпись» писалась по памяти или с рассказов людей, знакомых с событиями. Запомнились характеристики действующих лиц, падение Вассиана, естественно, ставилось в связь с разводом великого князя, но даты были забыты и слились уже в одно целое. Известное место «Выписи» о том, что сын Василия III станет мучителем и грабителем чужого имения, по мнению М. Н. Тихомирова, не обязательно переносить в глубь второй половины XVI в. Все это могло относиться и к ранней молодости Ивана IV. «Дела разбойнические», попаление Москвы «презельным огнем» и «неисповедимое пленение» от татар случились при молодом Иоанне до прибытия Сильвестра. Эти несчастья и могли побудить Паисия к составлению «Выписи», которая, таким образом, датируется 1545—1547 гг. М. Н. Тихомиров предположил, что «Выпись» была известна Курбскому, который также связывал судьбу Вассиана с разводом Василия III, и сопоставил слова Курбского «аще и возбраняющу ему сего беззакония многим святым и преподобным»[13] с рассказом «Выписи» о соборе афонских старцев.

В исследованиях 40-х годов М. Н. Тихомиров привлек этот памятник для изучения истории многообразных связей русского народа с южными славянами. В этих работах дано объяснение тому волнению, которое известие о браке Василия III вызвало на Афоне. Афонские старцы, полагает М. Н. Тихомиров, могли бояться перемены московской политики по отношению к Турции, вследствие возникших связей московского великого князя с сербскими владетельными родами. Кроме того, имелась опасность увеличения русской помощи южнославянским монастырям в ущерб греческим. Таким образом, выступавшие против развода руководствовались не только церковными мотивами. Наконец, в одной из самых последних своих работ — небольшом этюде «Страница из жизни Ивана Пересветова» М. Н. Тихомиров снова напомнил о «Выписи», отметив, что в этом публицистическом сочинении отражены были факты расправ юного Ивана IV с боярами, начавшихся «примерно в 1546 г.»[14]

О «Выписи» писала и Н. А. Казакова в монографии о Вассиане Патрикееве[15]. Согласившись с точкой зрения М. Н. Тихомирова о связи «Выписи» с Афоном, Н. А. Казакова полагает, однако, что с Афоном 40-х годов XVI в. «можно связывать возникновение лишь какого-то первоначального, неизвестного нам вида произведения». Дошедшая же редакция «Выписи» вряд ли могла появиться ранее второй половины XVI в. Об этом, помимо наблюдения Е. Е. Голубинского над предсказанием о царе-мучителе, свидетельствует и сопоставление «Выписи» с «Историей» Курбского[6*]. В обоих произведениях правление Ивана IV изобража-

[6*] Текст «Выписи» использован в одной из редакций «Истории о великом князе Москов-

ется враждебно, излагается одна и та же версия о причинах опалы Вассиана, а склонность Ивана IV к тирании объясняется как неизбежное следствие преступного брака его отца. Все это позволяет поставить вопрос не только об одновременном (в один исторический период) возникновении обоих памятников, но и о влиянии одного из них на другой. Н. А. Казакова оспаривает мнение, будто Вассиан противился второму браку Василия III[7*] и, вслед за В. С. Иконниковым[18], приводит факты, свидетельствующие о достаточно высоком положении князя-инока при дворе и после женитьбы Василия III на Елене Глинской. Н. А. Казакова считает, что поводом для возникновения версии об опале Вассиана вследствие противодействия второму браку великого князя могло послужить то обстоятельство, что Вассиан был родственником Сабуровых, из рода которых происходила Соломония. Для правильной оценки этой версии следует иметь в виду характерную особенность публицистических памятников второй половины XVI в., рисующих взаимоотношения боярства с великокняжеской властью в более ранний период[19]: бояре, оппозиционные самодержавию Ивана IV, пытались идейно связать себя со своими предками, действовавшими при предшественниках царя[8*].

ском» Курбского, которую Ю. Д. Рыков назвал «компилятивной»[16].

[7*] И. У. Будовниц писал, что бояр «горячо поддерживал Вассиан Косой», ссылаясь при этом на «Выпись»[17].

[8*] А. А. Зимин полностью отвергает мысль о возможности ранней датировки «Выписи». По его утверждению, «Время возникновения "Выписи" определяется двумя ее сторонами: содержанием, в первую очередь интересом к опричнине и гибели династии, и формой — стилизацией под делопроизводственные произведения с элементом "предсказаний". Все это ведет нас скорее всего к концу XVI — началу XVII в. Первой третью XVII в. и датируется древнейший список памятника (Б). В то время публицистика обращает свое внимание к событиям опричной поры, в которых она видит корень всех бед, постигших страну. В конце XVI — начале XVII в. распространяется жанр "предсказаний", написанных задним числом после происшедших событий. Наконец, тогда же появляются такие произведения в приказной среде, как "Сказание о Петре Волосском" и "Повесть о двух посольствах", написанная в виде статейного списка. В ней содержится также "пророчество" о прошедших событиях ("в нашей земле будет трясение великое"). В приказной среде, близкой к Посольскому приказу, надо искать и составителя "Выписи". Этот памятник сложился, возможно, в одно время с публицистической обработкой судебных материалов о Максиме Греке. Во всяком случае, оба памятника находятся в одном (Погодинском) сборнике, и в обоих процессы 1525 и 1531 гг. слиты воедино, хотя в "Судном деле" это слияние неполное. Каковы источники "Выписи", в настоящее время представить трудно. Наличие в ней некоторых "реалий" ведет нас к материалам государевой казны. Но большего пока сказать трудно»[20]. Эти выводы, — по словам самого А. А. Зимина, — «носят предварительный характер до завершения текстологической работы над "Выписью" (и издания текста памятника)» (Там же). Однако в статье, предваряющей публикацию «Выписи», и, соответственно, можно полагать, явившейся результатом «завершения текстологической работы», о чем писал А. А. Зимин в статье 1973 г., А. А. Зимин почти дословно повторяет текст этой статьи, исключив лишь последние три предложения (об источниках «Выписи») и исправив стилистические погрешности. Более того, А. А. Зимин настоятельно проводит мысль о датировке «Выписи» теперь уже началом XVII в. («Все это ведет нас к началу XVII в.» вместо прежних слов: «Все это ведет нас, скорее всего, к концу XVI — началу XVII в.»), а выражение «возможно» во фразе о сложении «Выписи» в одно время с «Судным списком Максима

Таким образом, даже неполный историографический обзор показывает, что «Выпись» прочно вошла в научный оборот. «Выпись» изучалась и в источниковедческом плане, и при выяснении фактов политической и церковной истории и истории общественной мысли. Однако до сих пор еще остается много неясного. Задача настоящей работы — уточнить некоторые собственно исторические вопросы, имеющие отношение к «Выписи». Памятник, несомненно, может стать и предметом углубленных исследований литературоведов и языковедов[9*]. Темой специального сравнительного изучения должны стать и рукописи, в составе которых дошла до нас «Выпись».

«Выпись» известна в списках не ранее XVII в. Даже если предположить, что события 20-х годов XVI в. не утратили политической остроты почти через полтора столетия и напоминание о них вызвало определенные ассоциации у современников первых Романовых, также дважды вступавших в брак, — есть все-таки основания утверждать, что в основу «Выписи» положены сочинения XVI в. Об этом прежде всего свидетельствует точность многих исторических реалий (упоминания событий, лиц), крайне редкая для нарративных памятников, описывающих события такой давности[10*]. Ученые уже выделили данные об упоминаемых в «Выписи» исторических деятелях, находящие подтверждение в достоверных источниках XVI в. В дополнение можно отметить, что по другим источникам известны также благовещенский протопоп Василий (он был духовником Василия III и свидетелем его духовной 1523 г.[24]) и русский посол в Крыму Иван[25] Колычев[11*]. Вообще введение исторических реалий отвечало требованиям средневекового историзма — изображать только исторические, реально существовавшие события и лица[27]. (Это прослеживается даже по памятникам откровенно иносказательным, например, по сочинениям Пересветова.)

Вполне вероятно предположение, что при составлении «Выписи» в какой-то степени были использованы документы внешних сношений, хранившиеся в госу-

---

Грека» заменено выражением «очевидно»[21]. Более развернутой аргументации А. А. Зимин не счел нужным приводить, хотя еще в 1971 г. был опубликован по найденной в Сибири рукописи 1590-х годов самый ранний и наиболее полный «Судный список Максима Грека», вероятное время создания протографа которого (как показал Н. Н. Покровский, поддержанный и другими специалистами) ограничивается 1544—1548 гг., причем ближе к концу этого периода[22]. Небезлюбопытно заметить, что в другой своей работе тех же лет А. А. Зимин пишет о «Сибирском сборнике» как о памятнике «конца XVI в.»[23]

[9*] Интересные замечания в этом плане высказали Е. А. Васелевская, О. А. Державина, А. А. Зимин, С. И. Кочетов, В. Д. Кузьмина, Е. С. Овчинникова, А. В. Позднеев, А. Н. Робинсон при обсуждении доклада автора, основанного на этой работе, 23 сентября 1964 г. на заседании группы по истории древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

[10*] Хотя нельзя не отметить хронологическую путаницу соборов 1525 и 1531 гг. В первоначальном тексте памятника такая путаница маловероятна.

[11*] Упоминается Иван Андреевич Колычев. В житии Максима Грека XVIII в.[26] и в книге Б[оде]-К[олычев]а «Боярский род Колычевых» [М., 1886] назван Иван Васильевич Колычев.

дарственном архиве. Из таких документов, в частности, могла быть воспринята составителем иностранная терминология. В «Выписи» встречаются малопонятные иностранные слова, иногда с объяснением их смысла на русском языке: «воеводы и сатравы (саравы) Дасийстии — рекше болярстии», «роды (роди) Сарападасийские (Сарападасийстии, Сарападисийстии) — рекше болярские»[12*], «урдюкелех (друкелех, ордюкелех) — рекше християне (православных християнех)» «восприимет под свою руку Келевдерию (Кевдекерий)», «племянника Лаковрича (племени Калаковрича, племена Колаковрича)», «Владимира Мономаха ардарила (ярдарила) — рекше шапку». Слова в таком написании не встречаются в албанском, греческом, молдавском, сербском, турецком языках[13*]. Иностранные слова, особенно имена и географические названия, иногда изменялись до неузнаваемости в русской транскрипции того времени[29].

Несомненной представляется связь «Выписи» с Афоном. Вопрос о наследнике московского великого князя — сильнейшего из православных государей того времени, покровителя афонских монастырей, не мог не интересовать афонских монахов. Об этом афонским монахам напоминал и сам Василий III. Еще в 1515 г., отправляя на Афон грамоты о присылке переводчика, он просил поминать Соломонию «чадородия ради»[30]. Связь с Афоном подтверждается также тем обстоятельством, что в Чудовском списке[31] — именно в том списке, где не приводится бессмысленное позднейшего происхождения заглавие, — вслед за «Выписью» помещены сказания об афонских монастырях[14*]. Афон был в ту пору важнейшим центром общения России и южнославянских народов[34], и на Афоне, в окружении разноязычных монахов и приезжих, и раньше еще создавались сочинения со сложным сочетанием языковых особенностей[35].

«Выпись» дошла до нас в измененном виде. Памятник мозаичен, и части его, как установил М. Н. Тихомиров, основаны на различных источниках. При этом заметны отличия первых двух частей от третьей. В первых двух частях встречаются характерные языковые особенности (в частности, употребление малопонятных слов, иногда с русским переводом) и обнаруживается явно враждебное отношение ко второму браку Василия III и к деятельности Ивана IV. В третьей части («Послание Святые горы инок») нет этих малопонятных слов, отношение ко второму браку Василия III иное[15*], а о деятельности наследника Василия III даже не упоми-

[12*] В скобках дано написание слов по другим спискам. Возможно, что малопонятное уже и переписчику слово «сарападасийские» — это своеобразное сложное слово (compositum), образованное путем объединения в одно слово «сатравы» (вероятно, так написано вместо «сатрапы») и «дасийские» (видимо, надо «дакийские»)[28].

[13*] Приношу благодарность за консультации по этому вопросу Ф. А. Грекулу, А. П. Каждану, Е. В. Михайлову, А. П. Новосельцеву, Н. Д. Смирновой, Б. Л. Фонкичу. (В ряде слов — согласно наблюдениям А. А. Турилова — обнаруживается греческая основа.)

[14*] Такие же сказания включены в новгородский рукописный сборник 1558 г.[32] и в некоторые рукописные сборники XVII в.[33]

[15*] Вопрос формулируется по существу так: «... понеже, грех ради наших, нечестивым пле-

нается. «Златоустаго речь», завершающая «Выпись», допускает толкование в духе оправдания второго брака Василия. В то же время в третьей части обнаруживается противотурецкая, точнее, противомусульманская, направленность. Можно думать, что первая и вторая части составляли первоначально единый памятник. Различия между первыми двумя частями «Выписи» и третьей позволяют предполагать, что части эти могли быть написаны не одновременно и лишь потом были объединены в одном сочинении. Для удобства будем называть первые две части «Словом», а третью — «Писанием». (В «Выписи» указано, что Гавриил[16*] вывез «писание из Святые горы»[38].)

«Слово» — даже первая его часть — не могло быть составлено в дошедшем до нас виде самим Вассианом Патрикеевым. Вассиан, как установлено, вряд ли активно противодействовал браку Василия III. В тексте «Слова» читаем о ссылке Вассиана в Иосифо-Волоколамский монастырь (где он вскоре умер). Наконец, в начало «Выписи» включены упоминания о молитве русским чудотворцам, невозможные в памятнике, отражавшем взгляды Вассиана. (Князь-инок высказывал сомнение в чудотворчестве русских святых, в частности, названного в «Слове» митрополита Ионы[17*].)

Очевидно, еще в 20-е годы XVI в. появились сочинения, направленные против развода Василия III. Толки, запечатлевшие недовольство вторым браком Василия III, отразились и в Псковской летописи, и в книге Герберштейна. Но тогда же составлялись сочинения и с целью оправдания поступка великого князя и прославления его деяний[40]. Современные описываемым событиям сочинения[18*] и могли лечь в основу изучаемой «Выписи»!

Обычно для датировки «Выписи» обращаются к предсказанию патриарха Марка («Послание четырех патриархов» во второй части «Слова»). Марк «восписал свирепством» о том, что наследник Василия III «за прелюбодеяние порушит царствие» и будет царем-мучителем: «Все попрает и роди сарападасийстии, рекше боярстии, и стратигове и племена Колаковрича и всех урдюкеле, рекше християне, во страсе утесняеми будут, но реку, презрит вся вселенския соборы и вос-

менем плодовити, а у нашего государя великого князя Василя Ивановича всеа Руси наследника несть?»[36].

[16*] Возможно сближение с писателем и историком афонских монастырей Гавриилом. Гавриил был русского происхождения и несколько раз избирался святогорским протопопом (в 1515, 1516—1520, 1525—1528, 1533—1534 гг.)[37]. Любопытно, что Гавриил был протопопом и в год вступления Василия III во второй брак, и в первое время регентства Елены Глинской. Знакомством с трудами Дм. С. Радойчича автор обязан М. Н. Тихомирову.

[17*] На суде Вассиан говорил: «Яз не ведаю, Иона чудотворец ли»[39].

[18*] Известно о составлении летописца, связанного, по-видимому, с деятельностью Глинских[41]. В этом плане очень интересна стенная роспись Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве[42]. Отзвуки событий, связанных с разводом Василия III, явно нашли отражение в рассказах о рождении сына у Соломонии, сосланной в Покровский Суздальский монастырь[43] и, возможно, в былинах о Василии Окуловиче.

приимет под свою руку Келевдекерий и будет грабитель чюжаго имения; моль же поядает ризы, а чюжее имение граблением и свое все изстребит; и наполнится твое царство страсти и печали, и будет в та лета убивание и муки различны: сарападасийских родов и юнош и дев нещадение и ово на кола, а иным усечение главное, иным же утопление водное и всякое мучение смертное и затоцы без милости и мнозии гради огнем попрани будут и много развращения и страсти будут»[44].

Смысл предсказания, несмотря на наличие малопонятных слов, совершенно ясен. В тексте — даже теперь, когда утрачены многие документы той эпохи, — обнаруживаются указания на события 1530—1540 гг. Ужасы опричнины заслонили историкам события предшествовавшего времени, но в представлении современников годы малолетства Грозного (до пожара июня 1547 г.) тоже были годами бедствий страны и бесчинств Иоанна, временем «мятежей и нестроений»[45]. Об этом говорил сам царь на соборах 1547—1551 гг. и писал в послании Курбскому. Об этом читаем в «Истории» Курбского, в «Степенной книге», официальных и местных летописях, «Казанской истории», сочинениях Максима Грека и Пересветова и во многих других памятниках XVI в.

Предсказание Марка напоминает предсказание Вассиана в первой части «Слова» о «варварском нахождении», «огненном запалении», «громогласии и землетрясении»[46], и в общем плане могло бы быть отнесено ко всему периоду конца 1530-х — 1540-х годов, метко охарактеризованному современником как годы «безгосударства»[47]. Однако в тексте выявляются и более конкретные напоминания, откровенно ведущие нас к событиям 1546 — первой половины 1547 г., известным по другим источникам.

Сведений об этих событиях сравнительно мало в официальной летописи, призванной прежде всего прославлять деяния государя, но зато они запечатлены в местных летописях и особенно в Постниковском, Хронографическом и Пискаревском летописцах (ставших лишь в недавнее время предметом специального исследования)[48].

В предсказании патриарха Марка читаем о казни знатных юношей и даже о способе казни — сажании на кол и отсечении головы. Именно об этом событии сообщает под январем 1547 г. и Хронографический, и Постниковский летописцы: князя Федора Ивановича Овчинина-Оболенского посадили на кол на лугу за Москвой-рекой против Кремля, а князю Ивану Ивановичу Дорогобужскому голову «ссекли на льду». Хронографический летописец при этом специально указывает, что Иван IV приказал казнить княжичей «повелением Михаила Глинского и матери его княгини Анны»[49]. О казни этой дважды писал в «Истории» Курбский[50], характеризуя убитых как «благородных княжат», которые «яко ягнцы неповинно заколены еще в самом наусии»[19*], там же Курбский упомянул о казни

[19*] По словарю И. И. Срезневского, «юноша-наусица» — юноша с только еще пробивающимися усами[51].

(удавлении) еще одного княжича[52] — 15-летнего Михаила Трубецкого[20*]. Овчинина и Дорогобужского казнили в то время, когда Иван IV после смотрин готовился к венчанию царским венцом и к свадьбе. Федор Овчинин был сыном фаворита Елены Глинской (матери Ивана IV) и племянником мамки Ивана IV Аграфены Челядниной (сестры И. Ф. Овчины-Телепнева-Оболенского), а также — что особенно важно — находился в родстве с Глинскими. 18-летний Иван Дорогобужский был двоюродным братом[21*] Федора Овчинина[55]. Мать Дорогобужского, рано овдовев, стала женой Ивана Петровича Федорова[56], воспитанником которого и являлся казненный княжич. В июле 1546 г. И. П. Федоров подвергся опале (за связь с казненными тогда же князем И. И. Кубенским и Ф. С. и В. М. Воронцовыми) и был сослан на Белоозеро[57]. По позднейшим источникам, казнь Ф. И. Овчинина имела место тогда же, когда и опала Федорова (в июле 1546 г.)[58], следовательно, связь этих опал представлялась несомненной. Быть может, поводом для казни княжичей, принадлежащих к кругу лиц, наиболее осведомленных об интимных подробностях придворной жизни, послужили разговоры о происхождении Ивана IV и о недостойном поведении его матери, особенно неприятные для великого князя и его родни накануне венчания на царство и царской свадьбы[22*].

О расправе Ивана IV 21 июля 1546 г. с виднейшими боярами сообщают многие источники. Казнь совершена была тогда, когда Иван IV с войском, «по крымским вестем», находился в Коломне у Голутвина монастыря. Бояр казнили перед шатрами в виду войска во время игрищ — «потех»[23*] (языческих в своей основе): «и тут была у них потеха: пашню пахал (Иван IV. — *С. Ш.*) вешнюю и з бояры и сеял гречиху, и иныя потехи: на ходулех ходил и в саван наряжался. И тут грехом

[20*] Курбский писал по памяти («памятались», «памятамися») и спутал последовательность казней 1540-х годов. На этом основании Н. Г. Устрялов колебался, к какому времени отнести казнь Ф. Овчинина и Дорогобужского, а А. Н. Ясинский полагал, что они погибли почти одновременно с А. М. Шуйским, т. е. в 1543 г.[53] С изданием Хронографического и Постниковского летописцев сомнения в дате казни отпадают. Дата казни Трубецкого пока не установлена по другим источникам.

[21*] Мать Ф. И. Овчинина — урожденная княжна Дорогобужская[54].

[22*] Не исключено, что рассказы иностранцев о причине казни в 1564 г. молодого князя Дмитрия Федоровича Овчинина-Телепнева-Оболенского основаны на воспоминаниях о причине казни его родственника и однофамильца в 1547 г. По Шлихтингу, Д. Ф. Овчинин был убит за то, что упрекнул в ссоре Федора Басманова в мужеложестве с царем[59]. Рассказ этот, замечает С. Б. Веселовский[60], похож на придворные сплетни. Характерно, что Курбский, не раз писавший о «содомском грехе» и «афродитском блудотворении» царя, описывая убийство Д. Ф. Овчинина («заклан от самого его (т. е. Ивана IV. — *С. Ш.*) руки»[61]), не упоминает об этом. В представлениях иностранцев, сообщавших по слухам о некоторых казнях времени Ивана Грозного, придворные сплетни об обеих казнях (Ф. И. Овчинина в 1547 и Д. Ф. Овчинина в 1564 гг.) могли сместиться.

[23*] По приписке в Царственную книгу, Иван IV выехал «на прохлад поездити потешитися»[62].

христианским, *тутo же* (курсив мой. — *С. Ш.*) учинилася казнь»[63]. Особенно поразило современников то, что бояр перед смертью лишили причащения («а отцов духовных у них перед концем не было»). И. П. Федорова «в те же поры ободрана нага дръжали» и сослали, а И. М. Воронцов «после тое казни и не однажды был на Коломне на пытке»[64]. Возможно, что бояре были казнены за супротивку Ивану IV, начав выговаривать ему неуместность «потех». Против бояр «по наносу злых людей»[65] были выдвинуты какие-то обвинения в том, что они «бесерменские поноровники» (сносятся с враждебными Ивану IV казанцами[66]), мздоимцы[67]. Кубенский и Ф. и В. Воронцовы, видимо, пытались оправдаться, и Иван IV «с великиа ярости»[24*] велел им тотчас «всем трем головы» посечь[70]. И. П. Федоров же сумел избежать смерти, так как «против государя встреч не говорил, а по всем ся виноват чинил»[71]. Так вырисовывается реальный исторический комментарий к словам предсказания патриарха Марка о казнях[25*], заточениях, «развращениях и страстях».

Находятся в источниках, описывающих события 1546 — начала 1547 гг., и подтверждения словам предсказателя об ограблении чужого имения и истреблении своего. «Животы и вотчины» опальных — и бояр, казненных и сосланных летом 1546 г., и юных княжичей, казненных в январе 1547 г., — Иван IV «велел поимать на себя» («на себя взяти»). Осень 1546 г. Иван IV с братьями во главе 3—4 тыс. приближенных провел в Новгородской и Псковской землях, «гоняя на подводах»[74] или «мсках» (ишаках) и, по выражению псковского летописца, «християном много протори учинил». Новгородская летопись тоже отмечает, что «войско его начя быти спесиво», и Иван IV «велел доправити на старостях три тысячи золотых болших»[75]. К этому же времени Н. М. Карамзин относит «сказание, похожее на сказку»[76], о том, как Иван IV, остановившись на одну ночь в Новгороде, «начат пытати про казну» ключаря и пономаря храма Софии и, «много мучив их не допытася», пришел сам в храм, указал, где ломать стену, и обнаруженные там сокровища велел на возах отвезит в Москву[26*]. В 1546—1547 гг. «во всех городах Московские земли и в Новгороде хлеба было скудно»[27*], и велено было «имати дань с сох по 12 рублев и от того християном тягота была великая»[79]. Известно также и то, что в это время русские земли подвергались нападениям внешних врагов с юга и с востока.

[24*] По «Казанской истории», Иван IV «возъяряся велми и рыкнув, аки лев... и повеле 3 боляр своих, полатных больших велмож, лесть творящих главней казни предати»[68]. По словам дьяка Ивана Тимофеева, Иван IV еще «во юности... к ярости удобь подвижден бе»[69].

[25*] Какая-то связь имелась и между казнью бояр и столкновением новгородских челобитчиков с царской охраной[72] (если известия об этом не являются следствием путаницы или намеренного хронологического смещения событий в позднейшей вставке)[73].

[26*] В Псковской 1-й летописи событие это датируется 28 декабря 1547 (7056) г.[77]

[27*] Из «Хронографической летописи» узнаем, что «тое же весны хотел царь великий князь идти к Казани в судех, и пришла засуха великая и вода в одну неделю спала, а суды великого князя на Москве реке обсушило»[78].

Наконец, весна 1547 г. была ознаменована пожарами в городах. В апреле летописцы трижды отмечают пожары в Новгороде[80], пожар в Пскове в 1544 г.[81] Несколько пожаров было в Москве. Особенно запомнились апрельские пожары, отмеченные не только в московских, но и в новгородской и псковской летописях[82]. В апрельских пожарах обвиняли «зажигальников», которые с пытки «сами на себя говорили», «и тех зажигальников казнили смертною казнью, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали»[83]. Следовательно, даже еще до знаменитого «великого пожара» конца июня 1547 г. «были мнози гради огнем попрани».

Предсказание, приписанное составителем «Выписи» патриарху Марку, точно конкретизируется в сравнительно узких хронологических рамках событий середины 1546 — начала 1547 г. Все это позволяет предполагать, что цитированный текст предсказания патриарха Марка был написан весной—летом 1547 г.

Так как в тексте этом встречаются малопонятные выражения, характерные и для первой части «Слова», можно думать, что «Слово» в целом (возможно, на основе переработанного текста какого-то более раннего сочинения, современного описываемым событиям) в первоначальной редакции было составлено именно в эти месяцы 1547 г., и составитель его имел какое-то отношение к Афону, во всяком случае, воспринял афонскую литературную традицию. «Слово» есть основание рассматривать как политический памфлет, направленный против власти Глинских[28*] и молодого царя, а возможно, даже и против присвоения Иваном IV царского титула и его женитьбы.

Вероятнее всего, что «Слово» было составлено в канун Московского восстания июня 1574 г. и могло быть использовано теми, кто обвинял Глинских в поджоге Москвы. Не исключено, впрочем, что «Слово» написали и вскоре после восстания в оправдание опалы Глинских. Но при всех обстоятельствах содержание «Слова», очевидно, близко к тому, что говорилось о поступках Ивана IV и деятельности Глинских в дни «великого пожара» и восстания. В накаленной общественной атмосфере 1547 г. «Слово» могло оказывать большое возбуждающее действие на современников и напугать Ивана IV и его близких. Таким образом, «Слово» приобретает особую ценность для исследователей события 1547 г.

«Слово», как и «Выпись» в целом, отличается навязчивым «воинствующим дидактизмом», характерным для религиозно-литературных памятников той поры[86]. Исследователям предстоит еще сопоставить «Слово» с обличительными речами Сильвестра, посланиями Максима Грека и другими произведениями общественной мысли этого бурного времени.

[28*] О направленности памфлета против Глинских свидетельствует и упоминание о протопопе Василии (сохранившееся лишь в Уваровском списке — л. 305)[84]. Протопоп Василий был близок с Глинскими и с Захарьиными. В духовной его вдовы Марфы (1560—1561) указывается, что протопоп «приказал перед смертью всю свою семью князю Мих. Льв. Глинскому, Мих. Юр. Захарьину, Ив. Ю. Шигоне, Меньшому Путятину и Русину Иванову сыну Семенову»[85].

Третья часть «Выписи» — «Писание» — отличается от «Слова» политической направленностью и языком. Содержание «Писания» в значительно большей степени отвечало политическим взглядам царя и его окружения.

Очевидно, что «Писание» было присоединено к «Слову». При этом «Слово» подвергалось некоторой переработке. Так, начало «Слова», прославляющее Василия III и напоминающее о российских чудотворцах, несколько не согласуется с последующим текстом, а первых абзацев начальной части «Слова» нет в житии Максима Грека (составитель которого использовал какой-то список «Выписи»). Видимо, начало «Слова» дошло до нас уже в переработанном виде, и редакция эта (во всяком случае, первичная) имела место тогда, когда «Слово» объединили с «Писанием», и они вместе составили новый единый памятник — «Выпись». Очень возможно, что именно эту работу по составлению «Выписи» и проделал серб Паисий, наиболее вероятный автор «Писания», с именем которого традиция связывала авторство памятника в целом («творение Паисеино»).

В конце XV в. Ксиропотамскому монастырю покровительствовала сербская деспотица Ангелина[87], в 40-е годы XVI в. его покровителем стал молдавский воевода Петр Рареш[29*]. Ксиропотамскому монастырю принадлежали построенные Петром церкви и монастыри в Яссах, Бухаресте, земли в Молдавии и в Валахии[89]. Отношения родства и свойства связывали Петра Рареша и с родственниками Ангелины, и с Иваном Грозным — жена Петра была племянницей Анны Глинской (бабушки Ивана Грозного по матери)[90]. Между Россией и Молдавией уже с конца XV в. наладились многообразные политические и культурные связи[91]. В начальной части «Слова» (видимо, переработанной при объединении «Слова» с «Писанием») вслед за перечислением патриархов и афонских монастырей, до которых «достигает» милостыня московского великого князя, особо выделены «и Молдавские малые державы обители, и Мунтянские, и Влоские земли»[92]. Литературная манера «Писания» заставляет также вспомнить о «речах» Петра, волосского воеводы, т. е. Большую челобитную Пересветова. (Соотношение «Выписи» и сочинений, связываемых с Пересветовым, может стать темой специального исследования.)

Когда была составлена «Выпись», решить труднее. Если «Слово» сразу же после написания начали распространять, особенно, если это сочинение дошло до Ивана IV и митрополита Макария, то «Писание», а следовательно, и «Выпись» в целом, могли составить очень скоро после «Слова». Об этом позволяют думать и выпады против «басурманства», особо заметные в русской официальной публицистике (прежде всего церковной) именно в годы Казанской войны[93]. Выпады против мусульманства характерны были и для окружения Максима Грека (ранее бывшего афонским монахом). Связи с Афоном были у митрополита Макария[30*], а

[29*] По «Типику Святые горы» 1551 г., «дань платит волоский воевода за Святую гору»[88].

[30*] Митрополит Макарий очень доверял рассказам афонских старцев, включая их рассказы в Четьи-Минеи[94].

возможно, и у А. Ф. Адашева — руководителя внешней политики Московского правительства в те годы[31*]. В молдавской церковной литературе, особенно в связи с окончательным переходом в мусульманство в 1550 г. сына Петра Рареша Ильяша, в то время также усилилась противотурецкая тенденция (это явственно обнаруживается в написанной в начале 50-х годов XVI в. славяно-молдавской летописи романского митрополита Макария[96]). Наконец, следует иметь в виду и то обстоятельство, что авторство «Выписи» приписывалось Паисию, упоминаемому в афонских документах 40-х годов XVI в.[32*]

«Выпись» осталась незавершенной; и «Слову» противопоставили «Благодарение и похвалу о благородстном рожении по неплодстве сына, молитвою от Бога дарована самодержавному царю великому князю Василию, боговенчанного царя и великого князя Ивана», написанное, видимо, раньше, но вошедшее затем в Степенную книгу[99]. Интересно отметить, что «Выпись» в наиболее полном списке дошла до нас как раз в составе Степенной книги особого состава[100].

Таким образом, «История» Курбского не могла оказать воздействия на автора «Слова», так как «Выпись» была составлена значительно раньше ее. Знакомство же Курбского с сочинениями о втором браке Василия III очень вероятно, а сходство взглядов составителя «Слова» и Курбского несомненно. Курбский, как он сам указывает, писал о событиях конца 20-х — начала 40-х годов XVI в. по памяти, допустив фактические ошибки. Следовательно, работая над «Историей великого князя Московского», Курбский, видимо, не имел под руками «Выписи». В приписываемом же перу Курбского житии Максима Грека, составление которого относят еще ко времени пребывания Курбского в России[101], опущены сведения о противодействии Максима второму браку Василия III[102].

В годы опричнины «Выпись» (точнее, первые части ее — «Слово») снова приобрела политическую актуальность и могла быть использована кругами, недовольными Грозным. В нарушении Василием III церковных правил, в браке его с Еленой Глинской современники искали объяснения жестоким поступкам Ивана Грозного. Возможно, что уже тогда была принципиально изменена концовка «Выписи»[33*], дошедшая до нас в позднем житии Максима Грека: афонские старцы — по тексту жития — запрещают Василию III вступать во второй брак[103]. В те годы актуальными казались и элементы противотурецкой направленности в «Пи-

---

[31*] Очень вероятно, что А. Ф. Адашев юношей побывал на Афоне. В 1538—1539 гг. он сопровождал посольство своего отца Ф. Г. Адашева к султану и константинопольскому патриарху, «разболелся» и после отъезда отца в Россию оставался еще год в Турецкой империи[95].

[32*] Известен также и афонский монах Паисий, бывший в 1550 г. игуменом Хиландарского монастыря. В 1550 г. этот Паисий приезжал вместе с тремя другими монахами в Москву[97] и составил для митрополита Макария «Типик Святыя горы»[98]. Быть может, это одно и то же лицо, или переписчики спутали впоследствии названия монастырей?

[33*] С. А. Белокуров не отметил это существеннейшее различие между «Выписью» и житием Максима Грека. «Дословное сходство» памятников характерно лишь для первых двух частей «Выписи» (т. е. «Слова»).

сании»: конец 60-х — начало 70-х годов XVI в. — время обострения русско-турецких отношений; в 1568 г. султан Селим осквернил святыни храма св. Софии в Стамбуле и приказал убрать некоторые из них (часть святынь перевезли на Афон)[104]. Возможно, что именно в годы опричнины были внесены в текст и объяснения малопонятных слов (первоначально это могло быть сделано в виде глосс, разъясняющих трудные слова). Позднейшим изменением является и заглавие памятника.

Люди XVII в. также не утратили интереса к этому остро публицистическому памятнику. «Выпись» встречается в рукописях XVII в. в составе «Степенной книги» вместе со сказаниями об Афонских монастырях и в сборнике материалов, связанных с Максимом Греком.

Таким образом, наиболее обоснованной датировкой «Выписи» о втором браке Василия III можно признать датировку, предложенную еще в 1928 г. М. Н. Тихомировым. Этот памятник публицистики оформился в ходе политической борьбы второй половины 40-х годов XVI в., и содержание его тесно связано с политическими событиями 1546—1547 гг.[34*]

Примечания

[1] *Карамзин.* История. Т. VII. Примеч. 277, 343.

[2] ЧОИДР. 1847. № 8. Смесь. С. 1—8. «Выпись из государевы грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичу о сочетании втораго браку и о разлучении перваго брака чадородия ради. Творения Паисеино старца Ферапонтова монастыря».

[3] Об обстоятельствах этого дела см.: *Иконников.* Максим Грек. С. 455 и сл. Там же см. об использовании фактических данных «Выписи» в исторической литературе.

[4] Ныне в ГИМ ОР. Чудовское собр. № 53/355.

[5] ЧОИДР. 1889. № 3. С. 43—46. Хронографы Московского Чудова монастыря.

[34*] В статье «От редактора», предваряющей издание «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки», автор настоящей книги писал: «Научное значение сведений, заключенных в публикуемом памятнике, отнюдь не ограничивается данными о судебных процессах Максима Грека и Исака Собаки, о деятельности прикосновенных к этому лиц — облегчается понимание и неясных до сих пор важных обстоятельств политической истории, и темных мест давно уже изучавшихся памятников публицистики. Так, казалась непонятной путаница сведений о судебных процессах 1525 и 1531 гг. в так называемой «Выписи» о втором браке Василия III — остротенденциозном сочинении, направленном против Ивана IV. Это использовалось даже для доказательства позднего происхождения «Выписи», вторичности ее по отношению к «Истории о великом князе Московском» Курбского (составленной в 1570-е годы). Теперь имеются документальные свидетельства того, что уже в памятнике 1540-х годов обнаруживается путаница едва ли не такого рода. Тем самым не только появляется дополнительный аргумент в пользу датировки «Выписи» примерно 1546—1547 гг. (о чем писал еще в 1928 г. М. Н. Тихомиров), но и возникает заманчивая перспектива рассмотрения возможных точек соприкосновения судных списков Максима Грека и Исака Собаки и «Выписи» и изучения их в ряду публицистических сочинений второй половины 1540-х — начала 1550-х годов, а ведь это время интенсивной публицистической деятельности Максима Грека и Макария, Сильвестра и Ермолая-Еразма, Ивана Пересветова и Ивана Грозного...»[105]

[6] *Белокуров.* Библиотека. С. V—XIV. См. также с. 217—220.
[7] *Зимин А. А.* Выпись о втором браке Василия III // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXX. С. 133, 135. Археографический обзор списков и публикация на с. 135—148.
[8] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1900. Т. II (первая половина). С. 732—733. (Далее: *Голубинский.* История церкви.)
[9] *Чернов С. Н.* К ученым несогласиям на суде над Максимом Греком // Сборник Платонову. 1922. С. 49—50, 53—57.
[10] *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и с Византией. М., 1969. С. 78—82. (Далее: *Тихомиров.* Исторические связи.)
[11] Рукопись XVII в. ГИМ ОР. Собр. Уварова. № 1386 (Описание Леонида. М., 1894. Ч. III. С. 76—79).
[12] *Шмидт С. О.* Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI в. // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 369.
[13] РИБ. Т. XXXI. Стб. 163.
[14] *Тихомиров М. Н.* Иван Грозный и Сербия // Доклады и сообщения ист. фак-та МГУ. М., 1945. Вып. 1. С. 4—6; (Далее: *Тихомиров.* Иван Грозный и Сербия). *Он же.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. 1947. С. 192—193. [Обе работы перепеч. в кн.: *Тихомиров.* Исторические связи]; *Тихомиров М. Н.* Страница из жизни Ивана Пересветова // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию академика М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 401—402. [Перепеч. в кн.: *Тихомиров.* Российское государство.]
[15] *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 68—71. (Далее: *Казакова.* Вассиан Патрикеев.)
[16] *Рыков Ю. Д.* Редакции «Истории» князя Курбского // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 131—314.
[17] *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 122—123. (Далее: *Будовниц.* Русская публицистика.)
[18] *Иконников.* Максим Грек. С. 458.
[19] *Черепнин.* Архивы. Ч. 2. С. 317—320.
[20] *Зимин А. А.* О методике изучения повествовательных источников XVI в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 205.
[21] ТОДРЛ. Т. XXX. С. 135.
[22] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Подг. Н. Н. Покровский; Отв. ред. С. О. Шмидт. М. 1971. С. 39. (Далее: Судные списки Максима Грека.)
[23] *Зимин.* Архив. С. 156—157.
[24] ДДГ. С. 415.
[25] РГАДА. Ф. 123. Дела Крымские. Кн. IV. Л. 2 об.; ОЦА. С. 101—102.
[26] *Белокуров.* Библиотека. С. XI.
[27] *Лихачев Д. С.* От исторического имени литературного героя к вымышленному // ОЛЯ. 1956. Т. XV. Вып. 3. С. 203.
[28] *Сперанский М. Н.* Из наблюдений над сложными словами (composita) в стиле литературной русской школы XV—XVI вв.: Из истории византийско-югославянско-русских связей // Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.
[29] *Левина С. А.* Имена и фамилии в описи архива Посольского приказа 1614 г. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 153—156. Ср.: *Лихачев Д. С.* Текстология. М.; Л., 1962. С. 77, 84—85, 399 и сл. (Далее: *Лихачев Д. С.* Текстология.)
[30] *Иконников.* Максим Грек. С. 457.
[31] ГИМ ОР. Чудовское собр. № 533 (355). Л. 290—300 («Слово о святогорском монастыре, зовемый Иверский, в нем же церкви Успение Пресвятые Богородицы», «Воспоминания отчасти Святые горы Афонская, како наречена бысть Святая гора и коих ради вин тако прозвася»).

[32] [ГА Ярославской обл. Коллекция рукописей. № 1256. Л. 29—333 об.]; *Шмидт* С. О. Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века. С. 355—363.
[33] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 332.
[34] *Дуйчев И.* Центры византийско-славянского сотрудничества // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIV. С. 121 и сл.
[35] *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 183—185; *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. С. 178 и др.
[36] ЧОИДР. 1847. № 8. С. 7—8.
[37] О Гавриле см.: *Radojicic D. S.* Старые сербские писатели русского происхождения (с конца XV — по конец XVII в.) // Годишньак филозофского факултета у Новом Саду. 1960. Кн. V. С. 202—204, 217.
[38] ЧОИДР. 1847. № 8. С. 5.
[39] *Казакова.* Вассиан Патрикеев. С. 298.
[40] *Тихомиров М. Н.* Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Московский край в его прошлом. М., 1930. Ч. 2. С. 106; *Он же.* Летописание. С. 155—166.
[41] См.: *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // ПИ. Вып. IV. М., 1955. С. 254.
[42] *Ретковская Н. Н.* Смоленский собор Новодевичьего монастыря в Москве. М., 1954. С. 20 и сл.
[43] *Воронин Л. С.* Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1965. С. 209—211.
[44] ГИМ ОР. Собр. Уварова. № 1386 (116). Л. 304—304 об. Ср.: ГИМ ОР. Чудовское собр. № 53 (365). Л. 284—284 об. (см. также: ЧОИДР. 1889. № 3. С. 45; ЧОИДР. 1847. № 8. С. 5).
[45] ПСРЛ. Т. 13. С. 126.
[46] ЧОИДР. 1847. № 8. С. 3.
[47] АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 203. О пожарах, голодовках, массовых волнениях, вражеских нашествиях в эти годы см.: *Носов.* Очерки. С. 223—227; *Шмидт.* Казанская война. С. 227—234.
[48] Постниковский летописец. Прил. к статье: *Тихомиров.* Записки о регентстве. (Далее: Постниковский летописец.) [То же в кн.: *Тихомиров.* Летописание. С. 167—182; ПСРЛ. Т. 34]. Хронографическая летопись; Пискаревский летописец [То же в кн.: ПСРЛ. Т. 34.].
[49] Хронологическая летопись. С. 291; Постниковский летописец. С. 287; [ПСРЛ. Т. 34. С. 29.]
[50] РИБ. Т. XXXI. Стб. 167—168, 294—295.
[51] *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 345.
[52] РИБ. Т. XXXI. Стб. 167.
[53] *Ясинский.* Сочинения Курбского. С. 116.
[54] *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 2. С. 399. (Далее: *Власьев.* Потомство Рюрика.)
[55] РИБ. Т. XXXI. Стб. 295.
[56] О родственных связях Глинских, Оболенских и Челядниных см.: *Веселовский.* Опричнина. С. 128.
[57] Подробности событий 1546 г. см.: *Веселовский.* Опричнина. С. 261—263, а также в трудах: *Смирнов И. И.* Очерки. С. 108—112; *Зимин.* Реформы. С. 268—171; *Альшиц.* Источники. С. 132—133.
[58] *Власьев.* Потомство Рюрика. С. 402.

[59] Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер. А. И. Малеина. Л., 1934.
[60] *Веселовский*. Опричнина. С. 421.
[61] РИБ. Т. XXXI. Стб. 278.
[62] ПСРЛ. Т. 13. С. 448.
[63] Пискаревский летописец. С. 73—74 (см. также: С. 159); [ПСРЛ. Т. 34. С. 189].
[64] Постниковский летописец. С. 286; [ПСРЛ. Т. 34. С. 27].
[65] ПСРЛ. Т. 13. С. 149. Ср. С. 448—449.
[66] Казанская история. С. 83.
[67] ПСРЛ. Т. 13. С. 149.
[68] Казанская история. С. 83.
[69] РИБ. Т. XIII. Стб. 270.
[70] ПСРЛ. Т. 13. С. 149, 449.
[71] Постниковский летописец. С. 286; [ПСРЛ. Т. 34. С. 27].
[72] ПСРЛ. Т. 13. С. 448—449.
[73] О летописных вставках см.: *Шмидт*. Лицевые летописи. [Подробнее: *Шмидт*. Российское государство. С. 238—256.]
[74] Постниковский летописец. С. 286, 187.
[75] ПСРЛ. Т. 4. Вып. 3. С. 618—619. См. также: Хронографическая летопись. С. 291; ПСРЛ. Т. 13. С. 149.
[76] *Карамзин*. История. Т. VIII. Примеч. 153; Т. IX. Примеч. 204; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 306.
[77] Псковские летописи. С. 116.
[78] Хронографическая летопись. С. 291—292.
[79] Там же. С. 292.
[80] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 619.
[81] Псковские летописи. С. 111.
[82] ПСРЛ. Т. 13. С. 159; Хронографическая летопись. С. 291; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 619; Псковские летописи. С. 112.
[83] Постниковский летописец. С. 288; [ПСРЛ. Т. 34. С. 29.]
[84] См.: *Тихомиров*. Выпись. С. 93; [*Он же*. Исторические связи. С. 81.]
[85] РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 530. Л. 1056. Духовная эта помещена Т. В. Масленниковой в приложении к ее дипломной работе о Домострое, написанной под руководством А. А. Зимина в 1962 г. в МГИАИ.
[86] *Еремин И. П.* О художественной специфике древнерусской литературы // РА. 1958. № 1. С. 79 и сл.; Повесть о Дракуле / Исслед. и подг. текстов Я. С. Лурье. М.; Л., 1964. С. 60—61.
[87] *Порфирий (Успенский)*. Восток христианский. Афон. Киев, 1877. Ч. 1. Отд. 2. С. 66; СПб., 1892. С. 333. (Далее: *Порфирий*. Восток.)
[88] ЧОИДР. 1881. Кн. 2. С. 61.
[89] *Порфирий*. Восток. Ч. 1. Отд. 1. С. 385; Отд. 2. С. 66; Ч. III. Отд. 2. С. 353—354.
[90] См. работы: *Тихомиров*. Иван Грозный и Сербия. С. 5; [*Он же*. Исторические связи. С. 86]; Петр Пареш и Иван Грозный // Сборник к 70-летию П. Константинеску-Яшь. Букурешти, 1965. С. 194—195; *Радойчич Дж.* С. Сербско-румынские отношения XIV—XVII века // Годишньак филозофского факултета у Новом Саду. 1956. Кн. 1.
[91] *Черепнин Л. В.* Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI веков // Вековая дружба. Кишинев, 1961. С. 87—108.
[92] ЧОИДР. 1847. № 8. С. 2.
[93] *Шмидт*. Казанская война. С. 247 и сл.

[94] *Макарий [Булгаков].* История русской церкви. СПб., 1874. Т. VII. Кн. 2. С. 417; *Андреев Н. Е.* Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства // Seminarium Kondakovianum. Praga, 1935. T. VII. C. 243; [*Andrejev N.* Studies in Moscovy. London, 1970. (Далее: *Andrejev.* Studies.)]

[95] Пискаревский летописец. С. 56; *Шмидт С. О.* Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения. Политика. Дипломатия. М., 1964. С. 547.

[96] *Яцимирский А. И.* Романский митрополит Макарий и новооткрытая его славяно-молдавская летопись 1541—1551 гг. // ЖМНП. 1909. № 5. С. 159.

[97] *Леонид.* Историческое летописание сербской царской лавры Хиландаря и ее отношения к царствам Сербскому и Русскому. М., 1868. С. 94.

[98] ЧОИДР. 1881. Кн. 2. С. 60 и сл.

[99] ПСРЛ. Т. 21. С. 605—609. См. этом памятнике см.: *Будовниц.* Русская публицистика. С. 123—124. [См. также: *Розов Н. Н.* Похвальное слово великому князю Василию III // АЕ за 1964 год. М., 1965.]

[100] «Летописец князя Ивана Федоровича Хворостинина» (ГИМ. ОР. Собр. Уварова. № 1386/116).

[101] *Denisoff Elie.* Une biographie de Maxime le Grec par Kourbski // Orientalia christiana periodica. Roma, 1954. Vol. XX. No 1/2.

[102] Житие опубликовано С. А. Белокуровым. См.: *Белокуров.* Библиотека. С. XXI—XXVIII. «Сказание о преподобном Максиме Философе...».

[103] Там же. С. XIV.

[104] Об этом см.: *Порфирий.* Восток. Ч. 1. С. 346.

[105] Судные списки Максима Грека. С. 7.

Об адресатах Первого послания Ивана Грозного князю Курбскому[1*]

30 апреля 1564 г. на службу к польскому королю Сигизмунду II Августу перешел воевода и приближенный Ивана Грозного боярин князь Андрей Михайлович Курбский. Бегству предшествовали тайные сношения: Курбскому были присланы «закрытые листы» от короля и руководителей литовской рады с предложением выехать в Литву, и он сумел оговорить выгодные условия побега и получить «королевскую охранительную грамоту»[1]. Еще до побега Курбским было, по-видимому, написано второе послание старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву[2], откровенно выражавшее политические взгляды и чаяния княжеско-боярской оппозиции царю.

Оказавшись за рубежом, Курбский сразу же, из пограничного города, отправил «эпистолию» «царю и великому князю московскому, прелютаго ради гонения его». Курбский обличал царя и старался оправдать свой поступок, изображая себя «прогнанным без правды»[3]. По основной направленности (да и по стилю) послание царю близко ко второму посланию в Псково-Печерский монастырь. Это высокий образец публицистической прозы, риторического стиля, «своего рода цицероновская речь» (определение Я. С. Лурье)[4]. Очевидно, и содержание, и форма послания были предусмотрены и обдуманы заранее, тем более что на Руси, как и в Византии, «письма писались из расчета на чтение вслух, на известную публичность»[5].

Царь получил послание Курбского уже в мае. В мае—июне 1564 г. Иван Грозный ездит по монастырям, посещает владения князя Старицкого. В это-то время он и обдумывает ответ «бывшему прежде... боярину и советнику, и воеводе, ныне же преступнику»[6]; ответное послание царя датировано 5 июля. В эти дни Иван Грозный — впервые или заново — четко формулировал для себя и для других основные принципы доктрины «самодержавства»[7], т. е. неограниченной монархии, положения о богоизбранности и наследственности царской власти и от-

---

[1*] Впервые опубл. в кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976. С. 304—328. (Далее: Культурные связи.)

ветственности царя за подданных перед Богом, о правах и обязанностях государя и подданных: подданные обязаны подчиняться государю, все подданные — холопы государя, и государь волен их казнить и жаловать. В своей аргументации Иван IV опирался и на общественно-историческую концепцию незадолго до того завершенной «Степенной книги»[8] (хотя наблюдается уже и некоторое противостояние другому комплексу идей «Степенной книги» — о соправительстве светских и духовных властей). В библейскую фразеологию вносился острейший современный политический смысл: упреку Курбского в погублении «сильных во Израиле» Грозный противопоставлял суждения о праве и возможностях царя «создавать чад авраамовых» из камня.

Иван IV счел нужным и достаточно подробно (хотя и тенденциозно) охарактеризовать некоторые важнейшие события политической истории Российского государства XVI в.[9] В послании приведены и многочисленные аналогии из так называемой священной истории, а также из истории Древнего мира и Византии[10]. В ту эпоху, замечает Е. А. Косминский, «политикам в их трактатах сплошь и рядом приходилось аргументировать свои теории примерами из истории, и их политические концепции оказывали влияние на их исторические воззрения»[11]. Так обосновывались и официальное представление об истории правления первого российского царя, и опричная политика ближайших лет. Этим же целям, как выяснил Е. С. Сизов, должны были служить и современные посланию стенные росписи придела Архангельского собора, предназначенного стать усыпальницей царя Ивана (сюжеты росписей иногда даже в деталях сближаются с содержанием царского послания)[12].

Так началась полемика двух выдающихся публицистов XVI в., отразившаяся не только в этих и последующих их посланиях, формально адресованных друг другу, но и в посланиях, отправленных от имени бояр в Польско-Литовское государство в 1567 г. (и включенных в посольские книги), в дипломатической переписке и в дипломатических переговорах конца 1560-х — начала 1580-х годов, в «Истории о великом князе Московском» Курбского, в приписках[13] к официальным летописям (внесенным в текст, видимо, уже в последние годы жизни царя)[14].

Конечно, оба автора рассчитывали на то, что послания прочитает тот, кому они непосредственно направлены. Это предопределило некоторую интимность, даже беззастенчивую откровенность переписки, насыщенной малодоступными посторонним воспоминаниями и аллегориями. Достаточно осведомленные о слабостях друг друга, они старались не только самооправдаться (а также и самовозвеличиться), но и больнее уязвить ненавистного противника (Иван IV не раз сравнивал Курбского с Иудой: «Како же убо ты с Иудой предателем равно причтешися»[15], Курбский Грозного — с царем Иродом), о чем свидетельствуют и отбор неприятных напоминаний, и уничижающая трактовка общеизвестных фактов. Это было и «эпистолярное состязание во вкусе гуманистического века» (выражение Р. Ю. Виппера[16]): особое внимание уделялось ученой изощренности в подборе аналогий, тол-

ковании «священных писаний» и патристической литературы, и фактов прошлого («аще ветхословие любиши, к сему тя и приложим...»[17], — писал царь Иван), искусству диалектики, самой стилистике сочинений — и своих, и противника.

Но одновременно (и сейчас это считается общепризнанным) перед авторами стояла задача воздействия на более широкую аудиторию, чем адресат послания и его ближайшее окружение. Это был, по определению С. М. Соловьева, публичный «словесный поединок», на который Курбский вызвал царя[18]. Двойная задача предопределила неровность стиля посланий и смешение «самого великолепного торжественного книжного языка»[19] с просторечием, особенно заметные у несдержанного и запальчивого Ивана Грозного.

Первое послание Ивана Грозного Курбскому дошло до нас в двух редакциях: полной (или пространной) и краткой, в списках не ранее XVII в. Послание несколько раз было опубликовано; в последний раз — в 1951 г. в академическом издании «Посланий Ивана Грозного» в серии «Литературные памятники». Подготовивший послание к публикации Я. С. Лурье сопроводил издание текстов археографическим обзором и историческим комментарием. Послание издано и в пространной редакции, и в краткой, причем в пространной редакции — не только по спискам, восходящим к сборнику сочинений Курбского, составленному за рубежом, но и по спискам, хотя и дефектным, но содержащим «полный текст послания, не искаженный враждебной традицией»[20].

В одном из этих списков — так называемом Погодинском — послание озаглавлено: «Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене». В. П. Адрианова-Перетц признает это первоначальным авторским заглавием послания, раскрывающим подлинный его адресат[21]. Я. С. Лурье полагает, что этот текст Погодинского списка «восходит к более раннему протографу, чем текст сборников Курбского и хронографа... — вероятнее всего, к официальному тексту, посылавшемуся "во все Российское царство" (и уж, конечно, в такие нуждавшиеся в агитационной литературе районы, как Юрьев и Печера)»[22]. В другом месте исследователь (правда, в виде предположения: «не следует ли предположить...») уточняет: «адресовав свое послание прежде всего "во все Российское царство" (откуда — списки ПК), царь озаботился все же и об отправлении одного экземпляра послания» Курбскому, т. е. за рубеж, «и в этот-то экземпляр и приказал вписать дополнительную обиду: "з безумным не множи словес"»[23]. Впрочем, в том же издании Я. С. Лурье признает «промежуточное положение» послания Курбскому между посланиями царя, «предназначенными для русских адресатов», и «дипломатическими посланиями»[24].

В работе «Новые списки "Царева государева послания во все Российское царство"», изданной в 1954 г., Я. С. Лурье снова пишет о том, что «царево государево послание» действительно рассылалось по «всему Российскому царству», а заглавие его восходит к архетипу послания. Однако допускается мысль, что «мы

имеем здесь название, данное кем-то из подчиненных "царя государя" (например, дьяческая помета)»[25]. В комментариях к изданию отрывков послания в томе «Библиотеки всемирной литературы», вышедшем в 1969 г., Я. С. Лурье писал, что послание адресовано «не только и не столько самому "крестопреступнику", сколько "во все Российское царство"» (так и озаглавлена первая, древнейшая редакция послания).

Читателям «Российского царства нужно было показать, всю неправду обличаемых бояр, а для этого недостаточно было общих слов — нужны были «живые, выразительные детали...»[26].

В 1952 г. в рецензии на издание «Послания Ивана Грозного» автором настоящей книги были оспорены эти положения и высказана гипотеза о том, что послание царя представляло собой не только «программное выступление против политических притязаний боярства, но и документ большого международного значения, и "все Российское царство" ознакомили с посланием не в пространной, а в краткой редакции. Послание же в пространной редакции было "написано не для рассылки" прежде всего "во все Российское царство", а именно для отправления в Польшу "Курбскому с товарищи" и рассчитано было в первую очередь на зарубежного читателя, знакомого с посланием Курбскому царя и внимательно следившего за событиями в Русском государстве»[27]. Гипотеза получила определенный резонанс в печати[28]. Соображения эти были затем повторены и частично развиты — тоже в очень краткой форме — и в более поздних работах[29].

В 1963 г. издали посмертное исследование С. Б. Веселовского «Интерполяция так называемой Царственной книги о болезни царя 1553 г.», написанное в 1945—1948 гг., в котором утверждается, «что епистолии Курбского и "Послания" царя Ивана были не перепиской двух лиц, а своего рода памфлетной борьбой царя с его изменником, рассчитанной с первой строки до последней на широкую аудиторию, и в первую очередь — на общественное мнение Польско-Литовского государства»[30].

Позднее была издана статья Д. П. Бакуса, полагавшего, что Первое послание Курбского царю составлено именно тогда, когда нужно было произвести благоприятное впечатление на Сигизмунда II Августа[31]. Л. А. Юзефович в работе о миссии Исайи определил, что, «как Исайя, так и Курбский в значительной степени писали для одной и той же аудитории, а именно для православных или бывших православных магнатов Великого княжества Литовского»[32]. Недавно выявлены (Б. Н. Флорей и Л. А. Юзефовичем) в посольских делах 1581 г. — русских (Курбский, «изменивши, грамоту государю невежливо писал»[33]) и польско-литовских[34] — неопровержимые свидетельства знакомства московского правительства и правительства Речи Посполитой с «грамотами» 1560-х—1570-х годов и Курбского, и царя Ивана[2*].

[2*] Это можно признать дополнительной аргументацией в пользу мнения о несостоятельности гипотезы Э. Кинана, датирующего переписку Курбского и Ивана Грозного XVII в.[35]

Д. С. Лихачев в книге 1975 г., суммируя имеющиеся наблюдения, писал: «Сочинения Курбского, а вместе с ними и адресованные ему письма Грозного проникают на Русь в результате возобновившихся культурных отношений с польско-литовской частью Руси после событий Смуты». Объясняя «странности» «в рукописном бытовании произведений Курбского и адресованных ему посланий Грозного», Д. С. Лихачев указывает на то, что «Грозный адресовал свои произведения в Литву — в Литве они и сохранились; Курбский сам писал в Литве, и его письма в России при Грозном не могли распространяться»[36].

В настоящем сообщении постановочного характера предпринята попытка обоснования гипотезы о той большой аудитории, для которой предназначались послания Ивана Грозного Курбскому в полной и краткой редакциях.

* * *

Вряд ли можно согласиться с мнением, будто царь Иван, «пренебрегши своим саном и положением, не преминул тотчас же ответить на эпистолию беглого слуги обширнейшим посланием»[37]. В XVI в., когда публицистика считалась высокой «учительной» литературой[38], составление Иваном IV посланий не казалось делом, унижающим его царское достоинство, напротив, воспринималось так же, как и редактирование летописей и устный поединок о вере, — как «честное» дело. Царь не снисходил до ответа беглому боярину, он попросту не мог — согласно этикету той эпохи — оставить без внимания "епистолию" Курбского. Это сделать тем более необходимо, что спор принял с самого начала публичный характер. Публично защищал своего сюзерена слуга Курбского Василий Шибанов — Иван IV напомнил Курбскому о храбрости Шибанова «пред царем и предо всем народом» во время казни[39]. За «грамотой» Курбского на границу в Озерище еще ранее ездил посланец царя[40]. Сведения о бегстве Курбского, о его «изменных делах» попали в местные летописи и даже в официальную летопись, по словам которой, Курбский «на многое кровопролитие крестьянское короля и всю его раду поостряше всячески»[41].

Первичной редакцией послания, как убедительно показал Я. С. Лурье, является полная редакция[42]. Курбский безусловно получил послание в полной редакции: ответ его относится к «зело широкой епистолии»[43]. Своеобразным ответом на «широковещательное и многошумящее писание» царя явилась и «История о великом князе Московском» (включающая, очевидно, и фрагменты незавершенного пространного ответа на Первое послание царя)[44].

Послание в полной редакции предназначалось прежде всего для тех, кто уже был знаком с «епистолией» Курбского (или мог с ней познакомиться), и для тех, кому, по мнению царя, надлежало быть осведомленным об этой переписке. Иван IV последовательно ответил на все обвинения Курбского. «Ответ Грозного, — замечает Я. С. Лурье, — по своему расположению точно следует вызвавшей его "епистолии": царь иногда отвечает кратко, иногда очень пространно, но никогда не

нарушает порядка изложения у Курбского, так что письмо последнего может как бы служить оглавлением к посланию царя»[45]. Царь приводит и выдержки из «епистолии» — и без знакомства с текстом Курбского содержание послания царя и его пафос остаются зачастую малопонятными (тем самым как бы предопределялось первоначальное объединение в одном рукописном сборнике «епистолии» Курбского и послания Ивана Грозного).

В послании царь обращается не только к Курбскому, но и к другим «крестопреступникам», постоянно употребляет обращения «вы», «ваши». Думается, что послание было обращено и к зарубежным читателям (и слушателям), хорошо знакомым с посланием Курбского и прислушивавшимся к его суждениям о России и российском самодержце. Они были знакомы, вероятнее всего, не только и даже не столько с посланиями Курбского, сколько с устными рассказами (насыщенными запоминающимися подробностями — реальными и легендарными) того же Курбского и других «беглых» о России кануна опричнины. Иван Грозный знал, что оценки Курбского во многом совпадают с оценками короля и его рады, что подобные версии достаточно распространены за рубежом. Ивана IV возмущал сам факт, что там, за рубежом, решаются судить о поступках грозного царя: «Доселе руские владетели не истязуемы были ни от кого же, но повольны были подовластных своих жаловати и казнити, а не судилися с ними ни перед кем»[46]. Впоследствии он очень четко выразил эту мысль в послании 1567 г., написанном от имени боярина Федорова гетману Ходкевичу: «Того не бывало, што Литве Москва судити; полно, пане, вам и ваще месьцо справовати, але не Московское царство»[47].

Особое значение имело то обстоятельство, что к середине 1560-х годов уже стало ясно, что король Сигизмунд II Август умрет бездетным, и начинали вырисовываться контуры той внешнеполитической программы, которую правительство Ивана Грозного пыталось реализовать в Речи Посполитой через десять лет, в годы бескоролевья. Как раз в 1564 г. папский посол кардинал Коммендоне доносил в Рим, что «все жители Киева благоприятствуют московскому государю по причине веры»[48]. В этих условиях позиция магнатов восточных областей Польско-Литовского государства, и прежде всего православных магнатов[3*], да и вообще населения этих областей, особенно православного, не могла не интересовать русского царя (и так же, как и в 1570-е годы, царь показал себя все-таки недостаточно информированным о настроениях и общественной психологии литовских панов). В середине 1560-х годов Иван IV был крайне заинтересован в распространении в Литве важной для него политической информации о Российском государстве и ее противопоставлении враждебной информации, тем более, что это был период расширения международных литературных воздействий»[50].

[3*] Перспектива подчинения Литвы (или даже Литвы и Польши) Ивану IV, конечно, серьезно страшила Курбского. И не боязнь ли осуществления подобных намерений Ивана IV побудила Курбского предпринять попытку выслужиться и стараться выступить в роли организатора совместных военных действий русского царя и императора против султана (в 1569 г.)?[49]

Все это, можно полагать, и побудило царя Ивана столь пространно написать ответное послание и самому, как бы опередив Курбского, поведать (конечно, в определенной интерпретации) о том, о чем Курбский предпочел не распространяться в своей изящной «епистолии».

Тем самым как бы создавался исторический комментарий к посланию Курбского, преднамеренно почти лишенному имен и конкретных деталей. Впрочем, в эти месяцы царь не мог использовать рукописи своей библиотеки и документы Царского архива, проверять фактическую точность изложения. Отмечалось уже (П. В. Вилькошевским и др.), что многие цитаты из церковных сочинений приводились Грозным на память и это особенность его литературной манеры[51]. Если предположить, что какие-то «изборники» царь мог взять с собой (наряду с Псалтырью) или обнаружить в «книгохранительницах» монастырей, то лишь немногие документальные материалы могли находиться в его «походной» «постельной» казне[52] (правда, в походы и монастырские «езды» брали иногда и летописи, точнее сказать, их «черные списки») — возвратился Иван IV в Москву 8 июля, т. е. через три дня после завершения работы над ответным посланием Курбскому.

Грозный уловил, конечно, даже намеки и иносказания в адресованной ему «епистолии», понимал степень осведомленности Курбского о событиях в России и о поступках российского государя, знал и действенную натуру Курбского и не сомневался в том, что беглый боярин продолжит свои разоблачения. И предвидения его не обманули.

Курбский писал в «епистолии» о том, что он надеется «много пожалован и утешен быти» своим новым государем Сигизмундом II Августом[53], и предупреждал царя, что не собирается прекратить борьбу и не намерен молчать о его злодеяниях («И да не мни мене молчаща ти о сем», «прогнанные от тебя без правды от земли ко Богу вопием день и нощь»[54]). Царь не мог не учитывать эту опасность.

И действительно, Курбский оказался среди членов королевского совета. А в 1567 г. литовские магнаты, зазывая московских бояр на службу к польскому королю, ссылались на пример Курбского, занявшего высокое положение в окружении короля и получившего богатые вотчины[55]. Курбский сделался общепризнанным руководителем русской эмиграции в Польско-Литовском государстве (а тогда все более учащались случаи «побежания в Литву»[56]) и принимал участие в военных действиях против России. Русские дипломаты настаивали на выдаче Курбского и других эмигрантов русскому государю[4*], «чтобы их ссорами кровь християнская не лилася», «изменники межи государей ссоры делают и на болшее кровопролитье христьянское подымают»[58]. Выдача Курбского рассматривалась как обязательное предварительное условие «вечного миру» (разъяснение в 1571 г. требования посольства 1567 г.), ибо и «ныне его многая измена: тайно

[4*] Об официальном отношении к лицам, отъезжавшим в Российское и Польско-Литовское государства на протяжении XVI в., интересные соображения приводил еще М. А. Дьяконов[57].

лазучьством со государьскими изменники ссылаетца на государьское лихо и на крестьянское кровопролитие»[59].

Курбский оказался связанным и с западнорусскими магнатами, и с православным духовенством. Он выступал ревнителем православия и убежденным противником униатства и протестантизма, способствовал распространению церковнославянских переводов патристической литературы и книгопечатания, воздействуя на зарождавшуюся украинско-белорусскую полемическую литературу[60]. Курбский установил сношения с высшим православным духовенством юго-востока Европы, в 1567 г. даже обратился к константинопольскому патриарху[61].

Роль Курбского как информатора о политических событиях России и организатора противорусских действий еще не выяснена в деталях, но есть уже достаточно оснований полагать, что роль эта была значительной. Недаром в наказах русским дипломатам, отправляемым в Польско-Литовское государство, вменялось в обязанность «про Курбского проведати»: «в какове мере с кем держит его король, и к которым паном приезж, и любят ли его королевская рада и как его при себе держат и в какове ныне мере» (наказные памяти ноября 1565 г., февраля 1567 г., января 1571 г.[62]). По очень вероятному предположению Я. С. Лурье, Иван Грозный подозревал, что действительным автором «лотровских» (подлых) посланий к боярам в 1567 г. был Курбский[63]. Позднее, в 1572 г., Иван Грозный скажет гонцу Воропаю, известившему его о смерти короля и о желании видеть на престоле русского царевича: «Пусть не дивятся тому, что изменники мои говорят обо мне: у них такой обычай говорить о государях своих дурно; как бы я их не учестил и не обдарил, они все не перестанут говорить обо мне дурно»[64], — и сразу же назовет Курбского.

Через несколько лет о Курбском хорошо знали уже и при дворе императора. Агент Максимилиана II писал в 1570 г., что Курбский — «человек прозорливейший и *наиболее осведомленный* в делах своего отечества, из которого он был, по всеобщему мнению, безвинно изгнан» (курсив наш. — *С. Ш.*) Считалось, что бывший «интимный советник» царя знает «подноготную московских дел»[65]. В сочинениях зарубежных современников о России времени Ивана Грозного (воспоминания-записки, политические трактаты, летучие листки) все явственнее обнаруживаются следы воздействия Курбского или, точнее сказать, информации, исходившей от него.

В упоминавшихся наказах русским послам предусматривается и возможный вопрос о бегстве Курбского. По наказу 1565 г., должно было отвечать, что царь «пожаловал его великим жалованьем не по его отечеству», что отец и дед его «в таком приближенье и жалованье государском не бывали» и что государь «его хотел понаказати» за «изменные дела», и при этом предписано было сказать: «Ино то не диво, что тот изменник государской, забыв государьское великое жалованье, изменил государю нашему: езживали из государства государя нашего и не в Курбского версту, ино и те изменники государству Московскому не учинили ничего». Эта же

мысль повторена в ответе гетману Ходкевичу (1567), написанном царем от имени князя Воротынского; по существу, о том же идет речь и в послании князя Мстиславского королю (также написанном, видимо, Иваном Грозным): «ино подобает ли дородному и разумному израдцею быти?»[66].

В наказе 1567 г. предусматривается уже более развернутый ответ, сразу же напоминающий о посланиях Курбского и царя: велено было говорить об «изменах» Курбского и «его советников», о том, что Курбский «учал ся звати вотчичем ярославским, да изменным обычаем с своими советники хоте на Ярославле государити, да многие изменные дела учал над государем умышляти и над его государскими детьми и государской земле учал всякое лихо умышляти»[67].

Любопытно отметить, что в посольских делах (в том числе и в ответах Ходкевичу, написанных царем от имени бояр), употребляются «ядовитые словесы», «глаголы нечистые и кусательные» (выражения Курбского)[68] о Курбском, близко напоминающие бранно-презрительную лексику Первого послания Ивана IV: «Курбский государю нашему изменил, собакою потек, собатцки и пропадет», «изменник», «собака», «израдец»[69].

Особенно важно то, что в посольских наказах встречаем мысли и даже отдельные формулировки («Государь наш волен своих холопей казнити и жаловати»[70], царь «лихих казнит, а добрых жалует великим своим жалованием»[71] и др.) о правах государя и государственном строе России, почти дословно напоминающие текст послания Курбскому.

Все это позволяет рассматривать послание Ивана Грозного Курбскому не только как памятник борьбы с оппозиционным боярством, но и как документ внешней политики, в той или иной мере формулировавший и доктрину «самодержавства», и, соответственно, официальную концепцию истории правления Ивана IV. Послания Курбского и Ивана Грозного стали документами международного значения. Они и были, очевидно, задуманы в расчете на определенный политический эффект за рубежом, и прежде всего — в православной среде.

Грозный отчетливо представлял себе, что за делами его пристально следили за рубежом, сознавал, как высок был международный престиж Российского государства («ино много великих государств, и во всех тех государствах наше слово непременно живет», — писал он впоследствии шведскому королю[72]), и понимал, как стараются его враги «крестопреступники» уронить Русь и ее государя в общественном мнении. Послание Ивана Грозного должно было противопоставить зарубежному общественному мнению иные взгляды и иное (чем у Курбского) толкование фактов.

Иван Грозный ссылается в своем послании на международное общественное мнение, призывая «всю вселенную» в свидетели «измен» Курбского и его единомышленников: «сия их измены всей вселенной ведомы», даже в «варварских языцех», «како убо может вся вселенная исписать измен и утеснения, земьских и особных, еже вы своим злобесным умышлением сотвористе на мя?», «облыгание же их

им всем явленно есть во всей вселенней» (в другой группе списков: «облыгание же их и зрады...»)[73].

Царь уточняет даже, что известно «во всей вселенней» об этих «изменах и утеснениях» и от свидетелей — «самовидцев сим злым деянием» — купцов и дипломатов («иже куплю творящих в нашем царствии и в посольственных прихождениих приходящим»[74]). Впрочем, судя по посольским донесениям и запискам иностранцев, информация из России и в Россию поступала в то время и иными путями[5*].

Напоминает Иван Грозный об «иных землях», и ссылаясь на обычай наказывать изменников: «А в ыных землях сам узриши, елика содеваетца злым злая; тамо не по здешнему!.. в ыных изратец не любят: казнят их, да тем и утверждаютца», «ино таких собак везде казнят»[80]. Впоследствии о «всей вселенной» Иван IV напишет и в послании польскому королю Стефану Баторию 1581 г., обвиняя его в том, что в Польско-Литовском государстве принимают беглецов-изменников[81].

Однако эти общие рассуждения об «иных землях», обо «всей вселенной» достаточно четко локализуются, особенно в списках «сборников Курбского». Иван IV опирается на теоретическое положение о том, что «изменником везде казнь живет» (в других списках: «везде казнь и опала бывает»). Слово «везде», судя по содержанию послания, имело не только, так сказать, историко-географический, но и собственно исторический смысл (опыт истории), и послание должно было, по мысли Ивана IV, перед всем светом обличать измены «Курбского с товарищи». Но в послании сразу же разъясняется: «в кою поехал еси землю и тамо о сем пространнее увеси»[82]. А слова списков ПК: «Воистинну вся вселенная посмиется, видя такую правду» — в списках сборников Курбского читаются так: «Воистину, *сие всем окрестным* в подсмеяние...» (курсив наш. — *С. Ш.*)[83].

Не случайно, конечно, Иван IV напоминает и о Яне Заполье, интригами которого, по его мнению, Венгрия была ввергнута в 1520-х годах в печальное положение[84], и о деятельности тех, кто в годы его малолетства также перешел на службу к польскому королю. С ними-то он и сравнивает «бешеную собаку» Курбского: «Князь Семен Бельский да Иван Лятцкой оттекоша в Литву и тамо ска-

---

[5*] Во всяком случае, в послании королю, составленном в 1567 г. от имени князя Мстиславского, Иван Грозный похвалялся знанием неприятных королю подробностей политической жизни: «То нам гораздо ведомо»[75]. Правительство Ивана IV получало, по-видимому, достаточно обильную тайную информацию о политической жизни за рубежом. Михаил Литвин сообщал, что один священник, «добывая тайно из королевской канцелярии (в Польско-Литовском государстве. — *С. Ш.*) копии договоров, решений и протоколов совещаний, посылал их» Ивану IV[76]. Штаден «покорнейше просит германского императора, чтобы его «описание не переписывалось и не стало общеизвестным! Причина: великий князь не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях. И все это делается в глубокой тайне: наверное, у него есть связи при императорском, королевских и княжеских дворах (правильнее, дворах-канцеляриях — «Hofe-canzeleien». — *С. Ш.*)[77] через купцов, которые туда приезжают; он *хорошо* снабжает их деньгами для подкупа, чтобы предвидеть все (возможные) обстоятельства и предотвратить опасность»[78]. Известны факты получения разнообразной информации от «амиятов» в Крыму[79].

кавше бесящеся и в Царьград, и в Крым, и в Нагаи, и отвсюду на православия рати воздвизающе, но ничто же успеша...»[85] Курбский и его советники объявляются и виновниками современной «литовской брани», пагубной для православия, и Курбского предупреждают, что, участвуя в войне против России, он окажется разорителем православия («Аще ти с ними воевати, тогда да ти и церкви разоряти, и иконы попирати и крестьян погубляти; аще же и руками где не дерзнеши, и ты мыслию яда своего смертоноснаго много сия злобы сотвориши»)[86].

Послание в полной редакции изобилует западнорусизмами (или полонизмами), особенно в списках «сборников Курбского». А полонизмы в сочинениях Грозного, как отмечает В. М. Тамань, специально изучавшая в этом плане русскую публицистику XVI—XVII вв., «могут быть поняты только поляками (правильнее было бы сказать — жителями Польско-Литовского государства. — *С. Ш.*), русский человек, не знающий польского языка, не сумел бы разобраться в них: для него пропадет вся острота изложения, к которой стремился автор[87].

Курбский уловил тенденции царского послания и в «Отвещании» на второе его послание (отправленном, так сказать, официально одновременно с «Кратким отвещанием» на Первое послание Ивана IV) прямо пишет: «...мняшеся о себе мудр всеа вселенныя учитель быти, пишеши до чюжие земли и чюждых слуг, аки научающе их и наказующе»[88].

Позднее, обличая царя в гнусных поступках, Курбский в «Отвещании» на его второе послание также счел нужным сослаться на мнение людей, бывавших в России («яко нам зде от твоя земли приходящие поведают»)[89], хотя и не преминул отметить, что Иван Грозный «затворил еси царство Русское... аки во адове твердыни»)[90]. В «Кратком отвещании» Курбский больно уязвил самолюбие царя, упрекнув его в том, что «так варварско», «со многою яростию и лютостию» и столь пространно, с «преизлишними» цитатами не подобает писать «ученым и искусным мужам», особенно же царю, «так великому и во вселенней славимому», и «наипаче же в чюжую землю, идеже некоторые человецы обретаются, не токмо в грамматических и риторских, но и в диалектических и философских учениих»[91]. Тем самым, можно думать, Курбский уведомил Ивана Грозного, что с «царевым посланием» ознакомился в Польско-Литовском государстве отнюдь не только он один.

Курбский, очевидно, получил тот текст послания, к которому восходят списки так называемых сборников Курбского, составленных за рубежом, и вообще большинство известных ныне списков Первого послания царя. Текст этот дошел до нас в явно неисправном виде; некоторые «неясные, сомнительные и просто нелепые места»[92] отмечены Я. С. Лурье. Следует ли из этого, однако, что текст восходит к более позднему протографу, чем текст Погодинского списка (будем его тоже называть — П)[93], который, как пишет вслед за Я. С. Лурье Л. В. Черепнин, «более близок к прототипу»?[94]

Я. С. Лурье, обнаружив в П «более осмысленные и исправные чтения»[95] (по сравнению с другими списками) и заглавие, которое признал первичным, счел, что

П «восходит... вероятнее всего, к официальному тексту»[96], а текст «сборников Курбского», искаженный переписчиками и редакторской правкой[97], подвергшийся «систематической редакторской переработке»[98], несомненно, уступает «в смысле точности передачи оригинала послания списку П с продолжением по К (список Археографической комиссии. — *С. Ш.*)»[99] и восходит к «враждебной царю литературной традиции»[100]. Эти соображения исследователя остались, однако, недостаточно обоснованными.

Сам же Я. С. Лурье писал о «дефектности» списков П и К[101], указал на неисправности текста К и путаницу листов[102]; заметны и неясные (во всяком случае, менее ясные, чем в «сборниках Курбского») чтения в ПК (например, об уходе в монастырь Сильвестра[103], о «ереси же всякой»[104] и др.). Но самое существенное то, что в списках «сборников Курбского» имеются добавления и разночтения, которые, говоря словами Я. С. Лурье, «едва ли можно приписать редакторской руке». И это не «одно место»[105], а многие места: достаточно сравнить (по тому же изданию «Посланий Ивана Грозного») описания восстания в Москве в июне 1547 г. и последующих событий, поведения бояр во время набега крымского хана в 1552 г.[106] Везде ли здесь можно уловить особую политическую тенденцию или враждебное отношение к Грозному? Для того, чтобы столь утвердительно писать о том, что протограф текстов «сборников Курбского» не восходит к официальному тексту послания Ивана IV, необходимо было проделать значительно более тщательную сравнительно-текстологическую работу (сравнение и списков ПК со списками «сборников Курбского», и отдельных списков этой большой группы между собой и т. п.). При этом, естественно, следовало бы привлечь наблюдения Г. З. Кунцевича, подготовившего накануне Первой мировой войны издание сочинений Курбского в «Русской исторической библиотеке» (Т. XXXI). Часть гранок неизданного второго тома «Сочинений князя Курбского» с описанием известных Г. З. Кунцевичу рукописей[107] хранится среди материалов Археографической комиссии (в архиве Филиала Института российской истории РАН)[6*]. Публикатор послания не обратился к этим материалам, хотя П. В. Вилькошевский еще в 1927 г. указал на «описание рукописей сочинений Курбского и Грозного, составленное пр. Г. З. Кунцевичем и находящееся в Археографической комиссии»[109].

Заголовки послания — и тот, на который впервые обратил внимание Я. С. Лурье, и другие — не обязательно являются именно авторскими. Р. Г. Скрынников, полемизируя с Я. С. Лурье, сравнив начальные фразы посланий Ивана IV Курбскому, шведскому королю Иоганну III и Стефану Баторию, установил их близость и признал «торжественными и многословными» первоначальными заголовками посланий. Предположение его, что краткий заголовок («Царево государево послание

[6*] Эти материалы автором настоящего издания были указаны исследователям, готовившим кандидатские диссертации об «Истории» Курбского: Ю. Д. Рыкову (научный руководитель А. А. Зимин) и К. А. Уварову (научный руководитель М. А. Робинсон)[108].

во все его Российское царство...») имел литературное происхождение и принадлежал позднейшим переписчикам[110], нельзя оставлять без внимания.

Все известные ныне списки послания царя Ивана Курбскому составлены не ранее XVII в.[111], первоначальный текст поновлен или даже искажен переписчиками (и переплетчиками), и до предварительного сравнительного текстологического изучения всех этих списков следует ограничиваться лишь более или менее основательными предположениями.

Можно полагать, что сразу же был приготовлен не один «официальный список» послания в полной редакции, а по меньшей мере два. Один отправили за рубеж, Курбскому, а другой (или другие) остался у царя, в его личной «постельной» казне или в Царском (государственном) архиве и использовался затем в дипломатической переписке. Характерно, что послание в разных группах списков одинаково датировано 5 июля. От этих-то архетипов (отправленного к Курбскому и оставленного царем) и пошли остальные тексты списков всех редакций послания. Допустимо даже предполагать, что оба архетипа были созданы одновременно. Вряд ли царь Иван собственноручно писал огромное послание, это и не соответствовало представлениям той поры о царском достоинстве. Д. С. Лихачев, отметивший, что «стиль Грозного сохранял следы устного мышления», высказывал уже предположение, что царь «диктовал свои послания»[112]. Не мог ли он диктовать сразу двум писцам? Не из-за этого ли возникли фразеологические расхождения, бросающиеся в глаза при сравнении списков ПК и «сборников Курбского»?

Если факт получения Курбским послания царя (а затем и возможного знакомства с ним в Литве) не вызывает сомнения, то представление о том, что послание царя в пространной редакции официально рассылалось «во все Российское царство» и являлось «агитационной литературой» 1560-х годов, кажется маловероятным. Об этом приходилось писать уже ранее. Недавно выразил свои сомнения по этому поводу и Р. Г. Скрынников, полагающий, что Я. С. Лурье «несколько модернизирует историю переписки Грозного и Курбского»; его точка зрения противоречит «аристократическим представлениям Ивана IV о взаимоотношениях самодержца и его подданных»[113]. Сам Я. С. Лурье отмечает, что первоначальная (полная) редакция сохранилась только в неофициальной или враждебной традиции[114]. Обнаружение списков (к тому же тоже поздних) послания Ивана Грозного в полной редакции «без сопровождения посланиями его врага» отнюдь не становится наилучшим доказательством того, что царево государево послание действительно рассылалось по «всему Российскому царству»[115]. Исследователь не обратил внимания на им же отмеченные обстоятельства: хотя послания включены в сборники вместе с сочинениями, протографы которых находились в рукописных собраниях Российского государства, сами сборники состоят из тетрадей, написанных разными почерками (в списке К вообще не сохранился заголовок послания), а в Б — и на разной бумаге[116]. Части этих сборников не связаны между собой ни происхождением, ни содержанием; состав сборников случайный, и происхождение протографа интересующего нас послания остается неизвестным.

Первое послание царя Ивана в пространной редакции — значительнейший публицистический памятник 1560-х годов. По удачному определению А. А. Зимина, он «представляет собой своего рода манифест перед введением опричнины»[117]. Как «политический манифест, насыщенный интимными мотивами и жалобами», характеризует его и Р. Г. Скрынников[118]. Идеи его безусловно оказали влияние на развитие и внутренней политики, и общественно-политической мысли. Однако этот манифест, вероятнее всего, не был широко обнародован и не рассылался «во все Российское царство».

Краткая редакция послания (известная, впрочем, тоже по не вполне исправным спискам) имеет заголовок, схожий с заголовком послания в пространной редакции в списке П: «Лета 7072-го царево государево послание — все его Российское царство — на крестопреступников его, на князя Андрея Курбъского с товарищи, о их измене»[119]. Но такой заголовок имеется не во всех списках; Я. С. Лурье указывает два списка, где заголовок был без упоминания обо «всем Российском царстве»[120].

Скорее можно предположить, что относительно широким слоям русской общественности могло стать известным послание царя именно в краткой редакции. Это послание имело иной характер, чем послание в пространной редакции, не было перегружено подробностями и длинными цитатами, более соответствуя в этом плане стилю и традиционных царских посланий (известных, в частности, и в летописном переложении), и «епистолии» Курбского. Текст послания в списках, где заголовок напоминает заголовок списка П в пространной редакции, сопровождается текстами Первого послания князя Андрея Курбского царю и послания Курбского в Псково-Печерский монастырь[121].

Изучая соотношение текстов обеих редакций (по таблице, составленной Я. С. Лурье)[122], легко убедиться, что текст в краткой редакции содержит изложение доктрины самодержавства, зато он лишен многих исторических подробностей (о внутренней политике Российского государства и лично о государе) и характерных для полной редакции обращений к международному общественному мнению и сравнений с явлениями зарубежной жизни. В краткой редакции отсутствуют и западнорусизмы, типичные для пространной редакции. Однако трудно согласиться с мнением Я. С. Лурье, будто сокращение это вызывалось только «литературными вкусами XVI в.», в частности «едкой критикой» Курбским стиля послания царя в пространной редакции, и тем самым «больше удовлетворяло каноническим литературным правилам XVI в.»[123] Между тем, отмечая, что вместе со всем «светским» элементом удалено почти все, касающееся истории и политики Грозного, что остались в сущности одни цитаты из Священного Писания и обвинения в «погублении души», исследователь констатирует: «для нас этот текст почти не имеет ценности»[124].

На самом деле для историка представляет несомненный интерес как раз то, что оставлено в краткой редакции. Это не только основные положения доктрины

самодержавства, но и особо отобранные факты политической истории: об «изменах» самого Курбского и его родственников и по отцу, и по матери (тем самым оправдывались преследования в годы опричнины целых «родов»), о злом «совете» Сильвестра и недопустимости «священником царская творити» (тем самым оправдывалась опала членов Избранной рады и преследование духовенства), о князе-расстриженнике Рюрике Ростиславиче Смоленском, причинившем много зла Руси, об измене Тимохи Тетерина и в то же время о храбром поведении Василия Шибанова и др.[125], т. е. приводились факты, уже известные или такие, о которых как раз и следовало знать (в определенной интерпретации) «в Российском царстве» в связи с волновавшей общественность изменой «Курбского с товарищи»[7*].

Возможно, что послание в краткой редакции предназначалось для земского собора, созванного накануне учреждения опричнины[128]. Не исключено, что составление послания в краткой редакции сопутствовало составлению Второго послания Курбскому или приписок в официальную летопись в конце царствования Ивана Грозного (в таком случае на составителя действительно могли оказать влияние и замечания Курбского о стиле пространного послания царя, о перегруженности его текста подробностями и длинными цитатами). Но разбор послания в краткой редакции, его политической направленности и времени появления — тема особого исследования, к тому же не имеющего столь непосредственной связи с историей взаимоотношений Российского и Польско-Литовского государств.

Означает ли это, что русскому читателю не было известно Первое послание Курбскому в полной редакции? Конечно, нет. Следы его непосредственного влияния отмечались уже в посольской документации. Вероятно, о полной редакции послания знали приближенные царя и лица, принадлежавшие к высшим светским и духовным властям (в их числе, возможно, и игумен Псково-Печерского монастыря).

Характерно, что влияние переписки Курбского и царя Ивана IV на стилистику русских литературных памятников начала XVII в. обнаруживается прежде всего в сочинениях «вельможных историков»[129], по выражению А. С. Орлова. Они могли ознакомиться с посланиями и по спискам, пришедшим из Польши. Н. К. Гудзий подметил воздействие первого послания Курбского в повести 1620-х годов о Смутном времени, написанной князем Семеном Ивановичем Шаховским и приписывавшейся ранее князю Ивану Михайловичу Катыреву-Ростовскому (который, как установила М. В. Кукушкина[130], только редактировал рукопись[131]). В «Летописце князя Ивана Федоровича Хворостинина» заметно знакомство с посланием Ивана Грозного в полной редакции. После изложения событий 1547 г.

[7*] Об отношении к предательству Курбского рядовых современников свидетельствует гневное упоминание о его поступке в «Повести о прихожении литовского короля Степана с великим и гордым воинством на великий и славный град Псков»[126] и характерное исправление текста известного Слова Даниила Заточника, сделанное не позже начала XVII в. Привычные слова «лепше бы ми смерть ниже Курское княжение» переписчик заменил более понятными современнику презрительными словами: «Лутче бы ми смерть, нежели Курбского княжения»[127].

там написано: «А пространнее о сем пишет о пожарех и о смятении боярском в государеве царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии грамоте, то писал в Литву ко князю Ондрею Курбъскому против его отписки»[132]. Хворостинин, безусловно, имел в виду послание в полной редакции, так как в послание в краткой редакции не включены сведения о московском восстании 1547 г.

В 1570-х годах Курбский пишет «Историю о великом князе Московском» и другие ответные послания царю. «История» призвана была, по мысли самого Курбского и лиц из его окружения, сыграть определенную роль в общественно-политической жизни Польско-Литовского государства. Но одновременно она должна была явиться и ответом на Первое послание Ивана Грозного[133] в пространной редакции, известное уже в Речи Посполитой. Так события и факты русской истории, известные по посланию Ивана Грозного и снова изложенные русским публицистом-эмигрантом в остротенденциозной форме, становились опять достоянием зарубежного читателя.

Примечания

[1] *Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни.* Киев, 1849. Т. 1. Предисл. [Н. Д. Иванишева]. С. II—III; *Скрынников Р. Г.* Переписка Ивана Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973. С. 57—58 (Далее: *Скрынников.* Переписка.); Он же. Иван Грозный. М., 1975. С. 90—91.

[2] *Andrejev N.* Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev // Slavonic and East European Review. London, 1955. Vol. XXXVIII. No. 81. То же см.: *Andrejev.* Studies; *Скрынников.* Курбский и его письма.

[3] РИБ. Т. XXXI. Стб. 1, 6. См. также: Стб. 114.

[4] Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 448.

[5] *Каждан А. П.* Византийская культура. М., 1968. С. 170.

[6] ПИГ. С. 72, 10.

[7] Ср.: ПИГ. С. 259.

[8] *Бахрушин.* Труды. Т. II. М., 1954. С. 322—323.

[9] Подробнее об этом см.: *Шмидт.* Становление. С. 30—36, 241—243.

[10] *Лихачев Д. С.* Иван Грозный — писатель // ПИГ. С. 455; *Дуйчев И. М.* Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного // ТОДРЛ. Т. XV. 1958; *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XI—XVII вв. М., 1973. С. 209—210. (Далее — *Алпатов.* Историческая мысль.)

[11] *Косминский.* Историография. С. 105. О характерных чертах русской историографии XVI—XVII вв. см.: *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941; *Робинсон А. Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хиландарский. М., 1963.

[12] *Сизов.* Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964.

[13] *Альшиц.* Иван Грозный и приписки.

[14] *Шмидт.* Лицевые летописи; Он же. О датировке приписок в Лицевом летописном своде // Общество и государство феодальной России. М., 1975.

[15] ПИГ. С. 20, 82; 55, 119.

[16] *Виппер.* Иван Грозный. Ташкент, 1942. С. 67.

[17] ПИГ. С. 17, 79. См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1970. Кн. IV. С. 158. (Далее: *Соловьев.* История.); *Вилькошевский П. В.* К вопросу о редакциях

первого послания Ивана Грозного к Курбскому // ЛЗАК. Л., 1926. Вып. 33. С. 73. (Далее: *Вилькошевский.* Послания Ивана Грозного.)

[18] *Соловьев.* История. М., 1960. Кн. III. С. 544.

[19] *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII вв.). М., 1975. С. 252.

[20] ПИГ. С. 533.

[21] Там же. С. 451.

[22] Там же. С. 540.

[23] Там же. С. 553.

[24] Там же. С. 468—469.

[25] ТОДРЛ. 1954. Т. X. С. 309.

[26] Изборник. М., 1969. С. 759.

[27] *Шмидт С. О.* [Рец. на изд.:] Послания Ивана Грозного // ИОЛЯ. 1952. Т. XI. Вып. 4. С. 389—390.

[28] ТОДРЛ. Т. X. С. 309; *Зимин А. А.* Русская публицистика конца XV—XVI вв. М., 1959 (ротапринт). С. 41.

[29] *Шмидт.* К истории соборов XVI в. // ИЗ. 1965. Т. 76. С. 141; *Он же.* Становление. С. 242—244.

[30] *Веселовский.* Опричнина. С. 291.

[31] *Backus D. P.* A. M. Kurbskii in the Polish-Lithuanian State // Acta Balto-Slavica. Bialystok, 1969. T. IV. P. 47.

[32] *Юзефович Л. А.* Миссия Исайи (1561 г.) и Остафий Волович // Советское славяноведение. 1975. № 2. С. 80—81. (Далее: *Юзефович.* Миссия Исайи.)

[33] *Флоря Б. Н.* Новое о Грозном и Курбском. (Далее: *Флоря.* Новое.) // ИСССР. 1974. № 3. С. 144, 145.

[34] *Юзефович Л. А.* Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского // АЕ за 1974 г. М., 1975.

[35] См.: *Лихачев Д. С.* Существовали ли произведения Курбского и Грозного? // *Лихачев Д. С.* Великое наследие: Указатель литературы. С. 348, зарубежная литература дана в кн.: *Скрынников.* Переписка. С. 4.

[36] *Лихачев Д. С.* Великое наследие. С. 336—337.

[37] *Будовниц.* Русская публицистика. М.; Л., 1947. С. 281.

[38] *Конрад Н. И.* От редколлегии // Литературные памятники: Итоги и перспективы серии. М., 1967; *Лихачев Д. С.* Развитие.

[39] ПИГ. С. 13, 75, 126.

[40] *Скрынников.* Переписка. С. 88—94; *Флоря.* Новое. С. 144.

[41] ПСРЛ. М., 1962. Т. 13. С. 383. См. также Псковскую летопись (ПСРЛ. Т. 4. С. 315).

[42] ПИГ. С. 557.

[43] РИБ. Т. XXXI. Стб. 113, 114; см. также С. 134—135; *Вилькошевский.* Послания Ивана Грозного. С. 74; ПИГ. С. 529.

[44] *Шмидт С. О.* К изучению «Истории» Курбского // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции: Сб. статей в честь академика Д. С. Лихачева. М., 1976. (Далее: Культурное наследие.)

[45] ПИГ. С. 530.

[46] Там же. С. 104, 44.

[47] Там же. С. 276.

[48] Цит. по: *Соловьев.* История. Кн. III. С. 618—619.

[49] Об этом см.: ПИГ. С. 492—495; *Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году: По материалам Венского архива // АЕ за 1957 год. М., 1958. (Далее: *Лурье.* Донесения.)

[50] *Голенищев-Кутузов И. Н.* Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия). М., 1963. (Далее: *Голенищев-Кутузов.* Гуманизм.); *Лурье Я. С.* О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1963. Т. XIX. С. 276.
[51] *Вилькошевский.* Послания Ивана Грозного. С. 73.
[52] О «постельной» казне см.: *Шмидт.* Адашев. С. 45—46.
[53] РИБ. Т. XXXI. С. 6—7.
[54] Там же. С. 5—6.
[55] ПИГ. С. 266; Сб. РИО. Т. 71. С. 513.
[56] Об этих «бегунах» см.: ПИГ. С. 471—472; *Веселовский.* Опричнина. С. 122 и сл.; *Зимин.* Опричнина. М., 1964. С. 116—119.
[57] *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. СПб., 1889. С. 188—199.
[58] Сб. РИО. Т. 71. С. 467—454.
[59] Там же. С. 718, 467.
[60] *Крип'якевич П.* Західної України з Річю до середины XVII с. Київ, 1953. С. 21; *Алпатов.* Историческая мысль. С. 150. Подробнее см.: *Голенищев-Кутузов.* Гуманизм. С. 30 и сл.
[61] Опись архива Посольского приказа 1626 г. (РГАДА. Ф. 138. № 2. Л. 69 об.); *Шмидт.* Становление. С. 37—38.
[62] Сб. РИО. Т. 71. С. 322, 468, 778.
[63] ПИГ. С. 653.
[64] *Соловьев.* История. Кн. III. С. 621; *П-ский. М.* [*Петровский*]. Князь А. М. Курбский. Казань, 1873. С. 20.
[65] *Лурье.* Донесения. С. 492—495.
[66] Сб. РИО. Т. 71. С. 321; ПИГ. С. 246, 266.
[67] Сб. РИО. Т. 71. С. 648; *Соловьев.* История. Кн. III. С. 584. Ср.: Там же. С. 586 (1570 г.); Кн. IV. С. 733.
[68] РИБ. Т. XXXI. Стб. 113, 116.
[69] Сб. РИО. Т. 71. С. 321 и др. См.: *Шмидт.* О языке посланий. С. 263—264.
[70] Сб. РИО. Т. 71. С. 110; Абсолютизм. С. 191.
[71] Сб. РИО. Т. 71. С. 466; *Зимин.* Опричнина. С. 122.
[72] ПИГ. С. 152.
[73] Там же. С. 43, 54, 103.
[74] Там же. С. 42, 103.
[75] Там же. С. 252.
[76] Мемуары. С. 47.
[77] *Staden.* S. 65.
[78] *Штаден.* С. 58.
[79] *Шмидт С. О.* К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII века. М., 1961.
[80] ПИГ. С. 31, 91.
[81] Там же. С. 228.
[82] Там же. С. 49, 114.
[83] Там же. С. 35, 95.
[84] Там же. С. 47; *Жданов.* Соч. С. 115—116.
[85] ПИГ. С. 32, 92. О деятельности С. Ф. Бельского за рубежом см.: *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963. С. 290.
[86] ПИГ. С. 11, 73.
[87] *Тамань В. М.* К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 204.
[88] РИБ. Т. XXXI. Стб. 153.
[89] Там же. Стб. 157.
[90] Там же. Стб. 135.

[91] Там же. С. 113—114.
[92] ПИГ. С. 529.
[93] Там же. С. 544.
[94] *Черепнин.* Палеография. С. 18.
[95] ПИГ. С. 538.
[96] Там же. С. 540.
[97] Там же. С. 522.
[98] Там же. С. 551—552.
[99] Там же. С. 553.
[100] Там же. С. 529.
[101] Там же. С. 541.
[102] Там же.
[103] Там же. С. 41, 101.
[104] Там же. С. 50, 114.
[105] Там же. С. 553.
[106] Там же. С. 35, 95 и сл.; 53 и 117; 56 и 120 и др.
[107] *Уваров К. А.* Неизданный труд Г. З. Кунцевича (обзор гранок второго тома Сочинений князя Курбского) // АЕ за 1971 г. М., 1972.
[108] *Шмидт.* Становление. С. 34.
[109] *Вилькошевский.* Послания Ивана Грозного. С. 75. Примеч. 1.
[110] *Скрынников.* Переписка. С. 80. Ср.: ПИГ. С. 9, 148, 213.
[111] См. наблюдения Д. Уо (D. C. Waugh) // *Keenan E. L.* The Kurbskii — Gronzyi Apokripha. Cambridge; Massachusetts, 1971.
[112] *Лихачев Д. С.* Великое наследие. С. 270. См. также: *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 60.
[113] *Скрынников.* Переписка. С. 79—81.
[114] ПИГ. С. 559.
[115] ТОДРЛ. Т. X. С. 309.
[116] ПИГ. С. 540; ТОДРЛ. Т. X. С. 306—307.
[117] *Зимин.* Опричнина. С. 120.
[118] *Скрынников.* Переписка. С. 81.
[119] ПИГ. С. 124; ср. с. 9.
[120] Там же. С. 554, 555.
[121] Там же. С. 554.
[122] Там же. С. 555—556.
[123] Там же. С. 533, 557—558.
[124] Там же. С. 533.
[125] Там же. С. 124—138.
[126] Повесть о прихождении литовского короля Степана с великим и гордым воинством на великий и славный град Псков. М.; Л., 1952. С. 40—41.
[127] *Малышев В. И.* Новый список Слова Даниила Заточника // ТОДРЛ. Т. VI. С. 194—196.
[128] См.: *Шмидт.* Становление. С. 243—244.
[129] *Орлов А. С.* Древняя русская литература XI—XVI вв. М.; Л., 1939. С. 245.
[130] *Кукушкина М. В.* Семен Шаховской — автор повести о смуте // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1974. М., 1975.
[131] *Гудзий Н. К.* Заметки о Повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского // Сб. статей в честь академика Алексая Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 308—309.
[132] ГИМ ОР. Собрание Уварова (по описанию Леонида — № 1386). № 116. Л. 320 об.—321; *Шмидт.* Становление. С. 35—36.
[133] *Шмидт С. О.* К изучению «Истории» князя Курбского. (О Поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь. С. 367; *Скрынников.* Переписка. С. 106 и сл. См. также: С. 88—89.

О Послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (постановка вопроса)[*]

Послание 1573 г. давно уже признано выдающимся памятником публицистики и литературного языка. Сочинение это включили в академическое издание «Посланий Ивана Грозного», вышедшее под редакцией В. П. Адриановой-Перетц[1]. Д. С. Лихачев, подготовивший к печати Послание[2], составил и археографический обзор его списков. Таким образом, исследователи получили возможность всестороннего его изучения.

В плане общественно-политической истории обычно подчеркивали противобоярскую направленность Послания. Возможно, это объясняется тем обстоятельством, что Послание более привлекало внимание литературоведов и филологов, нежели историков. Вполне естественно, что специалистов в области истории литературы и языка прежде всего интересовал авторский текст Грозного, а именно обличительные выпады против постриженников-бояр признавались характерными образцами литературного стиля Грозного-писателя. Для историка же при изучении Послания не меньшее значение, чем текст самого Грозного, имеют цитаты из сочинений других авторов, приводимые царем в обоснование своих взглядов и призванные подчеркнуть основную тенденцию Послания. Исследование текста Послания в целом позволяет изучать его и как свидетельство борьбы царя с монастырскими правами и привилегиями, и как памятник церковно-религиозных представлений Грозного. Обратить внимание на это и является задачей сообщения.

Вопросы монастырского общежития всегда волновали Грозного. Острый наблюдатель, он хорошо запоминал бытовые приметы образа жизни того или иного монастыря. Это отражено и в Послании, где переданы впечатления о различных монастырях, о том, как принимали там царя и его свиту, каков был монашеский обиход. Задумывался Грозный над этим, конечно, и тогда, когда пытался организовать свою опричнину наподобие некоего монашеского ордена (что, впрочем, не

---

[*] Впервые опубл.: Литература и общественная мысль Древней Руси: К 80-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. XXIV. С. 163—166.

помешало опричнине быть в какой-то степени и предтечей петровского «Всешутейшаго собора»), и когда ставил перед собой вопрос о возможности пострижения.

Понятно, что в своей критике монастырских обычаев и в формулировках советов монахам Грозный более сдержан, чем в обличении бояр. Более того, он предпочитает использовать с этой целью сочинения церковных писателей, причем такие, которые близки ему не только основной своей направленностью, но и стилистически. Потому-то Послание, столь обильно насыщенное цитатами, воспринимается все-таки как стилистически единое литературное произведение.

Пытаясь представить идеал монашеской жизни, далекой от мирских интересов, Грозный ищет поддержки церковных авторитетов. И не случайно, конечно, Послание изобилует цитатами именно из сочинений Илариона — теоретика раннесредневекового аскетизма. Страстные филиппики Илариона обличают отступления монастырей от строгих правил иночества, стремление монахов походить на «мирских самодержцев» (с. 183), участвовать в активной политической деятельности: «Мирскому бо подобает мирская строити, а иноку иноческий путь правити... Хульно же и проклято, еже видети мниха, сан в мире приемлюща и мирская строящу, и богатьство беруща... А ныне видим вы, и старыя и младыя, яко кождо вас власти от царя и от вельможь ищете, от бояр же имения, от убогих же чести и поклонения» (с. 185). Взглядам Грозного соответствовали и наблюдения Илариона над отношением современных ему монахов к апостольским заветам: «Имяны их любим зватися, жития же их не подражаем» (с. 188).

Едва ли не знакомство с сочинением Илариона укрепило Грозного в мысли обратиться с учительным посланием в монастырь, основатель которого, по преданию, тоже склонен блыл к аскетизму. Первоначально Грозный собирался по традиции опереться на сочинение Василия[2*], но, «разгнув книгу, обретох» послание Илариона, увидел, что оно «зело к нынешнему времяни ключаемо», и счел это за «Божие некое повеление... и сего ради дерзнух писати» (с. 166). Цитатничество (если дозволено применительно к писателю далекого прошлого употреблять это современное слово) вообще характерно для средневекового мышления, это типичный прием доказательства в сочинениях той эпохи.

Грозный отнюдь не склонен, однако, ограничиться давними примерами раннехристианского благочестия. Напротив, он настойчиво старается показать, что подлинное благочестие присуще было и русским монастырям: «Ведь по всем монастырем сперва начальники уставили крепкое житие, да после их разорили любострастием»[3*] (с. 173). Попытки «постническое житие искоренити» (с. 176) он рас-

[2*] Грозный ссылается, однако, и на сочинение Василия[3], отождествляя, видимо, Василия Амасийского с Василием Великим. Любопытно, что и Курбский особенно высоко ценил «постническую книгу» Василия. Курбский беседовал о ней с «еретиком» Артемием, прославлял Феодорита за то, что тот, став архимандритом, монахов «уздает и востязает страхом Божиим, наказующе по Великому Василиеву уставу жительствовати»[4].

[3*] И Курбский упомянул о «жестоком и святом жительстве» кирилловских «святых мужей»[5]. Он же писал и о «любостяжательном мнишеском роде»[6].

сматривает как «чюдотворцеву преданию преступление» (с. 172), прибегает даже к такому сильному сравнению: «Христос распинаем — чюдотворцево предание преобидимо» (с. 168) — и напоминает о прославленных основателях монастырей, которые «не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распространилися» (с. 180).

Повинны в «любострастии» прежде всего бояре-постриженники, внесшие мирские обычаи в монастырь и дух неравенства в обиход монахов. В таких монастырях остались «точию одеянием иноцы, а мирская вся совершается» (с. 173). «Шереметева устав» противополагается «Кирилову уставу»: «да помалу, помалу весь обиход монастырской крепостной испразднится и будут все обычаи мирския» (с. 172).

Основой монастырского общежития должно быть равенство: «Ведь коли ровно, ино то и братьство, а коли не ровно, которому братьству быти? — ино то иноческаго жития нет» (с. 180)[4*]. При этом, вспоминая годы свой юности, Грозный ссылается на обычаи монастырей, где «равеньство и по се время держалося — холопем и бояром и мужиком торговым» (с. 179). Неравенство перед Богом, так же, как и неравенство в среде монахов, по словам Грозного, чуждо христианству — «то Махметова прелесть... Ино то по тому же быти в царствии небесном: кто здесе богат и велик, тот и там богат и велик будет?.. Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин бояръства не състрижет, а холоп холопъства не избудет? Да како апостолово слово: "несть еллин и скиф, раб и свобод: вси едино есте о Христе"? Да како едино, коли боярин по старому боярин, а холоп по старому холоп? А Павел како Анисима Филимону братом нарече, его существеннаго раба?» (с. 179). Указывает Грозный и на то, что на Страшном суде судьями царей окажутся праведники — рыболовы и поселяне (с. 180).

Конкретная и очень узкая социально-политическая направленность этих сентенций ясна. В то же время они восходят к общему комплексу христианских представлений, что допускает возможность сближения позиции Грозного с так называемой еретической литературой. Это могло бы послужить предостережением для исследователей, склонных на основании подобного типа цитат делать подчас ответственные выводы о реформационных взглядах русских мыслителей XVI в. В высказываниях этих заметно и воздействие нестяжательской мысли (возможно, даже и обсуждения вопросов церковной жизни в пору подготовки Стоглавого собора), что лишний раз свидетельствует об условности резких разграничительных линий между нестяжательством и иосифлянством в воззрениях и в политической практике государственных деятелей.

[4*] Интересен в этой связи пример буквальности мышления Грозного, что вообще свойственно было людям Средневековья. Он полагал, что больший вклад в монастырь, более пышное поминовение обеспечат большее благополучие и на том свете (см. замечание о церкви, поставленной Воротынскому, — с. 173), и не желал, чтоб бояре оказались там в более благоприятном положении.

Грозный подчеркивает, что писал Послание «иноческаго для жития» (с. 192), «монастырьскаго для безчиния» (с. 178), «монастырьскаго для чину и слабости» (с. 177). Нарочитое старание отвести мысль, будто гнев на бояр-постриженников был поводом к составлению Послания (см. с. 177, 178, 179, 190), кажется, конечно, подозрительным, тем более, что хорошо известны акты преследования Грозным придворных и после того, как они приняли монашеское обличье. Да и из Послания видно, что царь опасался, как бы монастырь не стал местом боярского заговора (не случайно он настаивал, чтобы богатый постриженник «только бы ел один, а сходов бы да пиров не было», — с. 191).

Послание действительно «в значительной степени, — как полагает Я. С. Лурье, — направлено против превращения монастырей в боярских вассалов или в замаскированные боярские вотчины» (с. 480). Но политическая тенденция Послания отнюдь не сводилась только к этому. Грозный опасался и своеволия церковников, и их слишком действенного участия в политической жизни. Мысль о всевластии Сильвестра не покидала царя: он писал об этом и в середине 1560-х годов (Первое послание Курбскому), и в последние годы жизни (Второе послание Курбскому, приписки к лицевым летописям[7]). Встречаем имя Сильвестра и в рассматриваемом Послании: «Другой на вас Сильвестр наскочил, а однако его семьи» (с. 173). (Не следует забывать, что опального Сильвестра сослали именно в Кириллов монастырь.)

Исследователями (в недавнее время С. М. Каштановым и В. И. Корецким) выявлено немало фактов противомонастырской политики правительства сразу же после отмены опричнины. Указом 9 октября 1572 г. были запрещены земельные вклады в крупные монастыри. В 1572 г. и особенно в 1573 г. резко уменьшилось число земельных приобретений монастырями[8]. В Кириллове монастыре с конца 1572 г. резко уменьшилась и сумма денежных вкладов[9]. Характерно, что в 1572—1574 гг. несомненны прежде всего признаки опалы монастырей, бывших основными духовными вотчинниками опричнины, куда опричники особенно охотно давали вклады. Это как раз те монастыри, о которых с таким негодованием написано в Послании, — Троице-Сергиев, Симонов, Чудов. Именно этим монастырям (так же, как и Кирилло-Белозерскому), по наблюдениям С. М. Каштанова, прекратилась выдача иммунитетных грамот. В 1573 г. (по некоторым сведениям) казнили чудовского архимандрита. Еще ранее стал опальным бывший архимандрит Левкий[10], сыгравший зловещую роль при учреждении опричнины[5*]. Примерно в это время завели и судебные дела против симоновского архимандрита, а также и против Иосифо-Волоколамского монастыря, причем главным действующим лицом выступал такой царский приближенный, как А. Щелкалов[6*]. Согласно сообщению

[5*] Фраза Послания о Левкии[11] переведена неточно[12] и, соответственно, неправильно интерпретирована В. Б. Кобриным[13]: слово «остася», замененное в издании словом «отстоя»[14], можно понимать как «осталось» («мало что осталось»).

[6*] В Архиве эти документы находились в одном ящике с документами об опале новгородского архиепископа Пимена[15].

Горсея, подтверждаемому и русскими источниками, в середине 1570-х годов царь предложил монастырям представить ему вернейший и точный инвентарь всех сокровищ и годового дохода»[16], с чем можно связать последовавшие затем казни и преследования церковных деятелей.

Все это позволяет рассматривать Послание и в связи с системой репрессий, последовавших за отменой опричнины, и как свидетельство возобновившейся борьбы Ивана Грозного с монастырскими правами и привилегиями, завершившейся постановлениями соборов начала 1580-х годов.

Примечания

[1] ПИГ. С. 162—193 (в дальнейшем все цитаты из послания приводятся по этому изданию, страницы указываются в тексте в скобках).
[2] В том же году Послание опубликовано Д. С. Лихачевым в VIII томе ТОДРЛ (М.; Л., 1951. С. 247—286).
[3] ПИГ. С. 180.
[4] РИБ. Т. XXXI. Стб. 334, 415—418.
[5] Там же. Стб. 325.
[6] Там же. Стб. 338.
[7] *Шмидт.* Лицевые летописи.
[8] *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // ИЗ. М., 1941. Т. 19. Диаграмма (С. 101).
[9] *Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до II четверти XVII века. М., 1910. Т. 1. Вып. II. С. 198.
[10] О Левкии см.: *Кобрин В. Б.* Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // ЗОР РБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 301. (*Далее: Кобрин.* Две жалованные грамоты.)
[11] ПИГ. С. 173.
[12] Там же.
[13] *Кобрин.* Две жалованные грамоты. С. 299—300.
[14] ПИГ. С. 581.
[15] ДДГ. С. 483.
[16] *Горсей.* С. 36.

Заметки о языке посланий Ивана Грозного[1*]

Произведения Ивана Грозного, в особенности послания, могут быть поставлены в один ряд с крупнейшими памятниками древней русской литературы, как справедливо отмечает В. П. Адрианова-Перетц, редактор первого собрания его избранных сочинений[1].

Задача статьи — установление некоторых особенностей лексики и стилистики посланий Ивана Грозного[2], а также возможных литературных и фольклорных воздействий на его сочинения. Без такого рода конкретных наблюдений немыслимо обобщение данных о Грозном-писателе.

Размышляя над особенностями развития русского литературного языка, А. С. Пушкин отмечал, что «простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей»[3]. Сближение это прослеживается примерно с XVI столетия. «Воссоздание языка» и «национальное пробуждение»[4], сопутствовавшие сплочению национальных областей в единое Российское государство, способствовали освобождению литературного языка как от областнических тенденций, так и от излишней, чуждой народу церковно-славянщины. В литературный язык постепенно все более и более внедряются элементы разговорной речи, деловой письменности и устного народного творчества. Постепенно расширяется, обмирщается и тематика литературных произведений. Все эти новые явления отразились в посланиях Ивана Грозного.

Грозный решительнее и прежде других публицистов той поры нарушал литературные каноны. Выдающийся мастер русского языка писатель-академик А. Н. Толстой в 1934 г. в докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей указывал, что в век, когда писатели пользовались еще «вымершими формами церковнославянского языка» и «народная живая речь считалась подлой», именно «бешеный темперамент Ивана Грозного... прорывал эту окаменевшую ткань русской латыни»[5].

[1*] Впервые опубл. в кн.: ТОДРЛ: Сб. к 70-летию В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 256—265.

В письменной речи Грозного скрещиваются книжные и обиходные средства языка. С рассуждениями о государственном благе и толкованиями библейских текстов соседствуют воспоминания о мелких личных обидах и бытовые подробности и наблюдения; и соответственно тяжеловесная парадная церковно-славянщина смешивается с московским просторечием, формулами подьяческого делопроизводства и фольклорными эпитетами и метафорами.

Человек большого писательского дарования, Грозный столь же несдержан в своей литературной деятельности, как и на государственном поприще. Грозный полагал излишним литературное редактирование своих сочинений, «занеже слово мимошественно, а не постоятельно» (с. 20), а ближайшие его сотрудники не рисковали вносить в эти сочинения даже стилистические поправки. Отсюда неряшливость формы, многочисленные повторы и отступления, растянутость изложения, естественность языка, полнокровность и многообразие лексики. Все эти черты заметно отличают послания Грозного от сочинений Курбского, изящных по форме, немногословных, тщательно продуманных, «яко обычеи искусным и ученым»[6].

В посланиях Грозного преобладают еще церковно-славянские слова и грамматические формы[7]. Это обусловлено характером образования Грозного[2*] и характером его общественного мировоззрения. В сочинениях Грозного широко использованы приемы церковной литературы: ссылки на дьявола как вдохновителя «злых» дел, аллегории, связанные с традиционной церковной символикой, и т. п. Иван Грозный, как было отмечено В. П. Адриановой-Перетц, блестяще владел библейским стилем[9].

Церковно-обрядовая лексика занимает большое место среди книжных слов, встречающихся в сочинениях Грозного. Обращает внимание обилие существительных, в том числе синонимов[10], с суффиксами «-ние», «-ость», «-ство», имеющими значение отвлеченности. С традициями церковной литературы связаны в большей мере и синонимика тождественных понятий, и пристрастие к придуманным сложным словам, в частности к сочетаниям с «благо», «зло»[11].

Иван Грозный неизменно цитирует «священные книги». Однако он отступает от общепринятых приемов цитирования «строками» или «стихами». У Грозного, как с негодованием и чувством превосходства отмечает Курбский, «ото многих священных словес хватано... зело паче меры преизлишно и звягливо, целыми книгами и паремьями и посланьми»[12].

Значительным было воздействие на Грозного-писателя проповеднической литературы. Он постоянно, как и его противник Курбский, употреблял риторические вопросы, сопровождаемые восклицаниями и повторами.

В публицистическую литературу XVI в. настойчиво проникают элементы деловой письменности. В творчестве Ивана Грозного это отразилось и на словарном составе его посланий, и на их форме (последовательности изложения).

[2*] Курбский особо отмечает познания Ивана IV в «священных писаниях»: «ведуще тя священного писания искуснаго», «ведаю тя во священных писаниях искусна»[8].

Имеются прямые указания на хорошее знакомство Грозного с документальными материалами Царского архива, являвшегося в середине XVI в. архивом Боярской думы. Грозный не раз посещал архив, причем как раз в годы написания изучаемых посланий. Некоторые документы пересылались в его личный архив, в Александровскую слободу[13]. Грозный принимал деятельное участие в составлении многих документов внутренней и особенно внешней политики. На использовании памятников деловой письменности в значительной степени было основано и официальное летописание[14]. Языковые нормы деловой письменности, ее типические обороты чутко воспринимаются и повторяются Грозным, составляя неотъемлемую черту его лексики. Именно знание приказного делопроизводства позволило Грозному с таким совершенством воспроизводить, а иногда и вышучивать форму и язык различных деловых документов. В этом отношении особенно интересна челобитная Семиону Бекбулатовичу со стандартными выражениями, вроде «памятьми ссылатися», «полные имати», «к тебе, ко государю, имяна их списки принесем», «и ты б, государь, милость показал», «государь, смилуйся, пожалуй» (с. 195—196). Любопытны и пародии на традиционную форму дипломатических грамот (с. 586, примеч. 8; с. 681, примеч. 5 и др.)

Встречается в сочинениях Грозного и местническая терминология: «Много же не в Тимохину версту обрящеши», — писал он в первом послании Курбскому (с. 16); «И сами Прозоровские каковы пред нами? Ино то уж мы в ногу не судим?.. А князю Володимеру почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился?», — возмущенно спрашивал Грозный во втором послании Курбскому (с. 209, 210).

Известная формула Грозного о правах русских государей, которые «вольны были подовластных жаловати и казнити» (с. 44), близка к формулировке посольских книг. Так, в Польской посольской книге 1562—1563 гг. читаем сходные слова: «Государь наш волен своих холопей казнити и жаловати»[15].

Из деловой переписки и постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, Грозный усвоил, видимо, и распространенную тогда манеру ответов на письма. В начале обычно излагалось содержание документа или части документа, на который составлялся ответ или по которому принималось решение. Изложение должно было быть кратким, по возможности близким к тексту, иногда дословно близким.

Порядок расположения материала в документе (в том числе замечаний или обвинений) определял и последовательность ответов. Именно так составлены и ответные послания Грозного. Особенно ярко прослеживаются характерная последовательность изложения и почти дословные повторения, цитирование текста, в пространном Первом послании Курбскому[16]. Так, в ответ на обвинение Курбского: «аще и тьмами хвалишася в гордости своей»[17], Грозный, подхватив эти слова, выдвинул контробвинение и, варьируя, настойчиво повторял его: «гордостию дмяся хвалишися» (с. 46), «безумием дмяся хвалишися» (с. 47), «гордостию дмяся выше меры» (с. 62)[18]. Во Втором послании Курбскому Грозный

снова возвращается к сходной фразе: «написах... не гордяся, не дмяся» (с. 211)[19]. Обычаем повторения в ответных документах отдельных слов или даже выражений адресата можно объяснить и наличие в некоторых сочинениях Грозного иностранных слов, в частности, наличие полонизмов и западно-русизмов в посланиях в Польско-Литовское государство, особенно в послании Стефану Баторию. Это заметно даже в бранно-презрительной лексике посланий: «зрада» (с. 218, 246), «зрадцы» (с. 213, 218, 221, 246, 262), «зрадити» (с. 275), «зрадный» (с. 262), «лотры» (с. 237, 242, 264), «лотровский» (с. 255, 264, 274), «шкода» (с. 206, 214, 237) и др.[20]

Такое приспособление речи к языку и пониманию адресата характерно для современных Грозному посольских документов. Оно отразилось даже в передаче царского титула. Так, в грамоте крымскому хану, отправленной в декабре 1562 г., Иван Грозный титулуется «царем и великим князем всеа Русии, Московским, Новгородским, Казанским, Астраханским, Немецким и иных великие Орды»[21].

Употребление иностранных слов вместо тождественных русских характерно также для современных Грозному посольских документов. Русские послы в Польше, например, пользуются таким смешанным языком, рассказывая о жизни бежавших туда русских служилых людей: «А ныне его все израдцою и лотром и чают на него от короля опалы невдолге, Курбский завалчился с ляхи в межах, и ляхи его все не любят, а зовут что полская рада вся его не любит». В этом отношении интересны и тюркизмы в послании Василия Грязного Ивану IV: «кадамы», «нолны», «толмачить»[22].

У Грозного, как и у Пересветова, деловая и художественная проза сливаются[23]. Элементы деловой речи, так же, как и полонизмы, употреблялись Грозным для придания речи большей выразительности, расширяя художественные средства публицистической литературы.

Многосторонне представлена в посланиях Грозного обиходная разговорная речь, обнаруживаемая и в бытовом словаре, и в самом синтаксическом строе речи[24].

«Разговорные речи» (с. 215) сближают писателя с его корреспондентом Васюшкой Грязным. В посланиях обоих — близкие обиходные выражения, сходные грамматические обороты, мало употребительные в письменных памятниках. Те же черты свойственны и Посланию в Кирилло-Белозерский монастырь[25] против «пагубного монастырского бесчиния» (с. 177), и даже дипломатической переписке. Здесь Грозный-писатель выступает новатором; консерваторы-церковники утверждали, что книжные речи «народными обесчещиваются».

Иван Грозный смело и непосредственно смешивает в своих сочинениях высокий стиль с его церковно-славянизмами и книжными грамматическими конструкциями с обыденным московским просторечием.

Обмирщение публицистики выражалось в посланиях Грозного не только в области языка, но и в тематике сочинений. Грозный позволял себе в одних и тех же сочинениях писать и о важных вещах, и о мелких бытовых подробностях. Это на-

блюдается в посланиях Курбскому, рассчитанных на зарубежного читателя. И Курбский поэтому в ответ стыдит Грозного и за вторжение мелочных воспоминаний, бытовых подробностей и ругательств в его политическую публицистику («тутo же...»), и за выражение мыслей «варварским языком», языком простых людей, называя его писание «баснями неистовых баб» («еж не токмо цареви... но и простому воину сие было недостойно»)[3*].

В «Очерках поэтического стиля Древней Руси» В. П. Адриановой-Перетц показано, как широко и своеобразно использовал Иван IV в своем литературном творчестве наряду с библейскими образами устную народную поэзию и образность живого языка: характерное для фольклора уподобление жестокости, злобы и коварства качествам полусказочных зверей, метафорическое противоположение тьмы и света как отрицательных и положительных явлений, употребление слова «собака» в иносказательном смысле «изменник» и т. д.[28]

Языку Грозного свойственны черты, сближающие его с языком Даниила Заточника: «На зайцев потребно множество псов, на враги ж множество вой» (с. 31); «Ведь дать волю царю ино и псарю, дать слабость вельможе, ино и простому» (с. 173)[4*].

Сохранились свидетельства об участии Ивана Грозного в народных обрядовых игрищах, о любви его к народным сказкам и песням, о бытовании фольклорных жанров при его дворе.

По-видимому, под «излишними играми презлых сверстников», о которых Курбскому было писать «срамно»[30], можно понимать народные игрища полуязыческого происхождения[31]. В «Пискаревском летописце» так описываются «потехи» юноши Ивана IV, находившегося с войском близ Коломны: «И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з бояры, и сеял гречиху, и иные потехи: на ходулех ходил и в саван наряжался»[32]. Тот же летописец расширяет и наши представления о «пирах частых со многими пиянствы», описанных Курбским[33]. Опившиеся гости на таких пирах глумились «всяким глумлением: ...овии стихи пояше, а овии песни вспевати и собаки звати, и всякие срамные слова глаголати»[34].

Быть может, под воздействием народных театральных представлений и религиозных празднеств у Грозного и выработалась характерная для него склонность к

[3*] «Тутo же о постелях, о телогреях, и иные безчисленные, воистину якобы неистовых баб, басни, и так варварско, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и простым детем со удивлением и смехом... не достоит мужем рыцарским сваритися, аки рабом», — читаем в «кратком» ответе на Первое послание Грозного[26]. «А еще пишеши о Курлятове, о Прозоровских и о Ситцких, и не вем о яких узорочьях, и за упокой, припоминаючи и Кроновы и Афродитовы делы и стрелецких жен, аки бы нечто смеху достойно и пияных баб басни...», «не достоит нам воином, яко рабом сваритися», — отвечает Курбский во Втором послании[27].

[4*] Быть может, не без непосредственного воздействия сочинения Даниила Заточника в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь появились слова: «Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин боярьства не състрижет, а холоп холопьства не избудет?» (с. 179). Ср.: «...тако же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени»[29].

театральным эффектам. Так, во время новгородского погрома архиепископа издевательски посадили на кобылу, дав ему в одну руку гусли, а в другую дурацкую палку[35]. Принимая после набега крымцев на Москву представителей крымского хана, присланных «по выход», Иван IV нарядился в сермягу, бусырь и баранью шубу и в таком одеянии отвечал послам: «Видишь де меня в чем я? Так де меня царь (т. е. крымский хан. — *С. Ш.*) зделал? Все де мое царьство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю»[36]. В расчете на эффект был задуман и внезапный выезд царя со двором из Москвы накануне учреждения опричнины. Иван IV и сам, видимо (во всяком случае, в молодые годы), поддавался несколько театрализованному воздействию, чем и воспользовался Сильвестр[37] в июне 1547 г.[5*], припугнув юношу-царя «детскими страшилы»[38].

В годы опричнины три слепца ежевечерне рассказывали Грозному перед сном «старинные истории, сказки и фантазии за одной другую»[39]. По преданию, когда Иван Грозный хотел повеселиться, он приказывал петь песни, сложенные о завоевании Казани и Астрахани[40].

Таким образом, воздействие фольклора на Ивана IV было постоянным и непосредственным.

Характерные черты Грозного-писателя наглядно проявились в бранно-презрительной лексике, в которой постоянно смешение церковно-славянизмов, придуманных сложных слов, слов с суффиксами «-ние», «-ость», «-ство», имеющими значение отвлеченности, с московским просторечием. Здесь особенно ощутимы новаторство Грозного в области языкотворчества, многообразие его лексических средств, эмоциональная насыщенность его речи.

В посланиях, особенно написанных в ответ на «лай» противников, Грозный не знал удержу в гневе и не стеснялся в выражениях. «Ядовитые словесы» со «многою яростию и лютостию» как бы наслаиваются одно на другое и с дополнительными эпитетами и сравнениями повторяются для придания тексту еще более «кусательного» смысла (выражение Курбского)[41]. Показательно в этом отношении окончание Первого послания Курбскому. Оставляя, по существу, без ответа одно из обвинений Курбского, Грозный, распаляясь, подменяет ответ руганью[6*]: «От Кроновых де жерцех еже подобно псу лая или яд ехидны отрыгая, сие неподобно писал еси... сия убо вся злобесным своим умышлением, писал еси» (с. 62). Следующие затем листы послания буквально испещрены «нечистыми и кусательными глаголами»[43]: называя город Вольмер вотчиной короля, Курбский «свою

[5*] Заклинания Сильвестра на фоне «зельнейшего московского пожара» в дни массового восстания «черных людей», убивших главу правительства — родного дядю царя князя Ю. В. Глинского и угрожавших самому царю, должны были произвести на юношу Ивана IV устрашающее впечатление. Менее чем через четыре года он вспоминал: «и отсего бо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя».

[6*] Курбский, особо стыдя Грозного за его «варварскую» речь, писал: «то есть неподобных людей и лотров обычай, что язык свой на укоризну обращати»[42].

злобесную собацкую измену до конца совершает»; государя он нашел «по своему злобесному собацкому хотению», и послание его от беса («по своему злобесному изменному собацкому хотению и умышлению, иступив ума неистовяся, бесному подобяся, колебляся, писал еси»). Такое неистовство брани типично для литературного стиля Грозного, а возможно, и для его устной речи. Не случайно подобный лексикон имел место в период жизни Грозного, который Маркс метко и правдиво назвал «периодом сумасбродств»[44].

Для бранно-презрительной лексики Грозного характерны слова «бес», «зло», «собака», встречающиеся в различных сочетаниях. Слова эти часто употребляются Грозным вместе, давая сложные словообразования.

Грозный употребляет и существительное «бес», «бесы» (с. 10, 61, 208), и глагольные формы «бесящеся» (с. 32), «возбеснев» (с. 268, 270), и прилагательные «бесный» (с. 16, 63), «бесов сын» (с. 175), «бешеный» («бешеная собака» — с. 247, 273). Часто встречается прилагательное «бесовский» (-ая, -ое, -ие) в сочетании со словами: «держава» (с. 30, 271), «тьма» (с. 268), «обычай» (с. 10, 14), «коварство» (с. 270), «злохитрие» (с. 62), «хотение» (с. 43), «козни» (с. 269), «служители» (с. 19), «слухи (с. 11). Интересны и такие определения, как «бесоизвыкшие друзья» (с. 10), «бесосоставная грамота» (с. 270), «бесоподобная гордость» (с. 270), «бесослужительный разум» (с. 270).

Слово «бес» привлекается Грозным обычно для характеристики «государевых изменников». В таком же смысле оно было употребительно и в официальных дипломатических документах. Например, в «памяти» посланнику в Польшу от февраля 1569 г. указывалось — в случае, если Курбский «или иной которой государев изменник» начнет разговор, отвечать: «А вы своею изменою сколько ни лукавствуйте бесовским обычаем...»[45]

Еще чаще встречаются в сочинениях Грозного прилагательное «злой»: «злая воля», «злые деяния», «злая ненависть», «злые советники», «злой совет» — «избранная рада» (с. 40, 38) и т. п., а также сложные слова с существительным «зло»: «злодеяние» (с. 15, 20), «злодейство» (с. 11, 163, 178), «злокозньство» (с. 176), «злосоветие» (с. 48), «злоумие» (с. 54), «злохитрие» (с. 43), «злохитрство» (с. 167), «злочестие» (с. 15), «злодейственный» (с. 12, 20, 22), «зловерный» (с. 29), «злокозненный» (с. 192), «злолукавый» (с. 14—16, 19, 270), «злотворящие» (с. 19), «злочестив» (с. 38) и др. Подобные словообразования — типичная черта многих выдающихся древнерусских писателей, ощущавших потребность во внешне новом и в то же время стоявших на путях церковно-книжной традиции[46].

Излюбленный прием Грозного — использование сложных прилагательных, состоящих из слов «зло» и «бес»: «злобесный» в сочетании со следующими существительными: «единомышленник» (с. 16), «измена» (с. 62), «изменник» (с. 59), «обычай» (с. 17, 19, 20), «разум» (с. 20, 29, 56, 60), «пес» (с. 175), «восстание» (с. 18), «умышление» (с. 11, 15, 54, 61, 63), «хотение» (с. 62), «претыкания»

(с. 49), «злобесовный обычай» (с. 271), «злобесовский» со словами «кознь» (с. 272), «козни» (с. 268, 272), «советники» (с. 14).

Многократно употребляются Грозным и слово «собака»[47], и различные словообразования, с ним связанные. Слова эти, как правило, употреблены в переносном смысле по отношению к противникам Грозного и имеют резко отрицательную эмоциональную направленность.

«Собака» — обычное обращение Грозного к Курбскому (с. 16, 31, 32 — «бешеная собака», 35, 36 и др.). «Собаки» и изменники князь С. Ростовский (с. 40) и руководитель правительства «Избранной рады» А. Ф. Адашев (с. 36, 41), гетман Гр. Хоткевич — «бешеная собака» (с. 247, 473), «Избранная рада» — «собацкая власть» (с. 48) и т. д.

Слово «собака» прочно связывается в сознании и языке Грозного с понятием об измене, в нередко и со словом «измена»: «собака изменник князь Семен Ростовской» (с. 40), «измены собаки Олексея Адашева» (с. 41); изменники — это «собацкие люди» (с. 269, 271); уста изменника — «собацкой рот» (с. 276). Иногда оба слова употребляются вместе: «собацкая измена» (с. 62, 136), «собацкое изменное хотение и умышление» (с. 63), «собацкой изменный обычай» (с. 13, 29), но чаще Грозный ограничивается употреблением в иносказательном смысле одного лишь слова «собака» («собацкий»): «собацкий обычай» (с. 276), «ино таких собак везде казнят» (с. 31) и т. п.

Слово «собака» в значении «изменник» было в то время употребительно и в просторечии, и в делопроизводительных документах. Так называет изменника Кудеяра Василий Грязной[48]. В этом же смысле слово «собака» встречается и в посольских наказах. На вопрос об измене Курбского русский посол должен был отвечать: «Курбский государю нашему изменил, собакою потек, собацки и пропадет»[49]. Сходная формулировка и в наказе другому послу, обязанному об измене Дмитрия Вишневецкого «молвити»: «притек Вишневецкой ко государю нашему, как собака, и потек от государя нашего, как собака же»[50]. Распространены были, следовательно, особые выражения: «притечь собакою», «потечь собакою». Это отразилось и на употреблении соответствующих глаголов: в посольском отчете 1571 г. об изменнике князе Михаиле Ноготкове-Оболенском написано: «а ныне вести про него нет, жив ли будет или здох»[51]. Подобные выражения, очевидно, и входили в представление о «лае», когда посланнику в Польше (1569) откровенно наказывалось: изменнику, «излаяв, да плюнути в глаза»[52].

Слово «собака» в значении «изменник»[7*] перешло в литературу из устного эпоса[54], в словаре И. И. Срезневского оно в таком переносном смысле не отмечено, и возможно, что его распространение в литературе и делопроизводстве связано с Грозным (воздействие языка Грозного на язык посольских книг несомненно).

[7*] В таком переносном смысле слово «собака» дожило до наших дней: «собаке — собачья смерть»[53].

Значительно дальше от просторечия и фольклора слово «пес» — в иносказательном смысле «дурной человек», встречающееся и в литературных памятниках предшествовавшего времени[55]. Слово это, по-видимому, не имело столь распространенного иносказательного значения и для придания желанного смысла употреблялось чаще вместе с эмоционально-бранным эпитетом. Грозный употребляет его и без эпитета в смысле злостного лжеца: «подобно псу лая» (с. 61), «яко же псу нелепая глаголаше» (с. 62), и с эпитетами: Курбского называет «псом смердящим злобесным изменником» (с. 59), Василия Собакина — «злобесным псом» (с. 175), и даже самого себя — уничижительно и покаянно «смердящим псом» (с. 162). В таком же смысле и также с эпитетом употребляет слово «пес» и Курбский в «Истории о великом князе московском», называя крымского хана Девлет-Гирея «псом бусурманским»[56].

Того же Девлет-Гирея Курбский называет и «бусурманским волком»[57]. В древней русской литературе было распространено уподобление жестокости и жадности человека свойствам волка[58]. Этим же образом пользовался и Грозный[8*], характеризуя Сильвестра[59, 60]. Близость лексики Грозного и Курбского прослеживается и на употреблении обоими писателями слова «ехидна». Качествам ехидны уподобляется в их представлении жестокость, злоба, коварство. Это, по мнению Грозного, свойства враждебных ему бояр и Курбского[61]. В свою очередь Курбский[62] называет советников царя, осудивших Адашева и Сильвестра, «лукавыми, презлыми, ехитниными отротами»[9*].

Близость образной лексики Грозного и Курбского заметна, однако, только при использовании литературных традиций. На стиль Курбского просторечие, устный эпос, так же, как и деловая речь, оказали значительно меньшее воздействие. Курбский считал их «варварскими».

Иван Грозный отличался редким чутьем языка, и литературный стиль его и словарь во многом зависели от адресата и характера составляемого послания: так, в первой части Послания в Кирилло-Белозерский монастырь и в краткой редакции Первого послания Курбскому особенно много церковно-славянских слов, в письме к Грязному — обилие простонародных выражений, а в посланиях в Польшу постоянно встречаются полонизмы и слова, более всего употребительные в западных областях Российского государства. Знаток приказного делопроизводства, Грозный великолепно умел подражать формам различных документов, восприняв элементы художественности, имевшиеся в деловой письменности.

[8*] В этом же смысле употреблено слово «волки» в Никоновской летописи, в известном Приговоре об отмене кормлений 1555 г.[59]

[9*] Воздействие сходных литературных источников сказывается, например, и на характерном употреблении слова «тростъ». В «Кратком отвещании» на Первое послание царя Курбский писал: «держах руку со тростию»[63]; во Втором послании Грозного Курбскому, написанном до получения этого ответа, тоже читаем сходные выражения: «сего ради тростъ наша наострися к тебе писати»[64].

Таким образом, в языке посланий Грозного наблюдается и проникновение в литературный язык, в основе еще церковно-славянский, элементов просторечия, живой разговорной речи и деловой письменности, и воздействие устного народного творчества, и иноязычные влияния, и наконец, воздействие лучших образцов древней русской литературы, стилистическая близость с которыми несомненна[10*]. Творчество Ивана Грозного имело большое значение в процессе развития русского литературного языка той поры.

Примечания

[1] ПИГ. С. 449 (В дальнейшем все цитаты из посланий Ивана Грозного даются по этому изданию с указанием страницы).

[2] Отдельные положения статьи были кратко изложены в рец. на ПИГ. См.: ИОЛЯ. 1962. Т. XI. Вып. 4.

[3] *Пушкин А.* С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. VII. С. 27.

[4] *Ленин В. И.* Национальный вопрос. (Тезисы по памяти) // Ленинский сборник. Т. XXX. С. 62.

[5] *Толстой А. Н.* О драматургии. М., 1934. С. 19.

[6] РИБ. Т. XXXI. Стб. 113.

[7] Данные такого рода обобщены в исследованиях С. Д. Никифорова. См.: Из наблюдений над языком и стилем посланий Ивана Грозного // УЗ. Мос. гос. пед. дефект. ин-та 1941. Т. 1. С. 59—85; Из наблюдений над значением некоторых глагольных форм в памятниках второй половины XIV в. // УЗ МГПИ им. В. И. Ленина. 1948. Т. XLI. С. 19—76. См. также его учебное пособие «История русского литературного языка» (М., 1947. С. 34—35).

[8] РИБ. Т. XXXI. Стб. 113, 129, 148.

[9] *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 62. (Далее: *Адрианова-Перетц.* Очерки.)

[10] О синонимике имен существительных в сочинениях Грозного см.: *Помигалова М. И.* Лексика посланий Ивана Грозного: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1954.

[11] *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950. С. 19—24. (Далее: *Булаховский.* Исторический комментарий.)

[10*] Грозный знал памятники древнерусской литературы. При исключительной памяти и начетнической практике изучения Грозный многое помнил наизусть и невольно, быть может, воспроизводил в своих сочинениях. Грозный хорошо знал летописи, по словам Курбского, «добре веси от летописцов Руских»[65]. Официальные летописи хранились в его личном архиве — «Государевой казне» — и в хорошо ему знакомом Царском архиве. Грозный не раз ссылался на летописные тексты: в разговоре с боярами в Александровской слободе в момент учреждения опричнины[66], в послании шведскому королю Иоганну III[67] и т. д. Предполагается даже его участие в редактировании лицевых сводов.

В кругу приближенных молодого царя — «Избранной раде» — интересовались вопросами литературы. Непосредственно для Ивана IV предназначались некоторые публицистические сочинения; среди них особо выделяются сочинения Пересветова. По предположению М. А. Соколовой, с этой целью Сильвестром было написано особое предисловие к «Домострою»[68]. Послание к юноше Ивану IV составил Максим Грек. Влияние текста послания чувствуется в словах Грозного о приближении А. Ф. Адашева в Первом послании Курбскому: «тако взяв его от гноища и учиних с вельможами»[69]. В послании Максима Грека читаем о власти Бога: «от гноища возносить нища, посадить его с сильными людскими»[70].

[12] РИБ. Т. XXXI. Стб. 113.
[13] ААЭ. Т. 1. № 289; РГАДА. Ф. 138. Опись Архива Посольского приказа 1614 г.; [ОЦА]; *Ясинский.* Архив. С. 10; *Шмидт С. О.* Царский архив XVI века и архивы правительственных учреждений // ТМГИАИ. М., 1957. Т. VIII. С. 271.
[14] *Лихачев Д.* С. Летописи. С. 370 и сл.
[15] Сб. РИО. Т. 71. С. 110.
[16] *Лурье Я.* С. Археографический обзор посланий Ивана Грозного // ПИГ. С. 530.
[17] РИБ. Т. XXXI. Стб. 6.
[18] Там же. Стб. 153.
[19] Там же. Стб. 4. Примеч. 26.
[20] О польской лексике в сочинениях Ивана Грозного см.: *Тамань В. М.* О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.
[21] РГАДА. Крымские книги. № 10. Л. 12.
[22] *Садиков.* Очерки. С. 533.
[23] *Лихачев Д. С.* Иван Пересветов и его литературная современность // Пересветов. С. 55.
[24] *Савицкая С. Л.* Особенности языка посланий Ивана Грозного: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Львов, 1953; *Никифоров* С. Д. Из наблюдений над языком и стилем.
[25] *Лихачев Д.* С. Иван Грозный — писатель // ПИГ. С. 465. См. также: *Он же.* Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного // *Лихачев Д.* С. Великое наследие. М., 1975. (Далее: *Лихачев Д.* С. Великое наследие.); *Он же.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
[26] РИБ. Т. XXXI. Стб. 113, 116.
[27] Там же. Стб. 134—135.
[28] *Адрианова-Перетц.* Очерки. С. 37, 92, 93.
[29] Слово Даниила Заточника / Подгот. к печ. Н. Н. Зарубин. Л., 1932. С. 61.
[30] РИБ. Т. XXXI. СТб. 169.
[31] *Лихачев Д. С., Панченко А. М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 36—38.
[32] Пискаревский летописец. С. 73—74, 159; [ПСРЛ. Т. 34. С. 189].
[33] РИБ. Т. XXXI. Стб. 267.
[34] Пискаревский летописец. С. 85; [ПСРЛ. Т. 34. С. 194].
[35] Послание И. Таубе и Э. Крузе / Пер. М. Г. Рогинского // Рус. ист. журн. 1922. Кн. 8. С. 49 (Далее: Послание И. Таубе и Э. Крузе.) То же писал и Гваньини. См.: Там же. С. 20. Предисл.
[36] Пискаревский летописец. С. 80; [ПСРЛ. Т. 34. С. 92.]
[37] ПИГ. С. 57, 121; РИБ. Т. XXXI, Стб. 169.
[38] Стоглав. С. 31.
[39] Послание И. Таубе и Э. Крузе. С. 39—40.
[40] *Олеарий.* С. 373.
[41] РИБ. Т. XXXI. Стб. 113, 116, 129.
[42] Там же. Стб. 275.
[43] Там же. Стб. 116.
[44] *Маркс К.* Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 165.
[45] Сб. РИО. Т. 71. С. 593.
[46] *Булаховский.* Исторический комментарий. С. 23—24; *Орлов А. С.* О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. // ИОРЯС. 1908. Т. XIII. Кн. 4. С. 363 и сл.
[47] *Адрианова-Перетц.* Очерки. С. 93; *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М., 1956. С. 319.
[48] *Садиков.* Очерки. С. 533.
[49] Сб. РИО. Т. 71. С. 321—322.
[50] Там же. С. 156.

[51] Там же. С. 807.
[52] Там же. С. 593.
[53] *Адрианова-Перетц.* Очерки. С. 93.
[54] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1912. Т. 4. С. 251—252.
[55] *Адрианова-Перетц.* Очерки. С. 93.
[56] РИБ. Т. XXXI. Стб. 270.
[57] Там же. Стб. 269.
[58] *Адрианова-Перетц.* Очерки. С. 95—97, 99—102.
[59] ПСРЛ. Т. 13. С. 267.
[60] *Адрианова-Перетц.* Очерки. С. 101.
[61] Там же. С. 92.
[62] РИБ. Т. XXXI. Стб. 267.
[63] Там же. Стб. 115.
[64] ПИГ. С. 210.
[65] РИБ. Т. XXXI. Стб. 133.
[66] Послание И. Таубе и Э. Крузе. С. 33.
[67] ПИГ. С. 157; *Альшиц.* Иван Грозный и приписки.
[68] *Соколова М. А.* Очерки по языку деловых памятников XVI века: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1952. С. 23—24.
[69] ПИГ. С. 37.
[70] *Максим Грек.* Сочинения. Казань, 1859. Т. II. С. 348.

К ИСТОРИИ ПЕРЕПИСКИ КУРБСКОГО И ИВАНА ГРОЗНОГО[1*]

«История о великом князе Московском» А. М. Курбского, известная пока только в списках не ранее второй половины XVII в., оставляет впечатление не вполне завершенного произведения. Первая часть «Истории» — по форме «хроника»[1] — была первоначально задумана как самостоятельное сочинение. От второй части — агиографической и являющейся по существу мартирологом[2] — ее отличают более тщательно продуманная архитектоника и стилистическое единообразие. Однако и в хроникальной части выделяются куски текста, как бы нарушающие стиль изложения (и в определенной мере хронологическую последовательность).

В «Истории» обнаружено сходство — даже текстуальное — с другими известными сочинениями Курбского. Можно предполагать, что там имеются фрагменты и не дошедшего до нас (или незавершенного) пространного послания Ивану Грозному, которое Курбский готовил как ответ на первую эпистолию царя.

Для «Истории» характерны полонизмы и западнорусизмы, естественные «для эмигранта, переехавшего в Литву, в западнорусскую языковую среду»[3]. «История» адресована прежде всего читателям Речи Посполитой. Поскольку она предназначалась для зачастую недостаточно владевших русским языком читателей, Курбский сознательно переиначивает некоторые русские термины на польско-литовский лад: дворецкого Большого дворца называет «великим земским маршалком» (167), казначея — «подскарбием земским» (281, 297), воевод — «гетманами» (178, 187, 188, 189, 218, 220, 223, 236, 250, 285, 287), дворян и детей боярских — «шляхтой», «шляхтичами» (185, 223, 249, 252)[4], «шляхетными мужами» (295), пишет о «благородном» «шляхетском роде» (221, 286). Слово «уезд» заменяет словом «повет» (185, 298); г. Казань сравнивает с г. Вильно («место оно не мало, мало что от Виленского мнеише» — 196). Нередки упоминания о русских и России в третьем лице («тамошнее царство» — 260), а также своего рода глоссы — разъяснительного характера прямые обращения к польско-литовскому чита-

---

[1*] Впервые опубл. в кн.: Культурное наследие Древней Руси: Сб. к 70-летию акад. Д. С. Лихачева. М., 1976. С. 147—151. (Далее: Культурное наследие.)

телю: «велицые гордые паны, по их языку боярове» (165), «с стремнин высоких мечюще их, а по их языку с крылец» (166), «стратилатове, а по их воеводы полков» (182), «правый рог, а по их правая рука» (182), «гетмана, а по их великого воеводу» (189), «о великих же панов родех, а по их о боярских» (294).

Тем более странным кажется большое отступление (241—245, со слов: «А здешнему было королеви и зело ближаиши») об образе жизни польских панов с напоминанием о доблести волынцев и К. Острожского. Оно заметно отличается стилистически от основного текста первой части «Истории», и — главное — здесь говорится о Польско-Литовском государстве и жителях его в третьем лице («Тако же и властелин земли тоя...»; «Паче же нецыи и велможи их» и др.) Не являлся ли этот отрывок первоначально частью какого-то сочинения, адресованного иному читателю, жителям не Польско-Литовского государства, а Российского царства?

Можно думать, что фрагменты этого сочинения включены и в другие места «Истории». В первой ее части выделяются также листы, предшествующие заключению (269—274). Если на других листах Курбский писал об Иване IV обычно в третьем лице, то здесь находим прямое обращение: «Се, царю, получил еси от шепчущих ти во уши любимых твоих ласкателей...»; «...к чему тя привели человекоугодницы? и чем тя сотворили любимыя маньяки твои?»; «...и от сего Боже сохрани тебя» и т. д. Это — явное обращение к Грозному, причем, несомненно, рассчитанное на то, что адресат ознакомится с ним: «да прочтет величество твое во слове, златовещательными устами изреченному, о Ироде...» (270). Характерен и риторический прием: «О царю, прежде зело любимый от нас! Не хотел бы малыя сея части презлости твоей изрещи, но преодолен бых и принужден любовию Христа моего, и ревностию любви распаляяся по мученицех, от тебя избиенных неповинне, братиях наших» (273). Не фрагмент ли это готовившегося Курбским пространного ответа царю?

В «Истории» встречаются и другие примеры прямых обращений-восклицаний, свойственных, видимо, писательской манере Курбского. Это — проклятие «отечества губителям», отогнавшим Сильвестра и Адашева от царя (262), и — уже во второй части — посмертное прославление М. Воротынского (289—290) и концовка «Истории»: «О безумный и окаянный! Забыл еси прежде тебя царей царствовавших...» (348 и далее).

Особенно важно в плане данной работы пространное обращение к Топоркову (212—217). Следует подчеркнуть, что оно, как и обращение к царю (269—274), написано очень темпераментно, даже несдержанно, с риторическими повторами: «О глас воистинну дияволи...»; «О сыну диаволь!» (213—216), с явными признаками просторечия и в то же время с цитатами из Священного Писания и отцов церкви. Пространные рассуждения о Топоркове кажутся вставкой в первоначальный текст «Истории»: столь неприятный Курбскому совет Топоркова («не держи советников мудрейший собя») повторяется в «Истории» дважды (212, 216), что необычно для стиля этого произведения. Вставка (после первого упоминания о со-

вете Топоркова) начинается словами: «Ту ми разсмотрити прилежно», и завершается фразой: «И сие оставя, да предреченным возвратимся». Схожими словами заканчивается и вставка о поляках: «оставя сию, ко предреченным возвратимся» (245). Возможно, что вставка о Топоркове, так же, как и обращение к «губителям... Святорусского царства» (262), — тоже фрагменты первоначального ответного послания царю.

Курбский пишет здесь о «нашем языке»: «Понеже делом сия прелютеишая злость произвелася, якова никогда же в нашем языце бывала, от тебя беды начало приемше...» (216, 217). Не предполагалось ли адресовать это послание не только царю, но и другим русским читателям? Не собирался ли Курбский объяснить им, что именно ненавистный ему Топорков — главный виновник страшных перемен в поведении царя и в судьбе страны: «только от тебя, Васьяна Топоркова, царь... прелютостию наквашен» (217)[2*].

Все упоминавшиеся листы первой части «Истории» отличаются стилистически от остального ее текста. В то же время они имеют заметные черты сходства между собой: близкие риторические приемы и формулы, эмоциональный стиль прямых обращений, менее тщательная литературная обработка и широкое использование просторечия, необычайные в такой мере для стиля «Истории» и напоминающие стиль послания царя, аргументация с помощью исторических примеров и обильной цитации текстов Священного Писания (особенно стб. 212—216, 269—274), что как раз характерно для переписки Курбского и Грозного.

Таким образом, есть некоторые основания предполагать, что «Истории» предшествовала попытка написать пространный ответ царю. Уязвленный тоном и содержанием царской эпистолии, Курбский, видимо, стал готовить схожий по стилю ответ. Его фрагменты отслоились внутри первой части «Истории». Очень вероятно, что пространный ответ (точнее, заготовки этого текста) пригодился Курбскому и для концовки «Истории» (348—354), стилистически наиболее близкой именно к упомянутым отрывкам ее первой части. Использование одних и тех же текстов (нередко с соответствующими поновлениями и добавлениями) в разных сочинениях было в духе литературных обычаев того времени.

Если царь предназначал свое послание отнюдь не только одному беглому боярину[6] (но и читателям в Польско-Литовском государстве[3*] и даже в «Российском царстве»), то и Курбский, согласно литературно-политическому этикету[8], а также правилам литературной «игры», обращался и к читателю «Святоруского царства», «Святоруской земли» (термины эти встречаются в первой части «Истории» только в упомянутых отрывках). Курбский, видимо, готовил пространное послание вскоре

[2*] Это ответ на вопрос, поставленный в начале «Истории», и одновременно оправдательный ответ на послание царя. «Ответ, который Курбский дает в своей "Истории", — пишет Д. С. Лихачев, — вполне в духе XVI века: всему тому виной злые советники»[5].

[3*] «Грозный адресовал свои произведения в Литву, — пишет Д. С. Лихачев, — в Литве они и сохранились»[7].

после получения эпистолии царя, вероятнее всего, еще до опричнины: упоминание о А. Басманове появилось во второй части, причем с характерным эпитетом: «губитель Святоруские земли» (305). Затем, однако, в этот текст (или во фрагменты его, включенные в «Историю») вносились изменения и добавления (о времени опричнины, низложении митрополита Филиппа, нашествия орд крымского хана в 1571 г.).

Едва ли не о попытке написания пространного послания сообщает сам Курбский в «Кратком отвещании» на «зело широкую епистолию великаго князя Московского»: «А хотех на коеждо слово твое отписати, царю... но удержах руку со тростию» (115). Небезынтересно, что в «кратком отвещании» Курбский пишет, как Иван IV, его отец и дед преследовали «единоплемянных княжат, влекомых от роду великого Владимера» (114—115), т. е. как раз о том же (вплоть до текстуальных совпадений), о чем говорится и в разделе «Истории», содержащем прямое обращение к царю (там упоминается казнь Ряполовского, «влекомаго от роду великаго Владимера» — 272). Текст упоминавшихся листов «Истории» сходен и с «отвещанием» Курбского на вторую эпистолию царя (151) — там снова приводятся слова «совета» Топоркова, царь назван «хоронякой и бегуном» (ср. 269) и др. Очевидно, первоначальный текст ответа царю использовался автором при подготовке последующих ответных посланий.

Фрагменты предполагаемого пространного послания Курбского могли быть затем включены в «Историю о великом князе Московском», так же как фрагменты полной редакции первого послания Ивана Грозного Курбскому — во вставки в официальную лицевую летопись.

Пока эти построения — только гипотеза. Если она окажется состоятельной, перед исследователями возникнет еще одно звено истории знаменитой публицистической схватки XVI столетия.

Примечания

[1] РИБ. Т. XXXI. Стб. 161—276. Далее в скобках указываются столбцы по этому изданию.

[2] *Лурье Я.* С. Судьба беллетристики в XVI в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 442.

[3] *Лихачев Д.* С. Курбский и Грозный — были ли они писателями? // РЛ. 1972. № 4. С. 204. (Далее: *Лихачев Д.* С. Курбский и Грозный). См. также: *Damerau N.* Russisches und Westrussisches bei Kurbskij. Wiesbaden, 1963.

[4] См. примеч. Дж. Феннела (*Fennell Y. L. I.* Kurbsky's History of Ivan IV. Cambridge, 1965. P. 12, 42—43, 184).

[5] *Лихачев Д.* С. Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVII веков // РЛ. 1972. № 2. С. 22.

[6] *Шмидт.* Становление. С. 36, 243.

[7] *Лихачев Д.* С. Курбский и Грозный. С. 204.

[8] О литературном этикете см.: *Лихачев Д.* С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1967. С. 84 и сл.; *Он же.* Поэтика. 1979. С. 80—102.

К изучению «Истории» князя Курбского (о поучении попа Сильвестра)[1*]

1547 год — первый год «Московского царства» — ознаменован был массовым восстанием в Москве. Восстанию предшествовал «великий пожар» 21 июня. Важнейшими моментами восстания были созыв веча, а затем убийство в Кремле дяди царя князя Ю. В. Глинского, расправа над людьми Глинских 26 июня и поход москвичей 29 июня в подмосковное с. Воробьево, где укрылся царь Иван. Советские ученые признают московское восстание крупнейшим явлением политической истории России середины XVI в., во многом определившим дальнейшую правительственную деятельность.

События июня 1547 г. произвели сильное впечатление на современников, даже по прошествии многих лет воспринимались как особо значительные, а описание их тенденциозно использовалось публицистами для обоснования и пропаганды политических или историко-философских взглядов. Это ясно обнаруживается и в сочинениях Курбского и Ивана Грозного.

Курбский в «Истории о великом князе московском» связывал с событиями 1547 г. изменения и в правительственной деятельности Российского государства, и в образе жизни Ивана IV. Однако главное внимание в его «Истории» акцентируется не на массовом восстании, а на обличении молодого царя священником Сильвестром. Именно следствием проповеди Сильвестра было, по Курбскому, духовное перерождение Ивана IV и начало деятельности новых его советников — Избранной рады. Поучение Сильвестра — важнейший эпизод и в описании событий 1547 г., и в схеме периодизации правления Ивана Грозного, разработанной Курбским. В настоящей работе предпринята попытка — в значительной степени гипотетическая — рассмотреть этот эпизод «Истории» Курбского в связи с политическими, историко-философскими и литературно-художественными представлениями публициста.

[1*] Впервые опубл. в кн.: Славяне и Русь: Сб. к 60-летию акад. Б. А. Рыбакова. М., 1968. С. 366—374.

* * *

Боярин князь Андрей Михайлович Курбский (1528—1582), перешедший в 1564 г. на службу к польскому королю, написал «Историю о великом князе московском» не ранее 1573 г. Одним из поводов для ее составления было выдвижение русского кандидата на польский королевский престол.

«История» Курбского — это остро полемическое произведение, по существу памфлет, направленный против Ивана Грозного и искусно облеченный в форму исторической биографии. Исследователь сочинения Курбского А. Н. Ясинский возражает против такой характеристики «Истории», полагая, что она является «первым русским прагматическим сочинением»[1]. Возражение А. Н. Ясинского кажется, однако, недостаточно убедительным. Памфлетная форма, полемическая заостренность, откровенная политическая тенденциозность отнюдь не препятствуют тому, чтобы признать сочинение Курбского одновременно и историко-прагматическим (в том смысле, как понимали подобный характер изложения в Средние века)[2], т. е. описывающим исторические события в определенной причинной связи и последовательности с целью преподать известное поучение.

«История» Курбского, так же, как и пространная редакция первого послания к нему Ивана Грозного (1564)[3], адресовалась прежде всего читателям Речи Посполитой и в какой-то мере рассматривалась как ответ на послание. Курбский преследовал цель не только противопоставить трактовке Грозным основных событий истории России середины XVI в. иное их толкование, но и опровергнуть конкретные замечания, имевшиеся в послании царя. Эти же задачи стояли перед Курбским и при написании ответных посланий царю, особенно второго послания (1577), во многом близкого «Истории». Рассчитывал Курбский, видимо, и на то, что сочинение его станет известным в России.

«История» якобы являлась ответом на неоднократные вопросы «многих светлых мужей» (т. е. панов): «Откуда сия приключишася, так прежде доброму и нарочитому царю... прежде от всех добрую славу имущему?»[4] Составление подобного сочинения отвечало и повышенному интересу людей XVI в. к биографиям выдающихся деятелей[5].

«История» Курбского находится в русле отечественной летописной[2*] и публицистической традиции. В то же время написана она не без воздействия и зарубежных образцов[3*]. «История» основана на личных впечатлениях (и в этом плане может рассматриваться как один из первых в России опытов мемуарной литературы),

---

[2*] Летописная традиция прослеживается уже с зачина «Истории», напоминающего зачин Повести временных лет.

[3*] Тема сравнительного рассмотрения «Истории» Курбского и близких к ней по времени других европейских историко-публицистических сочинений еще ждет исследователя. Можно полагать, что в результате такой работы позволительно будет выделить в сочинениях Курбского некоторые доныне не отмеченные черты, сближающие «Историю» с произведениями европейской исторической общественной мысли гуманистического толка.

на рассказах очевидцев и на знакомстве с письменными источниками, прежде всего с современными летописными текстами.

Излагая события 1547 г., Курбский пишет о «презельном и воистину зело страшном пожаре», оговаривая: «Аще бы по ряду писати, могла бы повесть целая быти, або книжица». У Курбского типично средневековое представление о подобных событиях как о божественном возмездии за грехи, в данном случае за «лютость» молодого Ивана IV и его «человекоугодников». Описывая восстание, Курбский подчеркивает его массовость («возмущение велико всему народу»)[6]. Основная причина восстания — «зло», чинимое ненавистными ему Глинскими и их приспешниками.

Главное место в изображении событий конца июня 1547 г. в «Истории» отведено проповеди Сильвестра. «В то же время... тогда, убо тогда» Сильвестр «претяще ему (т. е. Ивану IV. — *С. Ш.*) от Бога священными писаньми и... заклинающе его страшным Божиим имянем... умыслил, яко и последовало дело: иже душу его (Ивана IV. — *С. Ш.*) от прокаженных ран исцелил и очистил был, и развращенный ум исправил, тем и овым наставляюще на стезю правую». Курбский пишет, что Сильвестр пытался воздействовать на юного царя какими-то устрашающими чудесами, отмечая, что эти чудеса не «истинные, або так ужаснование пущающе»[4*]. «Блаженный малую грозу присовокупляет благокознению, ею же великое зло целити умыслил»[7].

В этом изображении заметны элементы полемики с посланием царя. Грозный напоминал Курбскому о попытках Сильвестра и Адашева «устрашити» его «децкими страшилы»[8]. Курбский не отрицает того, что Сильвестр действительно «для детских неистовых его (Ивана IV. — *С. Ш.*) нравов», «буйства его ради» «ужасал» царя «мечтательными страхи». Но объясняет Курбский этот поступок тем, что Сильвестр («яко и врачеве делает») старался таким способом «великое зло целити».

Эту же мысль — только более подробно — Курбский развивает затем и в «Отвещании» 1579 г. на Второе послание Грозного[9]. Сравнительное изучение текстов обоих сочинений Курбского позволяет выявить близость не только смысловую, но и стилистическую и даже текстуальную. Подобная же близость характерна и для изображения событий июня 1547 г. в Первом послании царя Курбскому (1564), и во вставке в Царственной книге, датируемой, видимо, началом 1580-х годов[10]. Грозный также, получив «Отвещание» Курбского, счел нужным подробнее снова остановиться на характеристике событий июня 1547 г.

Недавно выявлены источники, позволяющие сделать более деятельный исторический комментарий к описанию этого эпизода Курбским. Выяснилось, что на

[4*] Любопытна сама терминология — употребление слова «гроза», столь характерного для общественной мысли XVI в. О «грозе» писал Пересветов. «Грозным» прозвали царя Ивана IV. Термин этот, впрочем, унаследован от литературы предшествовавших веков (его встречаем и в Послании Даниила Заточника).

следующий день после пожара у постели больного митрополита Макария состоялось экстренное заседание Боярской думы. В Постниковском летописце читаем: «Царь со всеми бояры к нему (Макарию. — *С. Ш.*) на думу приезжали»[11]. К сожалению, на этом текст летописца обрывается. Но в другом памятнике — Повести о московских пожарах — отмечено, что у митрополита говорили о «великом пожаре»: «И много и словесы духовными митрополит тешаше царя государя и великого князя, поучая его на всякую добродетель, елико подобает царем православным быти. Царь же и государь, слушая его духовная словеса и наказание. Поминаше же великому князю о опальных и повинных людях. Царь же и государь, слушая митрополита, во всем опальных и повинных пожаловал»[12] и просил митрополита молиться Богу «и всем святым Его угодником»[5*].

Свидетельство это объясняет нам многое из того, что сознательно нечетко передано и во вставке в Царственную книгу, и в «Истории» Курбского. В покоях митрополита Ивана IV увещали, поучая «елико подобает царям православным быти». Поведение Ивана IV, скакавшего со свитой из города в город, грабившего казну храмов и монастырей, разорявшего местное население, безрассудно казнившего своих приближенных[6*], издевавшегося над челобитчиками (многим была памятна история с новгородскими челобитчиками, которым Иван IV приказал палить бороды), вызывало нарекания, становилось поводом общественного недовольства. Ходили зловещие слухи о предсказании, будто сын Василия III от второго брака будет тираном и насильником, и рождение его принесет несчастье русской земле[15]. Поведение молодого царя, казалось, подтверждало прозорливость предсказателей.

Очень вероятно, что поучал царя не столько старик Макарий (вряд ли достаточно оправившейся после падения с кремлевской стены во время пожара), сколько Сильвестр, конечно, известный Ивану IV как священник придворного Благовещенского собора. Это и запечатлено в Первом послании царя Курбскому и в «Истории» Курбского. Сильвестр, беспощадный в своих обличениях, мог оказать сильное воздействие на предрасположенного к психическим недугам, болезненно впечатлительного и суеверного юношу Ивана IV.

То, что царь не отрицал впоследствии самого факта обращения Сильвестра к «детским страшилам» (а царь был еще очень юн — ему не исполнилось и 17 лет!), показывает как будто, что это имело место в действительности. И когда царь в писании Стоглавому собору весной 1551 г. напомнил о событиях июня 1547 г. («И от сего бо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя»)[16], он мог думать не только о пожаре и восстании «черных людей», но и об устрашившей его проповеди Сильвестра.

Не исключено, что проповедь Сильвестра[17] была публичной и что это способствовало росту влияния Сильвестра на окружающих царя[7*]. Участие Сильвестра

[5*] Текстуально очень близкое описание событий находим и в сборнике № 1516 Софийского собрания[13]. Сборник XVI в., возможно, составлен Нилом Курлятевым.

[6*] Об этом писал и Курбский в «Истории»[14].

[7*] Передавая содержание проповеди Сильвестра, Курбский опирался, очевидно, не только на воспоминания о проповеди, произнесенной сразу после московского пожара (если проповедь

впоследствии в официальной правительственной деятельности, столь необычное для священника, несомненно: он принимал вместе с А. Ф. Адашевым челобитные, присутствовал на заседаниях Боярской думы. Пискаревский летописец, характеризуя деятельность А. Ф. Адашева, отмечает: «В ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним заодин, и сидели вместе в избе у Благовещения»[19].

Очень любопытна фраза, связывающая в «Истории» описание восстания и рассказ о поучении Сильвестра: «И в то время дивне неяко Бог руку помощи подал отдохнути земле христианской, образом сим»[20]. Именно Сильвестр выступает у Курбского выразителем и толкователем воли Бога, наказавшего людей за грехи страшным пожаром. В «Отвещании» Ивану Грозному Курбский идет еще дальше, когда формулирует, что царь «отогнал» Сильвестра от себя «и Христа нашего с ним»[21].

Рассказ Курбского о поучении Сильвестра едва ли не навеян библейским образом пророка Нафана, обличающего царя Давида[22]. Библейские и вообще историко-церковные ассоциации приобретали в ту пору большую политическую актуальность и широко использовались в изобразительном искусстве и в литературе.

Вполне вероятно, что непосредственное влияние на композицию рассказа Курбского о поучении Сильвестра и на самую трактовку этого сюжета оказало написанное Максимом Греком еще в 1530-е годы «Слово пространнее, излагающе с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего жития». Его автор горько сетовал, что нет «Нафана, который мудрою притчей исцелил Давида и избавил его от страшного падения»[23]. Изображение Сильвестра по образу библейского пророка Нафана[8*] понадобилось Курбскому как зачин в тенденциозном описании деятельности Избранной рады.

Одной из главных задач сочинения Курбского было очернить деятельность Ивана Грозного, принизить значение его личности[9*]. Тем самым находилось и оправдание изменническим поступкам самого Курбского.

Для достижения этой цели Курбский не только особым способом подбирал и толковал исторические факты (не останавливаясь, как и Иван Грозный, перед их сознательным искажением), но также использовал и особые художественно-изобразительные приемы, в частности, свойственную писателям той поры склонность к риторическим эффектам, драматичности повествования и к изображениям

была публичной, Курбский, даже не слышав ее сам, мог знать об этом от очевидцев), но и на текст так называемого Послания Сильвестра царю, написанного уже после июня 1547 г. В Послании приводилось библейское пророчество Исайи о Божием наказании, о внезапном «мятеже» и «разрушении града»[18].

[8*] Курбский еще во втором письме к старцу Васьяну Муромцеву восклицал: «Где лики пророк, обличающие неправедных царей»[24].

[9*] В этом плане боярин Курбский отошел от типичных представлений писателей XVI в., склонных обожествлять своего господина. «Сего ради неправедно о царюющем худым многословити, ниже без муки. Иже еще, что прочно, лепотнее бо есть царское безобразие жития молчанием покрыти, якоже ризою»[25], — писал дьяк Иван Тимофеев.

нравоучительного характера. Эти черты исторического повествования обнаруживаются и в русском летописании, и в византийских сочинениях (знакомых русским публицистам). Они характерны и для библейской традиции, и для римской историографии[26].

Архитектоника сочинения Курбского очень продумана и рассчитана на определенное воздействие[10*]: «Приклони же уже уши и слушай со прилежением!»; «Ту ми зри со прилежением»[27]. Рассказ о поучении «льстеца истинного» «блаженного» Сильвестра юному Ивану IV — завязка первой части нравоучительного повествования «О великом князе Московском», начало «главной доброты», возвышение Ивана IV[28]. Завязка второй части повествования — тоже рассказ о поучении, но уже «вселукавого» монаха Вассиана Топоркова, начало «злу», падение Ивана IV.

Из изложения Курбского становится ясным, что благой совет исцелил Ивана IV от нравственной болезни, способствовал его соединению с советниками разумными и совершенными[29] и спас государство от гибели; злой же совет[30] ожесточил Ивана IV[11*], сблизил его с «презлыми ласкателями», привел к «гонениям великим и пожару лютости»[32], к падению единомышленников Курбского (такими изображались в «Истории» участники Избранной рады) и к ослаблению государства от «искры безбожной», которую Топорков «в сердце царя христианского всеял»[12*] («во всей святоруской земли таков пожар лют возгорелся»)[33].

Злому советнику Вассиану Топоркову Курбский противопоставляет и еще одного доброго советника — самого «преподобного Максима». Максим Грек во время того же монастырского «объезда» царя 1553 г. также дает Ивану IV совет, «словесы множаишими наказуя его». Но царь, «яко гордый человек, упрямися», пренебрег этим советом, за что и был наказан Богом[34]. Любопытно, что Курбский оговаривает то обстоятельство, что Максим давал свои советы царю через четырех его приближенных (среди них и автор «Истории»), в то время как Топорков советы свои «начал шептати ему во ухо»[35]. Таким образом, и здесь опять встречаемся с противопоставлением мудрых и одновременно публичных советов (Максима) злым и одновременно тайным советам, данным по наущению дьявола («силлогизм сотанинский»!). Максим Грек — олицетворение мудрости и добра, Вассиан Топорков — олицетворение зла, «лютости».

В начальной части «Истории» Курбский уже упоминал о «Максиме философе» и связывал его деятельность с деятельностью «других святых мужей», которые вместе с С. Ф. Курбским пострадали за то, что «уподобясь ревностью» Ио-

---

[10*] Такими словами предваряются рассказы и о деятельности Избранной рады, и о встрече царя с В. Топорковым.

[11*] «Яже ти советовал и шептал во ухо не держати мудрейшие рады при собе»[31].

[12*] Ненависть к Вассиану Топоркову, возможно, объясняется еще и тем обстоятельством, что именно Вассиан выступал ранее обвинителем Максима Грека, к которому Курбский питал особое уважение. Курбский записывал рассказы «Максима философа», составил его жизнеописание.

анну Крестителю, возбраняли Василию III вступить в незаконный брак[36]. Можно думать, что продолжателем дела этих мудрых и смелых князей — советников, сподвижников, «святых мужей» — и мыслил или хотел представить себя и сам автор «Истории».

Курбский придавал исключительное значение совету, тому, что на языке людей XVI в. называлось «встречей»[37] (особенно развивает он эту мысль в «Отвещании» на Второе послание царя)[13*]. Тот же государь, который, «возгордев», приравнивает себя к Богу и прислушивается к «совету юных», может и «не сохранить своего чина»[39]. Государь должен, по его мнению, быть «любосоветным», ему надлежит «управляться советом и разсуждением»[40]. «Самому царю достоит быти яко главе, и любити мудрых советников своих, яко свои уды!» — именно такой совет обязан был, по мнению Курбского, дать Ивану Грозному инок Вассиан Топорков[41]. По советникам судят о государе, ими он силен и славен, советниками определяется его поведение[42]. Эти мысли сближают Курбского со старшими его современниками Ф. И. Карповым[43] и Максимом Греком[14*].

По существу, это традиционные представления о государе, долженствующем умело выбирать «смысленных думцев» и прислушиваться к мудрым советам. Такие мысли высказывались еще Даниилом Заточником и боярином-летописцем Петром Бориславичем, которого Б. А. Рыбаков удачно охарактеризовал как «своего рода Андрея Курбского XII столетия»[45]. Если ранее в литературе обычно проводились параллели между Курбским и деятелями последующего времени, то Б. А. Рыбаков показал допустимость подобных исторических аналогий и по отношению к более древним временам. В новых исторических условиях эти традиционные представления, естественно, принимали новые формы.

И. И. Смирнов верно отметил, что события политической истории времени правления Ивана IV «излагаются и освещаются Курбским именно с позиций теории о мудрых советниках»[46]. Влиянием дурных советников, действовавших по наущению дьявола, Курбский и объясняет перемены в характере Ивана IV, отвечая на риторический вопрос, поставленный в начале его сочинения: «Откуды сия приключишася?»

Акцентируя в изображении событий июня 1547 г. внимание именно на проповеди Сильвестра, Курбский старался этим подкрепить теорию о «мудрых советниках». Свою теорию он противопоставлял антибоярской теории «самодержавства», сформулированной в Первом послании к нему царя Ивана, это-то и предопределило периодизацию правления Ивана Грозного в «Истории» Курбского.

Мысль о «совращении» доброго нрава на злой была усвоена и составителем второй редакции Хронографа в начале XVII в. и стала основой для характеристики Ивана Грозного в этом сочинении[47].

[13*] Идеал управления, по Курбскому, — «избранные и преподобные мужи», «правду глаголющие», «не стыдяся»[38].

[14*] Они близко напоминают рассуждения в дидактическом сочинении Максима Грека «Главы поучительны начальствующим правоверно», написанном им в 1548 г. для Ивана IV[44].

Впоследствии рассказ Курбского увлек пафосом внезапного перерождения юного государя историка Н. М. Карамзина, сформулировавшего известный тезис: «Для исправления Иоаннова надлежало сгореть Москве»[48]. Описание Курбского покорило Карамзина с тем большей легкостью, что укладывалось в облюбованную им схему русского исторического процесса, согласно которой «история народов принадлежит царю», а цари способны под влиянием мудрых советников (представление, унаследованное от «Века просвещения») изменять систему государственного управления. Рассказ Карамзина, в свою очередь, пленил последующие поколения и неоднократно повторялся в трудах историков и литературоведов, надолго сохранивших в своих сочинениях эту мелодраматическую периодизацию времени правления Ивана Грозного.

Примечания

[1] *Ясинский.* Сочинения Курбского. С. 98—100.
[2] *Косминский Е. А.* Историография средних веков. М., 1963. С. 29 и сл.
[3] *Шмидт С. О.* К истории соборов в XVI в. // ИЗ. Т. 76. С. 4—141. (Далее: *Шмидт.* К истории соборов.)
[4] РИБ. Т. XXXI. Стб. 161.
[5] *Лихачев Д. С.* Человек. Гл. 6.
[6] РИБ. Т. XXXI. Стб. 168.
[7] Там же. Стб. 169—170.
[8] ПИГ. С. 57.
[9] РИБ. Т. XXXI. Стб. 128—129.
[10] *Шмидт.* Лицевые летописи.
[11] *Тихомиров.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. // ИЗ. Т. 46. М., 1954. С. 288; ПСРЛ. Т. 34. С. 30.
[12] *Жарков.* Пожары. С. 226.
[13] ГПБ ОР. Л. 264.
[14] РИБ. Т. XXXI. Стб. 166—168.
[15] *Тихомиров.* Выпись; *Шмидт С. О.* О времени составления «выписи» о втором браке Василия III // Новое о прошлом. (Далее: *Шмидт.* Выпись.)
[16] Стоглав. С. 31.
[17] О характере проповедей-поучений в XVI в. см.: *Николаевский П. Ф.* Русская проповедь в XV—XVI вв. // ЖМНП. Ч. 137. 1868.
[18] Об этом послании см.: *Голохвастов Д. П., Леонид Благовещенский.* Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 12—14, 79—80; (Далее: *Голохвастов, Леонид*); *Смирнов.* Очерки. С. 236—237; *Зимин.* Пересветов. С. 50 и сл.
[19] Пискаревский летописец. С. 56; ПСРЛ. Т. 34. С. 181—182.
[20] РИБ. Т. XXXI. С. 169.
[21] Там же. Стб. 129.
[22] *Голохвастов, Леонид.* С. 12.
[23] *Ржига.* Максим Грек. С. 53—54.
[24] РИБ. Т. XIII. С. 278.
[25] Там же. Т. XXXI. Стб. 396.
[26] *Косминский.* Историография. Гл. II, III.
[27] РИБ. Т. XXXI. Стб. 170, 210.

[28] Там же. Стб. 169, 170: Ср.: Стб. 129.
[29] Там же. Стб. 171.
[30] Там же. Стб. 212.
[31] Там же. Стб. 151.
[32] Там же. Стб. 259, 276. Ср.: Стб. 137.
[33] Там же. Стб. 216.
[34] Там же. Стб. 209.
[35] Там же. Стб. 210, 212.
[36] Там же. Стб. 164—166.
[37] *Ясинский.* Сочинени Курбского. С. 91, 99.
[38] РИБ. Т. XXXI. Стб. 155. См. также: Стб. 147.
[39] Там же. Стб. 212, 213.
[40] Там же. Стб. 216.
[41] Там же. С. 211.
[42] Там же. Стб. 154—155.
[43] *Синицына Н. В.* Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.
[44] ТОДРЛ. Т. I. С. 42.
[45] *Рыбаков Б. Л.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 341. См. также: С. 339.
[46] *Смирнов И. И.* Очерки. С. 147.
[47] *Лихачев Д. С.* Человек. С. 15—16; *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 183.
[48] *Карамзин.* История. Т. VIII. С. 95.

О «ЖЕСТОКОЙ ЛЕТОПИСИ КН. КУРБСКОГО»*

Слова заголовка — пушкинские. Так воспринимал «Историю о великом князе Московском» князя Андрея Михайловича Курбского А. С. Пушкин в 1828 году, когда им уже был написан «Борис Годунов», где речь шла и о Курбском («Имя громко»; «казанский герой»; «великий ум! муж битвы и совета!»; «своих обид ожесточенный мститель»; «несчастный вождь»; «В науках он искал себе ограды, // Но мирный труд его не утешал: // Он юности своей отчизну помнил // И до конца по ней он тосковал»).

«История» Курбского — выдающийся памятник общественного сознания, литературы и языка Древней Руси и первостепенной важности источник для изучения России времени Ивана Грозного. И этому посвящена значительная по объему специальная литература, указанная в статье А. И. Гладкого и А. А. Цехановича «Курбский Андрей Михайлович» в вышедшем в 1988 г. втором выпуске «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (с. 501—503) и в изданной в 1998 г. книге В. В. Калугина «Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя)» (с. 357—377), не говоря уже об упоминаниях и даже характеристиках «Истории» Курбского в многочисленных обобщающего типа трудах по отечественной истории, истории общественной мысли и древнерусской литературы.

Однако даже в трудах историков к знаменитому сочинению Курбского обращаются либо как к источнику фактологических сведений, либо как к отражению государственно-политических или религиозно-нравственных воззрений XVI века, и мало внимания уделено (и в написанных мною главах учебных пособий по историографии тоже[1]) рассмотрению его в плане развития собственно историографических представлений, т. е. понятий о задачах, источниках и приемах историописания.

Цель этих заметок — побудить к исследованиям такой тематики и поделиться некоторыми постановочного характера соображениями предварительного порядка. При этом допустимо исходить из утвердившихся уже представлений о неоднород-

---

* Впервые опубликовано: Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания: Сб. научных трудов к 75-летию акад. Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2000. С. 406—415.

ности «Истории» в стилистическом отношении, ее многожанровости и неодновременности создания первичных вариантов ее частей. Можно полагать, что автор не считал это свое сочинение завершенным.

«История» Курбского — один из первых памятников исторической мысли, дающий возможность изучения индивидуального авторского начала в отечественном историописании, а также определения особенностей конструкции и языковой стилистики сочинений именно исторической тематики в сравнении с другими произведениями того же автора; тем более что в некоторых из этих сочинений, прежде всего в посланиях царю Ивану, немало общего с «Историей» в тематике, в этическом подходе, в эстетических стилевых нормативах, а иногда обнаруживается и текстуальная близость, даже тождественность. Это предполагает сравнительное исследование словаря и стилистики всех сочинений Курбского.

«История» Курбского, во всяком случае в частях о Казанской войне и начале Ливонской войны, составлена в стиле летописания. Сам автор это осознает, считает нужным отметить это и отослать читателя к пространным летописям — к «летописной книге Русской». С какими летописями был знаком автор «Истории»? Вероятнее всего, с «Летописцем начала царства великого князя Ивана Васильевича», но, возможно, и с другими. Следует сравнить совпадения и отличия в текстах Курбского и в официальной летописи, выяснить, не обнаруживаются ли указанные Курбским факты, отсутствующие в официальной летописи, в других сочинениях, прежде всего летописной формы. Вообще сравнительное исследование «Истории» Курбского и таких сочинений (составлявшихся при царском Дворе, в окружении митрополита, монастырских, городских летописей, «Казанской истории», частных «летописчиков») в плане и лексики, и литературной стилистики, и приемов объяснения взаимосвязи исторических явлений и их оценки помогло бы установлению общего и особенного, характерного именно для «Истории» Курбского в системе произведений летописного жанра во второй половине XVI столетия или даже на протяжении более длительного времени — с конца XV в. до второй четверти XVII в., что предусматривает изучение и синхронное, и диахронное.

Из «Летописца начала царства» могло быть заимствовано название сочинения Курбского (что объясняется обычно лишь показательным для позиции правителей Польско-Литовского государства непризнанием царского титула Ивана IV). И — главное — Курбский мог исходить и из очевидной тенденции придворного летописца: показать значение инициатив Ивана IV для развития государственности и эффективности внешней политики. Но «История» Курбского, в еще большей мере акцентирующая внимание на фигуре грозного царя, была замыслена по своей политико-нравственной направленности как антипод официозного «Летописца начала царства». Это обусловило особенности, а одновременно и нарочитое сходство в отборе исторических фактов. И потому интересно проследить различия и в этом отборе, и — особенно — в истолковании исторических явлений и их взаимосвязей.

Курбский не раз подчеркивал, что писал по памяти или со слов очевидцев, рассказчиков,— это должно было объяснять (и оправдывать!) неточности в его описании, неполноту, а возможно, и субъективность отбора фактов. Но обилие фактов и большая точность в их изложении (в датировке, последовательности событий, именах их участников) очевидны (хотя еще Н. Г. Устрялов, затем А. Н. Ясинский[2] и более близкие к нам по времени историки выявили и неверность, и тенденциозность некоторых сообщений Курбского). Вряд ли Курбский мог обращаться в эмиграции к списку «летописной книги Русской», хотя не исключено, что в архиве польского короля и находилась такая рукопись, подобно тому, как в Царском архиве времени Ивана IV — судя по описи его — имелись и «Летописец литовских князей», и перевод с «летописца польского», а в описи архива Посольского приказа 1614 г. названа и «книга в десть, летописец Полских и Литовских королевств»[3]. Трудно предположить, что Курбскому удалось вывезти за рубеж такую объемную рукопись, да и как она могла к нему попасть? Вероятно, это свидетельство того, что Курбский обладал такой же исключительной памятью, как и Иван Грозный: эту черту первого российского царя особо отмечали современники, что отражено и в царских посланиях, где цитаты обычно приводятся на память.

Но, быть может, Курбский и потому так освоил манеру работы летописца (и в отборе фактов, и в их литературном описании), что сам имел некоторый опыт летописания. Известно, что книгочиями и писателями были лица из окружения митрополита Макария (ученые даже употребляют, характеризуя их, обозначение «Академия XVI века»[4]). Схожие интересы, а возможно, и дарования были и у лиц из окружения молодого Ивана IV, и их, говоря словами Пушкина, как и Пимена, «Господь... книжному искусству вразумил». Особенно в пору деятельности «Избранной рады». Об Алексее Адашеве, причастном если не к написанию, то к редактированию летописи, это можно сказать наверняка. Знаем и о том, что глава дипломатической службы думный дьяк И. М. Висковатый рассуждал, ссылаясь на тексты, о церковной живописи. Не причастен ли был к летописанию в молодые годы и Курбский? Не привлекли ли и его к составлению или обсуждению текста официальной летописи, где Казанскому взятию придавалось особое значение? Не поручили ли ему делать заготовки летописно-мемуарного характера о событиях, участником и очевидцем которых он был? Не был ли он допущен в «хранила царские», где находилась и летописи прежних годов, и документация, используемая составителями летописей? Ведь это было связано и с повседневными государственными делами, особенно в сфере внешней политики, и сам царь смотрел в летописи как «в зерцало».

Курбский признавал «летописные» части своей «Истории» «краткой повестью» («...о нихъже по ряду писати сия краткая повесть не вместит»), «кратким писанием» («Сие конец краткого писания о Казанского великого града бусурманского взятию»), объяснял, что излагает не все подробно, т. е. так, как принято в официальной летописи («сие оставляю краткости ради истории, бо широце в лето-

писной руской книзе о том писано»)[5]. Для этого времени уже типичны в летописании отмеченные Д. С. Лихачевым «признаки жанра исторических повестей, какие впоследствии, в эпоху "Смуты", в изобилии станут появляться»[6]. Курбский освоил этот прием.

Несмотря на стилистическую неоднородность «Истории», включение в нее текстов, предназначавшихся, видимо, для пространного ответного послания царю Ивану[7], сам Курбский относил свое сочинение к летописям, называл его «хроникой». Русские летописи (летописные «книги») для Курбского тождественны «хроникам» («кроникам»). При этом он, вероятно, опирался на знакомство и с иностранными образцами. (Показательное в этом плане словоупотребление Курбского приведено в исследовании Н. Дамерау[8].)

Тем более существенно для понимания историко-литературного новаторства Курбского внесение им в, казалось бы, летописную по форме «Историю» откровенно подчеркнутых (и в начальной фразе — заголовке: «еже слышахом у достоверных и еже видехом очима нашима», и не раз в дальнейшем изложении, со ссылками на «память») элементов мемуаристики. А также отмеченное автором сокращенное изложение и этой информации («сие сокращение вмещаючи»). Тут Курбский среди первых составителей полумемуарных частных летописчиков — «летописцев въкратце» (подобных дошедшим до нас Постниковскому, Пискаревскому), которые решались запечатлеть сведения о казавшихся им «историческими» явлениях (лицах, событиях, повседневных обстоятельствах), воспринимавшихся ранее как недостойные внесения в книги памяти, предназначенные для потомства.

«История» Курбского — на стыке собственно исторического сочинения и мемуаров, и к тому же может быть отнесена и к жанру публицистики, да еще памфлетного стиля. И потому может рассматриваться и как предтеча схожего типа сочинений «Смутного времени» и о «Смуте», особенно тех, которые написаны публицистами-аристократами. И, вероятно, полезно было бы использовать приемы изучения этих сочинений (С. Ф. Платоновым и учеными последующих лет) и при подходе к «Истории» Курбского.

Столь заметный элемент мемуаристики в «Истории» Курбского побуждает к сопоставлению ее со знаменитым сочинением француза Ф. Комина, рубежа XV и XVI веков, тем более, что его «Мемуары» написаны тоже не в один прием и воспринимались и как политический трактат. Напрашивается и сравнительное изучение взаимоотношения, противостояния в Восточной Европе Курбского и царя Ивана, а на западной окраине Европы, в Испании, — Антонио Переса и короля Филиппа II (это еще в 1840-х гг. стало темой исследования знаменитого французского историка Ф.-А. Минье), а также «Истории» Курбского и его посланий царю и «Relaciones» Переса (имея в виду и некоторые сближающие особенности развития абсолютизма в Испании и в России).

К «Истории» Курбского можно подходить и в контексте практики историописания в Польско-Литовском государстве. Ведь, обращаясь к читателям этого го-

сударства, автор должен был учитывать уровень их знаний о России и владения языком россиян (для текста «Истории» характерны разъяснения, переводы на польский язык не вполне понятных слов-«терминов»[9]) и привычную для них форму изложения в сочинениях исторической тематики, в публицистике, и дать ссылки на известные уже сочинения. Курбский называет книгу С. Герберштейна о Московии (тогда широко распространенную и переведенную с латыни на новые языки[10]) и «Космографию» и пробует силы в риторических приемах, используемых гуманистами, воспитанными на произведениях классиков античной литературы.

Однако можно полагать, что Курбский, составляя «Историю», имел в виду — как и при сочинении посланий царю Ивану — и российского читателя. Для российского читателя текст его «Истории» должен был стать и опровержением, и комментарием официальной летописи, к тексту которой автор отсылает такого читателя. А комментарием к синодикам, составлявшимся по повелению богобоязненного царя, мог стать второй раздел его «Истории» — об убиенных Иваном Грозным лично или по его распоряжению.

Курбский рассчитывал на ознакомление с его «Историей» россиян, если не современников, то потомков, т. е. на «суд истории».

И это, видимо, осознавал и Иван Грозный, до которого не могла не дойти информация о подготовке такого обличающего его сочинения. И, возможно, именно это послужило поводом для внесения правки в официальную лицевую летопись о годах его правления. Судя по водяным знакам, как показал тщательным исследованием всех листов рукописи А. А. Амосов[11], это могло быть сделано не ранее конца 1570-х годов. И, если в «Истории» Курбского автор во многом опирается на тексты своих посланий царю, то в лицевой летописи обнаруживается близость — иногда и текстуальная — с посланиями царя Ивана Курбскому[12].

Если сосредоточение внимания на биографии Ивана IV в менее летописных по форме частях «Истории о великом князе Московском» Курбского знаменательно для России XVI века с «пробуждением интереса к исторической личности» (проявления которого изучены Д. С. Лихачевым и в литературе, и в изобразительном искусстве[13]), то объяснение действий правителя психологическими мотивами, характерными чертами его натуры[14] (прирожденными или унаследованными) и воздействием на него других (советников — добрых или злых) выделяет Курбского-писателя среди современников, хотя он, как и они, привержен представлениям провиденциализма, истолковывающего ход истории как осуществление замысла Божия с обязательным возмездием (обычно воспитывающей направленности) за грехи. Не сказывается ли в этом, как и во внимании к частностям повседневной жизни, некоторое влияние взглядов европейских гуманистов (которые могли быть восприняты не обязательно из литературы, но и из устных бесед, начиная со времени близкого общения в Москве с Максимом Греком[15])?

В то же время «Историю» Курбского следует изучать и в контексте российских традиций составления биографий, т. е. житийной литературы, усвоенной авто-

ром еще в период пребывания в России. В годы его юности заметно расширился пантеон российских святых, а следовательно, сочиняли и их жития. В собственно летописной форме это нашло воплощение в Степенной книге, составлявшейся уже в годы, предшествовавшие его отъезду. И влияние такого стилистического воздействия заметно не только в пространном житии Феодорита («О преподобном Феодорите священномученике»), но и в житийного стиля описаниях мучений митрополита Филиппа, да, пожалуй, и И. Шереметева, князей Воротынских и Одоевских.

Но в век «идеализирующего биографизма» (определение Д. С. Лихачева[16]) Курбский сумел создать своеобразное «антижитие», «демонстрируя в "житии" Грозного прямо противоположные святому начала. Все начало жизнеописания Грозного — это "житие" по жанру, но перевернутое, как бы опрокинутое в зло»,— отмечает Д. С. Лихачев[17].

И эту особенность явственно ощутил А. С. Пушкин, характеризуя древнерусские летописи, к которым относил и «Историю» Курбского. Мы знаем теперь, что Пушкин идеализировал «простодушие», пленившее его в «наших старых летописях», воплощенное им в образе Пимена в «Борисе Годунове» и отразившееся — по его мнению — в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и в образе самого Историографа («трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании»). Уже А. А. Шахматов (приводя, кстати, цитату из Пушкина) убедительно показал, что пером летописцев Киевской Руси водили политические пристрастия. Для XVI столетия (как выявляется многими исследованиями нашего века) это еще более очевидно. Но для нас существенно замечание Пушкина о том, что «озлобленная летопись кн. Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличается от смиренной жизни безмятежных иноков». В вариантах текста этого письма издателю «Московского вестника»: «летопись озлобленного Иоаннова изгнанника», «жестокая летопись кн. Курбского»[18]. И действительно, это — «летопись» жестокости внутренней и внешней политики Ивана Грозного, беспощадная к первому российскому царю. Известно и о замысле Пушкина тех лет написать драму «Курбский»[19]. И еще более знаменательно то, что сам Пушкин, беседуя, заявил о своем намерении написать историю старшего современника Александра I — «Александрову пером Курбского»[20].

Курбский, возлагая надежду на Божий суд и, опять же, подчеркивая это и в посланиях царю, и в «Истории», по существу обращался к «суду истории», взывал к «историческому возмездию». И опять противостоял массированному прославлению первого российского царя и в литературе и в изобразительном искусстве, поощряемому, даже культивируемому самим Иваном IV и очень заметному уже накануне отъезда Курбского из царских владений. Показательны слова «Истории» перед описанием казней: «...сие краткое сего ради произволихом написати, да не отнюд в забвение предут. Ибо того ради славные и нарочитые исправления великих мужей от мудрых человеков историями описавшеся, да ревнують им грядущие

роды, а презлых и лукавых пагубные и скверные дела того ради написаны, иже бы стреглись и соблюдались от них человецы, яко от смертоносных ядов или поветрия, не токмо телесного, но и душевного»[21].

И расчет автора «Истории о великом князе Московском» оказался прозорливым. Уже в начале XVII в. характеристики, данные царю Ивану Курбским, устойчиво закрепились в сознании: так, в Хронографе второй редакции в качестве примера «совращения» доброго нрава на злой приведен Иван Грозный[22]. От XVII века дошло немало списков «Истории», изучавшихся еще И. Г. Устряловым (первым издателем этого сочинения), Г. З. Кунцевичем (готовившим издание сочинений Курбского накануне Первой мировой войны), ближе к нашим дням — Ю. Д. Рыковым, К. И. Уваровым и другими. В 1652 г. был канонизирован митрополит Филипп, как бы набросок жития которого попытался написать в «Истории» Курбский. В XVII веке наблюдается сосуществование двух образов царя Ивана: восходящего к официальному изображению, и другого, в традициях «Истории» Курбского. Петр Великий естественно способствовал возрождению памяти о славных делах первого российского царя; взятие Казани стало темой «Россиады» М. М. Хераскова.

Но в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, определившей почти на столетие круг исторических представлений и россиян, и о России за рубежом, послужившей источником для множества произведений художественной литературы и искусства на исторические темы[23] (от шедевров, начиная с пушкинского «Бориса Годунова», до ремесленных поделок, рассчитанных на невзыскательный или сиюминутный вкус[24]), повторяется обоснованная Курбским периодизация правления Ивана Грозного[25], а оценки в IX томе деяний царя близки к суждениям князя Андрея Михайловича. Более того, опираясь преимущественно на «Историю» Курбского, Карамзин, относивший сам себя к «историкам-философам», конкретизирует особо важные для него соображения о различии «самодержавия» и «самовластия»[26]. В этом же направлении преподавалась по плану друга Карамзина В. А. Жуковского отечественная история (с явными элементами политологии) наследнику российского престола будущему Александру II[27]. И Ивану Грозному не нашлось места среди фигур памятника Тысячелетию России, воздвигнутого в 1862 г. в Великом Новгороде, где имеются, однако, фигуры прославляемых Курбским Адашева и Сильвестра.

Ознакомление с «Историей» Курбского (со списками ее текста или в изложении — письменном или устном) оказалось важным для изображения личностей — прежде всего правителей — уже в начале XVII века. Можно сказать, что без «Истории великого князя Московского» Курбского не было бы и образа Бориса Годунова в некоторых обличающих его сочинениях. «История» Курбского способствовала формированию не только исторических представлений, но и социально-психологических, т. е. по существу нравственных.

И тогда, когда острота противостояния, вызвавшая публицистический поединок Курбского и Грозного царя, отошла в прошлое, сочинение это более других со-

временных ему казалось занимательным и поучительным для потомков. «История» Курбского привлекала своей нравственной направленностью, моральным пафосом автора (или, точнее сказать, ее субъективной моральной тенденциозностью). Если историю признавать наставницей жизни, то поучительность именно «Истории о великом князе Московском» Курбского самоочевидна.

И прежде всего в этом плане сказалось воздействие «Истории» Курбского на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и труды других историков, ставившие перед собой цель создания поучительной истории. А это позволяет признать, что «История великого князя Московского», написанная А. М. Курбским еще во второй половине XVI столетия,— у истоков развития нашей историографии.

Примечания

[1] Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1961. С. 54—55; Историография истории СССР / Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. 2-е изд. М., 1971. С. 44—45.

[2] *Ясинский.* Сочинения Курбского.

[3] ОЦА. С. 29, 41, 96.

[4] См.: *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 188.

[5] Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 228, 258, 248.

[6] *Лихачев Д. С.* Летописи. С. 364.

[7] *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 384—386 (статья «К истории переписки Курбского и Ивана Грозного»).

[8] *Damerau N.* Russisches und Westrussisches bei Kurbskij. Berlin, 1963. S. 73.

[9] *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. С. 383—384.

[10] *Ляйш В.* (*Walter Leisch*). О ранних переводах «Московии» Сигизмунда Герберштейна // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 76—79.

[11] *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. Об этой книге см. статью в кн.: *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. С. 456—464.

[12] *Шмидт.* Российское государство. Раздел «Царские летописи» (особенно с. 202 и сл.)

[13] *Лихачев Д. С.* Человек. С. 11.

[14] Это особо отмечал в книге «Русская историография до XIX в.» (М., 1957. С. 97 и сл.) Л. В. Черепнин.

[15] *Dénisoff É.* Une biographie de Maxime le Grec par Kurbski // Orientalia Christiana Periodica. 1954. Vol. 20. P. 44—84; *Покровский Н. Н.* Новые данные о соборных судах 1525, 1531 и 1549 гг. над Максимом Греком и Исааком Собакой // Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С. 62 и сл.

[16] *Лихачев Д. С.* Человек. Заголовок главы 6 (с. 107).

[17] *Лихачев Д. С.* На пути к новому литературному сознанию // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. С. 10—11.

[18] *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 11 (Критика и публицистика 1819—1834). М., 1996. С. 68, 340—341 (перепечатка изд. 1949 г.)

[19] *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., перераб. Т. 17 (Рукой Пушкина). М., 1997. С. 214—215.

[20] Разговоры Пушкина / Собр. С. Гессен, Б. Модзалевский. М., 1929. С. 94 (дневниковая запись А. Н. Вульфа сентября 1827 г.).

[21] Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. С. 324.

[22] См.: *Лихачев Д. С.* Человек. С. 15.

[23] *Шмидт С. О.* «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. IV. М., 1988. С. 28—43 — сопроводительная статья к репринтному воспроизведению пятого издания «Истории» Карамзина 1842—1844 гг. (перечитано в: *Шмидт С. О.* Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997).

[24] По теме «Курбский» см.: *П-ский М.* [*Петровский М. П.*] Князь А. М. Курбский. Историко-библиографические заметки по поводу последнего издания его «Сказаний». Казань, 1873. С. 4.

[25] *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. С. 347 (Статья «К изучению "Истории" князя Курбского (О поучении попа Сильвестра)»).

[26] *Шмидт С. О.* Н. М. Карамзин — историк // Венок Карамзину. М., 1992. С. 29—30.

[27] *Шмидт С. О.* Подвиг наставничества: В. А. Жуковский — наставник наследника царского престола // Русское подвижничество (*сборник к 90-летию Д. С. Лихачева*). С. 205—213. Переиздано отдельной книгой: *Шмидт С. О.* Василий Андреевич Жуковский — великий русский педагог. М., 2000.

У ИСТОКОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ*

С возрастанием интереса к проблемам истории российской эмиграции и роли диаспоры в развитии российской культуры уделяется большее внимание и исторической литературе эмиграции. Обычно в таком плане рассматривают историографические источники, начиная лишь со второй четверти XIX в. (с сочинений Н. И. Тургенева, П. В. Долгорукова, А. И. Герцена и его современников). Однако допустимо напомнить и об эпохе, когда стало формироваться представление о «политической эмиграции» и сочинения эмигрантов уже XVI—XVII вв. рассматривать в контексте взаимосвязи и с факторами общественно-политической истории России, и с имманентными особенностями развития и распространения исторических знаний. Тогда созданы были произведения, показательные не только для политических, но и исторических взглядов своего времени, и притом во многом определяющие представления о России XVI—XVII вв., особенно об общественном самосознании тех лет, у историков и публицистов последующих столетий. Имеются в виду прежде всего сочинения Курбского и Котошихина.

Князь Андрей Михайлович Курбский, эмигрировавший в Польско-Литовское государство, сразу же, в 1564 г., отправил Ивану Грозному послание, обличавшее действия царя и оправдывавшее, тем самым, бегство автора из России, положившее начало публицистическому поединку беглого боярина и царя. А позднее написал «книжицу» «Историю о великом князе Московском». Эта «летопись озлобленного Иоаннова изгнанника», «жестокая летопись кн. Курбского», так охарактеризованная Пушкиным, способствовала формированию не только исторических представлений, но и социально-психологических, а также понятий о жанре сочинений — историко-биографических и памфлетного стиля. По определению Л. В. Черепнина в курсе лекций «Русская историография до XIX века» (изданном в 1957 г.), «История»

---

* Впервые опубл. в кн.: Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X—XVIII столетия). Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. Москва, 30 ноября — 2 декабря 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 87—89.

«является не столько историческим повествованием и не столько личными воспоминаниями, сколько историческим памфлетом». С этого времени допустимо уже говорить о «российском зарубежье», где эмигранты писали и на родном языке о России и зачастую преимущественно для православных.

Сочинение Курбского отразилось на составлении официальной летописи времени Ивана IV, где были, соответственно, сделаны тенденциозные изменения. Вероятно, знакомство с сочинениями эмигранта образованных аристократов и духовных лиц стало одним из стимулов создания ими в первой четверти XVII в. сочинений о современной истории (так называемом «смутном времени») публицистически-мемуарного жанра. Безусловно установлено, что списки «Истории» распространялись в России по крайней мере с 1670-х гг. Это — один из показателей интенсивного развития историко-общественного сознания еще в преддверии революционного стиля преобразований Петра I, а также и расширяющегося знакомства с сочинениями православных, обитавших на территории Речи Посполитой. И в изложении событий «российской» истории Ф. П. Поликарповым при Петре I заимствования из «Истории» — очевидно, что произведение, написанное эмигрантом, воспринималось на рубеже XVII и XVIII вв. как важный источник знания о прошлом своего Отечества.

Сочинение Курбского стоит у истоков нашей исторической науки и оказало значительное воздействие на формирование представления не только об образе правления грозного царя, но и понятий о «самодержавии» и «самовластии» (и их различии), и вообще исторического мироощущения и ученых и писателей, художников, композиторов, актеров. Это явственно заметно в трудах М. М. Щербатова, в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, определившей на столетие круг исторических знаний о России (особенно это проявилось в написанном А. К. Толстым). Пушкин говорил о намерении написать историю Александра I «пером Курбского».

Остается недооцененным в плане изучения собственно исторической мысли сочинение о России в годы правления Алексея Михайловича Григория Карповича Котошихина, эмигрировавшего приказного человека, связанного ранее служебными обязанностями с организацией посольской службы, и имевшего еще на родине опыт общения с интересовавшимися Россией иностранцами. Котошихин, наделенный удивительной приметливостью, достоверность которой теперь может быть проверена по многим опубликованным документальным памятникам середины XVII в., и четкой организацией памяти, может быть охарактеризован как замечательный писатель и ученый-самородок, выступающий предшественником одаренных «птенцов Петровых».

Показательно, что оба эмигранта обнаружили в своих сочинениях влияние и зарубежной литературы, не переводившейся еще тогда в России: Курбский — авторов античных и даже эпохи Возрождения; Котошихин — написанного о России XVI—XVII веков иностранцами, а также и западноевропейских протестантских понятий. Сочинения эти интересны и в плане имагологии. Рассчитанные на чтение

иностранцами, они содержат попытки разъяснения русских слов-терминов словами, принятыми в речи этих иностранцев, что особенно ясно прослеживается у Курбского, употреблявшего и не привившиеся еще в языке россиян слова нерусского происхождения. Однако, Курбский рассчитывал одновременно на российского читателя, причем и современников и потомков, т. е. изначально осознавал свою «Кронику» и историческим источником для последующих поколений. Котошихин же составил свое сочинение специально для шведов.

Труд Котошихина, написанный по заданию шведских властей в Стокгольме в 1666—1667 гг., уже в 1668 г. перевели на шведский язык. Русский текст скопировали и издали лишь на рубеже 1830-х—1840-х гг., и — в отличие от «Истории» Курбского — только тогда он смог быть использован учеными. И воспринимался труд Котошихина первыми читателями не в донаучный период развития российской исторической мысли (как «История» Курбского), когда историческое сочинение признавалось как сфера словесности (литературы) и художественные достоинства его ценились не менее чем информативно-исторические, а в период налаженного уже университетского преподавания и общественного интереса к академическим штудиям.

Знаменательно то, что «История» Курбского (как и его переписка с царем) нашла заинтересованных исследователей и читателей в ту пору, когда историки наибольшее внимание уделяли выдающимся событиям и личностям государственно-политической истории и оценке этого, согласно нормативам морали и разума которых придерживались и век Просвещения или романтических представлений первой четверти XIX в. Обстоятельный же труд Котошихина стал известен в период углубляющегося интереса к познанию обычаев повседневной жизни и влияния их на государственное устройство, конкретных черт хозяйственного развития и местной истории.

Обращение к обоим масштабным по тематике и объему сочинениям эмигрантов из России XVI и XVII веков несомненно оказывало влияние на развитие российской исторической мысли. Это существенно расширяло круг данных о допетровской Руси, приучало подходить к явлениям отечественной истории в контексте общеевропейской истории, способствовало выработке умения в сфере источниковедческих исследований, помогало составить представление о начальном периоде развития исторических знаний. Изучение написанного Курбским и Котошихиным существенно содействовало и совершенствованию методики междисциплинарных научных исследований, так как сочинения Курбского с не меньшей интенсивностью исследуют и филологи (а с недавнего времени и философы), сочинение же Котошихина изначально привлекло правоведов и языковедов, а теперь стало предметом изучения и этнологов, социологов, психологов.

К изучению Лицевого летописного свода второй половины XVI века*

Лицевой свод XVI века — драгоценный памятник культуры, необычайно богатый информацией для ученых, изучающих исторические источники разных типов (письменные, изобразительные, вещественные, даже поведенческие). К настоящему времени к Лицевому своду (далее — ЛС) относят около 10 тыс. листов, украшенных примерно 16 тыс. миниатюр. Большая часть этих листов переплетена в десять книг (томов). (Порядок листов при переплетении иногда оказывался нарушенным — как в пределах ЛС в целом, так и в границах одного тома). А. Е. Пресняков, первым определивший отдельные части ЛС и рассмотревший их в совокупности, назвал ЛС «Московской исторической энциклопедией XVI века»[1]. А. Е. Пресняков же еще на рубеже нашего столетия попытался (и в основе своей правильно) определить место ЛС среди других летописных памятников и их взаимосвязи, охарактеризовать политическую направленность ЛС и соотношение ЛС и других близких к нему по времени историко-культурных начинаний государственного значения.

В настоящее время имеется уже большая литература, в той или иной мере относящаяся к ЛС, — специальные труды об ЛС в целом и отдельных его частях, о миниатюрах ЛС (прежде всего, монографии А. В. Арциховского и О. И. Подобедовой; замечания в работах обобщающего и частного характера (искусствоведов, историков, литературоведов, книговедов)[2].

В данном сообщении постановочного характера основное внимание уделяется вопросам, еще недостаточно изученным.

Прочно утвердилось уже представление о ЛС как о едином целом, в котором не только взаимосвязаны все части словесного текста, но взаимозависимы словесный текст и миниатюры. Однако в деталях, на материале всего ЛС, а не отдельных его частей, организация этих компонентов рукописей не исследована. Общие сооб-

---

* Впервые опубл. в кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга: Сб. 3. М., 1983. С. 204—211. В основе статьи — доклад на конференции, организованной во ВНИИ искусствознания.

ражения о последовательности текстового и изобразительного материала, относящегося к одном и тому же событию, о соотношении (в пределах листа и рукописи в целом) словесного и изобразительного материала уже приводились в литературе и кажутся достаточно обоснованными. Но еще далеко не во всех случаях ясно, чем руководствовались редакторы и миниатюристы-художники при определении числа миниатюр, относящихся к тому или иному «отрезку» текста (летописным сказаниям и «статьям»), и «повествовательных единиц» (выражение Д. С. Лихачева)[3] в пределах одной миниатюры. Не всегда выяснены и причины отсутствия миниатюр, связанных с некоторыми текстами: как правило, не сопровождались рисунками тексты дидактического характера — слова священного писания, речи и послания исторических лиц, но иногда сплошной текст (без оставления места для рисунков) и на листах, посвященных важным событиям политической истории (например, началу опричнины). Е. С. Сизов, тщательно изучивший Шумиловский том ЛС, отметил, что неиллюстрированные листы в основном относятся к текстам, которые в целом не лишены миниатюр, но некоторые летописные статьи вовсе не имеют иллюстраций[4]. В отношении других томов ЛС подобная работа еще не проделана. Разнятся размеры миниатюр, причем не только при сравнении томов «хронографических» и летописей «лет новых» (времени правления Ивана Грозного), но и в пределах одного тома (т. е. листов, оформленных, видимо, одновременно и посвященных близким по дате событиям).

Нерасторжимость словесного и изобразительного компонентов в ЛС очевидна; но каждый из них имеет и самостоятельное значение и ценность. И перед исследователем встает вопрос: в какой мере допустимо вычленять эти компоненты и рассматривать независимо от словесного текста особенности рисунков, их код, реалии, приметы индивидуального мастерства.

Писатель (летописец) следовал «обряду», литературному этикету — представлениям о том, как должен совершаться тот или иной ход событий (этикет миропорядка), как должно себя вести действующее лицо сообразно своему положению (этикет поведения), какими словами должно описывать совершающееся (этикет словесный)[5]. Можно полагать, что эти наблюдения допустимо распространить и на «зрительный ряд» ЛС и говорить об «этикете изобразительном» («живописном»). Более того, если писатель Средневековья — по определению Д. С. Лихачева — «не столько изображает жизнь, сколько преображает и "наряжает ее"»[6], то в рисунках рукописей это церемониальное «действо», «чин» становятся еще приметнее, особенно в такой парадной, необычной по размеру и оформлению рукописи, как ЛС.

Однако следует еще выяснить, в какой мере словесный этикет и живописный этикет соответствуют, «сопутствуют» один другому в деталях, можно ли установить какую-либо сравнительную шкалу элементов словесного и живописного отображений. Важно определить и степень зависимости художника от «канонов», характер и причины отступлений от принятой для ЛС знаковой системы, непоследо-

вательности в выборе «знака». Для этого необходимо буквально полистное сравнительное изучение всех миниатюр.

В древнерусской литературе (и это опять-таки отмечает Д. С. Лихачев) наряду с трафаретностью существовало «стремление к конкретности, к преодолению канонов, к реалистическому изображению действительности»[7]. Это характерно даже для такого официозно-назидательного и торжественного по форме сочинения, как официальная летопись. Причем в рисунках ЛС подобная тенденция обнаруживается еще заметнее, чем в словесном тексте, — в миниатюрах условным, заранее предопределенным композициям, позам и жестам, трафаретным изображением тех или иных действий или ситуаций («государевых сидений» с думцами и «ездов», церковных служб, сражений, сцен крещения и смерти государей и др.), зданий (церковных и дворцовых, крепостных стен), отдельных предметов сопутствуют реалии, бытовые детали, переданные с большой степенью точности и своеобразия. Изобразительное искусство в данном случае, видимо, опережало словесное[8]. Художник оказывался менее, чем писатель-летописец, стиснутым рамками официального замысла, официозной идеологии. У автора словесного текста зависимость от заказчика была большей, чем у художника. (А. В. Арциховский даже писал о переплетении в миниатюрах двух идеологий — заказчиков и мастеров[9].) Наконец, художник, в отличие от писателя (летописца), не имел обычно протографа (или черновика), которому надлежало следовать, и традиционно-обязательные для миниатюры условности мог дополнять и тем, что почерпнуто из жизненных наблюдений.

Установлено (прежде всего в трудах А. В. Арциховского и О. И. Подобедовой), что летописные сведения ЛС в миниатюрах иногда дополняются — и даже существенно — и своеобразно истолковываются; и миниатюры в отдельных случаях представляют собой более исчерпывающий источник исторической информации, чем летописный текст. Так, в Царственной книге в связи с упоминанием Оружейной палаты (под 1547 г.) нарисованы — и очень детально — оружие и доспехи; и в связи с упоминанием московского Кремля изображены кремлевские храмы и знаменитые иконы, там находившиеся[10], и т. д. Иногда именно миниатюра помогает правильному прочтению нечетко написанных слов («кол, идеже казнят», а не «торг», как воспроизвел текст летописной приписки С. Ф. Платонов: на миниатюре, изображающей казнь Ю. Глинского, ясно виден кол[11]). Обнаруживается подчас и знакомство художника не только с иллюстрируемым им летописным текстом, но и с другими рукописями (летописями, публицистическими сочинениями, делопроизводственной официальной документацией). Наблюдения такого рода конкретизированы в работах об отражении в ЛС некоторых событий политической истории времени правления Ивана Грозного. В какой мере это относится к событиям отдаленных от XVI в. периодов отечественной истории? И если это характерно для изображения событий и XII—XV вв., то какие источники (письменные, изобразительные, вещественные) тех лет были известны художнику?

Еще Ф. И. Буслаев — замечательный ученый, отличавшийся огромнейшей для его времени эрудицией, опиравшейся на опыт изучения многообразных рукописных и живописных памятников, и редкостной по проникновенности исторической интуицией, отмечал, как много дают миниатюры ЛС для изучения «подробностей, любопытных для истории внутреннего быта» XVI в.[12] Исследования А. В. Арциховского, А. Д. Горского[13], О. И. Подобедовой и других ученых, сравнение изображений на миниатюрах с сохранившимися подлинными памятниками старины подтвердили правильность этого наблюдения. Однако в этом плане менее других изучена последняя часть ЛС — Царственная книга, хотя сравнительное детальное изучение реалий в миниатюрах, посвященных событиям именно XVI в., и сохранившихся памятников материальной культуры и данных письменных источников (лицевых и не лицевых) той же эпохи может дать особенно много исследователям.

Ф. И. Буслаев указал на то, что для миниатюр ЛС (в частности, Царственной книги) характерны «условные, идеализированные формы в одеянии фигур, не отличая эпох, когда изображаемые лица жили»[14], и полагал, что они ведут свое начало еще от византийских иконописных образцов. А. В. Арциховскому удалось выделить все-таки некоторые особенности, характерные для изображений одежды русских и иноземцев, прежде всего головных уборов[15]. А. В. Арциховский же отметил, что художник одевал людей давних веков (в частности, западноевропейцев) по моде XVI в.[16] Любопытно было бы детально проследить, в какой мере обнаруживаются такие элементы модернизации в изображении других реалий, а когда, напротив, художники с большей степенью точности отображали явления прошлых лет (и, следовательно, были осведомлены, быть может на основании предшествовавших лицевых рукописей, о внешнем облике, типических чертах этих явлений и полагали нужным обратить на это внимание), выявить, каково соотношение в ЛС условных (восходящих, вероятнее всего, к церковной живописи) и более «реалистических» изображений, были ли в равной мере зависимы художники от стереотипов церковной живописи в изображении событий так называемой «священной истории» и событий отечественной истории, особенно Нового времени?

Элементы «модернизации» заметны в изображении аксессуаров власти (например, царской короны у Ивана IV при иллюстрировании событий, происходивших до 1547 г.) и новопостроенных или перестроенных зданий давней поры — здания эти (в частности, кремлевские соборы) изображались и на листах ЛС, посвященных событиям XIV—XV вв. такими, какими их видели миниатюристы второй половины XVI в.[17] Это обстоятельство может быть использовано для датирования отдельных листов и частей ЛС или даже ЛС в целом. Так, Благовещенский собор Московского Кремля на миниатюре Царственной книги (л. 29 об.) девятиглавый. Таким он стал лишь во второй половине 1560-х годов (освящение последнего придела «Вход в Иерусалим» было в декабре 1566 г.[18]), следовательно, рисунок был сделан не ранее этого времени.

Ю. А. Неволиным разработана научно-перспективная методика детального сравнительного изучения иллюминованных рукописей (что позволило ему, в частности, установить знакомство московских художников лицевых рукописей второй половины XVI в. с немецкими гравюрами и наличие таких гравюр в московских собраниях). Составленный им каталог с фотокопиями и описаниями фрагментов иллюминованных рукописей (находящихся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, а также в некоторых других хранилищах) содержал ценнейшую информацию для исследователей (и особенно для археографов, занятых описанием рукописей). Эта важная научно-исследовательская работа, к сожалению, была прекращена по указанию руководителей Отдела рукописей ГБЛ, но о методике ее можно узнать из опубликованной Ю. А. Неволиным статьи[19], а с некоторыми результатами работы хорошо знакомы участники научных конференций (в Ереване, Ленинграде, Москве), высоко оценившие эти исследования. Методику эту следовало бы попытаться применить и к изучению ЛС, причем и при сравнительном изучении отдельных частей (и листов) ЛС, и при сопоставлении ЛС и других лицевых рукописей и памятников древней живописи. Это поможет обнаружить пласты ЛС (в том числе разновременные), выявить разных художников, отличавшихся уровнем мастерства (способностью к изображению), манерой исполнения — приверженностью к трафаретам или, напротив, своеобразием, степенью внимательности и последовательности в «обозначении» тех или иных явлений, составить таблицы различных изображений (и вариантов композиций), сопоставить их с канонами церковной живописи, эмблематикой памятников средневековья.

Миниатюры ЛС уже рассматривались (в XIX в. Ф. И. Буслаевым) в связи с другими памятниками изобразительного искусства (прежде всего, второй половины XVI в.) — иконами, фресками[20], в меньшей степени с шитьем — «живописью иглою». Выявлены черты и близости, и различия — и в манере самого изображения явлений, и в характере отражения общественно-политического сознания и эстетических норм своей эпохи. Указывалось, в частности, на то, что монументальная живопись была рассчитана на одновременное восприятие многих людей, а рукописная миниатюра — на индивидуальное восприятие. Вероятно, следует учитывать и разную степень образованности, подготовленности сравнительно широкой аудитории, которой предназначались иконы и уж подавно фресковые росписи, и тех «книжных людей», которые могли рассматривать и комментировать миниатюры ЛС, воспринимая их в тесной взаимосвязи со словесным текстом, а ЛС как целостный памятник. ЛС представляет большой интерес для исследователей и как памятник культуры (прежде всего «книжной культуры») определенной эпохи, и в плане отношения людей XVI—XVII вв. к памятникам культуры такого рода.

Необходимо учитывать и откровенно учительно-назидательную направленность миниатюр ЛС. Это — «история в лицах», где заведомо предусмотрена необходимая для лучшего усвоения повторяемость изображений сходных, однотипных явлений (ситуаций, людей, предметов). Недаром в XVII в. ЛС, по мнению

И. Е. Забелина, использовали как пособие для обучения царевичей истории. (Возможно, что уже и в XVI в. оно предназначено было стать таким пособием.)

Установлено, что ЛС представляет собой не просто список нескольких летописных сочинений (хронографических и Никоновской летописи), а памятник более сложного состава. Данные о хронографической части ЛС уточнены О. В. Твороговым и А. А. Амосовым. Особенно много сделано (в недавнее время Б. М. Клоссом, В. В. Морозовым, С. А. Морозовым и другими исследователями) для изучения источников лицевой летописи «лет новых». Выяснилось, что это — новая редакция летописи. Составитель (или составители) заимствовал данные из разных памятников (и их списков), определенным образом комбинировал и препарировал их. Он редактировал, а не механически копировал летописные тексты (или отрывки из них). Возникает задача по возможности точного определения тех источников (летописей и других разновидностей источников), которые использовались при составлении ЛС, и последовательности обращения составителей ЛС к тем или иным источникам. Очевидна потребность в уточнении генеалогии известных составителям ЛС летописных списков (и их протографов) и, соответственно, стемм таких списков.

ЛС — действительно «историческая энциклопедия XVI века». И не только из-за информации, которую она давала в то время об исторических или считавшихся историческими явлениях, но и потому, что она дает ученым нашей эпохи представление об общественно-историческом мышлении, исторических знаниях людей XVI в., о способах, «обычае» — как выражались в окружении Ивана Грозного — извлекать историческую информацию.

Беловые листы ЛС написаны каллиграфическим полууставом и украшены миниатюрами. Учитывая парадный характер ЛС и сложность работы по оформлению его листов, можно полагать, что предварительно составлялись черновики этой рукописи (до нас, видимо, не дошедшие). Но в качестве черновиков (и одновременно непосредственных оригиналов для составителя) могли служить и отдельные ранее написанные рукописи. В. Ф. Покровская изучила рукопись «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия с восковыми пометами, указывавшими места миниатюр для ЛС[21], а, следовательно, и их тематику. Открытие В. Ф. Покровской дает ключ к познанию и представлений составителей и редакторов ЛС о соотношении текстового и изобразительного материалов в ЛС. Не исключена возможность обнаружения и других рукописей, послуживших непосредственным оригиналом для писцов ЛС.

Процесс составления и редактирования ЛС сложный. Вероятнее всего, какая-то правка вносилась уже в черновики ЛС. Редактировались и беловые листы ЛС, причем не только летопись «лет новых» (на этих листах пока с наибольшей полнотой выявлены факты редактирования), но и за предыдущие годы. Редактировали ЛС в целом — и словесный текст, и изобразительный материал (это установил еще А. Е. Пресняков[22]): придавалось значение не только тому, что написано, но и тому, что и как изображено. Исследование редакционной правки ЛС в целом (и

словесного текста и миниатюр) с должной хронологической последовательностью и детальностью изучения каждого изменения еще не проведено.

Можно установить уже несколько моментов (или аспектов) редактирования ЛС: грамматические исправления (отмечались пропуски и неверные написания слов, букв — в последних томах ЛС эта правка более тонким пером и более светлыми чернилами, чем остальная); формально-фактологическая правка — уточнение имен, дат, терминов и т. п.; стилистическая и, наконец, правка откровенно тенденциозно-политической направленности — зачеркивание, изменение текста, в том числе приписки в летописи «лет новых». При формально-фактологической правке обращались к разнообразным источникам, очевидно, находившимся в распоряжении редактора. (Многие из таких источников правки в последних томах ЛС указаны Д. Н. Альшицем[23].)

Правили и уже заново отредактированный текст беловых листов ЛС, причем правка была не только стилистической, но и опять-таки тенденциозно-политической. С. А. Морозов установил это для листов, на которых излагаются события времени болезни царя Ивана в 1553 г.[24] (то же прослеживается на листах, посвященных событиям лета 1546 г.[25]). И все-таки редакционная работа осталась незавершенной (так как встречаются повторы одного и того же текста, а в Царственной книге предварительные наброски рисунков некоторых миниатюр и даже оставленные для миниатюр пустые места).

Некоторые изменения ЛС вызваны, безусловно, политическими обстоятельствами. Особенно заметно это в приписках, посвященных событиям времени правления Ивана Грозного. В них обнаруживается близость (иногда даже текстуальная) к посланиям Ивана Грозного Курбскому; и приписки эти приобретают особое значение для характеристики политической направленности последних частей ЛС (или даже ЛС в целом), а также датировки ЛС и заново написанных его листов. Однако имеется немало помет — чернилами и карандашом (прежде всего, сигнатуры, обозначения нумерации листов), которые трудно пока рассматривать в связи с обстоятельствами политической истории. Пометы эти выявлены не полностью; не соотнесены они с должной убедительностью и с определенным временем (годы составления ЛС или последующее время?) и с более или менее ясными целями обращения к ЛС. Не использованы еще в этом плане и описания отдельных частей ЛС, сделанные в XVIII в. (могущие содержать указания на данные, недоступные уже нашему визуальному наблюдению).

Процесс составления ЛС — видимо, достаточно длительный процесс (хотя, возможно, и прерывавшийся) и происходивший не одновременно по отношению к отдельным частям ЛС. Ясно, что это труд не одного писца и одного художника, а групп («дружин») писцов и художников. Сколько было таких «дружин»? Из скольких лиц они состояли? В одно ли время работали? Каково было распределение обязанностей внутри «дружин»? Сколько времени должно было понадобиться на исполнение такой работы? Первоначально предположительные ответы на неко-

торые из этих вопросов получены преимущественно на основе изучения манеры художников. Теперь данные эти сопоставляются в деталях с палеографическими наблюдениями (особенности почерка, чернил) и данными филигранологии (А. А. Амосов и др.)

До сих пор спорным остается вопрос о годах составления и редактирования ЛС, о причинах и поводах этой деятельности. Можно признать с уверенностью, что работа эта началась не ранее венчания Ивана IV на царство и, видимо, даже после «казанской победы», укрепившей представление о России как о мировой державе и побудившей особо задуматься о преемственности и взаимосвязях событий времен правления первого российского царя с преданиями отечественной и всемирной истории. Вне сомнений и воздействие на составителей ЛС (и инициаторов, и исполнителей этой работы) тех общественно-политических идей, которые характерны были для умонастроений в России середины XVI в. (и в формировании, и в распространении которых заметную роль сыграли митрополит Макарий и лица из его окружения, оказывавшие тогда и большое влияние на молодого царя Ивана). Но не следует упускать из виду, что в эти годы происходило становление того комплекса представлений о государственном устройстве и задачах внешней политики Российского государства, о преемственности и характерных чертах его официальной идеологии (призванной содействовать возвеличению самодержавия), о месте и предназначении России во всемирной истории, которые на долгое время закрепились в сознании и стали более, чем на столетие, знаменем правительственных политических и историко-культурных начинаний. Потому не обязательно приурочивать составление ЛС именно к самому начальному рубежу этого периода. В то же время допустимо полагать, что между замыслом создания ЛС и даже временем первоначальных заготовок к ЛС (определением списков летописей, используемых для ЛС, написанием черновиков, подбором соответствующих публицистических памятников и официальной делопроизводственной документации и пр.) и временем оформления беловика ЛС мог пройти и немалый срок.

Для уточнения датировки составления ЛС и отдельных его частей важно знать время написания тех памятников, которые, безусловно, использовались составителями и редакторами ЛС. Немалое значение имеют и, так сказать, мелкие датирующие признаки, в совокупности своей позволяющие определить время, ранее которого не могла быть составлена (или переписана) та или иная часть ЛС — упоминание о точно датируемых событиях (например, о захоронении князя Владимира Андреевича Старицкого и его сына Василия в Архангельском соборе, оно могло быть не ранее 1574 г.)[26], изображение зданий, в таком виде завершенных не ранее определенного года, и т. д.

Особенно велико значение филигранологических наблюдений. В конце XIX в. именно исследования Н. П. Лихачева, определившего время изготовления бумаги листов ЛС, позволили убедительно доказать, что работа над ЛС велась в последние годы царствования Ивана Грозного. До этого многие авторитетные ученые от-

носили ЛС (точнее сказать, его части) к памятникам XVII в. Эти работы Н. П. Лихачева признаны классическими; о них упоминается в учебных пособиях и по палеографии, и по источниковедению (М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина). Однако далее произошла любопытная метаморфоза: исходя из различных фактов политической культурной истории времени Ивана Грозного, ЛС — и особенно летописи «лет новых» — стали датировать только в зависимости от этих фактов (и соответствующих построений, на них основанных), по существу, не считаясь с данными филигранологии. Встречаются даже утверждения (Р. Г. Скрынникова)[27], будто «наблюдения за сортом бумаги в данном случае не помогают решению вопроса: классификация бумаги не отличается большой точностью и позволяет определить разве что десятилетие, но никак не год составления рукописи»[1*]. Классификация бумаги действительно редко помогает определить год составления рукописи, но дает достаточно оснований для определения времени, ранее которого рукопись, вероятнее всего, не могла быть составлена[29]. Очевидна необходимость тщательного и последовательного изучения всех филиграней листов ЛС, основанного на использовании новейших пособий по филигранологии, с учетом особенностей понтюзо и вержеров листов ЛС[30]. В этом плане многообещающей кажется методика, применяемая А. А. Амосовым при исследовании листов ЛС. А. А. Амосов правильно отмечает, что «в определении времени написания недатированных рукописей единственным объективным показателем пока остаются водяные знаки бумаги, поскольку в хронологическом определении полууставных почерков (равно как и индивидуальных стилей миниатюристов) преобладает еще доля субъективного восприятия»[31]. Тщательно выполненное исследование А. А. Амосова показало, что главная работа по завершению Хронографической части и написанию «Летописания лет старых» происходила в середине — второй половине 1570-х годов[32], подтвердив тем самым выводы Н. П. Лихачева. Считается, что окончательное оформление летописания «лет новых» происходило после завершения основной работы над предшествовавшими частями ЛС. Когда же составляли и редактировали последние части ЛС, посвященные времени правления Ивана Грозного, и почему прервали эту работу?

Сейчас исследователями ведется работа по изучению отдельных частей ЛС, особенно в сравнении с другими летописными текстами и изображениями в других лицевых рукописях. Желательно продолжить и изучение и комментирование отдельных миниатюр (или групп миниатюр) ЛС. Это расширит представление о ЛС и о методике его исследования. Однако следует остерегаться соблазна скороспелых построений, распространения на ЛС в целом наблюдений, основанных на ознакомлении лишь с частью листов ЛС. Рабочая модель при изучении ЛС и его частей

[1*] Датировка составления частей ЛС и времени их редактирования, предложенная Р. Г. Скрынниковым в статье «Загадка древнего автографа»[28], кажется наименее основательной из всех до сих пор предлагавшихся датировок.

необходима, но нельзя забывать, что это — предварительный вариант решения, инструмент для работы, а не ее результат.

При подходе к ЛС первостепенное значение имеет проблема кодикологическая[33]. Без тщательного полистного изучения всего ЛС всякие суждения о ЛС в целом и о его пластах, о связи ЛС с общественно-политическими и историко-культурными обстоятельствами эпохи будут оставаться в большей или меньшей мере гипотетическими. Только в результате такого исследования всего ЛС можно будет с должной убедительностью говорить о последовательности и времени создания частей ЛС, о системе составления и редактирования ЛС, о характере и тенденциях вносимых в ЛС изменений, о системе отражения в ЛС общественно-политического сознания и эстетических норм определенной эпохи, о «коде» миниатюристов и его деталях, особенностях художественного мастерства тех или иных миниатюристов и о численности этих мастеров, о традициях создания кодексов (в частности, больших, многотомных, как ЛС и макарьевские Великие Минеи-Четьи), о сходстве и различиях ЛС и других памятников культуры.

Необходимо принять меры к фототипическому воспроизведению всех листов ЛС, тома которого рассредоточены по разным хранилищам. Важно, чтобы эти воспроизведения были в натуральную величину и с достаточной степенью точности передавали чернильные и карандашные пометы и исправления. Папки с фотокопиями всех листов ЛС должны находиться в тех хранилищах, где имеются сейчас отдельные тома ЛС, а также в хранилищах, наиболее богатых и лицевыми рукописями, и летописными текстами. Только это обеспечит возможность всестороннего изучения ЛС в целом, сравнительного сопоставления отдельных его частей (томов и листов) между собой и с другими письменными и изобразительными памятниками. Это и предостережет от излишне частого обращения к подлинным уникальным рукописям. Тем самым создание фотокопий имеет и охранное значение для памятника 400-летней давности.

Желательность и своевременность организации такой исследовательской работы, такой научной кооперации ученых отмечалась на Всесоюзной научной конференции «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности», организованной в феврале 1979 г. в Ленинграде Археографической комиссией и Библиотекой Академии наук СССР. В выступлениях участников конференции (академика Д. С. Лихачева, И. В. Левочкина, В. В. Морозова[34] и др.) конкретизировались и возможные пути осуществления этих намерений. Работа эта является обязательным предварительным условием подготовки к изданию ЛС или хотя бы отдельных его больших частей.

Впору, видимо, составлять уже аннотированную библиографию всех материалов, в той или иной мере относящихся к ЛС и его изучению. Все более частыми — даже в популярных изданиях и в учебных пособиях — стали воспроизведения в нашей стране и за рубежом миниатюр ЛС. Эти репродуцирования тоже следовало бы учесть (сопровождая точными указаниями на листы рукописей ЛС).

Подготовка нескольких экземпляров фотокопий всех листов ЛС и составление аннотированной библиографии обеспечат возможность организации на действительно высоком исследовательском уровне достаточно подробного полистного описания всех частей ЛС (сопровожденного сведениями о воспроизведении отдельных листов или фрагментов их).

Создание аннотированной библиографии позволило бы и в историографическом плане рассмотреть историю ознакомления с ЛС и изучения его, установить зависимость уровня такого изучения от развития исторических, филологических, искусствоведческих знаний, от характера представлений о русской средневековой книжности и о ее восприятии, от степени источниковедческой оснащенности исследователей. Так обнаружится во всей конкретности и особая плодотворность взаимодействия и даже взаимопроникновения исследовательских методик источниковедов (историков и филологов) и искусствоведов при подходе к иллюминованным рукописям.

Примечания

[1] *Пресняков А. Е.* Московская историческая энциклопедия XVI в. // ИОРЯС. СПб., 1900. Т. V. Кн. 3. См. также: *Подобедова О. И.* К вопросу о составе и происхождении Лицевого летописного свода второй половины XVI века // ПИ. М., 1961. Вып. IX. *Чирков С. В.* А. Е. Пресняков как источниковед и археограф: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1975.

[2] Новая основная литература указана в статьях: *Амосов А. А.* К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. (Далее: *Амосов.* Лицевой свод); *Шмидт С. О.* К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного // Древняя Русь и славяне. М., 1978. См. также работы, опубликованные после написания данного доклада: *Амосов А. А.* Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного: Заметки к проблеме прочтения миниатюр Свода // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. XXXIV; *Морозов В. В.* Царственная книга.

[3] *Лихачев Д.* С. Поэтика. 1979. С. 40.

[4] *Сизов.* Датировка. С. 138—139.

[5] *Лихачев Д.* С Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 95.

[6] Там же. С. 98.

[7] Там же. С. 99.

[8] *Шмидт С. О.* О приписках к лицевым летописям времени Ивана Грозного // Средневековая Русь. М., 1976. С. 123.

[9] *Арциховский А. В.* С. 4—5.

[10] *Шмидт С. О.* Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1976. Вып. II.

[11] *Шмидт.* Становление. С. 60—63.

[12] Для истории русской живописи XVI века... // *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. II. С. 309.

[13] *Горский А. Д.* Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого летописного свода XVI в. // Ист.-арх. сб. М., 1962. С. 339—351; *Он же.* Еще одно изображение сохи XVI века // Вестн. МГУ. 1963. Сер. IX. История. № 3. С. 17—22.

[14] Для истории русской живописи XVI века. С. 309.

[15] *Арциховский.* Миниатюры. С. 100—102.

[16] Там же. С. 101.
[17] *Подобедова.* С. 172.
[18] *Маркина Н. Д.* Из истории возникновения приделов Благовещенского собора в 60-х годах XVI века // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1973. Вып. 1. С. 74, 80—81.
[19] *Неволин Ю. Л.* Методика работы над «Иллюстрированным каталогом иллюминованных рукописей в собраниях ГБЛ» // ЗОР РБЛ. М., 1976. Вып. 37.
[20] *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972; *Гребенюк В. П.* Лицевое «Сказание об иконе Владимирской Богоматери» // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972.
[21] *Покровская.* Из истории.
[22] *Пресняков.* Царственная книга.
[23] *Альшиц.* Источники.
[24] *Морозов С. А.* Летописные повести по истории России 30—70-х годов XVI века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 15—16.
[25] *Шмидт С. О.* К истории редактирования Царственной книги // Россия на путях централизации. М., 1982.
[26] *Сизов.* Датировка.
[27] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 26. Примеч. 1.
[28] *Шмидт С. О.* О датировке приписок в Лицевом летописном своде // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 307—308.
[29] Интересны и полезны в методическом отношении наблюдения о бумаге XVI в. С. М. Каштанова. См.: *Каштанов С. М.* По следам Троицких актов XVI в. // ЗОР РБЛ. М., 1978—1979. Вып. 38—40.
[30] *Амосов.* Лицевой свод. С. 25.
[31] Там же. С. 36.
[32] *Лебедева И. Н.* Кодикология — наука о рукописных книгах // ВИД. Л., 1972. Вып. IV; *Киселева Л. И.* Кодикология и новые методы описания рукописей // Всесоюзная научная конференция «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности»: Тез. докл. Л., 1979. С. 20—21.
[33] *Морозов В. В.* К вопросу о системе описания разрозненных рукописей (Лицевой летописный свод XVI в.) // Всесоюзная научная конференция «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности». Тез. докл. Л., 1979. С. 38—39.

Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги*

Первое упоминание об Оружейной палате Московского Кремля в официальной летописи связано с событиями 1547 года — года начала «Московского царства» и «смятения» в Москве, крупнейшего из городских восстаний XVI столетия.

Венчание на царство Ивана IV (16 января 1547 г.) и свадьба царя (2 февраля) — внешние приметы официально провозглашенной самостоятельности государя всея Руси. Торжественное утверждение единодержавия на всей территории Российского государства подрывало почву притязаниям крупных феодалов в управлении государством, как и притязаниям отдельных областей государства на политическую обособленность. Венчание на царство — важный акт в направлении дальнейшей централизации государства. Оно предопределяло и дальнейшее направление внешней политики России, прежде всего — активизацию восточной политики, устранение опасности подчинения какому-либо иноземному государю. В феврале собрался и первый церковный собор, положивший начало объединению в единый сонм некоторых местнопочитаемых (а также южнославянских) «святых». Этим укреплялось положение Москвы как центра православия — «третьего Рима». Однако первые месяцы 1547 года были не только временем торжеств, но и казней приближенных молодого царя, голода и тяжких последствий неурожаев. Большие пожары постигли Москву, Псков, Новгород. В Москве в апреле было несколько пожаров и особенно страшный «великий пожар» (или «большой пожар») 21 июня, в связи с которым и упомянута Оружейная палата.

Пожар явился поводом для «смятения» народа: собралось «вече» (или «мир») — организованное собрание «черных людей» (простолюдинов). Восставшие убили в Кремле дядю царя князя Юрия Глинского (26 июня) и двинулись в Воробьево (29 июня), где укрылся Иван IV. Восстание июня 1547 года — предтеча будущих городских волнений «бунташного» XVII века. Оно предопределило политику правительства «Избранной рады» — реформы конца 1540-х — середи-

---

* Впервые опубл.: Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. II. М., 1976. С. 5—23.

ны 1550-х годов и оказало, видимо, большое влияние на характер царя («вниде страх в душу мою и трепет в кости моя», — вспоминал он четыре года спустя)[1].

В «великий пожар» 21 июня 1547 года почти полностью выгорел Кремль, сильно пострадали Китай-город и многие районы посада. В современных летописях и других памятниках публицистики содержатся сведения о местах распространения пожара, о потерях, понесенных москвичами, о последствиях пожара. Курбский заметил в «Истории о великом князе московском», что о пожаре, «аще бы по ряду писати, могла бы повесть целая быти, або книжица»[2].

В Царственной книге тексту сопутствуют миниатюры, вплоть до деталей иллюстрирующие текст, а иногда и дополняющие его некоторыми подробностями. Миниатюры последовательно запечатлели описанные в летописи события 21 июня 1547 года.

Царственная книга — официальная лицевая летопись времени Ивана Грозного, излагающая события 1533—1553 годов. Рукопись в лист с многочисленными (нераскрашенными) миниатюрами хранится в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея (Синодальное собрание, № 149). Сведения о рукописи приведены под № 750 в недавно изданном «Описании рукописей Синодального собрания», подготовленном Т. Н. Протасьевой под общей редакцией М. В. Щепкиной[3]. Летописный текст Царственной книги издан полностью в XIII томе Полного собрания русских летописей. Из миниатюр воспроизведены в изданиях лишь немногие. Работа над Царственной книгой, видимо, не была завершена: сохранились редакторские поправки и добавления, сделанные скорописью (чернилами и карандашом) на полях и между строк; некоторые миниатюры намечены лишь прописью. В основе текста, видимо, был и текст Синодального списка Никоновской летописи с рисунками[4], ибо при работе над Царственной книгой учитывались редакторские замечания, сделанные на Синодальной лицевой рукописи. Поскольку в Синодальном списке отсутствуют листы, связанные с событиями 1547 года[5], то особый интерес представляют посвященные этим событиям листы Царственной книги.

Синодальный список, как и Царственная книга, — это тома огромного Лицевого летописного свода, давно уже заинтересовавшего ученых. Миниатюрам редакторы свода придавали не меньшее значение, чем тексту (замечания редактора о миниатюрах приведены в работе А. Е. Преснякова 1893 года о Царственной книге)[6].

Работа над Царственной книгой велась в третьей четверти XVI века, вероятнее всего, как выяснил еще в 1890-е годы Н. П. Лихачев, опираясь на данные о водяных знаках бумаги, в конце 1570-х — начале 1580-х годов. Этого же мнения придерживались на рубеже нашего века А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков. К нему склонялись С. Б. Веселовский, А. В. Арциховский, Д. С. Лихачев. Некоторые исследователи (Д. Н. Альшиц, Н. Е. Андреев, А. А. Зимин, О. И. Подобедова и другие) полагают, что рукопись (или редакторскую правку) следует датировать временем ранее середины 1570 года (месяца казни И. М. Висковатого); по

мнению Р. Г. Скрынникова, даже ранее лета 1564 года (времени составления Первого послания царя Ивана Курбскому)[7]. В работе, опубликованной мною еще в 1966 году, была предпринята попытка обосновать датировку рукописи примерно концом 1570-х — началом 1580-х годов[8]. Дальнейшие исследования и прежде всего изучение водяных знаков тех листов рукописи, где имеется правка, как будто подтверждают эти наблюдения. (В этом мне оказала большую помощь Т. В. Дианова.) Датировку 1570-ми годами листов даже так называемого Шумиловского тома Лицевого свода, предшествовавшего Синодальному, подтверждает и новейшее исследование Е. С. Сизова[9].

Таким образом, миниатюры не современны изображаемым событиям, а отдалены от них не менее чем на 16 лет или даже, что кажется более вероятным, на 30—35 лет.

Средневековые миниатюры — это не буквальные зарисовки, а условные схемы. Зачастую отсутствует единство времени и единство места; на одной и той же миниатюре могут быть изображены последовательные эпизоды, все вместе составляющие одно событие.

На значение миниатюр Царственной книги как памятника культуры и искусства и источника по истории быта обратил внимание еще Ф. И. Буслаев, отобравший для воспроизведения (прорисью) в очерке «Для истории русской живописи XVI века» некоторые миниатюры, характеризующие события 1547 года — венчание на царство, женитьбу царя (выбор невесты), падение колокола (3 июня), убийство Ю. В. Глинского[10]. С. П. Бартенев в книге о Московском Кремле опубликовал миниатюры, запечатлевшие венчание на царство и бракосочетание Ивана IV[11].

Постепенно становилось все яснее, что миниатюры — важный источник по истории материальной культуры, общественно-политической мысли, социально-политической истории. Интересную и многообещающую методику изучения летописных миниатюр применил А. В. Арциховский (правда, миниатюры Царственной книги использованы им только в отдельных случаях для сличения их с миниатюрами Синодального списка). На основании тщательного изучения множества миниатюр А. В. Арциховский пришел к выводу, что миниатюристы, как правило, следовали тексту настолько точно, что даже почти все мелкие подробности соответствуют тем или иным словам летописца. Однако летописные сведения в миниатюрах иногда своеобразно истолкованы или дополнены, а в отдельных случаях летописные миниатюры представляют собой более исчерпывающий источник, чем сам летописный текст[12]. Этот вывод подтвердили и исследования О. И. Подобедовой[13].

К миниатюрам лицевых летописей обращались ученые и в последние годы. А. Д. Горский восстанавливал по миниатюрам картину сельскохозяйственного производства. Б. А. Рыбаков в книге «"Слово о полку Игореве" и его современники» показал, что так называемые «излишки» в иллюстрациях к летописному тексту Радзивилловской летописи художник мог почерпнуть в образах «Слова о полку Игореве». Миниатюры лицевых летописей привлекают обычно и при изучении

1. Миниатюра Царственной книги, л. 295 об.

истории культуры (в «Очерках русской культуры XIII—XV веков», изданных Московским университетом, и в других изданиях).

Московский пожар 21 июня 1547 года послужил темой 15 миниатюр летописной главки «О великом пожаре» на листах 297—304 об. Царственной книги[14].

Пожарам в Москве уделено внимание и в предыдущих миниатюрах книги, поэтому выработался определенный трафарет в изображении таких бедствий. Особенно насыщена реалиями миниатюра, изображающая пожар 12 апреля того же 1547 г. (ил. 1) — лист 295 об.[15], когда «погореша лавки во всех рядех града Москвы со многими товары от Николскаго хрестьца и до речной стены городной; и гостиные дворы великаго князя и дворы людския и животы многие погореша, от Ильиньские улицы и до городные стены, от площадки // и до речныи стены городной, церкви и монастырь Богоявленьской и Ильинской. А у реки у Москвы в стрелници загорешася зелие пушечное и от того розорва стрелницу и размета кирпичие по брегу реки Москвы и в реку»[16]. Летописный текст листа 295 об. имеет киноварный заголовок «О пожаре во граде». Большая часть миниатюры изображает пожар в Китай-городе (в раскрашенных миниатюрах языки пламени обычно красного цвета). Ясно показаны «городная стена» с башнями и, как и отмечено в тексте, «речная стена городная», главы церквей (о них тоже упоминается в тексте); взрыв стрельницы у реки — точная иллюстрация к тексту «размета кирпичие по брегу...» (схоже изображен взрыв стен Казани в 1552 г. на л. 607 об. — 608). Любопытно и то, что справа вверху тоже изображен пожар. Возможно, это относится к фразе, следующей за приведенным ранее текстом: «и тое же нощи загореша 10 дворов в Чертории к Дорогомилову».

Особенно любопытно изображение взволнованных людей. Об этом ничего не сказано в летописи, но упоминается, что в Китай-городе «дворы людския и животы многие погореша». Не эти ли слова поясняет сцена вверху слева? Волнение собравшихся, обсуждающих что-то, передано компоновкой двух групп, судя по одежде, простолюдинов, и традиционными для миниатюриста жестами. Обычно древнерусские живописцы выражение лица, особенно в массовых сценах, не передавали, настроение людей отображали жесты[17].

2. Миниатюра Царственной книги, л. 297

Миниатюра листа 296 иллюстрирует описание пожара за Яузой. Река, точнее, реки полукружием внизу ограничивают изображение Заяузья, охваченного пожаром. Среди зданий выделяются храмы, выполненные в условной манере. Миниатюра л. 296 об., воспроизведенная в книге Ф. И. Буслаева, иллюстрирует текст о падении колокола — «О колоколе».

Летописная главка «О великом пожаре» иллюстрирована особенно подробно. Здесь наблюдаем характерную для миниатюр лицевых летописей дробность действия, повторения, постоянные условные изображения; отразились и политическая эмблематика и символика того времени.

Миниатюра листа 297 (ил. 2) является как бы началом, «заставкой», серии эпизодов, изображающих пожар и восстание конца июня 1547 года. В центре внимания и летописца, и миниатюриста в этой серии — изображение Успенского собора в Кремле. В верхнем углу — Успенский собор за кремлевской стеной, хотя о нем в тексте этого листа летописи не упоминается.

Нижняя, большая часть миниатюры иллюстрирует текст о пожаре («пожар силен»), охватившем в один час городские районы от «Занеглименья» до Москвы-реки. Среди городских строений выделяются храмы, переданные в обычной для миниатюристов условной манере. И опять, как и в воспроизведении пожара 12 апреля, слева группа, точнее, две группы взволнованных людей. Миниатюра почти по диагонали разделена условным изображением потока. Подобное разделение миниатюр по диагонали, фиксирующее внимание на отдельных эпизодах или поступках, отмеченных в тексте, нередко встречается в Царственной книге. Здесь поток напоминает изображение рек на миниатюре листа 296, только место слияния рек — в верхнем правом углу. Не показаны ли таким способом реки Москва и Неглинная? Впрочем, поток мог обозначать и реку, и огонь — «и потече огнь, якоже молния, и пожар силен промче во един час...».

Нижняя часть миниатюры листа 297 об. (ил. 3), отделенная от верхней «потоком» (возможно, что это реки Неглинная или Москва, о которых упоминается в тексте предыдущего листа), изображает пожар в городе, откуда «обратися буря на град болший (т. е. на Кремль. — *С. Ш.*), и загореся во граде...». Виден Успенский собор (слева наверху) с четко прорисованными куполами (в тексте отмечено, что за-

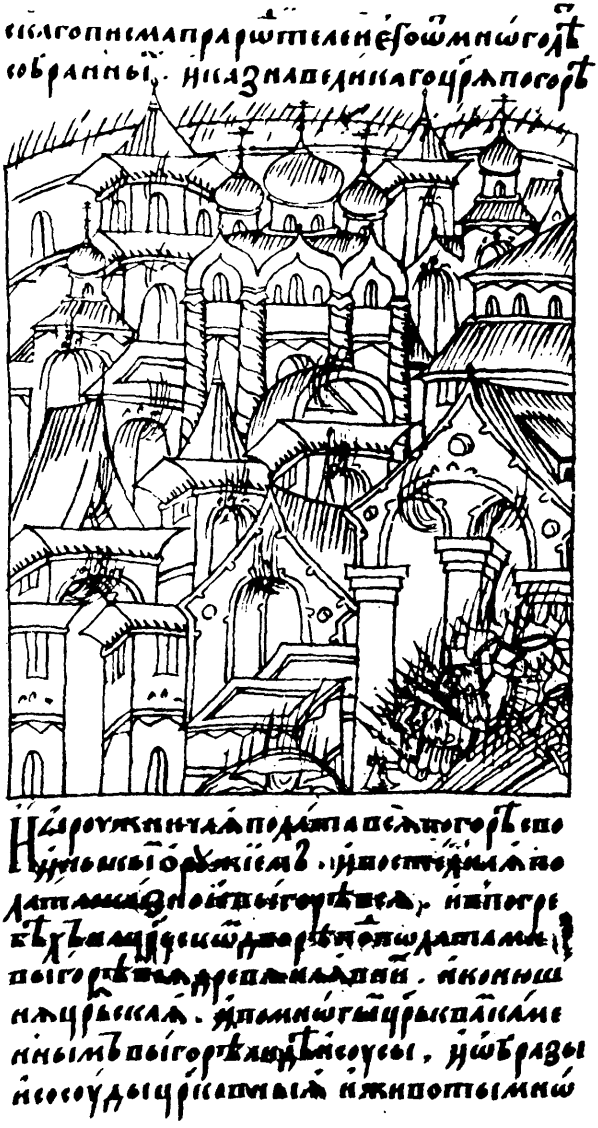
3. Миниатюра Царственной книги, л. 297 об.

горелся «у соборные церкви Пречистыя верх»). Рядом показано, как горит царский двор, «на полатах кровли и избы древяные и полаты, украшенные златом, и Казенной двор с царьскою казною»[18]. На миниатюре видны высокие кровли дворца. На заднем плане — не упомянутые в летописном тексте колокольня «Ивана Великого» (церковь Иоанна Лествичника «иже под колоколы») и Архангельский собор. Изображая пожар в Кремле, нельзя было обойти эти здания, традиционно связываемые с обликом «града большого». Ясно выделяется Благовещенский собор (справа, вверху), так как в тексте особенно подробно описывается пожар этого храма: «и церковь на царьском дворе у царьские казны Благовещение златоверхая, деисус Андреева писма Рублева, златом обложен, и образы, украшеныя златом и бисером, многоценныя, грече//скаго писма, прародителей его от много лет собранных».

Любопытно, что миниатюрист отказался от изображения внутреннего вида Благовещенского собора, иконостас же Успенского собора, описанный с меньшими подробностями, изображен на листе 298 об. (ил. 5).

Еще интереснее, что Благовещенский собор на миниатюре — девятиглавый. Таким он стал лишь в середине 1560-х годов. Освящение последнего придела «Вход в Иерусалим» состоялось в декабре 1566 года[19]. Тем самым этот рисунок становится и важным датирующим признаком создания Царственной книги (не ранее 1566—1567 года).

В литературе уже отмечалось, что особенности архитектуры прославленных кремлевских соборов XV века переносились мастерами Лицевого летописного свода и на здания значительно более ранние[20]. Очевидно, это наблюдение в какой-то



4. Миниатюра Царственной книги, л. 298

степени можно отнести и к соборам, построенным в конце XV — начале XVI века. Они изображались такими, какими их видели миниатюристы второй половины XVI века.

Особенно заметен, так сказать, отборочный принцип в рисунке листа 298 (ил. 4), где выделена Оружейная палата. Текст под миниатюрой и текст верхней строки следующего листа (298 об.) такой: «и Оружничая полата вся погоре с воиньскым оружием, и Постелная полата с казною выгоре вся, и в погребех на царьском дворе под полатами выгоре вся древяная в них, и конюшня царьская. И по многым церьквам каменным выгорели деисусы и образы и сосуды церковныя, и животы мно//гые людские, и двор митрополичь».

Рисунок ограничен сверху кремлевской стеной, этим подчеркивается, что действие происходит именно в пределах Кремля. Четко написан Успенский собор. Все в огне — и «многие церькви каменные», и каменные здания палат; огонь вырывается из оконниц, языки пламени видны над кремлевской стеной.

На переднем плане, очевидно, — «Постелная полата с казною». В Постельной палате хранилось личное имущество царя: одежда, мягкая «рухлядь» (не ее ли мы видим в самом низу, посередине?); там же хранились некоторые рукописи (обычно религиозного или исторического содержания, лечебники) и архив личной канцелярии царя, то есть та документация, которая поступала на имя государя или которую приносили государю «в верх» (среди подобных «дел» были посольские, местнические и другие). Постельничий был особо приближенным к государю лицом. Вскоре после пожара им станет фактический глава правительства Алексей Федорович Адашев[21].

В середине рисунка — изображения, напоминающие открытые ящики. Возможно, это лари «Постелной полаты» или погребов «на царьском дворе под полатами». Показан и интерьер помещения, внешний вид которого изображен тут же. Это типично для миниатюр летописного свода, в которых у ларей с ценностями или деньгами обычно нет крышек (сравн. на л. 305 об., где иллюстрируется фраза о разграблении «живота» князя Юрия Глинского 26 июня 1547 г., раскрытый сундук с деньгами)[22]. Но здесь лари, «коробья» — пустые. Не означает ли это прямую иллюстрацию к дважды повторенным словам «выгоре вся»?

Оружейная палата названа в летописи «оружничая». По материалам словаря И. И. Срезневского: «оружьник» — носящий оружие, воин; «оружьничий» — заведующий оружием. «Оружничая полата» считалась тоже тогда одной из казенных палат, то есть палат, где хранилась «казна». Она находилась в заведывании оружничего (ранние письменные свидетельства об оружничем — не позднее первых десятилетий XVI в.), и звание это (точнее, должность) имели окольничие или даже бояре.

Характерно, что слово «оружничая» соединено в тексте со словом «полата». Так называли в XVI веке обычно каменные здания. Это же показывает и то, что Оружейная палата существовала еще и до июня 1547 года. Поэтому 1547 год не

5. Миниатюра Царственной книги, л. 298 об.

является датой создания Оружейной палаты, а лишь первого упоминания о ней в летописных памятниках. Аналогичный случай — упоминание Москвы в другой — ранней — летописи. Ведь 1147 год — не дата основания Москвы, а только первое ее упоминание в летописи, вернее даже сказать, первое упоминание о московском гостеприимстве.

Бросается в глаза, что миниатюрист счел необходимым выделить то, что хранилось в Оружейной палате, тогда как в миниатюре нет никакого намека на изображение лошадей (хотя в тексте читаем о «конюшне царьской») или конского убранства — «конюшенной казны»[23], а также икон и церковных сосудов (тоже упомянутых в тексте под миниатюрой). Справа внизу — каменное здание, объятое пламенем, — вероятно, Оружейная палата и рядом «воиньское оружие». Г. Л. Малицкий справедливо отметил, что Оружейная палата упомянута впервые «именно как хранилище оружия»[24].

Изображения очень реалистичны. А. В. Арциховский показал, что некоторые предметы (в частности, оружие) воспроизводились миниатюристами с достаточной степенью точности, у художников выработались уже определенные стандарты. Сравнение рисунков с уцелевшими предметами вооружения XVI века позволяет в значительной мере доверять этим рисункам. Отчетливо видны шишаки обычной формы и с бармицами, прикрепленными для защиты щек и ушей. Виден и оборонительный нагрудный доспех: вероятно, мелкие штрихи указывают на украшения драгоценностями. Определить с достаточной степенью точности байдана, бахтерец, юшман ли это[25] — довольно сложно, так как доспехи изображались зачастую традиционной (еще унаследованной от античной иконографии) формы. Нарисованы военный топор, много копий и сабель.

Миниатюра на листе 298 об. (ил. 5) иллюстрирует текст о том, что огонь пощадил внутреннее помещение Успенского собора («в соборной церкви деисус и вся сосуды церковныя сохранены быша»). Характерны для манеры миниатюриста (да и вообще художников русского средневековья) воспроизведения и внешнего вида Успенского собора, и внутреннего помещения храма. Деисус вынесен как бы на внешнюю стену собора. Это нередко встречается в томах Лицевого свода. Столь де-

6. Миниатюра Царственной книги, л. 299

7. Миниатюра Царственной книги, л. 299 об.

тальное изображение икон (особенно четко видна икона Иоанна Крестителя)интересно и в методическо-источниковедческом плане для проверки того, насколько значительна степень точности воспроизведения икон (или даже иконостасов) миниатюристами и в какой мере ими можно пользоваться при изучении недошедших или поновленных икон. Миниатюра Царственной книги с Богоматерью Владимирской, которой поклонялся Иван IV накануне Казанского похода, приведена С. П. Бартеневым[26]. Примеры изображения в Лицевом летописном своде икон — в их числе и широко известных искусствоведам — даны в книге О. И. Подобедовой[27].

Особенно крупным планом показана на листе 298 об. церковная утварь («вся сосуды церковныя»), очевидно, в алтарной части. В храме видим человека в монашеской одежде (*не исключено*, что это Макарий, спасению которого от огня посвящены следующие миниатюры) и людей светских.

Следующие три миниатюры (л. 299, 299 об., 300) — сцены спасения митрополита Макария (ил. 6, 7, 8). Столь пристальный интерес к событиям, связанным именно с митрополитом и с Успенским собором, допускает предположение, что миниатюрист был близок к митрополичьей мастерской.

Последовательная картина спасения Макария развертывается в несколько замедленном темпе, но сделано это выразительно. На листе 299 изображен Макарий (ему было примерно 65 лет), чуть не задохнувшийся в храме («едва вызваша из церкви, ...дымнаго духа мало не позадохшася во церкви»). Слева — здание Успен-

8. Миниатюра Царственной книги, л. 300

9. Миниатюра Царственной книги, л. 300 об.

ского собора (на данной миниатюре вытянутое вверх); ниже — Макария ведут сквозь огонь по Соборной площади. За ним — две согнувшиеся фигуры, прикрывающиеся одеждой от пламени. Имена этих людей названы в летописи: Кекса Татищев, ясельничий князя Владимира Андреевича Старицкого (двоюродного брата царя), и священник Соборной церкви Иван Жижелев; оба они «згорели на площади». Впереди Макария — фигура проводника. Быть может, это один из упомянутых сопровождающих: подобные повторы фигур в изменившейся ситуации на той же миниатюре нередки в летописных миниатюрах. Но возможно, что это протопоп Гурий (в светском головном уборе?), имя которого вписано в первой вставке в летописный текст, а затем во второй вставке добавлено, что он вместе с Макарием «уйде на город на тайник к реке Москве». Справа, в нижнем углу, и слева вокруг согнувшихся фигур — огонь (при окраске это было бы покрыто красным цветом). Справа, наверху — Макарий у тайника, видимо, у Тайницкой башни в городской (кремлевской) стене («митрополит уйде на город на тайник к реке Москве»).

На миниатюре листа 299 об. — сцена спуска Макария из тайника. Изображены кремлевские стены с башнями. На крайней башне справа (едва ли не Тайницкой)[28] несколько этажей окон или бойниц. Другая башня, возможно, Отводная (построенная во второй, добавочной стене Кремля). Известно, что между этими башнями был зубчатый мост с бойницами. По так называемому плану Годунова Тайницкая башня имела надвратную бревенчатую постройку, шатер с четырехскатной крышей, украшенной флюгером[29]. Вдали, слева, на заднем плане — опять

Успенский собор. Миниатюра — точная иллюстрация к двум последовательным событиям, упомянутым в тексте: обвязанного веревкой Макария спускают из тайника («начаша его с тайника спущати, обвязав ужищем на взруб к реке Москве»), и разбившийся при падении со стены митрополит лежит на земле («и перервася ужище, и разбися митрополит и едва отдыхал»). Опять характерное «двойное изображение одной и той же фигуры». Ф. И. Буслаев, отметивший это «наивное правило русской миниатюры»[30], воспроизвел несколько миниатюр Царственной книги, изображавших кончину Василия III, с особенно заметным сближением изображений одного и того же человека. Очень заметно это и на миниатюре листа 226, иллюстрирующей текст о «безчестии» митрополита Иоасафа.

Лист 300 — Макария едва живого («еле жива») переправляют в его монастырь «на Новое». Показан сам въезд в монастырские ворота. Митрополит — на санях, запряженных лошадью. Сани признавались привилегией самых высокопоставленных лиц, прежде всего высшего духовенства (видимо, даже в летнее время). Миниатюрист точно соблюдал бытовые детали этикета. (В санях несут Елену Глинскую на миниатюре, посвященной похоронам Василия III[31].)

Верхняя часть миниатюры — продолжающийся пожар Кремля. Видны охваченные огнем дворы, палаты и церкви («а в городе все дворы и полаты горяше»). Справа — пожар Чудова монастыря и уцелевшие мощи митрополита Алексея («едины мощи святаго великаго чюдотворца Алексия Божиим милосердием сохранены бысть»). Опять типичный для миниатюриста прием: показаны и внешний вид зданий, и мощи внутри помещения. Изображение мощей традиционно[32].

Мощи митрополита Алексея находились тогда в соборе архистратига Михаила — одноглавом храме, выстроенном в 1501 г.[33] На миниатюре же видны три церковные главы, средняя заметно выше боковых. Это либо главы приделов монастырских церквей, либо условное изображение храма. Особой точности миниатюристы придерживались, обычно лишь изображая Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы Московского Кремля.

Миниатюра листа 300 об. (ил. 9) иллюстрирует текст: «а старцов згореша по погребом и по полатам 18, а слуг 8 человек; а запас монастырьской весь згоре». На заднем фоне пятиглавый храм — это либо собор Чудова монастыря, либо, что вероятнее, опять Успенский собор. Гибнущие в огне монахи изображены слева, в помещениях («по погребом и по полатам»). Монастырские слуги без головных уборов справа, на улице у кремлевской стены, ограничивающей снизу миниатюру.

Миниатюра листа 301 (ил. 10) — тоже картина пожара в Кремле. Вверху в пламени часть кремлевской стены с башнями и бойницами. Выделяется церковь Вознесения женского Вознесенского монастыря, упомянутого в тексте. В нижней части миниатюры условно показана «кровля градцкая», в огне слева — погибающие монахини Вознесенского монастыря («10 стариць в нем згореша»); справа — группа мужчин (видимо, иллюстрация к словам: «и все дворы во граде погореша»). Слева внизу — разорвавшаяся каменная стена и «зелие» в бочках или ларях (между монахинями и группой мужчин). Это точно соответствует словам: «...и зелие

10. Миниатюра Царственной книги, л. 301

11. Миниатюра Царственной книги, л. 301 об.

пушечное, где бе на граде, и те места разорвашася градные стены». Куски стены, как и «зелие», прорисованы с меньшим нажимом и тоньше, по сравнению со всем другим.

В центре миниатюры икона, которую выносит протопоп из сгоревшей церкви Вознесения («токмо един образ Пречистые протопоп вынес»). Подобно иконам на миниатюре листа 298 об. она нарисована достаточно четко, видны даже буквы надписи (вверху — слева и справа). Однако эта икона явно не похожа на известную дионисиевскую «Одигитрию»[34] церкви Вознесения, которую выносили из храма в крестный ход. В картине крестного хода в Вербное воскресенье 1498 года на знаменитой пелене рубежа XV—XVI веков[35] вышита, по мнению В. И. Антоновой, именно Одигитрия Вознесенского монастыря. М. В. Щепкина же полагает, что это Одигитрия-Смоленская Благовещенского собора. Нам важно отметить, что изображение Одигитрии традиционно: младенец у левой груди матери держит в руке свиток. Икона же на листе 301 совсем иного типа. Ребенок у правой груди матери, прильнувший к ее лицу, без свитка. По иконографии и по расположению букв в верхних углах доски икона напоминает прославленную «Богоматерь Владимирскую»[36], находившуюся тогда в Успенском соборе, и ее изображение в миниатюрах Лицевого свода. Не встречаемся ли мы опять с тенденцией миниатюриста особо выделить Успенский собор и его святыни?!

На миниатюре листа 301 об. (ил. 11) — пожар «в другом граде», то есть в Китай-городе. Изображены китайгородская стена с башнями, условно нарисованные

12. Миниатюра Царственной книги, л. 302

13. Миниатюра Царственной книги, л. 302 об.

14. Миниатюра Царственной книги, л. 303

15. Миниатюра Царственной книги, л. 303 об.

кровли зданий и церковь. Видны и церковные сосуды на алтарном престоле, на крытом покровом (сравнить с миниатюрой л. 298 об.). Такими подробностями ху

дожник иллюстрирует текст: «А в церквах в каменых во многих деисусы и сосуды церковныя выгореша».

На миниатюрах листов 302, 302 об., 303 (ил. 12, 13, 14) — пожар в различных местах московского посада. Условные здания (светские и церковные), языки пламени. Миниатюрист точно следует тексту — на рисунках нет людей, так как о них нет упоминаний в тексте. Зато на миниатюре листа 303 об. (ил. 15) множество людей. Это тоже точная иллюстрация летописного текста: «Во един чяс многое множество народу згореша, 1700 мужеска полу и женска и младенец, множество гореша народа». Изображено несколько групп людей между зданиями, пламя бушует над кровлями зданий и вырывается из окон и дверей. В летописи тоже упомянуто несколько мест, где был пожар — улицы Тверская, Дмитровка, Большой посад, Ильинская улица, «сады» (Садовые). Миниатюра листа 304 иллюстрирует большой отрывок летописного текста. Внизу опять пожар, охвативший город (видимо, прямое пояснение к словам: «...памятные книги времени пишут: таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоватися...»). Наверху царь с царицей и советниками в Воробьеве. Это изображение соответствует словам верхних строк следующего листа 304 об. (ил. 16): «А после пожару стоял царь князь великий во своем селе в Воробьеве, и з своею царицею с великою княгинею Анастасиею и з братом своим со князем Юрьем и з боляры». Царь, как и на миниатюре листа 304 об., в царском венце, безбородый. Судя по тому, что молодые люди, даже знатнейшие, изображались безбородыми, младшего брата царя — Юрия — нет среди изображенных. Рядом с царицей — боярыни.

16. Миниатюра Царственной книги, л. 304 об.

Интересна подробностями миниатюра листа 304 об. (ил. 16), изображающая восстановление Москвы после пожара. Справа наверху царь, отдающий распоряжение советникам: «а церкви и полаты на своем дворе повеле делати, что от огня розпалося, и хоромы древяные ставити». Слова «повеле делати» читаются вместо ранее написанного

«поделывати». Вероятно, эта приписка является просто исправлением ошибки: пропуска слова в первоначальном тексте[37].

В нижней части миниатюры, ограниченной кремлевской стеной, — сцена строительства. Три группы людей восстанавливают, видимо, пострадавшие от пожара каменные здания и строят новые «дровяные хоромы». Особо выделены молотки в руках строителей. Они велики и одинаковы; профиль их дуговой и симметричный. Такого типа молотки отмечает А. В. Арциховский, сравнивая изображения миниатюр с археологическим материалом[38].

На листах 305, 305 об., 306 достаточно широко известные миниатюры, изображающие события Московского восстания 26 июня 1547 года[39].

Миниатюры Царственной книги еще не стали предметом детального исследования, а оно обогатило бы наши представления не только об искусстве средневековых художников рукописной книги, но и об общественно-политической истории, памятниках материальной культуры и быта России XVI века. Расширило бы это наши знания и о внешнем облике кремлевских зданий в XVI веке и даже об отдельных предметах, являющихся ныне экспонатами нашего замечательного музея — Оружейной палаты.

Все более очевидной становится необходимость издания рукописи Царственной книги фототипическим способом (о чем уже давно говорили и писали ученые). Это нужно и для того, чтобы пощадить ценнейшую рукопись и, главное, для дальнейших многообразных исследований.

Автор глубоко признателен всем, кто оказал помощь консультациями при подготовке этой работы: Марфе Вячеславовне Щепкиной, Татьяне Владимировне Дионовой, Татьяне Николаевне Протасьевой, Любови Михайловне Костюхиной, Валентине Ивановне Антоновой, Наталии Андреевне Маясовой, Михаилу Элиазаровичу Портнову и, особенно, Евгению Степановичу Сизову.

Примечания

[1] Подробнее см.: *Шмидт.* Становление. Гл. «Начало Московского царства». Там же указана и литература.

[2] РИБ. Т. XXXI. СПб., 1914. Стб. 168.

[3] Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невструева). М., 1970. С. 128—130.

[4] Об этой рукописи (Синодальное собрание, № 962) см. под № 749 в «Описании рукописей Синодального собрания...». С. 127—128.

[5] *Шмидт* С. О. Заметки о Синодальном списке Лицевого летописного свода // Культура древней Руси» (сб. статей к 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина). М., 1966.

[6] *Пресняков.* Царственная книга. СПб., 1893. С. 8, 33.

[7] *Скрынников.* Начало опричнины. С. 30 и сл.: см. также: *Скрынников.* Переписка. С. 84 и сл.

[8] *Шмидт* С. О. Лицевые летописи (там же указана литература). См. также: *Шмидт* С. О. О датировке приписок в Лицевом летописном своде // Общество и государство феодальной России: Сб. ст. к 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975.

[9] *Сизов.* Шумиловский том. Исследование было оформлено в виде статьи еще в 1969 г.
[10] *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. II. СПб., 1861. Рис. к с. 312 (№ 10, 11, 12, 13, 16).
[11] *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. Кн. II. М., 1916. С. 213—216, 218.
[12] *Арциховский.* Миниатюры. М., 1944.
[13] *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1955. С. 131—134 и др.
[14] ПСРЛ. Т. XIII. С. 454—455.
[15] ПСРЛ. Т. XIII. С. 453.
[16] Текст летописи в настоящей статье воспроизводится в современной транскрипции: без твердого знака в конце слова и без буквы «ять»; «оу» заменяется на «у» и т. д. Знак // обозначает начало нового листа в тексте.
[17] *Арциховский.* Миниатюры. С. 132.
[18] О местоположении Казенного двора см.: *Малицкий Г. Л.* К истории Оружейной палаты Московского Кремля // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 512.
[19] *Маркина Н. Д.* Из истории возникновения приделов Благовещенского собора в 60-х годах XVI века // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1973. С. 74, 80—81.
[20] *Арциховский.* Миниатюры. С. 74; *Подобедова О. И.* Указ. соч. С. 172; см. также миниатюру на с. 176.
[21] *Шмидт.* Адашев. С. 38—39.
[22] Воспроизведена в: 1) *Шмидт.* Становление. С. 51; 2) Проблемы источниковедения. Вып. V. М., 1956. Между с. 268—269.
[23] См.: *Денисова М. М.* Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI—XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.
[24] *Малицкий Г. Л.* Указ. соч. С. 514.
[25] См.: *Гордеев Н. В.* Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.
[26] *Бартенев С. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 218.
[27] *Подобедова О. И.* Указ. соч. С. 164, 165, 167, 170, 263, 307.
[28] *Бартенев С. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 47, см. также с. 39.
[29] *Бартенев С. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 195.
[30] *Буслаев Ф. И.* Указ. соч. С. 310. Рис. 5, 6 к с. 312.
[31] Миниатюра л. 72 об. Царственной книги воспроизведена Ф. И. Буслаевым (Указ. соч. Рис. 5 к с. 312).
[32] Сравн.: *Подобедова О. И.* Указ. соч. С. 268, 270.
[33] См. воспроизведение: История русского искусства. Т. III. М., 1955. С. 331.
[34] «Одигитрию» написал Дионисий в 1492 г. на доске обгоревшей древней иконы греческого письма. Эта икона не раз воспроизводилась (см.: История русского искусства. Т. III. С. 491; см. также: С. 506); описание ее имеется в Каталоге древнерусской живописи (см.: *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи. Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. М., 1963. № 264. С. 330—331. Рис. 214).
[35] Пелена детально изучена М. В. Щепкиной. Экспонируется ныне в Государственном историческом музее. Воспроизведена в изданиях: *Щепкина М. В.* Изображение русских доисторических лиц в шитье XV в. // Труды ГИМ. Вып. XII. М., 1954; *Маясова Н. А.* Древнерусское шитье. М., 1971. Табл. 27 (см. также С. 20); *Маясова Н. А.* Методика исследования памятников древнерусского лицевого шитья // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. I. С. 125.
[36] Об этой иконе см.: *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Указ. соч. № 5. С. 58—64.

[37] ПСРЛ. Т. XIII. С. 154. (сравн. текст других списков Летописи).
[38] *Арциховский А. В.* Миниатюры Синодального списка Никоновской летописи // Сб. ст. к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 122.
[39] Проблемы источниковедения. Вып. V. М., 1956. С. 265—284.

Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г.*

Московское восстание июня 1547 г. — крупнейшее из городских восстаний, потрясших в середине XVI ст. Российское государство.

Ход восстания, его политическая направленность и последствия в значительной степени уже определены советскими историками, использовавшими основные источники, содержащие сведения о восстании[1]. Московское восстание представляется массовым антифеодальным движением, которым, однако, сумели воспользоваться недовольные правительственной политикой придворные группировки, отвратившие от себя гнев народа и направившие его против «временников» Глинских. Московское восстание июня 1547 г. по силе и характеру напоминает большие городские восстания XVII в.

Изучение Московского восстания, как и других народных восстаний XVI столетия, осложнено сравнительно малым количеством источников, сохранивших данные о восстаниях, и тенденциозностью этих источников. Единственными известными пока источниками о Московском восстании 1547 г. являются летописи и памятники публицистики (сочинения Ивана Грозного, Курбского), написанные людьми, как правило, враждебно настроенными по отношению к восставшим «черным людям». Сведения о Московском восстании, заключающиеся в этих источниках, к тому же скупы и разноречивы.

Недомолвки источников, в частности летописей, когда речь идет о народных движениях, не случайны и обусловлены их классовой тенденцией.

Общеизвестно, что летописи — источник первостепенной важности по истории феодального общества. Общеизвестно также, что многие летописи, особенно официальные, являются памятниками, вышедшими из среды господствующих

---

* Впервые опубл.: Проблемы источниковедения. Вып. V. М., 1956. С. 265—284. Текст этот стал основой подглавки в кн.: *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного (М., 1973. С. 42—66), в которой имеются некоторые дополнения и изменения.

классов, в значительной мере отражают интересы этих классов, и сведения, ими сообщаемые, требуют критического к себе отношения. Поэтому, как отмечал еще Н. А. Добролюбов, полного представления об «истории народа по данным летописным составить было невозможно, если человек не умел, как говорится, читать между строк»[2]. В этом замечании Н. А. Добролюбова подчеркивается классовый смысл умолчания иногда летописей о народных движениях.

В плане раскрытия содержания летописи особый научный интерес представляют сохранившиеся в составе летописи Царственной книги миниатюры, посвященные событиям 1547 г., существенно дополняющие летописный текст. Миниатюры Царственной книги до сих пор еще не привлекали внимания исследователей, специально изучавших историю Московского восстания 1547 г.

Царственная книга — официальная летопись времени Ивана Грозного, излагающая события 1533—1553 гг. Рукопись в лист, украшена многочисленными миниатюрами. Составлена была эта роскошная лицевая рукопись в третьей четверти XVI ст.[3] Находится Царственная книга в рукописном собрании Отдела рукописей Государственного исторического музея в Москве (Синодальное собрание. № 149). Рукопись сохранилась до нашего времени не полностью; отдельные листы ее пропали, в том числе, можно полагать, и некоторые из посвященных Московскому восстанию 1547 г. Летописный текст Царственной книги напечатан во второй части XIII тома Полного собрания русских летописей (ПСРЛ). Из миниатюр изданы лишь немногие.

Работа над Царственной книгой не была завершена: в тексте сохранились многочисленные редакторские поправки и добавления, сделанные скорописью на полях и между строк; миниатюры остались нераскрашенными.

В основу текста Царственной книги был положен текст Синодального списка Никоновской летописи с миниатюрами (так называемой «Никоновской с рисунками»), тоже хранящегося в собрании Отдела рукописей Государственного исторического музея (Синодальное собрание. № 962), ибо составителем Царственной книги учтены редакторские замечания, сделанные в рукописи № 962. Эти замечания на соответствующих листах Царственной книги переписаны начисто полууставом и иллюстрированы. Почерк основного текста (полуустав) и бумага обеих рукописей сходны. Поправки внесены в обе рукописи, как установил А. Е. Пресняков, одним почерком[4].

Листы рукописи № 962 за 1542—1553 гг. утрачены; тем больший интерес представляют миниатюры Царственной книги, иллюстрирующие события этих лет. В лицевых рукописях миниатюры имеют не меньшее значение, чем текст, и представляют собой ценный исторический источник.

Средневековые миниатюры — это не буквальные зарисовки, а условные схемы, живущие своей книжной жизнью. В миниатюрах XVI столетия, как отмечал еще Ф. И. Буслаев, отсутствуют единство времени и, особенно, единство места. На одной и той же миниатюре нередко изображен ряд последовательных эпизо-

дов, в совокупности составляющих одно событие, причем в этих эпизодах одно и то же лицо может появляться в различных позах и при различных обстоятельствах[5]. Для миниатюр лицевых летописей характерны медлительность действия, повторения, постоянные условные изображения, заставляющие вспомнить постоянные эпитеты в древнерусских письменности и фольклоре[6]. В миниатюрах летописей отразились политическая эмблематика и символика того времени.

Поэтому использовать данные миниатюр можно только на основе предварительного изучения современных им и изображаемых в них событий, письменных и вещественных исторических источников. Условность миниатюр не уменьшает, однако, их исторического интереса.

Чрезвычайно интересную и многообещающую методику изучения русских миниатюр разработал А. В. Арциховский, давший образцы ее применения в своей монографии «Древнерусские миниатюры как исторический источник». А. В. Арциховский исследовал миниатюры летописей Кенигсбергской, Никоновской с рисунками и некоторых житий. Миниатюры Царственной книги были им использованы только в отдельных случаях для сличения их с миниатюрами Никоновской летописи.

На основании тщательного изучения множества миниатюр А. В. Арциховский пришел к выводу, что миниатюристы, как правило, следовали тексту настолько точно, что даже почти все мелкие аксессуары соответствуют тем или иным словам летописца. Однако летописные сведения в рисунках иногда существенно дополнены, иногда своеобразно истолкованы, и в отдельных случаях миниатюры представляют собой более исчерпывающий источник, чем летописный текст.

«Летописные миниатюры, — пишет А. В. Арциховский, — при первом впечатлении кажутся своеобразными окнами, сквозь которые можно смотреть на исчезнувший мир древней Руси, стоит только усвоить тогдашнее восприятие формы и пространства. В окнах этих перед нами мелькают изображения, преломленные и искаженные классовой идеологией. Но это не уменьшает, а увеличивает интерес миниатюр. Идеологий, собственно говоря, две. Одна из них принадлежит заказчикам, другая — мастерам. Переплетение получается довольно причудливое»[7]. Это наблюдение исследователя, специально изучавшего русские миниатюры XVI ст., следует учесть, приступая к рассмотрению миниатюр Царственной книги.

Составители лицевых летописей признавали за миниатюрами серьезное политическое значение. Поэтому строгий редактор Царственной книги подверг основательному редактированию не только ее текст, но и миниатюры. Об этом встречаем указания в тексте Царственной книги, большая часть которых приведена в исследовании А. Е. Преснякова. Например, по поводу рисунка к известию о гонце из Тулы (лист 470) замечено: «Тут написать у государя стол без доспехов, да стол велик»; на листе 652 о рисунке, посвященном внесению мощей, написано: «то не надобе, что царь сам носит», и т. д. Поправки, вносимые редактором в текст и в миниатюры Царственной книги, строго учитывались: старые листы заменялись новыми, причем в зависимости от изменения текста изменялось и содержание миниатюр.

Убийство кн. Ю. В. Глинского. Миниатюра Царственной книги. ГИМ. Синод., 149. л. 305

Избиение людей кн. Глинского. Миниатюра Царственной книги. ГИМ, Синод., 149, л. 305 об.

Процесс обновления текста и рисунков Царственной книги в соответствии с замечаниями редактора можно отчетливо наблюдать. Рукопись была, по-видимому, впервые переплетена лишь во второй половине XVIII в. М. М. Щербатовым; поэтому в ней сохранились и первоначальные листы с замечаниями редактора (скорописью на полях и между строк), и некоторые новые листы, текст и миниатюры которых изменены соответственно его указаниям.

Прежде других, можно полагать, обновили листы 273, 305, 305 об., на которых рукою редактора сделаны были замечания, полностью изменяющие смысл первоначального текста. Заново сделанные листы — это те листы рукописи, на которых излагаются такие события, как убийство дьяка Федора Мишурина и Московское восстание 1547 г. Следовательно, из многочисленных замечаний редактора в первую очередь были учтены поправки, касающиеся именно этих событий. Это показывает, какое большое значение придавалось этим поправкам, какое большое значение придавал редактор Царственной книги описанию Московского восстания 1547 г. в нужном ему духе.

Сравнительное изучение первоначальных и новых миниатюр важно и для создания более полного представления о методах работы художников-миниатюристов, об их общественном сознании.

Московское восстание 1547 г. послужило сюжетом пяти миниатюр Царственной книги: трех миниатюр первоначального текста (листы 305, 305 об., 306) и двух миниатюр обновленного текста (листы 683, 683 об.). Все миниатюры представляют собой карандашные рисунки, обведенные тушью или чернилами.

Первоначальный текст листов 305—306, написанный полууставом, дословно совпадает с текстом Никоновской летописи[8]. Следовательно, этот текст сначала не вызывал замечаний со стороны редактора, исправлявшего рукопись (Синодальное собрание. № 962), большинство замечаний которого (во всяком случае все, имеющие принципиальное значение) учтено в тексте Царственной книги.

На листе 305 под заголовком «О убиении князя Юрья Глиньскаго» помещен текст: «Того же месяца в 26 день, в неделю, на пятый день после великого пожару, черные люди града Москвы, от великие скорби пожарные, восколебашася, яко юроди; и, пришедше во град, и на площади убиша камением царева великаго князя болярина князя Юрья Василиевича Глинскаго и детей боярских многих побиша».

Над текстом в левом верхнем углу миниатюра.

Миниатюра, как и большинство других миниатюр Царственной книги, изображает не один, а несколько моментов иллюстрируемого текста. Это достигается разделением поля рисунка наискось изображением Кремлевской и Китайгородской стен и рва.

В левой нижней части рисунка — сцена подготовки восстания («восколебашася, яко юроди»): совещание у городской стены, видимо Китайгородской. Несколько человек возбужденно обсуждают что-то. Возбуждение передано движениями

рук, характерными для миниатюр. Древнерусская живопись обычно выражения лиц не передавала; настроения людей чаще всего передавались жестами[9].

В верхнем левом углу — группа людей возле окна какого-то здания в Кремле, вероятнее всего дворца, архитектура которого передана условно. Ясно нарисована голова человека с длинной бородой — возможно, Юрия Глинского.

Большую часть рисунка занимает изображение убийства Ю. Глинского. Толпа восставших «черных людей» проникла в Кремль на Соборную площадь («пришедше во град»). На переднем плане двое безбородых людей; в поднятых руках они держат камни («убиша камением»). Правее и ниже «черных людей», подле открытых дверей Успенского собора, несколько бородатых людей — «детей боярских». Среди них выделяется боярин Юрий Глинский: у него борода длиннее, чем у других, и шапка оторочена мехом. Таким образом, в миниатюре запечатлен момент, непосредственно предшествовавший убийству. Интересно отметить, что в иллюстрируемом тексте ничего не сказано о том, что убийство произошло в Успенском соборе, где пытался укрыться Глинский от обезумевших, «яко юроди», черных людей. Однако художник, по-видимому, знал об этом и именно Успенский собор изобразил особенно четко.

Массовость сцены передана характерным для миниатюристов приемом — нарисовано, более или менее ясно, несколько лиц, а дальше много шапок, причем показано, что много было и участников восстания и жертв его («детей боярских многих побиша»).

Различие в социальном положении изображаемых людей подчеркнуто художником при изображении бороды и головных уборов.

Художникам свойственно было изображать безбородыми людей низкого социального положения («черных людей»), а также мужчин до тридцати лет, безотносительно к реальности портретов[10]. Характерно, что социальный термин «молодшие люди» — одного корня со словом «молодой».

На миниатюре в сцене убийства Глинского «черные люди» изображены безбородыми, а «дети боярские» — с бородой; самая длинная борода у боярина Глинского. Безбороды и двое из трех ясно нарисованных участников совещания у городской стены.

Все персонажи миниатюры — в русских шапках с косым отворотом. Ю. В. Глинский, в отличие от других, в сферической мягкой шапке с меховой опушкой. Это — типичное для миниатюр изображение княжеской шапки. В таких шапках изображались великие и некоторые удельные князья времени феодальной раздробленности. В рукописи № 962 в традиционной княжеской шапке рисовали только Ивана IV (до венчания на царство) и последнего носителя удельных традиций князя Владимира Андреевича Старицкого[11]. Того же порядка миниатюрист придерживался в Царственной книге. Изображение Ю. В. Глинского в княжеской шапке является исключением из правил. Объясняется это, видимо, тем, что

Ю. В. Глинский был дядей царя, и художник таким приемом хотел подчеркнуть это обстоятельство, не отмеченное в непосредственно иллюстрируемом тексте. Тем самым подчеркивалось, что восставшие осмелились поднять руку на представителя царской семьи*1.

На обороте листа 305 текст: «а людей княже Юрьевых безчисленно побиша, и живот княжей розграбиша, ркуще безумием своим, яко вашим зажиганием дворы наши и животы погореша».

В правом верхнем углу листа небольшая миниатюра. Расположение и размер миниатюры и расположение текста такие же, как на другой стороне листа.

На этом рисунке также отображено несколько эпизодов. Содержание миниатюры точно соответствует тексту и дополнено бытовыми подробностями.

В верхнем левом углу миниатюры Кремль. Ясно видны часть стены с башней и главы Успенского собора.

Основное действие происходит под городской стеной, Кремлевской или Китайгородской. Двор Ю. В. Глинского, вероятнее всего, находился на территории Кремля, и действие происходит внутри «града», т. е. Кремля. Изображение Кремля в левом верхнем углу миниатюры характерно для условной композиции миниатюр, где наружность здания (или города) и внутренность его изображались рядом, как бы в одной плоскости[13].

На рисунке запечатлены оба действия, отмеченные в тексте. В нижней части рисунка показано «побиение» «людей» Ю. В. Глинского («людей княж Юрьевых безчислено побиша»); в верхней правой части — разграбление имущества Ю. В. Глинского («живот княжей розграбиша»).

Сцена «побиения» представлена трафаретно, как и в других миниатюрах близкого содержания; люди Глинских лежа взывают о милосердии. Это передано характерным для миниатюр жестом: протянутые с мольбой руки. «Черные люди» стоят с поднятыми мечами, приготовившись совершить казнь. Много шапок показывают и массовость народного движения и иллюстрируют слова: «людей княж Юрьевых безчислено побиша».

В сцене разграбления «живота» Ю. В. Глинского тоже две группы: люди Глинского возле большого ларя с деньгами (характерная для миниатюр условность: ларь открыт, но крышки не видно); левее — «черные люди» с мешками с награбленным за плечами.

Люди Глинских («дети боярские») все изображены с бородой, «черные люди» (поднявшие мечи и уносящие награбленную казну) — все безбородые. Этим признаком, как и в ранее рассмотренной миниатюре, подчеркивается социальное различие персонажей рисунка.

*1 Впоследствии эта мысль была четко сформулирована Иваном Грозным в Первом послании к Курбскому. Иван Грозный, подчеркивая свое родство с Ю. В. Глинским («черта кровная нам»), восклицал: «Про что убо нам самим царству своему запалителем быти?»[12].

Царь велит казнить виновника убийства Глинского.
Миниатюра Царственной книги. ГИМ. Синод., 149, л. 306

Оканчивается описание восстания на листе 306: «Царь же и великий князь повеле тех людей имати и казнити. Оних[*2] же мнози разбегошася по иным градом, видяще свою вину, яко безумием своим сие сотвориша».

Миниатюра, помещенная над этим текстом, занимает большую часть листа — самая большая из трех миниатюр, посвященных восстанию. Рисунок также изображает несколько эпизодов.

Наверху, на фоне Кремлевской стены с башней, ограничивающей сверху рисунок, царь Иван IV отдает распоряжение придворным наказать участников восстания («царь... повеле...»).

Царь — молодой, безбородый (ему тогда было семнадцать лет). На голове Ивана IV царский венец. Царь сидит, придворные стоят. Перед государями в миниатюрах всегда стоят, сидят только тогда, когда это требуется текстом[15]. У Ивана IV типичный для миниатюр повелевающий жест. У первого придворного также типичный для миниатюр жест понимания, готовности выполнить распоряжение. Иван IV во время пожара покинул Кремль и, согласно летописному тексту, находился в это время в пригородном селе Воробьеве[16]. Там он и отдал распоряжение наказать участников восстания. Однако художник, следуя традиции миниатюр, нарисовал его не в Воробьеве, а в Кремле.

В центре миниатюры показано, как было осуществлено повеление царя «тех людей имати и казнити». Бунтовщику рубят голову. Изображение трафаретное, напоминающее изображение на листе 305 об.

Нижняя часть миниатюры иллюстрирует слова: «оних же мнози разбегошася по иным градом...». Слева толпа бунтовщиков движется, устремляясь от городской стены, условно изображенной наверху этой сцены. Волнение людей передано жестами, типичными для миниатюр (сравнить с жестикуляцией толпы на рисунке листа 305).

В правой нижней части рисунка восставшие нарисованы уже в «иных градах». «Иные грады» условно показаны городской стеной с башнями. Крепостная стена в миниатюрах обычно означала слово «город» даже в тех случаях, когда и не упоминалось о городских укреплениях. «Города прочно ассоциировались тогда с их стенами», — пишет А. В. Арциховский[17]. У человека, стоящего в городских воротах, приглашающий жест — показатель того, что города открыли ворота покинувшим Москву участникам восстания.

Первоначальный текст листов 305 и 305 об., написанный полууставом, был решительно изменен. Текст листа 305 редактор или кто-то, по его указанию, дважды перечеркнул и оставил на полях того же листа новое описание Московского восстания, значительно более подробное, чем прежнее.

[*2] С. Ф. Платонов, приготовлявший к печати Царственную книгу, напечатал вместо слова «оних» слово «они», отметив в сноске написание подлинника как описку[14]. Думается, что С. Ф. Платонов не прав, и слово «оних» можно понимать как «оных»: (из) оных многие разбежались...

Редактор или писавший под его диктовку человек писал мелкой скорописью, однако ему не хватило одной стороны листа, и он продолжал писать на обороте. Это новое описание восстания было целиком составлено в одно время: чернила местами смазаны, и отдельные слова и буквы отпечатались на обороте листа 304. Составлялось описание очень быстро, по ходу мысли составителя. Отдельные слова и выражения сразу же показались составителю недостаточно убедительными или точными; они тотчас же зачеркивались и заменялись новыми.

Текст этой скорописной вставки существенно отличается от первоначального текста и в объяснении причин и характера восстания, и многими дополнительными подробностями.

«И после пожару на 2 день приехал царь и великий князь навещати Макария митро[по]лита на Новое и (и вражиим наветом нача)[18] и бояре с ним. И вражиим наветом начаша глаголати, яко вълхвъванием сердца человеческия вымаша и в воде мочиша, и тою водою кропиша, (от) и от того вся Москва погоре. Начаша же словеса сия глаголати духовник царя и великого князя протопоп благовещенской Федор, да боярин князь Федор Скопин Шуйской, да Иван Петров Федоров. И царь и великий князь велел того бояром сыскати. И того же месяца [в] 26 день, в неделю, на (н) пятый день после великого пожару, бояре приехаша к Пречистой к соборной на площадь и собраша черных людей и начаша въпрашати: (чт) хто зажигал Москву? Они же начаша глаголати, яко княгиня Анна Глинская з своими детьми и с людьми вълхвовала: вымала сердца человеческия, да клала в воду, да тою водою, ездячи по Москве, да кропила, и оттого Москва выгорела. А сие глаголаху (того) чернии людие того ради, что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование, а от людей их черным людем насильство и грабеж, они же их от того не унимаху. А князь Михайло Глинской тогда бяше и с матерью («и с матерью» надписано над строкой. — *С. Ш.*) на огосударском жалование на Ржеве. А князь Юрьи Глинской тогда приехащ[а] туто же, и, как услыша про матерь и про себя такие неподобные речи, и пошел в церковь в Пречистую. Бояре же, по своей (к не) к Глинским недружбе, наустиша черни. Они же взяша князя Юрия в церкви и убиша его в церкви, и извлекоша передними дверьми на площадь и за город, и положиша перед того кол, идеже казнят. Быша же в со(л. 305 об.)вете сем: протопоп благовещенской Федор Бармин, князь Федор Шюйской, князь Юрьи Темкин, Иван Петров Федоров, Григорей Юрьевичь Захарьин, Федор Нагой и инии мнози». Далее оставлен был неизменным полууставный текст листа 305 об. и следовало добавление: «(а мать твоя княгин) (а мати твоя княгиня Анна сорокою летала да зажигала, да из люде) много же и детей боярских незнакомых побиша из Северы, называючи их Глинского людьми. А после того (на) убийства на третей день приходиша многия люди чернь скопом, ко государю в Воробьеве, глаголюще нелепая, что буд(им государь)то государь хоронит у себя княгиню Анну и князя Михаила, и он бы их выдал им».

Текст этой вставки близок по содержанию и стилистически к тексту Первого послания Ивана Грозного Курбскому[19]. Во вставке и в послании ясно проводится одна и та же мысль о том, что бояре и верхушка духовенства сами возмутили народ против Глинских и царя. «Бояре же, по своей к Глинским недружбе, наустиша черни» — читаем во вставке. Сходные слова находим и в послании Курбскому: «изменные бояре... наустиша народ художайших умов»[20].

Московское восстание 1547 г. рассматривается и во вставке, и в Послании Ивана Грозного Курбскому как продолжение боярских смут и мятежей, «междуусобных браней»[21] времени малолетства Ивана Грозного. Такова была правительственная трактовка вопроса.

В новом тексте Царственной книги находим, однако, некоторые подробности, отсутствующие в послании к Курбскому. В частности, во вставке перечислены имена лиц, пустивших слух о поджоге Москвы Глинскими и «наустивших» на них «чернь». В Послании же Курбскому автор только обещает назвать имена «изменных бояр»: «их же имена волею премену»[22].

Понятно, что с изменением текста рукописи должны были измениться и миниатюры ее. Последние листы Царственной книги в ее нынешнем виде — листы 683 и 683 об. — как раз и представляют собой переписанные полууставом и иллюстрированные новыми рисунками, несколько фраз из второй части скорописной вставки.

Можно полагать поэтому, что существовали и чистовые листы с предшествующим, а быть может, и с последующим текстом и миниатюрами. Ко времени, когда М. М. Щербатов переплетал рукопись, листы эти были уже утрачены. И последний лист Царственной книги — лишь случайно уцелевшая часть переписанного и иллюстрированного заново текста рукописи о Московском восстании 1547 г.

Старые и новые миниатюры, по-видимому, рисовал художник одной школы, но различие в таланте бросается в глаза. Миниатюры листов 683 и 683 об. выразительнее, богаче подробностями, сложнее и реалистичнее по композиции сравнительно с миниатюрами листов 305—306. В новых миниатюрах меньше схематизма в изображении человека. Перед нами значительное произведение русского изобразительного искусства XVI ст. Недаром такой проникновенный знаток древнерусского искусства, как Ф. И. Буслаев, именно миниатюру листа 683 опубликовал для ознакомления читателя с художественными достоинствами Царственной книги[23].

Рисунок листа 683 иллюстрирует текст: «И извлекоша передними дверьми на площадь и за город, и положиша перед того кол, идеже казнят».

Миниатюра, так же как и прежде рассмотренные, иллюстрирует несколько последовательных событий. Основное внимание художник уделил двум массовым сценам. Содержание верхней массовой сцены — убийство Глинского, точнее, извлечение его трупа из церкви на площадь. Содержание нижней массовой сцены — издевательство над трупом.

Толпа выволакивает убитого Глинского на площадь.
Миниатюра Царственной книги. ГИМ. Синод., 149. л. 683

Совещание убийц кн. Глинского. Миниатюра Царственной книги. ГИМ. Синод., 149, л. 683 об.

Верхнюю часть рисунка ограничивает снизу Кремлевская стена, нижнюю — другая стена, Китайгородская. Эти две стены с башнями по краям и в середине, и купола Успенского собора в верхнем левом углу, так же как и четко очерченное условное дворцовое здание наверху справа, придают миниатюре особую законченность и художественную выразительность.

В правом верхнем углу изображен Иван IV, видимо, у окна дворцового здания. Царь молодой, безбородый, в царском венце, с царским жезлом в руке, в парадном одеянии с меховым воротником. Подле царя и с другой стороны дворцового окна бояре. Царь обычно изображался в миниатюрах окруженным боярами — «думцами». Изображение царя можно объяснить тем, что в миниатюре показано исполнение его повеления «сыскать» виновных в пожаре Москвы. («И царь и великий князь велел того бояром сыскати».)

Верхняя основная часть рисунка иллюстрирует первую часть текста: «извлекоша передними дверьми на площадь». На заднем плане ясно виден Успенский собор, причем его передние двери. Некоторые наиболее известные здания изображались, как правило, довольно точно, в том числе Кремлевские соборы, хорошо знакомые художникам и читателям летописи[24]. Снизу сцена ограничена Кремлевской стеной с тремя башнями. Это, как любезно указал консультировавший автора по этому вопросу А. В. Арциховский, — башни Фроловская (Спасская), Набатная (глухая) и Константино-Еленинская. Архитектура башен изображена стандартно, но это изображение позволяет увидеть малоизвестный облик Кремлевских башен до постройки в XVII в. вышек, украсивших их.

Все пространство между Кремлевской стеной и Успенским собором заполнено человеческими фигурами, среди которых выделяется несколько бояр. В центре рисунка Ю. В. Глинский. Глинского волочат, стаскивая с него одежды, «загород», т. е. за Кремлевскую стену. Судя по всему, Глинский еще жив. По Новгородской 4-й летописи (по списку Н. К. Никольского) Глинского «извлекше из церкви едва жива, и скончаша злою смертию»[25]. По словам Ивана Грозного, убийство Глинского произошло еще в церкви: «и вывлекши его мертва в передние двери церковныя»[26].

Ю. В. Глинский с обнаженной головой. Вероятно, потому, что нападение на него произошло в церкви (по той же Новгородской летописи — во время обедни)[27], а художники изображали людей в церкви без шапок. Борода у Глинского очень длинная. Это — признак знатности или возраста, или того и другого вместе. С длинной бородой изображен Глинский и на миниатюре листа 305.

Все участники сцены — в русских шапках с косым отворотом, но одежда бояр (корзно) заметно отличается от одежды черных людей. У бояр такие воротники, какие невозможно было видеть у простонародья. Корзно в миниатюрах Царственной книги — типичная боярская одежда. Именно в такой одежде изображены бояре и мальчик Иван IV, в ужасе выглядывающий из-за двери в сцене избиения Федора Воронцова на миниатюре листа 249 Царственной книги. Таким образом,

из знакомых ему типов одежды художник выбрал два, чтобы подчеркнуть социальное различие участников сцены.

Нижняя часть рисунка иллюстрирует вторую часть текста: «и положиша перед того кол, идеже казнят».

Этот рисунок тоже ограничивает снизу стена, но уже Китайгородская, с более низкими башнями и многочисленными стрельницами.

В центре композиции труп полуобнаженного длиннобородого человека — Ю. В. Глинского. Труп извлечен через Кремлевские ворота (ворота двух башен отчетливо видны) на площадь перед Кремлевской стеной, где обычно совершались казни преступников[*3]. Труп волочат веревками за руки и за ноги. Об этом читаем и в цитированной уже Новгородской летописи: «извлекоша из града привязана ужем»[*4]. Рядом бревно, на которое клали во время казни голову осужденного («кол, идеже казнят»)[*5]. Казнь трупа осужденного — нередкое явление в то время. Эта часть миниатюры подробно показывает, как и где происходили казни в Москве середины XVI ст.

Вокруг трупа все пространство вплоть до Кремлевской стены (ров не показан) заполнено человеческими фигурами («наустиша черни»). Ясно очерчено только 12 лиц, дальше нарисовано более 50 шапок. Большинство шапок характерно для простонародья, так же как и одежды. В середине человек с длинной бородой в боярской одежде (корзно), но без шапки, явно руководящий действиями остальных.

[*3] Площадь эта находилась перед торговыми рядами. Поэтому Иван Грозный писал: «...и положиша на торжище, яко осуженника»[28].

[*4] Интересно отметить, что слова: «извлекше из церкви едва жива, и скончэша злою смертию, извлекоша из града привязана ужем» приписаны писцом рукописи позже. Позднее над строкой приписано было и слово «большие» (которое могло означать бояр) в фразе: «Москвичи, большие и черные люди, изымаша... Глинского»[29]. Это позволяет предполагать, что писец мог внести в текст отмеченные поправки после знакомства с миниатюрой Царственной книги.

[*5] Переписанный полууставом отрывок текста и особенно миниатюра позволяют уточнить понимание скорописной вставки и исправить ошибку в издании текста вставки во второй части XIII тома Полного собрания русских летописей. В полууставном тексте листа 683 написано: «положиша перед того кол, идеже казнят». Так напечатано это и на последней (532) странице второй части XIII тома ПСРЛ. Кол изображен и на рисунке. Значит, переписчик текста вставки и художник именно так поняли это место. Между тем С. Ф. Платонов, приготовивший рукопись к печати, прочел это место вставки иначе: «перед торгом...»[30]. Наблюдение над почерком, которым написана вставка, убеждает в ошибке С. Ф. Платонова. Приведенные слова написаны крайне нечетко в нижней строке вставки: чернила смазались и слова читаются с трудом. С. Ф. Платонов увидел в неясном значке над буквой «Г» слова «того» выносную букву «Р», так называемое, «рцы лежачее», игнорируя явно лишнюю при таком чтении текста букву «ъ». Однако «рцы лежачее» человек, писавший вставку, писал по-другому: головка буквы слева, хвостик слева направо. Именно такое «рцы лежачее» отчетливо видно в следующих словах той же вставки на листе 305: «Федор» (строки 11 и 12 сверху, справа), «черные» (строка 7 снизу, слева), «черным» (строка 6 снизу, слева). Так и принято было писать «рцы лежачее» в XVI ст.[31] В значке же, принятом С. Ф. Платоновым за «рцы лежачее», головка справа, а хвостик идет справа налево.

Миниатюра листа 683 об. должна была бы иллюстрировать текст: «Быша ж в совете сем протопоп благовещенской Федор Бармин, князь Федор Шюйской, князь Юрьи Темкин, Иван Петров Федоров, Григорей Юрьевичь Захарьин, Федор Нагой и инии мнози».

Однако содержание рисунка гораздо разнообразнее и богаче иллюстрируемого им текста. На миниатюре изображены не только лица, бывшие «в совете сем», но и царь с боярами, труп Глинского, народ и бояре подле трупа, причем эти сцены повторяют или дополняют содержание миниатюры листа 683.

Объясняется это тем, что иллюстрируемые слова как бы разрывают связный рассказ о ходе восстания и в значительной степени повторяют прежде написанное. В начале вставки уже были названы имена лиц, пустивших версию о поджоге Москвы Глинскими (протопоп Ф. Бармин, боярин Ф. Скопин-Шуйский, И. П. Федоров). В данном месте снова названы эти имена (и еще три имени), видимо, как имена лиц, которым царь приказал «сыскати» о причинах пожара и которые, приехав на Соборную площадь в Кремле, «наустиша чернь» на Глинских. Таким образом, художник попал в затруднительное положение: ему надо было снова изобразить тех бояр, которые явились, по словам вставки, зачинщиками восстания и, главное, изобразить их поступки, уже прежде изображенные.

Миниатюра листа 683 об. также вмещает несколько сцен. Подобно миниатюре листа 683, она обрамлена снизу Китайгородской стеной, сверху — главами Кремлевских соборов и верхами дворцовых зданий. Каждая сцена отделена от другой архитектурным оформлением, в которое удачно вставлены группы людей. Это придает миниатюре в целом большую выразительность и композиционную четкость и завершенность.

В правом верхнем углу — царь, в венце и парадной одежде, с меховым воротником. Он отдает распоряжение боярам, видимо, повелевает им расследовать причины пожара. Царь сидит, бояре стоят. Придворные окружают царя. Бояр много (нарисовано много шапок), так как у Макария в селе Новом, где начался разговор о поджоге Москвы Глинскими, была вся боярская дума. По тексту вставки Царственной книги об этом можно только догадываться («и бояре с ним»). Однако в опубликованном недавно М. Н. Тихомировым «Летописце» середины XVI ст. о России в годы малолетства Ивана Грозного уже прямо написано, что митрополит Макарий переехал после пожара в Новинский монастырь, и туда «князь великий и со всем бояры к нему на думу приезжщали»[32].

Хотя царь, по тексту, отдавал приказание боярам в митрополичьих покоях, он изображен в условном здании дворцового типа. Видны переходы здания и парадное крыльцо. Вероятно, и здесь, как на миниатюре листа 306, по традиции изображен знакомый художнику Кремлевский дворец, тем более что эта сцена, как и рисунок левее, обрамлены снизу общей для обеих частей рисунка Кремлевской стеной.

Слева главная сцена миниатюры — «совет» зачинщиков восстания. Во главе совета протопоп в характерном головном уборе. Ясно видно шесть лиц — попа и

пяти светских людей (из них двое в корзно). Именно шесть человек и поименовано в иллюстрируемом тексте. Шапками обозначены «инии мнози». Совещание передано типичной для миниатюр жестикуляцией. Оно происходило, видимо, на Соборной площади при выходе из дворца. Вдали видна церковная глава.

Нижняя часть рисунка повторяет и в какой-то мере продолжает тему нижней части миниатюры листа 683, но в рисунке листа 683 об. показано уже завершение действия, начатого на рисунке листа 683. Полуобнаженный труп Глинского уже лежит на площади между Кремлевской и Китайгородской стенами. Веревок не видно. Руки вытянуты вдоль тела. Голова трупа на бревне («кол, идеже казнят»), но бревно массивнее и большей длины, чем на рисунке листа 683.

Над трупом две группы людей, видимо, выходящих из двух открытых ворот Кремля. На переднем плане левой группы бояре в корзно (один из них — крайний слева — совсем еще юный). Бородатый боярин повелевающе указывает рукой. Человек без головного убора, в простой одежде, — на переднем плане правой группы — в ответ как бы разводит руками. Быть может, это иллюстрирует слова: «ркуще безумием своим»?

Таким образом, рассмотренные миниатюры позволяют детальнее понять летописный текст, а следовательно, отчетливее и подробнее наблюдать ход Московского восстания 1547 г. Изучение миниатюр листов 305—306, 683—683 об. Царственной книги помогает глубже уяснить, как представляли себе восстание современники, и их отношение к восстанию.

Понятно, что выбор сюжетов миниатюр Царственной книги и восприятие их в значительной степени были обусловлены летописным текстом и социально-политическими воззрениями, обязательными для правительственных летописцев и художников. Это находило воплощение в определенных литературно-художественных трафаретах. Тем интереснее отступления от этих трафаретов и от иллюстрируемого текста.

Московское восстание 1547 г. было массовым антифеодальным восстанием.

Массовость восстания отмечал в «Истории о великом князе Московском» Курбский: «возмущение велико всему народу», «убиен... князь Глинский от всего народа»[33]. Подчеркивание идеологом реакционного боярства Курбским народного характера восстания, его массовости можно, правда, объяснить и желанием опровергнуть обвинения Ивана Грозного в руководящем участии бояр в «убиении» Ю. В. Глинского.

Массовость восстания, его народный характер и известную степень организованности отмечают, однако, и цитированная Новгородская 4-я летопись и другие источники, отнюдь не проникнутые боярской тенденцией. В «Продолжении Хронографа редакции 1512 г.», составленном в середине XVI в., читаем: «москвичи черные люди, собрався вечьем, убили» Глинского[34].

В неопубликованном кратком летописце, написанном в середине XVI в., также сказано: «...был мятеж велик на Москве — убили миром боярина князя Юрья Васильевича Глинскаго»[35].

Крайне редко встречающиеся в письменных памятниках XVI — начала XVII в. слова «вече» и «мир» всегда употреблялись только по отношению к массовым и достаточно организованным действиям народа — «черных людей».

Поэтому «смятение людем московским» и напугало так господствующий класс феодалов. «Князь же великий... узрев множество людей, удивился и ужасеся», — характеризуют состояние царя Новгородская 4-я летопись[36]. С ужасом вспоминал о впечатлении, произведенном на него июньскими событиями 1547 г., и сам Иван Грозный в «писании» Стоглавому собору весной 1551 г.: «и отсего бо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя»[37].

Московское восстание 1547 г. было не единственным массовым проявлением народного недовольства в эти годы. Размах антифеодального движения в городе и в деревне заставил представителей различных прослоек класса феодалов — боярство, дворянство, церковных феодалов «от страху княже Юрьева Глиньского убийства» (как написано в той же Царственной книге)[38], прекратить взаимную вражду и временно сплотиться для проведения политики укрепления централизованного государства. Это привело постепенно к образованию нового правительства — так называемой «Избранной рады», осуществившей важнейшие преобразования конца 1540—1550 гг.

Как же отразили миниатюры Царственной книги массовый, народный характер Московского восстания 1547 г.?

В первоначальных миниатюрах (листы 305, 305 об., 306) самостоятельная роль народа в восстании выявлена достаточно откровенно. В этих миниатюрах «черные люди», в типичных для простонародья одеждах, главные действующие лица. Численность «черных людей» показана приемом изображения множества голов — шапок. В миниатюре листа 306 показана поддержка жителями «иных городов» восставших москвичей, перед которыми гостеприимно открывались городские ворота. Такое истолкование художником летописного текста обнаруживает его сочувствие восставшим.

Сложнее было положение художника, рисовавшего миниатюры листов 683 и 683 об., так как во вставке в Царственную книгу настойчиво подчеркивалось прежде всего руководство восстанием бояр. Именно бояре подстрекали к убийству Глинского («наустиша черни») или даже совершили его. Думается, что именно так можно понимать слова вставки: «они же взяша князя Юрья в церкви и убиша его в церкви», потому что следующее действие — «извлекоша» — непосредственно продолжает предыдущее и совершается одними и теми же людьми. От начала до конца бояре остаются руководителями восстания.

Понятно, что основная тенденция вставки — подчеркивание руководящей роли бояр в восстании — не могла не отразиться в миниатюрах, ее иллюстрировавших.

В верхней массовой сцене рисунка листа 683 бояре изображены на переднем плане: трое в типичных боярских одеждах в левой части рисунка, четверо — в правой. Двое из бояр тащат труп Глинского к Кремлевским воротам («и извлекоша...

на площадь»). Характерно для символики миниатюр движение пальцев рук двух бояр на фоне церкви в свободном от изображения голов пространстве над трупом. Это повелевающий и, одновременно, негодующий жест руководителя. На миниатюре листа 306 такое же движение пальцев у царя Ивана IV, повелевающего «имати и казнити» участников восстания.

В нижней массовой сцене рисунка на листе 683 тоже подчеркнута руководящая роль бояр. Бояре продолжают издевательство над трупом («положиша перед того кол, идеже казнят»). Это действие совершается теми же людьми, что и предыдущее. Боярин в корзно, но с обнаженной головой, изображенный в центре толпы, руководит действиями остальных людей и сам держит в руках веревку, с помощью которой «черные люди» тянут труп Глинского. Именно этот боярин указывает рукой на «кол, идеже казнят».

На миниатюре листа 683 об. центр всей композиции — «совет» бояр, зачинщиков восстания. Нижняя часть рисунка тематически продолжает нижнюю часть рисунка листа 683, в котором так четко выявлена руководящая роль бояр в «убиении» князя Глинского.

Таким образом, в миниатюрах листов 683 и 683 об., соответственно тенденции вставки в Царственную книгу и Первому посланию Ивана Грозного Курбскому, самостоятельная роль народа в восстании старательно затушевана. Народу отведена пассивная роль исполнителя боярских замыслов. Народ — толпа безумцев («ркуще безумием своим»), «художайших умом»[39], которых бояре «по недружбе наустиша» на царя и его родственников.

Художник, однако, отлично знал, что инициатором и главным действующим лицом в восстании был народ, что «черные люди», по словам той же вставки, «скопом» пошли к царю в Воробьево («приходиша многия люди чернь скопом ко государю в Воробьево») и нашли себе позже пристанище и, можно полагать, поддержку в «иных градах». Сопоставление подробностей рисунка с содержанием 4-й Новгородской летописи, сохранившей дополнительные сведения о восстании, свидетельствует о большой осведомленности художника Царственной книги об июньских событиях 1547 г.

И если художник вынужден был затушевать самостоятельную роль народа в восстании, то скрыть массовость движения он не сумел или даже не хотел.

Показ массовости восстания, деятельного участия в нем народа («многия люди чернь») достигается художником при помощи характерного для миниатюр приема — изображения множества голов. Человеческие фигуры, точнее головы, тесно заполняют все пространство и верхней и нижней части миниатюры листа 683. В других рисунках Царственной книги, даже в изображении битв, нет такого количества людей; это действительно массовые сцены. Массовая сцена изображена и на листе 683 об.

Следовательно, хотя художник и изобразил в миниатюрах листов 683 и 683 об., как ему подсказывал иллюстрируемый текст, руководящую роль бояр в восстании, но одновременно сумел выявить и массовость движения.

Таким образом, в рассмотренных миниатюрах наблюдается характерное для подобных произведений смешение двух идеологий — заказчика и мастера. Художник стоял, конечно, гораздо ближе к народу, чем заказчик. Он был ближайшим современником, если не очевидцем, восстания, и рисунки его привлекают нас и как свидетельство того, что сохранилось в памяти народа о Московском восстании.

Миниатюры Царственной книги — ценный источник по истории Московского восстания июня 1547 г. Подробности рисунков и особенно показ массовости народного движения помогают глубже понять летописный текст. Хотя сведения о народе в летописных миниатюрах подчас истолкованы тенденциозно, они не утрачивают от этого исторического интереса.

Изучение миниатюр Царственной книги расширяет наши представления о ходе и характере Московского восстания 1547 г.

В то же время изучение миниатюр Царственной книги, посвященных Московскому восстанию, расширяет наши представления и о миниатюре как историческом источнике вообще, о методах работы и общественном сознании художников-миниатюристов XVI столетия.

Примечания

[1] *Бахрушин С. В.* Классовая борьба в русских городах XVI — начала XVII вв. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. I. С. 206—210; *Смирнов И. И.* Московское восстание 1547 г. // ВИ. № 12. 1953. С. 105—113; *Шмидт.* С. 26—27; Очерки истории СССР, период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 283 и след. (статья А. А. Зимина).

[2] *Добролюбов Н. А.* О степени участия народности в развитии русской литературы; Очерк истории русской поэзии. А. Милюкова // Избранные философские сочинения. Т. I. 1945. С. 109.

[3] *Пресняков.* Царственная книга; *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1. С. CLXXIV—CLXXV. СПб., 1898; *Пресняков А. Е.* Московская историческая энциклопедия XVI века // ИОРЯС. Т. V. Кн. 3. 1900.

[4] *Пресняков.* Царственная книга. С. 10.

[5] *Буслаев Ф. И.* Для истории русской живописи XVI века. Исторические очерки. Т. II. СПб., 1861. С. 301—303.

[6] *Щепкин В. Н.* Два иллюстрированных сборника Исторического музея // Археологические известия и заметки, изд. Московским Археологическим об-вом. № 4. 1897. С. 112.

[7] *Арциховский.* Миниатюры. С. 4—5.

[8] ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 154.

[9] *Арциховский.* Миниатюры. С. 132.

[10] Там же. С. 131—132.

[11] Там же. С. 111—115.

[12] ПИГ. С. 36.

[13] *Буслаев Ф. И.* Указ. соч. С. 302.

[14] ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 2. С. 457.

[15] *Арциховский.* Миниатюры. С. 28.

[16] ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 2. С. 455.

[17] *Арциховский.* Миниатюры. С. 74.

[18] В круглых скобках помещены слова, зачеркнутые в рукописи, в квадратных скобках — буквы, пропущенные в ней.
[19] *Альшиц.* Иван Грозный и приписки. С. 271—272.
[20] ПИГ. С. 35.
[21] Там же. С. 36.
[22] Там же. С. 35.
[23] *Буслаев Ф. И.* Указ. соч. С. 312. Рис. 16.
[24] *Арциховский.* Миниатюры. С. 104.
[25] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 621.
[26] ПИГ. С. 35.
[27] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. С. 621.
[28] ПИГ. С. 28.
[29] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. С. 620. Примеч. 14; С. 621. Примеч. 2.
[30] ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 2. С. 456.
[31] См.: *Чаев Н. С., Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1947. С. 145
[32] *Тихомиров М. Н.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. // ИЗ. Т. 46. С. 288.
[33] Сочинения князя Курбского // РИБ. Т. XXXI. Стб. 168, 169.
[34] *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года // ИА. Т. VII. С. 292.
[35] Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Q. XVII, 22 (Сборник разных почерков). «Летописец написан из старых летописцев, что учинялося в Московском государстве и во всей Руской земле» (л. 771 об.).
[36] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. С. 621.
[37] Стоглав. СПб., 1863. С. 31.
[38] ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 2. С. 457.
[39] ПИГ. С. 36.

Памятные даты начала Московского царства*

16 января 1547 г. великого князя московского Ивана IV Васильевича торжественно венчали на царство. Он стал царем и великим князем всея Руси. В представлении современников понятия «государство» и «царство» как бы отождествлялись. При этом одновременно употребляли наименования «Российское царство» (или «Русское царство») и «Московское царство». Словоупотребление «Московское царство» прочно вошло в обиход современников у нас в стране и за рубежом (Россию часто именовали «Московией»), а затем публицистов и ученых позднейшего времени. Выражение «в эпоху московского царства» встречаем у В. И. Ленина[1].

В появившихся позднее публицистических памятниках и в дипломатической документации особое значение придавали венчанию на царство юноши Ивана IV. Ученые постарались установить исторические и литературные обоснования этого акта и рассмотреть реальные политические предпосылки его в событиях 1546 г. Наиболее велико значение в литературно-идеологическом обосновании венчания на царство «Сказания о князьях Владимирских», в котором повествуется о получении Владимиром Мономахом от византийского императора царских регалий. Часть «Сказания» послужила предисловием к чину венчания[2]. При оформлении его опирались и на сведения о церемонии в феврале 1498 г., когда внука Ивана III Дмитрия провозгласили великим князем московским и всея Руси и возложили на него «шапку Мономахову и бармы». Уже отца Ивана IV Василия III и даже Ивана III иногда именовали царями, но это употребление царского титула имело скорее украшающее, чем официальное значение[3]. Обязательное и широкое распространение царский титул государя всея Руси получил лишь в 1547 г. Венчание на царство имело важные последствия для утверждения российского «самодержавства». «Самодержец» — калька греческого слова «автократор». Слово «самодержавство» (или «самодержъство») использовали тогда и для характеристики власти государя, и как обозначение суверенности государства.

---

* Впервые опубл. в кн.: Проблемы изучения культурного наследия: Сб. в честь академика Д. С. Лихачева. М., 1985. С. 167—176.

Венчание на царство происходило в воскресенье в Успенском соборе Московского Кремля. Само место венчания — посреди собора, именно там, где благословляют архиереев («святителей ставят»), — должно было подчеркивать боговенчанность царей — «помазанников Божиих». Вряд ли случайно и то, что днем венчания избрали тот, когда отмечали церковный праздник Поклонения веригам апостола Петра. В честь этого апостола получил имя митрополит Петр, перенесший в начале XIV в. митрополичью кафедру в Москву и заложивший Успенский собор, ставший кафедральным собором главы русской церкви. Его считали объединителем земель вокруг Москвы, заступником московских князей; у его захоронения в Успенском соборе в день венчания была особая церковная служба. Процедура венчания на царство, в частности, чин венчания и его редакции, изучены еще в конце XIX — начале XX в.[4]; особое внимание обращалось на значение «Мономахова венца» и предания, связанные с его происхождением. Именно в нем видели символ царской власти и налагаемых на монарха обязанностей. Вспомним ставшую крылатой фразу из пушкинского «Бориса Годунова»: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!» Шапка Мономаха хранится ныне в Оружейной палате Музеев Московского Кремля. Выяснено, что этот выдающийся памятник прикладного искусства конца XIII — начала XIV в. был поновлен в XVI в.: к древнейшей части добавили навершие — крест с жемчужинами — и большие рубины и изумруды. Быть может, это было сделано именно накануне венчания Ивана IV?

Однако особо памятной исторической датой венчание на царство утвердилось в сознании отнюдь не сразу. Первоначально акт этот не выделяли среди других явлений государственной и придворной жизни. Из событий начального года Московского царства сразу же и надолго врезались в память не венчание на царство, а «великие пожары» в Москве — в апреле и особенно в июне — и массовое восстание в конце июня 1547 г.[5]

Убедиться в этом позволяют летописи, а также дипломатические документы. Летописи называли тогда «памятными книгами времени»[6]. Составляли их и в Москве (официальные и иные), и в других городах, в монастырях. В большинстве из них об акте венчания в январе 1547 г. написано сравнительно скупо (и нередко вместе со сведениями о царской свадьбе в феврале 1547 г.) или вовсе ничего не написано.

Это обнаруживается в «летописцах вкратце», в которых сведения общерусского значения обычно извлекались из более пространных летописей. Самый отбор упоминаемых в кратких летописчиках фактов показателен и помогает понять: что именно, когда и где оценивали как «памятные» события и по каким причинам и как изменялись представления об их историческом значении.

Любопытно, что в местных летописях, составленных людьми, видимо, неблагосклонно относившимися к централизаторским тенденциям московского правительства, — в Четвертой Новгородской[7], в Первой Псковской[8], в компилятивном Соловецком летописце[9], основанном на новгородских и псковских летописях, — о

венчании на царство написано почти в одинаковых выражениях. Там отмечается «благословение святого великого чудотворца» митрополита Петра, венчание «по древнему царскому чину», поставление на великое княжение Владимирское, Новгородское, Московское и «всеа Русии», наречение царем и великим князем и «самодержцем всеа Русии». Едва ли столь схожие тексты разных летописей не восходят к одному первоисточнику. Им мог быть текст послания митрополита Макария 1547 г. архиереям и в монастыри о венчании на царство, новом титуле государя (и, быть может, и о царской свадьбе).

Однако этот (или подобный) текст оказался неиспользованным в официальной Степенной книге царского родословия, составление которой было завершено в 1560-е годы. Лаконичность сообщения Степенной книги о венчании на царство буквально бросается в глаза. Для монументального стиля этого «пышного исторического сочинения», по наблюдению Д. С. Лихачева, характерно «многословное изложение». Задачей автора было «представить историю как государственный парад»; идеализируются и государи, и события[10]. Последняя, 17-я степень Степенной книги посвящена времени правления «благородного и боговенчанного царя и государя великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержьца». В этой степени 26 глав. Глава 8 имеет заголовок «О постановлении на царство и брак царя и великого князя». Но составители не выделили это событие особой летописной повестью и ограничились буквально несколькими словами. Об акте венчания написана одна фраза: «Доньдеже великий князь и царским веньцем веньчася рукою того преосвященнаго Макария митрополита всеа Русии». Не отмечена даже дата этого события, тогда как следующая же фраза начинается с указания на дату царской свадьбы. Упоминается о рождении трех сыновей и трех дочерей у Ивана IV и Анастасии[11]. Завершается эта кратчайшая из глав 17-й степени Степенной книги словами: «Прочее же речется в степени сей в главе»[1*].

Любопытно и то, что в так называемом Постниковском летописце середины XVI в., написанном в полумемуарной форме столичным дьяком Постником Губиным, о церемонии 16 января 1547 г. даже не упоминается. Между тем именно Постниковский летописец, как отметил впервые опубликовавший его М. Н. Тихомиров, поражает детальным знанием событий придворной жизни и уникальными известиями о том, что происходило как раз в 1546—1547 гг.[14] (в том числе о подготовке к царской свадьбе)[2*].

[1*] Возможно, впрочем, что это означает отсылку к главе более ранней хронологически, 4-й степени, где излагается легенда о дарах византийского императора киевскому великому князю[12]. Или здесь предполагалось изложить содержание соборной грамоты константинопольского патриарха 1561 г., утверждающей Ивана IV в царском сане (как это сделано было в позднем, так называемом Латухинском, списке Степенной книги, на текст которой ссылается Н. М. Карамзин[13]).

[2*] Правда, о содержании последних уцелевших листов Постниковского летописца следует говорить с осторожностью. Там оказались, как выяснил С. Е. Князьков, сшитыми не тетради,

В официальной летописи, составленной в 1550-е годы при царском дворе, в Летописце начала царства[15] и в восходящих к его тексту в этой части летописных сводах (в Никоновской, в Львовской летописях[16]) венчанию на царство уделено уже больше места. И это понятно, так как задачей этого необычайного размера летописца было восхвалить первого русского царя в духе «идеализирующего биографизма XVI века» (определение Д. С. Лихачева[17]) и «изобразить начало царствования Ивана как начало новой эры в мировой истории»[18]. «Описание чина венчания, — по словам Д. С. Лихачева, — напоминает текст церковного служебника. Весьма возможно, что в качестве составной части в описание вошло специально составленное на этот случай церемониальное руководство, причем при включении в Летописец будущее время изложения было переделано на прошедшее, но сохранились типичные для служебника заголовки: "Молитва", "Возглас", "И по молитве", "И по многолетии" и т. п. Текст служебника начинался, очевидно, после фразы "Венчание же на царство великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии по отеческому древнему преданию сицево". Составителю Летописца, по-видимому, принадлежит лишь вступительная часть, связывающая венчание на царство Грозного с преданием о мономаховых царских регалиях»[19]. Подробное изложение содержания документов, находившихся тогда в архивах — «хранилах» царских и митрополичьих, а иногда и включение полного текста таких документов в летопись — характерная черта официального летописания середины XVI в., особо отмеченная Д. С. Лихачевым[20].

Это описание венчания на царство Ивана IV близко — иногда даже текстуально — к описанию в официальной летописи венчания в 1498 г. внука Ивана III[21]. Чин венчания 1498 г. был, несомненно, использован при составлении церемониального руководства зимой 1546/47 г. (хотя сравнение летописных описаний обнаруживает заметные различия и в процедуре венчания, и в текстах произнесенных тогда слов)[22].

Но подробнее всего события воскресного дня 16 января 1547 г., последовательные моменты церемониального действия, так же как и обсуждение вопроса о венчании на царство еще в декабре 1546 г., отражены в Царственной книге — официальной лицевой летописи, составленной в конце царствования Ивана Грозного[23], причем и в тексте, и в миниатюрах[3*]. Лишь из Царственной книги (и ее копии — Александро-Невской летописи)[25] узнаем о совете Ивана IV с митрополитом 13 декабря 1546 г. не только о женитьбе (очень вероятно, что здесь — как и в других местах последней части лицевого свода — использованы сведения Постни-

а отдельные листы. Это допускает и предположение об утрате листа (или листов) с изложением как раз событий середины января 1547 г.

[3*] Царственная книга находится в Отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве (Синод. собр., № 149). Все миниатюры летописной повести «О венчании великого князя Ивана Васильевича всея Руси на царьство» (л. 281 об. — 291 рукописи) воспроизведены в книге Фр. Кемпфера[24], отдельные миниатюры — в других изданиях.

ковского летописца), но и о желании его «наперед» того «на царство, на великое княжение сести» и о подробностях церемонии 16 января 1547 г.: выходе Ивана IV в столовую брусяную избу дворца, об именах духовника государя Федора Бармина, конюшего князя М. В. Глинского[4*], казначеев Ивана Ивановича Третьякова и Федора Ивановича Сукина, дьяков Якова и Василия Григорьевичей Захаровых-Гнильевских, которым было доверено нести знаки царского достоинства из дворца в Успенский собор[28]. Следовательно, это было сразу же отмечено в разрядной записи церемонии венчания 1547 г.; но записи не сочли нужным использовать при составлении Летописца начала царства. К ним обратились более чем через 30 лет после событий января 1547 г. На особенности рассказа Царственной книги о венчании на царство обратил внимание уже автор первой монографии об этом памятнике А. Е. Пресняков, указавший и на пометы на рукописи («...да тут написать...», «...да тут же писать...»), свидетельствующие о том, что рассказ составлялся, а не только переписывался[29].

Таким образом, недостаточное выделение венчания на царство в 1547 г. из ряда других событий того же года в летописях, составленных в конце 1540 — 1560-х годах, очевидно. Быть может, это объясняется тем обстоятельством, что венчание царским венцом никак не связывали с каким-либо запоминающимся поступком лично Ивана IV — более того, во второй половине 1546 — первой половине 1547 г. не переставали говорить о недостойном поведении молодого государя, вызывавшем недовольство не только москвичей и нашедшем отражение в остропублицистическом памфлете, известном под названием «Выпись о втором браке Василия III»[30]. Имело значение, видимо, и то, что церемония 15 января 1547 г. происходила на сравнительно небольшой территории центральной части Московского Кремля, где, помимо окружения государя, не могло находиться много народу.

Принятие московским государем царского титула было осознано многими лишь с принятием Иваном IV после падения Казанского «царства» (ханства) титула и царя казанского, тем более что возвращение после победоносного похода в Москву в конце октября — начале ноября 1552 г. сопровождалось торжественными встречами при большом стечении народа: в Нижнем Новгороде, во Владимире, в Суздале, в Троице-Сергиевом монастыре, и эти встречи описываются в официальной летописи. Накануне «прихода царского к Москве» Иван IV ночевал в с. Тайнинском, где его встретили брат Юрий и остававшиеся в Москве бояре и «здравствовали государю на царстве на Казанском».

[4*] Дядя Ивана IV по матери — князь Михаил Васильевич Глинский — упомянут в конце описания венчания и в официальных летописях, составлявшихся в середине 1550-х годов и в той же Царственной книге. Он «мису за ним (Иваном IV. — *С. Ш.*) злату со златыми денгами носил» и осыпал его деньгами. Видимо, М. В. Глинский был 16 января главным церемониймейстером. Это — показатель его особого значения при дворе, вероятно, проявившегося еще тогда, когда летом 1546 г. казнили знатнейших бояр по доносу дьяка В. Г. Захарова-Гнильевского (также названного в Царственной книге)[26]. Курбский в «Истории о великом князе московском» писал, что именно М. В. Глинский «был всему злому начальник»[27].

В Москве (в районе нынешней ул. Сретенки) царь был торжественно встречен митрополитом, духовенством и боярами. Встречало царя такое «множество народу», что «поля не вмещааху их», и «по обе страны пути бесчисленно народа, старии и унии, великими гласы вопиющии; ничтоже ино слышати токмо: "много лета царю..."». Царь и митрополит произнесли речи, а затем митрополит «со всем народом» стали на колени («пред царем на землю падает»). «И тут» царь Иван «переменил» воинскую одежду и «положил царское одеяние», «на главу свою шапку Мономахову, сиречь венец царьской», и в этом одеянии «поиде пеш в град», т. е. в Кремль. В тексте официальной летописи особо выделены слова «О пременении царьской одежи»[31]. В «Казанской истории», несмотря на расхождение в деталях с летописями (как уже отметил Г. З. Кунцевич)[32], в описании встречи Ивана IV особо отмечено впечатление от одеяния его: «Бяше бо оболчен во весь царьский сан... в златная и сребряная одежа, и златыи венец на главе его с великим жемчюгом и камением драгим украшен, и царьская порфира о плещу его. И ничто же ино видети и у ногу его развее и злата и сребра и жемчюга и камения многоценнаго — и никто же таких вещей драгих нигде же когда виде, удивляют бо сия ум зрящим нам»[33].

8 ноября в честь победы «был стол» у царя в Грановитой палате. День 8 ноября, можно полагать, избран не случайно. Это день архистратига Михаила и архангелов. Архангел Михаил почитался как предводитель небесных сил, победитель сатаны[34]. Пировали три дня. Раздавали награды — вотчины, поместья, кормления, деньги, дорогие одежды, ткани и сосуды, коней, доспехи, оружие. Ни о чем подобном летописцы не сообщали ни ранее, ни позднее.

Торжественно и публично отпразднованная победа, одержанная под предводительством Ивана IV, сделала понятной присвоение государю нового, более высокого титула. Это было закреплено публичным торжественным «пременением царьской одежды» — вся Москва увидела государя в Мономаховом венце. Это отвечало широко распространенным представлениям об этикете поведения и склонности к конкретизации их. Д. С. Лихачев справедливо указывает, закончив характеристику описания венчания на царство в 1547 г. в Летописце начала царства: «Такой церемониальный интерес имеют статья "О пременении царской одежды", описание возвращения Грозного из Казани в Москву и т. д.»[35]

Понятно, что такой грандиозный триумф запомнился надолго. Тем более что напоминанием о нем стала заказанная для Ивана Грозного «шапка Казанская» — особая корона Казанского царства (также хранящаяся ныне в Оружейной палате). В описи архива Посольского приказа 1614 г. даже читаем о том, что в книгах, где приведены образцы титулования («начала») русских государей в грамотах, адресованных им «римским цесарем», и титулования русских государей в других грамотах, отправленных в «иные государства» или полученных оттуда, находилось и «венчанье» Ивана IV «на царство Московское в 64-м году»[36], т. е. в 1555/56 г.[5*]

[5*] Любопытно, что документальные материалы «поставления царского» 1547 г. были не в виде книги, а в виде «тетради». О такой тетради упоминает и опись Царского архива 1570-х

Быть может, в середине 1550-х годов произошло венчание Ивана IV с Казанской короной?

В русских посольских документах Ивана IV с 1550-х годов величают уже и царем казанским, а затем и астраханским, и отмечают, сколько лет он является царем каждого из царств: «А царство наших Российского... Казанского... Астраханского...» лет. (Датой получения титула российского царя признавали 1547 г., казанского царя — 1552 г., астраханского — 1554 г.) И в сношениях с другими государствами в обоснование прав Ивана IV на «титло царского имянованья» стали ссылаться не только на легенды, послужившие основой для чина венчания 1547 г., но и на то, что Иван IV стал еще и царем казанским и астраханским[6*], а «место "Казанское и Астраханское" извечно царьское»[40].

Вряд ли случайно и то, что рядом с новым царским моленным местом — «Мономаховым троном», установленным в Успенском соборе 1 сентября 1551 г., — позднее поместили другое программное для того времени произведение — грандиозную 4-метровую икону «Благословенно воинство Небесного Царя» (или «Церковь воинствующую»[41]). На деревянных стенках трона изображены барельефные композиции, иллюстрирующие «Сказание о князьях Владимирских», в клеймах дверных створок — строки этого текста. В иконе в аллегорической форме прославляются ратные подвиги войска Ивана IV на Волге: на иконе изображены три царские короны (российская, казанская, астраханская), которыми венчают царя ангелы.

Падение Казанского ханства произвело ошеломляющее впечатление на современников и осталось едва ли не самой запомнившейся славной датой истории России XVI столетия. «Казанское взятие» запечатлено во многих памятниках — словесных и изобразительных. В память об этой победе воздвигнут на Красной площади знаменитый Покровский собор (храм Василия Блаженного). В Летописце начала царства последовательно и настойчиво проводятся два основных положения: необходимость утверждения самодержавной власти и историческая обусловленность победы Российского государства над Казанским ханством. Как торжество «самодержавства» Ивана Грозного и «всемирная победа» охарактеризовано

годов (причем ее в июне 1571 г. взяли в Александрову слободу[37]), и, видимо, опись архива Посольского приказа 1626 г. В этой переплетенной (в «ырхе», т. е. в замше) тетради были «выписки из летописцев про великого князя Владимира Манамаха и чины поставления на великое княжество», «речи» — обращения Ивана IV к митрополиту Макарию и Макария к Ивану IV — и «венчание на царьство царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии от Макарья митрополита»[38], т. е., очевидно, тот самый церковный служебник, который был использован затем при составлении летописи.

[6*] Видимо, придавали значение и тому факту, что титулы российского царя и царя восточных царств оказались объединенными у наследственного государя, который одновременно являлся потомком (в пятом колене, т. е. праправнуком) и Дмитрия Донского — прославленного победителя на Куликовом поле — и Мамая (его крестившегося сына или внука признавали тогда родоначальником князей Глинских, из рода которых происходила мать Ивана IV Елена Васильевна)[39].

«Казанское взятие» в Казанском летописце (или «Казанской истории»), составленном, видимо, в середине 1560-х годов. Именно это событие стало одной из излюбленных тем народных исторических песен. В них обнаруживается ясная идея: только с завоеванием Казанского царства Иван IV стал царем: он взял у казанского «царя» «царскую корону и снял царскую порфиру; он царский костыль в руки принял. И в то время князь воцарился и насел на Московское царство». Тем более что царями принято было в то время — наряду с властителями, известными по Священному Писанию, государями древних монархий Средиземноморья и Ближнего Востока, государств Балканского полуострова в X—XIV вв. — после падения Византийской империи именовать официально только некоторых мусульманских государей — ханов Золотой Орды, позднее Казанского, Крымского, Астраханского, Сибирского ханств.

Подобное объяснение начала «царства» в России, видимо, крепко утвердилось. Его повторяли иностранцы: в конце XVI в. англичанин Джером Горсей, в начале XVII в. голландец Исаак Масса, основываясь, возможно, не только на бытовавших в России устных преданиях, но и на использовании этих фактов московским правительством в борьбе за признание титула русского государя[42]. И даже когда в 1667 г. в Испанию впервые прибыло русское посольство и переводчики царской грамоты спросили послов: «Что царь и самодержец разумеется?», им указали на два основания: первое — предание о присылке Владимиру Мономаху регалий византийского императора и второе — то, что при Иване Грозном были покорены Казанское, Астраханское и Сибирское царства и «по тем великим царствам и государствам» русский государь в грамотах «царем и самодержцем описуется»[43]. Немудрено, что основательно знакомый с документами архива Посольского приказа и порядками управления в России Григорий Котошихин примерно в то же время объяснял, что только с присоединением Казанского, Астраханского и Сибирского «царств» «учинился он, великий князь, над Московским государством, и над теми взятыми царствы, и над прежними княжествы царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии; и таковым обычаем в Российском земле началося царствование»[44]. Такое же объяснение находим и в так называемой Вологодской летописи, составленной в конце XVI — начале XVII в.[7*]

Таким образом, акт венчания на царство в январе 1547 г., столь удобный историкам и государствоведам для определения хронологических граней государственно-политической истории, сначала не был выделен социальной памятью из ряда других торжественных актов, происходивших в московской резиденции государя, и

[7*] Известие: «В лето 7055-го благоверный великий князь Иван Васильевич царьствия ради помазался на царьство» написано на полях со знаком вставки. Сообщение же о том, как Иван IV утвердился царем, связывалось со взятием Казани («В лето 7062-го. Царь великий князь Иван Васильевич всеа Русии Казань взял, и царя Гедигера взяли в полон октября в 2 день, и сам стал царем, и царя Семиона Бекбулатовича полонил же»). В рукописи на полях возле этого известия нарисована мужская голова в царской короне[45].

лишь закрепленный всенародно прославленной победой, утвердился как выдающаяся памятная дата. Даже в официальном летописании только к концу жизни Ивана Грозного сочли нужным и возможным подробно описать (в Царственной книге) и саму процедуру венчания на царство, и совещание, ему предшествовавшее, и устранить заголовок летописной статьи о «пременении царьской одежды» в 1552 г.

Наблюдения эти, думается, помогают конкретизации представлений об общественно-исторических воззрениях людей XVI столетия и понимании ими «памятных» событий, об изучавшемся Д. С. Лихачевым «летописном времени» и его внутренней и внешней «упорядоченности»[46] и связи с «эпическим временем».

Примечания

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153.
[2] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М., 1955. С. 49—53, 114—118, 154.
[3] *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 275 (Далее: *Вальденберг.* Древнерусские учения).
[4] Основная дореволюционная литература указана в кн.: *Савва.* Московские цари.
[5] *Шмидт.* Становление.
[6] ПСРЛ. Т. 13. С. 154.
[7] Там же. Т. 4. Вып. 3. С. 619.
[8] Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 112. (Далее: Псковские летописи.)
[9] *Тихомиров.* Летописание. С. 193—194. См. также: *Тихомиров.* Малоизвестные летописные памятники // ИА. 1951. Т. VII. С. 20.
[10] *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 135, 136; (Далее: *Лихачев Д. С.* Развитие.); *Лихачев Д. С.* Человек. С. 99.
[11] ПСРЛ. Т. 21. С. 634—635.
[12] Там же. С. 188.
[13] *Карамзин.* История. Т. VIII. Примеч. 163. О Латухинской степенной книге см.: *Васенко Пл.* Заметки к Латухинской степенной книге. СПб., 1902. Отд. оттиск.
[14] *Тихомиров.* Летописание. С. 168—173, 179—180; ПСРЛ. Т. 34. С. 28.
[15] ПСРЛ. Т. 29. С. 49—50.
[16] Там же. Т. 13. С. 150—151; Т. 20. С. 468—469.
[17] *Лихачев Д. С.* Человек. Гл. 6.
[18] *Он же.* Летописи. С. 364.
[19] Там же. С. 367—368.
[20] Там же. Гл. 19. Архивы и летопись.
[21] ПСРЛ. Т. 12. С. 246—248.
[22] *Вальденберг.* Древнерусские учения. С. 275 и сл.
[23] О времени составления Лицевого свода и последней его части — Царственной книги — см.: *Амосов А. А.* Из истории создания Лицевого свода: Организация работ по написанию и оформлению // Древнерусское искусство. М., 1983. С. 3; *Шмидт С. О.* К изучению // Там же. (В обеих статьях указана основная литература.) См. также: *Морозов В. В.* Царственная книга как памятник летописания XVI века: Автореф. дисс. ... канд. наук. М., 1979.(Далее: *Морозов.* Царственная книга.)
[24] *Kämpfer Fr.* Das russische Herrscherbild von den Anfangen bis Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978. S. 193—197.
[25] ПСРЛ. Т. 29. С. 149—150.

[26] *Шмидт*. Российское государство. С. 239—255.
[27] РИБ. Т. XXXI. Стб. 9.
[28] ПСРЛ. Т. 13. С. 451—453.
[29] *Пресняков*. Царственная книга. С. 13. Примеч. 22.
[30] См. о времени составления этого сочинения: *Тихомиров М. Н.* К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III // *Тихомиров*. Исторические связи. С. 78—82 (впервые статья опубликована в 1928 г.) (Далее: *Тихомиров*. Выпись.); *Он же*. Страница из жизни Ивана Пересветова // *Тихомиров*. Российское государство. С. 73; См. также: Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 402; *Шмидт*. Выпись.
[31] ПСРЛ. Т. 13. С. 222—228. С. 517—522; Т. 29. С. 111—116.
[32] *Кунцевич*. Казанский летописец. С. 494—495.
[33] Казанская история. С. 167.
[34] Об особом почитании архангела Михаила Иваном Грозным см.: *Лихачев Д.* С Канон и молитва ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 17—20.
[35] *Лихачев Д.* С. Летописи. С. 368.
[36] ОЦА. С. 115.
[37] Там же. С. 36.
[38] Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 209—210.
[39] Глинские // Рус. Биогр. словарь. Т. «Герберский — Гогенлоэ». М., 1916. С. 317; Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 157, 195.
[40] Сб. РИО. Т. 59. С. 437, 452.
[41] О наиболее вероятной датировке иконы см.: *Морозов В. В.* Геральдика на иконе «Благословенно воинство» // Советская археология. 1983. № 2.
[42] См.: *Шмидт С. О.* Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения. Политика. Дипломатия, XVI—XX вв. М., 1964. С. 538—539; *Он же*. Восточная политика Российского государства в середине XVI века и Казанская война // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары, 1977. С. 56—59.
[43] См.: *Савва*. Московские цари. С. 397.
[44] *Котошихин*. С. 1.
[45] ПСРЛ. Т. 37. С. 173.
[46] *Лихачев Д.С.* Поэтика. С. 263 и сл.

О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI века*

Еще Н. М. Карамзин, с именем которого связано утверждение в русском обществе многих исторических представлений, сформулировал положения о значении самодержавия в государственной истории России (при этом он опирался на традиции, восходящие, по крайней мере, к авторам первых научных трудов по Российской истории В. Н. Татищеву и М. В. Ломоносову). Постепенно ученые, мыслители — историки, юристы, социологи осознали, что история отнюдь не сводима преимущественно к истории развития государственности, и история России не есть только история Российского государства. Все больше внимания стали уделять социально-экономической и культурной истории, быту, общественному сознанию и действиям народа. Мысль о том, что государство — демиург истории, кажется теперь архаической. Но роль государственной власти в истории все равно воспринимается как очень значительная и в давние эпохи, и в близкое к нам время. И изучение ее продолжает привлекать умы ученых.

Становление самодержавия в России Карамзин относил ко времени правления Ивана III и счел важным охарактеризовать значение этого исторического явления и связь событий рубежа XV и XVI вв. с явлениями последующего времени — и особенно с преобразованием Петра I — уже в краткой «Записке о Древней и Новой России» 1811 г., предназначенной для императора Александра I. А в Предисловии к «Истории государства Российского», датированном декабрем 1815 г., написанном уже после завершения работы над томами этого грандиозного сочинения, посвященными истории России XV и значительной части XVI столетий, с большой убежденностью он пишет: «Одно государствование Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере, не знаю монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра...»[1]

---

* В основе статьи — доклад, апрель 1988 г., Международная конференция в Йельском университете (США). Впервые опубл.: Der Geschaftsgang in den russischen Zentralamtern der Zweiten Halfte des 16. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1992. Bd. 46. S. 65—86; на рус. яз. в кн.: *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 217—238.

Карамзин был человеком, мыслящим в значительной мере еще в «категориях» «Века просвещения», когда признавали главенствующей в истории роль личности правителя, особенно «просвещенного монарха». Но он в известной мере отступил от представлений о коренном преобразовании страны, — а, следовательно, и ее системы управления, — при Петре I распространенных в XVIII в. и в России, и за рубежом (достаточно напомнить о сочинении властителя умов той поры Вольтера «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand»). Во второй четверти XIX в., — когда настороженно задумывались о путях развития русской истории, о связи ее прошлого с настоящим и с будущим (особенно в плане социально-экономического прогресса), у всех на устах были слова Пушкина о Петре, который «уздой железной Россию поднял на дыбы», в гостиных и кабинетах, в журналах и на кафедрах спорили славянофилы и западники, — казалось бы, восторжествовала идея о коренном изменении (или искажении) в начале XVIII в. хода русской истории, которую делили на «допетровскую» и «послепетровскую». Одновременно распространились — даже в среде революционно настроенной общественности — мысли об особом пути истории России, отличающем ее уже тогда от истории стран Западной Европы, о том, что России, быть может, суждено миновать стадию, типичную для капиталистического развития других стран. Однако уже С. М. Соловьев — крупнейший русский историк третьей четверти XIX в., много сил положивший на возвеличение Петра I, признававший его царем-революционером, — показал подготовленность его преобразований предшествующим развитием России, обнаружив это и в системе организации государственного управления.

В настоящее время, благодаря освоению общесоциологических построений о характере и этапах развития общества и государства и многообразным трудам отечественных и зарубежных ученых[2] о России XV—XVIII вв., современная наука отказалась от представлений об исключительности пути развития российской государственности в эти столетия, от теории закрепощения и раскрепощения сословий (начиная с Манифеста о вольности дворянства 1762 г. до реформы 1861 г., освободившей крестьян от крепостной неволи) по воле самодержавной власти. Но проблема общего и особенного в развитии России и других стран в эти столетия остается во многом еще не освещенной и потому завлекательной для исследователей и требует детального сравнительного рассмотрения специалистами по истории разных стран и, в частности, по истории разных государственных учреждений — центрального и местного аппарата власти, сословно-представительных учреждений, истории делопроизводства и архивов.

Потому автор позволил себе выступить с близкими по тематике докладами на международных двусторонних конференциях ученых Франции и СССР в 1966 г. в Париже («Приказная администрация в Российском государстве периода становления абсолютизма»)[3], в Испании и СССР в 1985 г. в Москве («Бюрократия и делопроизводство Российского государства в конце XV — XVII вв.»)[4], в Швеции и СССР в 1986 г. в Москве («Центральный правительственный аппарат Рос-

сийского государства XVI—XVII вв.»)[5]. В определенной мере эта проблематика была затронута в коллективном докладе советских ученых «Абсолютизм в России и в странах Западной Европы: опыт сравнительного рассмотрения» на XVI Международном конгрессе историков в 1985 г.[6] К этим выступлениям примыкает по тематике и нынешний доклад, более конкретный по своему содержанию и ограниченный хронологическими рамками преимущественно второй половины, даже, точнее, третьей четверти XVI в. В своих выводах и наблюдениях опираюсь и на прежние свои труды конкретного содержания — о дьячестве, архивах XVI в., приказном делопроизводстве XVI—XVII вв., местничестве, Боярской думе, земских соборах и других, в которых имеется немало ссылок на литературу на русском и других языках[7].

В конце XV—XVI вв. примерно в течение столетия происходит процесс становления, а затем и укрепления Российского централизованного государства. Впрочем, вопрос о датировке этого процесса остается спорным в советской научной литературе. Некоторые полагают, что процесс этот уже завершился в годы правления Ивана III и Василия III, другие — в их ряду и автор доклада — усматривают продолжение этого процесса и в годы правления Ивана IV Грозного. Поскольку оформление централизованного государства в России, это — прежде всего — сложение единой системы центральных и местных правительственных учреждений, выполняющих административные, военные, судебные, финансовые и другие функции.

Проблема оформления централизованного государства в России смыкается с проблемой абсолютизма (особенно его возникновения). Более того, хронологическая грань, разделяющая эти процессы, не представляется достаточно четкой. В то же время проблема абсолютизма отнюдь не может сводиться только к сфере государственно-политической истории. Характеризуя эпоху абсолютизма, советские ученые особое внимание обращают на социально-экономический аспект проблемы.

Имеются разные точки зрения и о времени, к которому следует относить эпоху абсолютизма в России, и особенно о времени его становления. Многие ученые видят типичные для абсолютизма явления в середине XVII в. Истоки российского абсолютизма все чаще обнаруживают, однако, уже во второй половине XVI в., хотя правительственная политика абсолютистской направленности вплоть до рубежа XVII—XVIII вв., т. е. времени правления Петра I, проводилась неровно, с зигзагами и отклонениями.

Централизация, как известно, в большинстве случаев связана с капитализмом. В России же во главе процесса государственно-политической централизации находились не дворянство и буржуазия, а только различные слои класса феодалов-землевладельцев (светских и духовных), противоречия между которыми позволяли правительству вести политику балансирования, типичную для всех стран в период становления абсолютизма.

В России государственно-политическая централизация опережала экономическую, что и придало государственному устройству России периода абсолютизма

черты «централизованного деспотизма» (выражение К. Маркса)[8]. И деспотизм этот был пропитан «азиатским варварством» (что отмечено было передовыми русскими мыслителями XIX в. и В. И. Лениным) в государственном быту[9]. Уже рано имели место бюрократизация системы управления и делопроизводства, унификация норм права и финансовой системы. Без достаточно налаженной системы деятельности центральных и местных учреждений (включая выборные) и достаточно организованного и устойчивого управленческого аппарата государство (особенно такое, территория которого — и ранее достаточно обширная — за 125 лет, к концу XVI в., увеличилась более чем в 10 раз) не смогло бы осуществлять свои административные, военные, судебные, финансовые и другие функции. И система управления, определившаяся в третьей четверти XVI в., оказалась настолько крепкой и соответствующей широким представлениям о правопорядке, что выдержала даже испытания народных волнений, гражданской войны, интервенции соседних государств в начале XVII в., в период, который, вслед за современниками, историки иногда называют «смутным временем».

Высшим государственным органом признавали заседавшую Боярскую думу[10]. Она не имела самостоятельной, раздельной от монарха компетенции и была высшим законодательным органом и высшим органом управления страной и высшим судебным органом. Сам термин «Боярская дума» не встречается в источниках. Это — литературно-научное наименование того, что обозначали терминами «дума», «государев верх», «палата», «все бояре» и др. И, вероятно, точнее было бы назвать эту «думу» не Боярской, а «царской», тем более что утверждается принцип единогласия ее решений («одиночества»), а не решения большинством голосов.

В Боярскую думу был преобразован традиционный для Средних веков совет при государе типа «королевской курии». В конце XV в. состав ее был невелик; в нее входили ближние привилегированные слуги из числа исконных московских бояр. С оформлением централизованного государства увеличивается число думных людей и большее значение в Боярской думе приобретает титулованная знать — потомки утративших самостоятельность бывших удельных князей, общественное положение которых с тех пор определяется их местом на служебной лестнице при дворе и в войске московского государя.

Во второй половине XVI в. не только определились уже все четыре думных чина (бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки), но все более реальную силу в каждодневной деятельности Думы обретают думные дворяне («дворяне, что в избе живут») и особенно думные дьяки, основной обязанностью которых становилось делопроизводство Думы и связанных с ней учреждений. К думным людям относились также казначеи (ведавшие и государственной, и государевой казнами) и некоторые важные придворные чины.

К концу XV — началу XVI в. относится зарождение приказной системы управления. В середине XVI в. центральные правительственные учреждения по-

лучили наименование «приказов» (от слова «приказывать» — «поручать»). В них постепенно, со все большим отграничением дворцового (и личного, удельного) управления от общегосударственного, сосредоточивалось управление определенными отраслями правительственной деятельности или отдельными территориями. Управление тогда еще не отделилось от суда, и руководителей приказов называли судьями. У управляющего приказом обычно были «товарищи» (один-три человека), и управление считалось коллегиальным. Сами приказы находились в ведении царя и Боярской думы. Число их постепенно все увеличивается.

Важнейшими приказами признавали Разрядный, ведавший служебными назначениями и обороной государства, Посольский — ведавший организацией внешних сношений, и Поместный, в компетенцию которого входили вопросы феодального землевладения, суд по земельным спорам, описание земель. Деятельностью этих учреждений руководили думные дьяки, формально главой был сам царь (или Боярская дума в целом; и они воспринимались как отделы ее канцелярии). Во главе других приказов обычно стояли думные люди высокого ранга, но фактически все дела были в ведении дьяков.

Образовалась особая прослойка «приказных людей», важнейшими звеньями которой были дьяки и подьячие. Они, как правило, были неаристократического происхождения: часто из среды духовенства, купечества. Возвышение этих «писарей» было особо отмечено аристократами-публицистами середины XVI в. и вызывало ненависть и их, и «прирожденных» вотчинников. Влияние приказных людей было очень велико. Начальники центральных учреждений и правители на местах часто менялись и были мало осведомлены о системе делопроизводства, приказные же люди были более прочно связаны со своими должностями. Воеводы более занимались делами политическими, дьяки же осуществляли каждодневное конкретное руководство с уклоном в хозяйственные вопросы и ведали всей документацией (тем более, что воеводы не всегда были грамотными)[11]. И приказы (как и избы — «дьячьи избы» в городах) часто именовали в документах по имени этих приказных людей, так же, как и ящики с документацией в архивах учреждений. Постепенно приказные люди становились землевладельцами, роднились со знатью. Но лишь в начале XVII в. гражданская служба была признана такой же «честной», достойной потомственного дворянина, как военная. Дьяки напоминали французское «дворянство мантии» и успешно вытесняли «дворянство шпаги». Среди фамилий, возвысившихся к началу XVII в. и сильно разбогатевших, немало дьяческого происхождения[12].

Для приказного строя характерны не только определенные взаимосвязи и иерархия административных учреждений и должностных лиц, но и определенная система (и иерархия) делопроизводства, становящегося все более регламентированным.

В формировании «приказного строя» Российского государства особое значение имели преобразования середины XVI столетия, которые обычно связывают с

деятельностью правительства «Избранной рады», возглавлявшегося А. Ф. Адашевым. Политика опричнины не стала помехой в развитии «приказного строя», хотя виднейшие дьяки оказались жертвами террора царя Ивана — и в земщине, и в опричнине господствовали приказные порядки[13]. Знатоком и ревнителем их был и сам Иван Грозный, что нашло отражение и в его распоряжениях, касавшихся подчас даже деталей делопроизводства и судебных разбирательств, и в его сочинениях, где обнаруживается прямое воздействие деловой письменности[14].

В советской литературе послевоенных лет много сделано для изучения истории преобразований конца 1540-х — 1550-х годов[15]. Имеются по этой тематике и монографии обобщающего типа — И. И. Смирнова и А. А. Зимина. И. И. Смирнов писал о порядке законодательства. Опираясь на данные источников и наблюдения ученых еще XIX в., — прежде всего историков права — он отметил основные стадии, которые проходит вновь издаваемый закон: доклад царю, мотивирующий необходимость издания закона, и приговор царя, формулирующий норму, которая должна составить содержание нового закона. И. И. Смирнов подчеркнул, что самое составление закона и окончательная редакция текста производится в приказах, и здесь особенно велика роль казначеев и дьяков. Рассматривал И. И. Смирнов и практику «докладов» и выработки на их основании правительственных решений. Отметил и то, что московские юристы при составлении дополнительных статей к Судебнику обладали умением выделять из содержания уже изданных законов общие юридические нормы, а из постановлений те, которые носили временный, частный характер. Все это позволило сформулировать положение об особой роли приказного аппарата в законодательстве[16]. Книга А. А. Зимина[17] и его статьи близкой к ней тематики[18] изобилуют ценными источниковедческими конкретными наблюдениями, относящимися к кодификаторской деятельности тех лет и каждодневной практике работы приказов. Но в трудах И. И. Смирнова и А. А. Зимина, так же, как и в работах большинства других ученых, изучавших этот период истории, основное внимание уделяется характеристике социальных и государственно-политических аспектов реформ середины XVI в. Собственно историко-делопроизводственная и также — говоря современным языком — документоведческая стороны проблемы затронуты в них в меньшей степени.

Однако выявление данных о персональной деятельности многих служилых людей XVI в. и составление перечней их и источниковедческое исследование видов и разновидностей источников той поры — их происхождения, функционирования, текстологических особенностей списков — создают реальные условия для познания и истории развития делопроизводства в эти десятилетия. Мы знаем теперь намного больше, чем прежде, и об элите Российского государства (здесь значительны заслуги и зарубежных ученых Г. Алефа, Н. Коллман, А. М. Клеймола и др. при изучении XVI в., и Р. Крамми, Х.-И. Торке и др. для сравнительного изучения XVI и XVII вв.), в том числе как раз в третьей четверти XVI в. (работы А. А. Зимина, В. Д. Назарова. С. П. Мордовиной, А. Л. Станиславского и др.,

специально об опричном дворе В. Б. Кобрина). Существенно конкретизированы наши представления о дьяках (благодаря изданиям трудов В. И. Саввы. С. Б. Веселовского, А. А. Зимина и др.). Детально изучаются разрядные книги[19], родословные книги[20], указные книги приказов, опись Царского архива. Все большее внимание привлекают посольские книги (работы Л. А. Юзефовича, К. Расмуссена, Н. М. Рогожина и др.).

Уже в признаваемых классическими трудах А. С. Лаппо-Данилевского (первые десятилетия XX в.), в работах его учеников (А. И. Андреева. С. Н. Валка и др.), изучавших различные разновидности актов и особенности их составления, хранения, использования, выявились многие интересные факты каждодневной системы делопроизводства, причем в развитии ее и с учетом особенностей, типичных для разных регионов Российского государства. Детальное изучение актов, касающихся монастырских прав и привилегий. С. М. Каштановым — наиболее видным ныне советским специалистом по проблемам дипломатики — позволило представить ход этого развития в связи с конкретными обстоятельствами государственно-политической ситуации отдельных десятилетий или даже лет. С. М. Каштанов сумел показать, что составлению новых документов предшествовало знакомство с документами прежних лет, что все новации в формуляре были отнюдь не случайными, некоторые грамоты составлялись в несколько приемов, разными подьячими[21], т. е. углубились наши знания о самой процедуре составления документов. Выводы и наблюдения такого рода (имеющие, правда, подчас косвенное отношение к основной тематике тех или иных исследований) в трудах других ученых становятся также источником информации о развитии делопроизводства в Российском государстве XVI в. Поэтому допустимы уже соображения об этом и обобщающего характера.

Но при исследовании организации системы центрального государственного управления в России конца XV — начала XVII в. и его делопроизводства следует иметь в виду, по крайней мере, несколько затрудняющих такую работу обстоятельств.

Это — своеобразный конституционализм мышления, и, в частности, исторического мышления людей нового времени (от слова «constitutio» в смысле — «установление», «учреждение»), когда ожидаем объяснения тому или иному изменению или нововведению в государственной деятельности и делопроизводстве в соответствующем правительственном постановлении. Между тем в период до широковещательных государственных реформ начала XVIII в. и сопутствующих им многочисленных указов и письменных распоряжений Петра I (издаваемых и поныне в многотомной серии «Письма и бумаги Петра Великого») многие нововведения долго оставались официально не зафиксированными и, закрепившись как удобный обычай, лишь позднее приобретали статус законодательной нормы и получали соответствующее обоснование, и то не всегда. Это наблюдение распространяется даже на историю виднейших учреждений. Знаток приказной документации

С. А. Белокуров, нашедший выписку середины 1560-х годов о том, что в 57 (т. е. в 1548—1549) году «приказано посольское дело» И. Висковатому, отметил: «Нигде не сохранилось никакого акта об учреждении Посольского приказа, и нигде не изложены обязанности посольского дьяка и круг ведения Посольского приказа»[22]. И правильнее наиболее раннее упоминание учреждения или разновидности документа признавать не датой их зарождения, а временем, не позднее которого они появились.

Сложность для нас — людей нового времени — и в полисемии многих слов, приобретших терминологическое значение, в отсутствии единого понимания такого смысла этих слов и словосочетаний современниками, и необязательности до XVIII в. употребления стандартизированных определений не только в частной, но и в официальной документации. Наконец, деловой язык Руси XVI—XVII вв. изучается преимущественно по документам XVI в., что не позволяет пока более или менее точно — в пределах даже не только десятилетий XVI в., а вообще XVI и XVII вв. — датировать появление и особенно распространение (во времени и по местностям) тех или иных терминов делового языка, становление их как повторяющихся нормативов.

И самая главная трудность в построении возможных заключений по этому кругу вопросов — бедность источниковой базы. Значительная часть документов — даже известных нам по другим документам или упоминаниям в старинных архивных описях[23] — не сохранилась. Уцелели лишь остатки массивов приказной документации, а многие нарративные (повествовательные) памятники известны лишь в поздних списках, отличающихся терминологическими поновлениями. Особенно пагубными оказались для документов правительственных учреждений страшные московские пожары[24]. В 1547 г. выгорел Кремль и большая часть Москвы, и тем самым фактически не осталось документов, позволяющих проследить постепенность изменения и своеобразные черты в характере управления и в системе делопроизводства на протяжении времени от Судебника Ивана III 1497 г. до Судебника Ивана IV 1550 г. Упоминая о пожаре 1571 г., «в приход крымского царя», опричник Штаден пишет о гибели всех деловых документов — челобитий, (судных) списков, квитанций («die Musca vorbrante mit alien supplicationibus, regestern und quitanzien»)[25]. В пожар 1626 г. «во многих приказах многие государевы дела и многая государева казна погорела». «Громадное количество актов в московских архивах, существовавших еще до пожара 1626 г., переживших занятие Кремля поляками, сгорело в 1626 г. Этот год сделался своего рода памятной датой»[26], — справедливо утверждал в незавершенном, но насыщенном множеством конкретных наблюдений лекционном курсе о приказном делопроизводстве XVII в. М. Н. Тихомиров. 1626 год еще в середине XVII в. служил вехой в практической деятельности приказов XVII в., что отмечено в Соборном уложении 1649 г., где дела прежних лет разделены на те, которые «вершены до Московского большого пожару» и «после пожару вершены»[27].

Документы, конечно, погибали и от неумелого хранения, во время реорганизации управления, перемен в постановке делопроизводства. Документы внутренней политики сравнительно скоро утрачивали ценность: их описывали тогда небрежно или вовсе суммарно (даже в описи Царского архива 1570-х годов читаем при описании отдельных ящиков: «А в нем списки, рознь», «А в нем приказные дела», «А в нем списки розные и судные дела», «А в нем грамоты поручные» и т. п.), использовали в качестве черновиков, а, возможно, и уничтожали за ненадобностью.

Все это предопределяет осторожность в выводах об истории развития приказного делопроизводства в XVI столетии. Но ведь даже такой строгий историк-источниковед, как С. Б. Веселовский, на склоне своих лет заметил: «Не одним литераторам, но и историкам приходится восполнять воображением и догадками недостаток и пробелы исторических источников»[28].

При характеристике системы административного управления в Российском централизованном государстве часто — в трудах историков, правоведов, публицистов — употребляется термин «бюрократия». Термин этот имеет неоднозначное толкование в социологической литературе, особенно объясняющей явления истории последних столетий и нашу современность. И потому вполне допустимо сомнение профессора Х.-И. Торке в возможности применения этого термина в его нынешнем научном понимании для характеристики явлений российской истории до XVIII в.[29]

Термин «бюрократия» и производные от него распространены и в нашем расхожем языке. При этом обнаруживается тождественность его термину «бюрократизм», тоже понимаемому неоднозначно: и как определенная система управления, основанная на отрыве центров исполнительной власти от общества, и как канцелярщина, волокита, пренебрежение к делу ради соблюдения формальностей.

Термин «бюрократия», как и производные от него, вошли, по крайней мере, к началу нашего века в языковой обиход литературы о России XVI—XVII вв. Сошлюсь на примеры общеизвестной научно-популярной литературы и специальной литературы о приказной системе управления. А. Е. Пресняков — исследователь очень широкого круга интересов и одновременно мастер научной популяризации — в книге 1918 г. «Московское царство» пишет о «развитии бюрократии слуг московского государства» и об «окончательном торжестве приказно-бюрократического строя всего управления» в XVII в.[30] А. К. Леонтьев — автор обобщающего труда о приказах в XVI в. — констатируя, что во второй половине XVI в. «приказное управление охватывает все отрасли государственного управления», замечает, что в конце XV в. было положено «начало образованию дворянской чиновничьей бюрократии»[31]. А вышедшая в конце 1987 г. монография Н. Ф. Демидовой называется «Служилая бюрократия в России XVI в. и ее роль в формировании абсолютизма». В данном докладе термин «бюрократия» понимается в его буквальном смысле слова — как «господство канцелярии».

Такое господство канцелярии в системе центрального государственного управления явно обнаруживается по известным нам источникам второй половины

XVI в. Об этом пишут — причем употребляя именно знакомые им термины «канцелярия», «канцлеры» — иностранные наблюдатели (немец Штаден, итальянец Барберини, датчанин Ульфельд и др.). Канцеляриями они называли «приказы» (а термин «приказ» в значении правительственного учреждения тогда уже стал постоянным в русском языке). Канцеляриями называют приказы и современные зарубежные ученые (например, Л. Берри и Р. Крамми в словаре русских терминов, сопровождающем издание сочинений англичан о России XVI в.)[32].

Господство канцелярии возможно лишь при условии наличия определенной признанной законом системы административного управления, определенных должностных лиц, занятых в сфере этого управления (причем именно такая деятельность является основной для них), и определенной системы делопроизводства, с которой связана деятельность этих должностных лиц, что подразумевает выработку и определенных правил составления, хранения и учета, обращения и использования документов. Люди, оказавшиеся в этой сфере государственно-общественных отношений (или, точнее выразиться, допущенные туда) и овладевшие соответствующими правилами делопроизводства, приобретают отличия, выделяющие их не только в обществе, но даже в среде его правящей верхушки, и обычно с дальнейшим развитием аппарата государственного управления и сопутствующего ему бумаготворчества, занимают фактически (хотя первоначально и не юридически) все более привилегированное положение в общественной иерархии, приобретают все более реальную власть над многими другими людьми.

В словаре русского языка С. И. Ожегова «делопроизводство» определено как «ведение канцелярских дел». То же читаем в четырехтомном издании «Словаря русского языка» (последнее издание 1985 г.). Составители же словаря архивных терминов дают более развернутое определение: совокупность работ по документированию (т. е. созданию документов) управленческой деятельности учреждений и по организации документов в них. (В немецком языке обозначается термином «Schriftgutverwaltung».)[33]

Но не все документы — как верно отмечает Б. Г. Литвак[34] — рождались и рождаются в канцеляриях. «Делопроизводственная документация» — понятие историческое. Потребность в документировании первоначально удовлетворяется без помощи «канцелярии», т. е. органа, специально предназначенного для производства документов. Такой орган появляется тогда, как общество не может нормально жить, точнее сказать, функционировать, без фиксации обыденного в его жизни, а не только чего-то исключительного, меняющего привычный порядок. Все это происходит обычно в период образования централизованного государства. В это время в России и складывается приказная система управления (в центре и на местах), являющаяся основой формирования в нашей стране приказного делопроизводства, и делопроизводственная документация становится постепенно массовой документацией. С возникновением канцелярского делопроизводства как системы оно, подобно всякой другой системе, не только «обслуживает», но и «самообслуживает-

ся». И необходимость выполнения государственно-управленческих нужд сразу же приводит к резкому увеличению числа лиц, занятых именно в делопроизводстве — к формированию общественной прослойки чиновничества и, соответственно, иерархии внутри ее.

Герберштейн — гуманистически образованный имперский посол в России в 1517 и 1526 гг., оставив долго признававшееся образцовым описание «Московии», включавшее и передачу содержания Судебника 1497 г., не имел, видимо, еще оснований писать о приказном строе. А через несколько десятилетий человек иного культурного уровня, но близко знакомый с каждодневным ходом правительственного управления, немец-опричник Штаден счел важным в сочинении, предназначенном тоже прежде всего читателям Империи, детально описать деятельность «канцелярий» («Kanzleien» — именно так переводят русский термин «приказ») и порядок их делопроизводства. Он указывает, что во всех приказах дела — и малые и большие — записывались в книги. Отмечая наличие в каждом приказе дьяков и подьячих — помощников дьяков, в числе 20, 30, 40, 50, Штаден характеризует и самый порядок их письмоводческой деятельности. «Подьячие переписывали грамоты набело. Дьяк брал грамоту в левую руку и под числом писал свое имя мелким шрифтом. Потом он оборачивал грамоту и писал во всех местах, где приходились составы, так, что половинки букв были на обоих концах бумаги. Если даже клей держался недостаточно крепко, никто не мог подделать грамоты и не мог приписать к ней что-нибудь. Так скреплялась грамота. Потом наверху на обратной стороне на первой склейке грамоты дьяк писал от себя титул великого князя крупными буквами так, чтобы каждый мог видеть...»[35] Составленное через сто лет еще более детальное описание подьячим Котошихиным сферы деятельности приказов и порядков приказного делопроизводства мало чем отличается от описания Штадена[36].

В третьей четверти XVI в. уже был основной набор разновидностей правительственной документации, характерный для делопроизводства Российского государства XVI—XVII вв. Отличительные черты видов и разновидностей этих документов отмечены в учебных пособиях по источниковедению — в пособиях обобщающего типа[37] и специальной тематики[38], опирающихся на издания документов (в том числе серийные, начиная с предпринимавшихся Археографической комиссией в 1830-х годах) и архивные разыскания. Однако в наименовании современниками таких документов не было еще четкости и устойчивости, да и своеобразие формы даже в XVI в. подчас зависело от уровня подготовки составителя их (письмоводческого опыта и привычек). В аспекте же данной работы следует подчеркнуть, что именно со второй половины XVI в. прослеживаются закрепление наименований и особенностей формуляра разновидностей такой документации, характерные и для последующего времени приемы составления таких документов и основы документооборота (т. е. движения документов с момента их создания или получения и до завершения исполнения или отправки), формы хранения, учета и описания делопроизводственной документации.

К середине XVI в. документация правительственных учреждений была уже достаточно многообразной, и в учреждениях этих образовались архивы такой документации, причем к архивным «делам» обращались для справок и копирования.

Массив документации правительственных учреждений по основному содержанию и целевому назначению условно можно разделить на законодательные материалы («уложения», в том числе судебники, указные книги и грамоты, отдельные приговоры), предназначенные для долгого делопроизводственного обращения, и материалы текущего делопроизводства.

Чаще всего приказы издавали от имени царя — указы, являвшиеся формой решения по какой-либо деловой бумаге — отписке (докладной должностного лица), памяти (документу информации между учреждениями) или челобитной (обращению в вышестоящую инстанцию). Распространены были и наказы, инструкции должностным лицам, доклады-записки с изложением существа дела, а часто и обоснованием решения по этому делу. Эти и другие формы делопроизводственной деятельности (отраженные в соответствующей делопроизводственной документации) способствовали формированию основ административного законодательства, определяющего компетенцию, структуру и порядок деятельности органов управления и регламентирующего отношения между государством и подданными в управленчески-административной сфере[39].

Судебник 1550 г., как известно, пополнялся новыми постановлениями. Кроме того, в соответствии со статьей 98 Судебника 1550 г., определявшей порядок дальнейшей кодификации правовых норм, в отдельных приказах дополняли текст Судебника царскими указами и боярскими приговорами, касавшимися сферы деятельности этого учреждения. Так оформлялись постепенно указные книги приказов (где указы обычно располагались в хронологической последовательности) и уставные книги (с указами, переработанными в единый свод). Древнейшие из известных нам указных книг — в ведомстве казначеев и Разбойной избы — начали составляться в середине 1550-х годов. Это были, по существу, списки с «приговорных памятей», присылаемых дьяками[40].

Среди документов текущего делопроизводства можно условно вычленить (в научных целях) те, которые относятся к текущему управлению: судебно-следственные материалы, финансово-учетные материалы, материалы, связанные с организацией службы (военной и придворной), с организацией внешних сношений. К некоторым из таких документов (прежде всего к посольским делам) могли, конечно, обращаться и в течение длительного времени.

Важно отметить, что в Судебнике 1550 г. появились новые — по сравнению с Судебником 1497 г. — положения: о порядке составления и хранения документов, в частности, судных списков, о наказании за подделку документов — «подписку» (статья 59). Особенно интересна в этом плане статья 28: указывалось на необходимость документирования судебного процесса («дьяку исцовы и ответчиковы речи велети записати перед собою»), так же, как и слова свидетелей («или и чем ся

пошлют на послушество»). Устанавливалась процедура составления столбца «дела»; при этом дьяк «по ставам руки прикладывал» «к тем жалобницам и к делом. Составленный дьяком в ходе рассмотрения «дела» список переписывался подьячим «с черна начисто», сверялся дьяком («дьяку те все дела справити самому») и удостоверялся им («да к тем делом дьяку руку свою приложить»). «Дела» эти дьяк обязан был держать у себя «за своею печатью»: подьячим запрещалось держать дела у себя, и наказывали их за это не только торговой казнью (т. е. били публично кнутом), но и предписывалось их «выкинута из подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти». Статья 29 определяет оформление протокола судебного заседания. Записи делал дьяк. Истцам и ответчикам текста не показывали, но оговаривалась возможность обращения к ним для уточнения записи. С окончательным текстом знакомились только судьи[41]. В других статьях Судебника 1550 г. — указания на правила оформления документов (с «боярской печатью», «дьячьей подписью»).

Среди указов 1550-х годов — указ 1558 г., который царь «приказал бояром своим словом», чтоб присылали в Москву не самих свидетелей по разбираемому делу, а записи их показаний: велено губным старостам — «каковы они списки пришлют за своими руками, и за печатми, и за обыскных людей руками и по тем спискам и управа чинити, как в тех списках будет написано»[42]. Тем самым подразумевается уже и достаточный уровень развития делопроизводства на местах[1*]. Это нашло отражение в Судебнике 1589 г., предназначенном для суда среди крестьянства северных черносошных областей. Там и в краткой, и в пространной редакциях среди начальных статей — такие, в которых предусматривается наказание дьяку, который «список нарядит и дело запишет не по суду, не так, как у истца или у ответчика речи были, посулу для, и запишет без боярского или без судецкого ведома и веления»[44]. А в пространной редакции написано (в статье 5) и о наказании подьячего, который «запишет дело не по делу для посула без диячья приказу»[45]. Даже в далеких северных районах со второй половины XVI в. некоторые акты все чаще расширяются и специальными записями лиц, взявших грамоты на сохранение, с обязательством выдачи документов заинтересованным сторонам; а к ссылкам на акты прежнего времени добавляются, как правило, ссылки на писцовые книги (иногда и пространные)[46].

Общепринятым становится порядок составления деловых бумаг. Характерные формы бумажного делопроизводства — грамоты-столбцы («столпы»), тетради, книги (в приказной практике — в четвертку). Разрозненные (или не подходящие под эти формы) материалы объединялись в «связки», «свертки», иногда с надписями «рознь», «всякая рознь». Наиболее распространенной формой деловой доку-

[1*] Колоритные детали ведения судопроизводства в Москве и судебной волокиты и злоупотреблений и данные о написании документов, предназначенных для присылки в Москву, находим в грамоте 1558 г. царя Ивана IV земским судьям в Двинскую землю[43].

ментации было столбцовое делопроизводство. По мнению М. Н. Тихомирова, начало его в Московской Руси ведет еще к XVI в., к традиции, характерной для восточных (мусульманских) правителей[47]. Внешний признак столбца — соединение, склейка отдельных документов (подлинников и копий) в «дело» в виде свитка[2*]. Документы писали на листах бумаги, разрезанных пополам, и, тем самым, длина полос была больше, чем ширина. Места склеек, а также составные части бумажной ленты называли «сставами» (т. е. составами, связями), и столбцы могли достигать нескольких метров. Писали обычно с одной стороны листа, что давало возможность хранить столбцы в свернутом виде. Оборотная сторона служила для «рукоприкладства» лиц, привлеченных к рассмотрению дела, указаний адресов, по которым шла переписка, помет.

Писали обычно не на столе, а на коленях (чернильница висела часто на шее, в старинных чернильницах с обеих сторон — ушки для шнурка). Писали очень быстро, и каждый писец старался выработать свой довольно однообразный каллиграфический стиль. А пометы, напротив, отличались трудночитаемым почерком, еще В. О. Ключевский заметил, что дьяки «писали так для большей важности»[49]. Выработался и порядок составления бумаг — с обязательной правкой черновика более высокопоставленными подьячими или дьяками, скреплявшими затем беловик своей подписью по сставам на чистой стороне бумаги — «припись». Подпись нередко (в виде отдельных букв) повторялась и кончалась на лицевой стороне последнего листа под основным текстом.

Многочисленные пометы на документах середины XVI в. — и чистовых, и черновых — показывают, что они были в постоянном обращении и выработались даже более или менее стандартизированные приемы включения новых данных, изменения («почернения») прежних, отсылок к другим документам. Это прослеживается и по Тетради дворовой 1550-х годов, и другим документам подобного назначения, и по справочно-описательным — например, по черновой описи Царского архива, составленной в середине 1570-х годов.

Обычно при составлении нового документа повторяющегося содержания — писцовой книги, десятни, описи архива и др. — использовали старый список, внося в него изменения. К документам прежних лет обращались и как к образцам при составлении совсем нового документа. Устойчиво вошел в практику обычай не только написания дубликатов документов (один — с подписью официального лица — направлялся адресату, другой оставался в архиве учреждения-отправителя), но и копийных книг.

Устанавливаются определенные нормы хранения, систематизации и описания документов правительственных учреждений (с учетом опыта дворцовых велико-

---

[2*] Столбцы нечасто публикуются полностью, но о содержании их, последовательности документов в «деле» можно узнать из описаний документов, особенно из книг «Описания документов и бумаг» Московского архива Министерства юстиции (МАМЮ), издававшихся в конце XIX — начале XX в.[48]

княжеских учреждений и деловодства монастырей). Документы находились либо в помещении самого учреждения — в «палатах» его (в середине 1560-х годов построили каменное здание приказов в Московском Кремле), в особой «казенке» (от слова «казна»), в подвале, либо в каменных церквах. Это спасло часть подобной документации, так же, как и официальные летописи, от пожаров. Судя по старинным описям архивов и указаниям на местонахождение документов в различных учреждениях, документы хранились в «ларях», «сундуках», а внутри них в «ящиках», «коробьях», «мешочках». Текущая документация находилась на полках приказов в помещении приказа. Группы дел, связанных с деятельностью определенных приказных людей, обычно сосредоточивались вместе. И такие ящики, связки (как и описи дел) называли часто по имени дьяка, или даже писали это имя на ящике или обложке дел. Вместилища документальных материалов нумеровали. Стали нумеровать и сами документы (причем тетради нумеровали в определенном месте — на заглавном листе на середине правого края и в правом верхнем углу первого листа текста), и эти номера затем переносили в описи.

Описи были и краткие, и подробные — даже в «книгах» (т. е. в нескольких сшитых вместе тетрадях), иногда только с указаниями названий (или числа) дел, а иногда и с характеристикой содержания дела (особенно в столбце, где подклеивались друг к другу разнообразные документы), сведениями о том, «вершено» оно или «не вершено», о пометах, степени сохранности. Описи составляли не только тогда, когда прежняя опись ветшала и оказывалась неудобной для пользования из-за множества исправлений, приписок, помет о выдаче или перемещении документов, но и в связи со сменой руководства в учреждении или какой-либо административной реформой.

Была уже достаточно отлаженная система хранения и учета, а также и использования документации. Известны примеры очень оперативного нахождения, копирования, составления резюме документа по требованию царя или думных дьяков времени Ивана Грозного[50].

Это обусловлено было и унификацией (а, зачастую, и совершенствованием структуры различных видов «дел», что облегчало и выявление нужных частей столбцов или книг и описание их. Такое явление можно проследить, рассматривая разные группы документации, даже столь сложные документальные комплексы, как судебно-следственные «дела», объединявшие иногда в одном столбце документы явно разнородные. Ибо во вступлении ко всем «судным спискам» указывались факты и дата начала судопроизводства, состав суда, место суда (когда суд был вызван земельной тяжбой, то мог происходить на спорном месте, из-за которого и возникла тяжба), тяжущиеся стороны.

Обрывки судебно-следственных дел XVI в. — особенно при сопоставительном рассмотрении их вместе с уцелевшими делами конца XVI — начала XVII в. (в том числе знаменитого дела о смерти в Угличе в 1591 г. мальчика-царевича Дмитрия, вызвавшего немалую научную литературу) — показывают механику не

только составления таких дел (с выписками законов, на основании которых выносится приговор), использования следствия и суда в политических целях и саму практику судопроизводства, но и свидетельствуют о заметной степени точности в записи «распросных речей» («в распросе сказал») и особенно «пыточных речей». Уцелел отрывок протокола допроса Иваном Грозным в застенке русских пленников, возвратившихся из Крыма в 1574 г. — жуткий памятник произвола, показатель болезненной злобной подозрительности и жестокости царя. Царь велел «пытати — огнем жещи, чтоб правду сказали», и, спрашивая: «Хто именем бояр наших нам изменяет?», стал называть самых приближенных к нему лиц[51]. Такие документы становятся ценнейшими источниками и по истории социальной психологии, разговорного языка. Вообще возможный спектр интересов ученых при обращении к судебно-следственным материалам очень широк[52].

По крайней мере, не позднее середины XVI в. принята уже была определенная структура такой сложного состава разновидности судебных дел, как местнические. Обязательными их частями были копии из разрядных книг и других документов, и такое копирование — по требованию властей или по желанию местников — стало обычной практикой. Следили за точностью копии и выявляли факты недобросовестного отношения дьяков и подьячих к поиску и копированию документов. (Примеры в напечатанных еще в середине XIX в. местнических делах, в исследованиях А. И. Макревича и других[53], в недавних работах Ю. Н. Мельникова о местничестве в 1580-е годы).

Постоянной становится с 1560-х годов и форма посольского отчета в виде статейных списков, т. е. составленных по разделам-«статьям», обычно выделяемым абзацами. Они включали наказ послам и отчет о посольстве, часто и тексты важнейших документов — посольских грамот, переписки. Отчет состоял обычно из последовательных ответов по всем пунктам наказа («про что проведано и про что не проведано») и дневниковых записей о пути посольства, встрече и приеме послов, ходе и результатах дипломатических переговоров[54]. За период с конца XV в. по 1605 г. сохранились 93 книги по взаимоотношениям с 13 странами[55].

Вырабатывается и система составления справочных книг в Посольском приказе — известна такая книга («Выписка») с аннотациями данных о сношениях Российского и Польско-Литовского государств 1573 г. (Сейчас готовится ее издание — совместно Археографической комиссии АН СССР и РГАДА.)

В конце XV—XVI вв. интенсивно формируется дипломатическая лексика. Это прослеживается по отрывкам из посольских дел, приведенным в труде В. И. Саввы о Посольском приказе XVI в. (Первая его часть издана была еще в 1917 г., а вторая, где сосредоточен материал о дьяках и подьячих у посольского дела, лишь в 1983 г.[3*]) Много дает систематизация материала из различных источ-

[3*] Разрозненные листы этой рукописи обнаружены были в личном фонде ученого в Киеве (об этом см.: *Шмидт С. О.* От редактора). К изданию приложены указатели — именной, географической, учреждений, охватывающие издания и 1917, и 1983 гг.[56]

ников (позволяющая сопоставить эти данные с цитатами из посольских дел) в книгах Ф. П. Сергеева о распространенной на Руси в XI—XVII вв. терминологии дипломатической и международного права[57]. Совершенствуются наименования дипломатических агентов путем образования терминологических словосочетаний, например: посланец — великий, скорый; гонец — легкий, скорый, нарочный. Дипломатическая терминология пополнялась за счет развития терминированных значений и у некоторых общенародных и книжных слов (двор, запись, зацепка, обычай, очи — «быть на очех», память, письма, покой — мирный договор, поминок, посланец, посланник, разговор, сторона, честь и др.).

Для судопроизводства и вообще правовых норм, организации службы и земельных и денежных пожалований, системы налогообложения характерна в середине XVI в. тенденция к единообразию, отраженная в Судебнике 1550 г., постановлениях земских соборов рубежа 1540—1550-х годов, уложениях и указах 1550-х годов. Такое единообразие до Уложения 1649 г. не во всем было достигнуто (это показано еще в труде С. Б. Веселовского о сошном письме), но стремление к нему очень заметно в правительственной деятельности тех лет.

Формирование разновидностей определенных правительственных документов приводило к распространению устоявшихся оборотов приказного языка, становившихся постепенно все более характерными и для документов, написанных в монастырях или во владениях светских феодалов.

Благодаря усилившейся тенденции стандартизации делопроизводства при составлении документов определенных разновидностей, вырабатываются трафареты формуляров и отдельных языковых выражений. С. Б. Веселовский в лекциях 1939 г. о методике научных исследований (изданных посмертно) приводит набор таких примеров (бродить «меж двор» — слеза, которую подпускали в челобитную; платить помещику «по старине» или «чем о них изоброчит»; «до тех мест, как поместье писцы и мерщики опишут и измерят и учинят за ним (помещикам) пашню по государеву указу») в послушных грамотах[58].

Составленный С. А. Левиной при издании в 1960 г. описи Царского архива XVI в. и описи архива Посольского приказа 1614 г.[59] предметно-терминологический указатель к обеим рукописям позволяет выяснить, наименования каких разновидностей документации укоренились уже в русском языке в третьей четверти XVI в., какие распространились в последующие десятилетия. Здесь помогает ознакомление с еще более подробной описью архива Посольского приказа 1626 г., опубликованной В.И. Гальцовым и сопровожденной также подробным предметно-терминологическим указателем[60]. (Приятно сообщить также, что в издательстве находится и подготовленная к печати В. И. Гальцовым самая пространная опись архива Посольского приказа XVII в. — опись 1673 г., также с тремя указателями[4*].) В издании 1978 г. описи Царского архива XVI в. с комментариями

[4*] Опись архива Посольского приказа 1673 года / Подгот. к печати В. И. Гальцов; Под ред. С. О. Шмидта // Памятники отечественной истории. М., 1990. Вып. 4. Ч. 1, 2.

А. А. Зимина содержится характеристика некоторых терминов, обозначавших в XVI в. наименования различных документов[61].

Следует, видимо, предпринять попытку уточнить время, если не появления, то распространения тех или иных терминов и словесных оборотов языка деловой письменности и определить возможное влияние в этих случаях авторской индивидуальности. Предварительное условие — расположение всех документов (указов, различных актов, посольских, судебно-следственных, местнических дел, разрядных записей и др.) в хронологической последовательности. Для периода правления Ивана Грозного это сделать уже можно, так как основной массив источников выявлен в хранилищах и надеяться на значительное число находок ранее неизвестных документов не приходится.

Такие открытия, вернее всего, могут быть сделаны в документах более нового времени (в копиях — в столбцах и копийных книгах[62], а иногда и в подлинниках) или в старинных описях документов. Возможно и обнаружение напечатанных ранее — а ныне утраченных — документов в губернских и епархиальных ведомостях, в ставших редкостью местных изданиях и копий документов в архивах редакций изданий, личных фондах ученых. В плане изучения историко-делопроизводственного аспекта проблемы как следует не рассматривались серийные издания актов (в частности, в томах таких изданий послевоенных лет, как «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», «Акты Русского государства», хотя в комментариях И. А. Голубцова и других немало интересных наблюдений и такого плана). Не привлекались опять-таки именно в таком плане и публикация актов С. А. Шумаковым на рубеже XIX и XX в., приложения к трудам Н. П. Лихачева и других знатоков архивного материала, обильные цитаты из первоисточников в книгах В. И. Саввы. С. Б. Веселовского, П. А. Садикова и других исследователей, изучавших — прямо или косвенно — государственный строй России XVI в.

Конечно, это надо делать, сопоставляя с данными в трудах, посвященных деловой письменности Руси XV—XVII вв. (Б. А. Ларина и др.), с цитатами из источников, включенными в тома «Словаря русского языка XI—XVII веков» и других словарей. (Но при этом следует иметь в виду неполноту Словаря сравнительно с материалами словарных картотек, создававшихся под научным руководством наших выдающихся филологов[63].)

Деловая письменность сыграла значительную роль в формировании русского языка XVI—XVII вв., в литературе середины XVI в., охарактеризованной Д. С. Лихачевым как литература «государственного устроения»[64]. Дьяки писали не только делопроизводственные документы, но и другие сочинения — в частности, воспоминания — тоже, как отметил М. Н. Тихомиров (исследуя записки Постника Губина), «типичным деловым языком XVI в., столь характерным для посольских документов этого времени», а описывая военные действия, Губин употребляет «обычную терминологию разрядных документов»[65].

Дьяки не оставались и за пределами движения общественной мысли, распространившегося в России с конца XV в. Этому способствовала и близость дьяков с посадскими людьми и с духовенством, так как образованность была в ту пору привилегией прежде всего духовного сословия. Особенно же велика роль дьячества в оформлении официальной идеологии российского «самодержавства». Думные дворяне и думные дьяки идеологически обосновывали важнейшие законодательные акты и внешнеполитические решения.

Характер делопроизводства — важный датирующий признак этапов образования и развития централизованного государства. Выявленные пока данные свидетельствуют об интенсивном формообразовании важных видов документации и самого документооборота в середине XVI в.

Совпадение во времени составления сводной Разрядной книги, сводной Родословной книги, указных книг приказов, сводной описи документов Царского архива («Хранил царских») — не дошедших до нас книг дьяка И. М. Висковатого — явно неслучайно. Неслучайно и совпадение по времени всех этих делопроизводственных мероприятий с составлением сводной официальной летописи и Макарьевских Четьи-Миней. И очевидно и то, что эти явления следует рассматривать не только в плане государственно-политической истории (развития централизаторских тенденций и российского «самодержавства»), но и истории культуры.

Примечания

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1988. Т. 1. С. X. (Репринтное воспроизведение пятого издания.)

[2] См. об этом в кн.: *Kampfer Fr., Stokl* C. Rulland an der Schwelle zur Neuzeit. Das Moskauer Zartum unter Ivan IV Groznyi. Stuttgart, 1988. См. также: *Coehrke* C. Entwicklungslinien und Schwerpunkte der Westlichen Rußlandsmedievistik // Essays in Honor of A. A. Zimin. Columbus; Ohio, 1985. P. 167—186.

[3] Об этом см.: Новая и новейшая история. 1966. № 6. С. 176.

[4] Об этом см.: ВИ. 1986. № 1. С. 148.

[5] Об этом см.: Новая и новейшая история. 1987. № 1. С. 148.

[6] *Schmidt S. O., Cutnova E. V., Islamov T. M.* Absolutism in Russia and the West European Countries: A Comparative Study// Rapports XVI Congres international les sciences historiques. Stuttgart, du 25 acfmt a 1-er septembre 1985. Stuttgart, 1985. F. 2. P. 431—432; *Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. М.* Абсолютизм в странах Западной Европы и в России: опыт сравнит, рассмотрения // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 42—58.

[7] Шмидт Сигурд Оттович: Библиогр. указатель / Сост. Л. И. Шохин. Отв. ред. В. А. Муравьев. Предисл. акад. Д. С. Лихачева. М.: МГИАИ, 1987. (Далее: Шмидт: Библиогр. Указатель.)

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 405.

[9] См. об этом: *Шмидт.* Становление. С. 272—273.

[10] О Боярской думе см.: *Шмидт.* Российское государство. С. 90 и сл. (Приведены данные и по историографии вопроса.)

[11] *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. Казань, 1982. С. 44—47.

[12] *Шмидт С. О.* О дьячестве в России середины XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 181—190. *Schmidt S. O.* Les diaks dans la Russie de la seconde moitie la XVI siècle // Histoire sociale, sensibilités collectives et mentalités. Mélanges Robert Mandrou. Paris, 1985. P. 551—560].

[13] Это выяснено еще П. А. Садиковым (*Садиков.* Очерки.)

[14] *Шмидт С. О.* Заметки о языке посланий Ивана Грозного // ТОДРЛ. 1958. Т. XIV. С. 258.

[15] *Свак Д.* Советская историография реформ середины XVI в. Ч. 1 // Annales universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio historica. Budapest, 1985. T. XXIV.

[16] *Смирнов И. И.* Очерки. Гл. 4. Законодательный процесс.

[17] *Зимин.* Реформы.

[18] См.: Список печатных трудов А. А. Зимина // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 274—284; Библиография трудов А. А. Зимина // Essays in Honor of A. A. Zimin. Columbus; Ohio, 1985. P. 59—88.

[19] *Буганов.* Разрядные книги. Разрядные книги в последние годы публикуются Институтом истории СССР АН СССР (см. в библиогр. списке трудов В. И. Буганова // АЕ за 1988 год).

[20] *Бычкова М. А.* Родословные книги XVI—XVII вв. М., 1975.

[21] *Каштанов.* Очерки. С. 195 и др.

[22] *Белокуров.* Посольский приказ. М., 1906. С. 26.

[23] См. об этом: *Амосов А. А.* Архивная опись как источник информации об утраченных актах // СА. 1975. № 1.

[24] *Шмидт.* Становление. С. 9, 15, 82, 312.

[25] *Staden H.* Aufzeichungen über den Moskauer Staat / Hgb. von Frepstein. Hamburg, 1964. S. 49.

[26] *Тихомиров.* Российское государство. С. 350.

[27] Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. Гл. XVII. Ст. 55. См. также: Гл. XI. Ст. 1, 2; Гл. XVI. Ст. 35.

[28] *Веселовский С. Б.* О драматической повести «Иван Грозный» А. Н. Толстого // АЕ за 1988 год. М, 1989.

[29] *Torke H. J.* Gab es in Moskauer Reich des 17. Jahrhunderts eine Barokratie? // Forschungen zur osteuropaische Geschichte. Berlin, 1986. Bd. 38.

[30] *Пресняков.* Московское царство. С. 109, 112.

[31] *Леонтьев.* Приказы. С. 196, 197.

[32] Rude and Barbare Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers / Ed. by E. Lloid Betti and O. Robert Crummey, 1968 (Glossary and Index of Russian Terms).

[33] Словарь архивной терминологии социалистических стран. М., 1982. Вып. 1. С. 55.

[34] *Литвак Б. Г.* О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII—XIX вв. (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 48—49.

[35] *Штаден.* С. 83, 84. См. также: *Черепнин.* Палеография. С. 290, 343, 353.

[36] *Kotosixin Crigorij.* О Rossii v sarstvovanie Alekseja Mihailovica // Text and commentary A. A. Pennington. Oxford, 1980.

[37] Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973; 2-е изд. М., 1981.

[38] *Шмидт С. О., Князьков С. Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв. М.: МГИАИ, 1985. С. О. Шмидтом написан текст пособия. С. Е. Князьковым подготовлены документальные приложения — «образцы» дел. В этом издании указана основная литература.

[39] Развитие русского права в XV — первой половине XVII вв. / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1986. Гл. 2, 3 (Формирование основ административного права).

[40] ПРП. Вып. 4. С. 353—355, 544.
[41] Судебники. С. 149, 214; Российское законодательство X—XX веков. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 140, 141; *Илюшенко М. П., Кузнецова Т. В.* Формуляр документа. М.: МГИАИ, 1986. С. 6—7.
[42] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л., 1986. С. 50-51.
[43] Неизвестные документы XVI века / Подг. к печати С. О. Шмидт // ИА. 1961. № 4. С. 153 154.
[44] Судебники. С. 351—352, 374.
[45] Там же. С. 374.
[46] *Копанев А. И.* Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // ВИД. Л., 1974. Вып. IV. С. 142.
[47] *Тихомиров.* Российское государство. С. 358.
[48] Ныне эти документы хранятся в РГАДА.
[49] *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1959. Т. 6. С. 237.
[50] *Шмидт.* Российское государство. Ч. 1. «Хранила царские».
[51] Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма / Сообщ. С. К. Богоявленский // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. Смесь. С. 26—33.
[52] *Князьков С. Е.* Приемы использования и изучения судебно-следственных материалов XVI—XVII вв. в отечественной историографии // Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода. М.: ИИ СССР, 1979.
[53] *Шмидт.* Становление. Раздел III. Местничество и абсолютизм (постановка вопроса).
[54] *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...» М., 1988.
[55] Подробнее см.: *Рогожин Н. М.* К вопросу о публикации посольских книг конца XV — начала XVII в. // АЕ за 1979 год. М., 1981; *Он же.* К вопросу о сохранности посольских книг конца XV — начала XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М.: ИИ СССР, 1988.
[56] Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справочник / Сост. В. И. Савва. М., 1983.
[57] *Сергеев Ф. П.* Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. Кишинев, 1971; *Он же.* Русская терминология международного права XV—XVII вв. Кишинев, 1972.
[58] *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 219, 232.
[59] ОЦА.
[60] Опись архива посольского приказа 1626 года / Подгот. к печати. В. И. Гальцов. М., 1977. Ч. 1, 2.
[61] *Зимин.* Архив.
[62] Особое значение для историка копийных книг показано в: *Черепнин.* Архивы.
[63] См. об этих материалах: *Семериков А. В.* Из истории академической словарной картотеки // Лингвистические источники. Фонды Ин-та русского языка. М., 1967.
[64] Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 5.
[65] *Тихомиров.* Летописание. С. 173.

О «Выписке из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским в 1487—1572 гг.*

«Выписка из посольских книг» о сношениях Российского и Польско-Литовского государств в конце XV — XVI вв. — уникальный памятник истории дипломатических отношений обоих государств и российского делопроизводства времени Ивана Грозного.

Это пока единственный известный документ подобной разновидности. Возможно, что схожего типа сводные справочники составлялись в Посольском приказе о сношениях и с другими государствами и не дошли до нас: сгорели в пожаре, погибли в «смутное время» начала XVII в., когда для увоза за рубеж заинтересованно отбирались документы лишь о сношениях с Польско-Литовским государством. Но не исключено, что задачу составления такого рода книги-выписки поставили применительно к документам взаимоотношений только между этими государствами в связи с кончиной короля Сигизмунда II Августа, когда российский государь возымел намерение вмешаться в борьбу за его престол. Могли быть причины и не государственно-политического порядка — в пожар 1571 г. пострадали кремлевские хранилища документов, и могла возникнуть потребность иметь сводного типа справочник, опирающийся на сохранившуюся (или учтенную прежде) документацию.

«Выписка» имеет особую ценность для историка как источник сведений о характере взаимоотношений Российского и Польско-Литовского государств на протяжении восьмидесяти лет с 1487 г. — и притом в хронологической последовательности и для изучения биографий определенных лиц, в той или иной мере причастных к этому, «Выписка» — источник и по истории внешней политики, и по организации внешних сношений и правительственного делопроизводства. Это помогает уяснить: кто участвовал в дипломатических переговорах и на каком основании (зависело ли это от занимаемой должности, степени приближения к государю,

---

* Впервые опубл. в кн.: «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487—1578 гг. М.; Варшава, 1997. С. 7—11 (От редактора).

личного опыта ведения дипломатических переговоров), была ли «специализация» на переговорах с представителями определенных государств (теперь, после издания в 1983 г. и второй части монографии В. И. Саввы[1] о лицах, причастных к посольскому делу в XVI в., сопровожденной именным и географическими указателями, имеется возможность это проследить).

«Выписка» — первостепенной важности источник и по истории архивного дела, а также канцелярского делопроизводства. Работу по ее подготовке можно рассматривать во взаимосвязи с деятельностью составителей описей главного государственного архива (Царского, затем Посольского). К такого рода документам, можно полагать, обращались составители описей архива Посольского приказа в XVI в. — ведь о самой ранней описи Царского архива мы знаем только по упоминаниям в описях последующего времени.

Документ типа публикуемой «Выписки» облегчал работу составителей официальной летописи и ее редактора. Возникает задача сравнительного изучения данных об упоминаемых фактах истории дипломатии в российских источниках разных видов (описи архивных документов, летописи и др.) и в зарубежных свидетельствах (возможно, что это нашло отражение и в дневниковых записях и воспоминаниях).

«Выписка» является своего рода путеводителем по посольским книгам сношений России с Великим княжеством Литовским и Польшей. А в случае несохранности такой книги позволяет предполагать, какие события могли быть там отражены и имена их участников. А сопоставление с информацией известных нам посольских книг (они все изданы) показывает, что из их содержания находит отражение в Выписке и какие данные не считали нужным приводить в документации подобного назначения. Можно полагать — и это отмечено в статье готовившего рукопись к печати Б. Н. Морозова — что обязательными были указания на даты посольства и на те лица, от которых выступали иностранные представители, на имена и должности участников переговоров, документы (грамоты, записи посольских речей), на основании которых объясняли задачи посольства и излагали содержание переговоров. Особое внимание уделяли всему, что относилось к территориальным пограничным делам (и в этом плане «Выписка» должна вызвать интерес и как источник по исторической географии). Большое значение неизменно придавали данным о титуловании российского государя, о церемониале приема иностранных представителей, их обслуживании. Видимо, такие сведения учитывались не только ведомством внешних сношений (с середины XVI в. Посольским приказом), но и Разрядным приказом; они могли быть использованы и в местнических спорах.

Однако сличение с текстом самих посольских книг убеждает в том, что информация о дипломатических переговорах и о содержании документации собственно внешних сношений краткая, скупая на детали. В ней меньше, чем в посольских книгах, подробностей, представляющих самостоятельный интерес для изучающих историю внутренней политики, общественного сознания, делового языка. А немало подобных данных извлечено уже исследователями именно из польско-литовских

посольских книг, на основе которых составлена «Выписка» — и о спорах по поводу царского титула[2], и об отношении в России и за рубежом к бегству князя А. М. Курбского[3], и об организации делопроизводства в Боярской думе и в других правительственных учреждениях[4], о посольских обычаях[5] и о лексике деловой письменности (в частности, о дипломатической терминологии[6], проникновении полонизмов в русский язык), не говоря уже о том, что непосредственно относится к истории внешней политики.

Существенны для историка и пометы, сделанные в период пребывания рукописи «Выписки» в Польше, — свидетельства интереса к такой документации и отраженным в ней явлениям и в последующее время. Пометы эти специально изучены доктором И. Гралей — сотрудником Варшавского Университета (его монография «Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в.» издана в Москве в 1994 г.).

О «Выписке» уже приходилось в той или иной мере упоминать — в докладе на VII Международном конгрессе славистов в Варшаве в 1973 г., в книге 1984 г. «Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного», в учебном пособии о приказном делопроизводстве, в статьях и о Российском государстве XVI в., и о деятельности Археографической комиссии, где запланирована была подготовка рукописи к печати и обсуждались принципы ее публикации. На «Выписку» обращено внимание и в трудах моих учеников — в диссертации покойного Э. Банёниса, В. И. Гальцова, Л. А. Юзефовича.

На подготовку издания «Выписки» совместно Археографической комиссией и Российским государственным архивом древних актов, где хранится рукопись, указывалось в докладе на международной конференции в Йельском университете (США) в 1988 г., ставшем основой статьи, напечатанной в 1992 г. в Берлине, а затем как раздел книги 1996 г. «У истоков российского абсолютизма»[7]. Благодаря помощи польских коллег теперь обеспечено осуществление этого замысла. Археографическая комиссия глубоко им признательна.

«Выписка» — памятник и посольского, и собственно архивного делопроизводства, и потому ее издание в рамках нынешней программы[8] — кооперации РГАДА, Исторического института Варшавского университета и Археографической комиссии РАН — является продолжением традиции совместных публикаций источников.

Примечания

[1] *Савва В. И.* О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917; Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. Справочник / Сост. В. И. Савва; Подгот. к печ. В. Ю. Афиани, С. А. Морозов; Под ред. и с предисл. С. О. Шмидта. М., 1983.

[2] См.: *Савва В. И.* Московские цари; труды М. А. Дьяконова, В. Е. Вальденберга и др.

[3] См.: *Шмидт С. О.* Русские книги посольских сношений с Польско-Литовским государством конца XV — XVI в. как памятник по истории общественно-политической мысли и культуры // VII Miedzynarodowy Kongres slawistow w Warszawie. 1973: Streszczenia Referatòw i Komunikatòw. Warszawa. 1973. P. 1038—1039; *Он же.* Об адресатах Первого послания Ивана Грозного князю Курбскому // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976; *Он же.* Посольские книги Российского государства XV—XVI столетий как памятники истории и культуры // *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 448—456.

[4] *Лихачев Н. П.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевина. СПб., 1903; *Богатырев С. Н.* Грамоты Боярской думы XVI века в документах Посольского приказа // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1991 и др.

[5] *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется». Русский посольский обычай конца XV — начала XVII вв. М., 1988.

[6] *Сергеев Ф. П.* Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. Кишинев, 1971; *Он же.* Формирование русского дипломатического языка. XI—XVII вв. Львов, 1978.

[7] *Smidt S. O.* Der Geschäftsgang in den russischen Zentralämtern der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 50. Berlin, 1992. S. 83; *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 460.

[8] Отметим ее преемственность с программой совместного издания описей Посольского приказа: Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. к печ. В. И. Гальцов; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977; Опись архива Посольского приказа 1673 года / Подг. к печ. В. И. Гальцов; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990.

Сигурд Оттович Шмидт

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОЗНАНИЯ РОССИИ

Том 1
Допетровская Русь

Книга 1

Издатель А. Кошелев

Корректор Е. Зуевская
Оригинал-макет изготовлен А. Камкиным
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Художник-консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 07.12.2006. Формат 60x90 $^1/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Baskerville.
Усл. печ. л. 30. Тираж 1000. Заказ № 2144

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Phone: **207-86-93** E-mail: **Lrc@comtv.ru**
Site: **http://www.lrc-press.ru**

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424002, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112